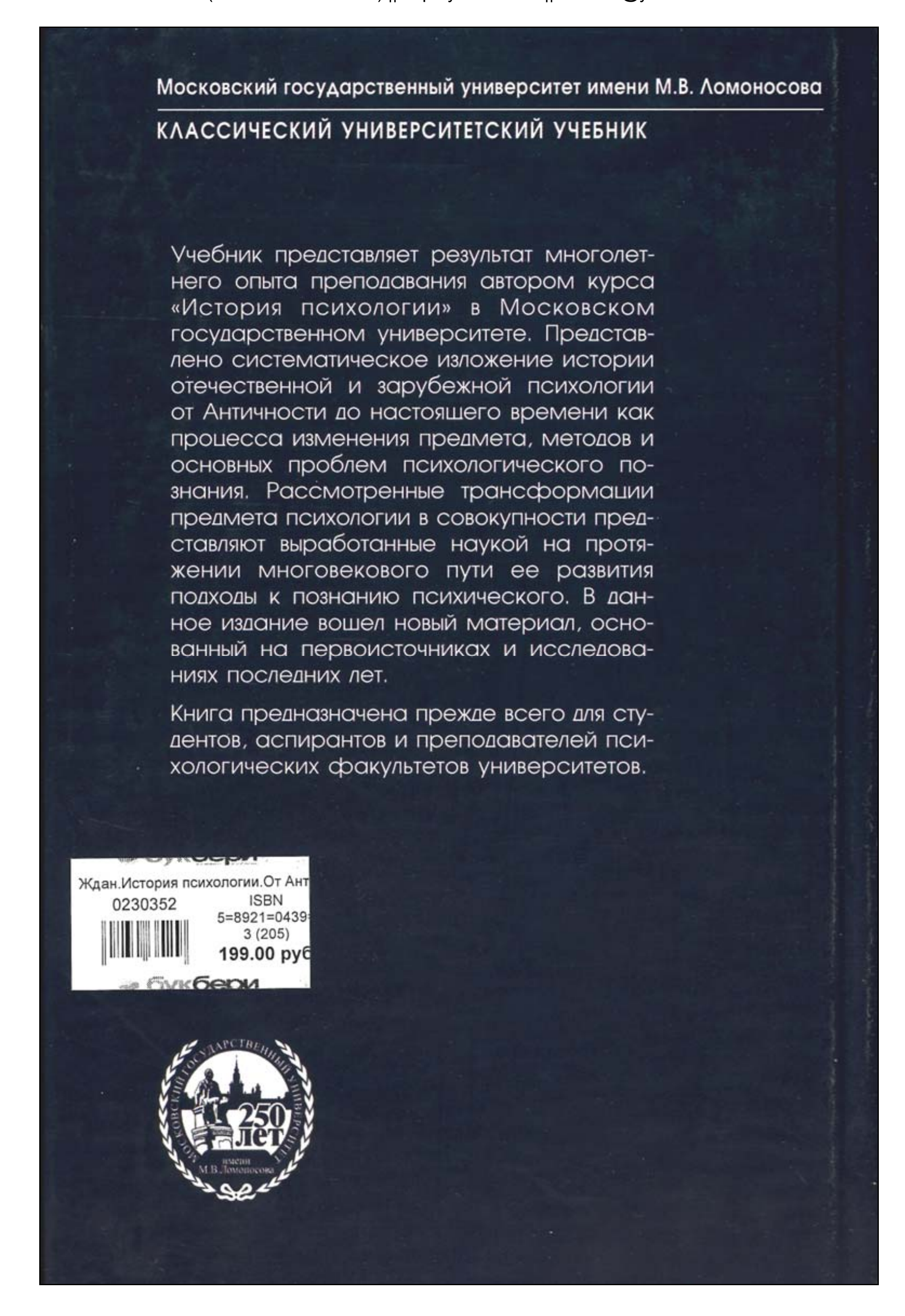

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УЧЕБНИК

А.Н.Ждан

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

от Античности до наших дней

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УЧЕБНИК

Учебник представляет результат многолетнего опыта преподавания автором курса «История психологии» в Московском государственном университете. Представлено систематическое изложение истории отечественной и зарубежной психологии от Античности до настоящего времени как процесса изменения предмета, методов и основных проблем психологического познания. Рассмотренные трансформации предмета психологии в совокупности представляют выработанные наукой на протяжении многовекового пути ее развития подходы к познанию психического. В данное издание вошел новый материал, основанный на первоисточниках и исследованиях последних лет.

Книга предназначена прежде всего для студентов, аспирантов и преподавателей психологических факультетов университетов.

Мы не хотим быть Иванами, не помнящими родства; мы не страдаем манией величия, думая, что история начинается с нас; мы не хотим получить от истории чистенькое и плоское имя; мы хотим имя, на которое осела пыль веков. В этом мы видим наше историческое право, указание на нашу историческую роль, претензию на осуществление психологии как науки. Мы должны рассматривать себя в связи и в отношении с прежним; даже отрицая его, мы опираемся на него.

Л.С.Выготский

Аристотель

И.М. Сеченов

СП. Боткин, В.Л. Грубер
Вильгельм Вундт

Психологический институт им. Л.Г. Щукиной при Московском университете. Основан в 1912 г.

Задача истории психологии не может состоять в том, чтобы отыскивать у отдельных прогрессивных деятелей прошлого высказывания, звучащие совершено приемлемо и в наше время или в том, чтобы представлять таких выдающихся ученых XIX века, как, например, И.М.Сеченов, в качестве некоего маяка или идеала, приблизиться к которому и составляет задачу современной науки. Ведь в таком случае наука будет не развиваться, а двигаться по кругу.

Б.М.Теплов

Серия
Классический Университетский учебник
Основана в 2002 году по инициативе ректора
МГУ им. М.В. Ломоносова
Академика РАН В.А. Садовничего

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Учебник для вузов

А.Н. Ждан

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

от АНТИЧНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Рекомендовано Министерством образования РФ в качестве учебника для студентов психологических специальностей высших учебных заведений

Москва
Академический Проект
2004

УДК 159.9 ББК 88 Ж42
Печатается по решению Ученого совета Московскою университета
РЕЦЕНЗЕНТЫ.
Кафедра общей психологии и истории психологии
Московской гуманитарно-социальной академии;
доктор психологических наук *В.А. Иванников*

Ждан А.Н.
Ж42 История психологии. От Античности до наших дней: Учебник для вузов.— 5-е изд., перераб. и доп.— М.: Академический Проект, 2004.— 576 с.— *(«Gaudeamus», «Классический университетский учебник»).*
ISBN 5-8291-0439-3

Учебник представляет результат многолетнего опыта преподавания автором курса «История психологии» в Московском государственном университете. Представлено систематическое изложение истории отечественной и зарубежной психологии от Античности до настоящего времени как процесса изменения предмета, методов и основных проблем психологического познания. Рассмотренные трансформации предмета психологии в совокупности представляют выработанные наукой на протяжении многовекового пути ее развития подходы к познанию психического. В данное издание вошел новый материал, основанный на первоисточниках и исследованиях последних лет.
Книга предназначена прежде всего для студентов, аспирантов и преподавателей психологических факультетов университетов.

УДК 159.9 ББК 88

ISBN 5-8921-0439-3

Уважаемый читатель!
Вы открыли одну из замечательных книг, изданных в серии «Классический университетский учебник», посвященной 250-летию Московского университета. Серия включает свыше 200 учебников и учебных пособий, рекомендованных к изданию Учеными советами факультетов, редакционным советом серии и издаваемых к юбилею по решению Ученого совета МГУ.
Московский университет всегда славился своими профессорами и преподавателями, воспитавшими не одно поколение студентов, впоследствии внесших заметный вклад в развитие нашей страны, составивших гордость отечественной и мировой науки, культуры и образования.
Высокий уровень образования, которое дает Московский университет, в первую очередь обеспечивается высоким уровнем написанных выдающимися учеными и педагогами учебников и учебных пособий, в которых сочетаются как глубина, так и доступность излагаемого материала. В этих книгах аккумулируется бесценный опыт методики и методологии преподавания, который становится достоянием не только Московского университета, но и других университетов России и всего мира.
Издание серии «Классический университетский учебник» наглядно демонстрирует тот вклад, который вносит Московский университет в классическое университетское образование в нашей стране и, несомненно, служит его развитию.
Решение этой благородной задачи было бы невозможным без активной помощи со стороны издательств, принявших участие в издании книг серии «Классический университетский учебник». Мы расцениваем это как поддержку ими позиции, которую занимает Московский университет в вопросах науки и образования. Это служит также свидетельством того, что 250-летний юбилей Московского университета — выдающееся событие в жизни всей нашей страны, мирового образовательного сообщества.

Ректор Московского университета академик РАН, профессор В. Садовничий
В.А. Садовничий

3

Электронное оглавление

Электронное оглавление **6**
Введение **10**
Предмет истории психологии **11**
Периодизация истории психологии **14**
Движущие силы и причины исторического развитии психологичесих идей **14**
Таблица 1 Хронология этапов развития психологии 15
Продолжение таблицы 1 16
Окончание таблицы 1 17
Принципы историко-психогического анализа 18
Методы истории психологии 20
Источники истории психологии 21
Контрольные вопросы 21
Литература[1] 21
Раздел I. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РАМКАХ УЧЕНИЯ О ДУШЕ **21**
Глава 1. АНТИЧНАЯ ПСИХОЛОГИЯ 22
Основные положения материалистического учения о душе в античной психологии 23
Учение о душе 24
Учение о познании 25
Проблема чувств 26
Проблема воли и характера 27
Идеалистическая психология Платона 28
Учение Аристотеля о душе 33
Аристотель (384-322 гг. до н.э.). 33
Учение о процессах познания 34
Учение о чувствах 36
Проблема воли 37
О характере 37
Учение античных врачей 38
Дальнейшее развитие и итоги психологии в Античности 39
Глава 2. ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ 41
Общая характеристика психологии Средневековья 41
Учение о душе и познании в основных направлениях схоластической философии 44
Значение мистических учений 45
Психологические идеи эпохи Возрождения 46
Глава 3. ПСИХОЛОГИЯ Ф. БЭКОНА И ЗАВЕРШЕНИЕ ЭТАПА РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ В РАМКАХ УЧЕНИЯ О ДУШЕ 48
Контрольные вопросы 50
Литература 50
Раздел II. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В РАМКАХ ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЙ О СОЗНАНИИ **51**
Глава 1. ВЫДЕЛЕНИЕ СОЗНАНИЯ КАК КРИТЕРИЯ ПСИХИКИ 51
Психологическое учение Рене Декарта 51
Р. Декарт (1596-1650) 51
Психология Бенедикта Спинозы 55
Глава 2. ОФОРМЛЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ О ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЯХ XVII в. 58
Эпифеноменализм Т. Гоббса 58
Основание эмпирической психологии в творчестве Дж. Локка 60
Дж. Локк (1632-1704) 60
Исторический смысл полемики Г. Лейбница с Дж. Локком 62
Глава 3. СТАНОВЛЕНИЕ АССОЦИАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ 64
Д. Гартли (1705-1757) 65
Глава 4. СТАНОВЛЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПСИХОЛОГИИ XVIII В. 67
Глава 5. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ О РОССИИ В XVIII В. 71
Глава 6. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. 74
Контрольные вопросы 77

Литература 77
Раздел III 77
РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ КАК НАУКИ О СОЗНАНИИ В ПЕРИОД ДО ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ 77
Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. 77
И.Ф. Гербарт (1776-1841)..77
Глава 2. РАЗВИТИЕ АССОЦИАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ В XIX В. 80
Глава 3. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ В XIX в. 86
Контрольные вопросы...89
Литература 89
Раздел IV...90
РАЗВИТИЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК ВЫДЕЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ НАУКУ..90
Глава 1. РАЗВИТИЕ ФИЗИОЛОГИИ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ И ОРГАНОВ ЧУВСТВ В XIX В. 90
Э.Г. Вебер (1795-1878) Сформулировал закон различной чувствительности 93
Глава 2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПСИХОФИЗИКИ И ПСИХОМЕТРИИ.......................................96
Г.Т. Фехнер (1801-1887) Основатель психофизики..96
Глава 3. РАЗВИТИЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В БИОЛОГИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПСИХОЛОГИИ 97
Ч. Дарвин (1809-1882)..97
Контрольные вопросы...100
Литература 100
Раздел V. ВЫДЕЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ НАУКУ И ЕЕ РАЗВИТИЕ ДО ПЕРИОДА ОТКРЫТОГО КРИЗИСА (60-е гг. XIX в.- 10-е гг. XX в.) 101
Глава 1. ПЕРВЫЕ ПРОГРАММЫ ПСИХОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ......................101
В. Вундт (1832-1920) (в центре) с сотрудниками. Лейпциг, 1912...101
Пансион «Trierianum» при Лейпцигском университете, в котором в 1879 г. был основан Институт экспериментальной психологии...102
И.М. Сеченов (1829-1905) проводит опыт по изучению работы мышц рук 103
К.Д. Кавелин. Писатель, юрист, философ. Известен в связи с полемикой с И.М. Сеченовым по вопросам развития психологии как самостоятельной науки..104
Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ...106
Э. Титченер (1867-1927)...106
К. Штумпф (1848-1936)..108
У. Джемс (1842-1910)...109
Дж. Дьюи (1859-1952) 111
Н.Я. Грот (1852-1899). Основал первый в России журнал по вопросам философии и психологии «Вопросы философии и психологии» (1889) 113
Г.И. Челпанов (1862-1936) и его ученик, впоследствии известный философ и психолог Г. Шпет 114
Н.Н. Ланге (1858-1921). Один из основоположников экспериментальной психологии в России 116
В.М. Бехтерев (1857-1927)...117
И.П. Павлов (1849-1936)..118
Глава 3. РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ И ПРИКЛАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ ПСИХОЛОГИИ 120
Г. Эббингауз (1850-1909) 120
Психологический институт им. Л.Г. Щукиной при Московском университете. Основан в 1912 г. 130
Контрольные вопросы...131
Литература 132
Раздел VI. ЗАРУБЕЖНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПЕРИОДА ОТКРЫТОГО КРИЗИСА (10-е - СЕРЕДИНА 30-х гг. XX в.) 132
Глава 1. кризис В ПСИХОЛОГИИ 132
Глава 2. БИХЕВИОРИЗМ...135
Дж. Уотсон (1878-1958) 135
К. Халл (1884-1952)..138

Глава 3. ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИЯ 141
М. Вертгеймер (1880-1943) 142
В. Кёлер (1887-1967) 142
Рис. 1 145
Рис. 2 145
Глава 4. ГЛУБИННАЯ ПСИХОЛОГИЯ 148
3. Фрейд (1856-1939) 148
Система психоанализа 150
Индивидуальная психология А. Адлера 153
А. Адлер (1870-1937) 153
Аналитическая психология К. Юнга 154
К.Г. Юнг (1875-1961) 154
Неофрейдизм 156
Эрих Фромм (1900— 1980) 157
Глава 5. ФРАНЦУЗСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА 160
Э. Дюркгейм (1858-1817) 161
Люсьен Леви-Брюль (1857— 1939) 162
Глава 6. ОПИСАТЕЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ 163
В. Дильтей (1833-1911) 163
Контрольные вопросы 165
Литература 166
Раздел VII. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ 166
Л.С. Выготский (1896-1934) 178
Рис. 3 179
А.Р. Лурия (1902-1977) 182
С.А. Рубинштейн (1889-1960) 183
А.Н. Леонтьев (1903-1979) и А.В. Запорожец (1905-1981) 186
П.Я. Гальперин (1902-1988) 187
Б.Г. Ананьев (1907-1972) 189
Контрольные вопросы 194
Литература 194
Раздел VIII. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВАЖНЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ 195
У. Найссер (р. 1928 г.) Один из основателей когнитивной психологии 195
К. Роджерс (1902-1987). Разработал модель недирективной клиент-центрированной психотерапии 198
Ж. Пиаже (1896-1980). Основатель швейцарской школы генетической психологии 201
Таблица 2 Классификация стадий развития интеллекта 202
К. Леви-Строс (р. 1908). Основатель структурной антропологии 203
Контрольные вопросы 205
Литература 205
Заключение 205
ПРИЛОЖЕНИЯ[1]. Преподавание психологии в Московском университете 207
Литература 216
МОСКОВСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО (1885-1922)[1] 217
Литература 222
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 223
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 228
А 228
Б 228
В 229
Г 230
Д 231
Е 232
Ж 232
З 232
И 232
К 232
Л 233
М 234

Н ... 235
О ... 236
П ... 236
Р ... 236
С ... 237
Т ... 238
У ... 238
Ф ... 238
Х ... 239
Ц ... 239
Ч ... 239
Ш ... 240
Щ ... 240
Э ... 240
Ю ... 240
Я ... 240
СОДЕРЖАНИЕ ... 242

Мы должны рассматривать себя в связи и в отношении с прежним; даже отрицая его, мы опираемся на него.

А.С. Выготский

Введение

Специфика научного труда предполагает необходимость иметь информацию о прошлом. Собственное исследование должно быть органически связано с историей изучаемого вопроса, ибо нет такой проблемы в современной науке, которая могла бы решаться без учета предшествующей истории. «История вопроса непосредственно переходит в постановку проблемы исследования. Последняя должна органически вытекать из первой. Глубина, фундаментальность этой части исследования является в настоящее время в психологической науке одним из необходимейших условий, определяющих научную ценность данной работы»,— писал Б.М. Теплов[1]. Ближайшая история, охватывающая наше столетие, органически входит в современность: учение о целостности в гештальтпсихологии, о бессознательном в глубинной психологии, понимание мышления в Вюрцбургской школе и др. составляют основу современных исследований. Материал более отдаленной и даже совсем далекой истории «не отрицается полностью, понимание его ограниченности не препятствует частичному включению его в более широкую систему знаний»[2].

Владение историей, конечно, не ограничивается воспроизведением воззрений прошлого. В полной мере историческое прошлое может служить настоящему только в том случае, если оно используется в целях решения актуальных проблем. К. Левин в статье «Конфликт между аристотелеевским и галилеевским способами мышления в современной психологии», сопоставляя теоретические

[1] Теплов *Б.М.* О культуре научного исследования // Избранные труды. Т. П.— М., 1985. С. 313.

[2] *Эйнштейн А., Инфельд Л.* Эволюция физики.— М, 1965. С. 125.

4

конструкции Аристотеля и Галилея в контексте насущных проблем современной экспериментальной и теоретической психологии, писал: «Моя цель — не историческая, скорее, я считаю, что некоторые вопросы, имеющие огромное значение для перестройки теорий современной психологии, могут быть разрешены и более точно сформулированы с помощью такого сравнения, которое обеспечит взгляд, выходящий за рамки трудностей сегодняшнего дня»[1].

Обращение к истории в связи с разработкой новых путей психологического исследования характерно для всего творчества Л.С. Выготского[2].

В постоянном споре с основными психологическими направлениями создавал свою теорию установки Д.Н. Узнадзе. С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, Б.М. Теплов, П.Я. Гальперин много внимания уделяли истории психологии, хотя ни для одного из них она не была областью специального исследования. Рассматривая проблему значения истории психологии, М.Г. Ярошевский называет такое обращение к истории «творческим диалогом с прошлым»[3].

Конечно, для того чтобы говорить об аристотелевском способе мышления, необходимо хорошо знать труды Аристотеля. Подобно тому как исполнение музыкального произведения может стать выразительным только после освоения его технической стороны, так и использование истории в современном исследовании становится возможным только на основе знания всего конкретного материала, накопленного наукой. Отсюда возникает необходимость истории психологии как специальной области исследования, изучающей достижения психологии на протяжении всего пути ее исторического развития.

Знание истории психологии необходимо для понимания различных теорий и направлений современной психологии, путей и тенденций ее развития. Только включение в исторический контекст позволяет понять их сущность, выявить их исходные позиции, оценить подлинную новизну и осознать их исторический смысл. Исторический подход необходим для понимания современной ситуации в психологической науке, для фор-

[1] *Lewin K.A.* Dynamik Theory of Personality.— N.Y., 1965. P. 1.

[2] См., например, его «Исторический смысл психологического кризиса»; «Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование» и др.

[3] *Ярошевский М.Г.* История психологии.— 3-е изд.— М., 1985. С. 6-9.

5

мирования новых точек зрения с учетом и на основе традиций и достижений прошлого[1].

Изучение истории психологии имеет большое образовательно-нравственное значение. «История более полезна, она полна мудрости»,— писал итальянский философ-гуманист XV в. Лоренцо Валла. Она знакомит нас с жизнью людей науки, раскрывает полную драматизма борьбу во имя истины, вызывает разнообразные чувства: от почтительного восхищения до разочарования и недоумения.

Предмет истории психологии

В отличие от предмета и методов психологии, в истории психологии изучается не сама психическая реальность, но представления о ней, какими они были на разных этапах поступательного развития науки.

Сама историческая мысль также имеет историю. История исторической науки есть историография. Ее предмет — характеристика историков, историографических концепций.

Задачей истории психологии является воссоздание исторической научной психологической мысли, анализ возникновения и дальнейшего развития научных знаний о психике, что должно дать полную и связную картину их развития и роста. Научное знание — это систематическое знание, внутренне связанное некоторыми принципами, общими предпосылками; полученное научными методами; опирающееся на доказательство и допускающее логическую и опытную проверку правильности своих утверждений и их использование в различных формах и применительно к различным областям жизни общества. Научное знание вырабатывается в процессе научной деятельности; оно имеет автора и дату своего установления. Знания, полученные в ходе обыденной практической деятельности, религиозные представления о психике, результаты других ненаучных способов умственной деятельности при этом специально не рассматриваются. Это, конечно, не означает их недооценки, и в последующем изложении в ряде случаев привлекаются данные вненаучного опыта о психической реальности.

В психологической науке существуют различные концепции ее истории. Известный историк психоло-

[1] *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии.— М., 2003.

6

гии Э. Боринг в целях объяснения научных открытий в психологии использовал понятие *Zeitgeist* (дух времени). Согласно Борингу, «магическое» понятие Zeitgeist означает характерную для каждого конкретного момента атмосферу мнений, под властным воздействием которых находится мышление исследователя. Открытие не делается до тех пор, пока для него не готово время. Оно происходит тогда, когда подготовлено временем. Имеющиеся в науке факты синхронных открытий, для которых доказано, что они не являются заимствованными (законы для газов Р. Бойля и Э. Мариотта, исчисления малых величин Г. Лейбница и И. Ньютона, теория эмоций У. Джемса и К. Ланге и др.), также объясняются духовным климатом эпохи. Zeitgeist выполняет двойственную роль: помогает, способствует научному прогрессу, но также и препятствует ему, так как сами знания несут на себе печать своего времени. Zeitgeist изменяется. Например, когда в 1850 году Г. Гельмгольц измерил скорость проведения нервного импульса, считалось, что духовный акт неизмерим во времени. Гельмгольц сделал шаг в научном мышлении, изменил Zeitgeist в определенной области. Но он не смог бы сделать этого, не опираясь на уже имеющиеся представления. Подход Боринга обращает внимание на необходимость учета традиций в науке при рассмотрении происходящих в ней изменений и выявляет безусловно важный фактор ее развития.

Вариантом точки зрения Zeitgeist является *парадигмальная теория Т. Куна.* Согласно этой теории, социальные и культурные процессы порождают *парадигмы* как «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»[1]. Когда внутри данной научной парадигмы возникают *аномалии* — факты, несовместимые с этой парадигмой, они генерируют кризис. Происходит *научная революция,* в результате которой на место ставшей неадекватной парадигме приходит новая. Понятие о парадигме широко используется в психологической науке. Однако возможность его применения к описанию историко-психологического процесса оценивается историками психологии сдержанно, а часто и отрицательно, поскольку факты истории нашей науки не укладываются в схему Куна, отрицается наличие в психологии на каком-то этапе ее развития общепризнанной парадигмы.

[1] *Кун Т.* Структура научных революций. — М., 1977. С. 11.

7

В то же время попытки выявить общие основания и установки, которые прослеживаются в развитии психологии на протяжении всей ее истории, составляют устойчивую тенденцию в методологии историко-психологических исследований. В качестве таких установок разные авторы выделяют различные биполярные позиции: детерминизм — индетерминизм; элементаризм — холизм; эмпиризм — рационализм и др. Под углом зрения этих диспозиций производится систематизация и обобщение психологических фактов и теорий. Этот подход хотя и выделяет важные характеристики психического, не создает целостного исторически конкретного образа психологии как науки на каждом из ее этапов.

На более целостное представление исторического процесса направлено описание истории в понятии школы. Этот подход реализовал Р. Вудвортс применительно к психологии XX века[1]. Им было выделено восемь наиболее известных школ: структурная психология, функциональная психология, ассоцианизм, психоанализ, персоналистическая и организмическая психология, целевая, или гормическая, психология, бихевиоризм, гештальтпсихология. По отношению к каждой школе описываются разрабатываемые в ней проблемы, приемы и методы исследования и др. Отмечается тенденция к размыванию границ между школами.

Еще один подход к истории получил название *теории великих людей.* Ее выдвинул английский историк и философ XIX в. Т. Карлейль. Согласно этому подходу, история — гражданская и научная — делается

великими людьми, такими как Цезарь, Наполеон, Галилей, Ньютон. «История мира — это... биографии великих людей»,— так выразил свой взгляд на значение личности в истории Т. Карлейль[2]. Несмотря на очевидную односторонность, в нем есть ирациональное зерно. Он привлекает внимание к выдающимся личностям, в том числе, к роли личности ученого в развитии научного знания. В психологии в русле этого подхода историю науки изложил американский историк Р. Уотсон[3].

[1] *Woodworth R.S.* Contemporary Schools of Psychology. Ronald (witch M. Sheehan). 1931.

[2] *Карлейль Т.* Герои, культ героев и героическое в истории. СПб., 1891. С. 18.

[3] *Watson R. I.* The Great Psychologists: From Aristotle to Freud. Lippincott, 1963.

8

Рассмотренные подходы в области методологии истории психологии позволяют выявить реальные закономерности в развитии психологических знаний. По-видимому невозможно понять прошлое без представлений о духовном контексте, без биографий великих психологов, без различения локковской и декартовской тенденций, без сопоставления объективного и субъективного подходов, атомизма и холизма и т. п. Но взятые изолированно один от другого эти подходы не охватывают историко-психологический процесс во всей полноте его особенностей и детерминант. Неслучайно поэтому в ряде руководств по истории психологии авторы предпочитают эклектическую позицию, имея в виду совместное использование их в конкретном историческом исследовании.

В России, начиная с XIX в., выходят капитальные труды по историографии психологии (М.И. Владиславлев, Ф.А. Зеленогорский, М.М. Троицкий, Е.А. Бобров, А.П. Казанский, В.Н. Ивановский и др.). Основы отечественной историко-психологической науки были заложены Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, Б.М. Тепловым, Б.Г. Ананьевым, Д.Н. Узнадзе, П.Я. Гальпериным, А.А. Смирновым. Труды историков психологии О.М. Тутунджяна, В.А. Роменца, М.С. Роговина, М.В. Соколова, А.А. Никольской, Е.А. Будиловой внесли большой вклад в разработку методологии историко-психологического исследования.

В.А. Роменец представил историю научной психологии в связи с историей культуры. Им выделен ряд крупных историко-культурных и психологических тем и прослежена их эволюция. Впервые подробно рассмотрен наименее изученный в отечественной истории процесс развития психологии в Средние века, особенно патристическое направление на Украине в XIII — XV вв. На основе разработанной методологии автор создал ряд книг — учебных пособий по истории всемирной психологии (9 изданы на украинском языке).

О.М. Тутунджян разрабатывал теоретические проблемы историографии, уделяя особенное внимание периодизации, в частности, периодизации отечественной психологической мысли.

В настоящее время в отечественной науке работа по исследованию истории психологии продолжается в трудах Л.И. Анцыферовой, В.А. Кольцовой, Т.Д. Марцинковской, А.В. Петровского, В.А. Якунина и др. В фундаментальных трудах А.В. Петровского освещаются собы-

9

тия психологии советского периода во всей их сложности и в контексте социальных условий, дается объективная оценка педологии, психотехники, рефлексологии и других течений психологической мысли в России.

Особенно значительный вклад в отечественную историю психологии внес М.Г.Ярошевский (1915 — 2001). Он разработал оригинальную концепцию истории психологии, известную под названием *категориального анализа.* Концепция включает анализ категориального аппарата, объяснительных принципов и глобальных проблем, их преобразование в ходе исторического пути развития науки. Выделены специфические конкретно-научные категории, воспроизводящие различные стороны психологической реальности: *образ, действие, мотив, психосоциальное отношение, личность.* Система этих категорий вместе с объяснительными принципами — *детерминизма, системности, развития* — образуют *категориальный аппарат* науки, ее инвариантное ядро. Применение категориального анализа позволяет увидеть в меняющихся знаниях о субъективной реальности их постоянные компоненты. Ярошевский отмечал, что в категориальном строе дан предмет психологии, но главное внимание уделял именно категориям, прослеживая их исторически меняющееся содержание. Его концепция предполагает также учет социокультурных условий и роли личности ученого в объяснении появления и развития психологических знаний. Среди социо-психологических факторов научного творчества Ярошевский выделяет *оппонентный круг* ученого, включающий всех авторов, в полемике с которыми генерируются новые идеи, происходит возникновение нового научного знания. На базе разработанной методологии Ярошевский создал фундаментальные труды[1].

Известный теоретик и историк психологии П.Я. Гальперин считал вопрос о предмете изучения главным теоретическим вопросом и важным практически. Эта идея проходит через все его творчество. Обозревая исторический путь психологии, Гальперин пришел к выводу: «Все предложенные до сих пор определения, описания и указания предмета психологии оказались

[1] См., в частности, его «История психологии», 1966 и др. изд; «Психология в XX столетии», 1971, 1974; «Историческая психология науки», 1995 и др.

10

не только недостаточными, но и просто несостоятельными»[1]. В курсе лекций по истории психологии,

которые он читал в Московском университете им. М.В. Ломоносова, рассматривая психологические концепции прошлого, он выделял содержащееся в них в явной или скрытой форме понимание предмета изучения. Вывод о несостоятельности и ошибочности всех представлений о предмете психологии не означал недооценки Гальпериным всего исторического опыта — хотя в его рассмотрении критический аспект очень значителен. Например, оценивая достижения развития психологии как экспериментальной науки, он пишет, что они сводятся к «...относительно небольшому числу и как бы случайному характеру важнейших результатов, столь частым взлетам и падениям теоретических конструкций»[2]. За этими резкими словами скрывается озабоченность неудовлетворительным положением вещей в психологии, источник которого он видел в неумении выделить в психических явлениях те их аспекты, которые составляют предмет психологии. Таким образом, согласно Гальперину, «вопрос о предмете изучения — это не только первый и самый трудный из больших теоретических вопросов психологии, но вместе с тем вопрос неотложной практической важности»[3].

Работая более 30 лет вместе с Гальпериным сначала в русле его исследований по теории поэтапного формирования умственных действий и понятий, а позже — в области истории психологии, автор этой книги попыталась, основываясь на идеях о первостепенной важности предмета науки и опираясь на опыт изложения истории психологии в мировой и отечественной науке, рассмотреть историю психологии как *процесс становления ее предмета*[4]. История психологии предстает тогда как процесс непрекращающейся трансформации ее предметной области в контексте вызвавших его причин и условий. Каждое новое понимание предмета в сочетании с новыми методическими процедурами исследования рассматривается как открывающее новый аспект в психической реальности, приближающее к ее все более полному научному пониманию.

[1] *Гальперин П.Я.* Введение в психологию.— М., 1976. С. 7.

[2] *Гальперин П.Я.* Введение в психологию.— М., 1976. С. 9.

[3] Там же. С. 7.

[4] *Ждан А.Н.* История психологии как становление ее предмета: Дисс. на соиск. ст. доктора психол. наук.— М., 1994.

11

Предельно схематично исторический процесс преобразования предмета психологии может быть представлен следующим образом.

Психология возникла как наука о душе. Идея души дала начало психологии как науки. Однако в рамках науки о душе психология была скована понятием души как объяснительным принципом, который является причиной не только психических, но *всех* процессов в теле. Отказ от него и переход к изучению собственно душевных, т. е. психических явлений связан с выделением их отличительного признака, которым считалась сознаваемость. Таким образом, в качестве предмета исследования стала сознаваемая психика, сознание. Предпосылки к этому переходу складывались постепенно. Они заметны уже в Античности, но особенно способствовали новому пониманию великие открытия в области различных наук в XVI в. и прежде всего в анатомии и медицине. Этим был сделан важный шаг на пути познания психического: сознание выступало теперь как особая реальность, а интроспекция (самонаблюдение) — как метод его исследования. Начавшиеся со времен Декарта и все более нарастающие в дальнейшем трудности интроспективной психологии в решении вопросов, связанных с объяснением адаптивного поведения животных, психики у детей, психически больных, проблем психического развития и др., стали непреодолимыми при столкновении психологии в последней четверти XIX в. с практическими задачами в прикладных областях исследования. Изоляция сознания и прежде всего его отрыв от поведения (деятельности) и субъективный метод его исследования стали главным препятствием на пути развития психологии. Возникшая на рубеже XIX —XX вв. функциональная психология, а вслед за ней бихевиоризм и другие варианты психологии поведения были направлены на преодоление субъективизма психологии сознания в отношении понимания ее предмета и метода и намечали пути объективного исследования. Предметом изучения стало поведение, но при этом из его исследования исключалось психологическое содержание, как недоступное объективной регистрации. Таким образом, это преобразование произошло за счет утраты самих изучаемых психологией явлений — психики и сознания. Начавшееся в необихевиоризме движение, направленное на включение в структуру поведения опосредствующих его образований (образа, планов, когни-

12

тивных карт и т. п.), привело к возникновению современной когнитивной психологии. Когнитивная психология сделала центральным вопрос о роли знания в поведении субъекта. С психоанализом был окончательно похоронен миф о тождестве психики и сознания. В науку вошла проблема бессознательного и вместе с ней представление о предметной области психологии как глубинной структуре психического. Исторически и культурно ориентированные направления внесли в психологию проблему исторической природы человеческой психики и указали на необходимость включения в психологическое исследование ценностных и смысловых ориентаций личности. Современная гуманистическая психология сделала предметом нашей науки личность, а не психику. В отечественной науке культурно-историческая и деятельностная психология раскрыли ведущую роль усвоения культуры и собственной деятельности в порождении, функционировании и развитии психики, тем самым снабдив научное исследование средством

не только описания, но и объяснения психики. На последнем к настоящему моменту этапе развития психологической мысли восстанавливается единство исторически разорванных сознания и поведения (деятельности) за счет реального осуществления объективного подхода к психологическому познанию.

Если в целом история свидетельствует о неуклонном прогрессе психологических знаний, то на отдельных отрезках пути ее развития положение является более сложным. Не всегда то знание, которое появилось позже, оказывалось одновременно и более содержательным, прогрессивным во всех своих аспектах; нередко в новой концепции отбрасывалось то положительное, что было в старой. Так, гештальтпсихология, выступившая против ассоцианизма, в глобальной критике этого направления игнорировала проблему возрастания опыта в процессе развития субъекта и превратилась в антигенетическую теорию, что существенно ограничило ее объяснительные возможности.

Развитие науки, в том числе и психологии, не линейный, а очень сложный процесс, на пути которого возможны зигзаги, неузнавание открытий, возвраты к уже пройденным решениям, «топтание на месте», кризисы. Но в целом «смена научных мнений — это развитие,

13

прогресс, а не разрушение» [1]; прослеживание процесса роста психологических знаний в хронологической последовательности их появления при постоянном внимании к оценке достижений — и потерь — на каждом временном этапе раскрывает все новые и новые стороны психической реальности и все полнее объясняет их.

Периодизация истории психологии

Психология имеет многовековую историю: первые научные представления возникли в VI в. до н. э. Поэтому встает вопрос о периодизации истории психологии, задачей которой является расчленение этого процесса, выделение этапов, определение содержания каждого из них.

В истории психологии различаются два больших периода: первый, когда психологические знания развивались в недрах философии, а также других наук, прежде всего естествознания; второй — когда психология развивалась как самостоятельная наука. Они несоизмеримы по времени: первый период (VI в. до н. э.— середина XIX в.) охватывает около 2,5 тысячи лет, второй — чуть больше столетия (середина XIX в.— настоящее время). По словам Г. Эббингауза, психология имеет долгое прошлое, но очень краткую историю[2]. Выделение этих двух периодов не требует специальных обоснований, так как его критерии очевидны, но поскольку каждый из них растягивается на столетия, необходима более дробная периодизация. Ее можно проводить по чисто формальным признакам — в частности, хронологическому, поскольку научное знание возникает и развертывается во времени. В соответствии с фактором времени в целостном процессе развития науки можно различать историю психологии XVII в., историю психологии XVIII в. и т. п. Можно различать периодизацию мировой и отечественной психологии[3]. Возможны и другие подходы к вопросу о периодизации.

[1] *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Вопросы философии. 1988. №8. С. 159.

[2] Цит. по: *Boring E.Л.* History of Experimental Psychology.— N.Y., 1929. P. 385.

[3] *Будилова Е.А.* О периодизации истории психологии в СССР // Актуальные проблемы истории и теории психологии. Материалы конференции.— Ереван, 1976.

14

Учитывая условность всякой периодизации и принимая во внимание неразработанность этой проблемы, следует рассматривать предлагаемую далее периодизацию истории психологии лишь как один из возможных ее вариантов. При этом история отечественной психологической мысли рассматривается как составная часть развития мировой науки. В качестве основания для разделения этого процесса на этапы были выбраны содержательные критерии, определявшие смену взглядов на природу психического. Выступил интересный факт (впрочем он наблюдается и в других областях духовной деятельности, в частности, в искусстве) — его можно назвать одной из закономерностей историко-психологического процесса: оказалось, что продолжительность этапов не одинакова. Чем глубже в историю уходит то, или иное представление о предмете, тем продолжительнее время его жизни в науке. И наоборот, чем ближе к современности, тем это время короче. Так исторически первое определение предмета психологии как науки о душе существовало (хотя и с некоторыми изменениями) более 20 веков. В XX столетии взгляды на предмет психологии менялись так быстро, что некоторые из них существовали в науке не более 10 — 20 лет (см. табл. 1).

Движущие силы и причины исторического развитии психологичесих идей

Можно ли считать развитие психологических знаний процессом, определяемым лишь собственной логикой познания в соответствии с природой изучаемого объекта — психики? Как и всякая другая наука, психология обладает лишь относительной самостоятельностью, а психологи как ученые «находятся под господствующим влиянием экономического развития»[1]. Сложные отношения науки и общества охарактеризовал А.С. Выготский: «Закономерность в смене и развитии идей, возникновение и гибель

понятий, даже смена классификаций и т. п. — все это может быть объяснено на почве связи данной науки: 1) с общей социально-культурной подпочвой эпохи; 2) с общими условиями и законами научного познания; 3) с теми объективными требованиями, которые предъявляет к научному познанию природа изучаемых явлений на данной стадии их исследования»[2].

[1] Маркс *К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 419.

[2] *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т. 1. С. 302.

15

Таблица 1 Хронология этапов развития психологии

I. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В РАМКАХ ФИЛОСОФИИ		
Время	Предмет изучения	Важнейшие итоги
VI в. до н.э.- V в. н.э.	Душа	Формирование двух направлений - материализма и идеализма - в объяснении происхождения и проявлений души. Первые эмпирические знания о психических процессах и явлениях: ощущении (восприятии), памяти, воображении, мышлении, аффектах, воле, характере, особых состояниях (сон, экстаз). Формирование учений о темпераменте и характере. Выделение проблем: «душа и тело»; «врожденное - приобретенное»; «аффект — интеллект». Указание на внутреннее чувство как способ познания души
V-XIII вв.	Развитие учения о душе в рамках философских учений и на базе медицинских знаний	Формирование томистской психологии. Начало опытной методологии исследования души.
XIV-XVI вв.	Дальнейшее развитие учения о душе в контексте роста анатомофизиологических знаний и великих открытий XIV-XVI вв.	Отказ от души как предмета исследования и объяснительном принципе телесных и психических явлений. Введение термина «психология»
XVII-сер. XIX вв.	Внутренний опыт как данные самонаблюдению явления сознания	Формирование эмпирической интроспективной и ассоцианистической психологии. Понятие о бессознательной психике. Возникновение психофизической и психофизиологической проблем. Идея рефлекса

16

Продолжение таблицы 1

П. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ		
Нач. XIX-60-е гг. XIX в.	Деятельность нервной системы и органов чувств. Соотношение между физическим и психическим. Измерение скорости протекания психических процессов. Исследование рефлекторных механизмов поведения. Гипнотические явления. Локализация психических функций в мозгу. Соотношение между мозгом и душевной жизнью. Возникновение и развитие психики	Формирование естественнонаучных предпосылок психологии как самостоятельной науки. Экспериментальный метод. Факты и теории ощущений и восприятий. Формирование психофизика Формирование психометрии. Учение о рефлексе. Бессознательная психика. Френология Галля. Теории локализации психических функций. Теории психофизиологического параллелизма и взаимодействия. Биогенетический закон. Генетический метод. Возникновение 3-х областей генетической психологии: зоопсихологии, детской и исторической психологии. Понимание психики как средства адаптации к среде
60-е гг. XIX в. - конец XIX в.	Непосредственное содержание опыта. Психические акты и психические функции. Психика и сознание в связи с их адаптивной функцией в поведении	Проникновение экспериментальных методов в психологию. Формирование теоретических программ психологии: структурализм, психология акта, функционализм. Раскол психологии на индивидуальную физиологическую, ориентированную на естествознание, и духовно-научную, ориентированную на историю и культуру. Возникновение прикладных исследований в психологии. Возникновение новых областей психологии

17

Окончание таблицы 1

10-е гг. - сер. 30-х гг. XX в.	Поведение. Целостные психические структуры. Бессознательное. Сознание в его общественно-исторической обусловленности. Смысловая структура душевной жизни в соотношении с исторически возникшими ценностями. Установка. Развитие высших психических функций. Смысловое и системное строение сознания. Психологическое исследование деятельности	Открытый кризис в психологии. Возникновение школ в зарубежной науке: бихевиоризм, психоанализ, индивидуальная психология, аналитическая психология, гештальтпсихология, французская социологическая школа, понимающая психология и др. Возникновение советской психологии: теория установки, поведенческие направления, культурно-историческая теория, теория деятельности. Развитие естественно-научных знаний о физиологических механизмах психической деятельности и движений. Физиология активности. Теория функциональных систем. Развитие психотехники и педологии в отечественной и зарубежной психологии
Конец 30-х-50-е гг. XX в.	Эволюция в рамках базисных подходов предшествующего периода	Эволюция научных школ периода открытого кризиса. Необихевиоризм, неофрейдизм. Возникновение новых отраслей и направлений: генетическая психология, персоналистические концепции личности и др. Дискуссии в советской психологии (о перестройке науки на основе павловского учения, о теории установки). Развитие теории деятельности в советской психологии. Возникновение теории поэтапного формирования умственных действий и понятий
60-е гг. XX в.- конец XX в.	Продолжение развития ранее выявленных предметных областей. Процесс ориентировки. Когнитивные структуры и их роль в поведении. Личность	Возникновение новых направлений в зарубежной психологии: гуманистическая психология, логотерапия, когнитивная психология. Дискуссии в советской психологии о предмете психологии, по проблемам бессознательного, общения и др. Теоретические и экспериментальные исследования в отечественной науке в русле психофизиологических школ, деятельностного подхода, концепции формирования умственных действий и понятий, комплексного человекознания

18

В связи с вопросом о детерминации научного знания в современной философии науки ведутся оживленные дискуссии. И. Лакатос ввел понятия «внутренняя» и «внешняя» история науки, понимая под внутренней историей ту ее часть, которая вычленяется, опираясь на собственные критерии научности, стандарты рациональности. Признавая невозможность отделения научного знания от культуры в целом, Лакатос

считал, что детерминирующее воздействие на его развитие оказывают только когнитивные факторы, наука обладает своей внутренней историей. Интерналистский подход к проблеме факторов развития научного знания критикуется сторонниками другого — экстерналистского — подхода, в соответствии с которым историю науки нельзя объяснить без обращения к социальным факторам, поэтому они должны быть использованы при теоретической реконструкции исторического процесса развития науки. В связи с этим невозможно провести жесткую границу между внутренней и внешней историей науки (Т. Кун, С. Тулмин, М. Полани).

Поскольку признание воздействия социокультурного окружения на развитие науки является практически общепринятым, необходимо уточнить характер его влияния на развитие психологии.

Анализ развития психологических знаний требует изучения исторического фона. Однако простой синхронизации их с показателями уровня социально-экономического развития недостаточно: социальные условия в значительной степени влияют на выбор проблемы, а также на характер ее решения. Так, анализируя творчество 3. Фрейда, К. Нири пришел к выводу: « "Толкование сновидений" является главным источником сведений о тех социальных и политических впечатлениях, которые с раннего возраста формировали мышление и мировоззрение создателя психоанализа»!.

История психологии должна также учитывать особую ситуацию в науке в изучаемый период. Факт взаимосвязи психологии с другими науками характеризует ее развитие на всех этапах истории. Влияния математики, физики, астрономии, языкознания, физиологии, биологии, этнографии, логики и других наук на психологию разнообразны. Во-первых, в рамках этих наук на-

[1] *Нири К.* Философская мысль в Австро-Венгрии.— М., 1987 С. 111 — 113.

19

капливались знания о психических явлениях (например, изучение проблемы связи языка и мышления в трудах лингвистов А. Потебни, В. Гумбольдта и др., изучение времени реакции астрономами и др.). Во-вторых, в психологии использовались методы этих наук, в частности, эксперимент был заимствован В. Вундтом из физиологии органов чувств, психофизики и психометрии. В-третьих, происходило использование научной методологии. Так, развитие механики в XVII и XVIII вв. обусловило возникновение механистической модели поведения животных (и частично человека) Р. Декарта, механистической концепции ассоциаций Д. Гартли, «ментальной физики» Дж. Милля. Взаимодействие психологии с другими науками продолжается и в наши дни. Ж. Пиаже считал междисциплинарные связи особенностью как современного этапа в развитии психологии, так и ее будущего. В то же время он говорил, что «будущее психологии — это прежде всего ее собственное развитие»[1]. Здесь нет противоречия: связь с другими науками не должна превратиться в редукционизм, т. е. сведение психологических закономерностей к закономерностям других наук. Такое сведение угрожает психологии утратой собственного предмета. История психологии богата примерами, когда такая опасность превращалась в реальность. В частности, в рефлексологии В.М. Бехтерева вся психика сводилась к сочетательным рефлексам. Но еще Ф. Энгельс писал: «Мы несомненно «сведем» когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?»2.

Учитывая связи психологии с другими науками и обусловленность ее развития социокультурными факторами, необходимо раскрыть собственную логику развития ее идей как объективный процесс.

Принципы историко-психогического анализа

Важнейшим из них является принцип историзма.

В историческом исследовании этот принцип становится основополагающим. Он требует от историка рассмотрения того или иного отрезка прошлого во всей

[1] *Пиаже Ж.* Психология, междисциплинарные связи и система наук.— М., 1966. С. 1.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 563.

20

полноте его конкретного содержания, в системе соответствующих социокультурных условий, как детерминируемого общей ситуацией в науке и изучаемого в сопоставлении с предшествующими знаниями. Это позволяет показать неповторимость и уникальность исследуемого явления. При этом необходимо представить историю науки во всей полноте, по крайней мере наиболее значительных ее фактов. В истории не должно быть белых пятен, забвения тех или иных исторических событий или лиц.

Принцип историзма требует такого отношения к прошлому, при котором «...ни одна теория не отбрасывается в виде исторического хлама, а, наоборот, получает свое законное место ...все имело смысл для своего времени, было результатом исторической необходимости и органически входило в общечеловеческий прогресс мысли»[1].

В соответствии с принципом историзма производится и оценка прошлого. В ней выявляется то новое, что содержит в себе рассматриваемое знание по сравнению с предшествующим этапом. Одновременно должна быть раскрыта неизбежная ограниченность любого этапа в развитии знания в сравнении с более поздними его этапами. Именно так оценивали своих предшественников выдающиеся представители науки (см. например, **оценки** И.П. Павловым учения Гиппократа о темпераментах, понятия о рефлексе Р.Декарта и др.).

Нарушением принципа историзма в понимании прошлого являются *презентизм* и *антикваризм.* Презентизм ограничивает историческое исследование **лишь** тем, что обладает значимостью для настоящего этапа развития науки и вместо изучения исторического процесса развития науки во всей его полноте ориентируется на выделение лишь таких фрагментов его содержания, которые наиболее соответствуют современным взглядам. Конечно, такой подход правомерен для решения определенных исследовательских задач, предполагающих обязательную опору на достижения прошлого. Однако выборочный подход не может быть взят на вооружение, когда целью становится воссоздание истории науки в целом. Презентизм приводит к модернизации исторического процесса и противоречит принципу историзма.

[1] *Лосев А.Ф.* Вл. Соловьев.— М., 1994.— С. 176.

21

Противоречит ему и антикваризм, т. е. такой подход, который рассматривает прошлую историю безотносительно к задачам современности, как нечто застывшее, окаменевшее. Такая «чистая история» превращается в простую регистрацию событий в их временной последовательности и не вписывается в практику современного научного исследования.

Отступлением от принципа историзма являются односторонность и схематизм изображения событий прошлой истории. В то же время требование целостности и конкретности, предъявляемое к исторической мысли, не только не исключает, но обязательно предполагает выявление в изучаемом явлении общей закономерности. Выполнение этого требования обеспечивается опорой на принцип единства логического и исторического, согласно которому историк должен не просто описать тот или иной этап исторически развивающегося знания, но представить его теоретически и, значит, выявить в нем нечто постоянное. Например, за исторически ограниченным эмпирическим материалом конкретных знаний о психике в Античности выявляются скрывающиеся в нем (едва ли не все) важнейшие проблемы психологии. С другой стороны, следование принципу единства логического и исторического предостерегает от абсолютизации исторически ограниченных истин и позволяет оценивать их действительное значение. Так, представление о наследуемости интеллектуальных способностей, выдаваемое в натуралистических концепциях человека за естественное единственно возможное, т. е. закономерное и обязательное, в действительности должно быть оценено лишь как одно из объяснений, ограниченных рамками именно этой концепции и эмпирическим фактом интеллектуальных различий между людьми. Любое обобщение истории науки начинает пониматься не как застывшая структура, а исторически, т. е. в своем подлинном значении, как этап на бесконечном пути научного познания.

Историко-психологическое познание требует выявления социально-политической направленности, идеологической сущности психологических идей, что позволяет оценить их более адекватно. Например, анализируя логику развития фрейдизма, Выготский писал: «...доведенная до философской формы, казалось бы затуманенная многими наслоениями и очень далекая от непосредственных корней и породивших ее соци-

22

альных причин, идея на самом деле только теперь открывает, чего она хочет, что она есть, из каких социальных тенденций она возникла, какими классовым интересам служит. Только развившись в мировоззрение или приобретя связь с ним, частная идея из научного факта опять становится фактом социальной жизни, т. е. возвращается в то лоно, из которого она возникла»[1]. Внимание к идеологической стороне психологических знаний способствует углублению понимания их собственно научного содержания: включение психологических концепций в контекст социальной жизни означает в то же время и проверку их истинности критерием социальной практики. Выявление идеологической сущности психологических концепций лишний раз указывает на ответственность ученого в связи с ролью, которую выполняет психологическая наука в жизни общества.

Такой подход противостоит как объективизму, рассматривающему научные концепции вне их реальной социальной роли в жизни общества, так и субъективизму в исторической науке. Проявляясь в оценках прошлого, в одностороннем подходе к отбору материала, в умалчивании каких-то фактов или деятелей и т. п., субъективизм приводит к одностороннему и, следовательно, искаженному представлению о пути развития науки.

Как показали исследования М.Г. Ярошевского, в становлении научной картины психической жизни ключевая роль принадлежит принципу детерминизма[2]. Принцип детерминизма требует от историка умения раскрыть способ причинного объяснения психического как обусловленного порождающими его факторами. Согласно Ярошевскому, в истории представлены разные типы детерминизма: предмеханический, механический, биодетерминизм, психодетерминизм, социодетерминизм. Каждый из них противостоит индетерминизму в трактовке психических явлений как якобы возникающих спонтанно.

Принципы историко-психологического исследования в совокупности с конкретными методами составляют основу научного анализа исторического пути развития психологии.

[1] *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т. 1. С. 304.

[2] *Ярошевский М.Г.* История психологии.— М., 1985.

23

Методы истории психологии

Реальной опасностью в истории психологии является эмпиризм, т. е. описательность в представлении исторического материала. Опасность заключается, конечно, не в самом обращении к эмпирии, в качестве которой здесь выступают представления о психике в прошлом. «Эмпиризм в истории проявляется не в том, что обращаются к фактам, а в том, как обращаются с ними, в беспомощности перед лицом фактов. Работа, содержащая лишь нагромождение фактических данных, непроверенных, несистематизированных, необъясненных, теряет качество научного исследования и примыкает к разряду источников, нуждающихся в обработке»[1].

Основной задачей методов и методик исторического исследования является изыскание источников, а затем внутренняя организация, систематизация исследуемого материала, который включает факты, теории, законы, понятия. Вместе эти компоненты составляют эмпирию историко-психологического исследования. Работа историка требует синтеза эмпирического и теоретического подходов к предмету исследования. Она предполагает как знание конкретного материала, так и владение методологией исторического исследования, понятийным аппаратом историка, открывающим возможности для ориентировки в материале. Связь с современностью — одно из важных требований, предъявляемых к профессиональной деятельности историка. Ее необходимыми компонентами являются интуиция, личностное отношение к событиям прошлого[2].

Некоторые из методов и методик историко-психологического исследования заимствованы из гражданской истории, науковедения, философии науки. В связи с этим история психологии приобретает междисциплинарный характер.

Основным методом истории психологии является *теоретическая реконструкция,* описание и критический анализ научных систем прошлого, конкретных программ получения, обоснования и систематизации психологического знания. Такой анализ опирается на методологические принципы исторического исследования

[1] *Гулыга А.Н.* О характере исторического знания // Вопросы философии.— 1962.— № 9. С. 35.

[2] *Полани М.* Личностное знание.— М, 1985.

24

и производится с позиции и по отношению к достижениям и проблемам современной психологии. Его результатом является ретроспективное воспроизведение научных концепций, проблем, исследовательских методов и т. п. в их исторической последовательности в соответствии с логикой предмета.

Разумеется, историк имеет дело с развитием знания в социальном контексте. Однако исследователь истории науки не должен допускать крен в социологический анализ, чтобы не обеднить собственно содержательный, когнитивный аспект научных программ. Следует отметить, что в нашей психологической литературе последних лет такая опасность появилась. Она обнаружилась в частности при рассмотрении отечественной психологии 1920-х годов, судеб отдельных ученых: при воссоздании картины научного психологического знания в этот период преобладающее место отводилось материалам о социальной ситуации в стране — и меньшее внимание уделялось анализу его содержательной стороны.

Одним из направлений исторического исследования может быть *научная школа:* «Историко-научная реконструкция деятельности продуктивных научных школ позволяет приблизиться к пониманию детерминант и закономерностей генезиса развития новых концепций, методов исследовательских программ и целых направлений в науке»[1]. Изучение научных школ является важным источником понимания механизма развития науки, поскольку позволяет раскрыть самую деятельность по производству знаний в контексте межличностных отношений, характер научного общения внутри коллектива школы, включая и такие формы взаимодействия между ее членами в процессе совместного труда, как столкновение различных мнений, взаимная критика и т. п. В классическом труде Р. Вудвортса «Современные школы в психологии» (1931) используется именно этот подход для исторического обзора психологии XX в.

Специальных процедур требует изучение *архивных материалов.* Это поиск, комментирование, снабжение сносками, примечаниями и т. п.

В истории психологии применяется *метод интервьюирования.* Эта форма исследования истории науки

[1] *Умрихин В.В.* Развитие советской школы дифференциальной психофизиологии.— М., 1987. С. 8.

25

получила название *«oral history» (устная история).* С ее помощью изучаются творческие механизмы процесса порождения научного знания, генезис научных интересов и др. Метод интервью представляет собой беседу по заранее составленному исследователем перечню вопросов, направленных на получение материалов в соответствии с конкретной задачей исследования. Примерами использования этого метода в истории психологии являются беседы Р. Ивенса, американского психолога, с К. Юнгом, Э. Джонесом, Э. Фроммом и др. Из советских исследователей этим методом пользовались В. Умрихин, Н.А. Даниличева. В связи со 100-летием А.Н.Леонтьева (1903 — 2003) был собран материал 40 интервью с известными психологами, учениками и соратниками А.Н. Леонтьева, в которых воссоздается история созданной им школы, воскрешаются черты яркой личности этого выдающегося психолога XX в.[1]

Биографический и автобиографический методы воссоздают атмосферу реальной жизни, являются источником знаний о духовном развитии ученого, этапах его научного труда. Метод играет огромную роль в

пропаганде науки, дает уникальный материал о жизни людей науки, научном творчестве. В зарубежной науке наиболее интересной из работ такого рода является серия «История психологии в автобиографиях» (ред. К. Мэрчисон (1930-1967, т. 1-4) и Э.Боринг (1967-1974, т. 5, 6), в советской психологии — книга А.Р. Лурия «Этапы пройденного пути. Научная автобиография» (М., 1982).

Анализ научных ссылок, т. е. установление частоты цитирования научных трудов, производится с целью получения сведений о связях между научными направлениями, о переднем крае науки и тенденциях ее развития. Значимость этого приема для изучения состояния и динамики научных исследований ограничена, поскольку частота цитирования определяется не только объективной ценностью научного труда, но и другими факторами[1]. Так, из-за языковых барьеров отечественная психология недостаточно известна за рубежом. Названный прием может использоваться в историческом исследовании только в совокупности с другими методами.

[1] Психология в вузе. 2003. № 1 — 2; Журнал практической психологии. 2003. № 1-2.

26

Источники истории психологии

Ими являются все материалы, которые отражают исторический процесс накопления психологических знаний, и прежде всего труды психологов прошлого, а также философов, в которых исследуются психологические проблемы.

Важным источником развития психологических знаний является общественная практика — медицина, обучение и воспитание, юридическая практика, материальное производство и т. п. К настоящему времени наиболее освоенной психологами областью оказалась медицина, особенно психиатрия. Е.А. Будилова проанализировала материалы суда присяжных, труды религиозных деятелей, юристов, военных теоретиков, русского географического общества, этнографические сборники, труды психиатров, журналы и другие источники и показала становление социально-психологических проблем в русской науке XIX в. Интересные результаты по изысканию и анализу источников, содержащих психологические знания о труде и субъекте труда, получила О. Г. Носкова[2].

Источником психологических знаний являются также другие науки — естествознание (включая физику, химию, астрономию), языкознание, этнография, антропология и др. Этим определяется необходимость обращения историка психологии к истории других наук.

Проблемы, связанные с изысканием и использованием источников, составляют особую область — *источниковедение истории психологии.* Примером исследований в этой области является опыт изучения психологической мысли, содержащейся в разных сферах культуры, областях общественной практики и сознания в России в XVIII в. На этом материале воссоздан начальный период становления психолого-педагогических, этнопсихологических и других идей в России[3].

[1] См.: *Ярошевский М.Г., Маркусова В.А.* Компьютер и этика цитирования // Природа.— 1987.— № 9. С. 100-107.

[2] См.: *Носкова О.Г.* Психологические знания о труде и трудящемся в России конца XIX— начала XX в.: Канд. дисс.— М., 1986.

[3] Психологическая мысль в России: век Просвещения / Под ред. В.А. Кольцовой. — СПб., 2001.

27

Контрольные вопросы

1. В чем заключается специфика предмета истории психологии?
2. Каковы преимущества и ограниченность различных концепций истории психологической науки?
3. В чем заключается категориальный подход к методологии истории психологии? Кто автор этого подхода?
4. Каково значение вопроса о предмете психологии для реконструкции историко-психологического процесса?
5. Каковы условия, причины и периодизация развития психологических знаний?
6. Какие методы исследования разработаны в истории психологии?

Литература[1]

1. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.
2. *Левин К.* Переход от аристотелевского к галилеевскому способу мышления в психологии *//Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды. М., 2001. С.54-84.
3. *Теплов Б.М.* О некоторых общих вопросах разработки истории психологии *//Теплов Б.М.* Избранные труды. М., 1985. Т.2. С. 191 - 198.
4. *Теплов Б.М.* О культуре научного исследования. Там же. С.310-317.
5. *Ярошевский М.Г.* Психология науки. СПб., 1995.

[1] Из приведенных ниже источников преподаватель рекомендует отдельные фрагменты по своему усмотрению. Данное замечание относится к спискам литературы всех разделов.

Раздел I. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В

РАМКАХ УЧЕНИЯ О ДУШЕ

Глава 1. АНТИЧНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Представления о душе существовали уже в древнейшие времена и предшествовали первым научным взглядам на ее природу. Они возникали в системе первобытных верований людей, в мифологии. Художественное народное творчество: поэзия, сказки, а также религия — проявляют большой интерес к душе. Эти донаучные и вненаучные представления очень своеобразны и отличаются от знаний о душе, которые развиваются в науке и философии, по способу их получения, по форме их воплощения, по своему назначению. Душа рассматривается здесь как нечто сверхъестественное, как «зверек в животном, человек внутри человека. Деятельность животного или человека объясняется присутствием этой души, а его успокоение во сне или в смерти объясняется ее отсутствием; сон или транс представляют собой временное, а смерть — постоянное отсутствие души. Так как смерть является постоянным отсутствием души, предохраниться от нее можно, либо закрыв душе выход из тела, либо, если она его покинула, добившись ее возвращения. Меры предосторожности, принимаемые дикарями для достижения одной из этих целей, выступают в виде запретов или табу, являющихся не чем иным, как правилами, предназначенными достигнуть постоянного присутствия или возвращения души»[1].

В отличие от этого, уже самые первые научные представления о душе направлены на объяснение души и ее функций. Они возникли в древней философии и составили учение о душе. Учение о душе является первой

[1] *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь.— М., 1980. С. 205.

31

формой знаний, в системе которых начали развиваться психологические представления: «...психология как наука должна была начаться с идеи души»,— писал Л.С. Выготский. Она явилась «первой научной гипотезой древнего человека, огромным завоеванием мысли, которому мы сейчас обязаны существованием нашей науки»[1].

Философия возникла в эпоху смены первобытнообщинного строя классовым рабовладельческим обществом почти одновременно как на Востоке — в Древней Индии, Древнем Китае, так и на Западе — в Древней Греции и Древнем Риме. Психологические проблемы явились частью философии, они возникали неизбежно, так как предметом философских размышлений, направленных на рациональное объяснение, был мир в целом, включая вопросы о человеке, его душе и т. п. В связи с этим встает проблема преемственности в развитии психологических знаний в странах Востока и Запада, проблема взаимовлияния психологической и философской мысли между Востоком и Западом. Контакты между народами, взаимодействие культур — постоянный фактор исторического развития народов. Известно, что Древняя Греция имела богатые связи со странами Ближнего Востока — Сирией, Вавилонией, Египтом. Однако в силу исторических условий развития к VI в. до н. э., когда в Древней Греции возникла философия, в Вавилонии и Древнем Египте она не сложилась: здесь продолжала свое существование религиозно-мифологическая идеология. В отношении научных знаний ряд народов Африки и Передней Азии опередили греков: у них раньше появилась письменность; у египетских и вавилонских жрецов развивались астрономические и математические знания. Эти знания активно усваивались древними греками. Ряд представлений о природе и психике созвучны в философских школах Древней Греции и Древних Индии и Китая. Например, поиск первоначал, первооснов природных явлений, понимание души как источника движения и приписывание психического всей физической природе, идея о переселении душ характерны для древнеиндийских и древнегреческих мыслителей. Однако это созвучие идей еще не доказывает их проникновения в

[1] *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т.1.— М., 1982. С. 429.

32

Древнюю Грецию из Индии и Китая. Исследования показали, что древнеиндийская философия явилась источником философской мысли всего Востока[1]. Определяющее влияние на последующее развитие европейской культуры оказала философия Древней Греции. Ф. Энгельс отмечал: «В многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения почти все позднейшие типы мировоззрений»[2]. В Античности сложились классические формы философии, в которых гармонично сочетались мировоззренческие этические, онтологические и гносеологические аспекты, они были связаны с науками и направлены на познание мира, утверждали роль опыта и разума. Психологические представления западноевропейской мысли берут свое начало от Античности.

В то же время ученых Запада (философов и психологов, когда психология выделилась в самостоятельную область научного знания) привлекала восточная мысль: ее глубина, духовность, представления о человеке и путях его совершенствования, сила ее воздействия на людей. Однако большие различия между философией Востока и Запада, определяемые особенностями социально-экономического развития стран Запада и Востока, традициями их духовной жизни, затрудняют синтез представлений о человеке в этих двух направлениях. Особенно большой интерес к Востоку замечается в психологии в XIX — XX вв. (например, в психоаналитической концепции К. Юнга, у Э. Фромма) в связи с обострившейся в условиях кризиса буржуазного общества потребностью в уяснении истинной сущности человека, духовности его устремлений и т. п.

Учитывая сказанное и принимая во внимание крайне недостаточную изученность древнеиндийской и древнекитайской психологии, начнем изложение процесса формирования психологических знаний с Античности. Античная психология возникла и развивалась в условиях античного рабовладельческого общества как отражение запросов социальной практики и в тесной связи с наукой своего времени. Изменения, которые претерпе-

[1] См.: *Щербатской Ф.И.* Избранные труды по буддизму.— М, 1988.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 5.

33

вали рабовладельческая общественно-экономическая формация истории, объясняют специфику в трактовке человека, в том числе учения о душе, смену аспектов и направлений в подходах к проблемам, касающимся души. Античную психологию питал гуманизм греческой культуры с ее идеей полноты жизни как гармонии телесной и духовной сторон, культом живого, здорового прекрасного тела, любви к земной жизни. Ее отличают тонкий интеллектуализм, высокое отношение к разуму. Велико значение античной психологии. Здесь начало всей научной психологии, всех ее основных проблем.

Основные положения материалистического учения о душе в античной психологии

Материалистическое учение о душе сложилось и развивалось как часть материалистической философии, которая возникла в VI в. до н. э. и явилась исторически первой формой древнегреческой философии. Первые представления о душе возникают в период ранней классики (VI — V вв. до н. э.) в натурфилософии древних ионийцев Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена и эфесянина Гераклита. Эти мыслители учат о четырех стихиях, лежавших в основе всего. По Фалесу, это вода, по Анаксимену — воздух, по Гераклиту — огонь. Парменид называл первоэлементом землю. Гераклит называл огонь также Логосом, который отождествлял с Разумом. Логос — это также закон, который, несмотря на изменения («все течет», «ничто не имеет устойчивости»; «нельзя дважды войти в один и тот же поток»), оставляет строй целого неизменным. Душа есть часть божественного огня. Чем больше огня, тем больше души. «Сухая душа мудрейшая и лучшая». При выходе из тела огонь продолжает существовать.

Эмпедокл из Агригента вносит идеалистические представления о двух силах, управляющих смешением и разделением элементов мира: связующей — ее он называет Любовью — и разъединяющей — ее он называет Ненавистью,— которые из четырех элементов образуют весь мир. В этих идеях Эмпедокла психолог XX века З. Фрейд увидел соответствие своей психоаналитической теории о двух первоначальных инстинктах — стрем-

34

лению к Эросу и стремлению к деструктивности, которые, как он утверждал, направляют жизнь отдельного человека и развитие культуры в целом[1].

Вершиной античного материализма был атомистический материализм, родоначальниками которого являются Демокрит и его учитель Левкипп (V в. до н. э.). Демокрит действовал в период восходящего развития рабовладельческого строя, который сопровождался величайшим подъемом древнегреческой науки, искусства (архитектуры, скульптуры) и литературы. В элинистический период учение Демокрита было развито Эпикуром (IV— III вв. до н. э.) и его школой, известной в истории под названием «Сад». В этой школе в связи с изменением исторической ситуации центр тяжести в философии смещается с вопросов, касающихся природы, на проблемы человека, познание природы начинает занимать подчиненное место. Последователем Эпикура в Риме до I в. до н. э. был Лукреций, изложивший эпикурейское мировоззрение в философской поэме «О природе вещей».

Систему атомистического материализма развивали стоики в первый материалистический период своего существования (III в. до н. э., основатели — Хризипп и Зенон-стоик; эта система развивалась также и в последующие два столетия до н. э. и первые столетия н. э.). У стоиков в условиях углубляющегося процесса потери Грецией своей политической самостоятельности, последовавшей после завоеваний Александра Македонского (334 — 233 гг. до н. э.), наблюдается дальнейшее развитие философии в направлении от умозрения к решению личностью нравственных задач: лишь путем сосредоточения на своей внутренней жизни можно обрести свободу, независимость от внешнего мира. Далее будут рассмотрены психологические идеи античного атомистического материализма[2]. При этом в целях создания целостного представления об этом направлении в его развитии от Демокрита до стоиков, т. е. от V в. до н. э. до V в. н.э. допущено отступление от хронологического принципа изложения.

[1] *Фрейд З.* Анализ конечный и бесконечный // Психологическое консультирование и психотерапия: Хрестоматия. Т.1. Теория и методология.— М., 1999. С. 98-99.

[2] См.: Материалисты Древней Греции / Под ред. М.А. Дынника.— М., 1955; *Лукреций К. О* природе вещей.— М., 1958.

35

Основой психологических воззрений этих философов был античный атомистический материализм. Согласно этой теории, все существующее состоит из двух начал — бытия (неделимые атомы) и небытия (пустота). Атомы— мельчайшие субстанции, неделимые и недоступные чувствам, различающиеся по

форме, величине и подвижности. Все вещи образуются из составляющих их атомов. Так называемые чувственные качества — цвет, вкус и т. п.— Демокрит не приписывал атомам. «Лишь в общем мнении существует цвет, в мнении — сладкое, в мнении — горькое, в действительности же существуют только атомы и пустота»[1]. Эти качества возникают в человеческом восприятии и являются продуктом соединения атомов. На противоречивый характер этих положений обращали внимание уже античные комментаторы Демокрита. «Сводя чувственные качества к формам атомов, он в то же время говорит, что одно и то же одним кажется горьким, другим — сладким, третьим — еще иначе»[2]. Эпикур, следовавший Демокриту и принимавший его систему за ее естественность, считал, что и чувственные качества также существуют объективно. Он приписывал атомам вес, ибо необходимо, говорил он, чтобы тела двигались в силу тяжести. Эпикур внес в атомное учение идею самопроизвольного отклонения атомов, благодаря чему реально их движение происходит по кривым. Опираясь на это положение, Эпикур объясняет происхождение мира как результат столкновения атомов. Диалектический смысл идеи спонтанного отклонения атомов впервые раскрыл К. Маркс в своей докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура», оценив эту идею как указание на наличие в самой материи источника движения,— вопрос, который был наиболее трудным для всего механистического материализма.

Новые моменты в античный атомистический материализм, в его физику внесли стоики[3]. Они разработа-

[1] См.: Материалисты Древней Греции. С. 61.

[2] Там же. С. 81.

[3] Стоики делили философию на физику (учение о природе), логику (учение о познании) и этику, важную часть которой составляло учение об аффектах.

36

ли учение о стадиях эволюции мира. На первоначальной стадии существуют только тончайшие частицы — атомы огня. Вселенная представляет сплошной разум. Потом начинается движение к отяжелению. Образование мира стоики рассматривали как превращение первоначального огня в парообразную массу, из которой образуются сначала неживая природа, затем растения, животные и, наконец, человек. Через некоторое время начинается обратный процесс, когда все возвращается к началу, снова превращается в огненный пар. Мировой цикл завершается. Потом следует новое образование мира, и в нем все будет происходить по тем же законам, пока все снова не будет уничтожено. Жизнь мира состоит из мировых циклов, которые бесконечно повторяются. Таким образом, над миром властвуют два начала: закономерность, с которой следуют возникновение и уничтожение, и рок, или судьба, как их проявление в единичной человеческой жизни.

На основе физических представлений разрабатывалось психологическое учение о душе, познании, чувствах, воле, а также ставились и решались практические вопросы в области человеческого поведения.

Учение о душе

Демокрит понимал душу как причину движения тела. Душа материальна и состоит из самых мелких, круглых, гладких, необыкновенно подвижных атомов, рассеянных по всему организму. Душа, как и огонь, состоит из этих атомов: она — это атомы огня по своей форме и активности. Когда мелкие частицы проникают в тяжелые, они вследствие того, что по своей природе никогда не бывают в покое, двигаясь, приводят тело в движение, становясь душой этих тяжелых тел. Таким образом, душа понимается как продукт распределения атомов в теле. Демокрит приписывал душе движения в материальном смысле как пространственное перемещение. Когда сложные тела распадаются, маленькие выходят из них, рассеиваются в пространстве и пропадают. Значит, душа смертна и уничтожается вместе с телом. Когда мы дышим, мы втягиваем в себя частицы, составляющие душу, которые находятся в большом числе в воздухе; выдыхая, мы выбрасываем

37

какую-то часть нашей души. Таким образом, душа непрерывно материально обновляется с каждым вздохом. Демокрит считал, что душа принадлежит всем, даже мертвому телу, но только у последнего очень мало души. Так Демокрит приходит к панпсихизму: все — и растения, и камни — имеет душу.

Болезнь — это изменение пропорции атомов. В старости число подвижных атомов уменьшается. В органах чувств мелкие атомы ближе всего к внешнему миру, поэтому они приспособлены для внешнего восприятия. Особенно благоприятное соотношение легких и тяжелых атомов — в мозгу: он — место высших душевных функций, способности к познанию. Органом благородных страстей является сердце, чувственных желаний и вожделений — печень. Таким образом, Демокрит дает естественное понимание души. Душа выступает продуктом организации тела, а не является изначальным принципом. Она не существует вне тела. Ограниченностью взглядов Демокрита является количественный принцип, не позволяющий отличить психические процессы от материальных. Характерно, что отличая душу от тела, Демокрит считает ее телом, хотя и особым телом. Античному материализму свойственна материализация души: душа не только рассматривается в единстве с телом — в этом состоит признак всякого материалистического учения о душе, но сама является телом. При этом аргументом в пользу материальности души служит следующее рассуждение: если душа движет телом, значит, она сама телесна, поскольку механизм действия души на тело мыслился как материальный процесс по типу толчка. Доводы в пользу телесности души подробно

развивает Лукреций.

Эпикур, Лукреций, а также стоики продолжили разработку представлений Демокрита о душе. По Эпикуру, душу имеют только те существа, которые могут ощущать. Стоики выделяли восемь частей души: управляющее начало (разум у человека или инстинкт у животных) , от нее «происходит семь других частей души, распространяющихся по телу наподобие щупалец осьминога. Пять из этих семи частей души составляют чувства: зрение, обоняние, слух, вкус, осязание. Зрение — это пневма, распространяющаяся от управляющей части до ушей; обоняние — это пневма, распрос-

38

траняющаяся от управляющей части до носа; вкус — это пневма, распространяющаяся от управляющей части до языка; осязание — это пневма, распространяющаяся от управляющей части до поверхности вещей, которых можно коснуться чувствами. Из остальных частей одна называется воспроизводящей — она пневма, распространяющаяся от управляющей части до детородных органов. Другая часть — это то, что Зенон-стоик называл голосом — она пневма, распространяющаяся от управляющей части до горла, языка и других органов речи. Управляющая часть помещается, словно в мироздании, в нашей шарообразной голове»[1]. В учении стоиков о душе проявляется рационализм, свойственный их мировоззрению в целом: разум является ведущей высшей частью души. Лукреций различает дух и душу: дух называется еще умом, он — душа души.

Учение о познании

В античном атомистическом материализме различаются два вида познания — ощущение (или восприятие) и мышление. Началом и источником познания являются ощущение и восприятие. Они дают знания о вещах: ощущение не может возникнуть от несуществующего. Это верные знания, ощущения нас не обманывают. Самое надежное, говорит Эпикур, обращаться к чувствам внешним и внутренним. Ошибки возникают от вмешательства разума. Демокрит называет чувственное познание «темным» родом познания. Оно ограничено в своих возможностях, так как не может проникнуть до слишком малого, до атома, до сокровенного, по Эпикуру. В материалистическом учении Демокрита об ощущении содержится непоследовательность, связанная с различением качеств, которые существуют «поистине» (т. е. объективно) и теми, которые существуют лишь «в общем мнении» (чувственные качества). Это различение породило большую философскую проблему первичных и вторичных качеств, развитую в Новое время (Дж. Локк, XVII в.). Восприятие рассматривалось как естественный физический процесс. От вещей

[1] Цит. по: Антология мировой философии. В 4 т. / Под ред. В.В. Соколова. Т. 1.— М., 1969. С. 491-492.

39

отделяются — истекают — тончайшие пленочки, копии, образы, идолы (эйдолы), по внешнему виду подобные самому предмету. Они суть формы или виды вещей. Они летают в пространстве и попадают в органы чувств, например в глаз. При этом из глаза направляется встречный поток атомов души, которые — как сотканные из тончайшего эфирного вещества щупальцы — распространяются органом зрения и улавливают — ощупывают — образы. Большой образ ужимается до размеров, позволяющих войти в глаз. Когда поток образов изнутри сливается с потоком, идущим извне, воздух, находящийся между глазом и предметом, получает отпечаток, который отражается во влажной части глаза. Так, образ возникает без участия субъекта и лишь улавливается им. «Видим же мы вследствие вхождения в нас идолов (образов)»[1]. Образы могут восприниматься любыми частями тела, только в этом случае восприятие будет хуже, чем органы чувств[2].

Теория Демокрита — наивный способ решения проблемы процесса восприятия, но важно, что им сделана попытка объяснить процесс восприятия материалистически вполне естественным путем. Представление Демокрита о чувственном познании получило развитие у Эпикура, Лукреция и стоиков. Эпикур защищает теорию истечений, объясняет, как происходит видение, слышание, ощущение запаха и др. Он указывает на целостную природу восприятия: все чувственные качества улавливаются не по отдельности, а в сопровождении с целым.

Лукреций останавливается на некоторых вопросах восприятия: о силе воздействия, способной производить ощущение, о восприятии расстояния и др. «Чувств опровергнуть ничем невозможно»[3], они дают истинное познание.

Стоики внесли ряд новых моментов в учение об ощущении. «Стоики говорили: когда человек рождается, его управляющая часть души подобна листу папируса, готовому воспринять надписи. Именно на душе человек записывает каждую свою мысль, и его первая

[1] См.; Материалисты Древней Греции... С. 89.

[2] Там же. С. 96.

[3] *Лукреций*. О природе вещей.— М., 1946. Кн. IV.

40

запись производится чувствами[1]. Постигающие представления, т. е. представления, «которые у них считаются критерием всякого предмета»[2], являются продуктом особого процесса — каталепсии, предполагающего участие разума.

Продолжением ощущения является мышление. Демокрит называет его светлым родом познания, истинным, законным познанием. Оно более тонкий познавательный орган и схватывает атом, недоступный ощущению, скрытый от него. По Эпикуру, в отличие от ощущения, мышление дает знание общего в виде понятий или общих представлений, позволяет охватить большее количество частных явлений — в этом его преимущество по сравнению с ощущением, которое дает единичное представление.

Для Демокрита, а также Эпикура, Лукреция и стоиков характерно такое понимание процесса познания, при котором его чувственная ступень не отрывается от мышления, хотя они, безусловно, различаются. Мышление сходно с ощущением по своим механизмам: в основе того и другого лежит истечение образов от предметов. «...Ощущение и мышление возникают вследствие того, что приходят извне образы. Ибо никому не приходит ни одно ощущение или мысль без попадающего в него образа»[3].

Стоики различали внешнее и внутреннее мышление. Внутренний разум — это способность следить за соотношением вещей в ситуации и умение правильно намечать соответствующее поведение. Образуется на основе восприятия. Внешнее мышление, или внешняя речь,— это речевое мышление, превращение внутренних мыслей во внешнее рассуждение. В связи с выделением речевого мышления стоики начали анализ слова как явления языка. Хризипп ввел различение обозначаемого, обозначающего и объекта; положил начало учению о слове и его происхождении (этимология). Этим была поставлена проблема значения слова.

[1] Антология... С. 492.

[2] *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.— М, 1979. С. 283.

[3] Материалисты... С. 89.

41

Проблема чувств

Чувства рассматривались в системе атомистического материализма в связи с этическими проблемами как основание для этики. Демокрит различал удовольствие и неудовольствие как показатели полезного и вредного. «Удовольствие... есть состояние, соответствующее природе живого организма, а страдание — состояние, чуждое этой природе. Удовольствие и страдание служат критериями решений относительно того, к чему следует стремиться и чего избегать»[1]. Целью жизни Демокрит считал «хорошее спокойное расположение духа (эвтюмия), которое не тождественно с удовольствием, как некоторые, не поняв как следует, истолковали, но такое состояние, при котором душа живет безмятежно и спокойно, не возмущаемая никаким страхом, ни боязнью демонов, ни какой-либо другой страстью»[2]. Это состояние достигается, если сделать свои удовольствия не зависимыми от преходящих вещей, вообще «от умеренности в наслаждении и гармонической жизни»[3].

По Эпикуру, чувства есть некоторая помеха, и для удовлетворенного состояния необходимо избегать душевных тревог. В то же время Эпикур утверждал, что целью жизни является разумное удовольствие. Удовольствие — это свобода от неудовольствия, бестревожность — *атараксия.* Между этими высказываниями нет противоречия. Под удовольствием как целью жизни Эпикур понимал «не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении ... но ... свободу от телесных страданий и душевных тревог»[4]. Главными чувствами, нарушающими спокойствие духа, являются страх смерти и страх перед богами, от которых, якобы, зависит судьба человека. «Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам отношения. Ведь все хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения»5.

[1] Материалисты... С. 85.

[2] Там же. С. 154.

[3] Там же. С. 160.

[4] Там же. С. 212.

[5] Там же. С. 209.

42

Надо освободиться и от страха перед богами. Эпикур не отрицал существования богов, но призывал к правильному представлению о них. Оно достигается теоретическим познанием «...если мы будем относиться ко всему со вниманием, то будем правильно определять причины, вызывающие смятение и страх, и определяя причины небесных явлений и остальных спорадически случающихся фактов, мы устраняем все, что крайне страшит отдельных людей»[1].

По Лукрецию, чувства целиком зависят от разума. В противном случае, они вводят нас в заблуждения. Стоики смешивали стремления и чувствования в понятии аффекта и внесли большой вклад в учение об аффектах.

Аффекты — это чрезмерные противоразумные и противоестественные движения души, связанные с неправильными представлениями о вещах. К отдельным аффектам они также применяли определение «неразумное», например, желание — неразумное стремление или поиски ожидаемого блага, удовольствие — это неразумное возбуждение от наличного блага, скорбь — неразумное душевное сжатие от наличного зла и др. Всего стоики насчитывали 26 аффектов и в зависимости от времени и объектов, к которым они

относятся, распределяли их по классам: удовольствие (радость, наслаждения, веселость); неудовольствие (печаль, страдание) и его разновидности — сострадание, зависть, соревнование, горе, смущение, обида, печаль, уныние; желание (его разновидности — потребность, ненависть, гнев, любовь, злоба, досада); страх (боязнь, нерешительность, стыд, испуг, потрясение, беспокойство).
Стоики различали три стадии нарастания аффективного состояния.
1. Под влиянием внешних воздействий наступают физиологические изменения в организме: аффекты, как и любое другое проявление души, телесны, без телесных изменений нет аффектов.
2. Непроизвольно наступает мнение о том, что произошло и как нужно реагировать. Это психический, но непроизвольный компонент.
[1] Материалисты... С. 196.
43
3. Должен вмешаться разум. Возможны два случая:
а) разум не дает влечению сделаться аффектом, составляя суждение о ценности происходящего с точки зрения блага или зла (благо, зло и безразличное — основные понятия этической части философии стоиков) ;
б) если же разум слаб или отягчен обычными предрассудками, он увлекается к неправильному суждению, и тогда возникает аффект.
Таким образом, хотя аффект противоразумен, ибо находится в противоречии с правильными суждениями разума, свое основание он имеет в разуме, а именно в неправильном суждении. Поэтому стоики и называют страсть суждением. Быть или не быть аффекту также зависит от разума. Поэтому, где нет разума, там нет аффектов: у детей, у животных, слабоумных, хотя у них есть естественные влечения. Эти влечения нельзя считать аффектами, поскольку аффект основывается на неправильном суждении, Хризипп называет его ошибкой разума. Надо не допускать этой ошибки, и моральная задача, проповедуемая стоиками, сводилась не к смягчению аффектов, а безусловному их искоренению[1].
Абсолютно отрицательное отношение к аффектам с моральной точки зрения сочетается у стоиков с положением о наличии добрых страстей. Их три: радость, осторожность и воля. Радость противоположна наслаждению и представляет собой разумное возбуждение; осторожность противоположна страху и представляет собой разумное уклонение (так, мудрец, не будет пуглив, но будет осторожен); воля противоположна желанию и представляет собой разумное возбуждение.
Для случаев, когда аффект все же становится неизбежным, была разработана «рецептура» по борьбе с аффектами. Вот некоторые из рекомендаций стоиков:
1) не дать аффекту принять внешнее выражение: внешнее выражение укрепляет аффект. Поэтому чрезвычайно важно бороться с внешними проявлениями страстей;
2) не преувеличивать аффект воображением;
[1] Антология... С. 511.
44
3) не спешить с одобрением аффекта, «оттянуть» последний этап нарастания аффективного состояния (например, сосчитать до 10) и этим создать расстояние между аффектом и деятельностью в направлении аффекта;
4) отвлечься на воспоминание другого рода, например, при страхе вспоминать примеры мужества, выдержки;
5) разоблачить действия, на которые толкает аффект, и др.
Учение стоиков об аффектах и рекомендации по борьбе с ними занимают важное место в истории психологии. Особо следует отметить его воспитательное значение.

Проблема воли и характера

Проблема воли разрешается Демокритом на основе учения о необходимости и случайности. Органической частью материализма Демокрита является жесткий детерминизм: «Ничто не происходит случайно, но есть некоторая определенная причина для всего, о чем мы говорим, что оно произошло спонтанно и случайно»[1]. Все существующее в мире подчинено необходимости. Мир возник в результате вихреобразного движения атомов, в процессе которого атомы сталкиваются, кружатся, склеиваются и образуют небесные светила и другие сложные тела. Демокрит отвергает идеалистическое учение о целесообразности в природе, и движения души всецело обусловливаются извне. Но так механистически понимаемая детерминированность всего снимает всякую свободу и потому — моральную оценку. Уже античные комментаторы Демокрита видели противоречие его учения фактам. «От нас не ускользает, как велика разница между тем, когда человек ходит сам и когда его ведут, между свободным выбором и действием по принуждению...»[2]. В другом месте: «...тем самым способом, каким мы непосредственно воспринимаем самих себя, мы непосредственно же постигаем, что в нас происходит по свободному выбору, а что в силу внешнего воздействия»[3]. На ма-
[1] *Лурье С.Я.* Демокрит.— Л., 1970. С. 213.
[2] Там же. С. 218.
[3] Там же. С. 222.

45
териале учения Демокрита становится очевидной невозможность решить проблему свободы человеческой воли на основе жесткого детерминизма. Эпикур, распространив учение о самопроизвольном отклонении атомов на природу человеческого поведения, считал, что каждый человек наделен элементом свободы воли. Он не только находится под воздействием внешних сил, но является и активным действующим субъектом, смеющимся над судьбой, исполняющим намерения и достигающим блага при жизни.

Диалектическую концепцию соотношения свободы воли и необходимости продолжил Лукреций. Своеобразно понимание свободы у стоиков. Поскольку все в действительности подчиняется закономерности, постольку все происходящее в мире и с отдельным человеком разум воспринимает как необходимое и естественное неумолимое действие объективных обстоятельств. Человеку остается добровольно принять предписания рока. В этом добровольном следовании необходимости и заключается свобода. Так покорность и подчинение осознанной необходимости соединяются с утверждением в себе чувства внутренней свободы, которое и делает человека способным отстаивать себя даже вопреки неблагоприятному естественному ходу исторического процесса. Идеология покорности, подчинения судьбе была воспринята и развита христианством. Энгельс назвал Сенеку, сторонника философии стоицизма, «дядюшкой христианства». В стоицизме провозглашается презрение к богатству, идея равенства всех людей и некоторые другие идеи, созвучные христианству. Социальной базой стоицизма были исторические условия рабовладельческого общества того периода как времени «всеобщего экономического, политического, интеллектуального и морального разложения, когда настоящее невыносимо, будущее, пожалуй, еще более грозно»[1]. В этих условиях покорность явилась одним из путей личного самоопределения и поведения. Вера стоиков в силу души перед судьбой воспитывала уважение к сильному характеру, укрепляла моральный дух человека[2]. По учению стоиков,

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 312.

[2] См.: *Сенека Л.А.* Нравственные письма к Луцилию.— М., 1977.

46
характер — это определенность, печать своеобразия, которая отличает поступки одного человека от другого и выражает специфическое отношение человека к миру, к себе и к другим людям. «Великое дело играть всегда одну и ту же роль ...Потребуй от себя одного — каким ты был вначале, таким оставайся до конца. Сделай так, чтобы тебя хвалили, а не сможешь — так хоть чтобы узнавали»,— писал Сенека. К наиболее ценным чертам характера стоики относили мужество, самообладание, спокойствие духа, справедливость.

Характер основывается на мировоззрении, опирается на представления о благе, зле и безразличном. Жизненные трудности, с которыми встречается человек, приобретают значение технических помех. «В недосягаемом месте та душа, что покинула все внешнее и отстаивает свою свободу в собственной крепости: никакое копье до нее не долетит»,— писал Сенека. Это высказывание не следует понимать как призыв к уходу от жизненных дел и обязанностей; стоики требовали от человека исполнения его гражданских, семейных и других обязанностей. Мудрец может отдать свою жизнь за отечество и за своих друзей. Главная роль в формировании характера принадлежит закаливанию духа долгими упражнениями, путем совершения поступков, а также с помощью наблюдения за поступками героев, размышления над ними. Каждый может и должен воспитывать в себе сильный характер. «Если что-нибудь тебе не по силам, то не решай, что оно вообще невозможно для человека. Но если что-нибудь возможно для человека и свойственно ему, то считай, что оно доступно и тебе»[1].

В целом в философии стоицизма человек предстает как свободное существо, хотя он и действует в соответствии с долгом: он делает то, что подобает делать. Он склонен к внутреннему созерцанию, «...должно неустанно наблюдать за собою»,— характерное название одного из разделов учения Эпиктета (55— 135 гг., Поздняя стоя). «Смотри внутрь себя»,— один из советов Марка Аврелия (также Поздняя стоя, 121 — 180 гг.). Он не тщеславен и бесстрастен. Но его бесстрастность

[1] *Аврелий Марк.* Наедине с собой. Размышления. — М., 1914. С. 77 — 78. Книга шестая.

47
отличается от другой бесстрастности, человека черствого и жестокого. Идеал человека в стоицизме — независимость от внешних обстоятельств, автономность, самодостаточность *(автаркия),* в отличие от христианского идеала человека, который ищет помощи у Бога.

В строгой морали стоицизма слишком много интеллектуализма. Многие ли могли воспользоваться стоической мудростью? Среднему человеку оказались гораздо ближе слова апостола Павла: «Не понимаю того, что делаю, потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю». Так стоицизм подготавливал почву для христианства.

Идеалистическая психология Платона

По замечанию Энгельса, «при всем наивно-материалистическом характере мировоззрения в целом, уже у древнейших греков имеется зерно позднейшего раскола. Уже у Фалеса душа есть нечто особое, отличное от тела (он и магниту приписывал душу), у Анаксимена она — воздух (как в Книге бытия), у пифагорейцев она уже бессмертна и переселяется, а тело является для нее чем-то чисто случайным. И у пифагорейцев душа есть «отщепившаяся частица эфира»[1]. Именно в трактовке особенностей души в их отличии от тела

постепенно нарастают идеалистические тенденции. Пифагореец Филолай впервые обозначил тело тюрьмой для души. Анаксагор выдвинул учение об уме — «нус» — как причине всего, как принципе космоса, движения, целесообразности, признавая в то же время и причины эмпирического естественно-научного характера. Против этой непоследовательности Анаксагора, а также против движения софистов с их положениями об относительности знаний, понятий добра и зла, снижением интереса к вопросам натурфилософии и критериям поведения выступил **Сократ** (470 — 399 гг. до н. э.). Сократ посвятил свои силы борьбе за существование философии и связанной с ней нравственной истины и создал для нее фундамент. Целью деятельности Сократа и учительства софистов было сделать людей лучшими. Софисты по-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 504.

48

нимали эту цель в житейском смысле как задачу сделать людей более ловкими в житейских и политических делах. Они опирались при этом на практически полезное знание, служащее интересам субъекта; утверждали относительность этических понятий лучшего, добродетели и др. «Человек есть мера всех вещей»,— было основным положением софистики. Так софист **Протагор** говорил: «Тот, кто приходит ко мне, научится только тому, для чего он пришел. Наука же эта — смышленость в домашних делах, уменье наилучшим образом управлять своим домом,— а также в делах общественных: благодаря ей можно стать всех сильнее и в поступках, и в речах, касающихся государства».[1] Искусство жить сводилось к умению обмануть других, например, представить слабого — сильным. В числе других приемов, которые софисты предлагали юношеству, была *мнемоника* (совокупность приемов, облегчающих запоминание): обучение ораторскому искусству требовало запоминания обширного материала. В смысле Сократа прежде, чем сделать граждан лучшими, надо уяснить, что такое человек. *«Познай самого себя»* — таков девиз Сократа. В отличие от софистов, которые сближали добродетель с благоразумием в житейских делах и полагали, что ее можно преподавать как любое другое искусство — «приобрести и привить воспитанием», Сократ выбирает другой путь. Найти признаки добродетели путем выделения из имеющихся в уме эмпирических представлений о хорошем случайных непостоянных признаков и выявления таких, которые присущи всем видам добродетели, т. е. самого существа добродетели. Божественный разум, по Сократу, является единственной причиной всех явлений. Из положения о несводимости общего к единичным проявлениям Сократ пришел к пренебрежению единичным и признанию объективности общего. Основанием нравственного поступка является знание блага. Добродетель состоит в знании добра и действии в соответствии с этим знанием. Храбр тот, кто знает, как нужно вести себя в опасности, и так поступает. Знание обладает активной силой. Оно хранится в тайниках души каждого человека. Его можно освободить от ходячих ложных мнений с помощью повиваль-

[1] *Платон.* Соч.: в 3 т. Т. 1.— М., 1968. С. 200.

49

ного искусства, которое позволяет вывести истинное познание на свет божий. Повивальное искусство *(майевтика)* — это беседа, в которой с помощью вопросов собеседнику должна открыться необходимость более углубленного самопознания, проверки собственных взглядов[1]. Разрушая ходячие представления, которые люди повторяют без достаточного понимания, Сократ настаивал на возможности точного знания нравственных добродетелей, доказывал, что истинное благо человека состоит не в удовлетворении случайных желаний, а в жизни сообразно с добродетелью. За свои проповеди он был обвинен в том, что подрывает веру в богов и развращает юношество, и приговорен афинским судом к смертной казни. Обвинение было ложное, но он не стал оправдываться. Деятельность Сократа увенчалась его доблестной смертью. Составленная Платоном от лица Сократа «Апология» (защитительная речь) воссоздает образ бесстрашного мудреца, свободного от страха, всецело преданного истине.

В учении о душе Сократ впервые указал на разграничение между телом и душой и провозгласил нематериальность и невещественность души. Он определил душу отрицательно — как нечто, отличное от тела. Душа невидима, в отличие от видимого тела. Она — разум, который является началом божественным. Он защищал бессмертие души.

Так постепенно наметилось движение античной мысли в направлении идеалистического понимания души. Своего наивысшего развития идеализм достигает у ученика Сократа — **Платона** (427 — 347 гг. до н. э.), ставшего основоположником объективного идеализма. Наибольшее место психологическим проблемам отводится в диалогах Платона «Федон», «Федр», «Пир», «Государство», «Филеб».

Центральной философской проблемой Платона является учение *об идеях.* Идеи — это истинно сущее бытие, неизменяемое, вечное, не имеющее возникно-

[1] Сократ излагал свои взгляды в устной форме, в беседах с разными людьми. Сведения об их содержании дошли до нас в сочинениях его учеников Платона и Ксенофонта. Важнейшими источниками об искусстве сократической беседы являются «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта и диалоги Платона («Теэтет» и др.).

50

вения, не осуществленное в какой-либо субстанции. Они безвидны и незримы, существуют самостоятельно, независимо от чувственных вещей. В отличие от идей, материя — это небытие, бесформенное незримое. Это ничто, которое может стать любой вещью, т. е. всем при соединении с определенной идеей. Наконец, чувственный мир, т. е. материальные вещи, предметы, естественные (мир природы) и сделанные человеком.

Этот мир возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле. Соотношение идей и вещей таково, что миру идей принадлежит неоспоримое первенство. Идеи и вещи не равноправны: идеи суть образцы, вещи — их подобия. В стихотворной форме это понимание передал русский философ Вл. Соловьев: «...все видимое нами только отблеск, только тени от незримого очами». Идея выступает как цель, к которой, как к верховному благу, стремится все сущее. Учение Платона об идеях есть объективный идеализм.

Составной частью идеалистической философии Платона является учение о душе. Душа выступает в качестве начала, посредствующего между миром идей и чувственных вещей.

Душа существует прежде, чем она вступает в соединение с каким бы то ни было телом. В своем первобытном состоянии она составляет часть мирового духа, пребывает в премирном пространстве, в царстве вечных и неизменных идей, где истина и бытие совпадают, и занимается созерцанием сущего. Поэтому природа души сродни природе идей. «Божественному, бессмертному, умопостигаемому, единообразному, неразложимому, постоянному и неизменному в самом себе в высшей степени подобна наша душа»[1]. В отличие от души, тело подобно «человеческому, смертному, постигаемому не умом, многообразному, разложимому и тленному, непостоянному и несходному с самим собою»[2].

Индивидуальная душа есть не что иное, как образ и истечение универсальной мировой души. Ее соединение с телом Платон объясняет отпадением от истины к тому, что от нее имеет бытие. Душа по своей

[1] *Платон.* Соч.: В 3 т. Т.2.— М, 1970. С. 45.

[2] Там же. С. 45.

51

природе бесконечно выше тленного тела и потому может властвовать над ним, а оно должно повиноваться ее движениям. Телесное, материальное пассивно само по себе и получает всю свою действительность только от духовного начала. В то же время Платон учит о связи души и тела: они должны соответствовать друг другу. Платон различает 9 разрядов душ, каждая из которых соответствует определенному человеку. Он указывает на необходимость развивать душу и тело в равновесии так, чтобы между ними была соразмерность. Платон решает вопрос и о локализации души в теле. В целом Платон учит о «двухчастном соединении, которое мы именуем живым существом»[1], при руководящей роли в этом союзе души.

Платон дает метафорические образные определения души. В «Государстве» он использует сравнение души со стадом, пастухом и псом, помогающим ему. В «Федре» душа уподобляется крылатой упряжке из двух коней, которой правит возничий. «Две части ее мы уподобим коням... третью — возничему... Один из коней хорош, а другой нет.»[2] В этих определениях в образной форме выражено положение о тройственном составе души — вожделеющем, страстном и разумном.

По Платону, есть **три начала человеческой души.** Первое и низшее общее у человека, животных и растений. Это вожделеющее, неразумное начало. Обладая им, всякое живое существо стремится удовлетворять свои телесные потребности: оно чувствует удовольствие, достигая этой цели, и страдание — в противном случае. Именно этой частью души человек «влюбляется, испытывает голод, жажду и бывает охвачен другими вожделениями»[3]. Она составляет большую часть души каждого человека. Другое — разумное — начало противодействует или противоборствует стремлениям вожделеющего начала. Третье начало — яростный дух. Этой частью человек «вскипает, раздражается, становится союзником того, что ему представляется справедливым, и ради этого он готов переносить голод, стужу и все подобные им муки, лишь бы победить; он не откажется от своих благородных стремлений — либо

[1] *Платон...* Т. 3 (I).— М., 1971. С. 535.

[2] *Платон...* Т. 2. С. 190.

[3] *Платон...* Т. 3. (I). С. 233.

52

добиться своего, либо умереть; разве что его смирят доводы собственного рассудка, который отзовет его наподобие того, как пастух отзывает свою собаку»[1].

Все стороны души должны находиться в гармоничном отношении друг к другу при господстве разумного начала. Его же функцией является «попечение обо всей душе в целом... начало же яростное должно ей подчиняться и быть союзником»[2]. Объединение всех начал сообщает целостность душевной жизни человека. По Платону, «человек обладает силой подлинно внутреннего воздействия на самого себя и на свои способности»[3].

Реальное соотношение частей души далеко от идеала, каким является гармония между ними, в душе происходит настоящая распря между вожделеющим и разумным началами. Эта борьба обнаруживается в сновидениях человека, раскрывая за внешностью вполне умеренного на вид человека «какой-то страшный беззаконный и дикий вид желаний»[4]. Нарушение гармонии приводит к страданию, ее восстановление — к удовольствию. Так, в описание жизни души с необходимостью вводится чувство.

Учение Платона о судьбе души после смерти тела облечено в форму мифа и преследует этические, государственно-педагогические цели: «Если душа бессмертна, она требует заботы не только на нынешнее время, которое мы называем жизнью, но на все времена, и если кто не заботится о своей душе, впредь мы будем считать это грозной опасностью...5 Живя, люди должны верить, что после смерти душа ответственна за все действия тела. Эта вера заставит каждого бояться возмездия в будущей жизни, чтобы не впасть в отрицание всякой морали и долга. Миф о бессмертии души изображает перевоплощение душ — то

ниспадающих с неба на землю, то восходящих с земли на небо, как циклический процесс. Идея бессмертия души скрывает еще один смысл: духовный опыт не умирает со смертью человека, он вечен.

[1] *Платон...* Т. 3. (1). С. 234.

[2] Там же. С. 236.

[3] Там же. С. 239.

[4] Там же. С. 391.

[5] *Платон...* Т. 2. С. 81.

53

В описании проявлений души Платон уделяет особое внимание **познанию** и неотделимому от него удовольствию и страданию. Платон различает мнение, рассудок и разум в зависимости от объекта познания: направлено ли оно на идеи или на чувственный мир. Разобщенность этих объектов в бытии, составляющая сущность платоновского идеализма, изображается в форме мифа в VII книге «Государства». Жизнь человека в мире чувственных вещей уподобляется жизни узников, прикованных на дне темницы — пещеры, из глубины которой они могут видеть через широкий просвет лишь то, что находится у них прямо перед глазами; они видят лишь тени от самих себя и от людей и предметов, которые наверху, а не сами эти предметы, и слышат только отзвуки голосов сверху. Философский смысл этого мифа таков: созерцание чувственного мира изменяющихся явлений не дает знания, но только мнение. В мнении душа обращается к вещам и их отображениям, к бытному, вечно возникающему, но никогда не сущему (слушать, смотреть, любить прекрасные звуки, цвета, образы). Мнение — это нечто промежуточное между знанием и незнанием. Оно есть ни незнание, ни знание: мнение темнее знания и яснее незнания. Мнение — это чувственное познание, низший вид знания. Познание, направленное на бытие (идеи), т. е. на мир умопостигаемый, дает подлинное знание. Это интеллектуальное знание, высший вид знания, существует в двух видах. Во-первых, рассудок. Рассудок относится к области идей, но при этом душа пользуется образами, которые почитает изображающими. Например, геометр занимается видимыми формами и рассуждает о них, но мыслит не о них, а о тех, которые этим уподобляются: о четырехугольнике и его диагонали самих в себе, а не о тех, которые изображены и т. д. Пользуясь образами, люди стараются усмотреть те, которые можно видеть не иначе, как мыслью.

Разум, или ум,— это постижение идей, отрешенных от всякой чувственности. Здесь душа направлена на сущее без образов, под руководством одних идей самих по себе к безусловному началу, к сущности любого предмета, силой одной диалектики. Термином «диалектика» называется познание посредством понятий. Это умение возводить единичное и частное к общей идее

54

путем сопоставления мнении и отыскания противоречий в них — дает знание. Этот процесс Платон называет рассуждением и описывает его как некий внутренний диалог с незримым собеседником. «Мысля, она [душа] делает не что иное, как рассуждает, сама себя спрашивая и отвечая, утверждая и отрицая»[1].

Поскольку идей в воспринимаемых объектах нет — мир идей и мир вещей разобщены,— вещи не содержат идеи, они только копии идей, поскольку ощущения, чувства не могут быть источником истинного знания. Понятия не могут образовываться из впечатлений чувственного опыта. По Платону, образы лишь поводы, внешние побудители, способствующие тому, что мышлением мы схватываем отличающуюся от них и похожую на них идею: зрительность позволяет максимально охватывать являющееся идеальное. Образы могут быть поводом для схватывания идеи, потому что идеи — и наши души — существовали до нашего рождения. Однако процесс падения души с небес на землю сопровождается забыванием душой всего того, что она ранее видела на небесах. В то же время она может вспомнить об утраченных идеях. Средством этого восстановления является припоминание: «...искать и познавать — это как раз и значит припоминать»[2]. Процесс познания, по Платону, есть припоминание — *анамнезис.* Процесс этот — чисто рационалистический, логический. В нем чувственный опыт служит только толчком, поводом вспоминать об идеях, дремлющих в нашей душе: «Припоминать подлинно сущее, глядя на то, что есть здесь»[3].

Термин «припоминание» имеет у Платона и другой смысл — как процесс памяти. В его описании угадывается механизм ассоциаций. «Всякий раз, когда вид одной вещи вызывает у тебя мысль о другой, либо сходной с первой, либо несходной,— это припоминание»[4].

Поскольку чувственные впечатления земной жизни не дают материала для истинного знания, надо изучать не внешний мир, а свою душу как вместилище идей, но под влиянием и с помощью внешних впечатлений.

[1] *Платон...* Т. 2. С. 289.

[2] *Платон...* Т. 1. С. 385.

[3] *Платон...* Т. 2. С. 37.

[4] Там же. С. 186.

55

Платон высоко оценивает созерцание прекрасных вещей — красок, форм, звуков. Любовь к прекрасному выступает необходимым средством становления души. В то же время чувственное познание отрывается от познания в идеях. Чувства мешают подлинному знанию: «...достигнуть чистого знания чего бы то ни было мы не можем иначе, как отрешившись от тела и созерцая вещи сами по себе самою по себе душой. Тогда у нас будет то, к чему мы стремимся с пылом влюбленных, а именно разум»[1]. Влечение к познанию идеи

принимает в учении Платона форму любви — *Эроса.* Эрос как восприятие вечного в преходящем проходит четыре ступени, осуществляется постепенно в четырех формах. Они таковы: любовь к прекрасным телам, к прекрасным душам, к красоте знания, к идее как вечной и неизменной красоте, не смешанной ни с чем материальным. Концепция Эроса изложена в диалогах «Федр», «Пир».

Теория познания Платона является рационалистической: главенствующая роль в познании отводится разуму. Однако в человеке есть сила, которая выше и прекраснее свойства человеческого. Она — божественный дар. Проявляется в творчестве поэта, которое Платон отличает от деятельности зодчего, ремесленника и мастера. Эти последние не творцы — но мастера. Лишь для поэта необходимо божественное вдохновение — исступление — оно дается богами. Благодаря божественной силе «творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых» — утверждает Платон.

Составной частью учения Платона о душе является **учение о чувствах.** Платон опровергает представление о том, что высшее благо заключается в удовольствии. «Первое же место способности удовольствия не принадлежит, хотя бы это и утверждали все быки, лошади и прочие животные на том основании, что сами они гонятся за удовольствиями»[2],— писал Платон в диалоге «Филеб» в связи с обсуждением вопроса о моральном здоровье человека. И в другом месте: «...удовольствию не принадлежит ни первое, ни даже второе место; оно далеко и от третьего...»[3]. Но благо не заклю-

[1] *Платон...* Т. 2. С. 25.

[2] *Платон...* Т. 3 (1). С. 87.

[3] Там же. С. 25.

56

чается исключительно и только в разумении, так что не кажется достойной выбора жизнь, не причастная ни удовольствию, ни печали.

Удовольствие, страдание и отсутствие того и другого рассматриваются как три состояния души и соответствующие им три рода жизни. Платон дает перечень чувств: гнев, страх, желание, печаль, любовь, ревность, зависть. В них, как и в жизни в целом, чаще всего удовольствия смешаны со страданием. Диалектика их связей такова, что «удовольствия кажутся большими и более сильными по сравнению с печалью, а печали по сравнению с удовольствиями усиливаются в противоположном смысле»[1].

Различаются низшие и высшие удовольствия (первые связаны с физическими потребностями, вторые — с эстетическими и умственными занятиями); удовольствия, свойственные трем началам души; сильные (большие) и малые (в сильных отсутствует мера, а несильным свойственна соразмерность); душевные удовольствия предваряют телесные.

По Платону, в государстве люди должны занимать место в соответствии со своими природными задатками: «Для того, кто по своим природным задаткам годится в сапожники, будет правильным только сапожничать и не заниматься ничем иным, а кто годится в плотники — пусть плотничает. То же самое и в остальных случаях»[2].

Но в то же время Платон придавал важное значение воспитанию. «Правильное воспитание и обучение пробуждают в человеке хорошие природные задатки, а у кого они уже были, благодаря такому воспитанию они становятся еще лучше — и вообще, и в смысле передачи их своему потомству»,— читаем в «Государстве»[3]. Мысли Платона о воспитании получили восторженную оценку у Руссо. Руссо писал: «Хотите получить понятие о воспитании общественном — читайте «Государство» Платона. Это вовсе не политическое сочинение,

[1] *Платон...* Т. 3 (1). С. 53. В. Вундт представил эту закономерность чувств в законе психических контрастов.

[2] Там же. С. 238.

[3] Там же. С. 212.

57

как думают те, кто судит о книгах по заглавиям — это прекраснейший, какой только был составлен — трактат о воспитании»[1].

Учение Аристотеля о душе

Вершиной античной психологии является учение о душе Аристотеля (384 — 322 гг. до н. э.). По словам Гегеля, «самое лучшее, что мы имеем в психологии, вплоть до новейших времен, это то, что мы получили от Аристотеля». Аристотель — автор трактата «О душе», первого в мировой литературе систематического исследования по проблеме души. Важно отметить, что в трактате впервые дан исторический обзор мнений о душе предшественников, произведен их критический анализ. Историзм, свойственный концепции Аристотеля в целом, прекрасно отражает сделанное им проницательное замечание: «Не однажды и не дважды, но бесконечно возвращаются к нам одни и те же мнения».

Будучи учеником Платона, он расходился с ним в понимании природы идей, отвергая положение об отделенности идей от вещей: «... покажется, пожалуй, невозможным, чтобы врозь находились сущность и то, чего она есть сущность; поэтому, как могут идеи, будучи сущностями вещей, существовать отдельно от них?»[2]. По Аристотелю, каждая вещь есть единство материи и формы. Вся природа —- это совокупность форм, связанных с материей. Например, применительно к дому материей являются кирпичи, бревна, из которых он сделан, а формой — назначение дома — быть укрытием от дождя и жары. Впрочем, Аристотель допускает существование форм без материи — это нематериальный энергийный ум, верховный

[1] *Руссо Ж.-Ж.* Педагогия. соч. Т. 1.— М., 1981. С. 29. [2] *Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 1.— М., 1975. С. 330.

58

разум. Он — форма форм. Системе Аристотеля свойственна двойственность: в учении о форме он остается на позициях объективного идеализма.

Душа, по Аристотелю, есть форма живого органического тела. Это положение разъясняется следующими метафорами. «Подобно тому, как если бы естественным телом было какое-нибудь орудие, например, топор, а именно сущностью его было бы бытие топором, и оно было бы его душой. И если ее отделить, то топор уже перестал бы быть топором... Сказанное нужно рассмотреть и в отношении частей тела. Если бы глаз был живым существом, то душой его было бы зрение. Ведь зрение и есть сущность глаза как его форма; с утратой зрения глаз уже не глаз, разве только по имени, так же как глаз из камня или нарисованный. Сказанное же о части тела нужно приложить ко всему живому телу... но живое в возможности — это не то, что лишено души, а то, что ею обладает»[1]. Душа делает тело живым. Без души оно было бы трупом. В душе причина — основа — всех проявлений живого тела; рост, дыхание, а также чувствование, мышление обусловлены ею. В душе заложена цель активности живого тела, всех его согласно работающих жизненных сил. Душа под воздействием внешней причины властно заставляет тело осуществлять деятельность определенного типа, заложенную в организме как цель его развития: растение стремится быть растением, животное — быть животным. Тело и все его органы и части являются инструментом на службе у души. «Ведь все естественные тела суть орудия души — как у животных, так и у растений, и существуют они ради души»[1].

Учение Аристотеля о душе как цели проникнуто телеологизмом. Его гносеологическими корнями является перенесение специфических особенностей человеческой деятельности и сознания, которые носят целенаправленный характер, на низшие уровни психической организации и вообще на природу. «Как ум действует ради чего-нибудь, так и природа, а то, ради чего она действует, есть ее цель»[2].

[1] *Аристотель...* Т. 1. С. 395.

[2] Там же. 402.

59

Таким образом, душа как форма тела означает, что она есть суть тела, причина и цель всех его действий. Все эти характеристики души Аристотель объединяет и обобщает в специальном понятии *энтелехия,* которым обозначает полную действительность тела, то, что делает его живым, постоянную возможность его жизненных функций, т. е. существующую и тогда, когда душа не проявляет себя активно (например, во время сна). Душа неразрывно связана с телом: ведь она есть состояние активности тела. Действует не душа,

а соответствующее тело, но тело одушевленное. «Лучше, пожалуй, не говорить, что душа сочувствует, или учится, или размышляет, а говорить, что человек делает это душою, сочувствует, учится или размышляет... Размышление, любовь или отвращение — это состояния не ума, а того существа, которое им обладает... Вот почему, когда это существо повреждается, оно и не помнит, и не любит: ведь память и любовь относились не к уму, а к связи души и тела, которая исчезла» [1]. Все душевные состояния сопровождаются телесными проявлениями. Поэтому изучение души есть дело двух исследователей — естествоиспытателя и диалектика. Например, «диалектик определил бы гнев как стремление отомстить за оскорбление или что-нибудь в этом роде; рассуждающий же о природе — как кипение крови или жара около сердца»[2]. Хотя душа бестелесна, ее носителем является особое органическое вещество — пневма, которая у животных вырабатывается в крови. Орган души — сердце. Мозг выполняет вспомогательную функцию, в нем кровь охлаждается до нужной нормы. Аристотель критиковал Платона за деление души на части, раздельные по их локализации в теле, и, доказывая единство души, говорил не о частях, а об отдельных способностях, силах (дюнамис) души, которые только в переносном смысле называл частями. В то же время Аристотель признавал самостоятельность и раздельность по крайней мере двух начал — души как энтелехии тела, уничтожающейся при его разрушении, и души как проявления божественной сущности, приходящей в тело и выходящей из него в момент смерти: «...каждая из частей обладает ощущением и способнос-

[1] *Аристотель...* Т. 1. С. 402.

[2] Там же. С. 374.

64

тью двигаться в пространстве, а если есть ощущение, то имеется и стремление. Ведь, где есть ощущение, там есть печаль и радость, а где они, там необходимо есть и желание. Относительно же ума и способности к умозрению еще нет очевидности, но кажется, что они — иной род души и что только эти способности могут существовать отдельно, как вечное — отдельно от преходящего. А относительно прочих частей души из сказанного очевидно, что их нельзя отделить друг от друга вопреки утверждению некоторых»[1].

У Аристотеля встречаются разноречивые указания относительно частей души. В основе его классификации лежит выделение *трех ступеней жизни:* растительной, животной, человеческой, при этом способности высшей ступени включают способности предыдущих и не могут существовать без них. «И у фигур, и у одушевленных существ в последующем всегда содержится в возможности предшествующее, например, в четырехугольнике — треугольник, в способности ощущения — растительная способность»[2]. Растительная и животная душа понимались материалистически. «Ясно, что наиболее важные психические способности, психические факты, будут ли они принадлежать всем животным или будут представлять собою специальное достояние только некоторых, принадлежат у этих животных как душе, так и телу — таковы, например, способность чувственного познания, память, стремление, влечение и вообще воля, желание, сюда же можно отнести еще удовольствие и страдание, почти всем животным присущи эти способности»[3]. Разумная душа, по Аристотелю, идеальна, отделима от тела, ее сущность божественна. После смерти тела она не уничтожается, а возвращается в бестелесный эфир воздушного пространства. Аристотель, верно чувствуя качественное отличие человека от животных и тем более от растений, идеалистически объясняет его источник.

Обсуждая общие вопросы исследования души, Аристотель отмечал трудности ее познания. «Добиться о душе чего-нибудь достоверного во всех отношениях

[1] *Аристотель...* Т. 1. С. 397-398.

[2] Там же. С. 400.

[3] Цит. по: *Казанский А.П.* Учение Аристотеля о значении опыта.— Одесса, 1891. С. 30-31.

61

безусловно труднее всего»[1]. Описание видов ее деятельностен (способностей) он выбирает в качестве способа изложения всего известного о душе. Аристотель выделяет познавательные способности, движущие способности, чувства и аффекты, а также описывает общий склад души (характер).

Учение о процессах познания

Начало познания образует способность *ощущения.* Познавательные способности «... ведут свое начало от чувственного восприятия»[2]. Ощущение вызывается воздействием извне и поэтому является состоянием страдательным. «Сила, производящая его (ощущение — *А.Ж.),* идет извне от видимого, от слышимого и др. ощущаемого»[3]. Уподобление ощущения воспринимаемому объекту происходит через посредство пяти внешних чувств и осуществляется как душой, так и телом. «А что чувственное познание бывает для души, но через тело — это ясно и по рассуждении и без рассуждения, на первый взгляд»[4]. Орган чувств может отражать воздействие потому, что обладает ощущающей способностью в возможности. В акте ощущения эта возможность превращается в действительность. «...Ощущающая способность в потенции такова, каково ощущение в действительности ...но только испытав воздействие, она уподобляется ощущаемому и становится такой же, как и оно»[5]. Процесс ощущения есть процесс уподобления воспринимаемому объекту. «Ощущение есть то, что способно воспринимать формы ощущаемого без его материи, подобно тому, как воск принимает отпечаток перстня без железа или золота»[6]. Уподобление, по Аристотелю, как и познание в

целом, включает активность познающего субъекта. В разумном познании действительным деятелем является только разум.

[1] *Аристотель...* Т.1.С. 371.

[2] *Аристотель...* Т.2. С. 346.

[3] *Аристотель...* Т.1. С. 407.

[4] *Казанский...* С. 31.

[5] *Аристотель...* Т. 1. С. 407.

[6] Там же С. 421.

62

На примере ощущения цвета Аристотель описывает процесс ощущения. Цвет приводит в движение прозрачную промежуточную среду (воздух), а под действием этого непрерывного движения приходит в состояние движения и ощущающий орган. Промежуточной средой для слуха, зрения и обоняния являются воздух и вода, для осязания — язык и тело. Органом осязания является сама душа. Единые по механизму, ощущения различаются по биологической значимости: ощущение при соприкосновении абсолютно необходимо для жизни (чтобы питаться, надо прикоснуться). Поэтому осязание является главнейшим ощущением, ощущения на расстоянии нужны для удобства.

Кроме пяти ощущений, соответствующих разным органам чувств, Аристотель выделял *общее чувство* и приписывал ему ряд функций: восприятие общих качеств (движение, фигура, покой, число, величина, единство), сознание того, что мы имеем ощущение; восприятие, сравнение и объединение ощущений в образ предмета. Для общего чувства нет соответствующего органа, им является сама душа. Ощущение обладает непосредственной истинностью.

Сохранение и воспроизведение ощущений является результатом работы *памяти.* Различается три вида памяти: низшая — заключается в сохранении полученных ощущений в виде представлений как копий предметов, ею обладают все животные; память в собственном смысле — отличается тем, что к образу присоединяется временная характеристика, т. е. отношение к нему как к чему-то бывшему в прошлом, она есть не у всех, а только у животных, обладающих способностью восприятия времени; высшая память как процесс воспоминания, в котором участвует суждение. Последняя есть только у человека. Причина этого в том, что воспоминание есть некоторый силлогизм: если кто-либо вспоминает что-нибудь или виденное, или слышанное, или испытанное прежде, тот умозаключает — и это есть некоторого рода познание. Эта способность есть только у тех, кому присуща способность произвольного хотения, ибо хотение (свободный выбор) есть некоторого рода умозаключение. Воспоминание есть активный поиск прошлого и происходит путем установления каких-либо отношений (по сходству, по контрасту,

63

и др.) настоящего с искомым прошлым. По существу, речь идет о механизме ассоциаций, хотя Аристотель не дает этого термина.

Из воспоминаний складывается опыт, из опытности же берут начало искусства и наука. Но сама опытность еще не выходит за пределы единичного. Следующая познавательная способность — *воображение,* или фантазия,— заключается в образовании представления. Представление — это энергия чувственного органа без соответствующего воздействия извне. Воображение берет начало в ощущении, но оно не есть ощущение: в представлении содержания первоначальных, обусловливающих их впечатлений обобщаются. Аристотель придавал воображению чрезвычайное значение: животным оно заменяет мышление; люди также во многих случаях действуют на основе этих образов вследствие того, что их ум как бы затемняется иногда страстью, или болезнями, или сном. В связи с воображением Аристотель развивает учение о сновидениях, объясняя их материалистически. Обобщенный образ воображения составляет фундамент мышления. «Без воображения невозможно никакое составление суждений»[1].

Мышление характеризуется составлением суждений. Протекает в понятиях, постигает общее. «Посредством ощущающей способности судят о теплом и холодном и о том, сочетанием чего является плоть; а посредством иной способности, которая либо отделена от первой, либо относится к ней так, как ломаная линия относится к прямой, судят о том, что есть сущность мяса (плоти)»[2]. Посредством ощущения воспринимается «нечто где-то и теперь». Понятие дает знание об общем, «общее же воспринимать чувствами невозможно, ибо оно не определенное нечто и существует не только теперь, иначе оно не было бы общим. А общим мы называем то, что есть всегда и везде»[3].

Органом мышления является *нус* — часть души, свойственная только человеку и не прикрепленная ни к какому телесному органу.

[1] *Аристотель...* Т. 1. С. 430. [2] Там же. Т. 1. С. 434. [3] Там же. Т. 2. С. 309.

64

Аристотель различает низшее и высшее мышление. Низшее мышление — это мнение или предположение; не содержит категорического утверждения о чем-то, ничего не исследует; в нем нет внутренней необходимости, не отвечает на вопрос «почему? ». Однако в определенных ситуациях оно необходимо. В отличие от низшего, высшее мышление всегда содержит в себе необходимость, т. е. открытие последнего основания истины. Его объектом являются основы вещей, высшие принципы науки. Существуют три вида высшего мышления: рассуждающее, логическое, дискурсивное мышление, т. е. умение делать заключение

из имеющихся посылок; интуитивное — умение находить основания (посылки) и мудрость, наивысший тип наивысшего мышления.

В зависимости от того, на что направляется мышление, различаются два вида ума: теоретический и практический. *Теоретический разум* познает сущее как оно есть. Это наука. Ее предмет — необходимое и всеобщее. Здесь не ставятся практические вопросы — для чего, с какой целью. Его задача — создание истины о вещах. *Практический ум* направлен на деятельность. С его помощью познаются нормы и принципы действия, а также средства их осуществления. Практический ум обусловливает принятие решения в конкретных условиях, на основе которого совершаются поступки. Он всегда касается частного. В разграничении двух типов мышления — теоретического и практического — проявляется противопоставление теоретического знания — практической активности. Однако данная Аристотелем психологическая характеристика особенностей практического мышления, по оценке Б.М. Теплова, «не потеряла своего значения и в настоящее время»[1].

Познавательные способности не существуют отдельно друг от друга и не обусловлены какими-либо высшими способностями: свое начало они ведут от ощущения: «...существо, не имеющее ощущений, ничему не научается и ничего не поймет»[2]. Душа новорожденного представляет как бы чистую дощечку для письма, на которой еще ничего не написано. Все учение Аристотеля о познании пронизано верой в возможности познания челове-

[1] *Теплов Б.М.* Избр. труды: В 2-х т. Т. 1.— М., 1985. С. 226.

[2] *Аристотель...* Т. 1. С. 440.

65

ком природы. Идея Аристотеля об уподоблении и др. относится к тем немногим приобретениям человеческого разума, которые современны и сегодня.

Учение о чувствах

Аристотель описывает чувства *удовольствия и неудовольствия* как показатели процветания или задержки в функциях душевных или телесных: удовольствие означает беспрепятственное их протекание, неудовольствие — их нарушение. Чувства рассматриваются в тесной связи с деятельностью: они сопровождают деятельность и являются источником деятельности[1]. Несмотря на сдержанную оценку телесных удовольствий, Аристотель не призывал ограничиваться удовольствиями только высшего порядка и в целом высоко оценивал роль чувства в жизни человека. «Удовольствие придает совершенство и полноту деятельности, а значит — и самой жизни»[2].

Подробнее Аристотель останавливается на *аффектах.* Он называет аффектами влечения, гнев, страх, отвагу, злобу, радость, любовь, ненависть, тоску, зависть, жалость — вообще все, чему сопутствует удовольствие или страдание. Аффект — это страдательное состояние, вызванное в человеке каким-то воздействием, возникает без намерения и обдумывания, под его влиянием меняются прежние решения. Аффект сопровождается телесными изменениями. Психологическая характеристика выявляет, в каком состоянии возникает данный аффект, на кого он направляется, за что.

Аристотель составил проницательные описания отдельных аффектов. Например, страх описывается так. «Страх (fobos) — некоторого рода неприятное ощущение или смущение, возникающее из представления о предстоящем зле, которое может погубить нас или причинить нам неприятность: люди ведь не боятся всех зол; например, не боятся быть несправедливыми или ленивыми, но лишь тех,

[1] Размышления Аристотеля о деятельности затрагивают такие вопросы, как виды деятельности, ее движущие силы и др., которые сохраняют значение и для современной психологии.

[2] *Аристотель...* Т.4. С. 275.

66

которые могут причинить страдание, сильно огорчить или погубить, и притом в тех случаях, когда эти бедствия не угрожают издали, а находятся так близко, что кажутся неизбежными»[1].

В описании составляющих психологических аспектов аффектов выступает рационализм Аристотеля: его решающим компонентом является представление.

Аффекты, по Аристотелю, сами по себе не есть ни добродетели, ни пороки. О человеке судят по его делам, а в аффекте оценивают манеру поведения: «...и ведь нас не хвалят и не порицают за наши аффекты; ведь не хвалят же человека, испытывающего страх, и не безусловно порицают гневающегося, а лишь известным образом гневающегося, а за добродетели нас хвалят или порицают»[2]. Аристотель не считал ни возможным, ни нормальным, ни желательным с точки зрения нравственности подавление аффектов. Без них невозможны героические поступки, наслаждение искусством. В низших телесных удовольствиях нужно соблюдать умеренность, середину. Во всех остальных случаях должна быть соразмерность аффекта своей причине.

Составной частью учения об аффектах является понятие о *катарзисе,* т. е. об очищении аффектов.

Это понятие было заимствовано Аристотелем из медицины. Его ввел Гиппократ: болезнь понималась как накопление вредных соков, а лечение — как доведение их до умеренного количества, допустимого для здоровья — очищение, катарзис — путем их выпускания.

Применительно к аффектам катарзис означает сущность эмоционально окрашенного эстетического

переживания под влиянием искусства. «Трагедия при помощи сострадания и страха достигает очищение (Katharsis) аффектов»[3]. Вызываемые у зрителей при восприятии трагедии аффекты страха и сострадания, в отличие от таковых в обычной жизни, освобождаются — очищаются — от всего тяжелого, давящего, смутного, человеку раскрывается логика событий и действий

[1] Цит. по: Античные риторики.— М., 1978. С. 81.

[2] *Аристотель...* Т. 4. С. 84.

[3] *Аристотель...* Т. 4. С. 651.

67

в определенных обстоятельствах, какая-то мудрость жизни. Аристотель подходит к проблеме общественной роли искусства, его нравственного воздействия на человека. Современные авторы называют это воздействие театра на зрителя социальной терапией[1].

Проблема воли

Учение о воле развивается Аристотелем в связи с характеристикой действия.

«Все люди делают одно непроизвольно, другое произвольно. А из того, что они делают непроизвольно, одно они делают случайно, другое — по необходимости; из того же, что они делают по необходимости, одно они делают по принуждению, другое — согласно требованиям природы. Таким образом, все, что совершается ими непроизвольно, совершается или случайно, или в силу требований природы, или по принуждению. А то, что делается людьми произвольно и причина чего лежит в них самих, делается ими одно по привычке, другое под влиянием стремления, и при этом одно под влиянием стремления разумного, другое — неразумного»[2].

Все действия человека делятся на непроизвольные и произвольные в зависимости от того, где находится основание действия: вне субъекта или в нем самом. Действия произвольные и действия волевые — понятия не тождественные. Волевыми являются только действия по разумному стремлению. Оно называется намерением и является результатом тщательного взвешивания мотивов — *делиберации.* Волевые действия направлены на будущее. В них есть разумный расчет. Поэтому Аристотель говорит: «Движут по крайней мере две способности — стремление и ум»[3].

[1] Современный философ Г.Х. Шингаров рассматривает учение Аристотеля о катарзисе как одно из первых указаний на бессознательные душевные состояния и метод сопереживания как способ их осознания, результатом которого является очищение/ Бессознательное / Под ред. А.С. Прангишвили и др.— Тбилисси, 1978. Т. 1. С. 207.

[2] Античные риторики... С. 49.

[3] *Аристотель...* Т. 1. С. 441.

68

Ум размышляет о цели — достижима она для человека или нет, и о последствиях в случае осуществления действия. Поэтому, где нет разума, там нет воли (у животных, малых детей, умалишенных). Волевое действие, столь тщательно рассчитанное, является свободным и ответственным. Поэтому в нашей власти как прекрасные действия, так и постыдные: порок и добродетель одинаково свободны, их психологический механизм одинаков.

По существу, воля характеризуется Аристотелем как процесс, имеющий общественную природу: принятие решения связано с пониманием человеком своих общественных обязанностей.

О характере

Страстям (аффектам) как сильным движениям души Аристотель противопоставляет устойчивость характера. Характер выражает сущность человека. Аристотель дал описание душевных качеств — нравов — людей в соответствии с их возрастом, социальным положением, профессией. Характер не является природным свойством, его черты складываются как результат опытности. Описываются с присущей Аристотелю конкретностью характерные черты, свойственные людям благородного происхождения, а также юности, старости, зрелому возрасту. Это учение было развито учеником Аристотеля **Теофрастом** (370 — 288 гг. до н. э.). В своем трактате «Характеристики» он выделил 30 характеров:

лицемер, льстец, болтун, деревенщина, низкопоклонный, нравственный урод, говорун, разносчик новостей, нахал, скупой, наглец, святая простота, навязчивый, нелюдим, суеверный, брюзга, недоверчивый, неряха, надоедала, тщеславный, сутяга, хвастун, гордец, трус, аристократ, молодой старик, злоречивый, алтынник —

и дал их описание, основанное на наблюдении за поступками людей. Эти описания отличаются проницательностью и тонкостью наблюдений. Начатая им традиция получила развитие в эпоху Возрождения и Нового времени (Монтень, Лабрюйер, Ларошфуко).

69

Аристотель придавал важное значение воспитанию. «Очень много, пожалуй, даже все зависит от того, к чему именно приучаться с самого детства»,— писал он в «Никомаховой этике»[1]. Воспитание не должно быть частным делом, но заботой государства. Оно должно оказывать влияние на нравственный склад

человека, развивая в нем то, чего недостает от природы. Аристотель изложил свои представления по конкретным вопросам обучения и воспитания (о предметах обучения, о соотношении физического и умственного воспитания, о роли музыки в воспитании и др.).

Учение Аристотеля о душе, основанное на анализе огромного эмпирического материала, характеристика ощущения, мышления, чувств, аффектов, воли указывали на качественное отличие человека от животных — человека Аристотель определял как «существо общественное»[2]. Это учение преодолевало ограниченность демокритовской трактовки души как пространственной величины, которая движет телом, и выдвинуло новое понимание, согласно которому «...душа ...движет живое существо не так, а некоторым решением и мыслью»[3].

С некоторыми изменениями учение Аристотеля о душе господствовало до XVII в.

Учение античных врачей

Позиции материализма в античной психологии были укреплены успехами античных врачей в анатомии и медицине.

Врач и философ **Алкмеон Кротонский** (VI в. до н. э.) впервые в истории знания выдвинул положение о локализации мыслей в головном мозгу.

Гиппократ (460 —377 гг. до н.э.) — «отец медицины». Медицине учился у отца: с семилетнего возраста был неразлучным спутником во всех его практических занятиях. Сочинения начал писать после 70 лет. В философии придерживался линии Демокрита и выступал как представитель материализма в медицине. Заложил принципы научного знания и научного иссле-

[1] *Аристотель...* Т. 4. С. 79.

[2] Там же. С. 379.

[3] *Аристотель...* Т. 4. С. 381.

70

дования. Признавал опыт и наблюдение единственно плодотворным путем познания в медицине. Все болезни объяснял естественными причинами, выявление которых позволяет выработать правильные методы лечения. Требовал индивидуального подхода в каждом конкретном случае: врач не знает холодного и теплого вообще, но есть многие средства, действия которых различны в каждом индивидуальном случае; необходимо определить количественную меру, подобающую каждому конкретному случаю. Как и Алкмеон, Гиппократ считал, что органом мышления и ощущения является мозг. «И этой именно частью (мозгом) мы мыслим и разумеем, видим, слышим и распознаем постыдное и честное, худое и доброе, а также все приятное и неприятное... удовольствия и тягость... От этой же самой части нашего тела мы и безумствуем, и являются нам страхи и ужасы... а также сновидения. И все это случается у нас от мозга, когда он нездоров и окажется теплее или холоднее, влажнее или суше своей природы или вообще когда он почувствует другое какое-либо страдание, несообразное со своей природой и обычным состоянием — тогда человек здраво мыслит»[1].

Наибольшую известность получило учение о темпераментах. По Гиппократу, основу человеческого организма составляют четыре сока: слизь (вырабатывается в мозгу), кровь (вырабатывается в сердце), желтая желчь (из печени), черная желчь (из селезенки). Различия в соках у разных людей объясняют и различия в нравах, а преобладание одного из них определяет темперамент человека. Преобладание крови — основа сангвинического темперамента (от лат. sanquis — кровь), слизи — флегматического (от греч. phlegma — слизь), желтой желчи — холерического (от греч. choie — желчь), черной желчи — меланхолического (от греч. melaina choie — черная желчь). Гиппократ производит классификацию человеческих типов на соматической основе. И.П. Павлов отмечал, что Гиппократ «уловил в массе бесчисленных вариантов человеческого поведения капитальные черты»[2], и

[1] *Гиппократ.* Избранные книги.— М., 1936. С. 509.

[2] *Павлов И.П.* Полн. собр. трудов: В 5 т. Т. HI.— М.; Л., 1949. С. 525.

71

ссылался на него в своем учении о типах высшей нервной деятельности.

Гиппократ сформулировал основные положения врачебной этики. «Клятва Гиппократа» и в наше время сохраняет свое значение.

Античная медицина получила особенно интенсивное развитие в период эллинизма в связи с ростом античной науки в целом, ее дифференциацией на отдельные науки. Возникают крупные научные центры: в Пергаме (Малая Азия), на о. Родос, в Александрии (Египет), которая в III в. до н. э. при Птолемеях в силу исторически сложившихся обстоятельств становится главным центром античной культуры. Здесь начинает развиваться положительное знание. В Александрийском Музее — по существу Академии — работали основатель геометрии Евклид, гениальный математик Архимед, географ **Эратосфен,** исследователь живой природы **Стратон,** создатель геоцентрической системы астроном Клавдий **Птолемей.**

В Александрии некоторое время было разрешено вскрытие трупов «безродных» людей. Это способствовало важным открытиям, связанным с именами двух александрийских ученых-врачей — Герофила и Эразистрата.

Герофил, комментатор Гиппократа, врач Птолемея II, впервые установил разницу между нервами,

сухожилиями и связками. Он описал мозговые оболочки, желудочки мозга, которым придавал важное значение. Он же дал описание устройства глаза, описал его оболочки, хрусталик. **Эразистрат,** выходец из Книдской школы, подробно описал разные части головного мозга. Обратил внимание на извилины, связал богатство извилин мозговых полушарий у человека с его умственным превосходством над животными. С именем Эразистрата связано первое упоминание о патогенной роли задержанных эмоциональных переживаний.

Анатомо-физиологические сведения периода эллинизма объединил и дополнил знаменитый римский врач **Клавдий Гален** (II в. н. э.), автор сводного сочинения по медицине, анатомии и физиологии, которое было настольной книгой врачей вплоть до XVII в. Материальной основой качественно несходных процессов (пита-

72

ние, рост, размножение, ощущение, мышление) он называл пневму — особое жизнетворящее вещество. Различал два рода пневмы: животную, ее источник в сердце порождает физиологические функции, и психическую, ее источник в мозгу управляет произвольными движениями и психическими переживаниями. Пневма движется по нервам. Галену принадлежат открытия, связанные с выяснением строения и функций головного и спинного мозга. Предприняв серию опытов с перерезкой нервов, снабжающих различные мускулы, Гален пришел к выводу: «...врачами точно установлено, что без нерва нет ни одной части тела, ни одного движения, называемого произвольным, и ни единого чувства»[1]. Также экспериментально Гален установил функции спинного мозга. При поперечной перерезке спинного мозга уничтожалась произвольная подвижность и чувствительность всех частей тела, лежащих ниже перерезки, при этом паралич наступал от нарушения передних корешков, потеря чувствительности — задних. Таким образом, Гален различал по функции передние и задние корешки спинного мозга.

Ряд сочинений Гален посвятил головному мозгу. Критиковал аристотелевское понимание: мозг не является холодильником сердца, как думал Аристотель: он — седалище интеллекта и чувств. Гален развил учение о темпераментах Гиппократа. Он выделял четыре начала всех вещей — теплое, холодное, сухое, влажное — и четыре сока как строительный материал организма животных и человека. От комбинаций соков и начал зависят психические свойства и даже пол человека. Всего он выделял 13 темпераментов, из которых лишь один нормальный, а 12 — некоторое отклонение от нормы. Римский врач **Аэций** (V в. н. э.) описал четыре темперамента, которые традиционно называют гиппократовскими.

К разделу естественно-научных относятся также знания о зрительном восприятии. Их сводку дал Александр Афродизийский (конец II — нач. III вв.), перипатетик, преподаватель философии в Афинах.

[1] Цит. по: *Лункевич В.В.* От Гераклита до Дарвина. Очерки по истории биологии: В 3 т. Т.1.— М.; Л., 1936. С. 168.

73

Дальнейшее развитие и итоги психологии в Античности

В поздней Античности психологические знания развивались в рамках различных течений идеалистической философии (гностицизма, иудейско-александрийской философии, неоплатонизма, патристики и др.). Их социальной базой был кризис рабовладельческого способа производства, который обусловил и новую концепцию человека в христианском мировоззрении.

С крушением старого античного духа под напором шедших с Востока новых идей и культов на смену идеологии периода расцвета античного общества — проповеди силы всего героического, светлого, культа красоты, умеренного пользования всеми благами жизни, трезвого ума, ясности в мышлении, служения государству и обществу и в целом настроениям уравновешенной светлой жизни в этом мире — приходят другие мотивы. Они отражаются в новых вопросах: как освободиться от всех трудностей жизни, избавиться от мира, отрешиться от него? Нужно преодолеть в себе мирское, бежать от всех соблазнов. Постепенно становится преобладающей проповедь слабости, ничтожности человека; вместо разума человек обращается к мистицизму, экстазу и т. п. На смену языческой религии приходит христианство с его новой концепцией человека. Ее суть хорошо выразил Г.Р. Державин в оде «Бог»: «Я — царь, я — раб, я — червь, я — Бог». Согласно христианскому учению о человеке, он «несет в себе два различных начала: с одной стороны, образ Божий, через который струится в нашу душу свет Божий, творческие искания добра и правды, а с другой стороны в человеке есть начало греховности... которое искажает движения души или разрушает их»[1]. В этих условиях в психологии появляются новые тенденции: повышение интереса к внутреннему миру, к самосознанию; возникают новые представления о соотношении душевных способностей — воля и чувство получают примат над разумом; рождаются новые представления о путях душевного совершенствования.

[1] *Зеньковский В.В.* Основы христианской философии.— М., 1992. С. 219.

74

В психологических системах Античности душа отождествлялась с жизненным началом: в сферу душевных феноменов включались все процессы, обеспечивающие слаженную работу всех систем организма, в том числе пищеварение, дыхание и т. п. Внутренний мир еще не выделялся в качестве самостоятельного предмета исследования. Об этом писал Н.Н. Ланге: «В исследовании души те психические состояния, которые теснее связаны с окружающим миром, т. е. явления познания, стали раньше предметом рефлексии,

чем те, которые определяются природой самого субъекта. Греческие мыслители много рассуждали о видах познания соответственно объектам его, но понятие сознания почти игнорировалось ими»[1].

В то же время в описании познавательных процессов встречаются указания на внутреннюю жизнь как таковую. Уже Демокрит отмечал: «Тем самым способом, каким мы непосредственно воспринимаем самих себя, мы непосредственно же постигаем, что в нас происходит по свободному выбору, а что — в силу внешнего воздействия»[2].

В диалогах Платона описываются особые состояния сознания: сон, одержимость, когда человек пребывает как бы в безумии и становится причастным боговдохновенному и истинному пророчеству, причем сам он не понимает и себя, и то, что он говорит и делает; поэтому нужны истолкователи, которые разгадывают таинственные речения и знаки. Эта временная потеря рассудка, по Платону, не есть зло, а дар богов и источник величайших благ. В диалоге «Федр» Платон отмечал, что в состоянии неистовства прорицатели и оракулы сделали много хорошего для Эллады, а будучи в здравом рассудке — мало или вовсе ничего. Без неистовства нельзя подойти к порогу творчества: творчество поэта не является результатом одного лишь рассудочного искусства — «творения здравомыслящих затмятся без поэтической одержимости и вдохновения. Одержимость и вдохновение поэта — от Муз».

В диалоге «Пир» Платон описывает переживание, которое испытывает душа в процессе познания. В диа-

[1] *Ланге Н.Н.* Психологические исследования.— Одесса, 1893. С. 84.

[2] *Лурье С.Я.* Демокрит.— Л., 1970. С. 222.

75

логе «Теэтет» при обсуждении вопроса о чувственном познании Платон обращает внимание на деятельность души с идеями, полученными ею с помощью органов чувств. В мыслях Платона о диалогической форме мышления также выступает активная жизнь души. Аристотель в учении об общем чувстве отмечает, что с его помощью мы не только знаем что-либо об объектах, но и знаем, что мы ощущаем, мыслим и т. п., т. е. сознаем себя знающими. Особенно повышается интерес к внутреннему миру в идеалистических системах поздней Античности — в неоплатонизме и патристике. В неоплатонизме у его основателя **Плотина** (205 — 270) развивается учение о происхождении индивидуальной души от мировой души в процессе *эманации* (от лат.— истечение, исхождение), излучений творческой деятельности бога, которые образуют видимый мир с его последовательной — нисходящей — лестницей ступеней совершенства. Одной из ступеней на этой лестнице является душа как посредствующее начало между сверхъестественным миром и материальными явлениями, которые являются последней ступенью эманации. Плотин указывает на *своеобразную природу души,* которая проявляется в *знании о себе самой.* В этом признак человеческого духа. Основоположник христианской философии **Аврелий Августин, «Блаженный»** (354 — 430), вводит положение «Я мыслю, следовательно, я есть», из которого выводится тезис о достоверности нашего существа. Августин погружается во внутреннюю жизнь, говорит о ее глубине и богатстве человеческой души: «Люди отправляются в странствования, чтобы насладиться горными высотами и морскими волнами; они восхищаются широким потоком рек, широтой и простором океана и звездными путями, себя же самих они забывают и не останавливаются в удивлении перед собственной внутренней жизнью»[1]. В его сочинениях содержится богатая феноменология способностей души — внешних чувств, памяти, аффектов и страстей, ума и воли, дан глубокий самоанализ конкретных поступков и состояний, сокровенных переживаний, а язык отмечен «...такой высокой степенью рефлектированности и страсти, какие еще отсутство-

[1] *Августин Аврелий.* Исповедь. Кн. X.— М, 1991. С. 245.

76

вали в античной философии»[1]. Существенно, что и у Плотина, и у Августина вывод о своеобразии сознания и о наличии особой внутренней жизни следует из разрешения задач религиозного характера. «Погружаясь в глубины своего внутреннего мира, августиновский субъект познания ищет там не оригинальные неповторимые черты и стороны своей личности, но следы объективной истины. Погружаясь в себя, он должен преодолеть все индивидуальное, относящееся к его личной неповторимости; в самопогружении он должен «превзойти самого себя» и выйти к абсолютной «трансцендентной» истине. Августиновский призыв: «Превзойди самого себя!» становится лейтмотивом его концепции самопознания»[2]. Поэтому, когда Декарту, впервые осуществившему выделение особой духовной субстанции, признаком (атрибутом) которой является сознание, и выразившему эту идею в положении «Cogito ergo sum» (мыслю, следовательно существую), указывали, что оно встречается у Августина, он возражал: «Действительно, святой Августин пользуется им, чтобы доказать достоверность нашего существа и потом, чтобы доказать, что в нас есть некоторое подобие св. Троицы, ибо мы существуем, знаем, что существуем, и любим это бытие или знание. Я же пользуюсь им, чтобы показать, что Я, который мыслю, есть нематериальная субстанция, не имеющая ничего телесного, а это две совсем разные вещи»[3].

Интерес к воле, характерный для античной мысли в связи с этическими проблемами, особенно усиливается в поздней Античности. В частности, в полемике между Августином и монахом Пелагием по проблеме человеческой свободы, инициативы среди душевных состояний Августин выделяет волю, которой приписывает решающую побудительную силу. Он различал две воли — плотскую и духовную. Действие плотской воли распространяется лишь на утилитарную деятельность в эмпирическом мире, она — причина греховных морально порочных действий. Другая — духовная — воля

[1] *Ясперс К.* Введение в философию. — Минск, 2000. С. 164.
[2] *Бычков В.В.* Эстетика Аврелия Августина.— М, 1984. С. 57.
[3] Цит. по: *Любимов Н.А.* Философия Декарта.— СПб., 1886. С. 148.

77

устремлена на жизнь в духе. «И две мои воли ...одна плотская, другая духовная боролись во мне, и в этом раздоре разрывалась душа моя»[1]. И только бог без всякого усилия со стороны самого человека может превратить его в высокоморальное существо. Пелагий учил о безграничной возможности человеческой воли. «Только то и есть благо, что мы никогда не находим и не теряем без нашей собственной на то воли»[2]. Для Августина «воля становится в конце концов решающим ядром человеческого существа; в основе своей ...все роды деятельности внешних чувств и мышление суть волевые акты. Этот поворот в истории психологии охарактеризовали так: «Господствовавший раньше примат представлений вытеснен у Августина приматом воли»[3]. Августин также уделял большое внимание жизни чувств и сердца как в философском познании, так и в нравственно-практической жизни, особенно в деле религиозного служения. Так, проблемы собственно душевной жизни связываются теперь с задачей понять душу человека в ее соотношении с высшим миром. Отсюда меняются и представления о путях совершенствования души: не воспитание как это было у Аристотеля и Платона, но покаяние, аскеза, отречение от всего земного и т. п. способствуют нравственному возвышению. Учение поздней Античности отходит от греческой мудрости.

Сведения о душе и ее процессах, накопленные античными мыслителями, послужили «отправным пунктом и предпосылкой последующей эмпирической работы»[4].

[1] *Августин Аврелий.* Исповедь. Кн. V.— М., 1991. С. 197.
[2] *Пелагий.* Послание к Деметриаде//Эразм Роттердамский. Философские произведения.— М., 1986. С. 610.
[3] *Дессуар М.* Очерк истории...— СПб., 1912. С. 49.
[4] *Ярошевский М.Г.* История психологии.— М., 1985. С. 87.

78

Глава 2. ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Общая характеристика психологии Средневековья

История Средних веков охватывает длительный период: с V по XVI в. и первую половину XVII в. В исторической науке он определяется как эпоха возникновения, развития и упадка новой социальной структуры — феодализма. Примем за рубеж между Средними веками и Новым временем первую буржуазную революцию, имевшую общеевропейское значение и положившую начало новым капиталистическим отношениям в Западной Европе — английскую революцию 1640-1660 гг.

Общая направленность исторического процесса зарождения, развития и упадка феодализма своеобразно осуществлялась в истории разных народов. Так, в Средние века произошел процесс выхода различных арабских племен на арену всемирной истории и их распространения по огромной части Старого Света — от Аравийского полуострова до берегов Атлантики, с одной стороны, и до Индонезии — с другой; образовался ряд арабских народностей, создавших свои государства. В истории русского народа Средние века были временем сплочения и объединения ряда восточнославянских племен и образования восточнославянского государства, которое в XVI в. становится могучей державой, перешагнувшей через Урал и положившей начало многонациональному объединению.

В Средние века в рамках общей истории Восток долгое время играл передовую роль. На Востоке феодализм начал складываться раньше, чем на Западе. Китайская, индийская, арабская, иранская, среднеази-

79

атская культуры в этот период развились раньше, чем на Западе. Однако на Востоке возникли и развились такие условия, которые стали постепенно задерживать исторический процесс, замедлять развитие капиталистических элементов. В результате в определенный момент центр тяжести в поступательном развитии человечества в Старом Свете стал перемещаться с Востока на Запад. Изучение истории Средних веков в мировом масштабе позволяет объяснить ход исторического процесса и в Новое время.

В истории Средние века получили крайне противоречивую характеристику. Так, гуманисты видели в Средних веках (они и дали этот термин «Средние века») время темноты и невежества, из которого, как им казалось, человечество могло вывести обращение к лучезарной древности. В противоположность такой односторонней оценке средневекового мира русский философ Н.А. Бердяев указывал на неизмеримо более сложный характер эпохи. «Средние века — самая загадочная и чарующая эпоха мировой истории, полная антитезисов и противоречий. Средние века не есть эпоха варварства и тьмы; этот старый взгляд уже оставлен культурными историками, наоборот, это эпоха великого напряжения духа, великого томления по абсолютному, неустанной работы мысли, это эпоха культурная и творческая... Эпоха не только самая аскетическая, но и самая чувственная ... эпоха эта обострила дуализм во всех сферах бытия и поставила перед грядущим человечеством неразрешимые проблемы: прежде всего проблему введения всей

действительности в ограду церкви, превращения человеческой жизни в теократию... Всякому известны тьма и невежество средних лет человечества. Но можно ли сказать, что была философским безвременьем и темнотой эпоха, в середине которой явился Иоанн Скотт Эриугена, а в конце Майстер Экхарт? Была ли некультурна эпоха Данте и Фомы Аквинского? Вся античная культура вошла в Средневековье, мировая душа жила и развивалась в течение этих оклеветанных веков. Напряженное чувство личности, личного спасения (у монашества) и личной чести (у рыцарства) утверждалось в эпоху, которую принято считать временем
80
полного порабощения личности»!. В этой характеристике отмечается динамизм эпохи Средних веков, такие важнейшие ее особенности, как огромное влияние религии и церкви, с одной стороны, и в то же время успехи в развитии философии и культуры, подчеркивается своеобразие средневекового человека, его сознания и личности.

Действительно, эпоха Средневековья выдвинула плеяду великих людей, которыми гордится человечество. Это первые провозвестники еще смутных коммунистических идей (Томас Мюнцер), вожди народных масс (Уот Тайлер, крестьянское восстание XIV в. в Англии), родоначальники утопического социализма (Томас Мор и Томмазо Кампанелла), великие мыслители и философы (Пьер Абеляр, Роджер Бэкон, Авиценна, Аверроэс, Ян Гус, Николай Коперник, Джордано Бруно, Галилео Галилей), глава Реформации в Германии, реформатор образования, языка М. Лютер, гениальные поэты и писатели (Омар Хайям, Низами, Данте, Петрарка, Боккаччо, Рабле, Шекспир, Сервантес), выдающиеся художники (Джотто, Рафаэль, Микельанджело, Леонардо да Винчи, Андрей Рублев, Дюрер, Рубенс, Рембрандт). «Можно вспомнить также готическую архитектуру, зодчество и скульптуру буддийских храмов, мавританские дворцы и сады. Можно подумать и о лучезарной поэзии трубадуров и миннезингеров, о рыцарском эпосе и романе, о жизнерадостных, брызжущих юмором народных фарсах, о захватывающих массовых зрелищах — мистериях, миракля и о многом другом, представленном в культуре и Запада, и Востока»[2]. Анализируя разнообразный материал, в том числе произведения искусства и литературы Средневековья, А.Я. Гуревич сделал вывод о том, что в эту эпоху складывается *понятие о личности* (Боэций — VI в., Ф. Аквинский — XIII в., Дунс Скот — XIII в., Данте — XIII — XIV вв.). Оно раскрывается исходя из условий бытия средневекового человека, положения индивида в феодальном обществе. Из этого проистекает, выявляется специфика его личности, в отличие от лич-

[1] *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества.— М 1989. С. 161-162.

[2] *Конрад Н.И.* Запад и Восток.— М., 1972. С. 256.

81
ности человека Нового времени, не только в плане отсутствия каких-то черт, но и положительном смысле как обладающей такими чертами, которые позже были утрачены[1]. Личность в Средние века не является носителем индивидуальных качеств: индивидуальное невыразимо. Человек становится личностью в той мере, в какой играет сословно предписанную ему роль. Она воплощает типическое для человека как члена определенной общности — сословия, корпорации, социальной группы. Так в арсенале рыцарских черт — мужество, верность, сила; для ремесленника — это добросовестность и т. п. Личность демонстрирует типическое, она — «микрокосм социально-культурной системы», по определению известного исследователя А.Я. Гуревича. В то же время у отдельных мыслителей наблюдается интерес к самопознанию и самосознанию. Уже в IX в. ирландский схоласт **Иоанн Скот Эриугена** уделяет большое внимание самосознанию. Средством самосознания является внутреннее чувство. В XII в. философ **Пьер Абеляр** (1079— 1142) пишет сочинение исповедального жанра «История моих бедствий». Эта книга вместе с приложением к ней «Переписки Абеляра и Элоизы» построена на материале глубокого самоанализа трагедии конкретной жизни Пьера Абеляра и Элоизы. Она помогает проникнуть во внутренний мир человека Средневековья, в котором сочетаются личностные качества индивида и его надличностные свойства. Человек отличается один от другого личностно, а не субстанционально. Как справедливо отмечает историк, книга Абеляра — свидетельство страстного желания заявить миру о своей персоне. В XIII в. вводится обязательная исповедь для каждого верующего — объективный симптом растущего внимания к человеческой личности.

Вначале связь с античным миром была сильна. Образование строилось на основе изучения античных авторов-философов, а также естественно-научных данных Гиппократа, Аристотеля, Галена. Затем знание приходит в полный упадок, над умами царит авторитет церкви. Философ Ж. Маритен назвал Средние века периодом теологического империализма.

[1] *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры.— М, 1984.

82
Церковь берет на себя оценку истины. «Авторитет Священного Писания выше всех способностей человеческого разума»,— заявлял Августин Блаженный. Перестает существовать природоведение, ибо все естественное предается анафеме. Появляются профессора мистики и каббалистики, процветают алхимия, астрология. В силу этого время с V в. по XIII в. называют «темными годами». В Средние века сложилось мусульманское вероисповедание — ислам. Буддизм и христианство, которые зародились и получили свое развитие еще в древнем мире, в период Средневековья превратились в религии мирового масштаба.

Оказалось, что именно феодализм обусловил возможность приобретения религией такого исключительного положения.

Важнейшим институтом религии была церковь. Средневековье вошло в историю как время безоговорочного подчинения авторитету церкви, удушения мысли, мрачного аскетизма. На выступления против идеологической монополии церковь отвечала гонениями против еретиков. Уже в 1022 г. в Орлеане запылали первые костры инквизиции.

В области культуры господство церкви выразилось в том, что наиболее распространенным жанром литературы были жития святых, типичным образцом архитектуры — собор, в живописи преобладала икона, в скульптуре — персонажи Священного Писания. Но и в индивидуальном сознании религиозная истина выступала для каждого человека регуляторным принципом его картины мира.

Специфический характер религии и ее особая роль являются общим фактором истории Средних веков всех стран Старого Света. Но при всей общности этого явления нельзя упускать значительные различия в сферах и степени влияния религии на идеологию и общественную жизнь в разных странах. Так, в Китае буддизм даже во времена своего могущества не играл такой роли в общественной и государственной жизни, какую имело католичество в западноевропейских странах. Просвещение и образование в Китае находились в руках конфуцианцев, т. е. представителей светского просвещения. Буддийские трактаты не были учебниками в этих школах.

83

В XI —XIII вв. происходит развитие городов и зарождение буржуазии. «Венеция, Флоренция, Генуя, Пиза, даже Милан, а также Париж, Брюгге, Гент, Лондон ...все они являются творениями Средневековья»[1]. Возникают университеты, которые, однако, в это время являются опорой схоластов и духовенства. В результате образование, как и духовная жизнь, вылилось в схоластические диспуты. Знание приобретает дедуктивно-силлогистический характер. Вместо природы занимались изучением и комментированием текстов Священного Писания и некоторых произведений Античности, особенно «Органона» Аристотеля. В диспутах по теологическим вопросам оттачивалось мастерство диалектики спора, складывался логический аппарат рассуждения. Так продолжалось до конца XIV в., пока дух Возрождения не положил конец рационалистическим схоластическим абстракциям, а церковь должна была пойти на уступки и объединить этические религиозные идеалы с усиливающимися естественно-научными устремлениями общества.

С XIII в. начинает развиваться научная деятельность во всех областях знания, происходит процесс отделения области веры и знания и рождения светской опытной науки. Первыми на этом пути были науки о природе — естествознание, астрономия и математика. Именно поэтому их развитие имело поистине революционное значение, поскольку было признаком начала освобождения из-под власти религии.

Психология в Средние века приобретает этико-теологический мистический характер. Развитие положительных знаний о психике резко замедлилось. Изучение душевной жизни подчиняется задачам богословия: показать, как дух человека понемногу возвышается до царства благодати. «Работа под знаком такого определения цели совершалась в долгий промежуток времени между наивысшими стадиями развития патристики и схоластики (400— 1250), отчасти в направлении, намеченном Августином и мистическими течениями, отчасти в связи с исследованием познавательных процессов»[2].

Вместе с тем накапливается некоторый конкретный материал об анатомо-физиологических особенно-

[1] *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада.— М, 1992. С. 71.

[2] *Дессуар М.* Очерк истории психологии.— СПб., 1912. С. 51.

84

стях человеческого организма как основах душевной жизни. Особенно следует отметить деятельность арабов и мыслителей, писавших на арабском языке (IX — XIII вв.). Крупнейшими представителями являются **Авиценна (Ибн Сина), Альгазен, Аверроэс (Ибн Рушд).** Историческая заслуга арабоязычной культуры состоит также в том, что она вернула народам Европы греческую философию и развила ее дальше, подготовив материализм XVIII в. В трудах этих ученых проводится мысль об обусловленности психических качеств естественными причинами, о зависимости психики от условий жизни, воспитания. Отвергается бессмертие индивидуальной души. Авиценна дал более точное, чем Гален, описание связи процессов ощущения и мышления с мозгом, наблюдая за нарушениями при ранениях мозга. Духовные силы не существуют сами по себе, а нуждаются в органе, в телесном субстрате. Им является мозг. Альгазен в «Оптике» развивает учение об ощущении. Впервые обращает внимание на длительность психических актов, указывает на то, что между раздражением чувствующего аппарата и самим ощущением должен пройти известный промежуток времени, необходимый для передачи возбуждения по нервным проводникам. Аверроэс «не остановился перед объявлением теснейшей связи между состояниями сознания и физиологическими явлениями; некоторые силы души он прямо называл продуктами телесных органов»[1]. Он развил учение Аристотеля о пассивном и активном разуме. В целом арабоязычные мыслители «способствовали восстановлению психобиологии, отчасти утверждению господства аристотелевской психологии, ставшего с XIII в. абсолютным»[2].

Учение о душе и познании в основных направлениях схоластической философии

В духовной жизни европейского феодализма важным направлением схоластической философии, с которым также было связано развитие психологических знаний, был *номинализм.* Утверждалось, что общие понятия — это создаваемые нашим мышлением назва-

[1] *Дессуар М. ...* С. 57.

[2] Там же. С. 55.

85

ния, имена (nomina). Реально существуют только определенные вещи. Никакой «идеи» человека отдельно от всех человеческих личностей нет (**И. Росцелин,** XI в.). Это учение развивалось в обстановке борьбы с другим философским движением — реализмом. Согласно *реализму,* общие понятия (универсалии) существуют самостоятельно как отдельные предметы **(Иоанн Скот Эриугена). П. Абеляр** (XII в.) противопоставил номинализму и реализму учение *концептуализма:* хотя идеи отдельно от вещей не существуют, их нельзя признать только словами. Идеи — продукты (conceptio) ума и выражают существенное свойство мысли, но им соответствует нечто в самих вещах. В XIV в. в споре о природе универсалий победу одержал номинализм (**В. Окнам).** Эти течения существовали в рамках схоластики. Между ними шел спор по вопросу о реальности общего и об отношении общего к единичному: самостоятельно ли существует общее, обладает ли отдельным бытием или существует в единичных чувственных вещах, обладает ли оно телесной природой или бестелесно.

В форме якобы логического спора об универсалиях ставились коренные вопросы философии и психологии познания; что чему предшествует — объективные, чувственно воспринимаемые вещи общим идеям или, наоборот, идеи — вещам; идет ли человеческое познание от ощущений, отражающих вещи, к понятиям или от понятий — к вещам. Господствующей в Средние века была позиция объективного идеализма. В этих условиях номинализм явился «...первым выражением материализма»[1].

Из растущего влияния исследований природы, математических, астрономических исследований выделился вопрос: вера или знание? В эти бурные прения вмешалась церковь в лице крупнейших служителей — Альберта Великого и Фомы Аквинского.

Фома Аквинский (1226- 1274) — самый видный схоласт, система которого стала ведущим направлением католицизма. Современные последователи этого учения — неотомисты — представляют одно из самых влиятельных течений буржуазной философии наших дней. Фома Аквинский решал задачу поддержания религиозного мировоззрения в условиях зарождающей-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 142.

86

ся тяги к объяснению природы и ее опытному изучению. Он создал грандиозную философскую систему, которая явилась синтезом всего, что было выработано средневековым мышлением. В психологии папский престол поручил Фоме борьбу против восстановленного аверроистами учения Аристотеля за Аристотеля в его христианской интерпретации. Фома Аквинский учил, что душа одна. Она обладает бытием, отдельным от тела (хотя и помещается в теле), нематериальным и индивидуальным. Душа выступает источником движения тела. Различаются способности, свойственные душе как таковой (разум (нус), воля), а также растительные (вегетативные) и животные функции. Растительные и животные функции нуждаются в теле для деятельности в земной жизни. Соотношение между душой и телом рассматривается как соотношение формы и материи. Но учение о материи и форме изменяется. Различаются чистые формы в бестелесном мире и формы, осуществляющиеся лишь в материи. Человеческая душа — низшая из тех чистых форм (поэтому она бессмертна) и высшая из форм второго рода (поэтому она — принцип всей органической жизни). Благодаря такому расчленению понятий душа получает значение узлового пункта в мироздании, а человеку выпадает на долю почетное призвание — соединить в себе оба круга бытия. Душа, которая причисляется к чистой форме, замкнута в себе, ее не касается разрушение тела. Она бессмертна. Но природа ее не вполне божественна. Об этом свидетельствует процесс познания, который не есть чисто духовный процесс (как у Платона).

В учении о познании различаются человеческое, «естественное» познание — естественный разум — и «сверхъестественное», основа для религиозной веры, откровение. Естественное познание — это познание истины посредством чувств и интеллекта. В нем различаются два уровня. Первый уровень образует область чувственного познания. Оно функционирует посредством внешних и внутренних познавательных органов, познание через внешние и внутренние познавательные органы. Внешние органы — это органы чувств. Восприятие начинается воздействием какой-либо вещи. Этот процесс нельзя считать, как думал Демокрит, мате-

87

риальным. Образы, воспринимаемые чувствами, суть бестелесные впечатления души, лишены материи — в особой форме интенциональности. В них открываются чувственные качества отдельных вещей. Ощущение является актом телесного органа — глаза, уха и т. п. Оно дает знание о единичном. Чувственный образ есть подобие единичного предмета. В этом, а также в том, что он не охватывает сущности, проявляется ограниченность восприятия. Вместе с тем познание посредством внешних чувств является источником всего

нашего познания: умственное познание генетически связано со всем материалом, полученным с помощью чувственных впечатлений. Внутренние познавательные органы — это, во-первых, общее чувство, здесь происходит группировка впечатлений от внешних чувств. Благодаря общему внутреннему чувству свидетельства зрения, звуки, вкусовые впечатления и др., приходящие к нам из какого-либо источника, связываются между собой и относятся к тому предмету, который является их источником. Во-вторых, пассивная память воображения — это склад, где сохраняются все восприятия, созданные общим чувством; в-третьих, активная память; в-четвертых, орган суждения, который воздействует на чувственные органы познания, добывая из представлений неизменное содержание — сущность отдельных конкретных вещей. Это преддверие второго — умственного уровня познания — интеллектуального. Интеллект не является актом какого-либо телесного органа. Через интеллект мы познаем сущности, которые хотя и существуют в материи, но познаются не постольку, поскольку они даны в материи, а как абстрагированные от материи через интеллектуальное созерцание. Интеллект расширяет человеческое познание, превышает ощущение, поскольку может воспринимать вещь обобщенно, в ее родовом естестве. В самом интеллекте различается ряд ступеней. На каждой из них происходит все большее отвлечение от материального объекта, от пространственно-временной области бытия. Переход от образов к понятию называется процессом абстракции. Человеческий разум может прийти к познанию бога, поскольку оно продолжается до тех пор, пока, наконец, не обнаруживается область имматериальных субстанций, т. е. таких сущностей, которые существуют без всякой материи (и отражают ее в

88

виде понятий бытия, единого, потенции, акта), иными словами — бог. Бог есть высшая и конечная цель познания: познается через божественное откровение. Отстаивание абсолютной необходимости божественного откровения как основы религиозной веры и утверждение превосходства церковных авторитетов над разумом приводят к тому, что разум оказывается на службе у веры[1]. Будучи не в состоянии доказать истинность религии, разум в силах оградить ее от нападок и сделать истину церковного учения понятной.

По В.В. Зеньковскому, возвышая откровение над естественным разумом, Аквинат рассекает единую целостность познавательного процесса. Значит, признается, что философия и знание могут обходиться без веры.

Отрицая врожденное знание, Фома Аквинский вместе с тем признавал врожденные общие схемы (conceptiones universalis), которые называл принципами познания, вложенными самим богом. Они начинают действовать, когда сталкиваются с огромным чувственным материалом.

В качестве одного из механизмов познания у Фомы Аквинского выступает специальная операция сознания — *интенциональность.* В человеческой душе есть какая-то сила, интенция, «внутреннее слово», которое придает определенную направленность (интенциональность) акту восприятия и познанию в целом. Интенциональность как активность и предметность познания есть внутреннее свойство человека, прирожденное ему. Учение об интенциональности идеалистически объясняет активный характер процесса познания.

Обладание разумом и возникающей на его основе свободной волей делает человека ответственным за свои поступки, ибо он в состоянии выбирать между добром и злом: над нами не тяготеет слепая судьба — fatum. Разум имеет примат над волей: нельзя желать того, что до этого не признано разумом. Цель выбирает интеллект. Не следует хотеть того, что не было бы прежде познано. Но воля иногда может побуждать к познанию. Впрочем, конечным источником свободных человеческих решений, согласно Фоме Аквинскому,

[1] «Философия — служанка теологии» — высказывание принадлежит Петру Дамиани (1007- 1072), автору книги «О всемогуществе Бога».

89

является не сам человек, а бог, который вызывает в человеке стремление поступать так, а не иначе. Дунс Скот (1265/1266-1308) и В. Оккам (1300- 1349/1350) ставили деятельность воли выше разума. Оккам особенно известен положением, получившим название «бритва Оккама», направленным против умножения принципов, привлекаемых для объяснения различных явлений. Борясь с психологической конструкцией, данной Фомой Аквинским, в которой в душе человека различаются множество душевных способностей (сил, органов), он рассматривает единую душу. Разнообразие направлений в деятельности единой души достаточно объясняет различие ее функций, а то, что называют душевными силами (органами, способностями),— это разные названия для различных актов одной души.

Значение мистических учений

У **Майстера Экхарта** (XIII — начало XIV в.)[1] и других мистиков схоластика переходит в *мистику.* Отвергается рационалистическое обоснование богопознания, вводится представление о религиозно-мистических переживаниях, о путях восхождения духа к безвидной и безобразной бездне безмолвного божества, об особом наслаждении блаженством единения с богом. В результате душевные силы познания и воли, их единство создает ту целостность, которая внедрена в человека богом. Она открывается в религиозном переживании как «искорка» от первоначального божественного света в человеке. Позже мистик XVII в. **Я. Бёме** причудливо сплетает божественное, душевное и телесное бытие. Он говорит о

«муках материи».
Все великие мистики восхваляли практическую деятельность во имя любви к ближнему. Майстер Экхарт посвящает этой теме две свои проповеди — о нищете и о Марфе и Марии. Их содержание анализирует Э. Фромм в контексте своей концепции о двух типах существования — с установкой на обладание или с установкой на бытие. Он делает вывод: «Экхарт описал и проанализировал различие между двумя способами существования — обладанием и бытием — с такой глу-

[1] *Майстер Экхарт.* Проповеди и рассуждения.— М., 1912.

30

биной и ясностью, которые никому еще не удалось превзойти»[1]. Так идеи мистицизма перекликаются с современными подходами к проблеме человека, они входят в нашу духовную жизнь как ее вечный элемент. В этих положениях приоткрывается специфическое, исторически определенное понимание личности в Средние века. Интерес к человеку был характерен для Средневекового Китая. Особенно большое внимание психическому совершенствованию человека уделялось в философии чань-буддизма[2]. К душевному самоанализу были направлены также такие формы религиозных обрядов, как исповедь (введена в начале XIII в.), молитва, аскетизм.

Психологические идеи эпохи Возрождения

Искателем новых путей в науке, предтечей эпохи Возрождения был **Роджер Бэкон** (1214— 1292). В спорах со схоластами он провозгласил значение опытов и наблюдения в познании. Однако опыт, по Бэкону, дает возможность познавать тело, но он бессилен познать душу. Для познания души нужно нечто другое, особый род вдохновения, некое внутреннее просветление, позволяющее постигать то, чего не может открыть чувственное восприятие. У Бэкона дается большой материал о зрительных нервах и зрительном восприятии, которое он объясняет из общих законов распространения, преломления и отражения света. Естественно-научное направление, развиваемое Р. Бэконом и некоторыми другими учеными, было важной линией развития материалистических идей средневековой философии.
В XIV в. в Италии начинается новая эпоха — эпоха Возрождения, ознаменовавшая в дальнейшем великий расцвет цивилизации во всей Европе. При переходе средневекового феодального общества в новую фазу его развития, для которой характерно появление элементов новых для того времени отношений — раннекапиталистических, вновь проявилось влияние Античности. К XIV в. относится деятельность величайших гуманистов—А. Данте (1265- 1321), Ф. Петрарки (1304- 1374),

[1] *Фромм Э.* Иметь или быть? — М, 1986.— С. 88.

[2] *Абаев Н.В.* Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае.— Новосибирск, 1983.

91

Д. Боккачо (1313— 1375). Большой интерес к человеку, к его переживаниям и проблемам существования отличает все их произведения. По словам историка культуры Я. Буркхардта (1818— 1897), в эту эпоху происходит «открытие человека». Колюччо Салютати (1331 — 1406) и Леонардо Бруни (1369— 1444), последователи Петрарки, пустили в ход слово humanitas (человечность) как свойство человека, которое определяет его человеческое достоинство и влечет к знанию[1].
В их совершенных творениях искусство еще не освобождается от религиозного содержания: мирское и церковное сливаются в единство. По существу, это поэтическое изображение идей. Данте в «Божественной комедии», Боккачо в новеллах, Петрарка в сонетах и канцонах обрушиваются с сокрушительной критикой на алхимию, астрологию, магию, мистику и аскетизм. Важнейшее изобретение XV в.— книгопечатание (1436 г., И. Гутенберг, Германия) — сделало реальной выполнение гуманизмом своей просветительской задачи. Гуманисты занимаются изданием классической античной литературы. Гуманизм стал важнейшим явлением духовной жизни западноевропейских стран, в том числе в Нидерландах и Германии. Выдающимся гуманистом был Эразм, родившийся в Роттердаме, и потому известный как Эразм Роттердамский (1469—1536). Автор известной сатиры «Похвала глупости» в своих философских произведениях изложил систему правил по укреплению духа. Недостаточно одного только желания освободиться от того или иного порока. «...Следует постоянно и всегда помнить, что человеческая жизнь ...не что иное, как непрерывная борьба ...с великой армией пороков. .. »[2]. В борьбе с ними дух должен быть вооружен. Есть два вида оружия: молитва и знание, прежде всего Священного Писания и мудрости древних. Чем богаче эти орудия, тем более человек вооружен. «Начало... мудрости в познании самого себя»[3]. Оружием человека — христианского воина, по терминологии Эразма, являются средства, направленные на овладение собственны-

[1] *Конрад Н.И.* Запад и Восток.— М, 1972. С. 22!.

[2] Эразм *Роттердамский.* Философские произведения.— М., 1986. С. 90-91.

[3] Там же. С. 110.

92

ми движениями души. Эти мысли перекликаются с идеями Л.С. Выготского об опосредствованной природе психических процессов человека.
В трудах деятелей эпохи Возрождения складывается гуманистическая концепция человека. Ее основы

заложил великий Данте. Воплощением высоких представлений о человеке является образ Улисса (Одиссея) — смелого первооткрывателя, героя, человека доблестного, умного. Его устами Данте провозгласил новый взгляд на человека.

«О братья...
Тот малый срок, пока еще не спят
Земные чувства — их остаток скудный
Отдайте постиженью новизны...
Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и к знанью рождены.[1]

Свобода и личная ответственность, благородство, способность к подвигу, к исполнению земного предназначения, которым является деятельность,— важнейшие черты человека. В концепции гуманистов содержится новое понимание соотношения божественного и природного начал: они должны находиться в единстве. Человек — существо творческое. Его достоинство заключается в возможности возвышаться над животным состоянием: истинно человеческое в нем — от культуры. Гуманистический взгляд на человека порывает с аскетизмом, провозглашает право человека на полноту физического и духовного бытия, максимальное развитие лучших человеческих качеств.

Леонардо да Винчи (1452— 1519) раскрыл противоречивость человека. Человек — это великолепное орудие природы, земной бог, но он и жесток и часто ничтожен в своих помыслах и поступках.

Новый аспект в понимании человека раскрывается в творчестве выдающегося итальянского государственного деятеля и политического философа **Николо Макиавелли** (1487— 1527). Согласно Макиавелли, политическое действие требует от человека прежде всего учета объективных обстоятельств, воли, энергии и силы политика — доблести *(virtu).* Во имя достижения поставлен-

[1] *Данте А.* Божественная комедия.— М, 1961. С. 171.

93

ной цели политик не должен считаться с моральными и религиозными оценками. Политика и мораль автономны. Моральные соображения подчинены целям политики. Только государственный интерес, т. е. интерес национальный, интерес отечества, движет поступками государственного деятеля. Итогом этих рассуждений стал вывод: *цель оправдывает средства.* В современной психологии существует понятие *«макиавеллизм».* Им обозначается склонность человека манипулировать другими людьми. Разработана методика выявления макиавеллизма как характеристики личности.

Глубокий психологический анализ человека содержится в произведении французского философа **М. Монтеня** (1533— 1592) «Опыты». Большое внимание уделяется самопознанию. Человек, по Монтеню, не центр вселенной, а ее часть. «Когда я играю с кошкой, кто знает, не забавляется ли скорее она со мною, нежели я ею?» — вопрошает он. Скептицизм Монтеня, его мысли о достоинствах простого человека, критика нравов и лицемерия высшего света получили продолжение в науке Нового времени.

Важнейшей особенностью эпохи Возрождения является возрождение естественно-научного направления, развитие науки и рост знаний. Возникает *натурфилософия,* свободная от непосредственного подчинения религии **(Дж. Бруно, Б. Телезио, П. Помпонацци)**. В этот период наука рождается не в стенах университетов, а в мастерских художников, скульптуров, граверов, архитекторов, которые были также инженерами, математиками, техниками. Эти мастерские стали настоящими экспериментальными лабораториями. Здесь соединялись теоретическая работа и опыт. Именно деятельность художников положила начало новым проблемам механики, оптики, анатомии и других наук. В условиях социальных требований к художникам того времени они должны были знать все эти отрасли искусства, должны иметь знания по сооружению больших конструкций. Для осуществления задачи реалистического изображения было необходимо установление правил перспективы и колорита в живописи. Возникла необходимость в научном объяснении, а не только в наблюдательности, опытности и одаренности, в привлечении на помощь искусству оптики и механики, математики, анатомии. Эта

94

необходимость отыскания правил для художника перерастает в работу по открытию законов природы.

XVI в.— время великих открытий в области механики, астрономии, математики. Н. Коперник (1473— 1543), И. Кеплер (1571 - 1630), Дж. Бруно (1548-1600), Г. Галилей (1564— 1642) стоят у истоков классической науки Нового времени. Их значение состоит в том, что они доказали: необходимо анализировать действительные явления, процессы и вскрывать законы, руководствуясь предположением, что природа повинуется самым простым правилам. Необходимо изгнать анимистические представления из понятий о движении и силе. Начинается систематическая работа теоретического научного мышления. Великие географические открытия XV—XVI вв. (открытие Америки X. Колумбом, первое кругосветное путешествие Ф. Магеллана и др.) расширяли представления о мире, утверждали примат опытного знания над книжным.

Постепенно складывается новая научная методология. Средневековая методология имела преимущественно дедуктивно-силлогистический характер: она была приспособлена лишь к отысканию внутренних взаимоотношений между готовыми положениями и аргументами и не могла служить для отыскания новых истин, не вытекавших из старых авторитетов (Священного Писания, творений отцов церкви, трудов Аристотеля и др.). Гениальные замечания Леонардо да Винчи, тщетные попытки создать новую методологию трагически погибшего в Варфоломеевскую ночь Петра Рамуса (1515— 1572), позже Кеплер и

Галилей протрубили миру о новой методологии. Вместе с Ф. Бэконом прояснялись некоторые стороны нового научного метода. Период, охватывающий XVI и XVII вв. (со времени публикации «Об обращении небесных сфер» Коперника — 1543, и до выхода в свет «Математических начал натуральной философии» Ньютона — 1687), означал решающий поворотный этап в мышлении западной цивилизации, подорвавший авторитет средневековой науки. Он вошел в историю под названием «научной революции». В то же время выдающийся историк естествознания П. Дюгем в начале XX в. «открыл» средневековых предшественников галилеевской физики. Это наводит на мысль, что рождение современной

95

науки произошло в XIII в. Исследователь склоняется к идее непрерывности перехода от схоластического мышления Средних веков к науке XVII в.

Из всех областей естественно-научного направления в связи с их значением для психологии следует особо отметить развитие в разных странах медицины, анатомии и физиологии человека. **Т. Парацельс** (1493—1541) выступил с новой теорией о природе человеческого организма, причинах и методах лечения болезней. В анатомии **Андрей Везалий** (1514— 1564) выпустил фундаментальный труд «О строении человеческого тела» (1543). Книга пришла на смену анатомии Галена, в которой было много ошибок, ибо он судил о строении тела человека на основании данных, которые черпал при анатомировании обезьян и собак. Непрерывно росло число вновь открываемых частей тела. Итальянские современники Везалия — Г. Фаллопий, Б. Евстахий, И. Фабриций из Аквапенденте и др. — делают ряд открытий, которые навсегда вошли в анатомию под их именами.

Важное значение имели работы врача и мыслителя **Мигеля Сервета** (1509/1511 — 1553), его идеи о малом круге кровообращения (1553). Новая эпоха в анатомии, физиологии и эмбриологии началась работами **М. Мальпиги** (1628—1694) и исследованиями по экспериментальной физиологии. **В. Гарвей** в 1628 г. решил проблему кровообращения.

Так постепенно складывалось познание путем опыта, которое приходило на смену догмам и схоластике.

Немецкие схоласты Р. Гоклениус и О. Кассман впервые ввели термин *«психология»* (1590). До этого **Филипп Меланхтон** (1497—1560) — немецкий гуманист, друг Лютера, воспитанный под влиянием Эразма, в своем «Комментарии о душе» отвел ей почетное место. Он почитался авторитетом в области преподавания психологии и господствовал в некоторых немецких университетах до середины XVIII в. Испанский гуманист, друг Эразма Роттердамского **Хуан Луис Вивес** (1492— 1542) в книге «О душе и жизни» (1538) утверждал: главный вопрос не в том, что такое душа, а в том, каковы ее проявления и их связь. Это указывает на возросший интерес к психологическим вопросам и позволяет понять успехи психологического анализа в XVII в. у Ф. Бэкона и Р. Декарта.

96

Глава 3. ПСИХОЛОГИЯ Ф. БЭКОНА И ЗАВЕРШЕНИЕ ЭТАПА РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ В РАМКАХ УЧЕНИЯ О ДУШЕ

В аристотелевской психологии, которая определяла развитие учений о душе вплоть до XVII в., объектом исследования были все жизненные проявления организма. В силу этого психологическую систему Аристотеля часто называют *психобиологией.* В связи с развитием анатомических и физиологических знаний о строении и работе тела, понятие души становится излишним для объяснения большей части явлений жизнедеятельности тела. Великие открытия и изобретения в различных областях науки и техники прокладывали новые пути научного познания. Опыт, эксперимент, индукция, математика выступают теперь средствами получения и объяснения фактов.

Дух нового научного подхода пронизывает философские труды **Френсиса Бэкона** (1561 — 1626). Ф. Бэкон намечает новую линию исследования души. Он отказывается от изучения наиболее общих вопросов, касающихся природы души, и призывает перейти к эмпирическому описанию ее процессов (способностей). Эти два шага, сделанные Бэконом,— исключение из состава души органических функций и отказ от изучения души как особого предмета, требование перейти к описанию ее процессов — подготавливали отмирание науки о душе и вместе с тем создавали предпосылки для становления новой науки о сознании.

В контексте проблемы классификации наук Бэкон развивает идеи о единой науке о человеке, составной частью которой является и психология. «Эта наука для человека составляет цель всех наук и в то же время лишь часть самой природы»[1]. Вообще «все деления

[1] *Бэкон Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 1.— М., 1971. С. 251.

97

наук должны мыслиться и проводиться таким образом, чтобы они лишь намечали или указывали различия наук, а не рассекали и разрывали их...»[1]. Это требование звучит актуально и сегодня в связи с задачами комплексного изучения человека.

Учение о человеке, по Бэкону, состоит из двух частей. «Одна из них рассматривает человека как такового, вторая — в его отношении к обществу. Первую из них называем философией человека, вторую — гражданской философией»[2]. Характерно, что в философии человек рассматривается в отвлечении от общественно-экономических условий его существования: Бэкон подходит к человеку натуралистически. В

соответствии с частями, из которых состоит человек (тело и душа), выделяются науки о теле и науки о душе. Прежде, чем рассмотреть каждую из них, Бэкон выделяет общие вопросы, охватывающие как тело, так и душу. Они составляют учение о личности и учение о связи души и тела. В учении о личности на примерах выдающихся исторических деятелей рассматриваются высшие проявления человеческих возможностей: выдающаяся память, чудеса мудрости, моральной стойкости и т. д. Учение о союзе души и тела включает вопросы: определение душевного состояния по внешним проявлениям (физиогномика), толкование снов, влияние болезненных состояний тела на душевную деятельность и, наоборот, души на тело. Этим вопросам Бэкон уделяет внимание в связи с их полезностью в повседневной жизни. К их решению он подходит материалистически. К наукам о теле относятся: медицина, косметика, атлетика и наука о наслаждениях. Их характеристика направлена на выделение всего, что способствует здоровой жизни.

Учение о душе включает науки о рациональной божественной душе, или духе, и о чувствующей нерациональной, общей человеку и животным, природа которой телесна. В разделении души на боговдохновенную и чувствующую проявляется теологическая непоследовательность Бэкона, характерная, по оценке Маркса, для всей философии Бэкона. В каждой душе Бэкон выделяет ее способности (функции). Для чувствующей души это способности ощущения и выбора, т. е. стремление к благоприятным и избегание неблагоприятных

[2] Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1.— М., 1971. С. 252.

[3] Там же.

98

обстоятельств, и произвольные движения. Чувствующая душа — общая у человека и животных. В полемике с Аристотелем Бэкон исключает из ее функций участие в обеспечении дыхания, пищеварения и др.: «...внутренние органы, подобно мастерским, исполняют каждый свою работу ...без участия чувств»[1]. Способность ощущения и выбора, по Бэкону, имеют все тела: например, железу приписывалась особая симпатия — стремиться к магниту, плотным и тяжелым телам — влечение к земле. От нее следует отличать восприятие как функцию души. Однако критерия, позволяющего произвести это различение, Бэкон не дает. Способности рациональной души — это разум (или интеллект), рассудок, воображение, память, желание (или влечение), воля. Науки о душе должны исследовать их происхождение, способы их развития и укрепления.

Наиболее подробно Бэкон рассматривает проблемы познания. Он исходит из признания объективности существующего мира.

Чувства являются исходным элементом познания, но они не обеспечивают всего познания. Данные чувств должны обрабатываться разумом. Критикуется догматизм, когда, подобно пауку, тянут паутину мыслей из самих себя. Необходим союз опыта и рассудка: наука состоит в применении рационального метода к чувственным данным. Анализ познавательных возможностей человека приводит Бэкона к выводу о том, что познание подвержено глубочайшим заблуждениям, которые обманывают не в частных вопросах, но на каждом шагу как бы расставляют ловушки разуму. Эти заблуждения Бэкон обозначает словом «идолы». «Ведь человеческий ум, затемненный и как бы заслоненный телом, слишком мало похож на гладкое, ровное, чистое зеркало, не искаженно воспринимающее и отражающее лучи, идущие от предметов; он подобен скорее какому-то колдовскому зеркалу, полному фантастических и обманчивых видений. Идолы действуют на интеллект или в силу самих особенностей общей природы человеческого рода, или как результат слов, т. е. в силу особенностей самой природы общения. Первый вид мы обычно называем идолами рода, второй —• идолами пещеры и третий — идолами площади. Существует еще и четвертая группа идолов, которые мы называем

[1] *Бэкон Ф. ...* Т. 1. С. 288.

99

идолами театра, являющимися результатом неверных теорий или философских учений и ложных законов доказательства. Но от этого типа идолов можно избавиться и отказаться... Идолы же остальных видов всецело господствуют над умом и не могут быть полностью удалены из него»[1]. Препятствия, стоящие на пути человеческого познания, могут быть либо врожденными, либо приобретенными. Как они ни могущественны, они преодолимы, и познание объективной истины возможно. Встает вопрос о средствах освобождения от заблуждений. Подобно тому как в практической деятельности, «если бы люди взялись за механические работы голыми руками без помощи орудий... то невелики были бы те вещи, которые они смогли бы подвинуть и преодолеть, хотя бы они посвятили этому усердные и притом соединенные усилия»[2], так и познающий ум должен быть надежно вооружен. «Голая рука и предоставленный самому себе разум не имеют большой силы. Дело совершается орудиями и вспоможениями, которые нужны не меньше разуму, чем руке. И как орудия руки дают или направляют движение, так и умственные орудия дают разуму указания или предостерегают его»[3]. Главным орудием познания, по Бэкону, является метод, «самая важная проблема из всех существующих». Методом, адекватно раскрывающим природу, Бэкон считает научную индукцию. Его заслуга состоит в том, что он возвел индукцию в общую теорию, выявил правила перехода от частного к общему. Учение Бэкона оказало огромное влияние на все науки и сделало его родоначальником эмпирической науки. Именно логика вместе с экспериментом выступает у Бэкона орудием, которое вооружает методом научного исследования.

Слова Бэкона о необходимости вспомогательных средств в процессе познания неоднократно сочувственно приводятся Л.С.. Выготским[4]. По вопросу о том, в каком отношении к психологии мышления находится логика и может ли быть логика единственным или главным критерием мышления, в современной психологии существует большая дискуссия[5].

[1] *Бэкон Ф.* Соч. Т. 1. С. 322-323.

[2] *Бэкон Ф.* Соч. Т. 2. С. 8.

[3] Там же. С. 12.

[4] *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций.— М., 1960. С. 448.

[5] См. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды.— М., 1969.

100

Контрольные вопросы

1. Как возникли представления о душе?
2. Как развивались представления о душе в натурфилософских учениях Древней Греции?
3. Какие психологические идеи возникли в системе античного атомистического материализма Демокрита?
4. Как влияли общественно-политические события и процессы античного мира на развитие психологических представлений о душе?
5. Чему учил Сократ и за что он был осужден? Что такое сократическая беседа? Каковы правила ее проведения?
6. Как отразились общефилософские взгляды Платона на его учении о душе?
7. В чем состоит преемственность и различие между учением о душе и ее способностях Аристотеля и Платона?
8. Что такое аристотелевский способ мышления в психологии?
9. Какой вклад в познание о душе внесли античные врачи?
10. Какие новые направления развития получило учение о душе в поздней Античности?
11. Как используются идеи античных мыслителей в современной психологии?
12. Какие факторы влияли на развитие психологических воззрений в Средние века?
13. Какие направления получила психологическая мысль в арабоязычной философии? в мистицизме? в схоластике?
14. Как складывалось понятие о личности? в чем заключается специфическое содержание понятии личности в Средние века?
15. Как формировался гуманистический взгляд на человека в эпоху Возрождения?
16. Как влияло становление естественно-научного знания и развитие медицины на представления о душе?
17. В чем видел Л.С. Выготский значение учения Ф. Бэкона о познании для современной психологии?

101

Литература

1. *Аристотель.* Никомахова этика. Соч.: В 4 т. Т.4. М., 1984.
2. *Аристотель.* О душе. Соч.: В 4 т. Т.1. М.,1974.
3. *Аристотель.* Риторика//Античные риторики. Под ред. А.А.Тахо-Годи. М.,1978. Книга вторая. §1-17. С.71-101.
4. *Бэкон Ф.* Новый органон. Соч.: В 2 т. Т.2. М.,1972.
5. *Луций Анней Сенека.* Нравственные письма к Луцилию. М.,2000.
6. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура/Под ред. М.А. Дынника. М., 1955.
7. *Монтень М.* Опыты: В 3 кн. М.-Л., 1960.
8. *Платон.* Апология Сократа. Соч.: В 3 т. Т.1. М., 1968.
9. *Платон.* Филеб. Соч.: В 3 т. Т.3(ч.1). М., 1971.
10. *Платон.* Государство. Там же.
11. *Платон.* Федон. Т.2.
12. *Платон.* Федр. Соч.: В 3 т. Т.2. М., 1970.
13. *Феофраст.* Характеры. М., 1993.
14. *Фромм Э.* Майстер Экхарт // Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986. С.88-94.

Раздел II. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В РАМКАХ ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЙ О СОЗНАНИИ

Глава 1. ВЫДЕЛЕНИЕ СОЗНАНИЯ КАК КРИТЕРИЯ ПСИХИКИ

Психологическое учение Рене Декарта

Р. Декарт (1596-1650)

105

С именем **Рене Декарта** (1596 — 1650) связан важнейший этап в развитии психологических знаний. Своим учением о сознании, развиваемым в контексте им же поставленной психофизической проблемы, он ввел критерий для выделения психики из существовавшего до него аристотелевского учения о душе. Психика стала пониматься как внутренний мир человека, открытый самонаблюдению, имеющий особое — духовное — бытие, в противопоставлении телу и всему внешнему материальному миру. Их абсолютная разнородность — главный пункт учения Декарта. Последующие системы были направлены на эмпирическое изучение сознания как объекта исследования (в понимании Декарта) сначала в рамках философии, а с середины XIX в.— в психологии как самостоятельной науке. Декарт ввел понятие рефлекса и этим положил начало естественно-научному анализу поведения животных и части человеческих действий. В системе Декарта ее философские и психологические аспекты представлены в неразрывном единстве. «Страсти души» — последнее произведение, законченное Декартом незадолго до смерти, принято считать собственно психологическим.

Рассуждения о душе и о теле не были исходными в философии и в научных исследованиях Декарта, направленных на природу. В них он стремился к построению истинной системы знания. Проблема метода — центральная в философии Декарта. В трактате «Рассуждение о методе» (1637) Декарт замечает: лучше вообще не искать истины, чем искать ее без метода. Метод содержит правила, соблюдение которых не позволяет принимать за истину то, что ложно, и доходить до истинного познания. Декарт сформулировал четыре правила метода в науках естественных. Что касается сознания, то адекватным ему методом он считал интроспекцию, а в отношении страстей — сочетание интроспекции с естественно-научным методом.

Убедившись, что в философии и в других науках нет каких-либо прочных оснований, Декарт избирает в качестве первого шага на пути к истине сомнение во всем, по поводу чего можно обнаружить малейшее подозрение в недостоверности, замечая, что его следует применять не всегда, а только «тогда, когда мы задаемся целью созерцания истины»[1], т.е. в области научного исследования. В жизни мы часто пользуемся лишь правдоподобными — вероятными — знаниями, которых вполне достаточно для решения задач практического характера. Декарт подчеркивает новизну своего подхода: впервые систематическое сомнение используется как методический прием в целях философского и научного исследований.

В первую очередь, Декарт сомневается в достоверности чувственного мира, т. е. «в том, имеются ли среди тех вещей, которые подпадают под наши чувства, или которые мы когда-либо вообразили, вещи, действительно существовавшие на свете»[2]. О них мы судим по показаниям органов чувств, которые часто обманывают нас, следовательно, «неосмотрительно было бы полагаться на то, что нас обмануло хотя бы один раз»[3]. Поэтому «я допустил, что нет ни одной вещи, которая была бы такова, какой она нам представляется»[4]. Так как в сновидениях мы воображаем множество вещей, которые мы чувствуем во сне живо и ясно, но их в действительности нет; так как существуют обманчивые чувства, например,

[1] *Декарт Р.* Избранные произведения.— М., 1950. С. 426.

[2] Там же. С. 431.

[3] Там же. С. 427.

[4] Там же.

106

ощущение боли в ампутированных конечностях, «я решился представить себе, что все, что-либо приходившее мне на ум, не более истинно, чем видения моих снов»[1]. Можно сомневаться «и во всем остальном, что прежде полагали за самое достоверное, даже в математических доказательствах и их

обоснованиях, хотя сами по себе они достаточно ясны,— ведь ошибаются же некоторые люди, рассуждая о таких вещах»[2]. Но при этом «столь нелепо полагать несуществующим то, что мыслит, в то время, пока оно мыслит, что невзирая на самые крайние предположения, мы не можем не верить, что заключение: я мыслю, следовательно, я существую истинно и что поэтому есть первое и вернейшее из всех заключений, представляющееся тому, кто методически располагает свои мысли»[3]. Вслед за выводом о существовании познающего субъекта Декарт приступает к определению сущности «Я». Обычный ответ на поставленный вопрос — я есть человек — отвергается им, ибо приводит к постановке новых вопросов. Также отклоняются прежние, восходящие к Аристотелю представления о «Я» как состоящем из тела и души, ибо нет уверенности — нет теоретического доказательства — в обладании ими. Следовательно, они не необходимы для «Я». Если отделить все сомнительное, не остается ничего, кроме самого сомнения. Но сомнение — акт мышления. Следовательно, от сущности «Я» неотделимо только мышление. Очевидность этого положения не требует доказательства: она проистекает из непосредственности нашего переживания. Ибо даже если согласиться, что все наши представления о вещах ложны и не содержат доказательства их существования, то с гораздо большей очевидностью из них следует, что я сам существую.

Таким образом, Декарт избирает новый способ исследования: отказывается от объективного описания «Я» и обращается к рассмотрению только своих мыслей (сомнений), т.е. субъективных состояний. При этом, в отличие от задачи, когда целью было оценить их содержание с точки зрения истинности заключенных в них знаний об объектах, здесь требуется определить сущность «Я».

[1] *Декарт Р.* Рассуждение о методе.— М., 1953. С. 33.

[2] *Декарт Р.* Избранные... С. 427.

[3] Там же. С. 428.

107

«Под словом «мышление» (cogitatio) я разумею все, что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его непосредственно сами собою; и поэтому не только понимать, желать, воображать, но также чувствовать означает здесь то же самое, что мыслить»[1]. В декартовском «cogito ergo sum» («мыслю, следовательно существую») термином «мышление» обозначается сознание, с которым отождествляется психика. Психика есть то, что дано личному сознанию. Сознание, по Декарту, не имеет степеней.

Мышление — это чисто духовный, абсолютно бестелесный акт, который Декарт приписывает особой нематериальной мыслящей субстанции. Этот вывод Декарта встретил непонимание уже у современников. Так, Гоббс указывал, что из положения «я мыслю» — можно скорее вывести, что вещь мыслящая есть нечто телесное, чем заключать о существовании нематериальной субстанции. На это Декарт возражал: «...нельзя представить себе, чтобы одна субстанция была субъектом фигуры, другая — субъектом движения и пр., так как все эти акты сходятся между собой в том, что предполагают протяжение. Но есть другие акты — понимать, хотеть, воображать, чувствовать и т. д., которые сходятся между собой в том, что не могут быть без мысли или представления, сознания или знания. Субстанцию, в коей они пребывают, назовем мыслящей вещью, или духом, или иным именем, только бы не смешивать ее с телесной субстанцией, так как умственные акты не имеют никакого сходства с телесными и мысль всецело отличается от протяжения»[2].

В ответ другому лицу Декарт замечает: «Можно недоумевать, не одна ли это и та же натура, которая и думает и пространство занимает, т. е. которая вместе и духовная и телесная, но путем, мною предложенным, мы познаем ее только как духовную»[3]. Качественное различие разных свойств материи превращается в отрыв некоторых из них от материи, что и воплотилось в разделении всего существующего на две субстанции[4].

[1] *Декарт Р.* Избранные... С. 429.

[2] Цит. по изд.: Любимов *Н.А.* Философия Декарта.— СПб., 1886. С. 149-150.

[3] Там же.

[4] Декарт выделял также Бога как высшую субстанцию, которая является причиной материи и духа.

108

Этот идеалистический вывод явился следствием метафизического способа рассуждения. Сознание Декарт описывает в противопоставлении телу, с которым отождествляет материю и дает геометрическое представление о материи. В основе физической теории Декарта лежит идея о тождестве материи и протяжения. «Природа материи, т. е. тела, рассматриваемого вообще, состоит не в том, что оно — вещь твердая, тяжелая, окрашенная или иным каким образом возбуждающая наши чувства, но в том только, что оно — субстанция, протяженная в длину, ширину и глубину»[1]. Телу свойственны также делимость, пространственная форма (фигура), перемещение в пространстве в результате толчка, сообщаемого данному телу другим телом, скорость этого перемещения, которые суть некоторые модусы протяжения.

Сопоставление телесной и духовной субстанций привело Декарта к выводу о «полнейшей разнице, существующей между духом или душой человека и его телом», которая состоит «в том, что тело по своей природе всегда делимо, тогда как дух совсем неделим»[2]. «Поэтому душа по природе своей не находится ни в каком отношении ни к протяженности, ни к измерениям или каким-либо другим свойствам материи, из которой состоит тело, а связана со всей совокупностью его органов»[3]. Из положения о двух абсолютно противоположных субстанциях, каждая из которых — по определению — не нуждается для своего

существования ни в чем, кроме себя самой, следовал вывод об их независимом существовании. Чисто материальные вещи — это вся природа, включая небесные тела, земные тела — неживые, растения, животные, а также тело человека. Мыслящая вещь, или субстанция, вся сущность или природа которой состоит в одном мышлении,— это душа. Она «всецело и поистине раздельна с моим телом и может быть или существовать без него»[4].

Тело животного и человека Декарт описывал как физик, опираясь на науку своего времени: «Все тепло и все движения, которые у нас имеются, поскольку они

[1] *Декарт Р.* Избранные... С. 466

[2] Там же. С. 403.

[3] Там же. С. 610.

[4] Там же. С. 395.

109

совершенно не зависят от мысли, принадлежат только телу»[1]. О том, что эти движения не зависят от души, мы судим по тому, что «есть неодушевленные тела, которые могут двигаться такими же и даже более разнообразными способами, чем наше тело, и которые имеют больше тепла и движений (из опыта нам известен огонь, который один имеет значительно больше тепла и движений, чем какая-нибудь из частей нашего тела...». Поэтому «то, что мы испытываем в себе таким образом, что сможем допустить это и в телах неодушевленных, должно приписать только нашему телу, наоборот, все то, что, по нашему мнению, никоим образом не может относиться к телу, должно быть приписано нашей душе»[2]. Критерий, выбранный для различения функций души и тела, является субъективным. Декарт называет «большой ошибкой», которую делало большинство[3], когда связывало такие процессы, как движение и тепло, с душой. «Смерть никогда не наступает по вине души, но исключительно потому, что разрушается какая-нибудь из главных частей тела»[4].

Тело человека Декарт сравнивает с часами или иным автоматом, «когда они собраны и у них есть материальное условие тех движений, для которых они предназначены со всем необходимым для их действия»[5]. Дается краткое описание «устройства машины нашего тела», объяснение некоторых его функций — пищеварения, кровообращения и других отправлений, которые являются общими для животных и для человека. В вопросах физиологии, как и природы в целом, Декарт — материалист. В объяснении влияния нервов на движения мускулов и работу органов чувств Декарт использует понятие о «животных духах». «Животные духи» — это «тела, не имеющие никакого другого свойства, кроме того, что они очень малы и движутся очень быстро, подобно частицам пламени, вылетающим из огня свечи»[6] и составляют «телесный принцип всех движений частей нашего тела», которые,

[1] *Декарт Р.* Избранные... С. 596.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 597.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же. 600.

110

как было сказано выше, осуществляются без участия души. Причина всех движений в том, что некоторые мускулы сокращаются, а противоположные им растягиваются. Это происходит из-за перераспределения духов между мышцами, что возможно потому, что «в каждом мускуле имеются небольшие отверстия, через которые эти «духи» могут перейти из одного в другой»[1]. От этого мускул, из которого они выходят, растягивается и слабеет, а мускул, в который приходит больше духов, сокращается и приводит в движение ту часть тела, к которой он прикреплен. Чтобы понять, каким образом происходят движения мускулов, следует рассмотреть строение нервов, при посредстве которых осуществляется движение. Нервы — это как бы трубочки, в которых есть «сердцевина или внутреннее вещество, которое тянется в виде тонких ниточек от мозга, откуда оно берет свое начало, до оконечностей других членов, с которыми эти ниточки соединены»[2]; оболочка, которая является продолжением той, которые покрывают мозг, и «животные духи», переносимые по этим трубочкам из мозга в мускулы. Ниточки, составляющие сердцевину нерва, всегда натянуты. Предмет, касаясь той части тела, где находится конец одной из нитей, приводит благодаря этому в движение ту часть мозга, откуда эта ниточка выходит, подобно тому как движение одного конца веревки приводит в движение другой. Натяжение нити приводит к тому, что открываются клапаны отверстий, ведущих из мозга в нервы, направляющиеся к разным членам. Животные духи переходят в эти нервы, входят в соответствующий мускул, раздувают его, заставляя укорачиваться — и происходит движение. Таким образом, движение возникает в результате воздействия предмета на тело, которое механически проводится к мозгу, а от мозга — к мускулам. Направленность «животных духов» каждый раз к определенным мускулам объясняется характером внешнего воздействия, требующего определенного, а не любого движения. Другой причиной направления течения животных духов является неодинаковая подвижность «духов» и разнообразие их частиц.

[1] *Декарт Р.* Избранные... С. 601.

[2] Там же.

111

Таким чисто телесным механизмом объясняются не все движения, но только те, которые производятся без участия воли: ходьба, дыхание и вообще все отправления, общие для человека и животного.

Объяснение непроизвольных движений представляет исторически первую попытку рефлекторного принципа[1]. В то же время в трактовке рефлекса как механизма, совершенно независимого от психики, проявляется механистическая односторонность Декарта.

Животные, считал в строгом соответствии с принятым отождествлением психики с сознанием Декарт, не имеют души. Вся сложность явлений, какую мы наблюдаем в поведении животных, в том числе высших, есть чистый автоматизм природы. Величайшим из предрассудков называет Декарт мнение о том, что животные думают.

Главное соображение, убеждающее в том, что, хотя между ними бывают одни более совершенные, чем другие, и хотя все животные ясно обнаруживают естественные движения гнева, страха, голода и т. п. или голосом, или движениями тела, тем не менее животные, во-первых, не имеют языка, и, во-вторых, хотя многие из них обнаруживают больше, чем человек, искусства в некоторых действиях, однако, при других обстоятельствах они его совсем не обнаруживают. «...Животные разума не имеют, и природа в них действует согласно расположению их органов, подобно тому как часы, состоящие только из колес и пружин, точнее показывают и измеряют время, чем мы со всем нашим разумом»[2]. Отрицание у животных психики нарушало преемственность между животными и человеком и с неизбежностью приводило к идее бога как порождающей человеческий разум.

Этот вывод был обусловлен также соображениями этического характера и связан с религиозными догмами о бессмертии души. Идея бессмертия души хотя и высказывается Декартом неоднократно, но конкретно не раскрывается.

[1] На это указывал И.П. Павлов: «Общепризнанно, что идея рефлекса идет от Декарта» // Павлов И.П. Полн. собр. трудов: В 5 т. Т. Ш.— М.; Л., 1949. С. 443.

[2] *Декарт Р.* Рассуждение... С. 52.

112

Вывод об автоматизме животных выступал в системе Декарта конкретно-научным обоснованием философского положения о независимом существовании телесной и душевной субстанций или по крайней мере об отдельном существовании телесной субстанции. Метафизические размышления Декарта о душе как самостоятельной субстанции не подкрепляются материалом положительного описания такого существования, ибо, хотя по природе душа и *может* существовать отдельно от тела, в *действительности* она существует в связи с телом, но не с любым, а только с *телом человека.* О связи души и тела свидетельствует опыт, собственное самонаблюдение. Голод, жажда и т. п., восприятия света, цветов, звуков, запахов, вкусов, тепла, твердости и пр. являются продуктом соединенной деятельности души и тела и называются страстями в широком смысле слова. Собственные проявления души — это желания и воля. Они — действия души и не имеют отношения к чему-либо материальному: не связаны с телесными процессами организма, не вызываются каким-либо материальным предметом. Сюда же относятся внутренние эмоции души, направленные на «нематериальные предметы», например, интеллектуальная радость от размышления о нечто, только умопостигаемом.

Душа соединена со всем телом, но наиболее ее деятельность связана с мозгом, точнее, по Декарту, не со всем мозгом, а только с частью его, «расположенной глубже всех». Душа помещается в очень маленькой железе, находящейся в середине мозга; в силу своего положения она улавливает малейшие движения живых духов, которые «могут ее двигать весьма различно в зависимости от различных предметов. Но и душа может вызвать различные движения; природа души такова, что она получает столько различных впечатлений, т. е. у нее бывает столько различных восприятий, что она производит различные движения в этой железе. И обратно, механизм нашего тела устроен так, что в зависимости от различных движений этой железы, вызванных душой или какой-либо другой причиной, она действует на «духи», окружающие ее, и направляет их в поры мозга, которые по нервам проводят эти «духи» в

113

мускулы. Таким путем железа приводит в движение части тела»[1].

В объяснении механизма взаимодействия души и тела выступают глубокие противоречия философского учения Декарта. С одной стороны, утверждается, что душа имеет отличную и независимую от тела природу, с другой — тесно с ним связана; душа непротяженна — и помещается в маленькой железе мозга. Так, в системе Декарта метафизические гипотезы и опытные наблюдения вступают в противоречие друг с другом[2].

Учение Декарта о душе и теле и об их субстанциональном различии породили философскую психофизическую проблему: хотя различие между духовным и телесным признавалось и до Декарта, но четкого критерия выделено не было. Единственным средством познания души, по Декарту, является внутреннее сознание. Это познание яснее и достовернее, чем познание тела. Декарт намечает непосредственный путь познания сознания: сознание есть то, как оно выступает в самонаблюдении. Психология Декарта идеалистична.

Дуализм Декарта стал источником кардинальных трудностей, которыми отмечен весь путь развития основанной на нем психологической науки.

Декарт дал рационалистическое учение о страстях, которые определял как «восприятия, или чувства, или

душевные движения, особенно связанные с душой, вызываемые, поддерживаемые и подкрепляемые каким-нибудь движением «духов»[3]. Природа страстей двойственная: они включают телесный компонент и мысль о предмете. Телесное начало придает страстям непроизвольный характер, а связь с мыслью позволяет управлять ими и воспитывать страсти. Конкретно-научное учение Декарта о страстях, включает такие вопро-

[1] *Декарт Р.* Избранные... С. 613.

[2] После Декарта проблему взаимодействия души и тела пытались решить окказионалисты — А. Гейлинкс (1625— 1669) и Н. Мальбранш (1638—1715): настоящее взаимодействие невозможно, видимость же его производится простым вмешательством бога. Тело считается случайной или кажущейся причиной происходящих в душе изменений и обратно. Это лишь оказия (cause per occasionem) — повод для деятельности истинной причины, которая в боге.

[3] *Декарт Р.* Избранные... С. 609.

114

сы: причины и источники страстей, классификация страстей и их описание, воспитание чувств. Единственной причиной страстей является движение животных духов, под влиянием которых в теле происходят большие физиологические изменения. В связи с этим Декарт уделяет большое внимание психофизиологии чувств, описывает телесные проявления, физиологические компоненты страстей (изменения пульса, дыхания и др.). Источники страстей разнообразны, но главным являются воздействия внешних предметов. Чувства, по Декарту, предметны, в этом их главная особенность.

Декарт различал первичные и вторичные страсти. Первичные страсти появляются в душе при ее соединении с телом и суть следующие шесть: удивление, желание, любовь, ненависть, радость, печаль. Их назначение — сигнализировать душе, что полезно телу, а что вредно. Они приобщают нас к истинным благам, если возникают на истинном основании, и совершенствуют нас. Все прочие страсти являются видами первичных и образуются при жизни.

Значение страстей велико. Они обеспечивают единство тела и души, «...приучают душу желать признанного природой полезным»!. От них зависит наслаждение жизнью. Однако страсти имеют и недостатки. «Страсть не всегда приносит пользу, потому что имеется много как вредных для тела вещей, не вызывающих сначала никакой печали и даже радующих человека, так и других действительно полезных, но сначала неприятных вещей. Кроме того, добро и зло, связанные с этими вещами, кажутся более значительными, чем это есть на самом деле; они побуждают нас домогаться одного и избегать другого с большим, чем следует, рвением»[2]. Отсюда возникает задача воспитания страстей. Декарт уверен в неограниченных возможностях человека в отношении воспитания страстей: «...люди даже со слабой душой могли бы приобрести неограниченную власть над всеми своими страстями, если бы приложили достаточно старания, чтобы их дисциплинировать и руководить ими»[3]. Од-

[1] *Декарт Р.* Избранные... С. 624.

[2] Там же. С. 662.

[3] Там же. С. 623.

115

нако на страсть нельзя воздействовать непосредственно: недостаточно одного желания для того, чтобы вызвать в себе храбрость или уничтожить страх. Средствами в борьбе с нежелательными страстями являются разум и воля. От разума зависит знание жизни, на котором основывается оценка предметов для нас, а от воли — возможность отделить мысль о предмете от движений животных духов, возникших от этого предмета, и связать их с другой мыслью о нем. Воля может не подчиниться страсти и не допускать движений, к которым страсть располагает тело. Например, если гнев заставляет поднять руку, чтобы ударить, воля может ее удержать; если страх побуждает ноги бежать, воля может их удержать, приводя доводы, убеждающие в том, что объект страсти сильнее, чем на самом деле. Так определенные суждения о добре и зле, т. е. бесстрастный компонент, своей духовной силой противодействуют телесному механизму, который действует по механическим законам. Если можно отложить действие, то в состоянии страсти полезно воздержаться от решения и заняться вопросами, пока время и досуг не помогут успокоиться волнению крови. Лучшим средством овладения страстями является опыт. Следует воспитывать у себя привычку поступать в жизни согласно определенным правилам. Практика обдумывания своих поступков в конце концов позволит и в неожиданных ситуациях действовать вполне однозначно.

Психология Бенедикта Спинозы

Новое решение проблем, выдвинутых Декартом, дал голландский философ-материалист **Бенедикт Спиноза** (1632— 1677). По оценке Гегеля, он снял дуализм, имеющийся в философии Декарта. Главное сочинение Б. Спинозы — «Этика». Название отражает этическую направленность книги. Основная цель сочинения — помочь человеку выработать линию индивидуального поведения, открыть путь к свободной жизни. Эту задачу Спиноза стремился решить философски обоснованным путем. Книга изложена геометрическим способом, в виде лемм, теорем и др. Все начинается с понятия «субстанция». Здесь же начинается расхождение во

116

взглядах Спинозы и Декарта. В отличие от Декарта, Спиноза разработал *монистическое учение.* Есть одна субстанция. Он определяет ее как то, что существует само в себе и представляется само через себя. Она в самой себе содержит необходимость существования. «Существование субстанции и ее сущность — это одно и то же»1. Все отдельные конечные вещи характеризуются расхождением между сущностью и существованием. Спиноза различает сущность и существование. Сущность — это характеристика вещи, то, без чего вещь перестает быть тем же самым. Существование — это есть она или нет. О каждой отдельной вещи можно сказать, что ее бытие случайно; в своем существовании она всецело детерминирована извне. Субстанция в отличие от конечных вещей, содержит в себе существование, т. е. ей свойственно существовать. Из того, что сущностью субстанции является существование, Спиноза заключает о многих ее свойствах. В отличие от отдельных вещей, она ничем не производится, она не сотворена, существует в силу самой себя, а не в силу другого какого-нибудь существа, она вечна, бесконечна, одна, в отличие от множественности конкретных вещей. В ней нет целей, она действует только по необходимости, т. е. в соответствии с объективными закономерностями. Каждое из этих положений доказывается в теоремах. Субстанцию Спиноза называл Богом или природой: природа отождествляется с Богом в том смысле, что является абсолютно самостоятельной и ничем не обусловленной, не сотворенной и вечной. Природа должна быть объяснена из себя самой. Понятие «субстанция» у Спинозы выступает как выражающее бытие вне нас существующей природы. Для бога в обычном смысле этого слова в системе Спинозы не остается места. Если Декарт объясняет существование материи актом божественного творчества, Спиноза утверждает, что природа не нуждается в первоначальной причине. Это материализм.

Из бесконечной полноты природы логически должно проистекать бесконечное количество ее атрибутов (свойств), каждый из которых выражает некоторую сущность субстанции. Для человека познаваемы толь-

[1] *Спиноза Б.* Этика.— М.-Л., 1932. С. 19.

117

ко два атрибута — протяжение и мышление: «...субстанция мыслящая и субстанция протяженная составляют одну и ту же субстанцию, понимаемую в одном случае под одним атрибутом, в другом — под другим»[1].

Каждая вещь как единичное проявление, частичка субстанции (ее модус) также имеет два атрибута: протяжение и мышление. Под атрибутом протяжения мы видим вещь как тело, со стороны мышления она выступает как идея этой вещи, ее духовная сторона, душа вещи. Поэтому они строго соответствуют друг другу. «Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей»[2]. Из сказанного, отмечает Спиноза, становится понятно не только то, что человеческая душа соединяется с телом, но также и то, что должно понимать под единством тела и души. Душа и тело составляют один и тот же индивидуум (мыслящее тело), представляемый в одном случае под атрибутом мышления, в другом — протяжения. Поэтому порядок и связь состояний тела, происходящих под влиянием взаимодействия с другими вещами, сообразны с тем, в каком порядке и связи располагаются в душе представления и идеи вещей в виде представлений, ощущений, воли и других психических процессов.

Так Спиноза разрешил дуализм Декарта. В отличие от Декарта, человеческое мышление он считал естественным свойством, проявлением мышления как атрибута всей субстанции. Протяженность и мышление не воздействуют друг на друга (как у Декарта), а соответствуют друг другу и в этом соответствии неотделимы друг от друга и от субстанции.

Оба атрибута действуют совместно в каждом явлении согласно вечной необходимости, которая есть причинная связь в природе. Поэтому порядок и связь идей таковы же, как порядок и связь вещей.

У Спинозы есть указания на разную степень совершенства животных и человека. Из этого следует, что мышление как атрибут субстанции нельзя представлять по образцу и подобию человеческого мышления. Человеческое мышление — это частный случай мышления как атрибута субстанции. В природе существуют раз-

[1] *Спиноза Б.* Этика... С. 41.

[2] Там же.

118

ные формы мышления. Степень совершенства мышления Спиноза связывает с большей или меньшей способностью тела к действию: мышление выступает функцией действия тела в мире вещей. Такая трактовка начисто отвергает параллелистическое толкование учения Спинозы, ибо мышление объясняется не из структурно-анатомической организации, а связывается с формой действия в мире внешних тел. Это — высшее материалистическое решение проблемы духа и материи и представляет выход из тупика дуализма. «За гипотезой Спинозы,— писал Л.С. Выготский,— стояла вся физика Галилея: в ней заговорил переведенный на философский язык весь принципиально обобщенный опыт естествознания, впервые познавший единство и закономерность мира»[1]. Система Спинозы — материалистический монизм. Субстанция протяженная и она же может мыслить. Нет особой духовной субстанции. Однако проблему соотношения материи и мышления Спиноза не мог разрешить до конца. Единство материи и мышления мыслится вечным. В связи с этим возникают трудности с ответом на ряд вопросов: всякое ли проявление субстанции имеет душу, какова функция (необходимость) психики и др.

На основе учения о субстанции Спиноза решает проблемы познания и аффектов. Различаются четыре

способа приобретения познания: понаслышке либо по какому-нибудь другому произвольному признаку; от беспорядочного жизненного опыта; путем заключения от общего положения к частному случаю, по следствию — о причине и т. п.; непосредственное восприятие сущности вещи через познание ее ближайшей причины. В «Этике» эти способы познания объединяются в три рода познания. Первые два способа образуют познание первого рода. Это мнение и воображение; существуют в форме образа. Это смутное неадекватное познание: во всех этих случаях душа воспринимает внешние тела через состояния собственного тела, так что в образах смешано то, что идет от вещей, и то, что — от своего тела. Продуктом познания первого рода являются абстрактные, т. е. неполные, понятия отдельных вещей (например, понятие человека, лошади, собаки

[1] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Tl.— М., 1982. С. 397.

119

и т. п.). Познание второго рода — разум дает общие идеи о существенных свойствах вещей. Они составляют основание для наук. Их недостатком является отрыв от конкретных индивидуальных особенностей объектов, которые они обозначают. Познание третьего рода — интуитивное познание. Дает знание сущности вещей во всем многообразии причинно-следственных связей, при котором существенное и индивидуальное выступают в их подлинном единстве в форме конкретных идей. Так Спиноза намечает движение познания от абстрактного к конкретному, развитое позже в диалектическом материализме.

На основе монизма в учении о субстанции и учении о познании дается анализ аффектов. По оценке *А.С.* Выготского: «Именно Спиноза боролся за естественное детерминистическое материалистическое причинное объяснение человеческих страстей. Именно он явился тем мыслителем, который впервые философски обосновал самую возможность объяснительной психологии человека как науки в истинном смысле этого слова и начертал пути ее дальнейшего развития»[1]. Учение об аффектах включает вопросы: о происхождении и природе аффектов (определение, классификация), о человеческом рабстве или о силе аффектов (оценка); о могуществе разума или о человеческой свободе (о борьбе с аффектами). Спиноза рассматривает аффекты как естественные проявления природы. «...Из природы человеческого тела необходимо следуют аффекты; из природы человеческого духа следуют идеи этих аффектов; поэтому из существа человеческой природы необходимо следуют аффекты»[2]. Взятые под атрибутом протяжения аффекты — это состояния тела, в которых вследствие воздействия других тел преувеличивается или преуменьшается действительная возможность этого тела существовать и действовать. Рассматриваемые под атрибутом мышления аффекты — это ложная, внушенная окружающими вещами идея, в которой утверждается бо́льшая или меньшая, чем на самом деле, способность тела существовать и действовать. Впоследствии это положение Спинозы о

[1] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. — М., 1984. С. 297.

[2] *Спиноза Б.* Этика... С. 46.

120

динамогенном влиянии эмоций получило экспериментальное подтверждение.

Спиноза выделяет три основные аффекта: желание, удовольствие, неудовольствие. Подчеркиваются их различия в зависимости от объектов, со стороны которых человек подвергается воздействиям. Из первичных аффектов образуется все многообразие страстей на основе трех принципов: путем изменения нашего представления о предмете, через сопереживание, по ассоциации.

Аффекты разных людей имеют индивидуальные черты и отличаются настолько, насколько сущность одного человека отличается от сущности другого. Большое место занимает проблема оценки аффекта. Спиноза не согласен со стоиками в том, что аффекты абсолютно зависят от человеческой воли и можно безгранично управлять ими. Опыт учит, что для ограничения и обуздания аффектов требуются немалый навык и старание. В связи с этим отмечается сила, власть аффектов над людьми. Аффекты определяют действия и поступки человека. По своей силе и ценности аффекты неодинаковы. Есть аффекты, приносящие пользу,— удовольствие, веселость и т. п.— они увеличивают способности тела. Есть аффекты, приносящие вред,— сострадание, ненависть и т. п.— они угнетают человека. Но независимо от этого различия все аффекты вводят человека в заблуждение и ставят его в зависимость от вещей. «Человеческое бессилие в укрощении и ограничении аффектов я называю *рабством.* Ибо человек, подверженный аффектам, уже не владеет сам собой, но находится в руках фортуны, и притом в такой степени, что он, хотя и видит перед собой лучшее, однако принужден следовать худшему»[1]. По мысли Спинозы, человеческое рабство не в могуществе страстей, а в том, что их могущество сильнее, чем сила познания. Так как аффекты препятствуют жизни согласно разуму, от них необходимо освобождаться, как необходимо освобождаться от всякого рабства. Поскольку невозможно приспособить к себе внешние нам вещи — все они не зависят от нас, только познание определяет наше могущество. С его помощью раскры-

[1] *Спиноза Б.* Этика... С. 139.

121

вается истинная природа вещей. Но одного познания недостаточно. Из укрощения аффектов, замечает Спиноза, не возникает блаженства. При познании высшего рода, т. е. второго и третьего рода, возникает новый особый аффект — высшее удовлетворение — блаженство, интеллектуальная любовь к миру. Возникновение этого аффекта и составляет условие обуздания страстей. Так утверждается мысль о необходимости единства аффекта и интеллекта, в противоположность отрицательной оценке роли чувств в

познании, которой придерживался до него Ф. Бэкон.
Таким образом, свобода состоит не в том, чтобы следовать своим аффектам, как обычно думают, а в познании необходимости и в подчинении этой необходимости. Свобода противопоставляется не необходимости, а принуждению. Свобода как идеал человеческой жизни есть плод познания. Спиноза заканчивает «Этику» словами: «Если же путь, который я показал ... и кажется трудным, однако все же его можно найти»[1]. В понимании Спинозой свободы проявляются рационализм и созерцательность.
Психология Спинозы — новый, важный шаг в становлении проблемы сознания как объекта психологического изучения. Вместе с психологией Декарта они составляют рациональную линию в трактовке сознания.
Спинозистская теория страстей проникла в «живую ткань современного научного знания»[2]. Она повлияла на разработку учения о человеке Э. Фромма, на формирование теоретической позиции С.Л. Рубинштейна. «Моя теоретическая позиция — Спиноза и Маркс: Спиноза — преобразованный стоический идеал свободы как владения своими аффектами ...Прекрасен, с одной стороны, сам облик Спинозы... и с другой — его стиль — сверху тонкий покров льдинок — теорем, схем, а под ним кипение страстей, и далее его мораль — не внешняя, а выработанная в самой жизни»[3].
Рационализм Декарта и Спинозы заложил фундамент учения о сознании. Пути его дальнейшей разработки определялись новыми задачами в связи с развитием опытного естествознания.

[1] *Спиноза Б.* Этика... С. 222.
[2] *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 95.
[3] Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Воспоминания. Материалы.— М., 1989. С. 416.

122

Глава 2. ОФОРМЛЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ О ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЯХ XVII в.

Развитие производства и науки требовало новой теории, которой стал *эмпиризм.* Эта теория оформляется в Англии в связи с ее превращением в капиталистическую страну, вместе с развитием промышленности и опытного естествознания. Родоначальником эмпирического направления явился Ф. Бэкон, продолжателем — Т. Гоббс. Окончательно эмпиризм оформляется у Дж. Локка.

Эпифеноменализм Т. Гоббса

Томас Гоббс (1588 — 1679) выступил против учения Декарта о двух субстанциях. Субстанция и тело означают одно и то же, поэтому «бестелесная субстанция» суть слова, которые при соединении взаимно уничтожают одно другое, как если бы человек сказал: «бестелесное тело». Под телесным бытием подразумевается существование, без остатка определимое в отношении пространства, времени, числа и движения. Все так называемые чувственные качества являются лишь разнообразными движениями материи внутри вызывающего их объекта. То же и человек: свойственные ему явления сознания нельзя отнести за счет души, они лишь проявления движения тела. Человек — это тело в ряду бесчисленного множества природных тел. Его движения — это реальность. Сознание — параллельно возникающие проявления этих движений. Ощущения — это проявление движений в наших органах чувств, которые возникают под влиянием внешних предметов. «Причиной ощущения является внешнее тело (объект), который давит на соответствующий каждому ощущению орган непосред-
123
ственно (как при вкусе и осязании) или опосредованно (как при зрении, слухе, обонянии). Это давление, продолженное внутрь посредством нервов до мозга и сердца, вызывает здесь сопротивление или обратное давление или усилие сердца освободиться. Так как это усилие направлено *вовне,* то оно кажется нам чем-то находящимся снаружи. И это кажущееся или этот призрак люди называют *ощущением»*[1]. Удовольствие — это проявление движения в сердце.
Как именно телесные движения порождают сознание, Гоббс объяснить не может и даже восклицает: «...самое удивительное обстоятельство — то, что нечто вообще может стать явлением, феноменом сознания».
Таким образом, психика — это тень реальных материальных процессов, она — *эпифеномен.* Вывод является результатом механистического понимания соотношения психики и мозга в духе параллелизма. Всю психику Гоббс сводит к образам. Начало всех представлений — ощущение. Представление воображения — это ослабленные ощущения. Память — тоже представление, когда мы хотим обозначить, что оно отошло в прошлое. Понимание — это образ, который возникает под влиянием слова. Мышление суть течение образов, связь представлений в соответствии с правилом ассоциаций. «Все представления суть движения внутри нас, являющиеся остатками движений, произведенных в ощущении, и те движения, которые непосредственно следуют друг за другом в ощущении, продолжают следовать в том же порядке и по исчезновении ощущения, так что если предыдущее движение снова имеет место и является преобладающим, последующее в силу связанности движимой материи следует за ним таким же образом, как вода на гладком столе следует в том направлении, в котором какая-либо капля ее водится пальцем. Однако так как за одной и той же

воспринятой вещью в ощущении иногда следует одна вещь, а иногда — другая, то с течением времени случается, что, представляя себе одну вещь, мы не можем сказать с уверенностью, какое будет наше ближайшее представление. Одно лишь можно сказать с уверенностью, а

[1] *Гоббс Т.* Левиафан.— М., 1936. С. 40.

124

именно, что это будет нечто, следовавшее за имеющимся у нас представлением в то или иное время раньше»[1]. Таким образом, мышление — это не особый, не сенсорный процесс: человеческий ум не имеет никакого другого движения, кроме ощущения, представления и связи представлений. Идеи, которые не могут быть выражены в образах, пустые звуки. Гоббс ограничивает человеческое познание явлениями, что логически вытекает из установок эмпиризма и сенсуализма.

Следы ощущений и представления менее отчетливы, чем восприятия и ощущения. Поэтому они легко сливаются, если являются сходными. Так возникают общие представления, обозначаемые словами. Соединения и разделения слов составляют суждения. Гоббс уделяет большое внимание языку и речи как специфической особенности человека. «Свет человеческого ума — это вразумительные слова»[2]. При помощи речи человек регистрирует то, что открывает путем размышления, сообщает другому знание и намерения и др. Однако человеческое превосходство оборачивается нередко своей отрицательной стороной: ни одно животное не подвержено опасности абсурда, а человек часто делает абсурдные заключения, особенно тот, который занимается философией.

Чувства и воля — вторая, кроме познания, составляющая сознания. Они суть субъективные знаки того, благоденствует или разрушается тело. Подчеркивается, что страсти возникают из опыта, лишь некоторые из них врожденны. Хотя страсти и выражаются в языке, «лучшими признаками наличных страстей являются выражение лица, движения тела, действия или намерения и цели, о наличии которых мы узнаем опытным путем»[3].

Составной частью психологических взглядов Гоббса является учение о способностях. Оно выступает в остром политическом значении. Гоббс доказывает, что люди не имеют врожденных преимуществ друг перед другом, выступая тем самым выразителем интересов буржуазии, предоставляя ей научное обоснование для борьбы с феодальной идеологией наследственных преимуществ.

[1] *Гоббс Т.* Левиафан... С. 47.

[2] Там же. С. 63

[3] Там же. С. 73.

125

«...Нет другой способности ума, вложенной природой в человека таким образом, чтобы для ее применения требовалось лишь одно, а именно родиться человеком и жить, пользуясь своими пятью чувствами. Те другие способности, о которых я буду говорить позже и которые кажутся присущими лишь человеку, приобретены и умножены изучением и трудолюбием, а у большинства ученых людей — просвещением и дисциплиной... Ибо человеческий ум не имеет никакого другого движения, кроме ощущения и связи мыслей, но при помощи речи и метода эти способности могут быть развиты до такой степени, что человек делается отличным от всех других живых существ»[1]. Но если все люди имеют одинаковые способности, возникает вопрос о причинах, порождающих ежедневно наблюдаемые различия в способностях и талантах. Физические различия между людьми, хотя и существуют, но они не настолько значительны, чтобы могли давать решающее преимущество одному человеку перед другими людьми. Различия между людьми в отношении ума складываются прижизненно или в неорганизованной житейской практике без какого-либо метода и культуры обучения (природный ум, по терминологии Гоббса), или формируются путем систематического обучения наукам (благоприобретенный ум, по Гоббсу). По мысли Гоббса, если бы люди были поставлены в одинаковые условия, они приобрели бы одинаковый ум. Однако в уме есть один компонент, по которому люди существенно отличаются друг от друга, собственно, даже и не умственный компонент, но неразрывно связанный с ним — некоторая активность, инициативность или, наоборот, пассивность, индифферентность. «Причины различий ума кроются в страстях ...ибо мысли играют по отношению к желаниям роль разведчиков и лазутчиков, ищущих путей к желанным вещам»[2].

От эпифеноменализма Гоббса начинается бессубъектная психология, в которой сознание рассматривается как механическое сплетение его содержаний. Понятие «личность» не имеет психологического содержания и вводится для решения вопроса о вменяемости

[1] *Гоббс Т.* Соч.: В 2 т. Т 2.— М, 1991. С. 20-21.

[2] *Гоббс Т.* Левиафан... С. 80.

126

при рассмотрении совершенных человеком действий. Личностью является тот, чьи слова или действия рассматриваются как его собственные.

Основание эмпирической психологии в творчестве Дж. Локка

Дж. Локк (1632-1704)

Настоящим «отцом» эмпирической психологии является **Джон Локк** (1632— 1704), выдающийся английский философ, педагог, врач по образованию, крупный политический деятель, идеолог революции 1688 г. В 1690 г. вышло основное философское сочинение Дж. Локка «Опыт о человеческом разуме» (4-е изд., 1700 г.). Еще при жизни Локка книга была переведена на французский язык и оказала сильное влияние на развитие французской философии и психологии. В 1693 г. опубликован его педагогический труд «Мысли о воспитании».

Целью Локка было исследование происхождения достоверности и объема человеческого познания. Все начинается с критики теории врожденных идей. Она направлена в основном против средневекового схоластического учения, которое признавало врожденность наиболее общих принципов и понятий, но также и против Декарта. «Я не утверждаю,— писал Декарт,— что дух младенца в утробе матери размышляет о метафизических вопросах, но у него есть идеи о боге, о себе самом и о всех тех истинах, которые известны сами по себе, как они есть у взрослых людей, когда они вовсе не думают об этих истинах». Всем доводам в защиту врожденности знания Локк противопоставляет положение о возможности доказать его происхождение. Душу человека Локк рассматривает как некоторую пассивную, но способную к восприятию среду, сравнивает ее с чистой доской, на которой ничего не написано, или с пустой комнатой, в которой ничего нет. Эти сравнения касаются только знаний. Локк не отри-

127

цал природных наклонностеи, задатков, конституциональных различий между людьми. Источником знаний является опыт как индивидуальная история жизни индивида. Локк впервые обращается к самым началам духовной жизни, которые лежат в детстве. «Следите за ребенком с его рождения и наблюдайте за производимыми временем изменениями, и вы увидите, как благодаря чувствам душа все более и более обогащается идеями, все более и более пробуждается, мыслит тем усиленнее, чем больше у нее материала для мышления»[1]. Опыт имеет два источника. Первый источник Локк назвал *ощущением.* Его объектом являются объекты природы, внешние материальные вещи; органом — внешнее чувство (зрение, слух и т. п.); продуктом — идеи. «Таким путем мы получаем идеи[2] желтого, белого, горячего, холодного, мягкого, твердого, горького, сладкого и все те идеи, которые мы называем чувственными качествами». Вторым источником является *рефлексия,* внутреннее восприятие, деятельность нашего ума. Его объектом являются идеи, приобретенные ранее; органом (или орудием) — деятельности (способности, по терминологии Локка) нашего ума (восприятие, мышление, сомнение, вера, рассуждение, желание и вся многообразная деятельность нашего ума); продуктом — идеи другого рода, которые мы не могли бы получить от внешних вещей. Внутренний опыт дает как знания о внешнем мире, так еще в большей степени о нас самих.

Все идеи происходят или из одного или из другого источника. Локк различает, но не отделяет их друг от друга: ощущение — начало познания, рефлексия возникает после и на основе ощущений. Следовательно, в конечном счете ощущение является источником всякого знания. «Нет ничего в разуме, чего не было бы в чувстве» — этот сенсуалистический тезис, который высказывали еще Гоббс и Гассенди, защищает и материалистически разрабатывает Локк. Деление опыта на внешний и внутренний дало начало интроспективной

[1] *Локк Дж.* Соч.: В 3 т. Т. 1.— М., 1985. С. 167.

[2] Познание, по Локку, имеет дело с идеями, которые он определяет как непосредственные объекты ума (духа). См.: *Локк Дж.* Т. 1. С. 155.

128

психологии как науке о внутреннем опыте, методом которой является интроспекция.

Идеи, по Локку, бывают простые и сложные. Простая идея содержит в себе только одно представление или восприятие в уме, не распадающееся на различные идеи. Это элементы знания. Они составляют материал всего знания и доставляются душе двумя указанными путями — через ощущение и рефлексию. С Локка

начинается атомистическая элементаристская установка в исследовании содержания сознания: простое первично, сложное вторично и производно от него. В учении о простых и сложных идеях Локк рассматривает важные вопросы познания: соотношение идей и вещей, активность познания.

Идеи мы имеем в душе. Им соответствуют качества в вещах. Локк различал три рода качеств: первичные, вторичные, а также третичные, которые, по существу, сводятся к вторичным, так что основное различие производится между первичными и вторичными качествами. *Первичные качества* — это реальные, совершенно неотделимые качества независимо от того, воспринимаем мы их или нет. Порождаемые ими простые идеи — плотности, протяженности, формы и др.— точно воспроизводят их. *Вторичные качества* — это цвета, звуки, запахи и т. д., на деле в вещах не находятся, они существуют, пока мы ощущаем, и зависят от первичных, а именно от объема, формы, строения и движения частиц. *«Первичные качества есть подобия, вторичные считаются, но не бывают подобиями, третичные и не считаются и не бывают ими»*[1]. Деление качеств на первичные и вторичные содержит возможность идеалистического отрыва ощущения от объекта. Беркли и Дидро вышли из Локка. *При восприятии простых идей разум по большей части пассивен,* «разум также мало волен не принимать эти простые идеи, когда они представляются душе, изменять их, когда они запечатлелись, вычеркивать их и создавать новые, как мало может зеркало не принимать, или изменять, или стирать образы или идеи, которые вызывают в нем поставленные перед ним предметы»[2]. Хотя Локк не всегда

[1] *Локк Дж. ...* Т. 1. С. 190.

[2] Там же. С. 168.

129

последователен и при описании простых идеи рефлексии, говорит о том, что ум часто бывает не вполне пассивным, все же в целом он верен тезису о пассивности познающего субъекта при восприятии простых идей: внешние воздействия влияют на сознание, минуя деятельность познающего субъекта. Здесь же проступает мысль о том, что активность в познании является причиной отхода от адекватного познания объекта. Современные исследования в области философии и психологии познания убедительно показали несостоятельность такого подхода. Установка на предметно-ориентированное познание оценивается как натуралистическая; для объяснения работы сознания привлекается механизм рефлексии.

В отличие от простых, сложные идеи суть их сочетания, соединенные вместе под одним общим именем. Сложные идеи образуются умом произвольно в результате следующих действий: соединение, суммирование простых идей; сопоставление, сравнение; обобщение через предшествующую абстракцию. Локк дал схему *процесса обобщения,* которое включает следующие операции. Сначала эмпирически выделяются по возможности все единичные объекты, о которых мы хотим получить общее понятие. Эти объекты расчленяются на составляющие их свойства, затем сравниваются по этим свойствам. После этого идеи, которые не повторяются в объектах, выделяются и отбрасываются (это называется абстрагированием). Затем абстрагируются, т. е. выделяются, те идеи, которые повторяются во всех объектах. Эти идеи суммируют, что дает совокупность идей, составляющую искомую сложную общую идею, которая обозначается словом. Локкова теория восхождения от простых идей к сложным путем выделения того общего, что имеют между собой единичные вещи и факты, в течение долгого времени использовалась в практике научного исследования. «...Вследствие образования отвлеченных идей и закрепления их в уме, в слове люди становятся способны рассматривать вещи как бы целыми связками и соответственно говорить о них, стремясь к более легкому и быстрому совершенствованию и сообщению своего познания»[1]. Долгое время теория обоб-

[1] *Локк Дж.…* Т. 1. С. 477.

130

щения Локка выступала в качестве единственно возможной научной основы организации процесса обучения в школе. Однако этой теории свойственна ограниченность, упрощенная трактовка общего. Психологический анализ и критику эмпирической теории обобщения дал В.В. Давыдов и противопоставил ей теоретическое обобщение[1]. По С.Л. Рубинштейну, на основе эмпирического обобщения невозможно теоретическое познание.

Одним из механизмов образования сложных идей Локк назвал ассоциацию. Он впервые ввел термин *«ассоциация идей»* (само явление описывалось и раньше, еще в Античности). По Локку, ассоциация — это неверное, т. е. не отвечающее естественному соотношению, соединение идей, когда «идеи, сами по себе не родственные, в умах некоторых людей соединяются так, что очень трудно разделить их. Они всегда сопровождают друг друга, и как только одна такая идея проникает в разум, вместе с ней появляется соединенная с ней идея...»[2]. Примерами являются все наши симпатии, антипатии, идеи домовых и т. п. Такая связь приобретается в силу воспитания и привычки, а разрушается от времени. Задача воспитания заключается в том, чтобы предупреждать у детей образование нежелательных связей сознания. Несмотря на то, что Локк ввел понятие ассоциаций ограниченно, после него этот механизм сознания получил наибольшую разработку, на базе которой возникла и развивалась ассоциативная психология.

Локк рассматривает сознание как обязательный признак душевных явлений. «Невозможно, чтобы кто-нибудь воспринимал, не воспринимая, что он воспринимает»[3]. Сознание рассматривается также как некая духовная сила, которая объединяет наличные переживания, делает из них личность. «Личность есть

разумное мыслящее существо, которое имеет разум и рефлексию и может рассматривать себя как себя, как то же самое мыслящее существо, в разное время и в различных моментах только благодаря сознанию, которое неотделимо от мышления»[4].

[1] *Давыдов В.В.* Виды обобщения в обучении.— М., 1972; его же. Проблемы развивающего обучения.— М., 1986.

[2] *Локк Аж. ...* Т. 1. С. 451.

[3] *Локк Дж. ...* Т. 1. С. 387.

[4] Там же.

131

В эмпирической концепции Локка задача психологии сводилась к изучению явлений сознания как продукта индивидуального опыта. Это была психология без души. «Я не стану утруждать себя исследованием, в чем состоит сущность души», — писал Локк. Вся методология исследования сознания строилась по аналогии с исследованиями явлений материального мира, вещей. Законы действий человека в материальном и идеальном мире одинаковы. «Так как материалы в том и другом случае таковы, что не во власти человека их создавать, все, что он может делать — это или соединять их вместе, или сопоставлять их друг с другом, или совершенно отделять их»[1].

Исторический смысл полемики Г. Лейбница с Дж. Локком

Учение Локка завоевало огромную популярность, но и возбудило споры. Большой интерес представляет полемика с Локком немецкого философа-рационалиста, ученого-энциклопедиста Готфрида Вильгельма Лейбница (1646— 1716). Эта полемика составляет содержание его главного гносеологического сочинения «Новые опыты о человеческом разумении» (впервые опубликовано в 1765 г.). В своей критике Лейбниц сформулировал ряд новых положений и понятий, которые оказали значительное влияние на последующее развитие психологии.

Психологические идеи Лейбница развиваются в контексте его философской системы объективного идеализма и рационализма. Он высказал новый взгляд на душу и тело, отличный от Декарта. Душа и тело составляют не две отдельные субстанции, а как бы два полюса в каждой монаде: один из них характеризуется пассивностью, бессознательностью, которыми отличается все вещественное; другой — ясностью представлений и деятельным характером — свойством, которое мы приписываем духу. Согласно Лейбницу, мир состоит из живых духовных единиц — *монад.* Монада абсолютно проста, она не имеет частей, не занимает пространства, бестелесна, активна. Каждая монада качественно своеобразна — индивидуальна, замкнута в себе — монада не имеет окон. Различаются три разновидности монад, последовательный порядок которых состоит в постепенном восхождении от жизни пассивной до состояния

[1] Локк Дж.... Т. 1. С. 213.

132

активного, наделенного совершенно ясным представлением. Простые («голые») монады соответствуют неорганической природе, но также имеют жизненную силу (поскольку жизнь разлита повсюду), познавательную активность в форме восприятия. Души, соответствующие животным, обладают отчетливым восприятием и памятью. Духи (разумные человеческие души) обладают высшими духовными свойствами. Учение о монаде как духовной субстанции идеалистично. Однако монада, и в частности душа, всегда соединена с телом. «Не существует духов, полностью отрешенных от материи».

Свое решение психофизической проблемы Лейбниц называет гипотезой *«предустановленной гармонии»*[1]: душа и тело подчинены собственным законам. «Души действуют согласно законам конечных причин посредством стремлений, целей и средств. Тела действуют по законам причин действующих (производящих) или движений. И оба царства — причин действующих и причин конечных — гармонируют между собой»[2]. Объяснить естественным образом соединение, или, скорее, согласие души с органическим телом нельзя, никакого воздействия на душу извне быть не может, душевная жизнь регулируется только своим собственным началом. Но «они сообразуются в силу гармонии, предустановленной между всеми субстанциями, так как все они суть выражения одного и того же универсума»[3]. Идея тождества макрокосма, т. е. мира, и микрокосма, т. е. человека, связывает в одно целое порядок жизни, механический и целесообразный. Мир физический не разобщен с нравственным, но оба представляют собой последовательные ступени жизни. Учение Лейбница о предустановленной гармонии является одним из вариантов параллелизма.

Основные направления спора, который возник между Лейбницем и Локком, следующие: «Наши разногласия касаются довольно важных вопросов. Речь идет о том, действительно ли душа сама по себе совершенно чиста, подобно доске, на которой еще ничего не написали (tabula rasa), как это думают Аристотель и наш автор, и действительно ли все то, что начертано на ней, происходит исключительно из чувств и опыта или

[1] Лейбниц Г. Соч.: В 3 т. Т. 2.— М, 1983. С. 582.

[2] Лейбниц Г. Т.1.— М., 1982. С. 427.

[3] Там же.

133

же душа содержит изначально принципы различных понятий и теорий, для пробуждения которых внешние предметы являются только поводом, как это думаю я вместе с Платоном, а также схоластами...»[1]. Вместо сравнения с чистой доской Лейбниц использует образ глыбы мрамора, прожилки которого уже содержат основные контуры будущей фигуры: ваятель лишь открывает их, удаляя все, мешающее им выступить. Лейбниц признает врожденные интеллектуальные идеи, а также склонности, предрасположения. Лейбниц верно указал на невозможность объяснить только из индивидуального опыта все знания, в том числе всеобщие и необходимые понятия, как это думал Локк». «...Как бы многочисленны ни были частные опыты, говорящие в пользу какой-либо всеобщей истины, в ней нельзя навсегда убедиться при помощи индукции, не признав ее необходимости при помощи разума». Однако собственное объяснение Лейбница посредством апелляции к врожденным идеям не открывает действительных источников этих понятий.

По Локку, в познании простых идей разум пассивен и целиком определяется предметным миром. По Лейбницу, «активность имеется также и в ощущениях, поскольку они дают нам более отчетливое восприятие, а стало быть повод кое-что заметить и, так сказать, развиваться»[2]. Это — *апперцепция,* особая сила духа, которая вместе с воздействиями извне определяет наше познание и поведение; «совместное действие внутренних предрасположений и внешних впечатлений ...детерминирует нас к принятому решению»[3]. Она дает нам мысль о том, что называется Я. Апперцепция — условие собственно человеческого познания, но и у него действует непостоянно: «невозможно рефлексировать постоянно»[4]: «в трех четвертях наших поступков мы бываем только эмпириками», замечает Лейбниц. Апперцепцию как активность, которая присоединяется к перцепции, Лейбниц трактует абстрактно-идеалистически, лишь констатируя активность духа, но не раскрывая ее природы. Введен-

[1] *Лейбниц Г.* Т. 2. С. 48.

[2] Там же. Т. 2. С. 213.

[3] Там же. Т. 2. С. 199.

[4] Там же. С. 118.

134

ное Лейбницем понятие апперцепции имело продолжение в немецкой философии и психологии (И. Кант, И. Гербарт, В. Вундт).

Различие перцепции и апперцепции связано еще с одним понятием, которое вводит Лейбниц — *бессознательного.* Не одни только ясные понятия и представления составляют область духа: его жизнь простирается и за пределы сознательности. Лейбниц выступил против локковско-картезианской идеи об отождествлении всей психики с сознанием и впервые в истории произвел различие между бессознательными и сознательными состояниями духа. «... Картезианцы сделали большую ошибку, считая за ничто неосознаваемые восприятия»[1], потому что «убеждение в том, что в душе имеются лишь такие восприятия, которые она осознает, является величайшим источником заблуждений»[1]. Лейбниц проницательно замечает, что «в каждый момент в нас имеется бесконечное множество восприятий, но без сознания и рефлексии, т. е. имеются в самой душе изменения, которых мы не сознаем, т. к. эти впечатления либо слишком слабы и многочисленны, либо слишком однородны, так что нет ничего отличающего их друг от друга, но в соединении с другими восприятиями они оказывают свое действие и ощущаются — по крайней мере неотчетливо — в своей совокупности»[2]. Согласно Лейбницу, все в мире подчиняется закону непрерывности. Природа не делает скачков. Неорганическое и органическое, растение и животное, животное и человек лишь кажутся противоположностями; при ближайшем же рассмотрении они оказываются соседними ступенями, связанными между собой непрерывным прогрессом. Этот общий закон Лейбниц применяет и к душевной жизни. Она также непрерывна. Наряду с ясно сознаваемыми — апперципируемыми — восприятиями в душе есть бесчисленные малозаметные восприятия, «которые недостаточно выделяются, чтобы их можно было осознавать или вспомнить, но они познаются по вытекающим из них определенным следствиям ... мы мыслим одновременно о множестве вещей, но обращаем внимание на наиболее выде-

[1] *Лейбниц Г.* Т. 1. С. 415.

[2] Там же. Т. 2. С. 53.

135

ляющиеся мысли»[1]. Все непроизвольные поступки являются результатом действия малых восприятий. Они определяют наши вкусы. Из малых восприятий возникают сознательные желания и страсти. Малые восприятия не сознаются ввиду их недостаточной силы, но «мы могли бы отлично сознавать их и размышлять над ними, если бы от этого нас не отвлекало их множество, или если бы они не оттеснялись, или вернее не затемнялись более сильными восприятиями»[2]. Сознание не отличается от бессознательного какой-то особой сущностью: бессознательные представления есть наименьшая степень рефлексирующего сознания, в душе происходят постоянные переходы сознательных представлений в бессознательные и обратно.

Полемика между Лейбницем и Локком углубляет решение вопросов, касающихся природы человеческого сознания. Она вскрывает недостаточность центрального пункта локковского понимания опыта — его индивидуальный характер. Опыт действительно является единственным источником развития человеческой

психики, если его не ограничивать рамками личной истории индивида. Опыт — это вся социокультурная система представлений о мире, которая усваивается человеком и определяет его поведение.

[1] *Лейбниц Г.* Т. 2. С. 112-113.

[2] Там же. С. 133.

136

Глава 3. СТАНОВЛЕНИЕ АССОЦИАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В XVIII в. английская психология развивалась от эмпиризма Локка к ассоцианизму в трудах Беркли, Юма и Гартли.

Джордж Беркли (1684 — 1753) был непосредственным последователем Локка и шел от сенсуализма к субъективному идеализму. Для психологии интересен теорией зрительного восприятия пространства («Опыт новой теории зрения», 1709). Считалось, пишет Беркли, что зрение дает идеи света, цветов, и также пространства, фигуры, движения. В частности, так писал Дж. Локк. Однако, указывает Беркли, нам лишь кажется, будто мы непосредственно видим протяженные тела в пространстве, в трех его измерениях. На самом деле расстояние, т. е. удаленность предметов от нас, и сам факт, что они находятся вне нас, величина предметов, положение предметов в пространстве друг относительно друга глазом не воспринимаются. «Оценка, какую мы даем расстоянию объектов, значительно удаленных, есть скорее акт суждения, основанного на опыте, чем ощущения. Например, когда я воспринимаю большое число таких промежуточных объектов, как дома, поля, реки и т. п., которые, как я знаю по опыту, занимают значительное пространство, то отсюда я образую суждение или заключение, что объект, который я вижу за ними, находится на большом расстоянии. С другой стороны, когда объект, имеющий на близком расстоянии, как я знаю по опыту, яркую и большую наружность, кажется бледным и малым, я тотчас заключаю, что он находится на далеком расстоянии. И это, очевидно, есть результат опыта, без которого из бледного и малого вида я не вывел бы ни-

137

какого заключения относительно расстояния объектов»[1]. Пространственные характеристики вещей даются нам посредством мышечных ощущений, возникающих от поворота глаз, от напряжения его мышц. В опыте зрение всегда сопровождается двигательными, мускульными ощущениями, которые Беркли называет осязанием, включая сюда и собственно осязание, и двигательные ощущения от самого воспринимающего органа. Зрение и осязание вступают в связь (это же характерно и для слуха). Ассоциация между ними становится привычной в силу частого повторения. Поэтому впоследствии собственно осязаемые качества — расстояние, величина, фигура начинают восприниматься и зрительно. Таким образом, то, что мы называем зрительными ощущениями, есть комбинация собственно зрительных и осязательных ощущений. Видимое восприятие пространства трактуется как знаки ранее приобретенных через осязание идей. Беркли сравнивает зрительные образы с языком: зрение стало для осязания языком, стало выражать содержание осязательного опыта. В сравнении зрительных идей с языком подчеркивается условность зрительных ощущений, их знаковая природа. Однако, поскольку эта связь образуется в опыте, она обеспечивает правильное поведение. В этом заключается ее биологическая полезность. Сформулированная Беркли теория была развита в эмпирической психологии в XIX в., особенно А. Бэном, который подчеркивал роль мышечных ощущений в образовании зрительных представлений пространства.

Англичанин Давид Юм (1711 — 1776), в философии последователь Дж. Беркли, в «Трактате о человеческой природе» (1739) и в труде «Исследование о человеческом познании» (1748) развил понятие ассоциации и попытался представить все человеческое познание как ассоциацию идей. Юм различает «впечатления», т. е. восприятия, и «идеи», их отражения. Идеи — это воспроизведенные восприятия, более слабые впечатления, которые мы используем в мышлении и рассуждении. Идеи могут быть простыми и сложными. Сложные идеи образуются путем ассоциаций. Вместо действий ума по

[1] *Беркли Дж.* Соч.— М., 1978. С. 54

138

образованию сложных идей, как учил Локк, Юм объясняет всю работу познания механизмом ассоциаций. Он дает следующую их классификацию. Ассоциации случайные и неправильные суть только ассоциации по закону смежности в пространстве или во времени, а сочетания идей естественные и правильные — это ассоциации по закону сходства и причинности. Все эти ассоциации встречаются в повседневной жизни. Они же лежат в основе научного мышления. Причинно-следственные отношения сводятся к привычной последовательности явлений. Знание отношений причинности не является априорным, но устанавливается в опыте следующим образом. Однажды такой-то объект сопровождается таким-то действием (например, хлеб насытил нас). В следующий раз и затем такой же (хотя уже не тот же самый) объект всегда сопровождался таким же действием. В результате рождается уверенность, что и впредь подобные объекты будут вызывать такие же действия, т. е. что одно является причиной другого. Принципом, принуждающим сделать этот вывод, является привычка, или принцип ассоциации. «Действия этого притяжения даны, причины — неизвестны»[1]. Кант считал гениально поставленной саму проблему: как можно перейти от чувственного опыта, который всегда имеет дело с частным случаем, к понятиям и отношениям, имеющим всеобщий и необходимый характер. Но он не согласился с решением Юма и ввел, наряду с опытным, априорное знание[2].

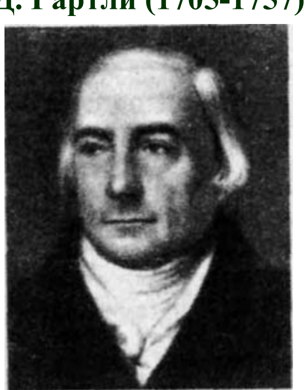
Всю душевную жизнь Юм сводил к восприятиям, чувствованиям и ассоциациям между ними. Он отрицал существование духовной субстанции, а также «Я» личности как особых, отличных от восприятий образований. «...Когда я самым интимным образом вникаю в нечто, именуемое мной своим *Я,* всегда наталкиваюсь на то или иное единичное восприятие тепла или холода, света или тени, любви или ненависти, страдания или наслаждения. Я никак не могу уловить свое *Я* как нечто существующее помимо восприятий и никак не

[1] Цит. по: *Ивановский В.Н.* Ассоцианизм психологический и гносеологический.— Казань, 1909. С. 156—157.

[2] *Кант И.* Соч.: В 4 т. Т. 4 (1).— М., 1965. С. 130.

138

Д. Гартли (1705-1757)

могу пометить ничего, кроме какого-либо восприятия». Основываясь на собственном опыте внутреннего созерцания, Юм утверждал, что личность «... суть не что иное, как связка или пучок... различных восприятий, следующих друг за другом с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном течении, в постоянном движении»[1].

Английский врач **Давид Гартли** (1705— 1757) также воспринял идеи Локка об опытном происхождении душевной жизни, развил его представление об ассоциациях и дал первую законченную систему ассоциативной психологии. При ее построении он опирался также на И. Ньютона, некоторые физические представления которого были использованы им для обоснования гипотезы о физиологических механизмах душевных процессов. В главном труде — «О человеке, его строении, его обязанностях и его упованиях» (1749) — Гартли развивает учение о психике как естественном начале. Все духовные способности (восприятие и др.) объясняются через обращение к органической структуре мозга. Существуют три основных простейших элемента душевной жизни: сенсации (ощущения), идеации (идеи ощущений, т. е. повторение ощущений без предметов), аффекции (простейший аффективный тон — удовольствие, неудовольствие). Из этих трех основных элементов строится душевная жизнь с помощью механизма ассоциации. В основе элементов и психологического механизма ассоциаций лежат вибрации, т. е. материальные физиологические процессы, возникающие в веществе нервов и мозга под влиянием внешних воздействий. Вибрации различны и отличаются по степени, роду, месту и направлению. Различиям в вибрациях соответствуют все

[1] *Юм* Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании.— М., 1995. С. 345-346.

140

разнообразие наших первоначальных простых идей и ощущений, представлений и чувствований. Из них с помощью механизма ассоциации образуются все психические явления. Если две различные вибрации происходят в мозгу в одно и то же время, то вследствие того, что возбуждение из участков распространяется во все стороны, они оказывают воздействие друг на друга. Между двумя центрами прокладывается более прочная связь. Тогда в последующем «если по какой-нибудь причине будет вызвана одна из вибраций, вызывается и другая вибрация... Это соответствует процессу вызывания одной идеи при помощи другой»[1]. Таким образом, ассоциации являются пассивным отражением нервных связей в мозгу. Сочетаются собственно не ощущения или идеи, а состояния мозга, которые сопровождаются ими — вибрации. «*Вибрации* должны заключать в себе *ассоциацию* как свое следствие, а *ассоциация* должна указывать на *вибрации* как свою причину»[2]. Поскольку нервные связи могут быть или одновременными или последовательными, постольку, по Гартли, и ассоциации бывают только одновременными и последовательными: они есть чисто механические образования. На основе ассоциаций образуются все сложные представления, явления памяти, понятия, суждения, произвольные движения, аффекты (страсти), воображение. При восприятии мы получаем ряд ощущений, которые соединены в силу того, что они объединены в самом предмете. Память — это воспроизведение ощущений по ассоциации в том порядке и отношении, в каких они были получены. «Мы не обладаем способностью по желанию вызывать какую-либо идею, но можем вспомнить о ней, поскольку есть связь при помощи прежних ассоциаций с теми идеями, которые сейчас находятся в духе. Вид человека наводит на идею его имени»[3]. Если воспроизведение идей происходит без соблюдения порядка прежних реальных впечатлений, тогда мы имеем дело с воображением.

Весь порядок воспроизведения идей происходит объективно без участия субъекта. Частные вопросы, связан-

[1] Английские материалисты XVIII века: В 3 т./ Под ред. Б.В. Мееровского. Т. 3.— М, 1968. С. 129.

[2] Английские материалисты... Т. 2.— М., 1967. С. 199.

[3] Там же. Т. 3. С. 134.

141

ные с памятью: ухудшение памяти у стариков, забывание душевнобольными после выздоровления событий, происходивших в период заболевания, трудность что-либо вспомнить в состоянии усталости и т. п.— Гартли объяснял грубо материалистически из состояний мозга. Главы о мышлении у Гартли нет: рассматривается понимание слов и предложений. Слово сводится к набору звуков, значение — это какая-то постоянная часть чувственных образов. Например, значение слова «белизна» образуется в результате выделения постоянного чувственного комплекса многих вещей (молоко, бумага, белье и т.п.). Понимание слова — это образование ассоциации между словом и значением, устанавливается в детстве, а также в процессе обучения наукам. Суждение складывается из понятий.

В системе Гартли нет мышления как процесса. Рассматриваются истины в науках, которые пассивно отражаются сознанием на основе механизма ассоциации. Новые мысли — это только новые комбинации старых простых идей или разложение сложных. «Когда мы достигаем сознания общих истин, это значит, что эта истина по ассоциации переносится на все частные идеи, которые охватываются этой идеей. Опыт показывает нам, что, когда мы строим такие заключения, мы не обманываемся»[1].

Проблема страстей (или аффектов) занимает большое место в психологии Гартли. Страсти рассматриваются в качестве движущей силы поведения. Аффекты, достигшие известной степени интенсивности, побуждают к различным действиям и в этом смысле могут быть обозначены терминами желания или отвращения. Желание же и отвращение на той ступени интенсивности, когда они сильны, чтобы вызвать действие, называются волей. Так Гартли, подобно всем предшественникам, частью различал, частью смешивал феномены, входящие в понятия чувствований, желаний и воли. Аффектов во врожденном состоянии не существует. Не существует врожденных дурных и благородных страстей. Страсти — продукт воспитания и возникают по механизму ассоциации между представлением о вещи и аффекцией. Например, чувство страха первоначально

[1] Английские материалисты... Т. 3. С. 136.

142

неизвестно ребенку. Но, если однажды он испытывает какой-то ущерб, «после этого идея страдания, оставшаяся в духе как воспоминание о полученном ущербе, ассоциируется с идеей обстоятельств, при которой он получил этот ущерб... »[1]. Гартли дает классификацию сложных страстей в соответствии с тем, откуда возникают удовольствие и страдание. Поскольку страсти выступают в качестве побуждений к действиям, знания об условиях воспитания страстей приобретают большое моральное значение. На основе учения об ассоциациях мы узнаем «как беречь и улучшать хорошие аффекты и сдерживать и искоренять те, которые являются аморальными...»[2].

С позиции ассоцианизма Гартли объясняет возникновение произвольных движений. По Гартли, от рождения в организме имеется набор первичных автоматизмов. Это движения, которые вызываются внешними раздражителями на основе врожденных готовых механизмов. Возбуждение каждого органа чувств всегда переходит в возбуждение соответствующей группы мышц. Если же раздражитель вызывает к тому же и ощущение, в мозгу одновременно возникают два очага (например, от осязательного и от зрительного раздражителя), между которыми в силу одновременности устанавливается ассоциация. В дальнейшем одно зрительное впечатление вызывает соответствующее движение. Гартли различает три вида произвольных движений в зависимости от степени легкости их выполнения: полупроизвольные, когда связи еще недостаточно укрепились; произвольные, при которых движения вызываются представлениями; вторичные автоматизмы — произвольные движения, которые возникают без отчетливого представления о движении, достаточно лишь желания движения. Таким образом, «учение об ассоциации объясняет возникновение и развитие произвольных сил и учит нас, как реагировать и улучшать эти силы»,— писал Гартли[3].

Гартли дал естественное объяснение происхождения психических явлений. Эмоции, воля, интеллект, восприятие, память, воображение — «все они выводят-

[1] Английские материалисты... Т. 3. С. 136.

[2] Там же. Т. 2. С. 273.

[3] Там же.

143

ся из внешних впечатлении, произведенных на внешнее чувство, следов (или идей) этих впечатлений и их взаимных связей посредством ассоциации, взятых вместе и действующих друг на друга»[1]. Психика не является врожденной. Врожденна только способность к аффектам, а также возможность получать ощущения. Все, что есть в душевной жизни человека, является продуктом воспитания.

Современники сравнивали Гартли с Ньютоном: как Ньютон установил законы объяснения материального мира, так Гартли установил законы для ума. Духовный мир Гартли представлял механистически, по аналогии с физическим. В системе Гартли психика выступает процессом, параллельным процессам мозга, что не позволяет раскрыть ее собственные свойства. В ней нет субъекта, нет личности.

Теория Гартли имела большое общественное значение. Он показал, что для того, чтобы сделать человека тем, что он есть, не требуется ничего, кроме ощущающего начала и влияния тех обстоятельств, в которых действительно находится человек. Демократизм Гартли не был его политической позицией, он являлся результатом его научных взглядов.

Важная роль в истории ассоцианизма принадлежит философу, историку и естествоиспытателю **Джозефу Пристли** (1733- 1804). Пристли популяризировал теорию Гартли, а также боролся с его противниками и вульгаризаторами, главным образом с шотландской идеалистической школой здравого смысла.

[1] Английские материалисты... Т. 3. С. 272.

Глава 4. СТАНОВЛЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПСИХОЛОГИИ XVIII В.

В XVIII в. происходит становление эмпирической психологии во Франции. Этот процесс происходил под определяющим воздействием теории Локка об опытном происхождении человеческого знания и в полемике с Р. Декартом, а также другими рационалистами. Ее научную основу составляли успехи в области естественных наук (естествоиспытатель, автор 36-томной «Естественной истории» Ж. Бюффон, естествоиспытатель Р. Реомюр и др.) и медицины (врач и химик Г. Бургаве). Вся сумма научных знаний, накопленных к XVIII веку, была представлена в выдающемся труде эпохи Просвещения 28-томной «Энциклопедии, или Толковом словаре искусств, наук и ремесел», выходившей в период 1751 — 1772 гг. под руководством философа-энциклопедиста Дени Дидро. У истоков французской эмпирической психологии стоят крупнейшие мыслители — философы Просвещения. Это материалисты, атеисты Ж. Ламетри, К. Гельвеций, Д. Дидро, П. Гольбах, а также представители правого умеренного крыла — Ф. Вольтер, Э. Кондильяк, Ш. Монтескье и левого радикально-демократического крыла (Ж.-Ж. Руссо). XVIII век вошел в историю как век Просвещения и эпоха Великой французской революции. Наиболее существенные черты французской эмпирической психологии, отличающие ее от английской,— внимание к проблемам активности человеческого сознания, указание на его обусловленность общественными условиями — определяются временем как своей социальной базой.

145

Этьен Бонно де Кондильяк (1715— 1780) явился непосредственным французским истолкователем Локка. Отстаивал концепцию опытного происхождения сознания. Указал на ограниченность эмпиризма Локка: объяснив из опыта происхождение содержания сознания, Локк не раскрыл происхождение самих психических процессов — действия рефлексии. Отвергая производимое Локком различение двух источников опыта и признавая только один — ощущение, Кондильяк ставит целью своего известного произведения — «Трактата об ощущениях» (1754) — показать эмпирическое происхождение способностей, операций души. При этом он использовал следующий методический прием: вообразив статую, внутренне организованную подобно нам и обладающую духом, лишенным каких бы то ни было идей, не способную пользоваться ни одним из своих чувств, Кондильяк наделяет ее только обонянием и из него выводит все идеи и психические способности: внимание, память, сравнение, рассуждение, потребности, воображение, волю. Осознавая гипотетичность своих построений, Кондильяк был убежден в истинности получаемых выводов, которая подтверждается опытом. Схема рассуждений при этом такова. Статуя получает первое обонятельное ощущение — ощущение запаха. По мере повторения возникает опыт, который дает начало памяти. Ощущения бывают неодинаковой силы. Сильное наличное ощущение приводит к сосредоточению на нем. Оно становится вниманием, либо потому что оно одно имеется налицо, либо потому что оно сильнее всех других ощущений. Следовательно, внимание есть ощущение[1]. С появлением памяти возникают два ощущения — прошлое и наличное. Постепенно внимание по отношению к двум ощущениям дает сравнение. Результатом сравнения является выяснение отношения между идеями — суждение. Значит, суждение есть видоизмененное ощущение. Сравнение двух суждений дает рассуждение.

[1] Против такой трактовки выступал Т. Рибо. См. об этом: Хрестоматия по вниманию / Под ред. А.Н. Леонтьева, А.А. Пузырея, В.Я. Романова.— М., 1976. С. 70.

146

Так Э. Кондильяк прослеживает образование познавательных деятельностей. Удовольствие и неудовольствие — это обязательные эмоциональные спутники ощущений. Если статуя получает обонятельные ощущения, связанные только с неудовольствием, она будет полна неприятным запахом, но у нее не будет стремления освободиться от него. Это стремление возникает лишь после того, как она будет знать другие — приятные — ощущения. Из их сравнения возникает потребность: это внутренняя неудовлетворенность статуи, стремление получить удовольствие и избежать неудовольствия. Природа потребностей вторична, они — результат познания. На основе потребностей возникает воображение как стремление восстановить образ, отвечающий потребности. Потребность вместе с активным стремлением создают в статуе желание или волю.

Таким образом, все деятельности души суть измененные ощущения, их превращения. И все они являются результатом только обоняния. Несмотря на полное одиночество статуи, в ней возникают человеческие

чувства и мысли. Здесь Кондильяк полностью игнорирует социальную обусловленность сознания. Характерная для XVIII в. робинзонада выступает в своем гипертрофированном виде.

Обладание другими ощущениями — вкусом, слухом, зрением, которыми Кондильяк наделяет затем статую, не меняет ее душевной жизни. Коренным образом ее изменяет чувство сопротивления от соприкосновения, т. е. осязание. С осязанием ощущения, которые прежде переживались как собственные внутренние состояния, начинают проецироваться на внешний предмет и превращаться в качества этого предмета. Таким образом, переход от своих ощущений к выводу о существовании других тел осуществляется не с помощью рассуждения, а посредством одного лишь ощущения. Ощущение твердости есть как бы мост, переброшенный между душой и внешними объектами. Представления об углах, расстоянии и других пространственных характеристиках мира человек получает в опыте осязания. Опыт же дает знания о временных отношениях. Так, опираясь на осязание, Кондильяк обосновывает существование объективной реальности: только

147

через осязание мы знаем, что есть вещи, отличные от нас самих. Этому же служит складывающийся в опыте вывод о зависимости существования статуи от внешних вещей. Развиваемая Кондильяком теория восприятия имеет сходство с теорией Беркли и разделялась всей эмпирической психологией.

В трактовке мыслительных процессов — суждения, умозаключения — Кондильяк, как и другие философы-материалисты, стоял на позициях материалистического сенсуализма, по существу, не отличая ощущения от мышления. Мышление, по Кондильяку, не только основывается на ощущении, но «суждение, размышление, желание, страсть и т. п. представляют собой не что иное, как само ощущение в различных его превращениях»[1].

Такова эмпирическая теория Кондильяка, сущность которой хорошо передает название одного из параграфов его книги «Трактат об ощущениях»: человек есть не что иное, как то, что он приобрел.

В трудах Кондильяка много отдельных тонких замечаний, которые касаются важных психологических проблем. Так, рассуждая о способе существования в сознании идей, о месте их «хранения», Кондильяк отмечает: «...идеи, как и ощущения, представляют собой состояния души. Они существуют постольку, поскольку модифицируют ее; они перестают существовать, как только перестают ее модифицировать... Где же они находятся? Нигде.»[2]. Эти мысли Кондильяка перекликаются с современными спорами о природе психического в связи с проблемой идеального и близки той точке зрения, согласно которой психическое отражение есть идеальное явление объектов субъекту и только в этом явлении существует.

Кондильяк замечает, что многое из того, что происходит в нас, ускользает от самонаблюдения. Вообще «мы представляем себе искаженно то, что происходит в нас»[3]. Поэтому необходимо известное искус-

[1] *Кондильяк Э.* Соч. В 3 т.— М, 1982. Т. 2. С. 192.

[2] *Кондильяк Э. ...* Т. 3. С. 222.

[3] Там же. С. 31.

148

ство, чтобы «...распознать все то, что в нас имеется»[1]. В этих замечаниях указывается на трудности самонаблюдения.

Опираясь на новейшие успехи в медицине и естествознании, в том числе голландского врача и естествоиспытателя Г. Бургаве, эволюционные идеи Ж. Бюффона, классификацию растений К. Линнея и др., врач и философ **Жюльен Офре де Ламетри** (1709 — 1751) защищал естественно-научный подход к проблеме человека и его психике.

Нацеленность на факты естествознания против умозрения составляет нерв всех рассуждений Ламетри. Ламетри отвергает дуализм Декарта и приписывает материи наряду с протяженностью способность к движению (движущую силу) и способность к ощущению, а также к мышлению. Нет души как особой субстанции: сама организация мозговой ткани свободно вызывает эти свойства (активность, чувствительность, мышление). Животные, по Ламетри, имеют способность чувствовать. Мнение Декарта о том, что животные — простые машины, он называет нелепой теорией. Основываясь на аналогии внутренней организации тела человека и, в том числе, в строении мозга, защищая идею естественности человека, рассматривая его как часть природы, Ламетри указывает на преемственность в развитии от животных к человеку (трактат «Человек — растение»). Растения, животные и человек образуют «лестницу с незаметными ступенями, которые природа незаметно проходит последовательно одну за другой, никогда не перепрыгивая ни через одну ступеньку»[2]. Это понимание человека делает излишней идею Бога как его творца. Ламетри сознавал, что «изучение природы будет неизменно создавать неверующих людей»[3].

Поскольку человек — высшая ступень в развитии природы, его душа, хотя она «из того же теста и также сфабрикована, все же она далеко не того же качества, что душа животных»[4]. Источник превосходства чело-

[1] *Кондильяк Э. ...* Т. 3. С. 29.

[2] *Ламетри Ж.* Соч.— М, 1976. С. 258.

[3] Там же. С. 224.

[4] Там же. С. 260.

149

века над животными Ламетри объясняет натуралистически: «организация является главным преимуществом

человека»[1]. Другим условием, объясняющим специфику человека, является образование и воспитание. Самый процесс воспитания Ламетри трактует крайне механистически: «все сводится к звукам или словам, которые из уст одного через посредство ушей попадают в мозг другого...»[2].

В трактате «Человек — машина» Ламетри развивает идеи о зависимости душевных способностей от телесной организации и заключает: «Человека можно считать весьма просвещенной машиной!.. Душа — это лишенный содержания термин, за которым не кроется никакой идеи и которым здравый ум может пользоваться лишь для обозначения той части нашего организма, которая мыслит»[3]. Конечно, Ламетри не отождествляет человека с машиной, выражение «человек-машина» не больше, чем метафора, с помощью которой он пытается объяснить все самые сложные проявления человека, в том числе, сознание. Однако механистическая трактовка вопроса обусловленности сознания телесной организацией вместе с такими формулировками как: «люди являются животными и ползающими в вертикальном положении машинами»[4], «человек является машиной»[5] и т. п. приводят к крайнему упрощению проблемы соотношения психики с ее материальным субстратом.

Дальнейшее углубление механицизма в трактовке психики произошло у последнего представителя французского материализма эпохи Просвещения **П. Кабаниса** (1757—1808). В своем труде «Отношения между физической и нравственной природой человека» он поставил задачу «разоблачить тайны человеческой природы» путем обращения к физиологическим основаниям для объяснения способностей, характера, нравов людей и народов и пришел к следующему выводу: «Чтобы

[1] *Ламетри Ж.* Соч.— М., 1976. С. 211.

[2] Там же. С. 207.

[3] Там же. С. 226.

[4] Там же. С. 238.

[5] Там же. С. 226.

150

составить себе точное понятие об отношениях, результатом которых является мысль, следует рассмотреть головной мозг как отдельный орган, предназначенный исключительно для ее производства, подобно тому, как желудок и кишки совершают пищеварение, печень вырабатывает желчь, околоушная, подчелюстная и подъязычная железы отделяют слюну. Впечатления, дойдя до мозга, возбуждают в нем деятельность, подобно тому, как пища, попадая в желудок, вызывает в нем более обильное отделение пищеварительного сока и движения, способствующие ее растворению. Отправление первого состоит в сознании каждого отдельного впечатления, в выражении его знаком, в сочетании различных впечатлений, в сравнении их между собой, в составлении суждений, подобно тому как отправления второго состоят в действии на питательные вещества, вызывание его к деятельности, в растворении их, в уподоблении соков нашей природе... головной мозг в некотором смысле переваривает впечатления, ...он органически выделяет мысль»!. Эти идеи сделали Кабаниса предшественником вульгарного материализма XIX в. Однако, оценивая их исторически, необходимо признать, что их атеистическая и материалистическая направленность имела прогрессивное значение[2].

Основываясь на материалистическом мировоззрении, называя его здравой, разумной философией, Ламетри развивает следующие психологические идеи. Он разделяет позиции локковского эмпиризма: только опыт и наблюдение являются источником познания, которое он сводит к двум функциям — воображению и вниманию. Воображение понимается очень широко и включает не только воображение в собственном смысле этого слова как способность фантазиро-

[1] *Кабанис П.* Отношения между физической и нравственной природой человека. Т. 1.— СПб., 1865. С. 11.

[2] Л. Сэв, ссылаясь на «Приложение к атеистическому словарю» Лаланда (1815), в котором приводятся материалы преследования Кабаниса Наполеоном, видевшим в атеизме разрушительную силу для всякой социальной организации, делает вывод об идеологической роли научных идей. См.: *Сэв Л.* Современная французская философия.— М, 1968. С. 62 — 63.

151

вать, но и «суждение, размышление и память представляют собой ... настоящие модификации своеобразного «мозгового экрана», на котором, как от волшебного фонаря, отражаются запечатлевшиеся в глазу предметы»[1]. Ламетри (и здесь он ближе к Кондильяку) — сенсуалист: он не производит различия между чувственным и мысленным началом в человеке. Познание, начинаясь с ощущений, сводится к построению образов с помощью воображения. Порядок в эту деятельность вносит внимание, сообщая познанию активность. Познание является актом свободы и требует воли, которая «известна под названием внимания — матери наук»[2]. Функции внимания состоят в удержании представления и в отклонении действия всех других, которые находятся в сознании и образуют постоянно движущийся их поток. «Внимание — это ключ, могущий открыть ту единственную часть мозговой ткани, в которой живет идея, которую мы стремимся фиксировать»[3].

Ламетри принадлежит заслуга в выделении потребностей как своеобразной стороны душевной жизни и подчеркивании их особой роли в поведении. Потребностям он придавал чрезвычайное значение. Существа, лишенные потребностей, лишены также и ума (растения). Чем больше потребностей, тем больше ума[4]. Потребности Ламетри понимает натуралистически: основными для человека являются его потребности как

природного существа (в пище, в наслаждениях и т. п., предметах, полезных для сохранения организма и размножения вида). Поэтому и счастье состоит в удовлетворении органических потребностей и в телесных удовольствиях. Высшие удовольствия производны от чувственных и доступны немногим людям. Счастье,

[1] Ламетри... С. 210. [2] *Ламетри...* С. 128.

[3] Ламетри... С. 129. П.Я. Гальперин, автор оригинальной концепции внимания как контроля, ссылается на Ламетри как первого, ясно указавшего на внимание как деятельность контроля, которому он придавал особое значение в душевной жизни (Гальперин П.Я. К проблеме внимания // Докл. АПН РСФСР.— 1958. — №3.)

[4] *Ламетри...* С. 259.

152

зависящее от нашей организации, наиболее прочно и является самым прекрасным даром природы. Так, вследствие натурализации потребностей Ламетри пришел к прославлению чувственности, удовольствий тела. Выступление Ламетри в защиту насущных потребностей, свойственных человеку по самой природе, несмотря на теоретическую ограниченность, имело прогрессивное значение и способствовало преодолению старой идеологии христианского аскетизма, отвечало новой буржуазной морали.

Предметом исследований **Клода Адриана Гельвеция** (1715—1771) является проблема — откуда берется неравенство умов? Зависит ли оно от различий в организации, т. е. от природы, или только от воспитания? В связи с решением этого вопроса Гельвеций развивает следующие психологические идеи. Человек рождается со способностью ощущать и сохранять ощущения, т. е. с памятью. Опираясь на Кондильяка, отрицая вместе с ним внутренний опыт Локка, Гельвеций показывает, как только из ощущений формируются интеллектуальные способности. Все умственные операции — сравнение, суждение — сводятся к ощущению. «Выносить суждения — значить ощущать»[1]. Гельвеций игнорирует качественное своеобразие мышления. Выполнять все умственные операции, сравнивать идеи можно при наличии внимания. Внимание предполагает усилие. Делать это усилие побуждает интерес: человек, лишенный желаний, не будет проявлять внимания. При одинаковой заинтересованности в познании каких-либо явлений люди обнаруживают одинаковую способность напрягать внимание. Интерес предполагает стремление к счастью. Счастье — это физические удовольствия. В них начало всех поступков, действий, мыслей, дружбы, любви к ближним и др. Но если все проистекает из ощущений, а они — результат работы органов чувств, не зависит ли неравенство умов от их совершенства?

Ссылаясь на опыт, Гельвеций отвергает положительный ответ на этот вопрос: «Все люди с обычной хорошей организацией одарены от природы тонко-

[1] *Гельвеций К.* Соч.: В 2 т. Т. 2.— М, 1974. С. 79.

стью чувств, необходимой для того, чтобы подняться до величайших открытий в математике, химии, политике...»[1]. Также отрицается связь между памятью и умственным развитием: для больших открытий (а это, по Гельвецию, высшее мерило способностей) достаточно обыкновенной памяти. Он ставит вопрос о связи между умом и географическими условиями, расовыми различиями между людьми, пищей, темпераментом и заключает: «Как бы ни различна была употребляемая народами пища, географическая широта, в которой они живут, наконец, их темперамент, эти различия не увеличивают и не уменьшают умственные способности людей. Таким образом, не от силы тела, не от свежести органов и не от большей или меньшей тонкости чувств зависит большее или меньшее умственное превосходство. Впрочем, мало того, что опыт доказывает истинность этого факта; я могу еще доказать, что этот факт потому имеет место, что он не может быть иным...»[2].

Таким образом, с психологической точки зрения все люди обладают одинаковыми предпосылками для развития своих умственных способностей, ума. Почему же не все люди делают великие открытия? Это является результатом двух причин: разного положения, в котором они находятся, и того стечения обстоятельств, которое называется случаем, а также большего или меньшего стремления прославиться, следовательно, более или менее сильной страсти к славе. Таким образом, случай и стремление к славе — вот две причины неравенства умов. Гельвеций считает целесообразным изучение всех случайностей, способствующих совершению великих открытий, с целью планомерного воспитания великих людей. Хотя Гельвеций и преувеличивает роль случая в великих открытиях, он указал на реальную особенность творческого процесса, которая продолжает привлекать внимание и современных психологов[3].

Останавливаясь на другой причине, определяющей неравенство умов, Гельвеций проницательно

[1] Гельвеций *К.* Указ. соч. С. 107.

[2] *Гельвеций К.* Соч. В 2 т.— М., 1974. Т. 2. С. 111-112.

[2] См.: Проблемы научного творчества в современной психологии / Под ред. Я.А. Пономарева.— М., 1971.

154

замечает: «На ум можно смотреть как на совершенную машину, но машину, не двигающуюся до тех пор, пока страсти не приведут ее в движение»[1]. Именно страсти являются, по Гельвецию, источником умственной активности. Сила страстей у разных людей различна, но она не зависит от врожденной организации, так как человек рождается не только без идей, но и без страстей. Страсть — это продукт воспитания. Люди загораются страстью, если выполнение дел, на которые она направлена, создает им славу. Но жажда славы — это только замаскированная жажда наслаждений. Гельвеций биологизирует понятие интереса: за славой должны следовать почести, богатство и т. п., что создает условия для получения

физических удовольствий. Рассматривая различные формы правления — монархию, олигархию и республику, он приходит к выводу, что только республика хорошо вознаграждает людей в соответствии с их изобретениями на пользу общества. Личный интерес сочетается с общественным, здесь могут процветать таланты. Гельвеций призывает к республиканскому правлению. Так, проблема человеческих способностей приобретает у Гельвеция острую политическую окраску.

Гельвеций далек от научного понимания общества, но все же указания на влияние общества на человека важны и подводили к новой для эмпирической психологии проблеме общественно-исторической обусловленности психики. Общий вывод Гельвеция: «неравенство умов можно объяснить воспитанием»[2], ибо «воспитание делает нас тем, чем мы являемся»[3].

Дени Дидро (1713— 1784) в полемике с Гельвецием[4] высказал ряд материалистических диалектических идей в понимании познания, природы человеческих интересов и страстей. Он дал трактовку способностей, в

[1] *Гельвеций К. ...* Т. 2. С. 541.

[2] *Гельвеций К. ...* Т. 2. С. 238. При этом в Примечании Гельвеций замечает, что воспитание не может превратить всех людей какой-нибудь страны в выдающихся, но оно способно приумножить их число, а из остальных сделать людей здравомыслящих и умных.

[3] Там же. С. 506.

[4] *Дидро* Д. Размышления о книге Гельвеция «Об уме»; «Систематическое опровержение книги Гельвеция «О человеке» // Дидро Д. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2.— М., 193.5.

155

которой отошел от позиции Гельвеция и признал их врожденность. Он подверг резкой критике сенсуализм Гельвеция, указал на специфику мышления и высказал диалектические идеи о соотношении между ощущением и разумом.

В центре внимания **Жан-Жака Руссо** (1712— 1778), писателя, мыслителя, философа — проблема человека. О силе влияния его идей писали великий Л.Н. Толстой, И. Кант. В конкурсной диссертации «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов? » доказывал, что культура и цивилизация ухудшили моральный облик человека и не принесли ему счастья. Отсюда встал вопрос: а что такое человек? В соответствии со своими представлениями о развитии общества Руссо допускал «естественное состояние» людей — это человек, каким его создала природа, когда люди пребывали в совершенном неведении порока. Мыслитель идеализирует естественного человека, характеризуя его как существо доброе, чувствующее, способное испытывать сострадание при виде гибели и страданий другого, имеющее только необходимые потребности. В общественном состоянии человек меняет свою природу: «Изначальное в человеке постепенно исчезает, и общество открывает тогда глазам мудреца лишь скопище искусственных людей и притворство страстей, которые суть продукт этих новых отношений и не имеют никакого действительного основания в природе»[1]. Идеи противопоставления *естественного,* вытекающего из самой природы, всему *искусственному* лежат в основе всех работ Руссо. Руссо — автор интересной системы воспитания, которую он изложил в романах-трактатах «Эмиль, или О воспитании» и «Новая Элоиза». Эта система и представления о психическом развитии ребенка получили высокую оценку в науке[2]. В автобиографическом произведении «Исповедь» Руссо, по собственным словам, «обнажил свою душу», чистосердечно признался во всех своих делах и помыслах. Сосредоточенность на внутреннем мире, на его индивидуальности, размышления о переживаниях вызывали большой интерес

[1] *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты.— М., 1969. С. 96.

[2] *Валлон А.* Педагогические и психологические идеи романа-трактата Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» // Руссо Ж.-Ж. Педагогические соч.: В 2 т. Т. 2.— М., 1981.

156

прежде всего потому, что знакомили с внутренней жизнью великого человека — Ж.-Ж. Руссо. Но «Исповедь» имела и более общее значение: книга расширяла представления о предмете психологического познания — им могут быть не только общие особенности явлений душевной жизни, но и отдельный человек.

Большое влияние на формирование материалистических традиций во французской психологии оказал естествоиспытатель и философ **Ш. Бонне** (1720— 1793). Его психология, изложенная в труде «Опыт анализа душевных способностей» (1760), сходна с психологией Гартли.

К эмпирическому направлению примыкал **Мен де Биран** (1766— 1824), но затем отошел от него. В «Очерке об основаниях психологии» (1812) он обращается к наблюдению внутренней жизни и развивает идеи о психологии как науке о внутреннем чувстве[1].

В XIX в. во Франции эмпиризм возродится у **И. Тэна** («Об уме», 1870) и **Т. Рибо** («Современная английская психология», 1870).

[1] По характеристике П. Фресса и Ж. Пиаже, «начиная с него, психология становится методом интимного дневника и наукой о внутреннем чувстве» (см.: Экспериментальная психология. Вып. 1, 2.— М, 1966. С. 19).

157

Глава 5. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ О РОССИИ В XVIII В.

Как показали исследования истории отечественной культуры, философии и науки, психологические идеи

развивались в России еще в X — XV вв.[1] На основе этих предпосылок в XVIII в. сформировались достаточно целостные концепции, которые дали начало материалистическим традициям их последующего развития. В XVIII в. в России складывается система учреждений образования. Открываются училища и школы. Продолжают действовать светско-духовные высшие учебные заведения — Московская Славяно-греко-латинская академия и Киево-Могилянская академия. Здесь было положено начало преподаванию философии, логики и психологии как отдельных от теологии предметов. В Киево-Могилянской академии эти проблемы разрабатывали И. Гизель (XVII в.), С. Яворский, Г. Конисский, Ф. Прокопович (XVIII в.). В 1724 г. была учреждена Академия Наук. По Уставу академики должны были читать лекции и вести обучение студентов в созданном при Академии Академическом университете (занятия в нем начались в 1726 г.). Сюда стали переводить лучших учеников из Славяно-греко-латинской академии и других духовных учебных заведений. В период с 1758 — 1765 гг. Академический университет возглавлял М.В. Ломоносов, бывший одним из первых его студентов. В январе 1755 г. был открыт Московский Университет. Его осно-

[1] См.: Ананьев *Б.Г.* Очерки истории русской психологии XVIII-X1X веков — Л., 1947. С. 33; *Соколов М.В.* Очерки истории психологических воззрений в России в XI — XVIII веках.— М., 1963; Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии / Под ред. А.Н. Ждан.— М, 1988.

158

вателями были императрица Елизавета Петровна, ее фаворит И.И. Шувалов и М.В. Ломоносов. С этого времени начался исторический путь Московского Университета как важнейшего учреждения российского высшего образования и всей русской культуры. Важно отметить, что в рассматриваемый период начался процесс секуляризации знания. О соотношении принципов науки и религии хорошо сказал М.В. Ломоносов: «Неверно рассуждает математик, если хочет циркулем измерить Божью волю, но неправ и богослов, если он думает, что на Псалтире можно научиться астрономии или химии». Социальную базу отечественной психологии XVIII в. составлял феодально-крепостной строй. Обострение его глубочайших противоречий в художественной форме заклеймил А.Н. Радищев в книге «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), за которую был сослан в Сибирь. Выражая настроения всех прогрессивно мыслящих деятелей русского общества, он потребовал полного уничтожения крепостного права. XVIII в. вошел в историю как век Просвещения — время крупнейших преобразований, предпринятых Петром I. В России широко развернулось просветительское движение, выдвинувшее замечательных деятелей: философа, профессора Московского Университета Н.Н. Поповского, писателя и книгоиздателя Н.И. Новикова; историка, государственного деятеля В.Н. Татищева, писателей А.Д. Кантемира, В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина, философа, профессора Московского Университета Д.С. Аничкова, профессора права Московского Университета С.Е. Десницкого, философа Я.П. Козельского, писателя и философа П.С. Батурина и др. Украинский мыслитель Г.С. Сковорода (1722— 1794) заострил внимание на самосознании человека. Защищал принцип «познай самого себя» как необходимое условие совершенствования внутреннего мира. Просветительское движение, имевшее ярко выраженную антикрепостническую направленность, ведущее борьбу с господствующими в официальной науке идеализмом и теологией, выдвинуло в центр проблему человека. В этих условиях материалистическое решение основных психологических проблем приобретало форму борьбы за гуманизм, за освобождение от предрассудков и суеверий. Накапли-

159

ваются психологические знания о труде и трудящемся; зарождается этнопсихологическое направление как совокупность данных об особенностях психики и обычаях разных народов, населяющих Россию[1].

В связи с признанием роли науки и просвещения в развитии общества В.Н. Татищев (1686— 1750) утверждал идею о зависимости умственного развития от просвещения и обучения: источник индивидуального ума — опыт других людей, усваиваемый через язык и письменность. Н.И. Новиков (1744-1818), крупный организатор издательского дела в России, в печати отражал наиболее спорные вопросы о природе души, ее смертности или бессмертии. В 1796 г. выходит первая русская книга, специально посвященная психологии,— «Наука о душе». Ее автор И. Михайлов произвел систематизацию психологических знаний в духе английского эмпиризма Локка. Не рассматривая умозрительных вопросов, касающихся бессмертия души и т. п., он описывает факты — ощущения, мысли как ассоциации представлений, волю.

Основы материалистической русской психологии заложил **Михаил Васильевич Ломоносов** (1711 — 1765), великий русский ученый-энциклопедист, физик, химик, историк, философ, поэт и писатель, создатель первой грамматики русского языка, основоположник системы русского стихосложения, выдающийся организатор русской науки и просвещения в XVIII в. Психологические воззрения Ломоносова развиваются в связи с научными исследованиями (природы, русского языка и др.). Материалистически объясняя ощущения как продукт воздействия предметов внешнего мира (при этом считая одинаково объективно существующими как первичные, так и вторичные качества) на органы чувств и подчеркивая роль мозга в различении раздражений, Ломоносов выдвинул трехкомпонентную теорию цветового зрения («Слово о происхождении света», 1757). В самом начале XIX в. (1801) Т. Юнг, английский физик и врач, также выдвинул трехкомпонентную теорию цветового зрения, впоследствии капитально разработанную Г. Гельмгольцем. Особенно богата пси-

[1] Психологическая мысль в России: век Просвещения // Под ред. В.А. Кольцовой.— СПб., 2001.

160

хологическими идеями работа «Краткое руководство к риторике» (1744). Здесь Ломоносов развивает мысли о воображении, о представлениях, страстях (природа, борьба со страстями и роль ума), психологии речи. Идеи Ломоносова развивали философ и общественный деятель Я.П. Козельский (1728— 1794) и писатель и философ А.Н. Радищев. Свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев заканчивает «Словом о Ломоносове», в котором дал первую биографию и воссоздал образ великого ученого и человека, дал историческую оценку его деятельности. В главном философском труде Козельского «Философские предложения» (1768) рассматриваются психологические проблемы: познавательные способности, такие характерные особенности человека, как темперамент, воля. Все эти стороны внутреннего мира человека проявляются «через отправление им своих общественных обязанностей». В условиях усиления крепостного гнета проблему человека со всей остротой поставил **Александр Николаевич Радищев** (1749 - 1802), выдающийся русский философ-материалист, экономист, правовед, революционер. Он ссылается на труды Гоббса, Декарта, Спинозы, Пристли, Локка, французских материалистов, обобщает успехи естествознания — труды Линнея, Бюффона, опирается на знания по медицине, «водимые светильником опытности»[1]. Базой его научных идей было революционно-демократическое мировоззрение; не меньше, чем его материалистические взгляды, его психологию определяла гуманистическая этика. Полемизируя с дуализмом Декарта, Радищев утверждал: «Все силы и самая жизнь, чувствования и мысль являются не иначе как вещественности совокупны ...В видимом нами мире живет вещество одинакородное, различными свойствами одаренное...»[2]. Он отрицал существование души как самостоятельной субстанции: «То, что называют обыкновенно душой, т. е. жизнь, чувственность и мысль, суть произведения вещества единого, коего начальные и составительные части суть разнородны и качества имеют различные...»[3]. Психика является фун-

[1] *Радищев А.Н.* Избранные сочинения.— М., 1949. С. 398.

[2] Там же. С. 452.

[3] Там же. С. 459.

161

кцией известных органов тела — нервов и мозга и без них невозможна.

Большое место в трудах Радищева занимает проблема развития психики и в связи с этим сравнение психики человека и животных. Выдвигается положение о специфичности образа жизни человека: он не приспосабливается к природе, но преобразует ее, обладает речью, прямой походкой. Подчеркивается особая роль руки, высокое развитие мозга. Качественные отличия ощущений человека связываются со своеобразием его знаний, особенно отмечается роль занятий искусством, вооруженность различными средствами — все это расширяет возможности органов чувств «до беспредельности». Указывается на роль языка и речи в формировании индивидуального сознания. Радищев отмечает роль воспитания в развитии разума, воздействие на человека общества (путем подражания и соучастия в переживаниях). Большое внимание уделяется проблеме способностей. Критикуя утверждение Гельвеция, «что человек разумом своим никогда природе не обязан», Радищев заключает: «...признавая силу воспитания, мы силу природы не отъемлем. Воспитание, от нее зависящее, или развержение сил, остаются во всей силе; но от человека зависеть будет учение употреблению оных, чему содействовать будут всегда в разных степенях обстоятельства и все, вне нас окружающее»[1]. Однако эти различия между людьми «токмо в одной степени, а не в существенности» и не являются препятствием для каждого к совершенствованию.

Вопросу о бессмертии души А.Н. Радищев посвящает философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», написанный во время ссылки в Сибири: «Я зрю везде смерть, т. е. разрушение; из того заключаю, что и я существовать перестану ...смерть всего живущего заставляет ожидать того же жребия»[2]. Однако в результате мучительных размышлений Радищев склоняется все же к выводу о неразрушимости специфически человеческой особенности — «мысленности». Через сомнение, допуская непоследовательно-

[1] *Радищев А.Н.* Избранные сочинения.— М., 1949. С. 433.

[2] Там же. С. 437.

162

сти в рассуждениях (как согласовать, например, такие положения, как «мысленность есть вещественности свойство», и утверждения о бессмертии души), Радищев пытается выявить силу, которая обеспечивает единство — «сцепление» — всех составляющих человека частей и сил. Обращаясь к мышлению, он критикует сенсуализм Гельвеция («мысль от чувств есть нечто отдельное»)[1]. Выражением активной природы человеческого мышления является внимание. Власть человека распространяется не только на мысль: столь же властен человек над своими желаниями и страстями, да и над телом.

Все это приводится как доказательство бессмертия души. «Человек по разрушении тела своего не может ничтожествовать ...мысленность его, будучи всех сил естественных превосходнее и совершеннее, исчезнуть не может»[2]. Этот вывод, на истинности которого Радищев не настаивает, «мечта ли то будет, или истинность»[3], несет большую эмоционально-нравственную нагрузку и, являясь уступкой религиозной идеологии, нужен Радищеву-человеку, находящемуся вдали от друзей, глубоко скорбящему о судьбах своего угнетенного народа.

Психологические проблемы, развиваемые в передовой науке и философии XVIII в., дали начало

материалистическим и демократическим традициям философии и психологии в XIX в.

[1] *Радищев А.Н.* Избранные сочинения. С. 490.

[2] Там же. С. 503.

[3] Там же. С. 504.

163

Глава 6. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Эмпирическая философия и психология, возникшие в Англии, проникли в Германию не сразу. Только во второй половине XVIII в. появились переводы локковских «Опытов», трудов Юма, в 1770-х гг.— Гартли и затем французов — Бонне, Гельвеция, Кондильяка. До этого здесь господствовали Декарт, Лейбниц и его последователь **Христиан Вольф** (1679-1754). Вольф «систематизировал и популяризировал Лейбница и установил в Германии психологию, под влиянием которой развивался Кант и которую он, т. е. Кант, потом отверг»[1]. Система X. Вольфа была компромиссом между эмпирическими и рационалистическими идеями в психологии. Этот компромисс выразился уже в разделении X. Вольфом психологии на две науки: *эмпирическую* («Эмпирическая психология», 1732) и *рациональную* («Рациональная психология», 1734). В эмпирической психологии Вольфа проявилась тенденция XVIII столетия к изучению фактов о жизни души вместо утомительных схоластических споров о существе души. Однако эмпирия Вольфа была очень скудна. Вольф смутно указал на возможность измерения в психологии. Величину удовольствия можно измерять осознаваемым нами совершенством, а величину внимания — продолжительностью аргументации, которую мы в состоянии проследить. Однако дальнейшие шаги в этом направлении были подавлены отрицательным отношением к ним И. Канта. Предметом рациональной психо-

[1] *Boring E.A.* History of experimental Psychology. — N.Y., 1929. P. 237.

164

логии были спекулятивные рассуждения о сущности, месте пребывания, свободе и бессмертии души. Именно в рациональной психологии X. Вольф выдвинул теорию *способностей* (Vermögen), продолжив различение в душе познавательных и желательных способностей, которое проводилось в Средние века. Способности — это направления деятельности души. Они — голые возможности (nuda possibilitas). Кроме познавательных и желательных выделялись способности внимания и чувства (аффекты). Желательные способности объявлялись производными от познавательных. Из познавательного акта сначала возникает удовольствие (или страдание), потом суждение о достоинстве объекта и, наконец, аппетит — стремление к объекту. Оно возникает из сознания его доброкачественности (или отвращения от объекта, в котором мы открываем зло). Более сильные проявления чувственного аппетита назывались аффектами. Психологию Вольфа суровой критике подверг **Иммануил Кант** (1724— 1804). В контексте обоснования возможности теоретического знания и самой науки, поисков источника необходимости и всеобщности научного знания Кант ставит вопрос, при каких условиях возможна психология как наука: «...эмпирическое учение о душе должно всегда оставаться далеким от ранга науки о природе в собственном смысле прежде всего потому, что математика неприложима к явлениям внутреннего чувства и к их законам»[1], а также потому, что в психологии невозможен эксперимент, «поскольку многообразие внутреннего наблюдения может быть здесь расчленено лишь мысленно и никогда не способно сохраняться в виде обособленных элементов, вновь соединяемых по усмотрению; еще менее поддается нашим заранее намеченным опытам другой мыслящий субъект, не говоря уже о том, что наблюдение само по себе изменяет и искажает состояние наблюдаемого предмета. Учение о душе никогда не может поэтому стать чем-то большим, чем историческое учение и — как таковое и в меру возможности — систематическое учение о природе внутреннего чувства, т. е. описание природы души, но не наукой о душе»[2]. Кант

[1] *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 6. — М., 1966. С. 60. [2] Там же. С. 60.

165

оказался не прав, считая невозможным в психологии эксперимент и математику, но он проницательно указал на их необходимость для психологии как науки.

В психологии получили развитие следующие идеи И. Канта. Его считают основателем учения о трихотомии души: подразделение душевных состояний на познавательные чувства и волю. Еще раньше немецкий философ и психолог И. Тетенс (1736—1807) впервые выделил чувство (в значении «эмоция» в качестве самостоятельной душевной способности, но это открытие обычно приписывается Канту). Уже во введении к «Критике способности суждения» (1790) он отличил познавательную способность души от способности чувствовать удовольствие и страдание (Gefühle der Lust und Unlust) и от желательной силы (Begehrungsvermögen). Однако более подробно эта классификация дается в «Антропологии» (1798).

Понятие воли в собственном смысле Кант не разбирает в своей «Антропологии». Но в других местах касается отношения желаний и воли: разница между ними и в том, что воля побуждается разумом, тогда как желание имеет источником чувствования удовольствия и страдания. Классификация Канта перешла в XIX в. и стала господствующей.

Априоризм Канта в учении о познании, особенно учении об априорности пространства и времени как форм восприятия, оказал большое влияние на немецкую психологию и психофизиологию восприятия. Согласно Канту, познание начинается с воздействия предметов на нас, т. е. носит эмпирический характер. Из воздействий внешних вещей получаем содержание познания. Необходимой предпосылкой познания, условием, на котором зиждется наше опытное знание, являются формы. Они априорны и происходят из самой способности познания. Различаются априорные формы созерцания (восприятия) и априорные формы мышления. Формами восприятия являются пространство и время: все внешние явления мы представляем как существующие в пространстве: пространство есть форма внешнего чувства; все представления нас самих существуют во времени: время есть форма внут-

166

реннего чувства (но косвенным образом оно является условием и внешнего восприятия). Пространство и время как формы чувственности обладают трансцендентальной идеальностью: таких объектов, как время и пространство, нет; и эмпирической реальностью: как способы, посредством которых осуществляются представления о предметах и обо мне самом. Эти формы могут быть, по Канту, только априорными: они абсолютно необходимые формы всего существующего, опыт же никогда не может дать всеобщего и необходимого, а только имеющее значение и смысл в определенных условиях. Априорные формы мышления присоединяются к содержанию, полученному эмпирическим путем, и устанавливают отношения, связи между многообразными содержаниями для получения из них знания. Их две группы: категории рассудка (их 12) и идеи чистого разума (их 3). В связи с исследованием априорных форм рассудка Кант развивает учение об апперцепции. Апперцепция — это активная сила, которая осуществляет синтез первоначально хаотических представлений. Она имеет две формы: первоначальное синтетическое единство апперцепции, или трансцендентальное единство самосознания — для познания необходимо единство самосознания; и трансцендентальное единство апперцепции, или объективная апперцепция, т. е. направленная на объект, она синтезирует отдельные впечатления от объекта в целостное знание, вносит единство в хаотическое многообразие чувственности и создает объект.

Психологически важные положения содержатся в учении Канта о трансцендентальных схемах, в котором разрешается вопрос о применении категорий к эмпирической действительности, данной человеку в восприятии. Схемы — новый элемент сознания, соединяющий в себе разнородные познавательные способности. В силу этого Кант называет схемы также чувственными понятиями. Они являются продуктом деятельности воображения. Представления Канта о схемах подтверждаются эмпирическими исследованиями в современной психологии. Так, встречающийся в практике обучения вербализм, неспособность увидеть за словесной формулировкой какого-либо правила, закона, стоящую за ним реальность, преодолевается обращением к схематичес-

167

ким изображениям[1]. Кант считал, что все вопросы, которые составляют духовные проблемы человека (что я могу знать? что я должен делать? на что я смею надеяться?) сводятся к науке о человеке — антропологии. В своем последнем труде «Антропология с прагматической точки зрения» (1798) Кант описал три способности человека (познание, чувство и воля), а также изложил свои представления о характере и темпераменте. Его разработка проблем нравственности и морали воплотилась в положении так называемого императива Канта: моральный характер поступкам человека придает долг. Человек должен свободно следовать долгу. Другие основания действий человека — религиозные заповеди, соображения внешнего порядка (карьера, барыш и т. п.), чувства — не имеют отношения к моральности, хотя часто и определяют поведение.

Кант создал искусство жизни: разработал правила, выполнение которых способствует сохранению духовного и физического здоровья. Эти правила изложил писатель Михаил Зощенко в своей повести «Возвращенная молодость». Зощенко дал их критический анализ и, хотя он не во всем был согласен с Кантом, поддерживал его мысль о том, что человек может и должен руководить собой, «...повышать свою *культуру, цивилизованность и моральность..,* ведя длительную борьбу с препятствиями, навязанными ему грубостью его природы»[2]. Учение Канта сохраняет свое значение и сегодня.

Иоганн Готлиб Фихте (1762— 1814) находился под непосредственным влиянием Французской революции. Развил идеи об активности субъекта, его «Я», о деятельности субъекта, о деятельной стороне субъекта, трактуя ее идеалистически. Шеллинг назвал Фихте антиподом Спинозы; «Идеализм Фихте выступает как полная противоположность спинозизму, как спинозизм наизнанку, поскольку абсолютному, уничтожающему все субъективное объекту Спинозы он противопоставляет субъект в его абсолютности, неподвижному бытию Спинозы —действие»[3]. По Фихте, есть безуслов-

[1] См.: *Обухова Л.Ф.* Этапы развития детского мышления.— М., 1972.

[2] *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения.— СПб., 1999. С.435

[2] *Шеллинг Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 1.— М., 1977. С. 13.

168

ная абсолютно творческая способность — «разумная воля», которая реализуется в эмпирическом человеческом существе и отличает человека от других явлений природы. Сущность «Я» составляет деятельность: мы не потому действуем, что познаем, но мы познаем потому, что предназначены действовать. Знание выступает не как цель, а как средство рационального господства над природой. Субъект

— прежде всего действующий субъект. Поэтому всякое познание лишь условие, предварительная ступень действия, а теория — часть человеческой практики. Деятельная природа человека проявляется и в его внешнем — телесном — облике, составляя принципиальное отличие человеческого тела от тела животного: он имеет два органа свободы — две руки, вертикальное положение при ходьбе, «одухотворенные глаза и выражающий интимнейшие движения сердца рот»[1], но, в отличие от инстинктивной оснащенности животных, «ничего этого мы не имеем, когда выходим из руки природы»[2]. Тело человеческое не завершено при рождении и до конца формируется духом, т. е. свободной волей. Фихте диалектически представляет духовное развитие человека от детства до зрелого возраста, всюду противопоставляя учению об ассоциациях творческое «Я». В этих генетических идеях душевная жизнь раскрывается из целесообразных действий «Я».

Ученик Фихте **Фридрих Вильгельм Шеллинг** (1775 — 1854) выступил с критикой субъективизма Фихте и, в отличие от него, рассматривал душевную жизнь в контексте учения о природе. Природа телеологически связана с духовным. Шеллинг видит духовное в процессах магнетизма, в электричестве, химических реакциях, но особенно в органической природе, которая развивается от растений к человеку. Человек является связующим звеном двух миров — природы и духа. Шеллинг проследил развитие сознания от ощущения до воли. Целью и высшей деятельностью «Я», по Шеллингу, является искусство. По Шеллингу, теоретичес-

[1] *Фихте И.Г.* Основы естественного права согласно принципам наукоучения // Вопросы философии.— 1977.— № 5. С. 148. [2] Там же.

169

кое и практическое, разум и нравственность, природа и дух, бессознательное и сознание утрачивают свою противоположность в искусстве как высшей деятельности «Я». Выше теоретического познания и практического удовлетворения стоят блаженное наслаждение красотой и художественная фантазия.

В идеалистической системе **Георга Вильгельма Фридриха Гегеля** (1770 — 1831) психология составляет один из разделов учения о субъективном духе (индивидуальном сознании). Индивидуальное сознание проходит в своем развитии три ступени. На первой ступени дух выступает в непосредственном сплетении с телом (дух как душа); составляет предмет антропологии. Здесь рассматриваются разнообразные формы психического склада людей в связи с их расовыми, возрастными и физиологическими особенностями, анализируются природные задатки, возрастные и половые различия, понятия характера и темперамента, а также ощущения. На второй ступени — рефлексии — дух представляет сознание. Явления сознания составляют предмет феноменологии духа. Здесь рассматриваются вопросы развития сознания. Оно проходит путь от сознания вообще к самосознанию и от него — к разуму. На третьей ступени рассматривается дух, как он обнаруживает себя в качестве ума (теоретический дух, т. е. познание), воли (практический дух) и нравственности (свободный дух). Эта ступень развития духа составляет предмет собственно психологии. Раскрываемые в системе Гегеля проблемы отчуждения духа и его опредмечивания — в морали, праве, государстве, религии и т. д.— приближают к новому пониманию человеческого сознания: оно обнаруживается не только в слове, но в самых разнообразных проявлениях творческой активности человека, в практике. В то же время источники мышления, его бесконечной творческой мощи остаются здесь необъясненными.

Особого внимания заслуживают представления Гегеля о личности. Гегель различал в человеке следующие аспекты: индивидность (органическое природное начало в человеке), индивидуальность (формируется социальной средой), личность (личностью человек

170

должен стать сам). Духовное ядро личности составляет самосознание. Личность формируется и проявляется в поступках и деяниях человека. Истинная личность никогда не бывает завершена и только стремится к этому в неустанной деятельности.

Так от Канта к Гегелю разрабатывается *идея деятельности* — творческого отношения человека к миру, которое и составляет сущность человека.

В философии **Людвига Фейербаха** (1804 — 1872) утверждается материалистический подход к пониманию психики. Темой его философии является «человек как субъект мышления, тогда как прежде мышление само было для меня субъектом и рассматривалось мною как нечто самодовлеющее»[1]. Согласно антропологическому принципу человек рассматривался в единстве тела и души: «...противоположность между телом и душой даже логически несостоятельна. Противоположности, выражаясь логически, относятся к одному и тому же роду сущности»[2]. Фейербах не отрывал и не противопоставлял человека природе, считал его продуктом и частью природы.

Указав на принципиальную недостаточность интроспективной психологии, в которой явления сознания рассматриваются в их обособлении от всех реальных связей, Фейербах подчеркивает обусловленность сознания объективными материальными процессами, прежде всего мозговыми, и ставит задачу их изучения: «...в психологии нам влетают в рот жареные голуби, в наше сознание и чувства попадают только заключения, а не посылки, только результаты, а не процессы организма... Но из того, что мышление для меня не мозговой акт, отличный и независимый от мозга, не следует, что и *само по себе* оно не мозговой акт... Напротив, что *для меня,* или *субъективно,* есть чисто духовный нематериальный нечувственный акт,

то *само по себе,* или *объективно,* есть материальный чувственный акт»[3].

[1] *Фейербах Л.* Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 2.— М, 1955. С. 881.

[2] *Фейербах Л.* Избранные... Т. 1. С. 220.

[3] Там же. Т. 1. С. 214.

171

Контрольные вопросы

1. В чем состоит вклад Р. Декарта в психологию?
2. Что такое психофизическая проблема?
3. В чем заключается онтологический дуализм Декарта?
4. Каков механизм функционирования тела, по Декарту?
5. Каково конкретно-научное содержание и философский смысл учения Декарта о страстях души?
6. Какое решение проблемы Декарта получили у Спинозы?
7. Почему Дж. Локка называют «отцом эмпирической психологии»?
8. По каким вопросам развернулась полемика между Локком и Лейбницем? Какие новые понятия ввел в психологию Лейбниц?
9. Как развивалось введенное Локком понятие об ассоциации идей в английской философии XVIII в.?
10. Как происходил процесс становления эмпирической психологии во Франции в XVIII в.?
11. Какие психологические проблемы разрабатывались в русской философии и науке в XVIII в.?
12. Какие идеи немецкой классической философии оказали влияние на развитие психологии?

Литература

1. *Декарт Р.* Страсти души. Соч.: В 2 т. Т.1. М., 1989.
2. *Декарт Р.* Письмо к Кольвию. Там же. С.608 - 609.
3. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения. СПб., 1999.
4. *Лейбниц Г.Т.* Новые опыты о человеческом разумении. Соч.: В 4 т. Т.2. М., 1983.
5. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении. Соч.: В 3 т. Т.1. М., 1985. Книга вторая. Книга третья.
6. Психологическая мысль в России: век Просвещения / Под ред. В.А.Кольцовой. СПб.,2001.
7. *Спиноза Б.* Этика. М., 1932.

172

Раздел III

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ КАК НАУКИ О СОЗНАНИИ В ПЕРИОД ДО ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

173

Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

И.Ф. Гербарт (1776-1841)

В XVIII в. в Германии намечается тенденция к изучению фактов, конкретных эмпирических явлений в отношении человека и природы. В этих условиях выступил философ, известный педагог и психолог **Иоганн Фридрих Гербарт** (1776—1841), который явился основоположником немецкой эмпирической психологии.

Гербарт выступил против теории способностей Вольфа, которую считал чисто словесной, уводящей исследователя от изучения явлений сознания, доступных наблюдению, а также потому, что считал неправильным разделение всей душевной деятельности на изолированные самостоятельные функции.

Душевная жизнь — это единая связанная цельность.

Собственно психологические сочинения Гербарта: «О психологии как науке, вновь опирающейся на опыт, метафизику и математику» (1824— 1825); «Учебник психологии» (1816)1.

Гербарт был сторонником ассоциативной психологии и стремился построить психологию, основанную прежде всего на опыте: ее предметом должны быть факты, явления сознания.

[1] Русский перевод — 1895.

175

Это очень простое положение в период господства в Германии рациональной психологии способностей должно было казаться, как пишет Рибо, «оригинальным до парадоксальности»[1]. По-видимому, эти идеи возникли у Гербарта под влиянием Локка.

Факты сознания, т. е. состояния сознания, выступают исходным пунктом всякого психологического исследования. Методами, открывающими эти явления, являются самонаблюдение, наблюдение за другими людьми, анализ продуктов деятельности. Однако с их помощью нельзя объяснить душевные процессы и, следовательно, получить научного знания о них, в то время как задачей психологии является «объяснить человеку, каков он есть». Эксперимент в отношении явлений сознания, по мнению Гербарта, абсолютно неприменим: «Психология не смеет экспериментировать над людьми»[2]. В связи с этим Т. Рибо замечает, что он даже не предчувствовал появления трудов по психофизике, которые покажут возможности экспериментального изучения ощущений[3]. По Гербарту, чтобы превратить психологию в науку, необходимо применить математику: только математика придает точность нашим определениям и делает возможной их проверку.

В связи с обоснованием возможности применения в психологии математики Гербарт развивал следующие психологические идеи. Элементом душевной жизни он считал представление. Представления — это сложные образы восприятия, которые возникают под влиянием объектов, существующих вовне. Они имеют не только качественные особенности, которые делают отличным одно представление от другого, но также и количественные характеристики. Количественная сторона душевных явлений отмечалась исследователями и раньше, но описывалась крайне неопределенно, в терминах «больше» или «меньше», например, «более или менее ясное представление», «более или менее напряженное состояние» и т. д. Количественная характеристика представления — это его сила, показателем силы выступает яс-

[1] *Рибо Т.* Современная германская психология.— СПб., 1895. С. 26.

[2] *Гербарт И.* Учебник психологии.— СПб., 1895. С. 100.

[3] *Рибо* Т. Современная... С. 43.

176

ность. Представления — это динамические силы, они вступают во взаимодействие друг с другом. В результате количественная сторона представлений изменяется. В сознании происходит постоянная борьба между представлениями. Всю математическую сторону своей психологии Гербарт направил на вычисление интенсивностей борющихся представлений с целью составить точную картину душевной жизни. Само применение математики оказалось неудачным. Впервые эту поставленную Гербартом задачу осуществил Г. Фехнер[1].

Психология И. Гербарта складывается из двух частей — «статики духа» и «динамики духа». Предметом статики духа являются данные, полученные в результате измерения представлений в условиях их равновесия, т. е. в период покоя. Предмет динамики духа составляет выяснение условий движения представлений в сознании. В статике духа развивается учение о представлениях, устанавливаются различные типы связей между ними, описываются области и пороги сознания. В разделе о связях между представлениями Гербарт производит их классификацию. Выделяются, во-первых, отношения противоположности, борьбы между представлениями: при этом одно представление вытесняет другое. Соединение представлений бывает двух типов: это, во-первых, «компликация», когда данные отдельных ощущений соединяются, не теряя в своем качестве, в некоторое новое целостное образование; во-вторых, слияние сходных представлений. Учение о связях между представлениями, по существу, развивает положения ассоциативной психологии, но Гербарт не пользуется ее понятиями. Введенные им понятия *компликации* и *слияния* будут использованы впоследствии, в частности, В. Вундтом.

В зависимости от степени ясности представления распределяются по трем областям: ясного сознания — здесь располагаются представления, имеющие свойство ясного сознания; сознания — здесь находятся менее ясные представления; темные, подавленные другими представления становятся бессознательными. В разделении сознания на три области по признаку интенсивности представлений чувствуется влияние

[1] См. раздел IV, главу 2 настоящего издания.

177

Лейбница. Распределение представлений по областям не есть нечто постоянное: в разные моменты времени одно и то же представление может пребывать в разных областях сознания. Душевная жизнь — это безостановочное движение представлений. Границы, которые отделяют одну область сознания от другой, Гербарт назвал *порогами.* Границу между ясным сознанием и сознанием он назвал *порогом ясного сознания,* а границу, которая отделяет область неясного сознания от бессознательного,— *порогом сознания.* Введенное Гербартом понятие порога затем использовал Г. Фехнер.

Таким образом, сознание, по Гербарту это сцена, или экран, на котором «теснятся» представления меняющейся степени ясности, они вступают в отношения друг с другом, перемещаются из одной области сознания в другую, при этом некоторые погружаются за порог.

При каких условиях представление проникает в центр сознания? Во-первых, это зависит от собственной силы впечатления, которая не сводится к физической интенсивности, а определяется его значимостью для субъекта. Важно также отсутствие препятствий на пути представления в сознание. Однако главным условием, которое позволяет представлению перейти в область сознания и стать осознанным, ясным, является поддержка, которую окажет ему весь запас прошлого опыта. Если новое впечатление не встречает такой поддержки, оно сознаваться не будет. Таким образом, новые впечатления обязаны своим существованием в нашем сознании не специальной силе души, как этому учили раньше, а взаимодействию наличного и прошлых восприятий. Запас прошлых впечатлений, который идет навстречу новому, Гербарт назвал «апперципирующей массой», а сам процесс слияния представления с прошлым опытом *«апперцепцией».* Гербарт придает понятию апперцепции эмпирический смысл, который следует отличать от ее идеалистической трактовки у Лейбница и Канта. Он использует учение об апперцепции в своей педагогике («Очерк педагогических чтений», 1835).

Кроме представлений, Гербарт выделял в сознании чувства и волю, которые считал продуктом отношений между представлениями, частным случаем их

178

взаимодействия. Например, чувство неудовольствия является результатом стеснения представлений; устранение стеснения составляет чувство удовольствия. Стремление, т. е. желание выводится из стеснения представления, которое заканчивается его освобождением и прояснением и есть не что иное как состояние, при котором представление пробилось в сознание сквозь препятствия и все более и более определяет собой другие представления, частью вызывая их, частью подавляя. Это составляет содержание раздела о воле.

Уже современники подвергали критике учение Гербарта о чувстве и воле. Действительно в нем теряется всякая специфика этих процессов. Они не получают самостоятельной характеристики, все сводится к силе представлений.

В психологии Гербарта вся душевная жизнь оказывается результатом взаимодействия представлений. Сознание также не есть нечто отдельное, оно — лишь сумма действительных представлений, их свойство. На основе психологических идей о взаимодействии представлений Гербарт разработал эстетическую теорию. Сложные эстетические переживания, вызываемые художественным произведением или явлениями природы, основаны на взаимодействии соотношений формальных элементов, на гармонических соотношениях тонов, ритмов, пропорций, красок. Эти соотношения могут быть выражены математически, что позволяет точно связать чувство прекрасного с определенными формальными отношениями между элементами художественного произведения. В наибольшей степени такому описанию из всех видов искусств поддается музыка.

Принципы гербартовской эстетики дали начало формалистическому направлению в эстетике (Р. Циммерман, Э. Ганслик, К. Фидлер и др.)[1].

Гербарт создал свою научную школу. Ее самый выдающийся представитель **Мориц Вильгельм Дробиш** (1802— 1896) — математик, логик, философ-идеалист и психолог — много сделал для популяризации и распространения его системы. Другой последователь Гербар-

[1] По: История эстетической мысли: В 6 т. Т. 3.— М., 1986. С 289-295.

179

та **Вильгельм Фолькман** в своем «Учебнике по психологии» (1856) тщательно изложил новейшие данные о психических явлениях.

Особенную известность получили три ученика Гербарта — **Теодор Вайтц** (1821 — 1864), **Мориц Лацарус** (1824- 1903) и **Гейман Штейнталь** (1823-1899). Вайтц выступил с идеей о необходимости изучать душевную жизнь первобытных народов — и вообще проследить историческое развитие психической жизни. В труде «Антропология первобытных народов» он предпринял попытку собрать материал о жизни разных народов в отношении их культуры, семейной жизни, характера, нравов, политической жизни, религии и этим поставил вопрос о возможности объективного изучения психики. Лацарус и Штейнталь оцениваются историками в качестве основателей этнической психологии, психологии народов, которая явилась одним из истоков социальной психологии. Штейнталь известен своими работами в области языкознания, а также исследованиями вопросов об отношении между грамматикой, логикой и психологической сущностью языка. Лацарус в работе «Жизнь души» рассмотрел данные о таких проявлениях психической жизни, как юмор, язык в его отношении к мышлению и т. д., которые проанализировал с психологической точки зрения. Лацарус и Штейнталь в 1859 г. основали «Журнал психологии народов и языкознания». В программной статье редакторов «Мысли о психологии народов»[1] в качестве главной выдвигалась задача изучения так называемого духа разных народов. Элементами духа народа выступали язык, мифы, народное творчество, письменность, религия, практическая жизнь, из взаимодействия которых он складывается. Попытку исследования психологии народов продолжил В. Вундт.

Другим представителем немецкой эмпирической психологии XIX в. был **Рудольф Герман Лотце** (1817 — 1881), также ученик Гербарта. Он оказал меньшее, чем Гербарт, влияние на психологию, но все же его

[1] Статья была переведена на русский язык в 1864 г. См. об этом в книге: *Будилова Е.А.* Социально-

психологические проблемы в русской науке.— М, 1983. С. 128.

180

учениками были такие известные психологи, как К. Штумпф, Г.Э. Мюллер, крупный исследователь в области памяти. В «Медицинской психологии или психологии души» (1852) Лотце развивал теорию пространственного восприятия («местных или локальных знаков»). Она оказала определенное влияние на В. Вундта и Г. Гельмгольца. Лотце считал, что восприятие пространства осуществляется только с помощью зрения и осязания. Способность восприятия пространства складывается в опыте следующим образом. Зрительные и осязательные ощущения характеризуются качеством и определенной интенсивностью и сами по себе не содержат никаких пространственных признаков. Тогда как возможно восприятие пространственных свойств предмета? Ссылаясь на данные анатомии, он предполагает, что каждая точка сетчатки и поверхности кожи качественно отлична от другой точки и поэтому ощущает внешние воздействия специфично, т. е. на свой манер. Она имеет как бы местный локальный знак. Локализация предметов в пространстве осуществляется на основе ощущений с их характерным местным качеством и ассоциированных с ними движений (руки, глаза, всего тела). Этот процесс является продуктом бессознательной механики внутренних состояний. Пространственное восприятие складывается прижизненно, «с помощью ряда опытов, которые, если бы мы могли их воспроизвести, показали бы нам в виде состояний сознания у детей все эти промежуточные состояния, сделавшиеся неуловимыми для сознания взрослого»[1].

[1] *Рибо Т.* Современная... С. 76.

181

Глава 2. РАЗВИТИЕ АССОЦИАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ В XIX В.

XIX век является веком триумфа ассоцианизма. Закон ассоциаций рассматривался как основное явление душевной жизни. В ассоцианизме видели теорию, которую можно применить к вопросам политики, морали, воспитания.

Возникнув в Англии, ассоциативная психология в XIX в. развивалась выдающимися философами и учеными: Томасом Брауном, Джемсом Миллем, Джоном Стюартом Миллем, Александром Бэном, Гербертом Спенсером. Важной особенностью ассоцианизма XIX в. явилось его соединение с философией позитивизма: Дж.Ст. Милль и Г. Спенсер были вместе с О. Контом основоположниками позитивизма. Слияние ассоцианизма с философской доктриной позитивизма не случайно, ее элементы были уже у Локка и Гартли. На развитие ассоциативной психологии большое влияние оказали успехи в области естествознания, особенно открытия в области химии (первое десятилетие XIX в.), а также в физике и позже в биологии.

В развитии ассоцианизма в XIX в. различаются три этапа. Своего наивысшего расцвета ассоцианизм достигает у Т. Брауна и Дж.Ст. Милля. В их трудах он приобретает законченную классическую форму. В последующем у Дж.Ст. Милля ассоцианизм вступает в новый этап своего развития, который характеризуется пересмотром основных положений о предмете и методе ассоциативной психологии и началом кризиса этой системы. У А. Бэна в его аналитическом описании душевных явлении продолжается начавшееся еще у Дж.Ст. Милля отступление от классического ассо-

182

цианизма по ряду проблем. В конце XIX в. в ассоциативную теорию входит эксперимент. Экспериментальное исследование ассоциаций начал ученик Вундта М. Траутшольдт (1883). Крупнейшими представителями ассоцианизма этого периода являются Г. Эббингауз, Г.Э. Мюллер, Т. Циген.

В результате уточнений и дополнений, которые вносились все это время, происходит, по существу, отказ от многих принципиальных положений строгого ассоцианизма. Ассоцианизм вступает в период своего кризиса.

Рассмотрим подробнее содержание каждого этапа в развитии ассоциативной психологии XIX в.

Томас Браун (1778— 1820) в «Лекциях по философии человеческого духа» (1820) продвинул доктрину ассоциаций: вывел вторичные законы ассоциаций, т. е. учение о дополнительных факторах, объясняющих возникновение в данный момент той или иной ассоциации из многих других.

К числу таких факторов он относил силу исходного ощущения, его новизну, близость, природные способности индивида, состояния его здоровья и др.

Браун предпринял анализ мышления как процесса решения задач, основанных на течении ассоциаций: задача вызывает беспорядочные ассоциации, одна из которых соответствует решению. Браун развил учение об ощущениях, в частности, выделил из осязания ощущение тепла-холода, а также мускульное чувство и указал на его значение для формирования чувства уверенности в существовании предметов внешнего мира.

В условиях, когда усилились нападки на материализм, Браун отрывает душевные явления от их материальной основы, от мозга (только ощущения рассматриваются им в их отношении к мозгу и к окружающему миру, это составляет предмет физиологического учения о духе) и ставит своей задачей исследование их как подчиненных собственным, чисто внутренним законам, которые открываются только в самонаблюдении (составляют предмет исследования философии духа). Материализм Гартли, как считает Браун, не в силах объяснить наиболее характерные для умственной жизни связи идей — по сходству, по

контрасту и др. Браун
183
избегает употребления самого термина «ассоциация», сохраняя его для объяснения лишь простейших связей между наличным ощущением и предшествующими обстоятельствами (например, вид человека вызывает в памяти его имя и т. п.). По отношению к ассоциациям Браун признает, что основания для них лежат в мозгу. Все остальные связи представляют собой операции духа и называются относительными внушениями (relative suggestions). Соответственно ассоциации называются еще простыми внушениями (simple suggestions). Так, терминологически закрепляется предпринимаемое для очищения учения об ассоциациях от материализма разделение всех душевных операций на ассоциации (или простые внушения) и относительные внушения. Единственным методом исследования духа, по Брауну, является самонаблюдение. В связи с его защитой ученый развивает идеи *виртуального анализа* в психологии. «Как в химии... качества отдельных ингредиентов сложного тела не узнаются нами в... качествах самого сложного тела, так и в своеобразной химии духа сложное чувство, происходящее от первичных чувств через ассоциацию, на первый взгляд, имеет мало сходства с составными его частями как существующими первоначально в элементарном состоянии, так что требуется... напряженная сосредоточенность мысли, чтобы разложить и разделить на части совокупность, которая могла составиться раньше в продолжении нескольких лет... Что делает химик по отношению к материи, то же самое делает интеллектуальный аналитик по отношению к духу...»[1]. В отличие от анализа в других науках, которые имеют дело с веществом, анализ в отношении духа не может дать реального расчленения психических явлений.

Анализ в науке о духе основан на чувстве взаимного отношения одного состояния духа к другим его состояниям; когда эта кажущаяся сложность чувствуется, то для нашего анализа это то же самое, как если бы она была не относительной и виртуальной. Так Браун защищает самонаблюдение как метод ассоциативной психологии.

[1] Цит. по: *Троицкий М.М.* Немецкая психология в текущем столетии: В 2 т. Т. 1.— М, 1883. С. 138.

184
Идеализм сочетается у Брауна с механицизмом в объяснении душевных явлений и проявляется в том, что всякое сложное психическое явление он сводит к сумме составляющих его более простых. Наглядно это проявляется в объяснении сравнения и потребностей. Относительные внушения, которыми объясняются все операции ума, протекают как деятельность сравнения. В сравнении выделяются следующие компоненты: 1) две или более идеи как объекты сравнения; 2) чувство отношения между ними, например, сходство; 3) чувство произвольности, т. е. наличие намерения, желание найти это отношение. Поскольку сравнение может осуществляться и непроизвольно, автоматически, делается вывод, что сравнение есть только ассоциация или внушение, по терминологии Брауна, а активный характер этого процесса с психологической точки зрения — иллюзия. Познавательную деятельность Браун трактует механистически.

Подобным же образом он анализирует и потребности, которые называет аппетитами. Браун включает потребность в область чувственных процессов (feelings) наряду с ощущениями и чувствами удовольствия и неудовольствия (при этом имеются в виду лишь телесные, биологические потребности — в сне, отдыхе, упражнении, в пище и т. п.). Браун признает их жизненно важное значение для организма. Потребность он разделяет на два рода чувствований (feelings): ощущение неудовольствия, вызываемое состоянием тела (при голоде, жажде и т. п.), и непосредственно связанное с этим ощущением желание того, что устраняет это неудовольствие, называемое проспективной, т. е. направленной на будущее, эмоцией, и ассоциацию между ними. Таким расчленением уничтожается специфика потребностей как особых психических состояний: потребность сводится к ассоциации между двумя чувствованиями.

Джеймс Милль (1773— 1836), прежде всего историк и экономист, в 1829 г. опубликовал книгу «Анализ явлений человеческого духа», которая стала вершиной классического английского ассоцианизма. Его целью было способствовать наилучшему развитию душевных способностей и сил при воспитании. Опирался на предшественников, особенно на психологию Гартли.
185
Он сводит всю психологическую жизнь к ощущениям, представлениям и ассоциациям идей: в психическом мире есть только одно явление — ощущение и только один закон — ассоциации. Ощущения, идеи, ассоциации, изменяясь бесчисленными способами, группируясь, составляют механизм человеческого духа. Следуя Гартли, а также Брауну, он выделил две причины закрепления ассоциаций: живость ассоциируемых ощущений и частоту их повторения. Он сформулировал общий закон ассоциаций: идеи зарождаются и существуют в том порядке, в котором существовали ощущения как их оригиналы. Поэтому ассоциации, по Миллю, могут быть только одновременными или последовательными. Восприятия объектов построены из одновременных ассоциаций. Последовательные ассоциации еще более бесчисленны, и их природа лучше всего видна в обычной последовательности слов и мысли.

В учении об общем законе ассоциаций и причинах их закрепления выступает характерная для ассоцианизма полная пассивность организма, механицизм в трактовке психики. Джеймс Милль построил *ментальную механику,* т. е. теорию сложных ментальных соединений по типу механики.

Милль борется с активностью личности. Воспоминание и интеллектуальную деятельность он представлял так. Есть задача что-то вспомнить. От этого эмоционального представления идут многочисленные ассоциации. Если «нападем» на идею, с которой ассоциировалось представление, которое мы хотим

вспомнить, то вспомним его. Таков же механизм интеллекта.

Джон Стюарт Милль (1806- 1873), сын Джеймса Милля, экономист, философ, оформил индуктивную логику в книге «Система логики» (1843). Основная цель книги — усовершенствование методологии «нравственных наук» (науки об обществе и в том числе психологии), используя в них методы, оказавшиеся плодотворными в науках естественных. В контексте этой задачи рассмотрел состояние психологии.

Защищая ассоциативную психологию, фактически пришел к выводу о ее теоретической несостоятельности. Проводил мысль о том, что не у механики, а у химии следует психологии заимствовать способ изображения

186

явлении сознания *(«ментальная химия»).* Как в химии по продукту нельзя судить об исходных элементах, а знание свойств элементов не избавляет от необходимости изучать свойства целого, анализ явлений сознания как продуктов психического синтеза не может дать нам представления об исходных компонентах. Следовательно, виртуальный анализ не имеет силы действительного анализа: «...семь цветов спектра, быстро следуя друг за другом, производят белый цвет, а не то, что они действительно суть белый цвет,— точно также и относительно сложной идеи, образующейся путем соединения нескольких более простых идей... надо сказать, что она есть результат или порождение этих простых идей, а не то, что она состоит из них... Таким образом, здесь мы имеем случай психической химии: в них простые идеи *порождают,* а не составляют своей совокупностью идеи сложные»[1]. Но как открыть эти элементы? Выяснение происхождения одного класса психических явлений из другого (психическая химия) «не устраняет необходимости экспериментального изучения позже возникшего явления, подобно тому, как знание кислорода и серы не позволяет нам без специального наблюдения и опыта вывести свойства серной кислоты»[2]. Таким образом, изучение самих сложных явлений — суждений, стремлений, хотений — остается самостоятельной задачей.

Поскольку в психологии нет средств для реального анализа сознания, она не может существовать как наука. Ее описания тем не менее имеют практическую полезность.

Милль критически анализирует также понимание предмета в ассоциативной психологии. Он начинает с рассмотрения вопроса о соотношении физиологических телесных процессов и духовных состояний. Все состояния духа, т. е. состояния сознания — мысли, эмоции, желания и ощущения — производятся непосредственно или другими состояниями духа или состояниями тела. «Когда одно какое-нибудь состояние произведено другим, связывающий их закон я называю законом духа. Когда же непосредственно причиной

[1] *Милль Дж.Ст.* Система логики.— М., 1914. С. 777.

[2] Там же. С. 778.

187

духовного состояния является какое-либо состояние тела, мы будем иметь закон тела, относящийся к области физических наук»[1]. В применении к психологии это различение приводит к следующим размышлениям. Ощущения происходят под воздействием внешнего предмета, в их основе лежат физиологические процессы. «Вопрос о том, не зависят ли подобным же образом от физических условий и остальные наши психические состояния, есть один из «проклятых вопросов» науки о человеческой природе»[2]. Милль замечает: «Многие выдающиеся физиологи утверждают, что мысль, например, есть в такой же степени результат нервной деятельности, как и ощущение... Только кажется, будто одна мысль вызывает другую посредством ассоциации; на самом же деле вовсе не мысль вызывает мысль: ассоциация существовала не между двумя мыслями, а между двумя состояниями мозга, предшествовавшими разным мыслям. И вот одно из этих состояний вызывает другое, причем наличность каждого из них сопровождается как своим следствием особым состоянием сознания»[3]. Отсюда делается вывод: «...не существует самостоятельных (или оригинальных) психических законов — «законов духа» ...психология есть просто ветвь физиологии, высшая и наиболее трудная для изучения»[4]. На этом основании, замечает Милль, О. Конт отрицает у психологии право называться наукой, признавая такое право на изучение умственных и нравственных явлений за физиологией. Этот вывод означает по существу, что ассоциативная психология не имеет своего предмета. Правда, Милль замечает, что в настоящее время физиология еще далека от того, чтобы объяснить явления сознания: «...последовательностей психических явлений нельзя вывести из физиологических законов нашей нервной системы, а потому за всяким действительным знанием последовательностей психических явлений мы должны и впредь (если не всегда, то несомненно еще долгое время) обращаться к их прямому изучению путем наблюдения и опыта. Так

[1] *Милль Дж.Ст.* Система... С. 773.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 775.

188

как таким образом порядок наших психических явлений приходится изучать на них самих, а не выводить их из законов каких-либо более общих явлений, то существует, следовательно, отдельная и особая наука о духе»[1]. В заключение Милль делает вывод, что несмотря на все свои несовершенства, психология «значительно более продвинута вперед, чем соответствующая ей часть физиологии»[2]. Его окончательное

определение предмета психологии таково: «...предметом психологии служат единообразия последовательности — те законы (конечные или производные), по которым одно психическое состояние идет за другим, вызывается другим (или, по крайней мере, следует за ним)»[3].
Милль вводит в ассоциативную психологию понятие «Я» в качестве субъекта сознания, отступая тем самым от классического ассоцианизма, не признававшего в психике ничего, кроме явлений сознания.
Также отступлением от позиций классического ассоцианизма является указание на то, что существуют ассоциации по сходству, поскольку в строгом ассоцианизме ассоциации — это пассивные образования и могут быть только одновременными или последовательными. Во всех уточнениях, которые вносит Милль, фактически содержится признание несостоятельности ассоциативной психологии как научной системы.
На законах психологии и непосредственных наблюдениях основывается *этология* — наука об образовании характера или наука о человеке как отдельном конкретном индивидууме. Указывая на ее важность, Милль отмечает, что она пока еще очень несовершенна.
Александр Бэн (1818- 1903), последователь Милля, автор двух обширных томов «Чувство и интеллект» (1855) и «Эмоции и воля» (1859), использовал достижения физиологии нервной системы и органов чувств, а также биологии, стремился возможно теснее связать психические процессы с телесной организацией. Считая, что в психологии необходимо применять методы естественных наук, т. е. давать описание фактов и их классификацию, Бэн, по оценке Дж.Ст. Милля, дал

[1] Милль *Дж.Ст.* Система... С. 774-775.
[2] Там же. С. 775.
[3] Там же.

188

«самое полное аналитическое изложение душевных явлений на основании правильного наблюдения».
Бэн отступает от свойственного ассоцианизму механизма в трактовке психической жизни. Объясняя возникновение произвольных движений, Бэн вводит представление о спонтанной активности нервной системы, проявлением которой являются спонтанные движения. Когда какое-либо движение более одного раза совпадает с состоянием удовольствия, то удерживающая сила духа устанавливает между ними ассоциации. Отсюда вычленяются движения, приводящие к целесообразным актам. Из связи разных обстоятельств с движениями образуется все многообразие человеческого поведения — навыки. При этом течение действия не требует или требует мало духовного напряжения при их исполнении. Если сочетание движений с ощущениями происходило бы только на основе одних временных отношений (как думал Д. Гартли), то различие приятного-неприятного, полезного-бесполезного не имело бы значения, а реакции, приводящие к удовлетворению, и бесполезные усваивались бы с одинаковой необходимостью, что противоречит реальности: в жизни происходит отбор полезного и отсев бесполезного.
Эти взгляды Бэна получили отзвук в последующем в учении о формировании навыков путем проб и ошибок. Своим учением о пробах и ошибках как принципе организации поведения Бэн оказал влияние на Дарвина. На него ссылался также Спенсер.
Уже в учении об образовании произвольных движений Бэн использует понятие удерживающей силы духа. Он приписывал духу некоторые прирожденные функции, которые называл первичными свойствами (актами) ума: различение, нахождение сходства, удержание впечатлений и способность вызывать их посредством чисто душевных сил. С их помощью потом вырастает вся интеллектуальная активность. Без них невозможны ассоциации. Существуют различия между людьми в отношении первичных актов. В учении о первичных актах Бэн отступает от основных принципов ассоцианизма, в котором нет места актам.
В учении о видах ассоциаций продолжается отступление Бэна от позиций ассоциативной психологии. Так,

190

он вводит творческие ассоциации как способность ума составлять новые комбинации, отличные от каких-либо добытых опытом, т. е. распространяет термин «ассоциация» на явления, которые не объяснимы с его помощью. Он трактует открытия в науках, художественное творчество и т. п. как ассоциативные процессы, что противоречит пониманию ассоциации как комбинации прежних впечатлений.
Так в творчестве А. Бэна происходит деградация ассоцианизма.
Ряд новых моментов в ассоциативную психологию вносит **Герберт Спенсер** (1820— 1903).
Он автор десятитомного труда «Синтетическая философия» (1862—1896), в состав которого входит и психология («Основания психологии». В 2 т., 9-ти частях). Взгляды Спенсера представляют разновидность ассоцианизма на эволюционной основе. Это эволюционный ассоцианизм.
В работах Спенсера происходит сближение психологии с учением о биологической эволюции. Психические явления рассматриваются как один из видов жизненных проявлений в процессе приспособления организма к среде.
Спенсер сформулировал *общий закон эволюции,* который распространил на всю вселенную — неорганическую природу, органическую природу (биология и психология), надорганическую природу, т. е. социальную жизнь (социология).
Этот закон гласит: повсюду во вселенной развитие идет от рассеянного к сплоченному, интегрированному, т. е. характеризуется концентрацией; от однородного к разнородному, т. е. характеризуется дифференциацией; от неопределенного к определенному, индивидуальному. Этот закон продолжает идею прогресса, которую развивали выдающиеся мыслители до Спенсера — Г. Лейбниц, Г. Гегель. Однако, в

отличие от них, Спенсер основывается на данных наук — геологии, ботаники, физиологии, психологии, эстетики, морали, лингвистики, истории и др.
Этот закон Спенсер применяет и к пониманию психики, считая, что психику можно понять исключи-
191
тельно только через анализ ее развития. В процессе эволюции происходит постепенная дифференциация психической жизни от жизни физической. Среда — это не только сила, пускающая в ход по типу механического толчка внутриорганические процессы, но она способна видоизменять жизнедеятельность, так что постепенно возрастает сложность приспособления к среде. Спенсер разработал систему психологических понятий, соответствующих эволюционной теории. Сеченов высоко оценил значение учения Спенсера о развитии психики, назвав его «первой серьезной и систематически проведенной попыткой объяснить психическую жизнь не только со стороны содержания, но и со стороны прогрессивного развития из общих начал органической эволюции»[1]. Первичной единицей психики Спенсер считает ощущение. Оно развилось из первоначальной раздражительности. Внешний мир, воздействуя на организм, производит в нем толчок (nervous shock), который имеет и субъективный эффект — чувствование, т. е. простейшее ощущение. То, что объективно есть нервный импульс, субъективно есть единица чувствования. Из разного рода сочетаний чувствований образуются многообразные формы душевной жизни животных. Психика, по Спенсеру, как и жизнь в целом (см. его «Основания биологии», гл. IV, V), является приспособлением внутренних отношений к внешним, т. е. к внешней среде, причем специализация этого приспособления возрастает в процессе эволюции. Психология имеет своим предметом «не соотношения между внутренними явлениями, не соотношения между внешними явлениями, но соотношения между этими соотношениями»[2]. Существенно отметить, что в психологию как науку Спенсер ввел различение двух ее видов. Одна — *объективная психология:* она имеет дело с психическими явлениями у животных и человека, обнаруживающимися в действиях, приспособленных к влияниям внешней среды; ее метод — внешнее наблюдение. Другая ветвь психологии — *субъективная психология:* занимается состояниями

[1] *Сеченов Н.Н.* Избранные философские и психологические произведения.— М., 1947. С. 419.
[2] *Спенсер Г.* Соч.: В 7 т. Т. 3.— СПб., 1898. С. 85.

182
сознания посредством внутреннего наблюдения. В целом психология должна исследовать природу, происхождение и значение связей между сознанием и внешней средой. Спенсер справедливо подчеркивает, что вся предшествующая ассоциативная психология замыкалась внутри организма, считала единственным путем его изучения установление связи между нервными процессами и психическими. В отличие от этого, в психологии Спенсера психика берется в ее отношении к внешней среде и получает реальную функцию в осуществлении связи организма со средой. Эти положения Спенсера развивали в американской психологии У. Джемс, психологи-функционалисты, бихевиористы.
В процессе приспособления внутренних отношений к внешним образуются рефлекс, инстинкт, память, разум, воля. Они суть фазы психического развития, стадии приспособления. Интеллект — высшая фаза душевного развития, с его помощью приспособление расширяется в пространстве и во времени, возрастают его специализация, точность и сложность. Чувство и воля тоже возникают из низших форм психической деятельности. Чувства всегда сопутствуют актам познания, возникают там, где действие перестает совершаться автоматически. Волевые поступки отличаются от автоматических тем, что в них есть предварительное сознание того, что должно быть выполнено.
На вопрос о том, каким образом происходит приспособление внутренних отношений к внешним, отвечает теория ассоциации идей. Принцип ассоциации Спенсер рассматривает как закон, лежащий в основе психического развития. Внешние отношения и связи производят связи внутренние. Они образуются в индивидуальном опыте. Их продуктом являются ощущения, восприятия, чувства, автоматические процессы — привычки. К индивидуальному опыту присоединяется наследственный опыт предшествующих поколений, закрепленный в нервной системе. Это безусловные рефлексы, инстинкты, а также такие формы сознания, как пространство и время, которые закрепляются в структуре мозга вследствие их повторения в опыте многочисленных поколений.
Человеческую психику Спенсер рассматривает в основных понятиях биологической эволюции, хотя и
193
подчеркивая, что человек, в отличие от животных, существует не только в природной, но и в надорганической, т. е. социальной, среде и вынужден приспосабливаться к ней. Социальная эволюция, по Спенсеру, составляет часть эволюции вообще, поэтому законы и механизмы приспособления человека к социальной среде только усложняются благодаря появлению новых факторов — языка, общества, материального производства, науки, нравственных и эстетических категорий и др. По сравнению с эволюцией в животном мире процесс приспособления у человека качественно не меняется. Спенсер сохраняет понятие о двух формах опыта — индивидуальном и наследственном — видовом. Знания и умения, приобретенные в опыте, закрепляясь в органической структуре мозга, частично передаются по наследству. К ним относятся те формы сознания — пространство и время, по вопросу о происхождении которых спорили эмпиристы и априористы. По Спенсеру, каждое поколение от рождения имеет в сознании готовые формы пространства и времени. Значит, они не возникают в результате индивидуального опыта. Однако, будучи эволюционистом, Спенсер объясняет их наличность как продукт развития предшествующих

поколений. Эти формы представляют собой исторически сложившуюся способность воспринимать все части пространства одновременно (например, квадрат как одновременно воспринимаемые четыре его угла) или все элементы времени последовательно (например, ряд звуков *a, b, c, d* воспринимаются последовательно, один за другим) представляют наиболее постоянный элемент восприятия. Они были приобретены в продолжении длительного периода, через который произошло развитие человечества. Значит, нет абсолютно прирожденного. Так Спенсер спорит с Кантом. Но неправильна, с точки зрения Спенсера, и позиция Локка, согласно которой знание исчерпывается только индивидуальным опытом. Здесь игнорируется психическое развитие, которое происходило вместе с развитием нервной системы. Сознание не чистый лист. Оно полно ассоциаций, которые являются результатом действия закона наследственности. Так Спенсер примиряет априоризм и эмпиризм. В процессе развития общества психика человека развивается: возрастает роль

194

мышления по сравнению с восприятием и действием, а в нем конкретные понятия сменяются абстрактными. Эти идеи Спенсера являются прогрессивными, однако само понимание развития и его механизмов отмечено печатью натурализма и биологизации человека.

Биологизация в понимании законов развития человеческой психики привела Спенсера к откровенно реакционным расистским выводам. «...Европеец наследует двадцатью кубическими дюймами мозгу больше, чем папуас... такие способности, как способность к музыке, почти не существующие у многих низших человеческих рас, становятся врожденными у рас более высоких. Вследствие этого-то и происходит, что от дикарей, неспособных сосчитать числа своих пальцев и говорящих языком, состоящим только из существительных и глаголов, выходят путем долгого развития наши Ньютоны и Шекспиры»[1].

Построенная на основах позитивистского эволюционизма теория человека Спенсера натуралистически трактует его развитие. В действительности закрепление знаний и умений, приобретаемых в процессе развития человечества, происходит в объективированной, непсихологической форме социального наследования. Каждый индивид должен усвоить их. Усвоение является той новой формой опыта, которой нет у животных и которая занимает основное место в становлении человеческой психики[2].

* * *

Исторически оценивая итоги развития ассоцианистической психологии в целом, необходимо иметь в виду следующее. Отстаивая эмпирический подход к пониманию психики, ассоцианизм защищает идею опытного происхождения индивидуального сознания и безграничной воспитуемости человека. Такая позиция прогрессивна, она создает научную базу для педагогики, открывая широкие перспективы для разработки путей обучения и воспитания. В рамках материалистического направления ассоцианизма, начиная с Гартли, возникла задача изучения материальных основ психики, решение кото-

[1] *Спенсер Г.* Соч.: В 7 т. Т. 3. С. 288 - 289.

[2] См.: *Леонтьев А.Н.* Об историческом подходе к изучению психики человека // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 1.— М., 1983. С. 96- 140.

195

рой стало одним из магистральных путей в психологии. В ассоцианизме дано детальное описание как самого факта ассоциации, так и принципов (законов) образования ассоциаций, выявлены условия образования и сохранения ассоциаций. Эти данные повлияли на понимание научения, процесса приобретения знаний, особенно в период экспериментального развития ассоцианизма. Ассоциативная психология имеет и прикладное значение. Ассоциативный эксперимент в различных вариантах нашел широкое применение в клинике (Р. Зоммер, Э. Крепелин, 3. Фрейд, К. Юнг и др.). В педагогике используются данные о роли повторения, о способах заучивания и др.

Вместе с тем, несмотря на серьезные и неоспоримые достижения, ассоцианизм, развиваясь, все более обнаруживал свою теоретическую несостоятельность. Это направление было замкнуто на сознании и не открывало путей для его объективного исследования. «Чистая психология сознания» — так называл английскую психологию Эд. Гартман в своей книге «Современная психология». С.Л. Рубинштейн проницательно замечал, что ассоциация — это вообще не механизм, а явление, конечно, фундаментальное. Но как явление оно само требует объяснения. Ассоциативную психологию отличает описательность, она не имеет средств для объяснения душевной жизни, что признавал еще Д. Юм: ассоциации — это «некоторого рода притяжение, которое, как нам кажется, производит в духовном мире столь же необычайные действия, как и в мире естественном, и проявляется в столь же многих и разнообразных формах. Его действия всегда очевидны; но что касается до его причин, то они по большей части неизвестны и должны сводиться на первичные свойства человеческой природы, на объяснение которых я не претендую»[1].

В ассоцианизме оказались неразрешимыми такие центральные проблемы психологии, как духовное развитие человека, источники психической активности и поведения, личность, осмысленные продуктивные процессы мышления. В процессе работы по преодолению трудностей ассоцианистической теории возникли новые направления. При этом само явление ассоциации и понятие о нем входит и в современную психологию.

[1] *Юм Д.* Соч.: В 2 т. Т. 1.— М, 1966. С. 101.

186

Глава 3. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ В XIX в.

Русская психологическая мысль в XIX в. развивалась в связи с общественной мыслью и успехами в естествознании, в творческом усвоении достижений мировой философии и психологии. XIX век в России был временем разложения феодальной формации, завершившимся глубоким кризисом феодализма в 30 — 50-е гг. На разложение и кризис феодализма большое воздействие оказывали рост антикрепостнической борьбы угнетенных масс, в первую очередь крестьянства, возникновение и развитие революционного движения, начало которому положили декабристы. Кризис феодализма в России нашел свое разрешение в отмене крепостного права в результате крестьянской (1861) и других буржуазных реформ и утверждения капитализма. События социально-экономической жизни получили отражение в борьбе различных направлений общественно-исторической мысли. В идейной жизни конца 20-х — начала 30-х гг. официально дворянскую линию представляло консервативное движение (С.С.Уваров, М.П.Погодин, СП. Шевырев). Эта линия защищала помещичье-крепостную идеологию «официальной народности», обосновывая идею единения царя и народа, сохранения самобытности крепостной России, которая крепка «тремя коренными чувствами» — самодержавием, православием, народностью. Как ответ на вопрос о путях развития России на рубеже 30 — 40-х гг. сложились два течения — либерально-буржуазное западничество (Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, В.П. Боткин, Е.Ф. Корш, П.В. Анненков и др.) и либерально-дворянское славянофильство (А.С. Хомяков, братья И.В. и П.В. Киреевские, братья К.С. и

197

И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин). Споры между западниками и славянофилами были важной частью общественного движения своего времени. Революционно-демократическое направление в эти годы представляли В.Г. Белинский, А.И. Герцен, а также петрашевцы. После реформы 1861 г. в условиях быстрого развития капитализма и обострения классовой борьбы получила развитие философия революционеров-демократов Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, Н.А. Добролюбова, философия народничества. Почвенничество и «боготворчество» Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого защищало идею о «народной почве», о самобытности России, искало третий путь в решении проблем пореформенной России. Линию идеалистической философии представлял Вл. Соловьев, а также академические философские направления: неокантианство (А.И. Введенский, И. Лапшин, П. Новгородцев), позитивизм, интуитивизм (Н.Лосский), неогегельянство (Б.Чичерин, Н. Дебольский), спиритуализм (Л. Лопатин), экзистенциализм (Л. Шестов, Н. Бердяев). В рамках этих философских направлений развивалась идеалистическая умозрительная психология, в частности, в Московском и Петербургском университетах.

Следует отметить также философско-этическую мысль в русской литературе. Проза Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, проза и поэзия А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, В.А. Жуковского исключительно богаты психологическими идеями. В XIX в. большие успехи сделало отечественное естествознание. Отметим лишь некоторые из них, оказавшие особенное влияние на развитие психологии. Одним из ярких достижений эволюционной мысли до Ч. Дарвина явились диалектические взгляды на природу, развиваемые **К.Ф. Рулье** (1814-1858). В 1845-1846 гг. его курс публичных лекций на тему «Об образе жизни животных» высоко оценил А.И. Герцен, указав на глубокий методологический смысл данных о психологии животных, этой «дочеловеческой феноменологии развертывающего сознания», позволяющей понять возникновение человеческого сознания и его качественные отличия от психики животных. В капитальном труде «История развития животных» (1828 — 1837) основы эмбриологии заложил **К.М. Бэр** (1792 —

198

1876). Во второй половине XIX века действовал микробиолог, лауреат Нобелевской премии, создатель учения о фагоцитозе **И.И. Мечников** (1845— 1916). Его труды «Этюды о природе человека» и «Этюды о природе оптимизма» пользовались большой популярностью. В XIX в. было положено начало пропаганде дарвинизма в нашей стране, для которой особенно много сделали И.М. Сеченов, Д.И. Писарев, Н.Г. Чернышевский, К.А. Тимирязев. Большие успехи имела русская физиология. Во второй половине XIX в. развернулась деятельность основоположника отечественной научной физиологии И.М. Сеченова.

В XIX в. выходит ряд трудов по психологии Д. Велланского, П. Любовского, А. Галича. **Александр Галич** (1783— 1848) — учитель А.С. Пушкина, затем экстраординарный профессор кафедры философии Петербургского университета (1817— 1837). В книге «Картина человека» (1834) выступает как оригинальный ученый и развивает новые для своего времени идеи о связи психики с деятельностью человека в условиях общественной жизни: человек — не только природное существо. В его страстях отражаются отношения к другим людям, к ценностям общества.

Сложные вопросы о природе психики и задачах психологии поднимал **Александр Иванович Герцен** (1812—1870). Психика — это особая функция мозга, отличная от функций других органов, например, печени и т. п. У физиологии и психологии разные задачи: задача физиологии — изучение организма, психология же уходит совсем в другой мир. Попытки преодолеть механистическую ограниченность в понимании психики связаны с идеями Герцена о качественном своеобразии человеческой психики, в отличие от психики животных, причина которого — в историческом развитии человека. Поэтому психология, отправляясь от физиологии, должна также основываться на философии и истории. А.И. Герцен материалистически решает проблемы психологии познания, развивает идеи о соотношении разума и

чувства, критикует индивидуалистический подход к мышлению в сенсуалистических концепциях Локка и Кондильяка. Важное место в системе его психологических взглядов занимали проблемы личности. Личность — не пассивный продукт

199

среды. Герцен защищал идею о «деянии» как существенном факторе духовного развития человека. Особенное внимание Герцен уделяет проблеме свободы воли. Она стала предметом острых споров между идеалистами и материалистами в русской психологии 1860 —80-гг. Ее обсуждал Н.Г. Чернышевский в «Антропологическом принципе в философии» (1860), в романе «Что делать?» (1863). Ее касался также и Герцен. Она имела острое общественно-политическое звучание. Материалисты часто упрощенно трактовали вопрос о свободе воли, что приводило к фатализму. Герцен отказывается от идеалистического догмата о «свободной воле», ни от чего не зависящей и ничем не определяемой. Также неприемлем и абсолютный физиологический детерминизм: «Действие, несомненно, является функцией организма, но оно не является обязательным и непроизвольным, подобно дыханию или пищеварению. Физиология разлагает сознание свободы на его составные элементы, упрощает его»[1]. Для объяснения чувства свободы необходимо перейти на другой уровень объяснения. У человека есть «способность, состоящая из разума, страсти и воспоминания, взвешивающая условия и определяющая выбор действия»[2]. Это сознание. Его анализ ускользает от физиологии и требует исторического подхода, его обеспечивает социология. «Для нее человек — это нравственное существо, т. е. существо общественное и обладающее свободой располагать своими действиями в границах своего сознания»[3]. Так Герцен, отвергая индетерминизм в трактовке человеческих действий, указал на социально-историческую обусловленность высших проявлений личности, в том числе воли.

Николай Александрович Добролюбов (1836— 1861) выступил с последовательной критикой дуализма, утверждая взгляд на человека как на одно целое, нераздельное существо. Со всей силой своего полемического таланта он разоблачал френологические взгляды, имеющие распространение в русском обществе, выступал против вульгарного материализма, который «...унижает высокое значение духовной стороны чело-

[1] *Герцен А.И.* Соч.: В 2 т. Т. 2.— М., 1986. С. 527.

[2] Там же. С. 527.

[3] Там же.

200

века, стараясь доказать, будто душа человека состоит из какой-то тончайшей материи»[1]. Добролюбов обосновывал взгляд на психические процессы как детерминированные, имеющие причину во внешнем мире.

Психологические взгляды **Николая Гавриловича Чернышевского** (1828—1889) строились на основе принципов философского материализма в его антропологической форме. Согласно Чернышевскому, сущность антропологического принципа составляет такой подход, в соответствии с которым «на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы рассматривать каждую сторону деятельности человека как деятельность или всего его организма от головы до ног включительно, или, если она оказывается специальным отправлением какого-нибудь особенного органа в человеческом организме, то рассматривать этот орган в его натуральной связи со всем организмом»[2]. Антропологизм Чернышевского близок Фейербаху, но, в отличие от созерцательного характера теории последнего, у него вся философия подчинена задачам революционной борьбы. Так, в связи с критикой социал-дарвинизма и теории Мальтуса Чернышевский писал: «Думать людям следует не о переделке своего организма, по совету Мальтуса, а разве о том, как могут быть отношения между людьми устроены так, чтобы соответствовать потребностям человеческой натуры»[3].

Выступая против дуализма в психологии, Чернышевский различал в человеке два рода явлений: материальные (человек ест, ходит) и нравственные (он думает, желает), т. е. психические. Чернышевский требовал причинного подхода в психологии: «...в психологии всюду нужно искать причины»[4]. Научная психология должна выйти за пределы сознания в целях познания его причин. Решение этой задачи против обособителей психического продолжил позже И.М. Сеченов.

В понимании психики Чернышевский выступил против функционального подхода, закреплявшего пси-

[1] *Добролюбов Н.А.* Избранные философские произведения.— М, 1948. С. 261.

[2] *Чернышевский Н.Г.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. — М., 1974. С. 292.

[3] *Чернышевский Н.Г.* Поли. собр. соч.: В 15 т. Т. 9.— М., 1949. С. 333.

[4] *Чернышевский Н.Г.* Собр. соч. Т. 4. С. 249-250.

201

хологический атомизм. Мышление, память, воображение принадлежат личности и должны рассматриваться в связи с деятельностью человека в соответствии с определенной потребностью. Чернышевский развивает мысли о специфике человеческих потребностей, в которых, в отличие от биологических потребностей животных, интересность органического процесса отходит на задний план. Подчеркивается мысль о производстве потребностей в жизни, в активной деятельности. Чернышевский различал характер и темперамент. Характер определяется условиями жизни, воспитанием и поступками человека. Темперамент обусловлен природными факторами, но даже и он подвержен влиянию социальных условий. Мысли о

социальной природе характера выводят Чернышевского за границы антропологического принципа в понимании человека как органического существа. Он разрабатывает также понятие «народного характера» как совокупности умственных и нравственных качеств различных народов. В то же время изучение национальной психологии народов Западной Европы приводит его к выводу, что национальные различия стираются в условиях классовых и профессиональных разделений общества. «По образу жизни и по понятиям земледельческий класс всей Западной Европы представляет как будто одно целое; то же должно сказать о ремесленниках, о сословии богатых простолюдинов, о знатном сословии»[1].

С критическим рассмотрением идей Н.Г. Чернышевского выступил философ и педагог, учитель Вл. Соловьева **Памфил Данилович Юркевич** (1827—1874). В статьях «Язык физиологов и психологов», «Наука о духе», написанных по поводу работ Н.Г. Чернышевского и близкого к нему по взглядам М.А. Антоновича, П.Д. Юркевич рассмотрел их трактовку психических явлений. Ее принципиальную недостаточность он видел в рассмотрении психологии по образцу естествознания. В такой позиции он усмотрел опасность сведения психологии к физиологии. В противоположность этому П.Д. Юркевич отстаивал самостоятельность психологии как науки о внутреннем чувстве.

[1] *Чернышевский Н.Г.* Собр. ... Т. 2. С. 593.

202

Важной областью развития русской психологической науки была педагогика. Связанная с передовым движением в области народного просвещения непосредственно в предреформенный период, но особенно в 60-х гг. XIX в., она привлекала внимание не только специалистов, но всей прогрессивной русской общественности. Исключительный общественный резонанс получила статья выдающегося русского хирурга **Николая Ивановича Пирогова** (1810—1881) «Вопросы жизни» (1856), в которой проводится мысль о примате задачи воспитания личности перед обучением в процессе подготовки будущих специалистов к деятельности в различных областях социальной практики.

По оценке **Константина Дмитриевича Ушинского** (1824— 1871), идеи Пирогова «пробудили спавшую у нас до тех пор педагогическую мысль, а выдвинутый им принцип воспитания прежде всего человека в человеке должен стать требованием здравой педагогики, основанной на психологии»!. Лейтмотивом передовой педагогической мысли стали идеи о формировании всесторонне развитой, высоко нравственной личности как цели воспитания, о гуманистическом отношении воспитателя к воспитаннику. Теоретики педагогической мысли XIX в. (Н.Х. Вессель, П.Д. Юркевич) указывали на первостепенное значение психологии для педагогики.

Органичное соединение педагогики с психологией происходит в фундаментальном произведении русской педагогической мысли — труде К.Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания» (1868— 1 т.; 1869 — 2 т.). Здесь были использованы достижения всей мировой философско-психологической мысли. «Когда берешь в руки книгу Ушинского,— писал П.П. Блонский, — то прежде всего поражаешься объемом синтеза у Ушинского»[2]. Признавалась исключительная роль деятельности, особенно труда, в духовном развитии, в формировании характера и нравственных качеств. Труд Ушинского явился предтечей отечественной детской и педагогической психологии. Переход к ней осуществил **Петр Федорович Каптерев** (1849—1922), автор «Педагогической психологии» (1877). Характерен уже эпиграф книги: «Я хочу свести все обучение на психологическую почву».

[1] *Ушинсшй К.Д.* Собр. соч.: В 11 т. Т. 3.— М.; Л., 1948. С. 11, 30.

[2] *Блонский П.П.* Избр. педагогические произведения.— М., 1961. С. 70.

203

Связь психологии с педагогикой означала выход психологии в прикладные области. Другой такой областью стала промышленная практика. В 80-х гг. XIX в. в связи с развитием капиталистического производства в России появляются работы по учету психики человека в труде, с чем связаны надежная работа персонала, устранение причин нарушений его деятельности, подбор и обучение людей. К психологии обращаются юристы, военные деятели, психиатры, физиологи. По Е.А. Будиловой, в рамках Русского географического общества еще в конце 1840-х гг. возникли замыслы «психической этнографии» (Н.И. Надеждин, К.М. Бэр, К.Д. Кавелин и др.), создана программа по изучению психологии народов России. Эти исследования положили начало новой отрасли — психологии народов, возникновение которой традиционно связывается с деятельностью М. Лацаруса и Г. Штейнталя (1859, Германия).

Во второй половине XIX в. одним из источников психологических знаний явилось языкознание. Колоссальным событием было появление толкового словаря **Владимира Даля** (т. 1 — 4, 1863 — 1866). Особое значение для психологии имела развернувшаяся в Харькове деятельность замечательного лингвиста, создателя научной школы исторического языкознания **Александра Афанасьевича Потебни** (1835—1891). Обсуждаемые в его трудах («Мысль и язык», «Из записок по русской грамматике», «Из записок по теории словесности. Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое») вопросы языка, взаимосвязи языка, чувственного познания и мышления, единства сознания и языка раскрывали проблему исторического развития человеческого сознания, его социальную природу. Потебня прослеживает также развитие самосознания в процессе жизни человека, указывая на язык как его важнейшее условие[1].

[1] Исследования творчества Л.С. Выготского показали, что можно говорить о влиянии А.А. Потебни на становление ключевых моментов учения Выготского об общественно-исторической природе психики человека. См. об этом сб.: Научное творчество Выготского и современная психология / Под ред. В.В.

Давыдова.— М., 1981. С. 126.

204

У Потебни получают разработку идеи выдающегося немецкого мыслителя и лингвиста **Вильгельма фон Гумбольдта** (1767 — 1835) о социальном характере языка. По Гумбольдту, язык не просто внешнее средство общения людей, он — продукт «языкового сознания» народа, определяет его «дух». Согласно Гумбольдту: «...язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка»[1]. Разные народы отличаются не по биологическим, расовым и т. п. признакам, а своим «видением мира». Поэтому знание нескольких языков обогащает представление о мире.

Гумбольдт выдвинул проблему внутренней формы языка, которая была основательно развита в отечественной психологической науке А.А. Потебней, а позже Г.Г. Шпетом (1927), Д.Н. Узнадзе (1948). Прослеживая путь образования слова и исходя из идеи исторического развития языка и сознания, Потебня различает в слове внешнюю форму, т. е. членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука и соответствующее понятию, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание. Слово есть орудие мысли и служит для ее объективации. Музыка, живопись также являются формами объективации мысли, но внелингвистическими, хотя и производными от языка. В них есть эти три аспекта: содержание (идея), внутренняя форма (образ) и внешняя форма. Развитие сознания идет от языка чувств к языку мыслей. Путь образования слова таков: чувство отражается в звуке в форме представления. Первой ступенью духовной жизни является мифологическое сознание, следующими — художественно-поэтическое и научное. В мифологическом сознании «мир существовал для человечества только как ряд живых, более или менее человекообразных существ, когда в глазах человека светила ходили по небу не в силу управляющих ими механических законов, а руководствуясь своими соображениями... считать создание мифов за ошибку, бо-

[1] *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию.— М., 1984. С. 80.

205

лезнь человечества, значит думать, что человек может разом начать со строгой научной мысли, значит полагать, что мотылек заблуждается, являясь сначала червяком, а не мотыльком»[1]. История языка помогает проследить путь развития человеческого познания от мифа к поэтическому мышлению и от него к науке как единый процесс движения от языка чувств к языку мыслей. «Самый миф сходен с наукой в том, что и он произведен стремлением к объективному познанию
мира»[2].

Появление собственно психологических трудов — статей И.М. Сеченова, диссертации Г. Струве «Самостоятельное начало душевных явлений» (1870), книги К.Д. Кавелина «Задачи психологии» (1872) — означало переход к новому этапу в развитии русской психологической мысли: психология становится самостоятельной наукой.

Контрольные вопросы

1. Как И.Ф. Гербарт ввел идею применения математики в психологии?
2. Какое развитие получили идеи Гербарта в его школе у Т. Вайтца, М. Лацаруса и Г. Штейнталя?
3. Каковы этапы и итоги развития ассоциативной психологии в XIXв.?

Литература

1. *Бэн А., Эббингауз Г.* Ассоциативная психология. М., 1998.
2. *Гербарт И.Ф.* Психология. СПб., 1895.
3. *Милль Дж.Ст.* Автобиография. История моей жизни и убеждений. М., 1896.

[1] *Потебня А.А.* Мысль и язык.— Харьков, 1892. С. 172-173.

[2] Там же. С. 173.

206

Раздел IV

РАЗВИТИЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК ВЫДЕЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ НАУКУ

207

Глава 1. РАЗВИТИЕ ФИЗИОЛОГИИ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ И ОРГАНОВ ЧУВСТВ В XIX В.

Во второй половине XIX в. создаются объективные условия для выделения психологии в самостоятельную науку. В зарубежной и отечественной науке все чаще встречается мысль о необходимости самостоятельного, отдельного от философии и естествознания, в рамках которых зародилась психологическая мысль, развития психологии: этого требует специфика психических явлений.

Так, Т. Рибо в 1871 г. писал: «Мы желаем показать, что психология может сложиться в независимую науку», что условием этого является возможность выделить факты, которые «составляют самую прочную и всего менее оспариваемую часть этой науки. Чистое и простое изучение этих-то фактов и может обосновать независимую науку»[1]. Сходную мысль встречаем у Н.Я. Грота: «Ежедневное появление... новых трудов по вопросам психологическим... наводит на мысль, что психологическая наука способна развиваться далее своими средствами и что в ней есть много задач, которые не могут быть решены при помощи одного только микроскопа или других каких-либо орудий точного естествознания»[2].

Мысль о том, что одним из условий достижения психологией самостоятельности является ее отделение от философии, выразил Г.И. Челпанов в докладе на

[1] *Рибо Т.* Современная английская психология.— М., 1875. С. 18.

[2] *Грот Н.Я.* Психология чувствований — СПб., 1879-1880. С. 7.

209

I Всероссийском съезде по психоневрологии «О предпосылках современной эмпирической психологии» (1923): «Стремление внести в психологию философские элементы противоречит понятию эмпирической психологии. Трактование философских проблем в обстановке эмпирико-психологических понятий ведет к крайней поверхностности, что, в свою очередь, может привести психологию к упадку»[1].

Выделение психологии в самостоятельную науку произошло в 60-х гг. XIX в. Оно ознаменовалось появлением первых программ (В. Вундт, И.М. Сеченов), созданием специальных научно-исследовательских учреждений — психологических лабораторий и институтов, кафедр в высших учебных заведениях, начавших подготовку научных кадров психологов, выходом специальных психологических журналов, образованием психологических обществ и ассоциаций, проведением международных конгрессов по психологии.

По С.Л. Рубинштейну, решающую роль в становлении психологии как самостоятельной науки сыграло внедрение эксперимента, что «... не только вооружило ее новым для нее, очень мощным методом научного мышления, но и вообще по-новому поставило вопрос о методике психологического исследования в целом, выдвинув новые требования и критерии научности всех видов опытного исследования в психологии»[2]. Эксперимент был заимствован психологией из естествознания, прежде всего, из физиологии органов чувств и нервной системы. Интенсивное развитие этих и других областей естествознания, успехи в области объяснения явлений жизни, возникновение психофизики и психометрии явились важнейшей предпосылкой преобразования психологии в самостоятельную науку и обусловили ее развитие по образцу естественных наук.

Ориентация на естествознание отразилась прежде всего в понимании научности в психологии. Как писал **Гуго Мюнстерберг** (1863— 1916), большой психолог и методолог психологии, основатель психотехники, сторонник прикладной психологии, человеческое мыш-

[1] Цит. по: *Эфрусси П.О.* Успехи психологии в России.— Пг., 1923. С. 20.

[2] *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии.— М., 1946. С. 56.

210

ление, чувство, хотение и др. могут рассматриваться с разных точек зрения, но только одна из них имеет значение научной психологии. Он считал ненаучной психологию, которая старается понять душевную жизнь как связь значений, целей, пытается проникнуть в смысл душевных явлений. Научная психология рассматривает «душевные явления — восприятия, воспоминания, чувства и т. п. как объекты, перед которыми сознание стоит в роли размышляющего пассивного зрителя. Как и все объекты, они допускают лишь вопрос о том, каковы их составные части, как они связаны между собой, каковы их причины и вызванные ими действия»[1]. Научная психология строится как естественная наука. Ее задачи — более

сложное свести к более простому, ее метод — эксперимент лабораторного типа, с обязательными процедурами измерения, причем экспериментатор не должен вмешиваться в процесс эксперимента; объяснение психических явлений сводится к выявлению их физиологических механизмов. Практика выступает как применение психологии для объяснения явлений культуры и нахождения средств и путей для выполнения таких практических задач, как обучение, воспитание, восстановление нарушенных психических функций и др., обозначаемых общим термином «психотехника»[2].

Естествознание в XIX в. достигло больших успехов в области механики, химии, биологии, оно получило энергичное применение в технике. Мощное развитие получила теория. Произошло основание эмбриологии (К.М. Бэр, 1828), открытие клетки (М. Шлейден, Т. Шванн, 1838), закона сохранения энергии (Г. Гельмгольц, 1847). В 1859 г. Ч. Дарвин опубликовал книгу «О происхождении видов», в которой изложил эволюционную теорию. Было дано научное объяснение происхождения человека (Т. Гексли, 1863, Ч. Дарвин, 1871). Общие вопросы объяснения жизни давала физико-химическая теория (Г. Гельмгольц, Э. Дюбуа-Реймон, К. Людвиг, Э. Брюк-

[1] *Мюнстерберг Г.* Психология и экономическая жизнь.— М., 1924. С. 21.

[2] *Мюнстерберг Г.* Основания психотехники.— М., 1924; его же. Психология и учитель.— М., 1915; *Марбе К.* Научное и практическое значение психологии.— СПб., 1913.

211

ке), которая пришла на смену витализма. Клод Бернар открыл гомеостатические механизмы саморегуляции внутренней среды организма. Г. Мендель вывел законы наследственности (1865). Эти и другие открытия определили решающее место естествознания в науке XIX в. Его мировоззренческий характер получил концентрированное отражение в заголовках книг того времени: Э. Геккель «Мировые загадки» (1899), Э. Дюбуа-Реймон «О границах естествознания» (1872), И.И. Мечников «Этюды о природе человека» (1903), В. Оствальд «Философия природы» и др. В то же время выдающиеся естествоиспытатели осознавали границы естествознания, его научной методологии. Так в речи «О границах естествознания» (1872) Э. Дюбуа-Реймон говорил о двух границах естествознания, через которые человеческий дух никогда не перешагнет. Это проблема сущности материи и силы — проблема субстанции и проблема сознания, т. е. вопрос о том, как из материальных условий и движений может быть объяснена наша духовная деятельность: почему субстанция, лежащая в основе материи и силы, при определенных условиях чувствует, желает, мыслит. Он повторил эти выводы в 1880 г. в речи, посвященной Лейбницу, расширив непознаваемые естественно-научными средствами до семи мировых загадок. Полемическим ответом на это выступление явился этюд Э. Геккеля «Мировые загадки. Общедоступные этюды по монистической философии» (1899). В этой работе Геккель попытался доказать, что огромные успехи, которых достигло естествознание, позволяют надеяться, что эти загадки, хотя и трудные, но разрешимы в будущем, а некоторые уже решены.

В разных областях исследователи описывали психологические факты. *Физик Э. Мах* в книгах «Анализ ощущений» (1886), «Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования» и др., химик *В. Оствальд,* профессор патологической анатомии, врач-невропатолог К.Г. Ланге (Дания) и др. рассматривали психологические факты, которые не являлись предметом этих наук. Возникла объективная необходимость в выделении психологических знаний из всех этих областей в самостоятельную область, т. е. возникла необходимость выделения психологии в самостоятельную науку.

212

Решающее влияние естествознания на этот процесс выразилось в трех направлениях. 1. Психология заимствовала из естествознания методы исследования и прежде всего эксперимент. 2. Внутри естествознания были накоплены собственно психологические факты и некоторые частные психологические теории. Это теория ощущений (И. Мюллер, Г. Гельмгольц), теория цветового зрения (Г. Гельмгольц, Э. Геринг), резонансная теория слуха Г. Гельмгольца, теория восприятия (Г. Гельмгольц) и некоторые другие. В связи с развитием знаний о мозге были получены новые факты, проливающие свет на труднейшую проблему соотношения физического и психологического. 3. Эволюционные идеи Г. Спенсера и теория эволюции Ч. Дарвина способствовали изменению понимания психики и задач психологии. Сформулированный Э. Геккелем биогенетический закон (1869) явился источником первых теорий развития психики в онтогенезе. Под влиянием эволюционных идей возникли три новые самостоятельные области исследования: зоопсихология, детская психология, психология малокультурных народов (Дж. Леббок, Э. Тейлор, Л. Морган).

Рассмотрим важнейшие открытия в тех областях естествознания, которые имеют ближайшее отношение к психологии.

Замечательный английский анатом, физиолог, патофизиолог и врач **Чарльз Белл** (1774 — 1842) экспериментально установил (а точнее подтвердил факт, известный еще в Античности) различия между передними и задними корешками спинного мозга по функции: передние корешки содержат моторные нервы с двигательной функцией, задние — чувствительные (1807). Это открытие намечало анатомическую основу рефлекторной дуги, каждая часть которой получила анатомическое обоснование: проведение возбуждения по чувствительному нерву, затем его переработка в нервном центре и передача по эфферентному нерву к органу движения. Тем самым было установлено, что спинной мозг построен по принципу рефлекторной дуги. Открытие имело сильный резонанс. Параллельно оно было совершено французским физиологом **Франсуа Мажанди** (1822) и вошло в науку под двойным именем — «закон Белла—Мажанди». Белл показал

регулирующую роль мышечного чувства в осуществлении движения.
213
Он впервые выделил нервы, которые идут от мышцы в мозг и сигнализируют о характере мышечного сокращения. Так Белл сформулировал идею нервного круга или, как он называл, «нервного кольца»: раздражение поступает в мозг, от мозга в мышцу, от мышцы опять в мозг. Разрыв в какой-либо части круга приводит к тем или иным нарушениям движения: при повреждении двигательного нерва наступает паралич, при нарушении того нерва, который ведет от мышцы к мозгу, наблюдаются различные нарушения координации движения. Идея нервного круга, сформулированная Бел-лом в 1826 г., не получила развития и была введена в оборот только в 30-е гг. XX в. в связи с развитием кибернетических исследований в виде понятий об обратной связи. Современники восприняли только ту часть его учения о мышечном чувстве, где говорится о такой его функции, как ощущение усилия во время движения. Белл описал факт, который теперь называется реципрокной иннервацией мышц-антагонистов: когда мышцы-разгибатели расслабляются, мышцы-сгибатели сокращаются. Открытия Ч. Белла углубляли и расширяли представления о деятельности нервной системы и позволяли лучше понять нервный механизм поведения.
Одним из самых видных физиологов XIX в. был **Иоганнес Мюллер** (1801 — 1858), основатель новейшей физиологии. Среди его учеников Г. Гельмгольц, Э. Дюбуа-Реймон, К. Людвиг и др. Особенно большое значение приобрело его «Руководство по физиологии человека» (1833— 1840). В нем наряду с вопросами общей физиологии большое место занимают данные по физиологии нервной системы. В этом учебнике получило развитие учение о рефлекторном акте и о рефлекторной природе работы спинного мозга.
Необходимо отметить, что несколько раньше подобную работу произвел английский физиолог Маршалл Холл (1790—1857), которого Э.Боринг назвал «пионером в исследовании рефлекторных актов»!. Мюллер признавал приоритет Холла. Несмотря на это, в силу авторитета Мюллера и его учебника, учение о рефлекторной природе деятельности спинного мозга связывается с его именем.
[1] *Boring E.G.* A History of experimental Psychology.— N.Y., 1929. P. 120.
214
Большое место в учебнике Мюллера занимает раздел о деятельности органов чувств, особенно зрения и слуха.
Мюллер выдвинул доктрину *специфической энергии органов чувств,* которая является одним из самых крупных обобщений XIX в. в этой области физиологии. Доктрина включает десять законов. В соответствии с первым законом мы имеем сознание не объекта, но наших нервов, нервы — это посредники между воспринимаемыми объектами и умом и таким образом они навязывают уму свои собственные характеристики. По Мюллеру, ощущения складываются в чувствующем органе через посредство нервов, и в качестве результата от действия внешних причин дают знания некоторых качеств или условий не внешних тел, а самих сенсорных нервов. Непосредственными объектами восприятия наших чувств являются состояния, вызываемые в нервах и чувствуемые как ощущение либо самого нерва, либо чувствующего органа. Идеи Мюллера о том, что нервы органов чувств не являются передатчиками свойств внешних тел, напоминают мысли Локка о вторичных качествах. Второй закон доктрины Мюллера состоит в принципе специфичности. Имеется пять видов нервов и соответствующих органов чувств, и каждый из них имеет свое специфическое качество или свою специфическую энергию, которую навязывает уму. Третий закон доктрины специфичности опирается на эмпирическую очевидность первых двух: одна и та же причина вызывает в различных органах чувств различные ощущения (зрительные, слуховые ощущения возникают и тогда, когда орган чувств раздражается необычным раздражителем, неадекватным для данного органа чувств, например, электрическим или механическим). Следовательно, и качество ощущений зависит от природы нерва, на который воздействует причина. Таким образом, хотя причиной ощущений является материальное воздействие, ощущение не воспроизводит его свойств. Внешнее воздействие высвобождает нервную энергию, которая дремлет в органе чувств и только ждет толчка для этого возбуждения.
Как же мы приходим к уверенности в том, что воспринимаем объекты, а не состояние наших нервов?
215
Мюллер отвечал так: нервы имеют определенное соотношение с внешними объектами. Ясно, что глаз воспринимает цвет, а не давление. Он может воспринимать и давление, но тогда он воспринимает его как свет. Поэтому мы воспринимаем действительно объект, в случае же действия на нас неадекватного стимула мы имеем иллюзию.
Теория Мюллера не является случайным явлением в развитии физиологических знаний. В физиологии, развивавшейся в русле механического материализма, к XIX в. накопились такие факты, которые свидетельствовали о больших трудностях в объяснении специфики деятельности именно живого организма: работы органов чувств, нервной системы, мышечной ткани и т. д.
Например, нервная деятельность, сам нервный процесс понимались в механистическом материализме по образцу механического движения. Ее носителем считались мельчайшие тельца, «животные духи». При изучении деятельности органов чувств ученые также наталкивались на очень большие трудности. Уже сам факт различия между сетчаточным образом и видимым образом предмета ставил в тупик.
В XIX в. многие физиологи, столкнувшись с этими трудностями и не имея средств для их преодоления, приняли позицию отказа от теории и занялись описанием деятельности органов чувств (Ян Пуркинье, 1787 — 1869). В основе теории Мюллера лежит неправомерное допущение о том, что органы чувств и

проводящие нервные пути обладают своей специфической энергией изначально[1], и, следовательно, ощущение зависит не от природы раздражителя, а от самого органа или нерва и является выражением его специфической энергии.

Теория Мюллера встретила оппозицию уже у современников. Так, Пуркинье в рецензии на учебник Мюллера писал: «Мы не хотим, чтобы наша точка зрения оценивалась как идеалистическая. Мы считаем

[1] Ошибочность концепции Мюллера преодолевается обращением к эволюционному подходу, который объясняет специфичность как результат приспособления в филогенезе к определенным свойствам объектов.

216

Э.Г. Вебер (1795-1878) Сформулировал закон различной чувствительности

более действительной реальность вещей вне нас и именно в том смысле, как это обычно понимается...» С подобной критикой выступил физиолог Э.Х. Вебер, философскую критику теории Мюллера впервые осуществил Л. Фейербах.

Мюллер дал также объяснение восприятия пространства, опираясь при этом на философию И. Канта. Он считал, что ощущающий орган имеет прирожденную способность к пространственному зрению, т. е. на сетчатке есть точки для восприятия величины, глубины и других пространственных свойств. Стимуляция этих точек дает впечатление о предметах как находящихся на определенном расстоянии от нас, имеющих определенную величину и т. д. При этом опыту уделяется незначительное место. Мюллер явился основателем позиции *нативизма* в теории восприятия пространства. Эти взгляды разделял немецкий психолог К. Штумпф, а также физиолог Э. Геринг. В 1801 г. **Томас Юнг** выдвинул трехкомпонентную теорию цветового зрения: сетчатка имеет три типа рецепторов, которые отвечают на красный, зеленый или фиолетовый цвета, а белый цвет является результатом равномерного возбуждения всех трех рецепторов. Позже, в последней четверти XIX в. Э. Геринг сформулировал фотохимическую теорию цветового зрения. В глазу имеются три фоторецептора, в каждом — пара цветоощущающих веществ: бело-черное, красно-зеленое, желто-синее. Внутри каждой пары происходят противоположно направленные химические процессы ассимиляции — диссимиляции: диссимиляция вещества вызывает ощущение белого, красного, желтого; ассимиляция — черного, зеленого, синего. Большой вклад в развитие физиологии органов чувств внес профессор анатомии и физиологии лейпцигского университета **Эрнст Генрих Вебер** (1795- 1878). Он работал главным образом над осязанием — «Об осязании» (1834).

217

Вебер различал в кожных ощущениях три рода ощущений: давления, или прикосновения, температурные, а также локализации. Для изучения последних он изобрел специальный прибор — эстезиометр, или циркуль Вебера,— и с его помощью проводил экспериментальные исследования осязания. Он установил экспериментально, что при действии двух раздражителей на кожу они различаются как разные в том случае, если отстоят друг от друга на известном расстоянии, причем это расстояние различно для разных участков кожи, т. е. кожа обладает разной чувствительностью к локализации прикосновения. В объяснении этого факта он соединил принципы нативизма и генетического подхода. Самые известные эксперименты Вебера относятся к различительной чувствительности, которые привели к выводу: для того чтобы произошла разница в ощущениях, новый раздражитель должен находиться в известном отношении к исходному. Это отношение для каждого органа чувств есть величина постоянная. Она устанавливалась опытным путем. Для звука это отношение составляет 1/10, для света — 1/100 и т. д. Этим обобщением Вебер подводил к мысли о возможности измерения в психологии. Оно было осуществлено Фехнером.

Выдающийся вклад в физиологию, а также в психологию восприятия и ощущения сделал **Герман фон Гельмгольц** (1821 — 1894). В 1850 г. в статье «Скорость распространения нервного возбуждения» он опубликовал результаты экспериментальных исследований, в которых показал, что скорость распространения возбуждения по нерву составляет примерно 120 м/сек. В 1849 г. другой великий физиолог, друг Гельмгольца, Дюбуа-Реймон, который исследовал электрические явления в мышце и нерве, показал, что нервный процесс — это не движение животных духов, а не что иное, как электрическая волна. Этот вывод приближал к пониманию физиологического процесса возбуждения и вместе с исследованиями Гельмгольца о скорости нервного возбуждения способствовал материалистическому пониманию нервного процесса и психики. В 1851 г. Гельмгольц изобрел офтальмоскоп — прибор, с помощью которого можно

было исследовать глазное дно. С этого времени Гельмгольц занимается зрением. Он принимает теорию Юнга о цветовом зрении и развивает ее. Из всех иссле-

218

дований, направленных на изучение зрения, рождается знаменитая работа «Физиологическая оптика» (1856 — 1866). Здесь представлены физика света, анатомия и физиология органа зрения, а также психологические феномены, которые сопровождают физиологические процессы зрения. Здесь же Гельмгольц сформулировал теорию восприятия, теорию бессознательных умозаключений. В 1863 г. выходит еще одна большая работа Гельмгольца «Учение о слуховых ощущениях». Здесь даются физическая характеристика звука, анатомия и физиология органа слуха, резонансная теория слуха, описываются психологические феномены. Так к 60-м годам XIX в. благодаря работам Вебера и Гельмгольца три органа чувств — осязание, зрение и слух — получили капитальную разработку.

В теории ощущений Гельмгольц проявлял непоследовательность, колебался между материализмом и идеализмом. Исходя из правильного положения о том, что наши представления, ощущения являются результатом воздействия предметов на нас, соотношение ощущения с вызвавшим его предметом мыслилось Гельмгольцем не по типу отражения и описывалось в терминах символа, иероглифа, знака.

Важной частью исследований Гельмгольца явилась его теория восприятия. Теория бессознательных умозаключений Гельмгольца утверждает, что перцептивный образ не ограничивается тем, что идет от стимула в данный момент: восприятие, которое выступает для человека как непосредственное данное, является на самом деле продуктом опыта. Процесс соединения данных ощущений с прошлым опытом является бессознательным и напоминает ту работу, которую мы производим в процессе мышления, когда делаем умозаключение: мы как бы сопоставляем наше впечатление (меньшая посылка) с какой-то частью прошлого опыта (большая посылка), а затем делаем вывод о том, что же имеет место в данный момент. Гельмгольц указывал на условность термина *«бессознательное умозаключение»:* оно — результат не сознательного рассуждения, а какой-то игры нервных процессов, неизвестной нам, но которую можно представить по аналогии с умозаключением. Выделяются следующие особенности бессознательных умозаключений. Во-первых, они действу-

219

ют принудительно, от них нельзя избавиться с помощью мышления. Они возникают бессознательно и не управляются сознанием. Во-вторых, они формируются в опыте, путем многократного повторения, в-третьих, механизмом таких умозаключений являются, по-видимому, какие-то сенсомоторные связи между собственно зрительными ощущениями и ощущениями от движений глаза в процессе восприятия.

Теория бессознательных умозаключений Гельмгольца имеет большое значение и не только для понимания восприятия: она указывает на существование механизмов, которые хотя и не выступают в самонаблюдении, но составляют действительное содержание таких явлений, как «я вижу», «я слышу» и др. Объективно все это выявляет принципиальную недостаточность самонаблюдения как метода психологии.

Гельмгольц оставил интересные психологические заметки по творческому мышлению, вниманию и другим вопросам. Но они имеют более частное значение. В XIX в. развернулись исследования по анатомии и физиологии мозга. Они углубляли представления о материальном субстрате психической деятельности. В первой четверти XIX в. известный австрийский врач и анатом **Франц Йозеф Галль** (1758 — 1828) выступил с исследованиями по морфологии мозга. Он впервые отличил серое вещество, составляющее кору и подкорковые образования, от белого вещества, которое состоит из проводящих волокон, связывающих отдельные участки коры между собой и кору с нижележащими отделами. Наибольшую известность, однако, получили не эти исследования, а френология Галля[1]. В области психологии она опиралась на теорию способностей, а мозг представлялся как совокупность органов этих способностей (их 27), каждая из которых связывалась с определенной группой клеток в коре. Эти участки, разрастаясь, придают черепу выпуклую форму, по которой можно определить способности человека. Френология Галля как учение о связи строго локализованных способностей человека со строением черепа является ложным направлением, хотя

[1] Галль называл свое учение «органологией». Термин «френология» был введен его учеником И. Шпурцгеймом (1819) и был принят последователями Галля.

220

в свое время эти идеи вызывали определенный интерес, в том числе в России. Она отражала попытку дифференцированного подхода к пониманию мозга, который до этого казался однородной массой.

Идеи локализационизма натолкнулись на сопротивление со стороны фактов. Примерно в это же время, в первой четверти XIX в. французский физиолог, основатель экспериментальной физиологии мозга **Пьер Флуранс** (1794— 1867) на основе физиологических экспериментов с разрушением полушарий у птиц обнаружил, что через некоторое время у птиц восстанавливается поведение, независимо от того, какая часть мозга была разрушена. «Масса мозговых полушарий физиологически столь же равноценна и однородна, как масса какой-нибудь железы, например, печени». Так была высказана идея о полной функциональной однородности мозговой массы. Исследования Флуранса имели большое значение, так как на место умозрительных домыслов поставили научный эксперимент. Полученные данные свидетельствовали о пластичности мозга, о взаимозамещаемости его функций. Однако Флуранс сделал слишком широкие обобщения. Неучет эволюционного подхода к мозгу, имеющему различное строение у животных, находящихся на разных ступенях развития, привел к неправомерным выводам.

Все последующие десятилетия работы по исследованию мозга были связаны с развитием идей локализационизма. Материал поступал из двух источников. Во-первых, из наблюдений за нарушениями поведения у больных с локальными поражениями мозга: клинические наблюдения французского врача Буйо, показавшие, что потеря моторной функции речи связана с нарушениями в области передних отделов мозга (1825); открытие французским анатомом **Полем Брока** центра моторных образов слов (1861); открытие немецким психиатром **Карлом Вернике** центра сенсорных образов слов и др. Вторым источником, на базе которого складывались локализационистские представления о мозге, были анатомические и физиологические исследования мозга (опыты с непосредственным раздражением коры, с разрушением определенных областей мозга и т.п.). Открытие двигательных центров в коре немецким невропатологом **Густавом Теодором Фритчем** и швейцар-

221

ским психиатром **Фердинандом Гитцигом** (1870) методом раздражения роландовой борозды коры электрическим током и исследования киевского анатома **В.А. Беца** по морфологическому описанию коры, открытие связи затылочной коры мозга с функцией зрения, височной — слуха и др. **(Герман Мунк),** передних областей мозга — с вниманием и интеллектуальными функциями (Гитциг и Ферьер), полученные методом экстирпации отдельных участков коры мозга, подкрепляли вывод о неоднородности морфологической структуры и мозга: мозг имеет высоко дифференцированное строение. Однако представления о прямой связи функции с каким-то узким участком мозга были слишком грубыми, противоречащими фактам. Так, например, немецкий физиолог **Фридрих Леопольд Гольц** (1834—1902) обнаружил, что экстирпация отдельных участков мозга у собаки приводит к нарушению поведения в целом, следовательно, к мозгу нужно подходить как к целостному образованию.

В период расцвета узко локализационистского подхода эта идея не получила достаточного развития, и только в 1860-х гг. крупнейший английский невролог **Хьюлингс Джексон** преодолел узкий локализационизм и сформулировал принципиально новый подход к пониманию локализации психических функций.

По Джексону, психическая функция представлена в мозгу по уровневому типу: например, по отношению к двигательной активности низший уровень — это спинной мозг и Варолиев мост, средний уровень — моторная область коры, высший уровень — префронтальная область. Нарушения на том или ином уровне приводят к выпадению той или другой стороны функции. В процессе эволюции происходит развитие **и** интеграция различных уровней головного мозга — формирование системы связей, которые обусловливают сложное поведение человека — мышление, символическое действие. Распад этой интегративной деятельности приводит к нарушению психики. Новое и весьма прогрессивное направление, начатое Джексоном по проблеме локализации психических функций, получило настоящее развитие позже, уже в XX в., особенно в нейропсихологии, в теории системной динамической локализации высших психических функций человека **А.Р. Лурия.**

222

Таковы главные направления в развитии учений по физиологии мозга в XIX в. Локализационистский и антилокализационистский подходы сосуществовали, потому что каждый из них опирался на какие-то факты, которые, однако, понимались односторонне, а сложность проблемы локализации психических функций в мозгу не позволяла принять тот или другой подход как единственный.

Успехи в области исследования мозга так же, как и достижения в некоторых других областях физиологии (были открыты железы внутренней секреции и показана связь эндокринной системы с психическими процессами), способствовали развитию знаний о материальных (анатомических и физиологических) основах психики и поставили большой вопрос о соотношении анализа физиологических механизмов психических функций и собственно психологического анализа, т. е. проблему соотношения психологического и физиологического. В ходе ее решения оформились две теории — параллелизма и взаимодействия физиологических процессов и психических явлений. Каждая из них базировалась на концепции дуализма духа и материи. В теории параллелизма психическое рассматривается как параллельное физиологическому, т. е. как эпифеномен. Отрицая реальную функцию психики, эта концепция вступает в противоречие с естествознанием и ставит под сомнение необходимость психологии как отдельной науки. В теории взаимодействия сохраняется значение психики и тем самым значимость психологии как науки. Однако объяснение самого процесса влияния психики на тело встречает большие трудности. Наибольшее распространение среди психологов получила теория параллелизма[1].

Развернувшиеся в XIX в. исследования гипноза и их использование во врачебной практике (А. Льебо, И. Бернгейм, Ж. Шарко, П. Жане) явились важным источником психологии бессознательного. Термин *гипноз* (от греч. hypnos — сон) дал английский врач **Джеймс Брэд** (1843). Первооткрывателем явлений, известных теперь как гипнотические, и основанной на них врачебной практики был австрийский врач **Франц Месмер** (1734— 1815)[2].

[1] См.: *Ланге Н.Н.* Психология.— М, 1914. С. 74-97.

[2] О гипнозе см.: *Шерток Л., Соссюр Р.* Рождение психоанализа. От Месмера до Фрейда.— М., 1991. С. 39-98.

223

Глава 2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПСИХОФИЗИКИ И ПСИХОМЕТРИИ

Г.Т. Фехнер (1801-1887) Основатель психофизики

Другим важнейшим источником, на базе которого формировалась экспериментальная психология, явилась психофизика. **Гюстав Теодор Фехнер** (1801 - 1887) в работе «Элементы психофизики» (1860) сформулировал основную задачу психофизики: разработать точную теорию соотношения между физическим и психическим мирами, а также между душой и телом. Соответственно, он различал две психофизики: внутреннюю (она должна разрешить вопрос о соотношении между душой и телом, между психическим и физиологическим) и внешнюю (ее задача — соотношение между психическим и физическим). Фехнер разработал только внешнюю психофизику

Для работы в этой области Фехнер создал экспериментальные методы. Он сформулировал основной психофизический закон. Все это составило новую самостоятельную область знания — *психофизику.* Целью Фехнера было измерение ощущений. Поскольку раздражитель, который вызывает ощущения, может быть измерен, Фехнер предположил, что измерить ощущение можно, измерив интенсивность физического раздражителя. Точкой отсчета при этом выступала та минимальная величина раздражителя, при которой

224

возникает первое, едва заметное ощущение. Это нижний абсолютный порог. Фехнер принял допущение, что все едва заметные разницы в ощущениях равны между собой, если равны приросты между раздражителями, которые происходят в геометрической прогрессии. Разностный порог Фехнер избрал в качестве меры измерения ощущения. Таким образом, интенсивность ощущения равна сумме разностных порогов. Эти рассуждения и конкретные математические вычисления привели Фехнера к известному уравнению, в соответствии с которым интенсивность ощущения пропорциональна логарифму раздражителя.

Для проведения психофизических измерений Фехнер разработал три метода: едва заметных различий, метод средних ошибок и метод постоянных раздражителей, или метод истинных и ложных случаев. **Эти** классические методы измерения используются до настоящего времени.

Фехнер впервые осуществил приложение математики к психологии. Это возбудило огромный интерес и, конечно, критику.

Было замечено, что закон верен лишь в известных пределах, т. е. если интенсивность раздражителя возрастает, то в конце концов наступает такая величина этого раздражителя, после которой любое его увеличение уже не приводит к увеличению ощущения. Это и ряд других критических замечаний не поколебали уверенности Фехнера в своем законе. Соглашаясь с критиками в деталях, он говорил: «Вавилонская башня не была достроена потому, что работники не могли столковаться относительно способа ее постройки; мой психофизический монумент уцелеет, потому что работники не могут столковаться относительно способа его разрушения»[1].

Третьей областью, на базе которой выросла экспериментальная психология, явилась психометрия. Ее предметом является измерение скорости протекания психических процессов: ощущений и восприятий, простейших ассоциаций. Эта новая линия в психологии началась в астрономии. Астрономами было замечено,

[1] Цит. по кн.: *Рибо Т.* Современная германская психология.— СПб., 1895. С. 161.

225

что реакция на воздействие никогда не происходит немедленно, всегда есть некоторое запаздывание ответа на сигнал. Был установлен факт индивидуальных различий в скорости восприятия.

Разница в показаниях между отдельными наблюдателями была названа немецким астрономом **Фридрихом Бесселем** «личным уравнением».

Началось измерение времени личного уравнения. Оказалось, что даже у одного человека оно может быть различным. Выяснилось, что одним из условий, существенно влияющим на это время, является то обстоятельство, ожидается или не ожидается сигнал. Большой толчок для исследований в этой области был дан изобретением астрономами специального аппарата для измерения времени реакции — *хроноскопа.*

Настоящее развитие ***психометрия*** получила в исследованиях голландского физиолога Ф. Дондерса.

Франц Корнелис Дондерс (1818—1889) изобрел методику исследования времени сложных психических

процессов (1869). Сначала измерялось время простой реакции, т. е. время, протекающее с момента появления какого-нибудь простого слухового или зрительного раздражителя до момента ответного на него движения. Потом задание усложнялось и получало форму реакций выбора, реакций различения.

Измерялось время этих более сложных реакций. Затем из времени сложных реакций вычиталось время, затрачиваемое на простую реакцию, остаток приписывался тому психическому процессу, который требуется для операции выбора, различения или решения других задач.

В настоящее время работа Дондерса получила новое прочтение в рамках когнитивной психологии в связи с проблемой нахождения экспертного критерия для суждения об уровневой организации психики. В 1969 г. она была переиздана.

Большой вклад в психометрию внес австрийский физиолог **Зигмунд Экснер** (1846— 1926). Ему принадлежит термин *«время реакции».* Немецкий физиолог **Людвиг Ланге** (1825— 1885) произвел различение сенсорной и моторной реакций и показал, что в зависимости от того, настроен ли испытуемый на сенсорную сто-

226

рону процесса или он имеет установку на его моторный аспект, время реакции существенно менялось. С этого времени начинается исследование *установки.* Исследования количественных аспектов психических процессов открывали возможность объективного подхода к психическим явлениям. В этом заключается принципиальное значение работ в области психофизики и психометрии. Их результаты способствовали материалистическому пониманию психики. Сама постановка вопроса о протекании психических процессов во времени встретила резкую критику со стороны идеалистов[1].

[1] См.: *Грот Н.* О времени // Вопросы философии и психологии. Кн. 24(4).— 1894.

227

Глава 3. РАЗВИТИЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В БИОЛОГИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПСИХОЛОГИИ

Наряду с экспериментальным методом значительное влияние на развитие психологии оказал принцип эволюции и шире — принцип развития. По С.Л. Рубинштейну, этот принцип проник в психологию под двойным влиянием: философии Ф. Шеллинга и Г. Гегеля, выдвинувших в философском плане идею развития, и эволюционного естествознания[1]. Немецкий психолог К. Грос (1861 — 1946) так оценивал значение Дарвина для психологии: «Естественный эксперимент и теория Дарвина повлияли на психологию, как если бы ей подарили одновременно подзорную трубу и микроскоп: экспериментальные методы придали ее исследованиям проникающую в глубь точность, а стремление провести сравнение между различными ступенями жизни и в психическом мире и подойти к вопросу о развитии души открыло для нее новые необъятные области исследования. Это зоопсихология, психология народов, психология детства»[2]. В 1859 г. **Чарльз Роберт Дарвин** (1809 — 1882) опубликовал свой труд «Происхождение видов путем естественного отбора», самую значительную работу в биологии. Установленный Дарвиным факт изменчивости видов и открытые им законы эволюции — естественный отбор в условиях борьбы органических существ за существование на основе законов изменчивости и принцип наследственности — дали материалистическое истолкование целесообразности — приспособленности организмов в природе. Указывая на дальнейшее развитие исследований, Дарвин писал: «Много света будет пролито на происхождение человека и на его ис-

[1] *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии.— М, 1935. С.18.

[2] *Грос К.* Душевная жизнь ребенка.— Киев, 1916. С. 2.

228

Ч. Дарвин (1809-1882)

торию»[1]. В книге «Происхождение человека и половой отбор» (1871) Дарвин специально исследовал вопрос о месте человека в органическом мире и показал, что человек произошел в процессе развития от низших

животных форм: «...человек обязан своим существованием длинному ряду предков. Если бы не существовало какого-либо из звеньев этой цепи, человек не был бы совершенно таким, какой он есть. Если мы не станем нарочито закрывать глаза, то с теперешними нашими знаниями мы сможем приблизительно узнать наших прародителей, и нам незачем стыдиться их»[2]. В следующей работе «Выражение эмоций у человека и животных» (1872) Дарвин с помощью эволюционного учения обосновал идею общности происхождения выразительных движений, сопровождающих чувство страха, агрессивности, удивления и др. у животных и человека, показал их приспособительный смысл. Идея приспособительного значения психики оказала большое влияние на психологию. Высказанная также Г. Спенсером, она дала начало новому подходу к изучению психики как важнейшего средства адаптации к среде.

Теория эволюции оказала глубокое влияние на психологию. Она утверждала идею развития, а открытые Дарвином законы эволюции в органическом мире поставили перед психологией задачу определения движущих сил психического развития и в особенности по отношению к человеку. Вставал также вопрос о сопоставлении психики животных и человека. В трудах Дарвина эти вопросы впервые были поставлены на научную основу, а их разработка дала начало развитию новых направлений и подходов в психологии — психологии животных, детской психологии и психологии так называемых малокультурных народов.

Сосредоточив свое внимание на доказательстве родства человека и животных, Дарвин подчеркивал

[1] *Дарвин Ч.* Происхождение видов.— М., 1987. С. 359.

[2] *Дарвин Ч.* Соч.: В 9 т. Т. 5.— М., 1953. С. 274.

229

скорее черты сходства между ними, нежели различия. Нередко он, завышая психические способности животных, приписывал им специфически человеческие черты (воображение, нравственные чувства и т. п.). Дарвин не усматривал качественного своеобразия интеллекта человека: «Как бы ни было велико умственное различие между человеком и животным, оно только количественное, а не качественное»[1]. Истолкование психических проявлений животных по аналогии с психикой человека определило развитие начатой им сравнительной психологии. Первым направлением этой области был *антропоморфизм* (Джордж Романес). Животные изображались по образцу человека, делались выводы о том, что в каких-то отношениях животные выше людей (имелись в виду взаимопомощь, взаимовыручка и другие факты поведения так называемых «общественных» животных). Наивный антропоморфизм был приостановлен исследованиями крупного английского биолога **Конвея Ллойда Моргана** (1852— 1936). Он ввел так называемый *«закон экономии»,* известный также как *«закон Ллойда Моргана»* («Введение в сравнительную психологию», 1894): не приписывать животному высшие психические способности, если его поведение можно объяснить механизмами более низкого психического уровня. Морган установил, что животные способны к научению и ввел термин «обучение путем проб и ошибок», обозначив им форму научения у животных[2]. В это же время **Джон Леббок** (1834 — 1913) занимался исследованиями поведения муравьев, ос, пчел[3]. Назовем также Леонарда Гопхоуза (1864— 1929)[4]. Несмотря на отход от антропоморфизма, этим биологам не удалось полностью избежать субъективизма в истолковании поведения животных: им приписывали сознание, старались определить его уровни и т. п.[5].

[1] *Дарвин Ч.* Соч.: В 9 т. Т. 5.— М., 1953. С. 239.

[2] *Морган Л.* Поведение животных.— СПб., 1909.

[3] *Леббок Дж.* Муравьи, осы и пчелы.— СПб., 1882.

[4] *Гопхоуз Л.* Ум в процессе эволюции.— СПб., 1901.

[5] В русской науке против очеловечивания животных выступал один из основоположников зоопсихологии в России В.А. Вагнер (1849—1934). С позиции эволюционной теории он анализировал сложнейшие формы поведения животных, их психику. Так он показал, что инстинкты произошли в процессе эволюции «под диктовку среды и под контролем естественного отбора». Он наблюдал факты «объективным методом» путем филогенетических и онтогенетических исследований.

230

Реакцией на антропоморфизм и субъективизм явилось механистическое направление: животные не только не обладают психикой человеческого рода и уровня, но вообще не имеют никакой психики (Ж. Фабр, *теория тропизмов* Жака Леба; школа «объективной сравнительной психологии» [А. Бете, Т. Беер, Э. Циглер, И. Икскюль]). Тенденция изображать животных как слепые машины породила реакцию. Американский натуралист, зоолог Г. Дженнингс показал, что уже простейших нельзя понять с помощью теории тропизмов и рассматривать их поведение как механический результат прямого воздействия внешнего раздражителя. В зависимости от общего физиологического состояния животного в данный момент его реакция изменяется, хотя внешний раздражитель остается тем же. Дженнингс обнаружил уже у простейших элементарные формы научения. Эти эксперименты свидетельствовали о том, что, по-видимому, психика у животных простирается до самых начальных — простейших их форм.

В конце XIX в. исследования по психологии животных особенно широко развернулись в Америке. Собственно экспериментальные исследования были начаты **Эдвардом Торндайком** (1874 — 1949). В книге «Ум животных» (1898) он доказывал, что высокоразвитые животные учатся совершенно слепо и выполняют действия объективно целесообразные и разумные, но без всякого понимания того, что они делают. По оценке И.П. Павлова, это было первое исследование на пути экспериментального объективного изучения

поведения животных. Торндайк ввел новую экспериментальную технику, которая вошла в золотой фонд сравнительной психологии (метод проблемного ящика и лабиринта). Был сделан вывод, что животные способны решать задачи только путем случайных проб и ошибок; сформулированы законы научения: закон эффекта (из нескольких реакций на одну и ту же ситуацию более прочно связывается с ситуацией, т. е. закрепляется та из реакций, которая сопровождается удовлетворением от награды); закон упражнения (реакция на ситуацию закрепляется пропорционально частоте, силе и длительности повторения); закон готовности (упражнения изменяют готовность синапсов к проведению нервных импульсов и способствуют более легкому установле-

231

нию связи, проторению новых путей); закон сдвига. Через несколько лет, в 1901 г., Э. Торндайк опубликовал монографию «Ум обезьян». Исследования Торндайка показали возможность объективного изучения поведения и этим проложили путь для бихевиоризма. Однако общая механистическая установка Торндайка и его выводы, согласно которым духовная жизнь сводилась к механическим ассоциациям, возбудили споры. Высказывались мнения, что искусственная ситуация лаборатории не может быть адекватным приемом для исследования поведения. Эти критические замечания нельзя было игнорировать. **В. Смолл** разработал лабиринтную модель поведения (1900). Крупные исследования в области зоопсихологии выполнил **Р. Йеркс,** замечательный экспериментатор. Их начало относится к 1900 г. («метод множественного выбора», с помощью которого исследовались процессы обобщения у животных, в том числе, у приматов («Умственная жизнь мартышек и человекообразных: изучение поведения, сопровождающегося идиацией», 1916). Важное значение имели исследования **В. Кёлера** поведения человекообразных обезьян. Кёлер дал экспериментальную критику позиции Торндайка, сформулировал требования, которым должна отвечать задача на исследование интеллекта животных, и дал объективные доказательства наличия у животных интеллекта[1].

Развитие биологии и углубление экспериментального анализа инстинкта, попытка понять биологическое значение изучаемых форм поведения привели в 1930-х гг. к созданию ***этологии*** как самостоятельной науки, изучающей поведение животных в естественных условиях (К. Лоренц, Н. Тинберген — в 1973 г. им была присуждена Нобелевская премия; К. Фриш).

Сравнительно-психологические исследования, развернувшиеся после Ч. Дарвина, помогают понять происхождение и развитие психики, раскрывают биологические предпосылки возникновения сознания человека. Здесь впервые сложились объективные методы исследования психики.

[1] В отечественной науке Н.Ф. Войтонис, Н.Н. Ладыгина-Котс, Г.З. Рогинский, Н.А. Тих исследовали развитие обезьян в онтогенезе, показали решающую роль манипулирования и ориентировочной деятельности для развития интеллекта.

232

Под влиянием Ч. Дарвина возникла как отдельная отрасль — детская психология. В 1876 г. **Ипполит Тэн** (1828— 1893), известный французский философ, психолог, литературовед и историк искусства, опубликовал статью «Заметки об усвоении речи у детей и в человеческом роде», в которой описал первые речевые проявления своей дочери. Ч. Дарвин является автором небольшой статьи «Биографический очерк одного ребенка» (1877), который представляет собой описание наблюдений за поведением сына с рождения до 10 мес. Вслед за этой статьей Дарвина стали появляться исследования в форме наблюдений над развитием ребенка[1] (Вильям Прейер, Джеймс Селли, Стенли Холл, Вильям Штерн, Карл Грос, Карл Бюлер и др.). Первой теорией в этой области явилась *теория рекапитуляции,* которую сформулировали Ст. **Холл** (1844—1924) и **Дж. Болдуин** (1861 - 1934). В ее основу был положен *биогенетический закон* Геккеля, перенесенный в детскую психологию из эмбриологии (Эрнст Геккель, дарвинист, в 60-х гг. XIX в. выступил с законом, в соответствии с которым зародыши высших животных повторяют в сокращенном виде общую эволюцию предшествующих животных форм: онтогенез ускоренно повторяет филогенез). Согласно закону рекапитуляции, в процессе индивидуального развития ребенок проходит (повторяет) этапы эволюционного процесса, а также культурного развития, которое прошло человечество: дикость, собирательский этап, охота, скотоводчество и др. Важнейшие стадии в их строго закономерной последовательности автоматически воспроизводятся одна за другой. Так, испытываемые ребенком противоположные чувства — страх перед водой и любовь к ней — это следы от тех времен, когда животные жили в воде, а затем избрали своим местопребыванием землю. Онтогенетическое развитие рассматривалось как биологически детерминированный процесс. Ст. Холл уделял много внимания педагогике (ему принадлежит термин *«педология»,* которым он обозначал общую науку о развитии ребенка). Болдуин считал, что

[1] В 1878 г. опубликована книга французского психолога и физиолога Б. Пере «Первые три года ребенка» и ряд других его работ, которые были высоко оценены современниками, в том числе в России.

233

онтогенетическое развитие не является полным повторением филогенеза и человеческой истории, в нем есть «пропущенные главы». Теория рекапитуляции была дополнена с учетом влияния внешних факторов на развитие ребенка. Результатом явилась теория *двух факторов* психического развития и их *конвергенции* **Вильяма Штерна** (1871-1938). Согласно Штерну, ребенок — это организм, который, появляясь на свет, уже имеет какие-то органические задатки, инстинкты, врожденные влечения. Штерн назвал их внутренними особенностями, или внутренним фактором, определяющим духовное развитие. Вторым фактором являются

влияния среды, природной и общественной. Они определяют фактическое развитие из задатков. Подчеркивается необходимость учитывать особый момент, наиболее благоприятный для соединения первого и второго факторов. Им являются сензитивные периоды в психическом развитии как наиболее благоприятные для воздействия внешних влияний, например, для обучения языку, музыке и т. д. Теория двух факторов, хотя и учитывает роль внешних влияний в развитии, является, как и теория рекапитуляции, концепцией фатальной предопределенности психического развития: воспитание, хотя его роль и признается, все же действует лишь в заданных природой пределах.

До настоящего времени можно говорить о распространенности теории двойной детерминации психического развития[1].

Под влиянием теории эволюции Ч. Дарвина возник вопрос о том, отличается ли и, если отличается, то чем, психика современного человека от психики первобытного (о первобытном состоянии можно судить, изучая современные народы, уровень развития которых соответствует первобытному). Возникли две школы. В Англии **Эдуард Тейлор** («Первобытная культура», 1870) выдвинул концепцию *первобытного анимизма.* К этой школе принадлежит также Джеймс Фрэзер («Золотая ветвь», 1890). Тейлор рассматривает многочисленные факты, в которых убедительно выступает

[1] *Бурменская Г.В., Обухова Л.Ф., Подольский А.И.* Современная американская психология развития.— М., 1986. С. 32.

234

исключительное своеобразие представлений о мире отсталых народов (обрядовые действия, вера в сновидения, мифы о природе, верования и др.). Являются ли они результатом различий в основных познавательных процессах или единый универсальный человеческий ум порождает различные картины мира в разных условиях жизни? По Тэйлору, на всех этапах исторического развития мышление человека всюду одинаково. Дикарь, так же, как и современный человек, пытается ответить на вопросы о законах мира, причинах событий, которые он наблюдает, о причинах явлений природы и приходит к представлению о призрачной душе. Душа представлялась в виде контура невещественного образа, по своей природе вроде пара, воздуха или тени. Она составляет причину жизни и мысли; обладает личным сознанием и волей своего телесного обладателя; способна покидать тело и переноситься с места на место; является спящим людям как образ, отделенный от тела, но сходный с ним; властвует над телом. Так рождается представление о двойственности человека как состоящего из тела и души. По аналогии с собой первобытный человек начинает рассматривать всю окружающую действительность и различает в ней эти же два начала: тело и душу. Так дикарь приходит ко всеобщему анимизму — одухотворению природы. Умственный механизм как современных, так и первобытных людей тождествен. Этот механизм при ограниченном опыте и недостаточных знаниях неизбежно должен был породить те мифы и представления, которые поражают современного человека. И если бы случилось, что культура исчезла, современный человек с такой же неизбежностью пришел бы к анимизму. Общее заключение Тейлора таково: «Предполагать, что законы умственного развития были различны в Австралии и Англии, во времена пещерных обитателей и во времена строительства домов из железа нисколько не основательнее, чем предполагать, что законы химических соединений во времена каменно-угольной формации были другие, чем в наше время»[1].

[1] *Тейлор Э.* Первобытная культура.— М., 1989. С. 119.

235

Вывод о неизменности мышления на всех этапах исторического развития человеческого опыта, основной тезис теории первобытного анимизма, оспаривался французской социологической школой, которая в начале XX в. выдвинула положение о качественном отличии первобытного мышления от мышления современного человека[1].

Контрольные вопросы

1. В чем заключается влияние естествознания на процесс становления психологии как самостоятельной науки?
2. Какие открытия в естествознании и медицине XIX в. оказались особенно значимыми для психологии?
3. В чем заключается значение трудов Г. Гельмгольца для психологии?
4. В чем состоит закон специфических энергий органов чувств? Кто сформулировал этот закон?
5. Важнейшие достижения в развитии органов чувств и их значение для психологии.
6. Как развивалось учение о рефлексе?
7. Какие теории о соотношении психики и мозга возникли в связи с исследованиями в области анатомии и физиологии мозга?
8. Какова роль психофизики Г.Т. Фехнера и психометрии Ф.К. Дондерса в становлении психологии как самостоятельной науки?
9. Какое влияние оказала эволюционная теория Ч. Дарвина на развитие психологии?

Литература

1. *Дарвин Ч.* Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография). Соч. Т.9. М., 1959.
2. *Дарвин Ч.* О выражении душевных движений у животных и человека. М.,1896.
3. *Лурия А.Р.* Психоморфологические представления и их кризис // Лурия А.Р. Высшие корковые функции. М.,1962. Ч.1. С. 5-20.

4. *Якунин В.А.* История психологии. СПб., 1998. Раздел IV. Гл 7,8. С. 258-320.

[1] См. раздел VI, главу 5 настоящего издания.

236

Раздел V. ВЫДЕЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ НАУКУ И ЕЕ РАЗВИТИЕ ДО ПЕРИОДА ОТКРЫТОГО КРИЗИСА (60-е гг. XIX в.- 10-е гг. XX в.)

237

Глава 1. ПЕРВЫЕ ПРОГРАММЫ ПСИХОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ

В. Вундт (1832-1920) (в центре) с сотрудниками. Лейпциг, 1912.

Первым вариантом психологии как самостоятельной науки явилась физиологическая психология **Вильгельма Вундта** (1832-1920). Свои исследования он начал в Гейдельбергском университете в области восприятия. Из них составилась книга «Очерки по теории восприятия» (1862). В этих «Очерках» Вундт развивает идеи о психологии как экспериментальной науке. В вышедших в 1863 г. «Лекциях о душе человека и животных» Вундт наряду с экспериментом в качестве источника психологического исследования называет анализ продуктов человеческого духа. Эти идеи наметили задачу развитой им впоследствии психологии народов. Так, к началу 1860-х гг. складывается программа психологии, объединяющая два метода — экспериментальный и культурно-исторический. Вышедшие в 1874 г. «Основания физиологической психологии» Вундта явились началом психологии как самостоятельной науки. Ее объектом объявляются те процессы, которые доступны одновременно и внешнему, и внутреннему наблюдению и имеют как физиологическую, так и психологическую сторону и потому не могут быть объяснены только физиологией или только

239

психологией: это ощущения и простейшие чувствования. По методу физиологическая психология есть психология экспериментальная. Начиная с 1875 г. Вундт действовал в Лейпцигском университете. Здесь в 1879 г. он создал психологическую лабораторию, на базе которой через два года был создан Институт экспериментальной психологии, с самого начала превратившийся в международный центр по подготовке психологов. Здесь учились Э. Крепелин, Г. Мюнстерберг, О. Кюльпе, А. Киршман, Э. Мейман, К. Марбе, Т. Липпс, Ф. Крюгер (Германия), Э. Титченер (Англия), Э. Скрипчур, Ф. Энджелл, Ст. Холл (Америка), В.М. Бехтерев, В.Ф. Чиж, Н.Н. Ланге (Россия) и др. Так сложилась школа Вундта, с которой начинается история психологии как самостоятельной науки.

Вместе с исследовательской Вундт вел большую преподавательскую деятельность. О ее масштабах можно составить представление по одному перечню курсов, которые Вундт читал в разные годы в Лейпциге: логика и учение о методе, психология языка, психология, общие результаты физиологии нервной системы и мозга в приложении к психологии, история новой философии, космология, элементы математической логики, элементы натурфилософии, психология народов, основы этики и философии права, основы метафизики и др.

1880-е годы известны как философская декада Вундта. В этот период выходят его книги и большие статьи по философии, логике, этике. В 1896 г. опубликованы «Очерки психологии», в которых дано краткое изложение психологической системы Вундта. В 1911 г. вышло «Введение в психологию». С 1900 г. начали выходить книги десятитомной «Психологии народов». Издание продолжалось до 1920 года. Его последняя книга — «Воспоминания» (Erlebtes und Erkanntes). Вундтом опубликовано 420 книг и статей. Умер Вундт 31 августа 1920 г.

Подвергнув критическому анализу прежние понимания предмета психологии (как науки о душе и о внутреннем опыте), Вундт дал новое определение психологии как науки о *непосредственном опыте.* Объект и субъект выступают в неразрывном единстве: всякий объект является представляемым объектом (Vorstellungsobjekt). Этот термин играет у Вундта ту же

240

Пансион «Trierianum» при Лейпцигском университете, в котором в 1879 г. был основан Институт экспериментальной психологии

роль, что и «нейтральные элементы» у Маха: за неразрывностью субъекта и объекта в опыте лежит тезис, ставящий под сомнение независимое от субъекта существование объективного мира. По характеристике С.Л. Рубинштейна, Вундт направил психологию по пути махистской ее переориентации.

Единый опыт может рассматриваться с двух точек зрения. «Эти точки зрения подсказываются нам тем, что каждый опыт расчленяется непосредственно на два фактора: на содержание, данное нам, и на способ нашего восприятия этого содержания»[1].

Опыт, взятый в отвлечении от познающего субъекта и направленный на выявление связей объективных явлений, изучает естествознание. Это опосредствованный опыт. Опыт, рассматриваемый в его отношениях к субъекту и в тех свойствах, которые ему приписываются субъектом, это непосредственный опыт, который и изучает психология. Психология, определяемая как наука о непосредственном опыте, является, по признанию самого Вундта, разновидностью эмпирической психологии, поскольку должна показать связь содержаний опыта в том виде, как она дана субъекту. Таким образом, объектом изучения в психологии остается сознание. В его описание, однако, Вундт вносит новые черты. В противоположность интеллектуализму всей прежней психологии Вундт рассматривает *психическое как процесс.* При этом воля берется как типический процесс. Вундт называет свою психологию *волюнтаристи-*

[1] *Вундт В.* Очерки психологии.— М., 1912. С. 4.

241

ческой, подчеркивая в то же время отличие своей системы от философского волюнтаризма Шопенгауэра.

Поскольку все науки изучают одни и те же предметы, но с разных точек зрения, постольку «нельзя допустить никакого принципиального различия между психологическими и естественно-научными методами»[1]. Поэтому в психологии также должны использоваться экспериментальные методы, «имеющие целью осуществить точный анализ психических процессов, подобный анализу, предпринимаемому естествознанием в применении к явлениям природы»[2]. Эксперимент не отменяет самонаблюдения, оно остается единственным прямым методом в психологии. Объективные явления — поведение, деятельность — Вундт исключал из психологии. «Человек сам — не как он появляется извне, но как он дан непосредственно себе самому» является собственно проблемой психологии. Эксперимент лишь позволяет сделать самонаблюдение более точным.

Однако не вся психика поддается экспериментальному изучению. Вундт ограничил эксперимент областью простейших психических процессов — ощущений, представлений, времени реакций, простейших ассоциаций и чувствований. Ограничение внутренне связано с особенностью вундтовского понимания эксперимента: это был не психологический, а психофизический и психофизиологический эксперимент, направленный на планомерное изменение материального раздражителя и объективную регистрацию связанного с ним эффекта.

Исследование высших психических функций и психического развития требует других методов. В качестве таковых Вундт считал анализ продуктов человеческого духа, которые являются продуктом общения множества индивидов: языка, мифов, обычаев. Эту часть психологии он назвал психологией народов, противопоставив ей индивидуальную экспериментальную психологию. С введением Вундтом двух психологий, отличающихся по содержанию и методам, различно ориентированных — на естествознание и науки о духе,

[1] *Вундт В.* Очерки психологии.— М., 1912. С. 9.

[2] Там же.

242

происходит раскол единой науки, который явился одной из причин и характерной чертой открытого

кризиса, разразившегося в психологии в начале второго десятилетия XX в.

Психологическая система Вундта включала изучение элементов (ощущений и чувствований), анализ связей между элементами и продуктов этих связей, исследование законов душевной жизни. В этой программе отчетливо выступает атомизм Вундта, характерный для ассоциативной психологии: простейшие элементы, сенсорные по своей природе, первичны, сложные образования вторичны. Однако Вундт борется с крайностями ассоцианизма: в продуктах ассоциаций он обращает внимание на возникновение нового качества, не сводимого к сумме свойств исходных элементов. Все ассоциации Вундт подразделяет на одновременные и последовательные, которые в свою очередь имеют несколько форм: одновременные существуют в форме слияния, ассимиляции—диссимиляции и компликации, последовательные — узнавания и воспоминания. За этими видами ассоциаций скрываются восприятие и память. Вундт борется с функционализмом старой психологии и рассматривает их как результат единого механизма ассоциаций. При этом ассоциации характеризуются как пассивный процесс, который протекает без активного участия субъекта. В психологии Вундта нет субъекта, нет личности: «...все психическое — это непрестанная смена явлений, постоянное возникновение и созидание... Нигде эти факты действительной душевной жизни не нуждаются в другом субстрате для своего истолкования, кроме того, который дан в них самих»[1]. Кроме ассоциативных, Вундт различает апперцептивные связи. Они складываются при активном участии сознания. Апперцепция — это особая функция сознания, которая проявляется в активности субъекта и внешне выражается во внимании. Из всей совокупности содержаний, находящихся в сознании, т. е. просто перципируемых, апперцепция или внимание, выделяет объект, вследствие чего его восприятие становится более ясным и отчетливым; оно входит в ясную точку сознания — апперципируется. Когда ап-

[1] *Вундт В.* Введение в психологию.— М., 1912. С. 149.

243

перцепция направлена на выбор между разными основаниями в процессе подготовки к действию, она есть воля. Вундт сближает понятия апперцепции, внимания и воли и даже отождествляет их. Продуктом апперцепции являются апперцептивные сочетания представлений. Мышление и воображение выступают функциями апперцепции. Выступая объяснением сложных явлений душевной жизни, сама апперцепция не объясняется: ее источник в самом сознании.

Последним разделом психологии Вундта является учение о законах психической жизни. В нем отражается попытка выйти за рамки описания, выявить собственные свойства субъективного мира — их Вундт называет самостоятельной психической причинностью, в отличие от физиологических механизмов психических процессов.

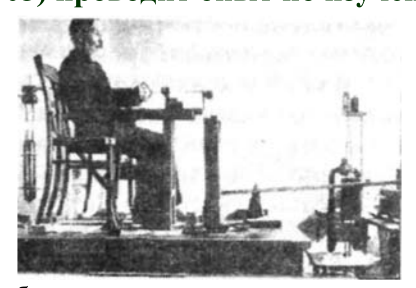
Это законы творческих производных, гетерогонии целей, связующих отношений и психических контрастов. В них выражается собственная внутренняя связь психических процессов, поскольку она дана нам во внутреннем восприятии как качественно своеобразная сторона жизни человека, не сводимая к законам природы. Психологию Вундта заключает принцип актуальности души, под которым он понимал связь всех переживаний сознания и который отличал от всех представлений о душе как самостоятельной субстанции.

Выдвинутая Вундтом программа была масштабной и охватывала практически все проблемы психологии — от простейших ощущений до проблем культуры в их тесной связи с историей. Ее можно назвать структурализмом по тому подходу к задачам, которые ставил Вундт перед психологией. Предметом психологии являются содержания сознания, ибо только их можно наблюдать. Психологии Вундта свойственны элементаризм и сенсуализм, она замкнута содержаниями сознания, которые изучаются в обособлении от поведения. Задача психологии — «анализировать психические процессы в их собственной связи и поскольку они нам вообще даны как процессы, находящиеся во внутренней связи друг с другом»[1]. Психологов, которые придерживаются такой позиции в психологии, И.М. Сеченов назвал «обособителями психического».

[1] *Вундт В.* Введение в психологию.— М., 1912. С. 139.

244

И.М. Сеченов (1829-1905) проводит опыт по изучению работы мышц рук

Из всего сделанного Вундтом наиболее исторически значимым явилось введение им в психологию эксперимента, организация Института экспериментальной психологии и основание специального журнала «Психологические исследования» (первоначально «Философские исследования»), который явился (после «Mind», основанного А. Бэном в 1876 г.) первым собственно психологическим журналом.

Одновременно с Вундтом в России с программой построения психологии выступил **Иван Михайлович Сеченов** (1829-1905). Сеченов окончил Военное инженерное училище в Петербурге и медицинский факультет Московского университета. В обстановке острых дискуссий, развернувшихся в России по коренным мировоззренческим вопросам, касающимся природы человека, души, свободы воли, детерминации поведения, Сеченов осуществляет ряд работ, направленных на разрешение труднейших психологических проблем. «Моя задача,— писал он,— заключается в следующем: объяснить деятельностью уже известной читателю анатомической схемы (имеется в виду простой рефлекс.— прим. *А.Ж.)* внешнюю деятельность человека... с идеально сильной волей, действующего во имя какого-нибудь высокого нравственного принципа и отдающего себе ясный отчет в каждом шаге — одним словом, деятельность, представляющую высший тип произвольности»[1]. Результатом работ Сеченова явилось новое представление о психике и задачах психологии как науки. Сеченова можно по праву считать основоположником отечественной научной психологии. Его важнейшие

[1] *Сеченов И.М.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 1.— М., 1952. С. 52.

245

труды по психологии: «Рефлексы головного мозга» (1863), в которых сформулирована рефлекторная теория в связи с проблемой произвольных и непроизвольных движений; «Кому и как разрабатывать психологию» (1873), здесь в полемике с К.Д. Кавелиным излагается общая программа построения психологии, взгляды на предмет, метод и задачи психологии; «Элементы мысли» (1878), здесь дается естественно-научная разработка мышления как итог исследования познавательных процессов; статьи 1990-х гг.: «Впечатления и действительность», «Предметная мысль и действительность», «О предметном мышлении с физиологической точки зрения» и др.

В «Рефлексах головного мозга» Сеченов поставил задачу «доказать возможность приложения физиологических знаний к явлениям психической жизни»[1]. Решение этой задачи вылилось в *рефлекторную теорию психического.* По Сеченову, способность воспринимать внешние влияния в форме представлений (зрительных, слуховых и т. п.) складывается в опыте по типу рефлексов; способность анализировать эти конкретные впечатления, память, все психические акты развиваются путем рефлекса. Схема психического процесса та же, что и схема рефлекса: психический процесс берет начало во внешнем воздействии, продолжается центральной деятельностью и заканчивается ответной деятельностью — движением, поступком, речью. Психический процесс возникает и завершается в процессе взаимодействия индивида с окружающим миром, значит, влияние извне в форме чувствования первично. Мотивы, отвлеченные представления не являются первоначальными причинами наших поступков. В объяснении психики нужно исходить не из психики, несмотря на то, что «голос самосознания... говорит мне донельзя ясно десятки раз в день, что импульсы к моим произвольным актам вытекают из меня самого и не нуждаются, следовательно, ни в каких внешних возбуждениях»[2]. Сеченов предпринимает попытку «вырвать» психологию из замкнутого мира внутреннего сознания,

[1] *Сеченов И.М.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 1.— М., 1952. С. 52.

[2] *Сеченов И.М.* Избранные... С. 159.

246

К.Д. Кавелин. Писатель, юрист, философ. Известен в связи с полемикой с И.М. Сеченовым по вопросам развития психологии как самостоятельной науки

объяснить происхождение психических процессов, проследить становление сознания в онтогенезе. Таким образом, рефлекторный принцип не означает сведения психического к физиологическому. Речь идет о сходстве между ними по структуре и по происхождению. «Первоначальная причина всякого поступка лежит всегда во внешнем чувственном возбуждении...» Рефлекторный подход предполагает также изучение мозговых механизмов психических процессов. Решение этой задачи стало предметом научной деятельности И.П. Павлова, А.А. Ухтомского и др.

Так, с помощью рефлекторного принципа психическое получает свое причинное объяснение, сохраняя при этом качественную, не сводимую к физиологической, характеристику. Его дальнейшая разработка

происходит в статье «Кому и как разрабатывать психологию», написанной в связи с книгой историка-публициста **Константина Дмитриевича Кавелина** «Задачи психологии» (1872).

Изучение русской истории, этнографии и правоведения привело Кавелина к проблеме личности в ее взаимоотношениях с обществом. Это обусловило обращение к психологии и этике. Современное психологическое знание Кавелин оценил как ошибочное и в книге «Задачи психологии» изложил свое понимание психологии как положительной самостоятельной науки. Признавая, что «психическая жизнь имеет материальную подкладку» (деятельность мозга и нервов), он выступил против сведения психического к физическому. «Психологическое исследование начинается там, где заканчивается физиологическое»,— писал он. Психическому Кавелин приписывал свойства идеальности, сознательности и

247

произвольности. Признавая недостаточность интроспекции как субъективного метода, он указал на факты объективного воплощения жизни души во внешней деятельности человека: «слова и речь, сочетания звуков, художественные произведения, гражданские и политические уставы, памятники исторической жизни», расценивая эти факты как «материал психологических наблюдений и исследований». Эти и другие проницательные мысли Кавелина, однако, не воплотились в реальную исследовательскую программу, в отличии от работ И.М. Сеченова, на что указал еще Ю.Ф. Самарин в своем доброжелательно-критическом рассмотрении книги Кавелина[1].

И.М. Сеченов так сформулировал задачу психологии: «Научная психология... не может быть ничем иным, как рядом учений о происхождении психических деятельностей»[2]. Объяснить происхождение — значит показать протекание психического акта: его начало, центральную фазу и конец. В такой трактовке задачи психологии заключено требование выйти за пределы сознания в систему объективных отношений человека с миром, раскрыть условия, определяющие тот или иной характер действий человека, описать внешние проявления психических явлений, т. е. отнестись к фактам сознания научно, объективно.

Указав на бесплодность интроспективного метода, Сеченов развивает идеи генетического подхода в психологии: «Следить исторически за ходом развития человека... с его рождения на свет, подметить главнейшие фазы в том или другом периоде и вывести всякую последующую фазу из предыдущей» ибо «из реальных встреч ребенка с окружающим миром и складываются все основы будущего психического развития»[3]. При этом Сеченов требует не ограничиваться описанием, а искать «реально-психическую подкладку» изучаемых явлений сознания.

Сеченов развивает представления об активном деятельностном характере чувственного познания. Так,

[1] *Самарин Ю.Ф.* Разбор сочинений К.Д. Кавелина «Задачи психологии» // Самарин Ю.Ф. Соч. Т. 6.— М., 1887.

[2] *Сеченов И.М.* Избранные... С. 209.

[3] Там же. С. 210, 212.

248

смотрение он называет действием: глаз выпускает «щупала», могущие сильно удлиняться или укорачиваться с тем, чтобы свободные концы их, сходясь друг с другом, прикасались к рассматриваемому в данный момент предмету» [1]. Эти идеи Сеченова встретили критику[2]. Программа Сеченова подводила к изучению целостного поведения. В своем принципиальном содержании эта задача решается и современной психологией.

В то же время программе Сеченова, базирующейся на естественно-научном материализме, свойственна историческая ограниченность. Признавая социальную обусловленность человеческого сознания, отмечая «преемственный ход развития всего психического содержания по мере накопления знаний»[3], Сеченов не смог включить эту реальность в свою программу. Его подход намечал путь объективного исследования явлений сознания в основном как продуктов взаимодействия индивида с предметным миром. Используя генетический метод, Сеченов показывает, что речевое — символическое абстрактное мышление и волевой акт личности, самосознание «Я» имеют свои генетические корни в открытой для объективного наблюдения системе отношений. Сеченов оказал огромное влияние на мировую и отечественную психологию. Его традиции продолжены Н.Н. Ланге, В.М. Бехтеревым, в физиологии И.П. Павловым, А.А. Ухтомским. Глубокое влияние Сеченова на отечественную науку продолжается и сегодня[4].

[1] *Сеченов И.М.* Избранные... С. 521.

[2] *Радлов ЭЛ.* Натуралистическая теория познания (по поводу статей проф. И.М. Сеченова) // Вопросы философии и психологии. Кн. 25(5).— 1894.

[3] *Сеченов И.М.* Избранные... С. 159.

[4] См. книги: Иван Михайлович Сеченов. К 150-летию со дня рождения / Под ред. П.Г. Костюка и др.— М., 1980; *Ярошевский М.Г.* Сеченов и мировая психологическая мысль.— М., 1981; *Ярошевский М.Г.* Наука о поведении: русский путь.— Воронеж, 1996. С. 131-206.

Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ

Э. Титченер (1867-1927)

С самого начала существования психологии как самостоятельной науки наметились различные подходы к пониманию ее предмета, методов и задач. Вундтовские традиции развивались **Эдвардом Титченером** (1867— 1927) и психологами, сгруппировавшимися вокруг него в Корнелльском университете в США. Этот университет благодаря усилиями Титченера стал крупным психологическим центром и одним из первых положил начало экспериментальной психологии в США. Титченер в основном разделяет вундтовское понимание предмета психологии как науки о непосредственном опыте. Свою психологию он назвал структурной психологией, противопоставляя свой подход функционализму американской психологии. Согласно его точке зрения, психология должна изучать структуру — материю сознания как совокупность отдельных элементов, далее не поддающихся анализу, совершенно простых по своей природе. Изучать сознание в терминах элементов, т. е. в отличие от всех функциональных отношений, от их роли в поведении, только в связи с нервным субстратом: считалось, что физиологические основы объясняют психические процессы. Отсюда троякая цель психологии. Она стремится «анализировать конкретное данное душевное состояние, разложив его на простейшие составные части; найти, каким

250

образом соединены эти составные части, законы, управляющие их комбинацией; привести эти законы в связь с физиологической организацией»[1].

Сознание образует особый внутренний мир. Проникнуть в него можно только с помощью метода *аналитической интроспекции.* Этот метод является одним из вариантов интроспекции. В отличие от такого его понимания, в соответствии с которым в явлениях сознания открываются содержания вещей, т. е. не психологические факты, аналитическая интроспекция дает материал о собственно психологических фактах; из интроспективного отчета Титченер требовал исключить все, что имеет отношение к физической природе стимула, к значению, поскольку эти моменты не открываются в самонаблюдении. Оставить в самоотчете исключительно «чистое содержание сознания», ибо только оно может быть воспринято интроспективно. В интроспективном отчете испытуемый не должен подменять психические явления тем предметом, который вызывает эти явления, т. е. не совершать «ошибки стимула». Например, вместо того чтобы сказать «дорога неровная», психолог должен говорить «давление на подошвы моих ног становится все более неодинаковым», т. е. называть только свои непосредственные ощущения. За пределами Корнелля эти различия редко кто понимал, но Титченер придавал им принципиальное значение. Были разработаны требования к самонаблюдению: необходимо создать хорошие условия, чтобы исключить внешние влияния, внимательно следить за ходом сознания, выразить его явление словами, стараться не отвлекаться, внутренне проникнуться задачей и т. п. Метод аналитической интроспекции ограничен областью собственного сознания. Непосредственно известна каждому только собственная душа. Исследовать психику животных, детей, психически больных, а также социально-психологические процессы можно по аналогии с данными собственного самонаблюдения, поскольку ощущения у всех одинаковы. Титченер не поддерживал идею индивидуальной дифференциальной психологии. В ряде выступлений, в частности в статьях «Постулаты структурной психологии» (1898),

[1] *Титченер Э.* Очерки психологии.— СПб., 1898. С. 10.

251

«Схема интроспекции» (1912), Титченер развивает идеи об аналитической интроспекции, защищая этот метод от справедливых нападок в связи с его ненадежностью. Так, валидность интроспекции нельзя, по Титченеру, оценивать путем отсылки к стимулу, ибо она интересуется содержанием сознания, а не его соответствием стимулу. В защите аналитической интроспекции Титченер проявляет настоящую самоотверженность.

В качестве первичных элементов сознания Титченер выделяет ощущения, образы, чувства.

Ощущения обладают качеством, интенсивностью, отчетливостью и длительностью. Составляют характерные элементы восприятий. Образы — это следы прежних ощущений, от которых отличаются меньшей отчетливостью. Составляют характерные элементы представлений памяти и воображения. Чувства — любовь и ненависть, радость и печаль; обладают качеством, интенсивностью, длительностью. Это элементы душевных движений. Задача психологии заключается в том, чтобы описать эти элементы с использованием эксперимента, который уточняет данные самонаблюдения, объяснить их главным образом с помощью физиологии, и показать, что, будучи сгруппированы и распределены известным образом, они образуют различные сложные процессы, из которых состоит наше сознание. Внимание, мышление имеют сенсорную природу и не содержат нового элементарного процесса, подобного рассмотренным трем. Титченер спорит с вюрцбургскими психологами по вопросу безобразного мышления и выдвигает контекстную теорию значения. Система Титченера представляет собой концентрированное выражение интроспективной трактовки психики. Психическое ограничивается здесь сферой осознанного и исследуется как замкнутое в себе сознание. Показания самонаблюдения принимаются за то, за что они сами себя выдают, т. е. проводится тезис о непосредственном познании психического, о совпадении явления и сущности в психологии. Система Титченера занимала особое место в американской психологии и, составляя особую школу, не стала ее органической частью. Американских психологов интересовали человеческие способности и индивидуальные различия. Как писал

252

Боринг, «Титченера интересовал ум, а американцев — умы». Эта психология находилась, по существу, в изоляции. Реакцией на это направление был функционализм. Расхождение между структурным и функциональным подходами в американской психологии было характерно и для европейской науки и, может быть, исходит из нее: идейным истоком функциональной психологии является психология акта австрийского философа и психолога Ф.Брентано.

Франц Брентано (1838— 1917) выдвинул программу, которая противостояла как традиционной элементаристской ассоциативной психологии, так и новой психологии Вундта. На формирование его философских и психологических взглядов оказали особенно большое влияние Аристотель и схоластика, а именно те аспекты этих систем, в которых жизнь души выступает как активное начало, а не только как воспринимающая воздействия извне, как учила вся эмпирическая психология, начиная от Локка. В главном труде «Психология с эмпирической точки зрения» (1874) Брентано противопоставляет экспериментальному методу Вундта (значение которого, как и измерения, с его точки зрения, является весьма ограниченным для психологии) внутреннее восприятие психических феноменов. Метод Брентано был вариантом субъективного метода самонаблюдения. Главным для него был вопрос о сущности психического как предмета психологического исследования. Он выступает против психологии как науки о содержаниях сознания. Подлинной психологической реальностью являются не они, а акты нашего сознания. «Примерами психических феноменов являются любые представления с помощью ощущения или фантазии, и я понимаю здесь под представлением не то, что представляется, но акт представления»[1].

Психические феномены Брентано противопоставляет физическим. «Примерами физических феноменов являются цвет, фигура, ландшафт, которые я вижу; аккорд, который я слышу; тепло, холод, запах, которые ощущаю, а также сходные картины, которые являются мне в фантазии»[2].

[1] *Brentano Fr.* Psychologie vom empirischen Standpunkt. Bd. 1.— Leipzig, 1874. S. 103-104. [2] Там же.

253

Таким образом, предметом психологии являются психические феномены как акты — видения, слышания, суждения и т. п. Но акт не имеет смысла, если он не направлен на объект. Акт *интенционально* содержит в себе что-то как объект, на который он направлен. Поэтому основная характеристика психологических актов, по Брентано, заключается в том, что они обладают имманентной предметностью, т. е. всегда направлены на объект. Сознание есть всегда сознание о... Но каждый акт содержит в себе объект как свой предмет особым способом: «В представлении что-то представляется, в суждении что-то признается или отвергается, в любви любится, в ненависти ненавидимо, в желании желаемо и т. д.»[1]. Предметы, в смысле Брентано, обладают не реальным материальным, а интенциональным бытием. Это идеальные объекты, которые сами находятся в душе. Брентано как бы помещает весь предметный мир в душу человека. Соответственно способу отношения к предмету Брентано производит классификацию духовных актов на три вида: акты представления (Vorstellungen), акты суждения (Urteile), акты чувства

(Gefühle). В представлении предмет является — презентируется — сознанию. Модификациями этого акта являются восприятие, воображение, понятие. Среди всех психических актов представлению принадлежит ведущая роль. «Ни о чем нельзя судить, ничего нельзя желать, ни на что нельзя надеяться, ничего нельзя бояться... если нечто не представлено»[2]. Суждение — другой вид отношения к объекту. В отличие от традиционного ассоцианизма, в котором суждение понимается как объединение или разъединение представлений, по Брентано, в суждении объект мнится как истинный или ложный. В актах чувства субъект относится к своему объекту как к добру или злу. Этот класс психических феноменов охватывает также желание и волю. Учение о чувствах Брентано положил в основу своих этических представлений.

Выделяя три вида актов, Брентано подчеркивал их единство в целостной душевной жизни, в отличие от физического мира, в котором объекты могут существо-

[1] *Brentano Fr.* Psychologie... S.115.

[2] Ibid. S. 104.

254

вать как отдельные вещи. Многообразие же соответствующих актов ощущения, видения, слуха, ощущений тепла и запаха и вместе с ними одновременные желания и чувствования и размышления, как и внутреннее восприятие, которое «...дает нам о них все знание, мы вынуждены охватывать как частичные феномены одного единого феномена...»!. Сознание в единстве его актов Брентано сравнивает с рекой, в которой одна волна следует за другой.

В психологии интенциональных актов поставлены три важных вопроса психологии сознания — предметности, активности и единства.

Поднятые в психологии Брентано проблемы получили последующее развитие в психологии функций К. Штумпфа, в австрийской школе. Она оказала влияние на Вюрцбургскую школу, гештальтпсихологию, на английскую психологию Г.Ф. Стаута и Дж. Уорда и более опосредованное на персоналистическую психологию, психоанализ Фрейда, для которого курс Брентано был единственным не медицинским курсом, прослушанным за время учебы в Венском университете. В философии особенное развитие идеи Брентано получили у его ученика Э. Гуссерля (1859— 1938), родоначальника феноменологии.

В австрийской школе ученик Брентано А. Мейнонг (1853— 1920) создал «теорию предметов», ставшую теоретической основой проблемы целостности в Грацкой школе. Не останавливаясь на ее анализе, необходимо отметить, что эта теория восполнила известную односторонность психологии Брентано, из которой исключался анализ содержательной стороны сознания. Другой австрийский психолог, **Христиан фон Эренфельс** (1859— 1932), сделал предметом специального экспериментального исследования некоторые факты из области восприятия целостных объектов — мелодий и геометрических форм, описанные Э. Махом в его книге «Анализ ощущений» (1866). Он обозначил их термином *Gestaltqualität* — *гештальт-качество,* или *качество формы* (1890). По Эренфельсу, гештальт-качество характеризуется следующими признаками: сверхсуммативностью — целое больше суммы образующих его

[1] *Brentano Fr.* Psychologie... S. 125-126.

255

К. Штумпф (1848-1936)

частей и транспонируемостью (переносом) — гештальт-качество сохраняется при значительном изменении характерных его частей. Он предположил, что выделенные им содержания сознания являются продуктом особой деятельности сознания, подтвердив этим теоретические представления Брентано об актах.

Открытие Эренфельса не привело к смене элементаристской парадигмы. Введенное им понятие стало

основной категорией нового направления психологии XX века — гештальтпсихологии.

Настоящее экспериментальное развитие учение Брентано об акте получило в психологии функций **Карла Штумпфа** (1848-1936), крупного немецкого психолога, основателя психологического института при Мюнхенском (1889) и Берлинском (1893) университетах. Учениками Штумпфа в разное время были Э. Гуссерль, а также К. Коффка, В. Кёлер, М. Вертгеймер, К. Левин, впоследствии основатели гештальтпсихологии. Центральным понятием психологии Штумпфа является понятие *функции,* которое соответствует понятию акта Брентано. Штумпф различает явления сознания, психические функции, их продукты (например, понятие как продукт понимания). При этом именно функции составляют самое существенное в душевной жизни и задачу исследования. Явления лишь материал для работы душевного организма. В то же время «функции немыслимы без содержания», они отделимы только логически. Именно в зависимости от функции мы замечаем в целостном явлении его части, например, определенный тон в аккорде. Главный признак функции — *процесуальность,* явления лишены его. Функцию Штумпф определяет как «деятельность самого процесса или переживания». Штумпф производит классификацию функций: восприятие, акт обращения внимания, соединение нескольких явлений в комплекс, образова-

256

ние понятий, понимание и суждение, чувства, желания, воля. Их экспериментальное исследование осуществлялось на материале слуховых восприятий, в частности музыки. На процессуальность как важнейшую особенность психического позже указывали А.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев. В их трудах это представление получило воплощение в конкретных исследованиях. Так А.Н. Леонтьев различал психику как образ и психику как процесс. «В мышлении это мышление и понятие, восприятие — воспринимание и образ. Я буду называть психику как явление, образ — просто образом, а психику как процесс — просто процессом... всякое психическое образование как образ есть не что иное как свернутый процесс... Кто не понимает после Выготского, что за значениями лежит система операции, что адекватную характеристику значения получают в системе возможных операций, что характеризовать операции или характеризовать значения — это одно и то же... В сущности исследование понятий на уровне, достигнутом Выготским, есть исследование операций»[1].

К взглядам Брентано близка психология **Теодора Липпса** (1851 — 1914).Липпс определял психологию как науку о сознании, связанном с предметно-реальным миром, т. е. с миром, независимым от сознания. Взаимоотношения между «Я» и предметом осуществляется с помощью актов и деятельности нашего «Я» и проявляется в глубочайшем единении между мной и предметом. Липпс ввел понятие *вчувствования (эмпатия,* Einfühlung), которое определял как «объективированное самочувствие», позволяющее понимать чужую жизнь сознания, воспринимать мир природы, проецируя в него и вместе с тем объективируя в нем то, что «Я» непосредственно может найти в себе самом.

На американском континенте идеи психологии акта превратились в большое самостоятельное направление — *функционализм.* У истоков его стоит психология **Уильяма Джемса** (1842— 1910). Его главный труд «Основы психологии» (в 2 т., 1890). Вскоре после его написания Джемс оставляет психологию, посвящает

[1] *Леонтиев А.Н.* Проблемы психологии деятельности // Леонтьев А.Н. Философия психологии. М., 1994. С. 255.

257

У. Джемс (1842-1910)

себя философии и становится известным как прагматист. По точной оценке Н.Н. Ланге, Джемс оказал большое влияние на развитие психологии необычным мастерством в описании душевной жизни, «...точно обратил нас к непосредственному опыту, закрытому до сих пор теоретическими построениями»[1]. Джемс отвергает атомизм современной ему психологии. Собственное самонаблюдение, которому должна следовать психология, показывает каждому человеку, что эти гипотетические элементы ему недоступны. В самонаблюдении нам открываются не эти атомы, а некоторые цельные конкретные состояния личного сознания. Они *изменчивы:* минувшее состояние сознания не может снова возникнуть и буквально повториться. Тождествен воспринимаемый нами объект, а не наши ощущения. Уже поэтому неправильно смотреть на психическую жизнь как перетасовку и ассоциацию одних и тех же идей. Психическая жизнь есть постоянная смена качественностей. В сознании нет связок. Оно течет непрерывно. Постоянная смена

качественностей составляет *поток сознания.* В его *непрерывном потоке* выделяются некоторые переходные состояния. Подобно полету птицы, он составляется как бы из сменяющихся полетов и присаживаний. Места отдыха обыкновенно заняты какими-либо чувственными образами, места полета заполнены мыслями об отношениях, которые существуют между предметами, наблюдаемыми в периоды относительного отдыха. Эти состояния, т. е. сознавание отношений между явлениями сознания — пространственных, временных, сходства, различия, невозможно схватить самонаблюдением. Характерной чертой потока сознания является наличие психических обертонов, неопределенных образов, смутных и неотчетливых явлений сознания. Сознание отличается *селективностью,* т. е. избирательностью: в

[1] *Ланге Н.Н.* Психология.— М., 1914. С. 53.

258

нем всегда одно состояние выдвигается вперед, другое, наоборот, отходит на задний план в соответствии с тем, что нужно, важно, интересно данному индивиду. Селективность отличает наши переживания, во внешнем мире все предметы имеют одинаковую степень реальности.

Вопрос о связи состояний сознания с мозгом решается Джемсом в его теории *психического автоматизма.* Согласно этой теории, душевная жизнь человека протекает рядом с телесной, «причем каждому моменту одной соответствовал бы известный момент в другой, но между тем и другим не было бы никакого взаимодействия. Так мелодия, льющаяся со струн арфы, не замедляет и не ускоряет колебания последних, так тень пешехода сопровождает его, не влияя на скорость его шагов.»[1] По существу, эта теория является разновидностью *концепции психофизического параллелизма.* Все душевные процессы являются функцией мозговой деятельности, изменяясь параллельно последней и относясь к ней как действие к причине. Эта теория неизбежно приводит к пониманию психической жизни как двойника физиологических процессов, лишенного самостоятельной ценности. Данный вывод противоречит здравому смыслу (который говорит, что у нас есть сознание и раз оно возникло, то, подобно всем другим функциям, оно целесообразно) и теории эволюции. Однако несмотря на указанные противоречия, в силу трудности объяснить содержание процесса соотношения психических явлений и работы мозговых механизмов, теория параллелизма получила распространение. Хотя разрешить эти трудности невозможно, в описании сознания, считает Джемс, надо следовать традиционной терминологии: «Я буду так выражаться, как будто сознание в самом деле направляло процессы в нервных центрах согласно его целям, а не являлось бессильным пассивным зрителем смены житейских явлений»[2].

В целом Джемс весьма пессимистически оценивал состояние психологии, сравнивая ее с кучей сырого фактического материала, считал, что ее нельзя назвать наукой. Новейшую экспериментальную психологию,

[1] *Джемс* У. Психология.— СПб., 1896. С. 76.

[2] Там же. С. 77-78.

259

зародившуюся в Германии, он описывал с уничтожающей иронией, называя Вебера, Фехнера и Вундта «философами призмы, маятника и хронографа», занятыми «выслеживаниями и выпытываниями». Также скептически он отнесся к психоанализу Фрейда. Ближе всего для него непосредственное наблюдение и сознание как его объект.

Джемс расширил понятие опыта, включив в него *религиозный опыт.* Он описал его жизненность и значительность в жизни человека с необычайной яркостью и искренностью[1]. При этом как противник рационализма он указал, что состояния веры могут не включать интеллектуального содержания. Процесс общения с идеальным миром дает человеку новые силы. Так психология Джемса смыкается с прагматизмом его философии.

В связи с размышлениями о сущности сознания он наметил новый подход к его исследованию. «Я отрицаю сознание как сущность, как субстанцию, но буду резко настаивать на его значении в качестве функции... Функция эта — познание. Необходимость сознания вызвана потребностью объяснить факт, что вещи не только существуют, но еще не отмечаются и познаются»[2].

Эти идеи навеяны успехами в биологии, которая показала, что «различные виды наших чувств и способы мышлений достигли теперешнего состояния в силу своей полезности для регулирования наших воздействий на внешний мир»[3]. Именно эти идеи Джемса дали начало новому направлению американской психологии — *функционализму.*

Наиболее ярко и последовательно это широко распространенное в США в начале XX в. направление представлено психологами Чикагской школы (Дж. Дьюи, Дж.Р. Энджелл, А.У. Мур, Дж.Г. Кэрр и др.). Существовало до 1916 г., после чего перешло в бихевиоризм. Начало этому движению положила статья **Джона Дьюи** «Понятие рефлекторной дуги в психологии»

[1] Джеймс У. Многообразие религиозного опыта.— СПб., 1993.

[2] Джемс *В.* Существует ли сознание? // Новые идеи в философии. Сб. 4 — М., 1913. С. 103-104.

[3] Джемс У. Психология... С. 4.

260

Дж. Дьюи (1859-1952)

(1896), направленная против атомизма в понимании рефлекторного акта. Выделяемые обычно элементы — стимул и ответная реакция — в действительности не существуют как отдельные. Они находятся внутри координации и соответствуют ее разным фазам. «Стимул является той фазой формирующейся координации, которая представляет условия, необходимые для достижения успешного результата; реакция является той фазой этой же координации, которая дает возможность достигнуть соответствия этим условиям и служит инструментом в достижении успешной координации. Поэтому они являются строго соответствующими друг другу и совпадающими во времени»[1]. По аналогии с рефлексом психика также должна рассматриваться в связи со своей полезной функцией в поведении.

Социальную почву функционализма составляет прагматизм, который пронизывал всю американскую идеологию, ее философию и науку. Практическая полезность идей считалась их главным свойством. В этой обстановке анализ сознания, лишенный практической значимости, как это было в структурализме Титченера, вызывал протест.

Функционализм вместо анализа сознания со стороны содержания в терминах составляющих его элементов требовал рассмотрения сознания со стороны его функции в поведении. Вместо анализа сознания по типу «что» анализ сознания по типу «как», «почему» совершается умственная операция, как работает ум, когда он имеет дело с окружающим миром, каковы операции, посредством которых сознание решает определенные задачи в том или ином приспособительном акте. Предметом изучения объявляется функция, т. е. операция. Изучить функцию — значит раскрыть ее коорди-

[1] *Dewey I.* The reflex arc concept in Psychology // Psychol. Rew.— 1896. V.3. № 4. P. 370.

261

нацию, с одной стороны, с организмом, с состоянием потребности, которую она удовлетворяет[1], и с внешней средой, на которую эта функция направлена. Психическая функция, рассматриваемая со стороны ее полезности в практических ситуациях, является инструментом приспособления к окружению. Нацеленность на анализ психики в жизненных ситуациях способствовала развитию прикладных областей — тестирования, педагогической, медицинской, юридической, промышленной психологии. Так, Дьюи занимался проблемами обучения. Психологи этого направления выступили против представлений Титченера о психологии как чистой науке. Напротив, функционалист «находит какое-то удовольствие в общественном применении его трудов»[2]. То, от чего отвлекался структурализм — значение, ценность, отношение, не должны быть исключены из психологии только по причине их ненаблюдаемости. Следующим требованием функционалистов было не ограничиваться только областью сознания, но рассматривать целостный организм в единстве разума и тела. Функциональная психология как одна из новых точек зрения оказалась полезной для становления *прикладных отраслей психологической науки* — педагогической, промышленной и др. Она оказала влияние на психологов в ряде стран. Ее сторонниками были швейцарский психолог Э. Клапаред (1873— 1940), англо-американский психолог У. Мак-Дугалл (1871 — 1938), последователь Г.Ф. Стаута, «Аналитическая психология» которого (1896) написана под сильным влиянием Ф. Брентано. В России сочувственно к психологии функций относились А.Ф. Лазурский (1874—1917), Н.Н. Ланге (1858-1921).

Однако функциональная психология не выдержала проверки временем и распалась. Требование рассматривать психику с ее функциональной стороны не открывало нового понимания самой психики, а основное понятие «функция» страдало неопределенностью и многозначностью: одни авторы понимали под фун-

[1] Отсюда развилась динамическая психология с ее исследованиями влечений, мотивации, биологических нужд организма (Woodworth к., 1918).

[2] *Carr H.* Functionalism // Psychologies.— 1930. Chap.3. P. 69.

262

кцией психические акты (видения, слышания и т. п.), другие использовали это понятие в значении, которое сложилось в физиологии, как функция функции (например, дыхание как функция снабжения организма кислородом и др.).

Антитеза функционализм — структурализм как главное содержание теоретической борьбы в зарубежной психологии сознания конца XIX — начала XX в. высветила односторонность каждого из этих подходов. Структурализм строил свои исследования, абстрагируясь от роли сознания в поведении, а психология акта и функционализм недооценивали содержательную сторону сознания. Этот спор поучителен и для современной психологии. Как показали новейшие исследования в области субъективной семантики (Е.Ю. Артемьева, А.Г. Шмелев и др.), психологический анализ содержания сознания открывает новые и большие возможности для понимания субъективного внутреннего мира человека. Задача заключается поэтому не в том, чтобы исключить содержание сознания из сферы психологического изучения, а сделать его по-настоящему содержательным. Рассмотрение теоретических концепций, сложившихся в психологии к началу XX в., подтверждает справедливость оценки, которую дал Н.Н. Ланге, сравнивший положение психологии, раздробленной на ряд направлений, с Приамом, сидящем на развалинах Трои[1]. Психология вступила в период открытого кризиса.

В русской психологии, составлявшей неотъемлемую часть мировой науки, в этот период также не установилось какого-то единого понимания ее предмета и основных проблем. Направления, сложившиеся в европейской и американской психологии к началу XX в., имели свои аналоги в русской науке. Преемственность русской психологической мысли с мировой наукой явилась отражением тесных связей русских ученых с зарубежными коллегами. Эти связи прокладывались по различным каналам: стажировки в зарубежных лабораториях, прежде всего у Вундта, переводы на русский язык трудов зарубежных авторов, участие в международных конгрессах и конференциях, личные контакты и др.

[1] *Ланге Н.Н.* Психология... С. 42.

263

Официальная психология была сосредоточена в университетах. В ее мировоззренческой направленности так же, как и в деятельности Московского Психологического Общества и его органа — журнала «Вопросы философии и психологии», преобладали различные формы идеалистической философии.

Эмпирическую линию в отечественной психологии отличали приверженность к эмпиризму Локка и английскому ассоцианизму, внимание к методам эмпирического исследования, в частности, положительное отношение к эксперименту. В Петербургском университете ее представлял **Михаил Иванович Владиславлев** (1840—1890), автор двух больших трудов по психологии: «Современные направления в науке о душе» (1866) и «Психология» (в 2-х т., 1881). Он выступил против материализма и физиологических методов исследования, считая их бесплодными для психологии. Впервые в отечественной науке он дал большой исторический обзор развития психологических знаний, начиная от Античности («Психология»). Его учениками были выдающиеся психологи Н.Н. Ланге, Н.Я. Грот. Из школы М.И. Владиславлева вышли историк философии и психологии Э.Л. Радлов, философ, психолог и логик А.И. Введенский, возглавивший после смерти своего учителя кафедру философии в Петербургском университете.

Александр Иванович Введенский (1856—1925) в своем главном труде «Психология без всякой метафизики» (1914) провозгласил отказ от обсуждения в психологии каких-либо философских — метафизических — вопросов: психология изучает душевные явления безоценочным образом как факты внутренней природы, в отличие от этики, эстетики, педагогики, логики и др. Ее задачей является исследовать состав каждого душевного явления, каким образом из элементарных явлений оно складывается, как изменяется в зависимости от изменения элементов, как влияют друг на друга разные душевные явления (память — на мышление, мышление — на волю и т. п.). Так, во имя сохранения психологией своей специфичности провозглашался отказ от изучения психического в его связях с внешним миром. Этот идеалистический под-

264

ход получил особенно яркое выражение в так называемом *«законе отсутствия объективных признаков одуигевления»*[1]: психическое не имеет никаких внешних материально выраженных признаков, поскольку они могут быть и без психического сопровождения. Отсюда следовал вывод об интроспекции как единственном методе изучения в психологии. Вопрос о пределах одушевления объявлялся неразрешимым: неопровержимо, как допущение об одушевленности, например растений, т. е. всеобщей одушевленности, так и противоположное ему, т. е. отрицание душевной жизни. Вне эмпирического познания объявлялся вопрос о существовании чужого одушевления. Это «недоказуемое мнение», допустить которое, однако, заставляет наличие нравственного чувства, невозможное у бездушного предмета. Вопреки провозглашенному принципу избегать метафизики, с ее помощью Введенский выбирается из тенет неизбежного солипсизма. Закон Введенского возбудил дискуссию и критику. Так, Н.Я. Грот назвал этот закон мнимым и показал, что «одушевленность других существ теоретически и объективно доказуема»[2].

В Московском университете сторонником английского эмпиризма выступил **Матвей Михайлович Троицкий** (1835—1899). В двухтомном труде «Немецкая психология в текущем столетии» (1867) он дал критику немецкой идеалистической психологии за ее отрыв от эмпирии и пропагандировал в России английскую линию на эмпиризм, в духе которого выполнена его другая работа «Наука о духе» (1882). Троицкий явился основателем Московского Психологического Общества (1885). К его учреждению он привлек профессоров всех факультетов университета, в том числе математиков (Н.В. Бугаев), психиатров (А.Я. Кожевников, С.С. Корсаков) и др. Целью общества он провозгласил «соединить разрозненные труды психологического характера в целях более широкой и плодотворной разработки

[1] *Введенский А.И.* О пределах и признаках одушевления.— СПб., 1892.
[2] Возражения Н.Я. Грота // Вопр. философии и психологии. 1893. Кн. 19. Приложение. С. 2.
265

Н.Я. Грот (1852-1899). Основал первый в России журнал по вопросам философии и психологии «Вопросы философии и психологии» (1889)

психологии в ее составе, приложениях и истории и для распространения в России» [1]. На заседаниях общества обсуждались не только психологические, но и философские вопросы (о свободе воли, о духе и материи, о времени и др.). Оно получило огромную популярность, его отдельные заседания приобретали характер общественных событий, как, например, доклад Л.Н. Толстого «О смысле жизни». Создание общества явилось свидетельством растущего авторитета психологии в России.

Преемник Троицкого **Николай Яковлевич Грот** (1852— 1899) явился крупным организатором русской психологии в 1880 —90-х гг. Основал и до 1899 г. был редактором журнала «Вопросы философии и психологии», который хорошо отразил состояние отечественной, в основном идеалистической, психологии и науки конца XIX — начала XX в. Его основной труд «Психология чувствований в ее истории и главных основах» (1880) — капитальное исследование проблемы чувств. Здесь изложена также его общепсихологическая позиция. В соответствии с эволюционной точкой зрения Г. Спенсера Грот рассматривает психическую жизнь как один из видов взаимодействия организма со средой. Заслуживает внимания его теория психического оборота. В каждом психическом акте он выделяет 4 фазы, вместе они составляют оборот, который является регулятором взаимодействия организма со средой. В состав оборота

[1] Краткий исторический очерк деятельности Московского Психологического Общества за 25 лет Виноградова Н. // Вопросы философии и психологии. Кн. 3.— 1910. С. 252.
266

входят: внешние впечатления на организм, переработка их во внутреннее (сюда, в частности, относятся чувствования), вызванное этим внутренним впечатлением внутреннее движение, затем внешнее движение организма навстречу предмету. Грот сам подчеркнул новизну своего подхода: ввел в число основных психологических понятий понятие «деятельности»[1]. Эти идеи Грота созвучны материалистической психологии Сеченова, на влияние которого он сам указывал. В дальнейшей своей деятельности Грот отходит от этого направления своих исследований, углубляется в метафизические проблемы и в их контексте исследует вопросы о природе души человека в соотношении с задачами научного обоснования высших начал нравственности. В статье «Основания экспериментальной психологии» (1895) выступил в защиту эксперимента как нового направления в исследовании душевных явлений, подчеркивая при этом необходимость чисто психологического эксперимента, в отличие от психофизиологического, каким он реально был в психологии того времени.

Преемник Н.Я. Грота **Лев Михайлович Лопатин** (1855— 1920) в курсе психологии, читаемом в университете[2], проводил линию на различие психических и физических явлений, заключил об «имманентной нематериальной субстанции душевной жизни как неизбежном выводе». Весь материал, касающийся отдельных психических процессов (познавательные процессы — ощущения, память, закон ассоциаций, а также бессознательное), рассматривался «по данным внутреннего опыта»[3]. В критике материализма Лопатин, как и Введенский, имеет в виду вульгарный его вариант.

Важное место в отечественной психологии принадлежит **Георгию Ивановичу Челпанову** (1862— 1936). Развиваемые им общепсихологические взгляды близки к вундтовским. Его место в русской психологии также созвучно той роли, которую сыграл Вундт в мировой на-

[1] *Грот Н.Я.* Психология чувствований в ее истории и главных основах.— СПб., 1880. С. 4.
[2] *Лопатин Л.М.* Лекции по психологии, читаемые на историко-философском факультете Московского университета.— М., 1909.
[3] *Лопатин Л.М.* Метод самонаблюдения в психологии // Вопросы философии и психологии. Кн. 62.— 1902.
267

Г.И. Челпанов (1862-1936) и его ученик, впоследствии известный философ и психолог Г. Шпет

уке. Челпанов явился основателем первого в России Психологического института им. Л.Г. Щукиной при Московском университете (официальное открытие в 1914 г., реально работа началась в 1912 г.). Институт стал базой научных исследований и центром по подготовке профессиональных психологов. В первой научной работе (1888 г., доклад в Московском Психологическом Обществе «Общие результаты психометрических исследований») указал на приложимость экспериментальных методов к изучению психических явлений, причем заметил, что это не исключает, но предполагает использование интроспективного метода. В обширном двухтомном исследовании «Проблема восприятия пространства» (I ч. 1896, II ч. 1904) проанализировал огромный материал по этой проблеме, рассмотрел гипотезы нативизма и эмпиризма в объяснении восприятия пространства. В книге «Мозг и душа» (1900) подверг тщательному анализу многочисленные факты связи между психическими и физическими явлениями и нашел, что наиболее приемлемой является гипотеза психофизического параллелизма в ее эмпирической форме: «когда в сознании имеется определенное состояние, то в физической сфере ему соответствует некоторое определенное физическое явление». Из принципа параллелизма следует признание самостоятельности психологии как науки, пользующейся интроспективным методом.

В вводной лекции «Об отношении психологии к философии» при вступлении в должность профессора в Московском университете (1907) показал зависимость построения психологии как науки от философских предпосылок. Ряд работ посвятил проблеме методов в психологии (учебник «Введение в экспериментальную

268

психологию», 1915 г.; 2 статьи «Об аналитическом методе в психологии», 1917— 1918 и др.). В советский период жизни и деятельности судьба Г.И. Челпанова оказалась трагичной. С начала 1920-х годов в науке развернулась кампания по внедрению марксизма. Психология Челпанова была оценена как идеалистическая и признана несоответствующей марксизму. В связи с этим в 1923 г. Челпанов был смещен с поста директора Психологического института и уволен из университета. До 1930 г. работал в качестве действительного члена в Государственной Академии художественных наук (ГАХН) [1]. После ее разгрома не работал в каких-либо учреждениях.

Исключительный талант и заслуги Челпанова проявились в организации научно-исследовательской работы. Из руководимого им Психологического института вышли многие известные представители отечественной психологии — Н.А. Рыбников, А.А. Смирнов, ПА. Шеварев, СВ. Кравков, В.М. Экземплярский, Н.И. Жинкин, Н.Ф. Добрынин, А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов и др.

Заметную роль в отечественной психологии сыграл ученик Челпанова **Густав Густавович Шпет** (1879 — 1937). Его научная и педагогическая деятельность принадлежит разным областям: кроме психологии, он действовал в области философии — основной по его собственному признанию, а также в области логики, искусствоведения, литературы, философии, языка. Шпет был вице-президентом Академии художественных наук (ГАХН). Вместе с Челпановым он участвовал в разработке проекта Психологического института.

Критикуя абстрактные построения психологии, отделившейся от философии и обратившейся к физиологии, выступил с требованием восстановить тесную связь психологии с философией, подчеркивая, что эта связь «не мнимая, не иллюзорная, не результат субъективного мнения, а по существу необходимая...»[2].

[1] ГАХН — объединение различных художественно-исследовательских учреждений, возникших в первые годы после революции. Создана в 1921 г. с целью всесторонней научной разработки вопросов искусства и художественной культуры. В структуре ГАХН были 3 отделения (философское, физико-психологическое и социологическое), а также секции и комиссии. Закрыта по идеологическим соображениям в 1931 году, вошла в состав образованной 10 апреля 1931 года Государственной Академии искусствознания.

[2] *Лопатин Л.М.* Один путь психологии и куда он ведет // Философский сборник. Льву Михайловичу Лопатину.— М, 1912. С. 260.

263

гда была связана с жизнью. «учение о сердце и его значении в духовной жизни человека» П.Д. Юркевича, о природе человеческого сознания кн. С.Н. Трубецкого и спекулятивная метафизика Л.М. Лопатина — три ярких иллюстрации пути психологии и того, куда он ведет»[1]. Он видел новизну программы описательной психологии В. Дильтея, которая разрушала старый миф о возможности естественно-научного образца логического построения науки — методом установления абстрактных отношений и законов и намечала иной путь для психологии. В книге «Внутренняя форма слова» Шпет исследовал природу языка в соотношении с сознанием и мышлением. Его взгляды повлияли на таких языковедов, как Р. Якобсон, Г. Винокур и др. К языку Шпет обращается вновь в связи с проблемами этнической психологии. Во «Введении в этническую психологию» он дал глубокую критику существовавших в науке попыток понимания этнической психологии как продолжения или даже модификации общей индивидуальной психологии. Наиболее резкому нападению подвергся В. Вундт. По Шпету, «этническая психология имеет предметом... конкретный духовный уклад человека, народа, группы»[2], который своеобразно сочетается с другими реальными «силами» исторической действительности и «предопределяет действия и переживания не только индивида, но всякой группы»[3]. Особое значение для этнической психологии представляет изучение языка, т. к. оно прежде всего дает образец для изучения всех других форм выражения (миф, обычай) и вместе с тем язык сам является и проблемой этнической психологии.

Взгляды, соотносимые с психологией акта Ф. Брентано, в отечественной науке развивал **Семен Людвигович Франк** (1877 — 1950), русский философ, высланный с группой видных ученых, писателей и философов в 1922 г. из советской России. В 10-х гг. XX в. выступил с программой *философской психологии* («Душа челове-

[1] *Лопатин Л.М.* Один путь психологии и куда он ведет // Философский сборник Льву Михайловичу Лопатину.— М., 1914. С. 264.

[2] *Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию // Шпет Г.Г. Соч.— М, 1989. С. 566.

[3] Там же. С. 574.

270

вальном и точном значении этого слова. Ее основной смысл — борьба против всякого перенесения естественно-научных принципов в психологию, против так называемой эмпирической психологии, которая объявила себя «психологией без души». Тем самым было вытеснено учение о душе как предмет психологии. Его заменило учение о закономерностях так называемых «душевных явлений», оторванных от их внутренней почвы и рассматриваемых как явления внешнего предметного мира. Философская психология, по Франку,— это общее учение о природе душевной жизни и об отношении этой области к другим областям бытия — материальному миру и идеальному бытию — сфере истины, красоты и добра.

Книга Франка была воспринята как возврат к метафизической психологии. Э.Л. Радлов писал о ней: «...русская психологическая литература описала такой же круг, как и на Западе. Началась она с умозрительных рассуждений о душе, приведших к тому, что самое существование души стала отрицать, потом психология без души и физиологическая психология стала экспериментальной и мало-помалу начала вбирать в себя вновь умозрительные элементы»[1]. Эту оценку повторил Л.С. Выготский, со ссылкой на Радлова[2].

Идеи *психологии с точки зрения волюнтаризма* развивал **Николай Онуфриевич Лосский** (1870 - 1965)[3]. В контексте развиваемой им философии интуитивизма, основываясь на психологии акта, особенно на идеях немецкого философа и психолога Т. Липпса о «Я», определял волюнтаризм как направление в психологии, утверждающее, что все явления душевной жизни протекают по образцу волевых актов. Волевые акты суть типичная форма процессов сознания. В жизни «Я» нет *состояний* сознания, а есть только акты-поступки. В волевом акте выделял три элемента — «мое» стрем-

[1] *Радлов ЭЛ.* Очерк истории русской философии.— М., 1921. С. 70.

[2] *Выготский Л.С.* Психологическая наука в СССР // Общественные науки СССР: Сборник / Под ред. В.П. Волгина и др.— М., 1928.

[3] *Лосский И.О.* Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма.— СПб., 1903.

271

ление, чувство «моей» активности, результаты «моей» деятельности, всюду подчеркивая их близость к «Я», а не простую принадлежность — данность — сознанию. Соответственно все явления душевной жизни рассматривал как имеющие волевой характер. Восприятие, акт припоминания — все это активные процессы, направляемые стремлениями (узнать, вспомнить и т. п.), связанные с чувствами удовольствия-

неудовольствия и сопровождаемые переживаниями «моей» активности. Особенно напряженной является активность в таких деятельностях, как воображение, размышление, сложная практическая деятельность. Окончательное определение волюнтаризма таково: «Все сознательные процессы, поскольку мы относим их к своему «Я», заключают в себе все элементы волевого акта и причиняются «моими» стремлениями».

Особый интерес представляют воспоминания Н.О. Лосского, так же как и С.Л. Франк, высланного из России в 1922 г.[1], охватывающие время с 70-х гг. XIX в. и до 1958 г. Воспоминания Лосского содержат уникальный материал об интеллектуальной атмосфере России и тех стран, где он жил и работал, характеристики многих известных деятелей науки и философии, с которыми он непосредственно общался, массу других интереснейших подробностей.

Мощную линию в психологии дореволюционной России составило *естественно-научное направление.* Оно явилось продолжением идей И.М. Сеченова и было нацелено на утверждение объективного и причинного психологического метода исследований. Выдающиеся представители этого направления — Н.Н. Ланге, В.М. Бехтерев, В.А. Вагнер. Большую роль в его развитии сыграли также исследования И.П. Павлова и его школы, А.А. Ухтомского.

Николай Николаевич Ланге (1858— 1921) отстаивал биологический подход и выступал против эпифеноменализма в его различных вариантах[2]. Психика не явля-

[1] *Лосский НО.* Воспоминания. Жизнь и философский путь // Вопросы философии.— 1991 — № 10, 11, 12.

[2] Это понимание психологии Ланге изложил В последнем опубликованном труде «Психология» Книга вошла в качестве VIII тома серии «Итоги науки в теории и практике». Опубликована в 1914 г.

272

Н.Н. Ланге (1858-1921). Один из основоположников экспериментальной психологии в России

ется эпифеноменом, но представляет собой реальный факт. Психическая жизнь должна быть рассматриваема как особое, своеобразное жизненное приспособление организма, развившееся в нем в пору его биологической полезности для сохранения индивида и рода. Она вносит в деятельность организма такие выгодные для него особенности, которые способны охранять лучше его существование и потому подлежат естественному, а впоследствии у человека социальному отбору — особенности и преимущества, которые без психической жизни недостижимы»[1].

Психическая жизнь развивается в процессе эволюции от низших форм до высших. Высшую ступень занимает человек как «существо общественное и историческое... Душа человеческой личности в 99% есть продукт истории и общественности»[2].

Ланге называл необходимым постулатом психологии соединение двух точек зрения на психическую жизнь — объективной, рассматривающей психику как реальный жизненный процесс, и субъективной, рассматривающей психику как субъективные переживания этой жизни: «Без наших субъективных переживаний мы не имели бы никакого вообще представления о психической жизни. Без объективного на них взгляда не было бы психологии как науки»[3].

Эти общепсихологические взгляды сложились как под влиянием эволюционной биологии, так и в результате собственных экспериментальных работ, выполненных в период пребывания Ланге в качестве стажера в лаборатории В. Вундта в 1883 г.[4]

[1] *Ланге Н.Н.* Психология.— М., 1914. С. 15

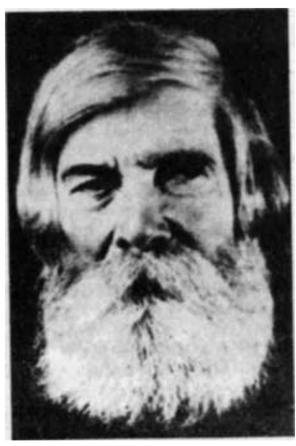
[2] Там же. С. 26-27

[3] Там же. С. 28.

[4] *Ланге Н.Н.* Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания.— Одесса, 1893.

273

В.М. Бехтерев (1857-1927)

Экспериментальные исследования восприятия привели его к теории восприятия как фазового процесса. Восприятие не происходит моментально во всей полноте, в нем выделяются 4 ступени, из смены которых Ланге вывел *закон перцепции:* чувственный образ формируется постепенно — от целостного впечатления к подробному различению его свойств. Эти ступени обусловлены всем ходом биологической эволюции. Был сделан вывод о предметности восприятия у человека. Экспериментальные исследования внимания привели его к двигательной теории внимания: внимание — это двигательная реакция организма, которая улучшает условия восприятия. Прерывистость мускульных движений объясняет колебания внимания. Внимание имеет три формы: рефлекторную, инстинктивную, волевую. Волевая форма внимания является продуктом опыта, а не какой-то самостоятельной силы духа, типа апперцепции Вундта. Моторная теория внимания Н.Н. Ланге получила большой резонанс в мировой науке. Его исследования вносили в науку объективные методы и явились крупным достижением в психологии. Выступая поборником экспериментального метода, Ланге создал в Новороссийском университете первую в России университетскую лабораторию экспериментальной психологии (1896).

В направлении объективности в психологии развивалась деятельность **Владимира Михайловича Бехтерева** (1857 — 1927), выдающегося клинициста, психиатра, невропатолога и психолога. Бехтерев пришел к психологии от неврологии и психиатрии, которыми занимался (после окончания Медико-хирургической академии в Петербурге и заграничной командировки в клиниках Германии, Австрии и Франции) в Казанском университете. Здесь в *1885 г. он создал первую в России психофизиологическую лабораторию* для научных изыс-

274

каний в области анатомии, физиологии и экспериментальной психологии. После возвращения в Петербург развернул широкую исследовательскую и организаторскую работу по неврологии, в которую включал учение о нервной системе, а также о нарушениях духовной сферы в связи с нарушениями мозга. В 1890-х гг. он организовал в Петербурге ряд лабораторий в целях исследования нервнобольных, в том числе экспериментально-психологическую. Объективную психологию и психиатрию он включил в круг наук о мозге, предложил термин «психоневрология». В 1907 г. он создал Психоневрологический институт, в числе профессоров которого были П.Ф. Лесгафт, М.М. Ковалевский, Н.Е. Введенский, В.Я. Комаров, Е.В. Тарле, социолог Е.В. Роберти. После революции организовал ряд психоневрологических учреждений, самым крупным из них является Институт по изучению мозга и психической деятельности (1918). Центральная идея Бехтерева — объединение различных разделов неврологии: нейрохирургии, нейропатологии, физиологии и психологии в России в целях исследования человеческой личности в ее здоровых и болезненных проявлениях. Он начал с анатомии мозга, затем включил в круг своей деятельности и физиологию мозга. То и другое сделало его одним из основоположников анатомо-физиологического направления в невропатологии и психиатрии. От фундамента — от структуры и функций мозга он перешел к психологии. Здесь в первый период своей деятельности использовал объективные приемы экспериментальных исследований Вундта. Во втором периоде, в начале XX в., Бехтерев создает *объективную психологию,* в которой на основе объективных исследований человека предлагает новую систему понятий психологии и новую терминологию. Психическую деятельность он рассматривает как рефлекторную, а различные стороны и формы этой деятельности — как различные ее виды: внимание — это рефлекс сосредоточения, мыслительная деятельность — символические рефлексы и т. п. В 1907— 1912 гг. выходит «Объективная психология». Она переводится на немецкий, французский, английский языки и становится важной вехой в истории психологии XX столетия, что отмечали зарубежные исследователи (Флюгель, Уотсон, Боринг и др.). В третьем — советском периоде — Бехте-

275

рев создает общие основы рефлексологии. На основе экспериментальных работ по изучению сочетательных, т. е. вырабатываемых у индивида прижизненно, двигательных рефлексов у животных и человека,

совокупность которых ученый назвал соотносительной деятельностью, Бехтерев сделал вывод о том, что именно эта деятельность должна стать объектом изучения как воплощение строго объективного подхода к психической деятельности. Соотносительная деятельность — это все отношения человека с окружающим миром — материальным и социальным — совершающиеся посредством многообразных рефлексов. Важнейшей чертой методологии рефлексологии является комплексный подход к изучению соотносительной деятельности. Он предполагает использование объективных данных о гормональных химико-физических процессах организма, анатомии и физиологии нервной системы и др. наук. Рефлексология человека как объективное знание, по словам Бехтерева, «вытесняет старую психологию», заменяя ее отрасли рефлексологическими науками: это генетическая и возрастная рефлексология, рефлексология труда, паторефлексология и др.

В 20-х гг. его ученик Н.М. Щелованов создает специальное учреждение — Отдел развития Института по изучению мозга. Здесь воспитывались и одновременно изучались дети от рождения до 3 лет. Свой метод Щелованов назвал сравнительно-онтогенетическим: это тщательное систематическое прослеживание процесса развития с целью выявления того нового, что возникает с первых часов появления на свет. На основе этого исследования Н.Л. Фигуриным и М.П. Денисовой были описаны этапы развития ребенка на первом году жизни (1929). Была создана и система воспитания от рождения до 3 лет. Собранные по этому методу материалы позволили осуществить ряд работ, посвященных развитию отдельных сторон поведения: сна и бодрствования (Н.Л. Фигурин), ранних форм условнорефлекторной деятельности (Н.И. Касаткин), предметных действий (Р.Я. Лехтман-Абрамович), речи (Г.М. Ля-мина), движений (М.Ю. Кистяковская) и др.

Вопросы социальной обусловленности поведения и развития составили «Коллективную рефлексологию» В.М. Бехтерева (1921). Ее задачей было изучение спо-

276

собов и проявления коллективных рефлексов, образующих в своей совокупности коллективную деятельность, в сравнении с индивидуальными рефлексами или индивидуальной деятельностью. Здесь же Бехтерев пытался установить всеобщие законы, которым подчинен мир неорганический, органический и социальный. Законы тяготения, инерции, относительности и др. он распространял на понимание психики и общественных явлений.

Механицизм и энергетизм В.М. Бехтерева явились предметом критики, и прежде всего в рамках состоявшейся в *1929 г. рефлексологической дискуссии*[1]. Была отмечена положительная роль рефлексологии Бехтерева в развитии объективного подхода в психологии. В то же время исключение из исследования в рефлексологии психики и сознания привело к биологизации и крайне механистической трактовке человека и поведения. В метафорической форме теоретическую несостоятельность рефлексологии выразил Л.С. Выготский, когда писал о «несоответствии крыши и фундамента, об отсутствии самого здания между ними». Методика рефлексологического исследования человека, как это было показано Выготским, не соответствует задаче объективного изучения психики и сознания потому, что предпринимает попытку изучения поведения человека, игнорируя проблему сознания. После дискуссии, а также в результате критики рефлексологического подхода, которой он был подвергнут на I Всесоюзном съезде по изучения поведения человека (1930), рефлексология прекратила существование. Однако богатое наследие, оставленное Бехтеревым, вошло в золотой фонд мировой и отечественной психологической мысли.

Наследницей В.М. Бехтерева явилась Ленинградская психологическая школа. В.Н. Мясищев, А.В. Яр-

[1] Рефлексология или психология. Л., 1929.

277

моленко, Б.Г. Ананьев, составившие ее ядро, были прямыми учениками Бехтерева.

Иван Петрович Павлов (1849— 1936) не создал собственной психологической концепции, но влияние, которое он оказал на развитие психологии, как мировой, так и отечественной, несомненно велико и плодотворно.

Впервые обращение физиолога Павлова к психическим явлениям произошло в связи с его работой по изучению деятельности пищеварительных желез[1]. Выявилось, что работа пищеварительных желез может быть обусловлена не только чисто физиологическими моментами (раздражением полости рта), но и видом

пищи, ее запахом, т. е. фактами психического порядка. Секрецию слюнной железы на эти факторы Павлов назвал «психической секрецией», но истолковал ее в физиологических понятиях. Объяснение этих фактов и положило начало учению об условных рефлексах. «Влияние этих объектов... в существенном то же самое, что и в физиологических опытах, когда они соприкасаются с полостью рта. Перед нами... лишь дальнейшее приспособление... объект, только приближаясь ко рту, уже действует на железы... наш опыт в физиологической форме дает всегда один и тот же результат... безусловный рефлекс; основная же характеристика психического опыта — его непостоянство... все дело только в большем числе условий, влияющих на результат психического опыта сравнительно с физиологическим. Это... условный рефлекс»[2]. Вся дальнейшая работа И.П. Павлова была направлена на изучение условно-рефлекторных связей: условий их образования, развития, угасания. Подчеркивался биологический смысл условных рефлексов: они служат для уравновешивания организма с внешней средой. Условные раздражители имеют сигнальное значение: они — сигналы внешних возбудителей безусловных рефлексов. В опытах Павлова выступила необходимость подкрепления и ориентировочного рефлекса для образования новой связи. Понимание Павловым условий образования условного рефлекса отличается от механистической трактовки механизмов обусловливания в бихевиоризме Уотсона и концепциях необихевиоризма.

[1] За эту работу И.П. Павлов в 1904 г. был удостоен Нобелевской премии.

[2] Павлов *И.П.* Поли. собр. трудов: В5 т. Т. 3.— М.; Л., 1949. С. 29-30.

278

Характеризуя особенности высшей нервной деятельности человека, Павлов наметил учение о второй сигнальной системе как о прибавке к механизмам высшей нервной деятельности.

Павлов надеялся, что его объективные исследования позволят проанализировать приспособление от его простейших форм вплоть до высших проявлений, т. е. психических явлений у животных и сознания у человека. Павлов признавал реальность субъективного мира и психологию как науку, изучающую его. «Жизненные явления, называемые психическими, хотя бы и наблюдаемые объективно у животных, все же отличаются — пусть лишь по степени сложности — от чисто физиологических явлений»[1]. Он внимательно следил за достижениями как отечественной, так и мировой психологии (см., например, знаменитые «Павловские среды»). В 1916— 1919гг. Павлов посещал психиатрические клиники, изучая психические заболевания в связи с данными физиологии мозга. В письме Челпанову по случаю официального открытия Психологического института в Москве 5 апреля (24 марта) 1914 г. он писал: «После славных побед науки над мертвым миром пришел через разработки и живого мира, а в нем и венца земной природы — деятельности мозга. Задача на этом последнем пункте так невыразимо велика и сложна, что требуются все ресурсы мысли... Вот почему я, исключающий в своей лабораторной работе над мозгом малейшее упоминание о субъективных состояниях, от души приветствую Ваш психологический институт»[2]. Но Павлов был убежден, что субъективная психология как наука об явлениях сознания не дает их познания. Говоря о необходимости слияния физиологии и психологии, он имел в виду использование физиологических данных для понимания субъективного мира. «Мне кажется, что для психологов наши исследования должны иметь очень большое значение, т.к. они должны впоследствии составить основной фундамент психологического знания».

Освоение наследия И.П. Павлова в психологии прошло сложный путь и связано с вопросами предмета психологии и ее самостоятельности как науки. В зарубежной психологии, и прежде всего, в американском би-

[1] *Павлов И.П. ...* Т. 3. С. 37.

[2] Вопр. психологии. 1955. № 3. С. 100.

278

хевиоризме и в зоопсихологии, учение Павлова о высшей нервной деятельности воспринимается как объективный метод исследования процессов научения и поведения. Однако И.П. Павлов полемизировал с бихевиористами, неоднократно указывал на принципиальные расхождения с ними в трактовке поведения. В сжатом виде эти расхождения сводятся к следующему. «Категория поведения, открытая и разработанная русскими учеными, не означала в их понимании самостоятельной сущности, внеположной категории сознания с одной стороны, категории нервного субстрата — с другой. Но именно в подобную сущность ее возвели американские бихевиористы, отъединив ее как от психологических понятий, так и от исторически сложившихся представлений о строении и функциях головного мозга»[1].

В России учение И.П. Павлова об условных рефлексах было основным и определяющим фактом для развития естественно-научной психологии. Однако в условиях идеологического давления, которое испытывала наука в советский период, произошла абсолютизация и догматизация павловского учения, а его распространение превратилось в процесс насильственного насаждения в психологию и другие области исследования (медицину, педагогику, языкознание и др.). Развитие рефлекторной теории И.П. Павлова тормозилось. С инакомыслящими неудачливые эпигоны учения Павлова боролись административными методами. Л.О. Орбели, П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн, прокладывавшие новые пути в физиологии, были сурово осуждены как противники павловского учения. После проведенной по личному указанию И.В. Сталина в 1950 г. объединенной научной сессии Академии Наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященной проблемам физиологического учения И.П. Павлова, в психологии была поставлена

задача ее перестройки на основе павловского учения[2]. Происшедшую в 50-х годах переориентацию психологии на павловское учение хорошо отражают заголовки работ тех лет, когда каждая проблема рассматривалась «в свете трудов И.П. Пав-

[1] *Ярошевский М.Г.* И.П. Павлов и американский бихевиоризм // Психологический журнал.— 1995.— № 6. С. 138.

[2] См. о ней: К 40-летию «павловской» сессии двух академий // Психологический журнал. 1990. № 4 — 5.

280

лова». В то же время, по-видимому, не без влияния ситуации, Б.М. Теплов с сотрудниками начал проводить фундаментальные исследования типологических свойств нервной системы и их психологических проявлений, составивших новую область психофизиологии индивидуальных различий. Это плодотворное направление исследований продолжается и в настоящее время. Е.Н. Соколов успешно использовал идеи И.П. Павлова в разработке проблем психологии восприятия. Освобожденное от искажений и идеологических деформаций учение И.П. Павлова продолжает сохранять свое значение для понимания поведения и его причинного объяснения.

Глава 3. РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ И ПРИКЛАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ ПСИХОЛОГИИ

Выделение психологии в самостоятельную науку сопровождалось интенсивным развитием экспериментальных исследований. Во всех странах создаются психологические лаборатории и институты экспериментальных и прикладных исследований. Несмотря на ограничения, которые ввел для эксперимента его основоположник Вундт, уже в 1880-е гг. происходит его распространение на исследование высших психических функций. Начало им положил Г. Эббингауз (1850 — 1909) своей работой о памяти (1885), к которой примыкают труды Г.Э. Мюллера (1850— 1934) и сотрудников. Психологи Вюрцбургской школы в первом десятилетии XX в. начали экспериментальное изучение мышления и воли. Экспериментальные исследования смыкаются с медицинской, педагогической, промышленной и др. практикой, возникают прикладные области психологии.

Широкое развитие эксперимента в психологии происходило по образцу и под влиянием естествознания.

При этом человек рассматривался объективистски, только как индивид, испытывающий воздействия со стороны предметов материального мира. Положение о естествознании как единственном образце научности и об эксперименте как методическом средстве исследования психических явлений встретило критику со стороны ряда исследователей (например, Ф. Брентано, В. Дильтея и др.). Возникают дискуссии о месте и назначении эксперимента, в ходе которых «у психологии обнаружились два лика, как у Януса: один, обращенный к физиологии и естествознанию, другой — к на-

282

Г. Эббингауз (1850-1909)

укам о духе, к истории, к социологии»[1]. Так в процессе и на основе развернувшихся широким фронтом экспериментальных исследований происходит раскол психологии на естественно-научную, в основе материалистическую, и историческую, понимающую, направленную идеалистически.

В разных странах развитие экспериментальных исследований происходило своеобразно. Это объясняется как сложившимися исторически традициями, так, и это главным образом, в силу специфики социальной ситуации в каждой стране и запросов общественной практики.

В *Германии* эксперимент получил большое развитие. Произошло его распространение на изучение сложных психических процессов — память, мышление, волю и др. Соприкосновение с практической жизнью поставило перед психологией новые задачи и привело к развитию прикладной психологии. Наибольшее развитие получили медицинская и педагогическая психология, в меньшей степени — исследования в

области торговли, промышленности, общественной жизни.

Герман Эббингауз в работе о памяти (1885) впервые вышел за пределы физиологического эксперимента вундтовского типа и сформулировал законы памяти на основе собственно психологического эксперимента. Память он понимал как механический процесс образования следов, и для ответа на вопрос о том, как образуются новые следы, должен был решить методическую задачу: найти материал, абсолютно не знакомый испытуемому, не имеющий никаких связей с его прошлым опытом. Таким материалом Эббингауз выбрал бессмысленные

[1] *Ланге Н.Н.* Психология. — М., 1914. С. 63.

283

слоги. Он разработал методику их составления и приемы подачи материалов, строго учитывающие условия эксперимента и позволяющие однозначно оценивать результаты. Эббингауз ввел два метода исследования памяти: *метод заучивания* и *метод сбережения.* Метод заучивания состоит в том, что испытуемому предъявляется ряд бессмысленных слогов, которые он должен заучить путем повторений до правильного безошибочного воспроизведения. Показателем скорости заучивания, его качества было число повторений. Метод сбережения отвечал на вопрос о том, правомерно ли на основании невозможности воспроизвести выученный материал говорить о его полном забывании: после того, как наступило полное забывание материала, он вновь предъявлялся испытуемому. Оказалось, что его заучивание дает некоторую экономию во времени. Полученные результаты свидетельствовали о том, что заученное оставляет следы в памяти, но доступ к ним теряется.

Эббингаузом были установлены следующие факты. Выявлен объем непосредственного запоминания — выражается количеством единиц материала, которые человек может воспроизвести после однократного предъявления. Этот объем равен 6 — 8 бессмысленным слогам. Этот факт имел определенное значение для исследований различных нарушений памяти.

Оказалось, что уже при незначительном увеличении материала количество повторений, которое требуется для его запоминания, возрастает во много раз. Из этого следовало, что увеличение нагрузки на память приводит к снижению работоспособности. Было установлено, что то время, которое требуется для заучивания материалов, целесообразно распределять на несколько сроков, разделенных интервалами. Например, если материал требует 30 повторений, целесообразно повторять его в течение 3 дней по 10 раз, чем 30 раз в один день. Эта закономерность в эксперименте, выполненном в лаборатории Г. Мюллера А. Йостом (1897), получила название *«закона Йоста»,* в соответствии с которым более старая ассоциация больше укрепляется повторением и лучше актуализируется, чем только что образовавшаяся.

Эббингауз установил, что после того, как материал выучен полностью, необходимо возвращаться к нему,

284

чтобы он не был забыт: необходимо не только заучивание, но и переучивание. Показано, что забывание — такой же закономерный процесс, как и запоминание, и происходит следующим образом: сразу после запоминания забывание идет быстро, затем процесс замедляется и через определенное время останавливается. Этот факт получил графическое изображение в виде *«кривой забывания».* Было показано, что найденная закономерность действует не только для бессмысленных слогов, но и для осмысленной памяти. Для ответа на вопрос о том, что является решающим для памяти — элементы или связи между ними,— предъявлялись ряды с постоянным набором элементов, но отличавшихся их порядком. Был обнаружен факт ослабления связей в середине ряда («фактор края»). Экспериментально исследовалось значение принадлежности к целому, или вопрос о единицах памяти. Хотя Эббингауз работал главным образом с бессмысленными слогами, он использовал также и осмысленные тексты. Выступило различие между запоминанием осмысленного и бессмысленного материала. Было установлено, что для запоминания имеет значение не количество элементов, а число самостоятельных единиц. Это противоречило пониманию памяти как механической способности и подводило к представлению о ней как осмысленной деятельности. Был обнаружен факт упражняемости памяти: тренировка в запоминании одного материала приводила к улучшению запоминания материала другого рода. Выводы, полученные Эббингаузом, имели прикладное значение, прежде всего для педагогики.

Крупным исследователем памяти был **Г.Э. Мюллер,** автор трехтомных экспериментальных исследований памяти («К анализу памяти и представлений», 1911, 1913, 1917). Мюллер сделал вывод о том, что в памяти действует установка на запоминание. Способы заучивания осмысленного текста отличаются от простого повторения в случае бессмысленного материала. Смысловая работа над текстом обеспечивает его запоминание. В лаборатории Мюллера были созданы новые методы исследования памяти: метод парных ассоциаций (М. Калкинс) и др.

Экспериментальная разработка мышления составила предмет и задачу исследований *Вюрцбургской школы*

285

(1901 — 1910— 1911 гг.). Школу возглавил Освальд Кюльпе (1862— 1915), ученик Вундта и его ассистент в Лейпциге с 1887 по 1894 г. Все состав входили А. Майер, А. Мессер, Г. Уатт, К. Бюлер, Н. Ах, К. Марбе. Кюльпе был не только психологом: от философских познавательно-теоретических проблем он пришел к психологическим исследованиям мышления. Его философские убеждения развивались от махизма к феноменологии.

Психологи этой школы начали с простых задач на чувственное сравнение (например, тяжестей), понимание

слов, предложений и т. п. В качестве испытуемых выступали они сами: предъявлялись высокие требования к самонаблюдению. В отличие от прежней психологии, которая хотя и говорила о самонаблюдении, но не разрабатывала его как метод, вюрцбуржцы сделали самонаблюдение методом исследования. Н. Ах назвал его *«методом систематического экспериментального самонаблюдения».* Испытуемый должен был описать весь процесс умственной деятельности, иногда его прерывали на каком-то этапе решения. Использовалось также сообщение испытуемого непосредственно после окончания опыта. Полученные данные рассматривались как достоверное и адекватное описание хода мышления в процессе решения задачи.

Одной из первых была работа К. Марбе на понимание суждения. Испытуемый сообщал о каких-то неясных переживаниях, которые Марбе назвал *«положениями сознания»:* сомнения, неуверенность, ожидание, удивление, согласие, узнавание, а также чувства напряжения и расслабления. Н. Ах дал им название Bewustsheit, которое можно перевести как «знаемость», «сознанность». Иногда они сопровождались наглядными представлениями или отрывочной внутренней речью. Исследования А. Мессера, проведенные на материале отдельных слов и предложений, привели к выводу о том, что процесс протекает в форме мыслей (Gedanken). Их главная характеристика, по Мессеру, состоит в отсутствии чувственно-наглядного содержания, а также связи с речью. Бюлер развивает положение Мессера о мыслях как основных носителях мышления, производит их классификацию: мысли как сознание правил, как сознание отношений и мысли-интенции.

286

Так исследования вюрцбургской школы привели к опровержению известного из прежней психологии положения о том, что в состав мышления (и слова как его носителя) входят в качестве компонента представления, образы, поколебав этим сенсуалистические представления о нем. Кюльпе писал: «Я был поражен, что объекты внешнего мира, такие как тела, или метафизические предметы, такие как идеи Платона или монады Лейбница могут мыслиться непосредственно, без того, чтобы можно было образовать о них наглядные представления. Из этого я заключил, что мышление должно быть особым видом деятельности нашей души и что оно стоит совсем в другом отношении к своим предметам, чем, например, ощущение или представление»[1].

Независимо от этой школы к аналогичным выводам пришли и другие психологи: А. Бине («Психология умозаключения», 1889; «Экспериментальное изучение интеллекта», 1903), Р. Вудвортс (статьи: «Причина произвольного движения», «Безобразная мысль», 1906), Ф. Гальтон и др.

Другой проблемой этой школы был анализ деятельной стороны мышления. В экспериментах Г. Уатта испытуемому давалось задание на направленные ассоциации. Эта инструкция превращалась испытуемым в самоинструкцию, которая получила название *задачи (Aufgabe).* Тем самым мышление описывалось как специфический процесс решения задачи. Предполагалось, что правильный ответ обеспечивается возникающей у испытуемого внутренней установкой, соответствующей задаче, которая производит отбор из всех актуализируемых ассоциаций тех, которые соответствуют задаче. Н. Ах экспериментально подтвердил эти факты Г. Уатта. После того как испытуемый запоминал пары бессмысленных слогов (напр., *кец-зог* были повторены подряд 100 раз), ставилась задача: после предъявления первого слога воспроизвести не ассоциированный с ним, а какой-нибудь рифмованный с ним слог (напр., *рец,* а не *зог).* При этом ассоциированный слог затормаживался. Н. Ах приписывает задаче особое влияние, определяющее (детерминирующее) дальнейшее тече-

[1] Цит. по: *Messer A.* Die Würzburger Schule // Einführung in die neuere Psychologie / E.Saupe.— Osterwieck-Harz, 1931. S.18.

287

ние наших представлений. По Н. Аху, решение задачи — это активный процесс, отличный от ассоциации, которая управляет репродукцией представлений. В его основе лежит особый психологический механизм: *установка и детерминирующая тенденция,* исходящие от представлений цели; они придают мышлению целенаправленный характер.

Положение о качественном различии между сенсорными процессами и мышлением и об особом детерминирующем влиянии цели, несводимом к законам воспроизведения по ассоциации, было подвергнуто острой критике Вундтом, Мюллером, Титченером. Так, Г.Э. Мюллер пытался дать объяснение тем же фактам с помощью понятия *констелляции сознания.* Например, слово «роза» может быть ассоциировано с бесчисленными образами и понятиями — «красный», «цветок», «шипы», «сад» и др. в зависимости от общего соотношения всех имеющихся ассоциативных связей — *констелляции сознания* в данный момент.

Отто Зельц (1881 — 1943), ученик О. Кюльпе, принадлежал к Вюрцбургской школе, известен экспериментами над продуктивным мышлением. Он указал, что посредством констелляции сознания хотя и можно сделать понятным, почему воспроизводится отнюдь не сильнейшая ассоциация, но эта теория не может объяснить упорядоченное, т. е. смысловое, мышление. Зельц занимался решением настоящих, в том числе творческих, задач и дал такое описание процесса мышления. На первых этапах происходят попытки, в результате которых в сознании складывается образование, названное проблемным комплексом. Это антиципирующая схема задачи, в которой имеется разрыв, отвечающий искомому. Она контролирует и направляет ход мыслительных операций. Если задача типовая — пробел в схеме заполняется актуализацией имеющихся способов решения. Если задача не решается известными способами, она приобретает для данного человека творческий характер. В этом случае необходимо открытие новых способов решения. Этот

процесс также направляется антиципирующей схемой. При этом нахождение искомого облегчается подсказкой извне, в качестве которой выступает случайное наблюдение каких-то фактов. В силу большой предварительной работы случайность становится одним из факторов

288

упорядоченной духовной деятельности, выполняющих роль подсказки. Зельц приводит примеры из истории научных открытий (Фарадей, Дарвин, Франклин и др.). Зельц подчеркивает целостность мышления. Благодаря этой идее, вместе с личным влиянием Вюрцбургская школа подготовила возникновение нового направления — гештальтпсихологии, хотя Коффка, один из ее идеологов, и выступал с полемикой против основных положений Вюрцбургской школы. Эти исследования убедительно указывали на специфику мышления. Однако его интерпретация вюрцбуржцами как особой духовной активности, оторванной от чувственных образов, от речи, от практики, вступает в противоречие с реальным единством познавательного процесса, в котором элементы мышления и элементы восприятия дополняют друг друга. В философии на этот факт указывал И. Кант. В «Критике чистого разума» он писал: «Мысли без содержания пусты, а наглядные представления без понятий слепы. Только их соединение дает знание». Ошибочная трактовка мышления в Вюрцбургской школе явилась закономерным следствием ограниченности метода исследования — систематической интроспекции. В самонаблюдении мышление действительно выступает как протекающее без опоры на чувственные образы и привычные формы речи. Однако исследования, проведенные объективными методами, свидетельствуют о связи мышления с речью. В частности, применение электромиографической и электроэнцефалографической техники позволяет регистрировать во время решения задачи движения мышц речевых органов и электрическую активность соответствующих участков коры мозга. Исследование генеза мышления методом планомерного формирования психических свойств и процессов (П.Я. Гальперин) показало, что «секрет безобразного мышления заключается в том, что оно представляет собой остаточное явление речевой формы сокращенного и автоматизированного предметного действия. Очевидно, главная ошибка заключалась не в описании этого явления... но в том, что явление — и только явление приравнивалось к полной действительности и за явлением не видели и не признавали сущности»[1].

[1] Исследования мышления в советской психологии / Под ред. Е.В. Шороховой.— М., 1966. С. 255.

289

Экспериментальная психология возникла в связи с задачей исследования наиболее *общих законов* сознания и психики. Индивидуальные вариации рассматривались как помеха, от которой надо избавляться, как от ошибки в исследованиях. Однако в ходе развития экспериментальных исследований появляются сначала робкие, затем все более распространяющиеся опыты по определению индивидуальных различий. Ф. Гальтон в Англии, А. Бине во Франции, Дж. Кеттели Г.Ст. Холл в США, Э. Крепелин и В. Штерн в Германии, А.Ф. Лазурский в России были первыми, кто создавал *психологию индивидуальных различий.*

В Англии эти работы были начаты **Френсисом Гальтоном** (1822—1911), биологом, антропологом, выдающимся последователем Дарвина. В своей главной книге «Наследственность таланта» (1869) Гальтон выдвинул и впервые в науке статистическим методом пытался обосновать идею наследственности таланта. «Теория наследственности таланта,— писал он,— находила себе защитников и между прежними писателями, и между новейшими. Но я объявляю притязания на то, что я первый пытался разработать этот предмет статистически, пришел к таким результатам, которые могут быть выражены цифрами, и применил к изучению наследственности законы уклонения от средних величин»[1]. Отрицая природное равенство людей в отношении умственных способностей, Гальтон утверждал, что способности наследуются также, как физические признаки. Показателем талантливости является высокая репутация в общественной и профессиональной жизни. Аргументом, который доказывал наследственный характер таланта, служили случаи, когда знаменитые личности имели выдающихся родственников.

Ф. Гальтон даровитость рассматривал как непрерывную цепь, начинающуюся от непостижимой высоты и спускающуюся до почти неизмеримой глубины. Всех людей Гальтон делил по их природным способностям на классы, отделенные небольшими интервалами. Число людей в каждом классе неодинаково и подчиняется закону уклонения от средних величин Кетле, согласно которому частота уклонения от средней есть

[1] *Гальтон Ф.* Наследственность таланта.— СПб., 1875. С. 2.

290

функция их величины. Так, по материалам словаря современников, который содержит список из 2500 имен разных деятелей (артисты, ученые, судьи, врачи, купцы, поэты, государственные деятели, полководцы, путешественники), число наиболее избранных составило 250 личностей из миллиона людей.

Гальтон пытался оценить одаренность разных рас по числу гениев (при этом социальные условия жизни не учитывались) и сделал вывод, что она неодинакова по генотипу. Некоторые его высказывания носят откровенно расистский характер. Из того факта, что в настоящее время нет людей, равных Сократу или Фидию, Ф. Гальтон сделал вывод об ухудшении человеческой природы и видел средство ее улучшения в планомерном размножении даровитых людей, которое приведет к образованию новой человеческой формы. Эти мысли он развивает в специальную область — *евгенику.*

Подходя к человеку с откровенных биологизаторских позиций, используя результаты, полученные с помощью применения статистического подхода, Гальтон объяснил распределение одаренности природными факторами. Так, ученых характеризуют следующие наследственно обусловленные качества: энергия тела и

духа, упорная выдержка и постоянство, врожденное влечение к науке, здоровье, независимость суждений[1]. Игнорирование социальной сущности человека и законов его развития, биологизация социальных проблем привели к антинаучным выводам и реакционным рекомендациям (например, слабые нации должны уступить дорогу более благородным вариантам человечества и т. п.). С целью изучения влияния воспитания и среды он предпринял исследование однояйцовых и разнояйцовых близнецов путем сбора анкет. Этим был введен новый метод научного исследования — близнецовый метод[2]. Был сделан общий вывод о существовании огромного внутрипарного сходства близнецов одного пола, видимо, однояйцовых близнецов. У разно-

[1] *Гальтон Ф.* Люди науки, их воспитание и характер.— СПб., 1875.

[2] Близнецовый метод используется сейчас для оценки роли генотипических факторов в формировании свойств нервной системы, которые характеризуют индивида (И.В. Равич-Щербо).

291

яйцовых близнецов наблюдались различия внутри пары, но это не поколебало общего вывода о решающей роли наследственности.

От изучения таланта Ф. Гальтон перешел к измерению психических функций каждого человека с целью оценки его ума. Он ввел задачи *(тесты)* на измерение остроты ощущений (зрительных, слуховых, обонятельных и др.), времени реакции, изобретая необходимые для этого приборы (свисток Гальтона для определения верхнего порога слуха, линейка Гальтона для определения глазомера и др.). Тестировались ассоциативные способности, воображение, скорость образования суждений. По результатам испытаний судили об индивидуальных различиях между людьми. Гальтон считал, что тесты сенсорного различия могут служить средством оценки интеллекта, поскольку исходил из сенсуалистической установки и рассматривал органы чувств единственным источником знаний, дающих базу для действий интеллекта. В 1882 г. он основал антропометрическую[1] лабораторию в Лондоне. Здесь за небольшую плату каждый человек мог подвергнуть испытанию свою сенсорную различительную чувствительность, моторные процессы. Он видел практическое значение данных исследований для отбора людей в связи с государственными задачами в области промышленности, армии, колониальной политики.

Так, Гальтон выступил основоположником психологии индивидуальных различий и метода тестов, который казался адекватным путем их изучения.

Гальтон пытался исследовать индивидуальные различия в области характера. Он высказывал идеи о связи психики и внешности человека, используя для этой цели методику составных портретов. Эти попытки не увенчались успехом.

Из всех многочисленных идей Гальтона особенно продуктивное продолжение получила идея тестирования психических функций. По Гальтону, тестами потому можно измерять психические процессы, что они, являясь функцией мозга и будучи обусловлены наследственно, обладают известным постоянством на протя-

[1] Гальтон называл антропометрией искусство измерять физические и умственные свойства людей.

292

жении всей жизни человека. В таком понимании и стала развиваться *тестология.* Ее важным направлением были статистические исследования человеческих способностей, построенные на выявлении взаимосвязей показателей, полученных с помощью широкого диапазона тестов. Основатель Лондонской школы психологии **Чарльз Эдвард Спирмен** (1863—1945) разработал метод математической обработки корреляционных таблиц, применяемый с целью определения тех факторов (детерминант), которые лежат в основе корреляций между сопоставляемыми переменными — метод анализа корреляций — факторный анализ. Выдвинул *двухфакторную теорию интеллекта.* Экспериментально установил, что один и тот же испытуемый в различных интеллектуальных тестах дает одинаковые результаты, т. е. оценки по этим тестам при решении самых различных задач коррелируют. Эти отношения Спирмен объяснил зависимостью от общей причины — *фактора G* (general Ability). Наряду с этим общим фактором были выделены специфические факторы, соответствующие специальным формам деятельности (S_1, S_2...). Последователи факторного анализа совершенствовали его процедуру, а также противопоставили двухфакторной теории новые теоретические объяснения интеллекта. Возникли мультифакторные теории (Л. Терстоун, Дж. Гилфорд — США, С. Барт — Англия) : в них в структуре интеллекта выделяется ряд факторов, имеющих разный вес в разных тестах. Число таких факторов, выделяемых разными авторами, различно. Расширяется сфера применения факторного анализа. Г. Айзенк и Р.В. Кеттел применили его к исследованию личности.

В отечественной психологии техника факторного анализа начала применяться в области изучения структуры свойств нервной системы человека (Б.М. Теплов, В.Д. Небылицын).

Альфред Бине (1857 — 1911), с именем которого связано создание экспериментальной психологии во *Франции,* является также одним из основателей психологии *индивидуальных различий.* Он получил известность своими экспериментальными исследованиями по изучению мышления. В них он пришел к тем же выводам, что и Вюрцбургская школа. Не отрицая роли образа в мыш-

293

лении, ссылаясь на исследования И. Тэна, факты из патологии, описанные Шарко, он пришел к выводу: законы течения мыслей несут законы образов. Слова уступают образам, они лучше выражают мысль. Бине изучал также людей с выдающимися способностями — крупных счетчиков, шахматистов. Исследовал также воображение, память и интеллект у детей. В 1896 г. А. Бине опубликовал серию тестов для испытания

личности. Его исследования патологии воплотились в работу «Изменения личности». В этом же 1896 г. вышла работа А. Бине и В. Анри «Индивидуальная психология» — «программное сочинение новой области» (В. Штерн).

Настоящую известность ему принесла «метрическая школа интеллектуального развития», разработанная А. Бине совместно с врачом Т. Симоном по заказу французского министерства просвещения с целью отбора умственно отсталых детей из нормальной школы и подбора однородных классов не по знаниям, а по способностям. Первый вариант школы появился в 1905 г., а перерабатывалась она до самой смерти А. Бине.

С ее помощью были изучены дети от 3 до 12 лет. Тесты исследовали то, что называют термином «умственная одаренность», ум в противоположность глупости: теоретическую основу этих требований составляла концепция биологически детерминированного развития в онтогенезе, которое совершается независимо от обучения. Обучение должно идти за развитием, подчиняться ему. Под интеллектом понималось умение решать задачи, доступные соответствующему возрасту. Тесты составлялись эмпирически: на основании проб включались задачи, которые решались 75% детей изучаемого возраста. Они были разнообразными: испытывались память, внушаемость, моторные способности, практические навыки, умственные функции — сравнение, различение, определение, понимание картин; были немые и словесные тесты. Некоторые повторялись для разных возрастов, но изменялась степень требований к ответу. Были разработаны требования к технике проведения эксперимента, к поведению экспериментатора и фиксированию результатов.

Были получены следующие величины: *умственный возраст* — величина, получающаяся в результате тестовых испытаний, складывалась из числа лет в соответ-

294

ствии с решенными задачами. Для каждого возраста давались 5 задач. За решение каждой задачи приписывалась 1/5 года. Например, если ребенок 5-ти лет решал все задачи, соответствующие своему возрасту и 2 задачи из следующего, его умственный возраст равен 5 + 2/5 года. *Уровень умственного развития* — величина, которая выражается в *умственной отсталости* (разница между умственным и хронологическим возрастом выражается в отрицательных числах) или *умственном превосходстве* (выражается в положительных числах). В 1912 г. В. Штерн ввел понятие *коэффициента умственной одаренности* (mental quotient) как отношение умственного возраста к хронологическому (в %). Позднее Л. Термен назвал это отношение *коэффициентом интеллектуальности* (intelligence quotient — IQ). Впервые он был использован в варианте этой шкалы, разработанной Л. Терменом (США) в 1916 г. и получившей название шкалы Стэнфорд — Бине. Шкала Стэнфорд-Бине получила распространение и в других странах. В России ее усовершенствовала А.М. Шуберт. Усовершенствования шкалы имели как частный, так и более принципиальный характер. Так, наблюдались трудности с интерпретацией полученных результатов: поскольку степень владения речью существенно сказывается на решении тестовых задач, было уменьшено число словесных тестов.

Тесты были направлены на то, чтобы определить индивидуальные способности каждого ребенка, поэтому эти исследования способствовали развитию индивидуальной психологии, выступали в качестве ее метода. В основе лежало предположение о том, что способности природно обусловлены, их величина константна и составляет неизменное свойство индивида. Поэтому их измерение позволяет сделать прогноз личности на будущее.

Однако реально тесты отражали не столько врожденные способности, сколько некоторый суммарный результат развития в определенных условиях в определенной социально-культурной среде. Стало очевидно, что то, что рассматривалось как способность, измеряемая тестами, с возрастом радикально меняется. Так с самого начала обнаружилось, что в теоретическом плане тесты решали не ту задачу, которую ставили перед собой исследователи. Оказалось, что и в практическом плане краткое тестовое обследование не может

295

быть надежным средством, с помощью которого можно отличить умственно отсталого от просто отстающего. Показывая, что ребенок не решает задачу, тест не раскрывает причину этого. Это относится и к другим областям, где применяются тесты: профориентации и профотбору, изучению хода психического развития детей. В решении всех этих задач использовать метод тестов целесообразно в сочетании с другими методами, направленными на изучение условий развития обследуемой личности.

Так, в конце XIX столетия начала развиваться дифференциальная психология в качестве ответвления от общей психологической науки. Интерес к индивидуальной психологии объясняется большими практическими ожиданиями, которые связывались с ней с самого начала ее развития. *В самостоятельную область психологии ее оформил В. Штерн* («Дифференциальная психология и ее методические основы», 1900). В этом труде Штерн рассмотрел дифференциальную психологию как теоретическую и как практическую прикладную науку. В разделе о *дифференциальной психологии как теоретической науке* определяются ее предмет, основные проблемы и понятия. Как *прикладная наука* дифференциальная психология имеет две цели: познание индивидуальных свойств человека *(психогностика)* и обращение с человеком *(психотехника),* т. е. практическое влияние на человека с учетом его индивидуальных особенностей в процессе обучения и воспитания, лечения, в судопроизводстве и т. п. Как наука, дифференциальная психология изучает причины индивидуальных различий, роль среды (внешняя причина) и наследственности (внутренняя причинность). Она изучает проявления индивидуальных различий в

области интеллекта, характера, темперамента в зависимости от общественного положения, национальной и половой принадлежности и т. п. Штерн наметил четыре направления проблематики дифференциальной психологии.

1. Исследование одного признака у нескольких индивидов (вариационное исследование). Сюда относятся изучение типов памяти, степени интеллекта, темпераментов, верхней и нижней границы нормы для определенных достижений. Эти исследования устанавливают типы психических особенностей.

296

2. Исследование двух и более признаков у нескольких индивидов (корреляционные исследования); например, изучают связи между свойствами темперамента и воли.

3. Исследование индивидуальности в отношении многих признаков (психография); например, персональный портрет человека.

4. Сравнительное исследование двух и более индивидов в отношении многих признаков; например, семейное исследование.

В отечественной науке с идеями индивидуальной психологии и в полемике с Штерном выступил А.Ф. Лазурский. В статье «Современное состояние индивидуальной психологии» (1896) и в трудах «Очерк науки о характерах» (1906), «Школьные характеристики» (1908), «Классификация личностей» (публикация частей этой книги началась в 1915 г. ив полном объеме вышла после смерти автора в 1922 г.) он развивал идеи об индивидуальной психологии как *характерологии.* В характерологии детально изучается человеческая личность, т. е. индивидуальные особенности отдельных людей в их неповторимом сочетании в личности. Лазурский разработал для этих целей *метод естественного эксперимента.* Естественный эксперимент подобен клиническому исследованию и заключается в наблюдении по специальной программе за испытуемым, например школьником, в естественных условиях, во время учебных занятий, в подвижных играх, чтении и т. п. Наряду с лабораторными приемами он позволяет исследовать личность человека, его интересы, характер. «Здесь, как и во всяком другом эксперименте, мы имеем преднамеренное, могущее неоднократно повторяться вмешательство исследователя в душевную жизнь испытуемых, причем вмешательство это при помощи определенных, заранее выработанных приемов и имеет всякий раз определенную цель: исследовать ту или иную заранее намеченную группу психологических процессов»[1].

Количественный подход к исследованию структуры личности с помощью тестов разработал **Г.И. Россолимо** (1860— 1928), выдающийся детский невропатолог-

[1] *Лазурский А.Ф.* Личность и воспитание // Естественный эксперимент и его применение. Пб., 1918. С. 3.

297

клиницист. Свой метод экспериментального изучения личности он назвал *методом психологических профилей.* Он выделил 11 психических процессов (внимание, воля, точность и прочность восприимчивости, зрительная память, память на речь, память на числа, осмысление, комбинаторные способности, сметливость, воображение, наблюдательность), которые оценивал по 10-балльной шкале. Графически высота каждого профиля выражалась высотой ординаты: из показателей вычислялась средняя высота психологического профиля. Методика явилась первым профильным изображением результатов измерения интеллектуальных способностей. Профиль имел диагностическое значение для определения дефектности личности, т. е. отсталости (значительная, средняя или слабая), а также характера отсталости (снижение памяти, недостатки высших психических процессов, слабость психического тонуса).

Вопросы индивидуальных различий как новой области психологии решались в основном с помощью метода тестов. Именно этот метод вызвал серьезную критику. Г.И. Челпанов в статье «Современная индивидуальная психология и ее практическое значение» высказал сомнение в адекватности разовых исследований задаче индивидуальной психологии и указал на необходимость применения в этих целях строго научных методов. Позже в отечественной науке Б.М. Тепловым и его школой были разработаны другие теоретически обоснованные и опирающиеся на объективную методику пути исследования индивидуально-психологических различий людей.

Большое развитие прикладные исследования получили в Германии. **Эмиль Крепелин** (1856 — 1926) особенно стремился внести в психиатрию психологический эксперимент. Он применил в клинике ассоциативный эксперимент и показал различие в характере ассоциаций при шизофрении и маниакально-депрессивном психозе. Ассоциативный эксперимент в клинике применял также Р. Зоммер. Крепелин произвел экспериментальные исследования умственного утомления и построил кривую работы. Ему принадлежит попытка составления схем исследования личности (здорового или больного) путем измерения ряда признаков: времени протекания психических процессов, спо-

298

собности к упражнению, прочности упражнения, специальной памяти, приспособляемости, утомляемости, способности восстанавливаться после утомления, глубины сна, отклоняемости и некоторых других. Из подобных исследований возникла задача установления типа людей, которая стала одним из направлений новой области психологии — дифференциальной психологии.

В теснейшем союзе с научной психологией действовал **Эугон Блейлер** (1857 — 1939). Из его школы вышел К. Юнг, оба использовали ассоциативный эксперимент в диагностических целях. Блейлер особенно известен выделением новой формы мышления — *аутистического* мышления.

Интенсивное развитие получило приложение экспериментальной психологии к педагогике. **Эрнст Мейман**

(1862— 1915), Вильгельм Август Лай и др. провозгласили возникновение *экспериментальной педагогики.* Важное место заняла психология в юридической практике, особенно при оценке верности свидетельских показаний. В. Штерн создал Институт прикладной психологии и журнал под тем же названием. Наибольшее внимание уделял педагогической и промышленной психологии. Под влиянием книги К. Бюхера «Работа и ритм» психологи экспериментально исследовали отношение между ритмом, продуктивностью и качеством труда. Г. Мюнстерберг, основные исследования которого были выполнены в Америке, показал практическое значение психологии при выборе профессии.
У истоков экспериментальной психологии в Америке стоят У. Джемс, Г.Ст. Холл, Дж.М. Кеттел (1860 — 1944). Хотя Джемс не был психологом-экспериментатором (он имел небольшую лабораторию в Гарвардском университете (основана в 1875 г.), где ставились некоторые эксперименты), он активно поощрял экспериментальные исследования. У него начинают свои эксперименты по зоопсихологии Э. Торндайк, Д. Дьюи, Д. Энджелл, Р. Вудвортс, все психологи-экспериментаторы — его ученики. Джемс уделял большое внимание прикладной психологии, особенно применительно к педагогике. Его «Беседы с учителями о психологии» (1892) в яркой и доступной форме содержат необходимые для каждого учителя психологические познания, дают практические советы по развитию памяти, внимания, воли и т. п.
299
Именно **Гренвил Стэнли Холл** (1844— 1924) явился основоположником экспериментальной психологии в Америке как руководитель одной из крупнейших экспериментальных психологических лабораторий (1883, университет им. Гопкинса). Фресс и Пиаже называют ее первой в Америке[1]. Он проводил экспериментальные исследования в области восприятия, однако ведущей его областью была педагогическая и генетическая психология. Большой энтузиаст организации движения по изучению детей, Холл указал на важность эмпирического изучения ребенка. С этой целью применял анкеты, опросы (родителей и учителей) с последующей статистической обработкой результатов. Создалось научное движение, получившее название *педологии.* Из Америки оно распространилось в страны Европы — сначала в Англию и Францию, затем в Германию, Швейцарию, Италию, Австрию, Бельгию и Россию.
Холл явился крупным организатором американской психологической науки. По его инициативе была создана Ассоциация американских психологов (1892), первым президентом которой он был. Он явился основателем важнейших периодических изданий. По приглашению Холла в связи с 20-летием Кларковского университета 3. Фрейд прочитал пять лекций по психоанализу[2] и этим начал развитие психоанализа в США. Многосторонняя деятельность Холла выдвигает его в ряд основоположников американской психологической науки, в том числе ее экспериментального направления.
Важную роль в становлении и развитии американской экспериментальной и прикладной психологии сыграл **Джеймс Мак-Кин Кеттел** (1860— 1944). От экспериментальных исследований времени реакций, начатых у Вундта, учеником, а затем ассистентом которого он был, он перешел к изучению *индивидуальных различий.* Этот интерес привел его к Гальтону, известному своими трудами в области интеллектуальных способностей. В 1890 г. в английском журнале «Mind»

[1] Фресс *П., Пиаже Ж.* Экспериментальная психология. Вып. I, П.— М, 1966. С. 60.

[2] См.: История психологии. XX век / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан.— М.: Академический Проект, 2002.

300
вышла *статья Кеттела «Интеллектуальные тесты и измерения»,* предисловие к которой написал *Гальтон.* Целью Кеттела было определение интеллектуального уровня (студентов). Он разработал задания, которым дал термин «тест», для измерения мышечной силы, скорости движения, чувствительности, остроты зрения и слуха, различения веса, времени реакции, памяти и т. п., считая, что с их помощью можно измерять интеллектуальные функции. Эти исследования были продолжены им в Соединенных Штатах в Колумбийском университете, в котором он действовал. Кроме способностей, Кеттел изучал также навыки.
Непосредственное влияние Кеттела на американскую психологию продолжалось в течение 65 лет. Вместе с Болдуином он основал журнал «Психологическое обозрение» (1894) и «Указатель по психологии», «Психологический бюллетень». Его преемником в Колумбийском университете стал В. Вудвортс.
Из других основателей экспериментальной психологии в Америке следует назвать Г. Лэдда (1842 — 1921), Э. Скрипчура (1864-1927), К. Сишора (1866-1949), Д. Болдуина (1861 - 1934), Д. Энджелла (1869- 1949). Особое место занимает *Э. Титченер,* экспериментальные исследования которого развивались в русле собственной теоретической программы — структурализма. Большой вклад в становление экспериментальной психологии в США внесли зоопсихологи. Ставшие классическими исследования Э. Торндайка, Р. Йеркса, В. Смолла обогатили психологическую науку методиками объективного изучения психики животных и способствовали возникновению бихевиоризма. В книге «Ум животных» (1898) *Торндайк* сделал предметом экспериментального исследования процесс учения. Он создал методику («проблемный ящик»), сформулировал законы (факторы) научения у животных: эффекта, упражнения, изменения характера контактов в нервной системе, готовности. Позже исследовал процесс учения у человека («Педагогическая психология»: В 3 т. 1913— 1914; «Процесс учения у человека», 1931 и др.).
Многие из экспериментальных исследований тесно смыкались с практикой и становились частью ряда областей прикладной психологии. Эта тенденция про-
301
слеживается уже у Кеттела в его исследованиях навыка чтения. В конце своей жизни он непосредственно

занимался прикладной психологией в крупной частной компании «Psychological Corporation». Связь с практикой проявлялась, в частности, в том, что экспериментальные исследования проводились не в лабораториях, а в условиях профессиональной деятельности. Так изучались, например, навыки приема и передачи телеграмм (У. Брайан, Н. Хартер), обучения машинописи (У. Бук) и др.

Эти вопросы в отечественной психологии в 20-е гг. изучал С.Г. Геллерштейн и дал им глубокую интерпретацию в докладах на международных конференциях: IV Международной психотехнической в Париже (1928) и IX Международном психологическом конгрессе в США (1929).

Особенно тесно с прикладными задачами были связаны экспериментальные исследования в работах **Гуго Мюнстерберга** (1863— 1916), основателя *прикладной психологии и психотехники* как ее части[1]. Его исследования были связаны главным образом с областью промышленного производства и транспорта. Несколько раньше американский инженер Ф. Тейлор (1856— 1915), которого называют «классиком управления», разработал систему интенсификации труда путем использования психологических факторов в целях рационализации производства. Например, на одном производстве (по контролю стальных шаров) было занято 120 женщин. В результате исследования психофизиологических условий этой работы, ее приспособления к этим условиям был сокращен рабочий день, введены частые паузы в соответствии с кривой утомления. Продуктивность работниц возросла настолько, что ту же работу стали делать 35 человек.

Именно задаче, связанной непосредственно с экономическими интересами предпринимателей, служила психотехника как направление прикладной психологии. В ней разрабатывались проблемы профессионального утомления, профориентации, профотбора, психологии воздействия, в том числе средствами рекламы и др.

[1] См. его работы: Основы психотехники.— М., 1922—1923, 1924; Психология и экономическая жизнь.— М., 1924.

302

Именно Г. Мюнстерберг оформил психотехнику в самостоятельную область знания (термин «психотехника» ввел немецкий психолог В. Штерн)[1].

Еще в 1908 г. в Бостоне Ф. Парсонс организовал бюро, в котором давал индивидуальные консультации подросткам, выбирающим профессию. По существу, это было начало работы по профориентации, но велась она без достаточных научных основ, специальных методов и опиралась главным образом на наблюдение за индивидуальными особенностями подростков и собственную интуицию. В разработке методов для исследования личных качеств и отбора рабочих и служащих в соответствии с особенностями различных видов деятельности, профессий выдающуюся роль сыграли исследования Г. Мюнстерберга. Он работал в непосредственной связи и по заказам крупных американских компаний. Исследования Мюнстерберга существенно отличались от лабораторного эксперимента Вундта: в них произошел переход от искусственных лабораторных условий к моделированию естественных условий деятельности. Работы Г. Мюнстерберга давали большой практический эффект. Разрабатываемые на основе этих исследований тесты стали главным средством при отборе рабочих и служащих.

В психотехнике по-новому выступил принцип практики: практика выступила не только «потребителем» полученных психологией в условиях лабораторного эксперимента данных, но сама ставила перед психологией запросы, задавая перспективу ее методологических основ и методических приемов. В этом, кроме чисто практического эффекта, большой *методологический смысл психотехнического движения,* на который неоднократно указывал Л.С. Выготский.

Важной областью прикладных исследований во французской психологии в XIX в. была медицина, особенно психиатрия и неврология. В Париже действовал крупнейший невропатолог, один из основоположников изучения неврозов и гипнотизма **Жан Мартэн Шарко** (1825— 1893). Его психиатрическая клиника в Сальпетриере превратилась в мировую школу. Здесь учились

[1] *Stern W.* Différentielle Psychologie.— 3. Aufl.— Leipzig, 1921.

303

3, Фрейд, П. Жане, А. Бине. Шарко занимался истерией и гипнозом. Он выделил истерию как заболевание и объяснил ее симптомы — параличи, амнезии, припадки — физиологическими причинами. Он подчеркивал значение гипноза как диагностического средства, позволяющего отделить истериков от других типов пациентов. Гипнотическое состояние он рассматривал как болезненное состояние сознания — помрачения сознания, аналогичные истерическим.

Иные взгляды на истерию и гипноз сложились в психологической школе (г. Нанси). Их развивали И. Бернгейм и А. Льебо. В отличие от Шарко, Бернгейм понимал гипноз как состояние, родственное обычному сну, при котором человек обладает способностью находиться под воздействием идеи и реализовать ее, причем все другие воздействия внешнего мира оказываются недоступными сознанию. В своих демонстрациях Бернгейм внушал больным галлюцинации, изменения в сосудодвигательной и секреторной системах, параличи, амнезии, автоматические действия и т. п. Он описал факт внушения на долгий срок. Этот факт и его объяснение за счет предположения о сохранении в сознании какой-либо идеи, но скрытой до дня исполнения произвели неизгладимое впечатление на Фрейда и явились предпосылкой собственных идей о бессознательном.

Факты амнезии при пробуждении, изменения личности в гипнозе (присвоение чужой личности, чередования

личностей, возвращение к прежней личности), нарушения психики при душевных заболеваниях представляли большой интерес для психологии и особенно для самого малоизученного ее раздела — высших психических функций и личности. Особенно большая заслуга в использовании материалов патологии принадлежит **Теодюль-Арману Рибо** (1839—1916), основоположнику современной эмпирической психологии во Франции. Рибо разделял позиции ассоцианизма и считал, что теория ассоциаций представляет собой наиболее разработанный отдел в современной психологии!.

[1] Рибо Т. написал диссертацию о Д. Гартли (1872), читал курс о новейших работах по вопросу об ассоциациях в Коллеж де Франс (1901); автор работ по анализу современной немецкой и английской психологии.

304

Он подчеркивал важность изучения анатомо-физиологических основ психических явлений, разделяя принципы физиологической психологии. Психология, по Рибо, должна быть экспериментальной наукой, но Рибо не сводил эксперимент к его лабораторной форме и называл патопсихологию естественным экспериментом самой природы. Многие труды Рибо посвящены исследованию болезней памяти, личности, чувств и др. Рибо считал, что психология должна быть объективной генетической, изучать конкретные факты психической жизни в их развитии. Возникновение социальных чувств, памяти, произвольного внимания, творческого воображения он связывал с общественными условиями существования человека, с его трудовой деятельностью.

Следует отметить также большую организаторскую деятельность Т. Рибо. Он основал первый печатный орган психологов — журнал «Философское обозрение» (1876), в котором сотрудничали психологи и философы многих стран — Англии, Италии, Германии, Америки, России. В 1889 г. в Париже он организовал I Международный психологический конгресс с целью укрепления международных связей и сотрудничества психологов разных стран.

Внимание Рибо к фактам патологии, использование их для изучения психической жизни получило свое развитие в работах его ученика **Пьера Мари Феликс Жане** (1859— 1947). Основным методом психологии он считал *клиническое наблюдение.* Научное психологическое исследование может быть только изучением всех психологических явлений исключительно как *действий.* Психология должна быть объективной в том смысле, что она должна изучать непосредственно наблюдаемое — действия, речь субъекта, его манеру говорить и т. п. Любой изучаемый психологом факт должен пояснятся с помощью понятия действия: новизна, длительность, прерывность-непрерывность и т. д. В его изучение П. Жане включал количественный аспект, т. е. мощность или эффективность действия, а также напряжение. По показателям этих аспектов определялась принадлежность к норме или патологии и тяжесть заболевания. Жане развивает

305

эволюционные идеи об уровнях поведения, каждый из которых отличается различной степенью сложности актов-действий. Все функции психики, наблюдаемые в филогенезе и онтогенезе, описываются в последовательности их становления[1]. Поражением того или иного уровня объясняются психические заболевания: так, при неврозе поражаются верхние этажи; при идиотии поведение находится на стадии рефлекторных действий.

Исходя из представлений о важности общения, П. Жане построил учение о *памяти как чисто человеческом изобретении и о ее социальной природе.* Память — это рассказ о некотором событии прошлого, случившемся в отсутствие того, кому этот рассказ адресован. П. Жане называет память «преобразованной формой социального поведения отсутствия».

Важной темой исследований Жане была *личность.* Личность он охарактеризовал такими качествами, как целостность, свобода, ответственность, уникальность. Жане показал эволюцию личности, которая начинается с телесной целостности и завершается уровнем Я, рефлексирующего человека. Это развитие происходит в условиях социального взаимодействия индивида, это трудный процесс, часто сопровождается расстройствами и проблемами.

Имя Жане неотделимо от проблемы *бессознательного,* в исследование которого он внес неоценимый вклад. Исходя из запросов клинической практики и на клиническом материале он дал такое его понимание, которое во многом перекликается с психоанализом
Фрейда[2].

Признаваемая Жане социальная обусловленность психики человека получила признание в отечественной науке. Идеи интериоризации Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин связывают с представлениями Жане. Психологические идеи Жане получили широ-

[1] Генетический подход к интеллектуальным операциям был осуществлен его учеником Ж. Пиаже.

[2] В науке существует литература, посвященная проблеме приоритета по поводу открытия бессознательного между Фрейдом и Жане. См. напр., *Лоренцер А.* Археология психоанализа.— М., 1996. С. 119-136.

306

кое развитие во французской психологической науке. Учениками П. Жане были А. Пьерон (1881 — 1964), а также А. Валлон, Ж. Пиаже — основатели современной генетической психологии.

У истоков *экспериментальной психологии в России* стояли врачи-психиатры. В 80-х гг. XIX в. ими были организованы экспериментальные психологические лаборатории при психологических клиниках (в Казани, а затем в Петербурге — В.М. Бехтерев; Москве — С.С. Корсаков, А.А. Токарский; Харькове — П.И.

Ковалевский; Киеве — И.А. Сикорский; Дерпте (Тарту) — Э. Крепелин, В.Ф. Чиж и др.). В этих лабораториях велись исследования по широкому кругу проблем, включая, кроме психологических, анатомию и физиологию нервной системы, психиатрию. Темами экспериментально-психологических исследований были время протекания психических процессов, различные виды ощущений (зрительные, слуховые, мышечные, температурные, болевые), восприятия, двигательные реакции, внимание, память, явления гипнотизма, эмоции, влияние различных условий на умственную и мышечную работоспособность и др. Официальная психология в лице университетских профессоров не хотела замечать эту работу врачей. Об этом с горечью писал врач — психиатр, организатор экспериментальной психологической лаборатории в Юрьеве (Тарту) В.Ф. Чиж в своем письме в редакцию журнала «Вопросы философии и психологии» в 1894 г. Однако процесс внедрения эксперимента в психологию нельзя было остановить.

Первым психологом, создавшим собственно психологическую лабораторию, был Н.Н. Ланге (Новороссийский университет, 1896 г.), который внес огромный вклад в развитие экспериментальной психологии. Его исследования в области восприятия и

Психологический институт им. Л.Г. Щукиной при Московском университете. Основан в 1912 г.

307

внимания и основанная на них теория этих процессов — *закон перцепции и теория волевого внимания* — привели его к выводу о том, что самонаблюдение не может уловить стадии этих процессов, не позволяет вскрыть законы изучаемых процессов. Результаты этих исследований были обобщены в докторской диссертации автора «Психологические исследования», защищенной в 1893 г. в Московском университете. В своем вступительном слове на защите «О значении эксперимента в современной психологии» Н.Н. Ланге развивал как главную мысль о том, что «к изучению психологических проблем необходимо приложить тот точный эксперимент, который дал столь блестящие результаты в области естествознания; и что, сделав это, применив к психологии эксперимент, мы можем возвести ее к такому совершенству, обратив ее в столь положительную науку, какой она еще никогда не была»[1]. В развернувшемся на защите диспуте по вопросу о значении эксперимента в психологии позицию Ланге разделяли С.С. Корсаков, а также А.А. Токарский. Заострив внимание на слабых сторонах современного эксперимента, первый официальный оппонент Л.М. Лопатин сделал вывод о том, что в настоящее время «эксперименту принадлежит сравнительно скромная роль в решении коренных задач психологии»[2], так что «в его современном состоянии, применяемый к решению основных психологических проблем о воле и разуме, он все же едва ли может заменить столь часто и несправедливо осуждаемый метод психологической интроспекции»[3]. Так, в обстановке ожесточенных споров постепенно эксперимент входил в психологическую науку в России. В поддержку эксперимента выступил влиятельный Н.Я. Грот. В докладе «Основания экспериментальной психологии», с которым он выступил в Московском Психологическом Обществе, Грот выдвинул задачу разработки собственно психологическо-

[1] Ланге *Н.Н.* О значении эксперимента в современной психологии // Вопр. философии и психологии. Кн. 24(4).— 1894. С. 565.

[2] Отчет о докторском диспуте Н.Н. Ланге // Вопр. философии и психологии. Кн.(24)4.— 1894. С.580.

[3] Там же. С. 588.

308

го эксперимента, который должен, в отличие от эксперимента в естествознании, учитывать сознание, самосознание человека. Грот поддержал идею Ланге о необходимости учреждения психологических лабораторий при университетах.

В 1901 г. А.П. Нечаев организовал *лабораторию экспериментальной психологии* при Педагогическом музее военно-учебных заведений. Нечаев подчеркивал значение экспериментальной психологии для выработки целесообразных приемов школьного обучения и решения спорных вопросов дидактики и методики. Он развернул экспериментально-психологические исследования основ школьного дела. При психологической лаборатории Нечаева в *1904 г. были созданы педологические курсы* (директор Н.Е. Румянцев). По его инициативе были организованы (1906 и 1909) Всероссийские съезды по педагогической психологии и экспериментальной педагогике (1910, 1913, 1916). На съездах обсуждались принципы и методы психологического исследования, проблемы соотношения теории и эксперимента. Г.И. Челпанов в докладе «Задачи современной психологии», с которым он выступил на Втором Всероссийском съезде по педагогической психологии, предостерегал от «плодящегося дилетантизма в науке», который угрожает ей

всегда в случае отрыва от теории. Однако в условиях начавшегося процесса смыкания психологии с практикой это, в действительности, справедливое опасение, было воспринято как выступление против эксперимента. Бехтерев назвал Челпанова «ревностным защитником теоретической психологии» и в своем заключительном слове на этом съезде заявил: «Дайте науке ход, не загоняйте ее в привилегированные палаты одних университетов, ибо в таком случае она будет далека от практической жизни»[1].

Крупнейшим событием в истории отечественной экспериментальной психологии явилось открытие Психологического института при историко-филологическом факультете Московского университета (1912), ос-

[1] *Бехтерев В.М.* Речь перед закрытием съезда // Труды Второго Всероссийского съезда по педагогической психологии.— СПб., 1910 С. 379.

309

нователем которого был Г.И. Челпанов. Его проект создавался на основе обобщения опыта подобных учреждений в Германии и США. Задачу эксперимента Челпанов видел в том, чтобы сделать возможным точное самонаблюдение, т. е. подчинил его интроспекции. Челпанову принадлежит заслуга в продуманной организации обучения психологов экспериментальным методам исследования, в основу которого был положен его учебник «Введение в экспериментальную психологию» (1915). По оценке А.Н. Леонтьева, «это было первое и единственное пособие по психологическому практикуму на русском языке, лучшее среди аналогичных зарубежных изданий»[1]. Результаты научных исследований института публиковались[2].

Так в борьбе мнений развивалась и крепла организационно-экспериментальная и прикладная психология в России дореволюционного периода. В конце XIX — начале XX в. здесь производились психологические исследования прикладного характера также в области психологии труда.

* * *

50 лет существования психологии как самостоятельной науки явились свидетельством ее значительных успехов. Накоплена масса нового фактического материала. Были открыты новые феномены: аутистическое мышление (Блейлер), псевдогаллюцинации (В.Х. Кандинский), бессознательное (Жане), личность (Жане) и др. Психология обогатилась новыми методами и приемами исследования. Сложились новые научные области — педология, психотехника, дефектология, дефференциальная психология. Развитие прикладной психологии в различных областях социальной практики в медицине, педагогике, производстве привело к изменению статуса психологии в обществе. Эти позитивные процессы, которые явились результатом роста науки, логики ее развития во взаимодействии с социо-

[1] Московский университет за 50 лет Советской власти / Под ред. И.Г. Петровского и др.— М., 1967. С. 512.

[2] См.: Труды психологического института. Психологические исследования. Вып. 1—2.— М., 1914; ж. «Психологическое обозрение» издавался в 1917—1918 гг.

310

культурными факторами вызвали к жизни и новые проблемы. Выступило несоответствие новых данных с прежним традиционным пониманием психики. Обнаружившиеся факты неадекватности метода эксперимента в применении к исследованию сложных явлений душевной жизни вызвали критическое отношение к нему, к его возможностям. В целом психология отставала от запросов практики, а теория развивалась независимо от нее.

В начале 10-х годов XX в. психология вступила в новый период своего развития — период открытого кризиса.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается историческая роль В.Вундта в развитии психологии?
2. Почему Вундт критиковал определение психологии как науки о внутреннем опыте? Какое понимание он противопоставил этому определению? В чем их различия? Каково содержание программы Вундта?
3. Что нового внес Вундт в трактовку психических явлений?
4. Как понимал Вундт эксперимент в психологии?
5. Программа Ф.Брентано, ее влияние и развитие.
6. Что такое функционализм? Что повлияло на его возникновение? В чем значение функционализма для последующего развития психологии?
7. Какие программы развития психологии как самостоятельной науки были выдвинуты в России?
8. Каковы направления и результаты развития эксперимента в психологической науке конца XIX — начала XX вв.?

9. Как возникла дифференциальная психология?

Литература

1. *Вундт В.* Очерки психологии.— М., 1912.
2. *Вундт В.* Проблемы психологии народов.— СПб., 2001.
311
3. *Гальтон Ф.* Наследственность таланта. Ее законы и последствия.— М., 1996.
4. *Джемс У.* Психология.— М., 1991.
5. *Кавелин К.Д.* Задачи психологии. Соображения о методах и программе психологических исследований.—СПб., 1862.
6. *Ланге Н.Н.* Психический мир. Избр. психол. труды. М.— Воронеж, 1996.
7. *Сеченов И.М.* Избр. произведения.— Т. 1.— М., 1952.
8. *Челпанов Г.И.* Мозг и душа.— М., 1994.
9. *Челпанов Г.И.* Психология. Философия. Образование.— М.— Воронеж. 1999.
312

Раздел VI. ЗАРУБЕЖНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПЕРИОДА ОТКРЫТОГО КРИЗИСА (10-е - СЕРЕДИНА 30-х гг. XX в.)

313

Глава 1. кризис В ПСИХОЛОГИИ

Борьба мнений в области теории, новые факты, полученные в период интенсивного развития эмпирических и прикладных исследований в первые 50 лет существования психологии как самостоятельной науки[1] все более и более обнаруживали несостоятельность психологической теории и прежде всего недостаточность ее основания — субъективно-идеалистического представления о психике. *В начале 10-х гг. психология вступила в период открытого кризиса, который продолжался до середины 30-х гг.* Подобно кризису, который переживало в этот период естествознание, он явился показателем роста науки, развитие которой приводит к необходимости смены прежних представлений новыми знаниями. По оценке Л.С. Выготского, это был *кризис методологических основ психологии* «...и является выражением того факта, что психология как наука в своем практическом продвижении вперед в свете требований, предъявляемых ей практикой, переросла возможности, допускавшиеся теми методологическими основаниями, на которых начинала строиться психология в конце XVIII — начале XIX века»[2].

Кризис центрировался вокруг проблемы сознания и явился итогом развития психологии как науки о сознании.

[1] Раздел V, глава 2 и 3 настоящего издания.

[2] *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций.— М, 1960. С. 474. Кроме этого, о кризисе см.: *Анцыферова Л.И., Ярошевский М.Г.* Развитие и современное состояние зарубежной психологии. Ч. 2. М., 1974; *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии.— М., 1959; его же. Проблемы общей психологии.— М., 1973; *Гальперин П.Я.* Введение в психологию. 1976; *Buhler K.* Die Kriese der Psychologie. 1 Aufe Berlin, 1927.

315

В связи с различием путей по преодолению кризиса в зарубежной и отечественной психологической науке целесообразно рассматривать их отдельно. Рассмотрим ситуацию кризиса в зарубежной психологии.

Кризис в психологии совпал с периодом обострения экономических и социально-политических противоречий в буржуазном обществе, обусловленном его переходом к империализму. Рост производства сопровождался качественными изменениями в экономике, политике и идеологии, развитием процесса концентрации капитала и господства монополий и финансовой олигархии, агрессивной внешней политикой, направленной на перераспределение колоний и рынков сбыта путем империалистических войн, среди которых Первая мировая война 1914— 1918 гг. явилась первым из величайших социальных потрясений XX в.

Писатель и гуманист С. Цвейг в своей книге «Вчерашний мир. Воспоминания европейца» художественно и вместе с тем точно изобразил войну как катастрофу, которую невозможно согласовать с разумом и справедливостью. Он назвал ее порой «массового духовного помешательства»[1], раскрыл губительные последствия разбуженной ею в людях ненависти, жестокости, слепого национализма. Углубление и обострение в обществе противоречий, которые являются результатом господства монополий и финансовой олигархии, привели к образованию массовых политических движений, течений и партий, к обострению борьбы между разными общественными группами и классами и прежде всего между буржуазией и рабочим классом. Вместе с этим происходит процесс превращения буржуазии из прогрессивного класса в консервативный и даже реакционный. Естественно, что это обстоятельство нашло свое отражение в больших изменениях буржуазной идеологии. Вскоре после окончания Первой мировой войны как продукта

перерождения буржуазной демократии и реакции на социалистическую революцию 1917 г. в России и революционный подъем в ряде евро-

[1] *Цвейг С.* Вчерашний мир. Воспоминания европейца // Цвейг С. Статьи, эссе. Воспоминания европейца.— М., 1987. С. 318; см. также *Юнг К.Г.* Проблема души современного человека // Филос. науки.— 1989. С. 114-126.

316

пейских стран складывается фашизм. Литературу и искусство затопляют многообразные антиреалистические течения, полные мистических мотивов, настроения страха и отчаяния. Сложность и противоречивость социальной ситуации, разочарование в прежних «добропорядочных» нормах буржуазной морали, проповедь волюнтаристских взглядов на общество и историю приводили к ложным представлениям о человеческой личности, к неверию в духовные ценности, выливались в проповедь господства «природного» биологического начала в человеке. Противоречия между личностью и обществом осознавались как извечная несовместимость биологической природы человека с моральными требованиями общества. Это приводило к оправданию социальной несправедливости, конфликтов, преступлений, войн, к выводу о невозможности установления нормальных человеческих отношений.

В философии наиболее распространенными течениями становятся позитивизм в форме махизма и эмпириокритицизма, интуитивизм А. Бергсона, немецкая идеалистическая философия жизни, феноменология Э. Гуссерля. Продолжалось влияние волюнтаристских идей А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, Ф. Ницше. По оценке Дж. Бернала, «в результате социальных затруднений в конце XIX века стал воскрешаться антиинтеллектуализм, нашедший свое выражение в философских теориях Сореля и Бергсона. Инстинкт и интуиция стали расцениваться как нечто более важное, чем разум... Разум отвергается как устаревшее понятие...»!. Эти направления оказали существенное влияние на психологию. Многие психологи последовали за философией Маха.

В конце XIX — начале XX в. были сделаны фундаментальные открытия в физике, химии и других науках. В.И. Вернадский говорил о взрыве научного творчества в этот период. «Он отличается тем, что одновременно почти по всей линии науки в корне меняются все основные черты картины космоса, научно построяемого»[2]. Новейшая революция в естествознании в конце

[1] *Бернал Дж.* Наука и общество.— М., 1953. С. 119. [2] *Вернадский В.И.* Избранные труды по истории науки.— М., 1981. С. 235.

317

XIX — начале XX в. охватила область физико-химических наук. Открытие электронной структуры материи, изменения представлений о времени и пространстве вызвали необычайный эффект в мышлении и привели некоторых физиков к заключению об «исчезновении материи», неправомерно интерпретировались как свидетельство того, что современные научные исследования опровергают открытия, сделанные в науке в предшествующие периоды. В действительности то описание материи, которое дается новейшей физикой, не опровергает старой физики, но меняет прежние ограниченные понятия о материи и свидетельствуют о более глубоком ее познании. В этом проявился факт бесконечного развития научного знания, который пришел на смену представлению о науке как застывшей системе знаний. Глубочайшие изменения идей, возникновение новых понятий о материи в физике, химии, учение о симметрии, брожение идей в астрономии одновременно с ростом физико-хими-ческих наук привели к изменению в понимании положения человека в научно создаваемой картине мира. В.И. Вернадский говорил о глубочайшем изменении наук о человеке и об их смыкании с науками о природе как об одном из результатов роста физико-химических наук, этого перелома научного понимания космоса.

Вот в такой ситуации в области философии и науки психология в начале 10-х годов XX в. вступила в период открытого кризиса. Его источником явились запросы практики, необходимость ответить на которые привела как к осознанию недостаточности прежних классических взглядов, развиваемых эмпирической интроспективной ассоцианистической психологией, так и к появлению новых направлений исследований и новых концепций. Как и в естествознании, открытый кризис в психологии явился свидетельством развития науки. Преобразование представлений о природе и развитии психики и сознания на основе и в результате мощного развития собственно психологического эксперимента, приложения психологических знаний, в том числе экспериментальных методов к различным областям науки и практики — медицинской, педагогической, области производства, транспорта, торговли, военного дела и др., развитие объективных исследова-

318

ний в детской психологии и зоопсихологии способствовали возникновению ряда новых направлений. Каждое из них открывало противоречия в теоретических основах старой психологии, казавшихся до этого бесспорными. Эти выступления были свидетельством недостаточности имеющейся психологической теории, которая покоилась на ложно основанном субъективно-идеалистическом представлении о психике. Собственно в этом и состояла причина кризиса психологии. Требовалось решительное изменение исходных принципов и представлений. *Основным содержанием периода открытого кризиса и было возникновение новых психологических направлений,* оказавших (и продолжающих оказывать) большое влияние на современную психологию. Это бихевиоризм, психоанализ, гештальтпсихология, французская социологическая школа, понимающая (описательная) психология. Каждое из этих направлений выступило против основных положений традиционной психологии, основы которой были заложены еще в XVII в.

Декартом и Локком и которая сохранила свои наиболее существенные черты на протяжении XVIII —XIX вв. Характерно, что каждое из новых направлений выступало по преимуществу против какого-либо одного из ее аспектов. Так, Фрейд разрушил представление, в соответствии с которым психика отождествлялась с сознанием, а психология объявлялась наукой о содержаниях или функциях сознания. Бихевиоризм сформировался на основе острой критики субъективности предмета классической психологии и метода интроспекции с требованием объективного подхода, но уже не к явлениям сознания, непосредственно не доступным объективному наблюдению, а к поведению. Французская социологическая школа явилась протестом против индивидуализма ассоцианистической психологии с идеями о социальной природе человеческой психики и о ее качественном изменении в процессе исторического развития общества. Другую интерпретацию эти идеи (о зависимости психики от общества) нашли в духовно-научной психологии В. Дильтея и затем Э. Шпрангера. Против сенсуализма и атомизма ассоцианистической психологии выступила целостная психология — большое течение, имеющее ряд вариантов (описательная психология

319

тоже разделяла идеи целостности душевной жизни). Особенно плодотворное влияние имела берлинская школа гештальтпсихологии. Ее выдающиеся представители М.Вертгеймер, В. Кёлер, К. Коффка, К. Левин «...создали учение о мышлении и восприятии, основанное на большом количестве конкретных фактов»[1], разработали основы экспериментального подхода к проблемам аффектов, воли, потребностей.

Общую характеристику разных направлений периода кризиса дал Л.С. Выготский. Прослеживая судьбу каждого из них, он показал, что «...в начале каждого направления стоит какое-нибудь фактическое открытие... Мы имеем дело с новым фактическим материалом, который приносится в психологию каждым новым направлением»[2]. Затем на базе этих фактов, каждая группа которых дает материал лишь для отдельной главы психологии, как писал Л.С. Выготский, каждое направление строило общепсихологическую теорию и в ряде случаев (гештальтпсихология, психоанализ) даже претендовало на значение универсальной концепции и мировоззрения. Однако — и это стало историческим фактом — выполнение роли общепсихологической теории оказывалось не по силам каждому из этих направлений, и поэтому неизбежно наступал следующий этап, когда они были вынуждены — за счет чистоты своей концепции — ассимилировать идеи других направлений. После 1925 г. начинается спад бихевиоризма. После переезда основоположников в США (середина 30-х гг.) гештальтпсихология перестает существовать как самостоятельное направление. Психоанализ претерпел преобразования в ряде неофрейдистских теорий.

Процессу распада этих направлений способствовала их взаимная критика, которая помогла быстрее обнаружить внутренние противоречия, свойственные каждому из них (абсолютизация частных наблюдений, недостаточность экспериментов, неадекватная теоретическая интерпретация их результатов).

[1] *Выготский Л.С.* Современные течения в психологии // Выготский Л.С. Развитие высших психических функций.— М., 1960. С. 479.

[2] Там же. С. 461.

320

Такова судьба направлений, возникших в период открытого кризиса в психологии. Общий итог этому периоду подвел Л.С. Выготский. «Беря все направления,— писал он,— в их исторических границах, во всем том, что они были призваны сделать и что они могли завершить, оставаясь сами собой, я хотел указать на их внутреннюю ограниченность и невозможность выйти за пределы кризиса, преодоление которого все эти направления ставят своей задачей. Очевидно, круг этого кризиса очерчен таким образом, что он вытекает из самой природы того методологического основания, на котором развивается психология на Западе; поэтому внутри себя он не имеет разрешения. Даже те попытки, которые исходят из идеи разрешения кризиса и преодоления тех тупиков, к которым он привел, на самом деле не преодолевают тех трудностей, к которым привели психологию механицизм и витализм. И если бы им представилась возможность в течение 10 лет вести разумное исследование, то через 10 лет оно снова привело бы в тупик уже на более высоком фактическом основании, под другим названием, тупик, который будет переживаться неизмеримо трагичнее и острее, поскольку он будет иметь место на более высокой ступени науки, где все столкновения и противоречия оказываются более острыми и неразрешимыми»[1].

Перечисленные направления представляют собой разные варианты общепсихологической теории, пришедшей на смену традиционной. Споры между ними также свидетельствуют о разногласиях по ряду принципиальных вопросов. Однако, несмотря на эти различия, рассматриваемые направления глубоко связаны между собой. Все они исходили из старого понимания сознания. Оно и было той общей основой, которая заключается, в конечном счете, «...в отрыве сознания от практической деятельности, в которой преобразуется предметный мир и формируется само сознание в его предметно-смысловом содержании; именно отсюда проистекает, с одной стороны, отчуждение этого содержания как «духа» от материального бытия человека, с другой, превращение деятельности в поведение, понимаемое как способ реагирования. Здесь в общем узле

[1] *Выготский Л.С.* Развитие... С. 480 — 481.

321

сходятся нити, связующие психологию сознания и психологию поведения, психологию поведения и психологию духа; у направлений, представляющихся самыми крайними антиподами, здесь обнаруживается общая основа. Здесь средоточие кризиса, и именно отсюда должно начаться его теоретическое

преодоление»[1].
Изменить понимание сознания, объяснить условия порождения и функционирования сознания — вот в чем состояла задача. Ее решение требовало новых методологических ориентиров. Именно по этому пути пошло разрешение кризисных проблем в отечественной психологии.
Рассмотрим важнейшие направления периода открытого кризиса.

[1] *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии.— М., 1973. С. 90.

322

Глава 2. БИХЕВИОРИЗМ

Дж. Уотсон (1878-1958)

Бихевиоризм возник в США и явился реакцией на структурализм В. Вундта и Э. Титченера и на американский функционализм. Его основоположником был **Джон Уотсон** (1878 — 1958), статья которого «Психология с точки зрения бихевиориста» (1913) положила начало направлению. В ней автор критиковал психологию за субъективизм, называя «...сознание с его структурными единицами, элементарными ощущениями, чувственными тонами, вниманием, восприятием, представлением одними лишь неопределенными выражениями» 1, а также за практическую бесполезность. Предметом бихевиоризма он провозгласил изучение поведения[2] объективным путем и с целью служить практике. «Бихевиоризм полагает стать лабораторией общества»[3].
Философскую основу бихевиоризма составляет сплав позитивизма и прагматизма. В соответствии с методологией позитивизма в бихевиоризме признавалось, что научному исследованию доступны только

[1] *Уотсон Дж.* Психология как наука о поведении.— 1926. С. 3.

[2] Уотсон указывает на Пилсбери (Pillsbury), который раньше определил психологию как науку о поведении. По оценке Уотсона, в действительности это и подобные утверждения других авторов остались на уровне словесных и не привели к новому подходу в психологии. (См. Хрестоматия по истории психологии. С. 24).

[3] История психологии. XX век // Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан — М: Академический Проект, 2002. С. 131.

323

объективно наблюдаемые факты. В духе прагматизма отрицалось значение отвлеченного знания о человеке. Утверждалось, что изучение поведения имеет жизненное значение и должно помочь человеку (и обществу в целом) в решении практических проблем: как организовать свою повседневную жизнь, как построить обучение, чтобы быстрее овладеть необходимыми навыками или изменить нежелательное поведение и т. п.
В качестве научных предпосылок Дж. Уотсон называл исследования по психологии животных, особенно Э. Торндайка, а также школу объективной психологии. Однако все эти исследования были, как их оценивал Уотсон, «скорее реакцией на антропоморфизм, а не на психологию как науку о сознании» [1]. Он отмечал также влияние работ И.П. Павлова и В.М. Бехтерева.
Поведение человека как предмет бихевиоризма — это все поступки и слова, как приобретенные, так и врожденные, то, что люди делают от рождения и до смерти. Поведение — это всякая *реакция (R)* в ответ на *внешний стимул (S),* посредством которой индивид приспосабливается. Это совокупность изменений гладкой и поперечно-полосатой мускулатуры, а также изменения желез, которые следуют в ответ на раздражитель. Таким образом, понятие поведения трактуется чрезвычайно широко: оно включает любую реакцию, в том числе и выделение секрета железой, и сосудистую реакцию. В то же время это определение чрезвычайно узко, т.к. ограничивается только внешне наблюдаемым: из анализа исключаются как ненаблюдаемые физиологические механизмы и психические процессы. В результате поведение трактуется механистически, поскольку сводится лишь к его внешним проявлениям.
«Основная задача бихевиоризма заключается в накоплении наблюдений над поведением человека с таким расчетом, чтобы в каждом данном случае при данном стимуле (или лучше сказать —

ситуации) бихевиорист мог сказать наперед, какая будет реакция или — если дана реакция — какой ситуацией данная реакция вызвана»[2]. Таковы две проблемы бихевиоризма. Уотсон производит классификацию всех реакций

[1] Там же. С. 129.

[2] История психологии... С. 131.

324

по двум основаниям: являются ли они приобретенными или наследственными; внутренними (скрытыми) или внешними (наружными). В результате в поведении выделяются реакции: наружные или видимые приобретенные (например, игра в теннис, открывание двери и т. п. двигательные навыки); внутренние или скрытые приобретенные (мышление, под которым в бихевиоризме разумеется внешняя речь); наружные (видимые) наследственные (например, хватание, чихание, мигание, а также реакции при страхе, ярости, любви, т. е. инстинкты и эмоции, но описываемые чисто объективно в терминах стимулов и реакций) ; внутренние (скрытые) наследственные реакции желез внутренней секреции, изменения в кровообращении и др., изучаемые в физиологии. В последующем Уотсон произвел различение между инстинктивными и эмоциональными реакциями: «...если приспособления вызваны стимулом внутреннего характера и относятся к телу субъекта, то мы имеем эмоцию, например, покраснение; если стимул приводит к приспособлению организма, то имеем инстинкт — например, хватание»[1].

Наблюдение за новорожденным привело к выводу, что число сложных незаученных реакций при рождении и вскоре после него относительно невелико и не может обеспечить приспособления. Бихевиорист не находит данных, подтверждающих существование наследственных форм поведения, таких как ползание, лазание, драчливость, наследственных способностей (музыкальных, художественных и др.). Практически поведение является результатом обучения. Уотсон верит во всесилие образования. «Дайте мне дюжину здоровых крепких детей и людей, и я возьмусь сделать из каждого из них на выбор специалиста по своему усмотрению: врача, коммерсанта, юриста и даже нищего и вора, независимо от их талантов, склонностей, тенденций и способностей, а также профессии и расы их предков»[2]. Поэтому навык и научение становятся главной проблемой бихевиоризма. Речь, мышление рассматриваются как виды навыков. Навык — это индивидуально приобретенное или заученное действие. Его

[1] *Уотсон Дж.* Психология как... С. 185.

[2] *Watson J.B.* Behaviorism.— N.Y., 1930. P.104.

325

основу составляют элементарные движения, которые являются врожденными. Новый или выученный элемент в навыке — это связывание воедино или объединение отдельных движений таким образом, чтобы произвести новую деятельность. Уотсон описал процесс выработки навыка, построил *кривую научения* (на примере обучения стрельбе из лука). Сначала преобладают случайные пробующие движения, много ошибочных и только некоторые — удачные. Начальная точность низка. Усовершенствование за первые 60 выстрелов идет быстро, затем медленнее. Наблюдаются периоды без усовершенствования — на кривой эти участки называются «плато». Кривая оканчивается физиологическим пределом, свойственным индивиду. Удачные движения связываются с большими изменениями в организме, так что они лучше обслуживаются и физиологически и в силу этого имеют тенденцию закрепляться.

Удерживание навыков составляет память. В противоречие с установкой на отказ от изучения ненаблюдаемых механизмов поведения Уотсон выдвигает гипотезу о таких механизмах, которые называют *принципом обусловливания.* Называя все наследственные реакции безусловными рефлексами, а приобретенные — условными, Дж. Уотсон утверждает, что важнейшим условием образования связи между ними является одновременность в действии безусловного и условного стимулов, так что стимулы, первоначально не вызывавшие какой-либо реакции, теперь начинают вызывать ее. Предполагается, что связь является результатом переключения возбуждения в центральной инстанции на пути более сильного, т. е. безусловного раздражителя. Однако бихевиорист не занимается этим центральным процессом, ограничиваясь наблюдением за соотношением реакции со всеми новыми стимулами.

В бихевиоризме процесс образования навыков и научения трактуется механистически. Навыки образуются путем слепых проб и ошибок и представляют собой неуправляемый процесс. Здесь один из возможных путей выдается за единственный и обязательный[1]. Несмот-

[1] Существует и другой путь, в основе которого лежит управление процессом образования навыка: выделяется система условий, необходимых для действия, и организуется его выполнение с ориентировкой на эти условия.

326

ря на указанную ограниченность, важно, что концепция Уотсона положила начало научной теории процесса формирования двигательного навыка и научения в целом.

К середине 20-х гг. бихевиоризм получил широкое распространение в Америке, что позволило Э. Борингу

написать: «...не будет преувеличением сказать, что в настоящее время бихевиоризм является типичной американской психологией, несмотря на то, что, может быть, большинство американских психологов и откажется от того, чтобы называть себя бихевиористами»[1]. В то же время для исследователей становилось все яснее, что исключение психики приводит к неадекватной трактовке поведения. На это указал Э. Толмен в критике Уотсона, назвав его подход *молекулярным*[2]. Действительно, если исключить из поведения его мотивационно-познавательные компоненты, невозможно объяснить интегрирование отдельных реакций в тот или иной поступок или деятельность типа «человек строит дом», плавает, пишет письмо и т. п. Утверждение Дж. Уотсона о том, что бихевиорист интересуется поведением целого человека, никак не обеспечивается его механистической атомистической позицией и даже вступает в противоречие с ней, что он сам признавал. «Бихевиорист в своей научной деятельности употребляет орудия, существование которых он отрицает и в своем объекте, и в самом себе». Вследствие механицизма в трактовке поведения человек в бихевиоризме выступает как реагирующее существо, его активная сознательная деятельность игнорируется. «Окружающие условия так влияют на нас, что в данный момент при данных условиях всякий предмет может вызвать только строго соответствующий и обусловленный образ действия»[3]. При этом не учитываются качественные изменения, наступающие в поведении с переходом к человеку: данные, полученные в исследованиях на животных, переносятся на человека. Уотсон подчеркивал, что он писал этот труд и рассматривал чело-

[1] *Boring E.Y.* A History of experimental Psychology.— N.Y., 1929. P. 589.

[2] *Толмен Э.* Поведение как молярный феномен // История психологии...— М., 2002. С. 143-165.

[3] *Уотсон Дж.* Психология как... С. 281.

327

века как животный организм. Отсюда натурализм в трактовке человека. Человек «...представляет собой животное, отличающееся словесным поведением»[1].

Скрытую основу бихевиоризма составляет отождествление психики с интроспективным ее пониманием в психологии сознания. По оценке Выготского и Рубинштейна, *игнорирование сознания, психики, вместо того чтобы перестроить интроспекционистскую концепцию сознания,* составляет суть радикального бихевиоризма Уотсона. Очевидно, нельзя положить в основу психологии отрицание психики. В то же время исторической заслугой Уотсона является исследование поведения и острая постановка проблемы объективного подхода в психологии. Также важной является выдвинутая им задача управления поведением человека, нацеленность научного исследования на связь с практическими задачами. Однако в силу механистического подхода к человеку как реагирующему организму реализация этой задачи получает в бихевиоризме направление, дегуманизирующее человека: *управление* начинает отождествляться с *манипулированием* личностью. Еще в 1913 г. У. Хантер в экспериментах с отсроченными реакциями показал, что животное реагирует не только непосредственно на стимул: поведение предполагает переработку стимула в организме. Этим была поставлена новая проблема. Попытка преодолеть упрощенную трактовку поведения по схеме «стимул — реакция» за счет введения внутренних процессов, развертывающихся в организме под влиянием стимула и влияющих на реакцию, составили различные варианты **необихевиоризма.** В нем разрабатываются также новые модели обусловливания, а результаты исследований получают широкое распространение в различных областях социальной практики. Основы необихевиоризма заложил **Эдвард Толмен** (1886— 1959). В книге «Целевое поведение животных и человека» (1932) он показал, что экспериментальные наблюдения над поведением животных не соответствуют уотсоновскому молекулярному пониманию поведения по схеме «стимул — реакция». Поведение, по Толмену, это *молярный феномен,* т. е. целостный акт, который характеризует-

[1] *Уотсон Дж.* Психология как... С. 305.

328

ся собственными свойствами: направленностью на цель, понятливостью, пластичностью, селективностью, выражающейся в готовности выбирать средства, ведущие к цели более короткими путями. Введение в характеристику поведения понятий цели (намерения), поля отражает позицию Толмена по отношению к другим направлениям в психологии: он признавал совместимость бихевиоризма с гештальтпсихологией, глубинной психологией. Убежденный в сложности детерминации поведения Толмен различал три разновидности его детерминант: независимые переменные (первоначальные причины поведения) стимулы и исходное физиологическое состояние организма; способности, т. е. видовые свойства организма; *вмешивающиеся внутренние переменные* (intervening variables) — намерения (цели) и познавательные процессы. Выступив против субъективистского истолкования этих образований в духе старого ментализма, Толмен сделал именно вмешивающиеся переменные предметом собственных экспериментальных исследований. В экспериментах на латентное научение, викарные пробы и ошибки, гипотезы и др. было сформулировано понятие *«когнитивной карты»* (cognitive map). Когнитивная карта — это структура, которая складывается в мозгу животного в результате переработки поступающих извне воздействий. Она включает сложную сигнификативную структуру соотношения между стимулами и целями (signgestalt) и определяет поведение животного в ситуации актуальной задачи. Совокупность таких карт позволяет адекватно ориентироваться в ситуации жизненных задач в целом, в том числе и для человека. Несмотря на все оговорки, связанные с попытками избежать ментализма, фактически в результате введения

промежуточных переменных поведение реально получает психологическую характеристику. Выводы, полученные на животных, Толмен распространял на человека, разделяя тем самым биологизаторские позиции Уотсона.

Крупный вклад в развитие необихевиоризма внес **Кларк Халл** (1884— 1952). Его *гипотетико-дедуктивная теория поведения* складывалась под влиянием идей Павлова, Торндайка, Уотсона. Собственные экспериментальные исследования развернулись в области научения у животных. Как и теория Уотсона, теория Халла

329

К. Халл (1884-1952)

не учитывает фактора сознания, но в отличие от Уотсона, вместо схемы «стимул—реакция» Халл вводит формулу, предложенную еще в 1929 г. Вудвортсом, стимул—организм—реакция, где организм — это некоторые протекающие внутри него невидимые процессы. Их можно описать объективно, подобно стимулу и реакции: это результаты предшествующего научения (навык, по терминологии Халла), режима депривации, производным которого является возникновение побуждения, инъекции лекарств и т. п. Поведение начинается стимулированием из внешнего мира или из состояния потребности и заканчивается реакцией. «Эволюция органических процессов привела к появлению той формы нервной системы у высших организмов, которая под воздействием потребности и мускульной активности будет вызывать без предшествующего обучения те изменения в движениях, которые имели бы вероятность свести потребность на нет. Активность такого рода мы называем поведением»[1]. Применяя логический и математический анализ, Халл старался выявить связь между этими переменными, стимулами и поведением. Им были сформулированы законы поведения — теоретические постулаты, устанавливающие связи между основными переменными, определяющими поведение. *Основной детерминантной поведения Халл считал потребность.* Потребность вызывает активность организма, его поведение. От силы потребности зависит сила реакции (потенциал реакции). Потребность определяет характер поведения, различного в ответ на разные потребности. Важнейшим условием образования новой связи, по Халлу, является смежность стимула, реакций и подкрепления, которое снижает потребность. Таким образом Халл принимает закон эффекта Торндайка. Сила связи (потенциал реакции) зависит от количества подкреплений и есть функция его, а также от отсрочки

[1] *Hull C.Z.* Principles of behavior: An introduction to behavior theory.— N.Y., 1943. P. 68.

330

подкрепления. Халл подчеркивает решающую роль подкрепления в образовании новых связей. Ему принадлежат тщательная теоретическая и экспериментальная разработка и математический расчет зависимости реакции от характера подкрепления (частичное, прерывистое, постоянное), от времени его предъявления. Эти факторы научения были дополнены общими принципами — постулатами, на основании которых делаются выводы, подлежащие экспериментальной проверке. К. Левин высоко оценивал представление психологической теории в той форме, которую использовал Халл — определения, гипотезы и выводы. В то же время он отмечал, что необходимо пересмотреть концептуальное содержание самих конструктов, используемых в теории Хала — понятия условного рефлекса, торможения и др. используются им в традиционном содержании, которое Левин назвал туманным. Формализация должна сочетаться с адекватным представлением эмпирических данных. Выступивший в опытах с лабиринтами факт неодинакового поведения животного на разных участках пути в процессе выработки навыка (скорость обхода тупиков в начале и в конце лабиринта неодинакова, и во втором случае она больше; число ошибок на участках вдали от цели больше, чем в конце лабиринта; скорость передвижения в лабиринте при его повторном прохождении больше в конце пути, чем в начале) получил название *градиента цели.* Описанные Халлом феномены свидетельствовали о целостной, молярной природе поведения. В принципе градиента цели Халл видел сходство своей концепции с учением о силах поля К. Левина. Интеграции отдельных двигательных актов в целостный поведенческий акт способствуют *антиципирующие реакции* или антиципирующие ответы на раздражение — экспериментально обнаруженные феномены частичных ответов, способствующих нахождению действий, ведущих к цели. Так, наблюдалось, что в процессе тренировки животное все менее глубоко заходит в тупики или даже только замедляет движения около них,

подобно тому, как в процессе выработки условного рефлекса наступает момент, когда до появления опасности животные осуществляют защитные, т. е. целесообразные, действия только на сигнал об опасности. Антиципирующие реакции Халл рассматривал как функциональные эквиваленты идей, целей, намерений.

331

Опыт математического подхода к описанию поведения в системе Халла повлиял на последующую разработку математических теорий научения. Под непосредственным влиянием Хала (а также психоанализа) вопросами научения начали заниматься Н.Е. Миллер, Дж. Доллард, О.Х. Маурер. Они создали собственные концепции, оставаясь в рамках традиционной теории подкрепления, но использовали формальный подход Халла. К. Спенс и его ученики А. Амсель, Ф. Логан продолжали развитие теоретических идей Халла. На основе теории научения Халла в Институте человеческих отношений при Йельском университете (основан в 1933 г. для координации разных наук о человеке — психологии, психиатрии, социологии, антропологии) была разработана программа комплексных исследований. В ее осуществлении участвовали, кроме названных последователей Халла, Э. Хилгард, Р. Сирс и др. Другим вариантом концепций поведения, включающих в структуру поведения промежуточные механизмы, является теория *субъективного бихевиоризма,* с которой выступили **Джордж Миллер, Юджин Галантер, Карл Прибрам.** Под влиянием развития счетно-вычислительных машин и по аналогии с программами, заложенными в них, они постулировали внутри организма механизмы и процессы, опосредующие реакцию на стимул и реальность которых не вызывает сомнения. В качестве таких инстанций, связующих стимул и реакцию, они назвали Образ и План. «Образ,— это все накопленные и организованные знания организма о себе самом и о мире, в котором он существует... Употребляя этот термин, мы имеем в виду, в основном, тот же тип представления, которого требовали другие сторонники познавательной теории. Оно включает все, что приобрел организм — его оценки наряду с фактами — организованное при помощи тех понятий, образов или отношений, которые он смог выработать»[1]. «План — это всякий иерархически построенный процесс организма, способный контролировать порядок, в котором должна совершаться какая-либо последовательность операций»[2]. Образ — это информативный, а план — ал-

[1] История психологии // Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан.— М.: Академический Проект, 2002. С. 574.

[2] Там же. С. 572.

332

горитмический аспект организации поведения. Всюду авторы указывают на аналогии этих образований программам счетно-вычислительных машин. Поведение рассматривается как серия движений, а человек — как сложная вычислительная машина. Стратегия плана строится на основе проб, проводимых в условиях, созданных образом. Проба (test) — это фаза целостного процесса поведения, с помощью которой выясняется, что операционная фаза (operate) осуществляется правильно. Таким образом, понятие поведения включает идею обратной связи. Каждой операции предшествует проба. Единица поведения описывается по схеме: Т — О — Т — Е (результат).

«...Схема Т—О —Т —Е утверждает, что операции, выполняемые организмом, постоянно регулируются результатами различных проб». Позиция субъективного бихевиоризма отражает общую тенденцию в развитии бихевиоризма, когда, выражаясь словами самих авторов, «почти каждый бихевиорист контрабандой протаскивает в свою систему тот или другой вид невидимых явлений — внутренние реакции, побуждения, стимулы и т. п... так делает каждый по той простой причине, что без этого нельзя понять смысл поведения»!. Однако авторы не устают подчеркивать, что эти невидимые явления — «промежуточные переменные» — не следует понимать в духе психологических понятий субъективной интроспективной психологии. Трактовка их по аналогии с устройством счетно-вычислительных машин не может быть признана удовлетворительной, потому что в машине образы и планы — это материальные образования, действие которых происходит автоматически, тогда как психика и появляется как необходимое условие выполнения субъектом действия в новых обстоятельствах. Авторы предвидят, что их объяснение может быть оценено как грубые механические аналогии и гипотезы, но тем не менее считают их достаточно точно отражающими сущность поведения. В целом субъективный бихевиоризм в трактовке поведения остается в рамках механической бихевиористской методологии и не выходит на действительное объяснение регулирования человеческого поведения.

[1] *Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К.* Планы и структура поведения.— М., 1965. С. 235.

333

Отдельную линию в развитии бихевиоризма представляет *теория оперантного бихевиоризма* **Барреса Скиннера** (1904— 1990). Как и Уотсон, он выдвигает в качестве предмета исследования поведение организма и, сохраняя двучленную схему его анализа, изучает только его двигательную сторону. Основываясь на экспериментальных исследованиях и теоретическом анализе поведения животных, Скиннер формулирует положение о *трех видах поведения: безусловно-рефлекторном, условно-рефлекторном и оперантном.* Последнее и составляет специфику учения Скиннера. Безусловнорефлекторный и условно-рефлекторный виды поведения, вызываемые стимулами (S), называются Скиннером респондентным, отвечающим поведением. Это реакция типа S. Они составляют определенную часть репертуара поведения, но только ими не обеспечивается адаптация в реальной среде обитания. Реально процесс приспособления

строится на основе активных проб — воздействий животного на окружающий мир, некоторые из которых случайно могут приводить к полезному результату, который в силу этого закрепляется. Такие реакции, которые не вызываются стимулами, а выделяются («испускаются») организмом, Скиннер назвал *оперантными.* Это реакции типа R[1]. Именно эти реакции преобладают в адаптивном поведении животного.

Для их исследования была сконструирована специальная установка, получившая название «ящик Скиннера». Это клетка. В ней имеется манипулятор — устройство, нажатие на которое приводит к появлению подкрепления (положительного или отрицательного). Манипулятор связан с записывающим устройством, регистрирующим силу и частоту реакций животного. Все элементы ситуации варьировались с целью исследования зависимости между реакцией и режимом подкрепления.

Образование реакций объясняется в терминах обусловливания. В соответствии с двумя формами реакций различаются *респондентное* и *оперантное обусловливание* как механизмы, объясняющие возникновение и усиление реакций этих двух типов. При обуслов-

[1] Буква R используется для привлечения внимания к понятию «подкрепление» (reinforcement).

334

ливании респондентного типа реакция, уже существующая в репертуаре животного, связывается с новым раздражителем в силу смежности во времени безусловного и условного стимулов. Это *обусловливание типа S.* При описании поведения этого типа Б. Скиннер ссылается на И.П. Павлова, однако трактуется его учение об образовании условной связи упрощенно. При оперантном обусловливании новая реакция (например, нажатие на рычаг) не вызывается стимулом, она осуществляется в какой-то определенный момент независимо от определенных обстоятельств и, будучи подкреплена, усиливается в силу временного следования за реакцией подкрепления. Это *обусловливание типа R.* Различие между этими двумя типами обусловливания и соответствующими типами поведения поднимается Скиннером на принципиальную высоту и доводится до противопоставления условно-рефлекторного и оперантного поведения. Оперантные реакции Скиннер рассматривает как активное поведение. Однако реально активность сводится к системе случайных слепых хаотических проб, некоторые из которых, оказавшиеся правильными, подкрепляются. Следовательно, организм находится во власти подкрепляющих стимулов и только. В действительности приспособление животных к миру строится как активный процесс на основе ориентировки на внешние объекты и их свойства (пищевые, оборонительные и др.), в соответствии с которыми выполняется действие. Реально активность животного не так слепа, как ее описывает Скиннер.

На основе анализа поведения Скиннер сформулировал свою *теорию научения.* Главным средством формирования нового поведения выступает подкрепление. Вся процедура научения у животных получила название «последовательного наведения на нужную реакцию»[1].

Данные, полученные при изучении поведения животных, Скиннер переносит на человеческое поведение, что приводит к крайне биологизаторской трактовке человека. Так возник *скиннеровский вариант программированного обучения.* В соответствии с его требова-

[1] Ранее этот метод был открыт замечательным русским дрессировщиком В.Л. Дуровым. См.: *Дуров В.Л.* Дрессировка животных, дрессированных по моему методу (40-летний опыт).— М, 1924.

335

ниями учебный материал расчленяется на мелкие порции (шаги), каждая из которых доступна для учащихся; каждый шаг немедленно подкрепляется; в этих целях используются технические средства. Процесс учения индивидуализируется. Принципиальная ограниченность программы Б. Скиннера состоит в сведении обучения к набору внешних актов поведения и подкреплению правильных из них. При этом не организуется внутренняя познавательная деятельность учащихся и, как следствие, обучение теряет свою специфику как сознательный процесс. Следуя установке уотсоновского бихевиоризма, Б. Скиннер исключает внутренний мир человека, его сознание из поведения и производит бихевиоризацию психики.

«Я радикальный бихевиорист просто в том смысле, что я не нахожу в своих формулировках места для того, что всего лишь ментально»[1]. Поведение — это то, что делает организм и что можно наблюдать. Столь крайняя позиция приводит Скиннера к выводу, что понятиям интеллекта, воли, эмоций, творчества, личности нет места в научном анализе поведения. Они лишь слова, которые обозначают ненаблюдаемые фикции, скрывают незнание причин поведения.

Психические процессы описываются в терминах реакций и подкреплений, а человек — как реактивное существо, подвергающееся воздействиям внешних обстоятельств. Культура — литература, живопись, эстрада — оказываются в его трактовке «хитроумно придуманными подкреплениями». Доведенная до крайности бихевиоризация человека, культуры и общества приводит к абсурду, что особенно выступило в печально нашумевшей книге 1971 г. «По ту сторону свободы и достоинства». Трансформация Скиннером понятий свободы, ответственности, достоинства означает их фактическое исключение из объяснения реальной жизнедеятельности человека.

Разрешению социальных проблем служит созданная Скиннером *технология поведения,* призванная осуществлять контроль одних людей над другими. Поскольку намерения, желания, самосознание человека не принимаются во внимание, средством управле-

[1] Цит. по: *Фейдимен Дж., Фрейгер Р.* Личность и личностный рост.— М., 1994. С. 63.

336

ния поведения не является обращение к сознанию людей. Им выступает *контроль за режимом*

подкреплений, позволяющий манипулировать людьми.

Оценивая необихевиоризм в целом, следует признать, что он продолжает занимать значительное место в психологии. Была создана наука о поведении, исследования которого способствовали утверждению объективного подхода в психологии, обогатили ее новыми экспериментальными методами исследования и фактами и в целом изменили психологическое мышление. В США эта наука, где она и разрабатывалась, широко используется в различных областях социальной практики, особенно при планировании и проведении профилактических программ, направленных на изменение людей и формирование поведения, связанного со здоровьем, распространение здорового образа жизни, а также при лечении некоторых заболеваний: мигрени, мышечного напряжения и др. Прикладной бихевиоральный анализ используется в бихевиоральной терапии фобий (боязнь змей, пауков и т. п.), в области решения задач по освобождению от нежелательных форм поведения (курение, застенчивость) и выработке желаемых моделей поведения путем овладения приемами поведенческого самоконтроля.

Наибольшее распространение получила социально-когнитивная теория научения и личности **Альберта Бандуры.** Его исследования показали, что подкрепление не является необходимым условием приобретения новых форм поведения. Часто научение происходит посредством наблюдения и примера. Так на формирование агрессивного поведения влияют телевизионные передачи, которые содержат сцены насилия и жестокости. Важно, что негативные последствия могут проявиться не сразу, т.к. воспринятые модели поведения сохраняются в опыте личности и проявляются в отдаленном будущем.

Другим вариантом социально-когнитивного направления является теория социального научения **Джулиана Роттера.** Центральным в теории Роттера понятием *локус контроля* обозначаются две ориентации в понимании причин человеческого поведения: в зависимости от собственных сил или от внешнего окружения — соответственно интернальный или экстернальный локус контроля.

337

Глава 3. ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИЯ

Гештальтпсихология (от нем. Gestalt — образ, структура) — одно из наиболее влиятельных и интересных направлений периода открытого кризиса. Явилось реакцией *против атомизма и механицизма* всех разновидностей ассоциативной психологии, ее главного тезиса: «все психические факты (и не только в восприятии) состоят из несвязных инертных атомов, и единственный фактор, который комбинирует эти атомы и таким образом вызывает действие — это ассоциации, образующиеся под влиянием смежности»[1].

Гештальтпсихология явилась наиболее продуктивным вариантом решения проблемы *целостности* в немецко-язычной (немецкой и австрийской) психологии, а также философии конца XIX — начала XX в. Понятие «гештальт» было введено Х. Эренфельсом в статье «О качестве формы» в 1890 г. при исследовании восприятий. Непосредственным поводом для исследования Эренфельса послужили некоторые замечания Э. Маха о восприятии мелодий и геометрических форм: по Маху, ощущение мелодии или звуковой формы в известной мере независимо от ощущений отдельных звуков, поскольку сохраняется при изменении последних в случае транспонирования мелодии в другую тональность, как будто бы оно само было таким же простым и неразложимым элементом, как и элементарное ощущение. Этот факт Эренфельс поверг специальному анализу. Он выделил специфический признак гештальта — свойство *транспозиции* (переноса): мелодия остается той же са-

[1] *Köhler W.* Gestaltpsychology today // American Psycuologist.— 1959.— №. 14. P. 728.

338

мой при переводе ее из одной тональности в другую; гештальт квадрата сохраняется независимо от размера, положения, окраски составляющих его элементов и т. п. Однако Эренфельс не развил теории гештальта и остался на позициях ассоцианизма.

Новый подход в направлении целостной психологии осуществили психологи Лейпцигской школы (Феликс Крюгер, глава школы (1874— 1948), ученик Т. Липпса и ассистент В. Вундта Ганс Фолькельт (1886— 1964), Фридрих Зандер (1889 — 1971), которая получила название школы *диффузно-комплексных переживаний,* или школы психологии развития. Существовала с конца 10-х до конца 30-х гг.

Главное понятие этой психологии — понятие *комплексного качества* как целостного переживания, пронизанного чувством. Основу любого психического акта — восприятия, памяти и др. составляет система бессознательных активных процессов и импульсных тенденций, диспозиций, которые детерминируют его продукт. Оформляющая сила духа проявляется особенно в творческих деятельностях по созданию новых идей, форм, а также в играх детей. Исследования лейпцигских психологов привлекли внимание Л.С. Выготского, который отмечал: «Мы обязаны лейпцигским исследователям установлением того замечательного факта, который показал, что вообще в начале развития мы не можем констатировать достаточно дифференцированных отдельных психологических функций, а мы наблюдаем гораздо более сложные недифференцированные единства, из которых постепенно только путем развития и возникают отдельные функции, среди которых мы находим и восприятие. Дальнейшие исследования оказались совершенно не под силу лейпцигской школе с ее ложными методологическими взглядами. Лишь с совершенно иных методологических позиций становятся понятными факты дальнейшего развития восприятия»[1].

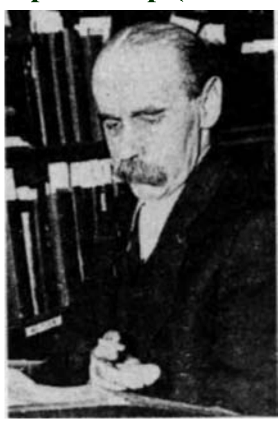
История гештальтпсихологии начинается с выхода работы М. Вертгеймера «Экспериментальные исследования восприятия движения» (1912), в которой ставилось под сомнение привычное представление о нали-

[1] *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций.— М, 1960. С. 258.

339

М. Вертгеймер (1880-1943)

чии отдельных элементов в акте восприятия. В экспериментах испытуемому последовательно предъявлялись два световых стимула (один — вертикальная или наклонная полоска (А), другой — горизонтальная (В). При значительном временном интервале между А и В видны оба стимула, следующие друг за другом. При очень быстрой смене раздражителей испытуемые воспринимали угол, при средней скорости видели, как первая — наклонная или вертикальная линия — перемещается в горизонтальное положение. Это кажущееся движение испытуемые не могли отличить от реального перемещения даже при специальной инструкции. Вертгеймер также описал явление «чистого движения», когда испытуемые, отчетливо видя движение, не воспринимали перемещающегося объекта. Оно получило название *стробоскопического движения.*

Сам факт кажущегося движения был не нов. Еще раньше было установлено, что последовательное смещение объекта может вызвать восприятие непрерывного движения. Новым было объяснение этого факта. По Вертгеймеру, при возбуждении в мозгу определенного пункта А вокруг него создается зона, где также сказывается действие раздражителя. Если вскоре вслед за А возбуждается пункт В, то между ними возникает короткое замыкание, и возбуждение передается из пункта А в пункт В. В феноменальном плане этим процессам соответствует восприятие движения из А в В. Идеи Вертгеймера стали отправным пунктом для развития гештальттеории.

Непосредственно после этого вокруг Вертгеймера, и в особенности в 20-х гг., в Берлине складывается *Берлинская школа гештальтпсихологии:* **Макс Вертгеймер** (1880 - 1943), **Курт Коффка** (1886 - 1941), **Вольфганг Кёлер** (1887-1967), **Курт Левин** (1890- 1947). Исследования охватывали восприятие, мышление, потребности, аффекты, волю.

340

В. Кёлер (1887-1967)

В. Кёлер в книге «Физические структуры в покое и стационарном состоянии» (1920) проводит мысль о том, что физический мир, так же, как и психологический, подчинен принципу гештальта. Гештальтисты начинают выходить за пределы психологии: все процессы действительности определяются закономерностями гештальта. Объяснение психических явлений должно состоять в нахождении соответствующих структур в мозговых процессах, которые объяснялись на основе физической теории электромагнитного поля, созданной Фарадеем и Максвеллом. Вводилось предположение о существовании

электромагнитных полей в мозгу, которые, возникнув под влиянием стимула, *изоморфны* структуре образа. Гипотеза о наличии мозговых полей составляет существенную часть системы гештальтпсихологии и представляет ее решение психофизической проблемы. *Принцип изоморфизма* рассматривался гештальтпеихологами как выражение структурного единства мира — физического, физиологического и психического: последний есть точная структурная репродукция динамической организации соответствующих мозговых процессов. Выявление единых закономерностей для всех сфер реальности позволяло, по Кёлеру, преодолеть витализм. Выготский оценил эту попытку как «чрезмерное приближение проблем психики к теоретическим построениям и данным новейшей физики»[1]. Дальнейшие исследования (хотя не все они были выполнены гештальтпеихологами) усилили новое течение. Эдгар Рубин (1881 — 1951) открыл *феномен фигуры и фона* (1915); Давид Катц показал роль гештальт-факторов в поле осязания и цветового зрения. Принципиальное значение имели эксперименты Кёлера на курах с целью проверить, что является первичным — восприятие целого или элементов. Животное дрессировалось на выбор более светлого из 2 серых оттенков.

[1] *Выготский Л.С.* Собр. соч... Т. 1. С. 102.

341

Затем следовал критический опыт: в новой паре темная поверхность заменялась более светлой. Животное продолжало выбирать более светлую из этой новой комбинации, хотя ее не было во время дрессировки. Поскольку отношение между светлым и темным в критическом опыте сохранялось, значит, оно, а не абсолютное качество цвета определяло выбор. Следовательно, элемент имеет значение не сам по себе, а получает его в определенной структуре, в которую он включен. Тот факт, что такие структуры свойственны курам, означал, что структуры свойственны не только развитому интеллекту, но являются первичными примитивными актами. Целое — это не высшее, как считалось раньше, структурирование не есть результат интеллекта, творческого синтеза и т. п. В 1917 г. Кёлер распространил принципы структурности на объяснение мышления («Исследование интеллекта человекоподобных обезьян»). В 1921 г. Коффка сделал попытку приложить общий принцип структурности к фактам психического развития и построить на его основе теорию психического развития в онто- и филогенезе («Основы психического развития»). Развитие состоит в динамическом усложнении примитивных форм поведения, образовании все более и более сложных структур, а также в установлении соотношений между этими структурами. Уже мир младенца в какой-то мере гештальтирован: первоначальные феномены новорожденного являются струкрурными феноменами. Но структуры младенца еще не связаны друг с другом. Они, как отдельные молекулы, существуют независимо друг от друга. С развитием они коммуницируют, вступают в соотношения друг с другом. Подвергалась критике теория 3 ступеней развития в филогенезе К. Бюлера (три ступени — это инстинкт, дрессура и интеллект) за то, что она представляет психическое развитие как состоящее из различных не связанных друг с другом единым принципом форм поведения. Книга заканчивается словами: «Сущность психического развития представляется нам... не как соединение отдельных элементов, но как образование и усовершенствование структур»[1].

[1] *Коффка К.* Основы психического развития // Гештальтпсихология; *В. Кёлер.* Исследование интеллекта человекоподобных обезьян; *К. Коффка,* Основы психического развития.— М., 1998. С. 657.

342

В этом же 1921 г. Вертгеймер, Кёлер и Коффка, ведущие представители гештальтпсихологии, основывают журнал «Психологические исследования» (Psychologische Forschang). Здесь публикуются результаты экспериментальных исследований этой школы. С этого времени начинается влияние школы на мировую психологию. Важное значение имели обобщающие статьи 20-х гг. М. Вертгеймера: «К учению о гештальте» (1921), «О гештальттеории» (1925). В 1926 г. К. Левин пишет статью «Намерения, воля и потребности» — экспериментальное исследование, посвященное изучению потребностей и волевых действий. Эта работа имеет принципиальное значение: гештальтпсихология приступает к настоящему экспериментальному исследованию этих областей психической жизни, наиболее трудно поддающихся эксперименту. Все это очень поднимало влияние гештальтпсихологии. В 1929 г. В. Кёлер читает лекции по гештальтпсихологии в Америке, которые затем выходят книгой «Гештальтпсихология» (Gestalt-Psychology). Эта книга представляет систематическое и, пожалуй, лучшее изложение этой теории. На американскую психологию оказала большое влияние также книга К. Коффки «Принципы гештальтпсихологии» (Principles of Gestalt Psychology), 1935.

Плодотворные исследования продолжались до 30-х гг., до того времени, когда в Германию пришел фашизм. Вертгеймер и Кёлер в 1933 г., Левин в 1935 г. эмигрировали в Америку. Здесь теоретические исследования не получили значительного продвижения. К 50-м годам интерес к гештальтпсихологии спадает. В последующем, однако, отношение к гештальтпсихологии меняется. В. Кёлер в статье «Гештальтпсихология сегодня»[1] приводил свидетельства влияния гештальтпсихологии на психологическую науку США: на Э. Толмена, американские теории научения. Ф. Бартлетт оценил вклад гештальтпсихологии в исследования памяти. В последнее время в ряде стран Западной Европы и в отдельных кругах психологов США наблюдается определенное усиление интереса к гештальттеории

[1] *Köhler W.* Gestaltpsychology today//American Psychologist. 1959. V. 14.— № 12. P. 727-734.

343

и истории Берлинской психологической школы. В 1978 г. было основано Международное Психологическое

Общество «Гештальттеория и ее приложения». В 1979 г. состоялось первое рабочее заседание этого общества, а в октябре того же года вышел первый номер журнала «Гештальттеория», официального печатного органа этого общества. Членами этого общества являются психологи из разных стран мира, прежде всего Германии (З. Эртель, М. Штадлер, Г. Портеле, К. Гусс и др.), США (Р. Арнхейм, А. Лачинс, сын М. Вертгеймера Михаэль Вертгеймер и др.), Италии, Австрии, Финляндии, Швейцарии.

Центральной в гештальтпсихологии является проблема целостности и целостного подхода в противоположность элементаризму и механицизму старой, ассоциативной, и новой, бихевиористской, психологии. Как подчеркивал Вертгеймер, «...гештальттеория возникла из конкретных исследований...»[1]. Она не является теоретической спекуляцией, но выросла из конкретных потребностей изучения человека, она эмпирична в этом смысле. Вместе с тем, на нее оказала влияние философия Канта, Маха, особенно феноменологическая философия Гуссерля. Гештальтпсихология была также ориентирована на естествознание, особенно на физику.

В. Кёлер одновременно с получением психологического образования изучал физику у Макса Планка; Вертгеймер вспоминал о своих длительных беседах с Эйнштейном в 1916 г. Поэтому становятся понятными слова Вертгеймера о том, что «гештальтпсихология появилась не вдруг, она конвергировала, подтянула к себе материал из всех наук, а также от различных философских точек зрения для решения принципиального вопроса»[2], касающегося подхода к пониманию психологических проблем.

Гештальтпсихологи выступили с новым пониманием предмета и метода психологии: важно начинать с наивной картины мира, изучать переживания, феномены так, как они есть, изучать опыт, не подвергшийся

[1] История психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан.— М.: Академический Проект, 2002. С. 189.

[2] Хрестоматия по истории... С. 194.

344

анализу, сохраняющий свою целостность. В этой структуре отдельные элементы выделяются, они действительно существуют. Но они вторичны и выделяются, исходя из сложного, по своему функциональному значению в этом целом. Коффка писал, что одной из основных ошибок традиционной психологии является то, что она расчленила структуру на элементы, лишая ее тем самым существенных свойств.

Целое нельзя разложить на элементы, т.к. тогда оно перестает существовать. Его нельзя описать перечислением элементов, оно должно рассматриваться как таковое. Непосредственный наивный опыт не дает нам отдельных красок, красочных точек, отдельных звуков, отдельных запахов, но представляет предметы, вещи, которые имеют краски, форму, они звучат, издают запахи.

Гештальтисты выступили с критикой метода аналитической интроспекции. Они считали, что анализ является продолжением, первоначально восприятие дает целостную картину. Аналитической интроспекции был противопоставлен *феноменологический метод,* направленный на непосредственное и естественное описание наблюдателем содержания своего восприятия, своего переживания. С самого начала гештальтпсихологи отбросили тезис о происхождении восприятия из ощущений, объявили ощущение «фикцией, созданной в психологических сочинениях и лабораториях». Тезис об изначальной целостности, структурной организованности процесса восприятия выражен Вертгеймером: «Есть сложные образования, в которых свойства целого не могут быть выведены из свойств отдельных частей и их соединений, но где, напротив, то, что происходит с какой-нибудь частью сложного целого, определяется внутренними законами структуры всего Целого. Структурная психология (гештальтпсихология) есть именно это»[1]. В отличие от интроспективной психологии, в гештальтпсихологии от испытуемых требовалось описать предмет восприятия не таким, каким они его знают, но таким, каким они его видят в данный момент. В этом описании нет элементов.

[1] История психологии... С. 192.

345

Эксперименты, которые ставили эти психологи, просты и действительно выявляли первоначальную целостность. Начаты они были на восприятии. Например, предъявлялись точки: ●● ●● ●● и т. п. (опыты Вертгеймера). Испытуемый объединял их в группы из двух точек, разделенных интервалами. В другом опыте

предъявлялись линии: | | | | | | и т. п. (опыты Кёлера). Испытуемый видел не отдельные линии, но группы из двух линий, разделенные интервалами. Эти опыты показали, что в качестве первичного в восприятии выступает целое. Было установлено, что элементы зрительного поля объединяются в перцептивную структуру в зависимости от ряда *факторов.* Этими факторами являются *близость элементов* друг к другу, *сходство элементов, замкнутость, симметричность* и др. Было сформулировано положение о том, что целостный образ — это динамичная структура и образуется он по специальным законам организации. В зрительном поле при восприятии действуют связывающие и сдерживающие перцептивные силы. Связывающие силы направлены на связывание элементов друг с другом, имеют центральное значение. Их функция — интегрирование. Именно связывающие силы объясняют закономерности возникновения структур при восприятии. Другие, так называемые сдерживающие, силы направлены на дезинтегрирование поля.

Рис. 1

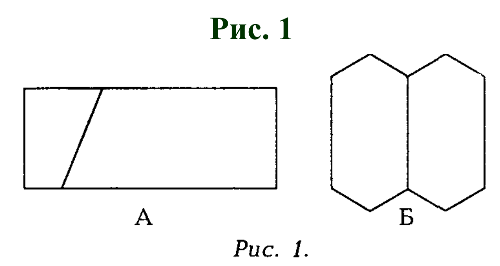

Рис. 1.
А — воспринимается как одна фигура, разделенная внутренней линией; Б — как две независимые фигуры, соединенные боковыми сторонами

Рис. 2

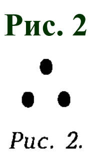

Рис. 2.
Точечная фигура воспринимается как треугольник
346
Перцептивная работа может иметь много форм: замыкание неполных фигур, искажения (иллюзии) и др. Были сформулированы некоторые положения, которые получили название законов восприятия в гештальттеории. Важнейший из них *закон дифференциации фигуры и фона,* согласно которому зрительное поле делится на фигуру и фон. Об этом различии убедительно говорят так называемые двойственные изображения. Фигура замкнута, оформлена, обладает живостью, яркостью, ближе нам в пространстве, хорошо локализована в пространстве, занимает главенствующее положение в поле. Фон имеет свою функцию, он служит тем общим уровнем, на котором выступает фигура. Он аморфен, кажется расположенным за фигурой, плохо локализуется в пространстве. В другом законе — *прегнантности* — выражается тенденция перцептивной организации к внутренней упорядоченности, ведущей в ситуации неоднозначных стимульных конфигураций к «хорошей» фигуре, к упрощению восприятия. Например, если испытуемому предъявляются две фигуры, то обычно первая воспринимается как одна фигура, разделенная линией. Во втором случае испытуемый видит две независимые фигуры, соединенные боковыми сторонами (рис. 1). Согласно Коффке, «...причина ясна: в первом случае общая структура лучше, чем каждая из двух ее частей, тогда как во втором случае имеет место обратное» [1]. Еще один закон восприятия — закон дополнения до целого *(«амплификации»).* Если фигура не закончена, в восприятии мы стремимся видеть ее как целое. Например, точечная фигура воспринимается как треугольник (рис. 2).
Эта феноменология объяснялась с помощью принципа изоморфизма. Структуры не являются результатом психической деятельности. Они образуются в мозгу в результате динамики процессов в нервных полях, которая объясняется физическими законами. В феноменальном поле она выступает в форме характерных целостностей.
Например, разделение поля восприятия на фигуру и фон объясняется как результат образования в мозгу
[1] Хрестоматия по ощущению и восприятию / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и М.Б. Михалевской.— М., 1975. С. 288.
347
двух по-разному заряженных электрических полей, между которыми возникает электродвижущая сила. Эти процессы изоморфны явлению восприятия фигуры на определенном фоне. Гештальтпсихология занимает параллелистические позиции в понимании соотношения психики и мозга, причем работа мозга объясняется физикалистски.
Факты, полученные в гештальтпсихологии при изучении восприятия, обогащают представление о восприятии. На их основе были сделаны ценные практические выводы. В частности, с учетом закономерности фигуры и фона были разработаны некоторые приемы маскировки фигур, которые использовались во время войны.
В гештальтпсихологии экспериментально исследовалось также *мышление* (Кёлер, Вертгеймер, Дункер, Майер). По Кёлеру, интеллектуальное решение состоит в том, что элементы поля, прежде не связываемые, начинают объединяться в некоторую структуру, соответствующую проблемной ситуации. С чисто описательной точки зрения для этой формы поведения характерно использование предметов в соответствии с их отношением друг к другу и в реорганизации поля. Структурирование поля в соответствии с проблемой происходит внезапно в результате *усмотрения (инсайт)* при условии, если все элементы, необходимые для решения, находятся в поле восприятия животного. Вертгеймер распространяет этот принцип на решение задач человеком. Он приходит к выводу: «Мышление заключается в усмотрении, осознании структурных особенностей и структурных требований; в действиях, которые соответствуют этим требованиям и определяются ими, и тем самым в изменении ситуации в направлении улучшения ее структуры»[1]. Условием переструктурирования ситуации, по Вертгеймеру, является умение отказаться от привычных, сложившихся в прошлом опыте и закрепленных упражнениями шаблонов, схем, оказывающихся неадекватными ситуации

задачи. Переход на новую точку зрения осуществляется внезапно в результате озарения — инсайта. Подчеркивается, что, хотя мышление есть единый процесс, в его динамике можно выделить этапы, последовательные фазы.

[1] *Вертгеймер М.* Продуктивное мышление.— М., 1987. С. 270.

348

Первая фаза — постановка задачи на основе условий; «первое достижение заключается именно в осознании того, что здесь есть проблема. Видение, правильная постановка проблемы часто гораздо важнее решения поставленной задачи»[1]. Вторая фаза — группировка, реорганизация, структурирование и другие операции в связи с поставленной задачей. Третий этап или фаза — обнаружение структуры путем инсайта. Четвертый — нахождение путей реализации в соответствии с этой структурой.

В исследованиях Дункера экспериментально показан факт использования при решении задачи элементов ситуации в новом функциональном значении, способность отойти от привычного понимания вещей, сложившегося в жизненном опыте, ибо «...в реальном мышлении изменение функционального значения какого-нибудь элемента суждения в процессе мышления имеет первостепенное значение»[2]. В своих исследованиях мышления Вертгеймер критикует два традиционных подхода — ассоциативную теорию и традиционную логику. В связи с критикой ассоциативной концепции анализируется роль прошлого опыта в мышлении. Вертгеймеру приходилось специально разъяснять свою позицию по этому вопросу, так как «...все еще встречаются психологи, которые, совершенно не понимая гештальттеорию, считают, что она недооценивает роль прошлого опыта»[3]. «Главный вопрос не в том, действительно ли прошлый опыт играет роль, а в том, какой именно опыт — слепые связи или структурное понимание с последующим осмысленным переносом, а также в том, как мы используем прошлый опыт: посредством внешнего воспроизведения или на основе структурных требований, его функционального соответствия данной ситуации. Ссылка на прошлый опыт, таким образом, не решает проблемы, та же самая проблема возникает в отношении прошлого опыта»[4]. Однако, несмотря на эти разъяснения, упрек гештальтпсихологии в недооценке опыта — справедливый упрек, и в

[1] *Вертгеймер М.* Продуктивное мышление.— М., 1987.С. 277.

[2] Там же. С. 296.

[3] Там же. С. 96.

[4] Там же. С. 100.

348

целом «...гештальтпсихология отличается ярковыраженным антигенетизмом, антиисторизмом»[1].

Важную область гештальтпсихологии составили исследования в области потребностей, воли, аффектов, главным образом связанные с именем **Курта Левина** (1890— 1947). «Моя работа в психологии началась с экспериментов по ассоциации и детерминирующей тенденции»,— писал он в 1917 г. Она привела его к критике ассоциативной психологии в самих ее исходных посылках при объяснении источников активности. Согласно Левину, основанием человеческой активности в любых ее формах, будь то ассоциация, поступок, мышление, память, является *намерение* — *потребность.*

Потребность — это некоторое стремление, тенденция выполнить, осуществить какую-то цель, которая ставится или самим субъектом, или исходит от кого-то другого, например, от экспериментатора. Чтобы отличить свое понимание потребности от уже сложившегося в психологии и связанного главным образом с биологическими, врожденными потребностями, которые соотносятся с некоторыми внутренними состояниями, Левин называет их *квазипотребностями.* Они образуются в актуальной ситуации в связи с принятыми намерениями и проявляются в том, что определенные вещи или события приобретают побудительность, контакт с которыми влечет за собой тенденцию к определенным действиям. Квазипотребность создает в личности систему напряжения. Эта система напряжения стремится к разрядке. В разрядке состоит, по Левину, удовлетворение потребности. Отсюда название теории К. Левина — «динамическая теория личности». Разрядка потребности осуществляется в определенной ситуации. Эта ситуация называлась Левиным *психологическим полем.* Левин использовал топологические понятия (топология — раздел геометрии, изучающий преобразования пространства) для создания учения о психологическом поле. Эта тенденция к формализации получила особенное развитие в американский период деятельности К. Левина. Каждая вещь в психологическом поле характеризуется не по своим физическим свой-

[1] *Теплов Б.М.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2.— М, 1985. С. 243.

350

ствам, а выступает в каком-то отношении к потребности субъекта. Именно потребность обусловливает то, что один предмет приобретает побудительный характер, притягивает к себе, имеет *положительную валентность,* другой — не имеет такого побудительного характера, имеет *отрицательную валентность.*

Таким образом, предметы поля представляют собой положительно и отрицательно заряженные валентности по отношению к этой потребности. Факт единства личности и среды выражен К. Левиным в понятии *«жизненное пространство».* Его структура и динамика выражаются в понятиях взаимозависимости, силового поля, равновесия, мощности. Жизненное пространство разделяется на регионы, степень взаимосвязи между которыми определяется жесткостью границ, количеством промежуточных регионов.

Оно характеризуется измерениями: уровнем реальности-ирреальности, временной перспективой. Введением понятия временной перспективы Левин подчеркивал включенность в понятие жизненного пространства также ожиданий, представлений о будущем (идеальный план) и прошлом, но в связи с тем, как они представлены в настоящем. В связи с квазипотребностями К. Левин исследовал проблему целеобразования и целенаправленного поведения. Эти исследования ввели в психологию комплекс важнейших понятий, характеризующих поведение, связанных с достижением целей: целевая структура и целевые уровни индивида, в том числе реальные и идеальные цели, уровень притязаний, поиск успеха и стремление избежать неудачи и некоторые др.

К различным сторонам и проявлениям личности, таким, как волевое, и противоположное ему — полевое — поведение (в связи с этим проблема произвольности), аффекты, структура личности, К. Левин применяет структурно-динамический подход, анализируя их в пространственных понятиях психологического поля.

К. Левин обогатил психологию рядом новых методов и методик. Это опыты на *прерванное действие* (М. Овсянкина), опыты на *запоминание незавершенных* и *завершенных действий* (Б.В. Зейгарник), опыты на *замещающее действие* (К. Лисснер, В. Малер), опыты на выявление *уровня притязаний* (Ф. Хоппе), опыты на *психическое насыщение* (А. Карстен) и др. В амери-

351

канский период К. Левин отходит от интрапсихологических проблем и обращается к интерперсональным отношениям. Особенно большое внимание уделяется вопросам лидерства, их типов (демократическое, авторитарное), проблеме групповой атмосферы, группового стандарта. В 1945 г. К. Левин возглавил Центр групповой динамики. Здесь разрабатывались проблемы, связанные с промышленной практикой; производительность труда в группе, коммуникация, социальная перцепция, взаимоотношения между группами, членство в группе, подготовка групповых лидеров и улучшение группового функционирования.

Материал исследований К. Левина, особенно методики, в многочисленных модификациях продолжают использоваться и в настоящее время. В то же время стало очевидным, что в динамическом подходе К. Левина к изучению, ее мотивационно-потребностным процессам личности недостаточно раскрывается роль сознания и интеллекта.

В заключение остановимся на общей оценке гештальтпсихологии. Гештальтпсихология пыталась преодолеть схематизм атомистической теории в трактовке психических процессов, открыть новые принципы и подходы к их изучению. Введенный ею структурный принцип в смысле нового подхода Выготский оценивал как «великое незыблемое завоевание теоретической мысли»[1]. В этом сущность и исторический смысл гештальттеории. Существенно отметить также, что основатель общей теории систем Л. фон Берталанфи считал, что в работе «Физические гештальты в покое и стационарном состоянии» В. Кёлер предвосхитил отдельные положения общей теории систем. Этим определяется важный *вклад гештальтпсихологии в методологию научного исследования.* Методики экспериментального исследования восприятия, мышления, личности, а также полученная в результате их применения богатая феноменология составляют важный итог деятельности гештальтпсихологов. «Наиболее ценный эффект структурной психологии — это сделанные ею описания»[2],— писал Л.С. Выготский. Этой школой сде-

[1] *Выготский Л.С.* Собр. соч... Т. 1. С. 281.

[2] Там же. С. 402.

352

лан важный шаг по *преодолению интеллектуализма,* свойственного всей традиционной психологии. Однако в теоретическом плане концепция зашла в тупик. Введенный ею структурный принцип не оправдал себя как универсальный, т. е. распространенный на всю общую психологию, и на детскую, и на патопсихологию. В этой универсальности обнаружилась недостаточная объяснительная сила структурного принципа. Так, в применении к проблемам психического развития попытка охватить единым принципом инстинктивные и интеллектуальные процессы не позволяет увидеть принципиальную разницу между ними, а также разницу между животными и человеком, приводит к натуралистической теории психического развития ребенка, «сознательно сливает животное и человеческое, игнорирует историческую природу развития человеческого сознания...»[1] и в конечном счете не объясняет психическое развитие. В более общем смысле: «Понятие структуры одинаково распространяется на все формы поведения и психики. Снова в свете или, вернее, в сумерках структуры все кошки серы: вся разница в том, что один вечный закон природы — закон ассоциации — сменился другим, столь же вечным законом природы — законом структуры...»[2].

Описанный в гештальтпсихологии чрезвычайно важный психологический факт — факт гештальта — продолжает привлекать исследователей. Его теоретическое осмысление с помощью принципа изоморфизма справедливо расценивается как откровенный физикализм и не может претендовать на объяснение. С позиций, отражающих достижение современной психологии в области экспериментальных исследований в теории, намечается новый подход к объяснению этого факта. Так, анализируя фундаментальные исследования гештальтпсихологии в области восприятия, отмечая «авторитетность и притягательность этого направления»[3], был сделан вывод о том, что ключом к пониманию выявленных в них закономерностей может стать

[1] Там же. С. 268.

[2] *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций.— М., 1960. С. 27.

[3] *Митькин А.А.* Законы гештальта и фазность восприятия // Психологический журнал.— 1983.— № 6. С. 30.

353

изучение генезиса восприятия. Такой подход позволяет понять психологический механизм гештальта, в частности, в области восприятия. Им выступает, по мнению А.А. Митькина, опыт субъекта (автор опирается на современные исследования восприятия в зарубежной науке, а также усматривает связь выдвинутого им тезиса с учением о фазности восприятия Н.Н. Ланге, отдельными высказываниями И.М. Сеченова). Более конкретно эти психологические механизмы раскрываются в исследованиях по планомерному формированию симультанного опознания, проводимых в контексте теории планомерного формирования умственных действий и понятий[1].

Теория гештальтпсихологии, в основном интерпретация в ней интеллекта, была предметом специального рассмотрения в трудах Ж. Пиаже. Высоко оценивая психологию формы, понятия которой, как отмечал Ж. Пиаже, «широко используются в современной психологии», он критиковал эту концепцию, поскольку «язык целостностей оказывается всего лишь способом описания, и наличие целостных структур в этом случае требует объяснения, которое отнюдь не заключено в самом факте существования целостностей»[2].

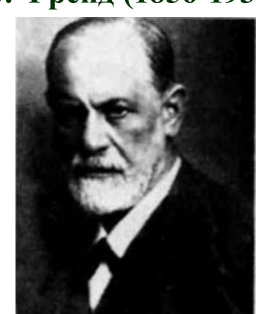
Гештальтпсихология получила применение в области психотерапевтической практики. На ее принципах — в самом общем их понимании и в сочетании с представлениями и подходами из психоаналитических концепций — основывается одно из распространенных направлений современной психотерапии — гештальттерапия. Ее основатель **Ф. Перлз** (1893— 1970) использует такие понятия гештальтпсихологии, как гештальт, целостность, поле, фигура и фон, ага-переживание, «здесь и сейчас» и некоторые другие в целях разработки практических приемов и их теоретического обоснования.

[1] См.: *Шабельников В.К.* Формирование быстрой мысли.— Алма-Ата, 1982; *Подольский А.И.* Становление познавательного действия: научная абстракция и реальность.— М., 1987 и др.

[2] *Пиаже Ж.* Избр. психологический труды.— М., 1969. С. 117.

Глава 4. ГЛУБИННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

3. Фрейд (1856-1939)

Эта психология выдвинула идею о независимости психики от сознания и пыталась обосновать реальное существование этой независимой от сознания психики и исследовать ее. Центральное психологическое течение глубинной психологии — психоанализ 3. Фрейда. Классическая глубинная психология включает также концепции индивидуальной психологии А. Адлера и аналитической психологии К. Юнга. Эта психология отличается от эмпирической психологии сознания представлениями о форме существования психического: психика существует вне и независимо от сознания, и именно бессознательная психика, являющаяся глубиной психики, составляет ее предмет и общую проблему. Сознание тоже ею не отрицается: оно — свойство, присущее психике лишь в отдельные моменты. Перед глубинной психологией стоит и проблема личности, ибо содержание бессознательного играет решающую роль в выяснении ценности личности.

Психоанализ **Зигмунда Фрейда** (1856 — 1939) формировался в условиях и под воздействием политического и социального развития Австрии конца XIX — начала XX столетия. Такие особенности социально-психологической атмосферы Австрии того времени, как крушение патриархальных принципов в столкновении с буржуазным укладом жизни, соперничество политических сил либералов и кон-

355

серваторов и поражение либерализма, расцвет национализма и на его почве распространение антисемитских настроений, ощущение которых на себе неоднократно испытывает 3. Фрейд («Толкование сновидений», «Автобиография» и др.). Экономические потрясения [кризисы] порождали пессимизм, потерю веры в разумность бытия, представления об иррациональности жизни, различные формы и разновидности иррационалистического сознания. В конце XIX в. появляется широкий интерес к бессознательному — не только в специальной, научной литературе, но и в художественной, а также в философии. Взгляды 3. Фрейда, его понимание человека, согласно которому под напором инстинктов сексуальности и в силу бессознательности психических процессов признавалось, что «Я» — «не хозяин в собственном доме»,

объективно отражали кризис буржуазной личности, типичное самоощущение индивида в буржуазном обществе, в том числе, той его части, с которой имел дело Фрейд как практикующий врач. Однако сам Фрейд выдавал свою исторически обусловленную теорию человека за единственно научную — естественную концепцию человека.

Психоанализ возник в начале 90-х гг. XIX в. из медицинской практики лечения больных с функциональными нарушениями психики. 3. Фрейд после окончания медицинского факультета Венского университета (1881 г.) работал практикующим врачом в Вене. Здесь 25 апреля 1886 г. открыл собственный кабинет. В 1938 г. вынужден эмигрировать в Англию. Умер в Лондоне в 1939 г.

Занимаясь неврозами, главным образом истерией, 3. Фрейд изучил опыт знаменитых французских неврологов Ж. Шарко и И. Бернгейма. Использование последним гипнотического внушения с терапевтическими целями, факт постгипнотического внушения произвели большое впечатление на Фрейда и способствовали такому пониманию этиологии неврозов, их лечения, которое составило ядро будущей концепции. Оно было изложено в книге «Исследование истерии» (1895 г.), написанной совместно с известным венским врачом И. Брейером (1842— 1925), с которым Фрейд в то время сотрудничал.

В общей форме теория Фрейда в этот период сводилась к пониманию невротических болезней как патологического функционирования «ущемленных аф-

356

фектов, сильных, но задержанных в бессознательной области переживаний. Если с помощью гипноза пациент получит возможность оживить в памяти эти травмирующие его переживания и вновь эмоционально испытает их, может наступить излечение. Решающим моментом в становлении оригинальной теории 3. Фрейда был отход от гипноза как средства проникновения к ущемленным и забытым болезненным переживаниям: во многих и как раз наиболее тяжелых случаях гипноз оставался бессильным, встречал «сопротивление», которое не мог преодолеть. «...Подлинный психоанализ начался с отказа от помощи гипноза» («Лекции по введению в психоанализ»). Фрейд был вынужден искать другие пути к ущемленному аффекту и в конце концов нашел их в толковании сновидений, свободно всплывающих ассоциаций, малых и больших психопатологических симптомов (проявлений), двигательных расстройств, оговорок, забываний и т. п. Исследование и интерпретацию этого разнообразного материала Фрейд назвал *психоанализом — новой формой терапии психоневрозов и методом исследования.* Ядро психоанализа как нового *психологического направления* составляет учение *о бессознательном.*

Научная деятельность Фрейда охватывает несколько десятилетий. За эти годы его концепция бессознательного претерпела существенные изменения. В его учении можно различать, хотя и несколько условно, три периода. Первый период (1897— 1905), когда психоанализ в основном оставался методом лечения неврозов с отдельными попытками общих заключений о характере душевной жизни. Основные произведения этого периода: «Толкование сновидений» (1900), «Психопатология обыденной жизни» (1901), «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905), «Три очерка по теории сексуальности» (1905), «Отрывок из одного анализа истерии» (1905 г., первое и законченное изложение психоаналитического метода лечения). Особенное значениеимеет работа «Толкование сновидений», в которой излагается первый вариант учения о системе душевной жизни как имеющей глубинное строение. В ней выделяются три уровня — сознательное, пред-сознательное и бессознательное с цензурой между ними. В этот период психоанализ начинает приобре-

357

тать популярность, вокруг Фрейда складывается кружок (1902) из представителей разных профессий (врачи, писатели, художники), желающих изучить психоанализ и применить его в своей практике. Во втором периоде (1906— 1918) фрейдизм превращается в общепсихологическое учение о личности и ее развитии. Фрейд формулирует основные принципы своей психологии, описание психических процессов с трех точек зрения — динамической, топической и экономической. В этот период выходят «Анализ фобии одного пятилетнего мальчика» (1909), «Леонардо да Винчи» (1910), «Положение о двух принципах психической деятельности» (1911), «Тотем и табу» (1913) — работы, в которых Фрейд развивает представления об инфантильной сексуальности, принципах функционирования человеческой психики, распространяет психоанализ на область художественного творчества и проблемы человеческой истории. Психоанализ возбуждает интерес во многих странах, в том числе в России. В 1909 г. Фрейд по приглашению Холла читал лекции в Кларковском университете (Ворчестер) и этим положил начало распространению психоанализа в Америке («О психоанализе, пять лекций», 1909). Значительным событием в развитии психоанализа в этот период был отход от 3. Фрейда его первых сотрудников А. Адлера (1911) и К. Юнга (1913). Лучшим и наиболее полным изложением психоанализа, как он сложился к началу Первой мировой войны, и работой, которая вместе с «Психопатологией обыденной жизни» получила наиболее широкое по сравнению с другими трудами 3. Фрейда распространение, являются его «Лекции по введению в психоанализ» (в 2 т.), которые были прочитаны врачам в 1915/1916 — 1916/1917 гг. В 1933 г. Фрейд присоединил к ним 3-й том под названием «Продолжение лекций по введению в психоанализ». В 3-м, последнем, периоде концепция 3. Фрейда претерпевает существенные изменения и получает свое философское завершение. Под влиянием событий Первой мировой войны изменяется учение о влечениях («По ту сторону принципа удовольствия», 1920). Структура личности представляется теперь в виде учения о трех инстанциях — «Я», «Оно», «Идеала-Я» («Я и Оно», 1923). В ряде работ 3. Фрейд распространяет свою теорию на понимание культуры и разных

сторон общественной жизни: рели-
358
гию — «Будущность одной иллюзии» (1927), антропологию, социальную психологию, проблемы цивилизации — «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921), «Моисей и единобожие» (1939) и др. Психоанализ становится философской системой и смыкается с другими течениями современной философии.

Система психоанализа

Психоанализ рассматривает душевную жизнь с трех точек зрения: динамической, топической (пространственное представление о структуре душевной жизни) и экономической. *С топической точки зрения* Фрейд различает три сферы психики — *сознательное, предсознательное* и *бессознательное.* Сознательное (Bw) имеет свойство переживания. Предсознательное (Vbw) — это скрытое (латентное) бессознательное, т. е. имеет способность сознания. Бессознательное (Ubw) — это вытесненная бессознательная психика, не обладает способностью проникнуть в сознание: проникнуть в него может только представитель вытесненной бессознательной психики. Источником предположений о бессознательной психике явились следующие теоретические соображения. Исходя из безусловного детерминизма и исключая правомерность физиологических объяснений в психологии, 3. Фрейд рассматривал факты, не поддающиеся сознательному контролю и не привлекавшие внимания традиционной психологии (забывчивость, описки, сновидения), как явления, которые имеют причины и поэтому должны получить объяснение. Так и получалось, что психическое должно объясняться из психического, и значит, психическое сознательное — из психического бессознательного: объективные проявления — сновидения, ошибочные поступки, описки, забывчивость, имеющие место в нормальной душевной жизни, а также в невротических симптомах у больных людей, открываются сознанию, а их причины — нет. Именно эти проявления являются свидетельством бессознательного. Пути их выявления с помощью анализа объективных проявлений бессознательного составляют методы Фрейда. Основным из них является *метод анализа свободно всплывающих ассоциаций.* Пациент удобно располагал-
358
ся на софе, Фрейд занимал место сзади, так, что пациент был ему виден, а он сам не попадал в поле зрения пациента. Ему предлагалось отдаться ходу свободных ассоциаций, т. е. говорить все, что приходит в голову, прекратив всякое сознательное управление ходом мыслей, не давать возможности для критики, которая отбрасывает иные ассоциации под предлогом их недостаточной важности или бессмысленности. Требование искренности со стороны пациента в высказывании своих мыслей является основным техническим правилом проведения анализа, началом работы, способствующей осуществлению аналитической терапии. Получаемый таким образом материал — Фрейд называл его «рудой для психоанализа» — подлежал истолкованию, потому что под влиянием сопротивления в нем возникают искажения и вытесненная мысль, которую ищем, маскируется своим заместителем. Тесно связан с этим *метод толкования сновидений.* Фрейд различал явное образное содержание сна, его фасад и маскируемый им скрытый смысл. Он представляет собой желания, в которых мы не хотим себе признаться, так как они неприемлемы для нас. Выражается в символике сновидений. «Я назвал «работой сновидений» процесс, который совместно с цензурой переводит скрытые мысли в явное содержание сновидения и который включает такие процессы, как сгущение и смещение. В снах бессознательное пользуется, особенно для изображения сексуальных комплексов, определенной символикой, которая... вполне типична. Отсюда необходимость истолкования сновидений. Сновидения есть и у здорового человека. Сновидения создаются также как невротические симптомы: ...они являются компромиссом между требованиями подавленных импульсов (вытесненных влечений) и сопротивлением цензурирующей силы»[1]. Фрейд придавал чрезвычайную важность толкованию сновидений. «Прежде психоанализ был связан только с патологическими явлениями... но когда он перешел к сновидениям, здесь он уже имел дело с явлениями нормальной психической жизни, встречающимися у каждого здорового человека. Если сны

[1] An autobiographical Study Sigmund Freud // The International Psychoanalytical library. London, 1948. №26.— P. 82.

360
оказались образованными так же, как симптомы, если их объяснение требует тех же допущений — вытеснение желаний, замещение и компромиссные образования, выделение сознания и бессознательного в различные психические системы, то ясно, что психоанализ больше не вспомогательная наука в области психопатологии; он в большей степени дает основание новой и глубокой науке о психике, которая будет так же приемлема для понимания нормы. Его постулаты и открытия оказались пригодны для перенесения в другую область психических явлений, и перед ними открыт путь далеко за их пределы в сферы универсального значения»[1]. Одним из методов был *анализ ошибочных действий повседневной жизни.* Такие явления, как описки, оговорки, потери вещей и др., не случайны и выражают импульсы и намерения, которые отстранены и должны быть скрыты от сознания. С их помощью человек выдает свои тайны. Опять намечается связь психоанализа со здоровой психикой. *Симптоматические действия* должны быть истолкованы. Исходя из них, можно выявить существующие, но скрытые или подавленные импульсы и намерения. Так, остроумие, шутки, каламбуры и остроты — представляют собой замаскированные мотивы

что-то сказать не прямо, а делая намек. Невротические симптомы рассматривались как искаженный заместитель вытесненного в бессознательное желания. Таковы области проявления бессознательного. Таким образом, психологический анализ невротических симптомов, сновидений, ошибочных действий становится источником проникновения в бессознательное, т. е. способом привести в сознание вытесненный материал.

Всюду в сновидениях, ошибках повседневной жизни, проявляющихся в нормальной душевной жизни, в невротических симптомах больных наблюдается столкновение двух тенденций, *конфликт противоположно направленных душевных сил:* одной нарушающей и другой нарушенной тенденции, желания. Сила, которая оказывает сопротивление этой второй тенденции,— *цензура.* Под ее влиянием происходит *вытеснение идеи,* с которой связано несовместимое желание,

[1] An autobiographical Study Sigmund Freud ...P. 85.

361

в бессознательное, где оно продолжает существовать, но в измененном виде, и переработка этой тенденции, создание замены невозможного удовлетворения путем искажения, образования болезненного симптома, навязчивого состояния, сублимации (переключения на другие пути — в рамках творческой, научной и т. п. деятельности) и др. Так, в сновидениях работа цензуры по искажению бессознательных скрытых мыслей в явное содержание включает процессы сгущения, смещения (сдвига), превращения мысли в образ и др. Возникает необходимость толкования, т. е. выявления скрытого смысла и значения ошибочных действий, невротических симптомов, сновидений. Толкование возможно, поскольку во всех этих образованиях сохраняется остаток сходства с первоначальной вытесненной идеей. Каковы те тенденции, против которых выступает цензура? Это вопрос о содержании и сущности бессознательного. Скрытые тенденции — это всегда желания, с которыми наше социализированное сознание не может примириться, потому что «...по природе своей они безусловно достойны осуждения, одинаково неприличны как в этическом, так и в эстетическом и социальном отношении и относятся к разряду таких явлений, о которых не решаются подумать или думают только с отвращением»[1]. Бессознательное — это место сосредоточения влечений, все вытесненное из сознания как недопустимое по своей природе. В системе бессознательного нет отрицания, сомнения, различных степеней достоверности. Ее процессы находятся вне времени, они подчинены принципу наслаждения, для них не имеет значения критерий реальности. В этой системе отсутствует противоречие, она существует в форме представлений, не облекается в речь. *Бессознательное называется первичным психическим процессом.* Оно — исходный момент душевной жизни: «...остатки той стадии развития, в которой они являлись единственной формой душевных переживаний»[2]. Это истинная психическая реальность. Однако бессознательное по своей внутренней природе нам столь же неизвестно, как и реальность

[1] *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ.— М., 1922. С. 147.

[2] *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе.— М., 1923.

362

мира внешнего, и в силу данных сознания является нам столь же несовершенным образом, как и внешний мир, в силу данных нам органов чувств.

Экономическая точка зрения на деятельность психического аппарата принимает во внимание количественную сторону, подход к душевной жизни с точки зрения траты энергии. Психоанализ предполагает, что влечения заряжены определенным количеством энергии, которая создает напряжение в организме, сопровождаемое неудовольствием, страданием. Под влиянием биологической тенденции к снижению возбуждения организм стремится освободиться от страдания, снизить напряжение (различными путями — путем освобождения от идущих извне раздражений, удовлетворения идущих изнутри), чтобы добиться снижения тонуса возбуждения и испытать чувство удовольствия. Таким образом, течение душевных процессов автоматически регулируется *принципом удовольствия — страдания* (принцип удовольствия), причем страдание соотносится с ростом напряжения, возбуждения, а удовольствие — с его спадом. Задача душевного аппарата с экономической точки зрения заключается в том, чтобы справиться с действующим в душевном аппарате количеством возбуждения и не допустить его до полного застоя.

В описании структуры душевной жизни как состоящей из сознания и двух систем бессознательного — предсознательного и собственно бессознательного и цензурой между ними — необходимо внести изменения, если применить *динамическую точку зрения.* Если в описательном смысле существует двоякое бессознательное, то в динамическом — только одно: то, что вытеснено и не может быть сознательным. Классический психоанализ Фрейда сосредоточивается по преимуществу на вытесненном бессознательном. На работу с ним направлена и терапевтическая практика психоанализа.

В дальнейшем эта топография душевного аппарата была преобразована. В окончательном варианте психическая сфера разделялась на три образования: «Я», «Сверх-Я», «Оно». Индивидуум представляется как бессознательное «Оно», которое поверхностно охвачено «Я». Здесь собираются все влечения. Понимание

363

Фрейдом влечений менялось. Первоначально (до 1915 г.) Фрейд различал сексуальные влечения — подчиняются принципу удовольствия и влечения «Я» (влечения к самосохранению) — подчиняется принципу реальности. В окончательном варианте (с 20-х гг.) те и другие объединяются в группу влечений к

жизни (эрос). Другим влечением является влечение к смерти, к разрушению. «Оно» — это область бессознательного, играет самую важную роль в структуре личности. «Оно» — движущая сила поведения: источник энергии, мощное мотивационное начало. «Я» — это поверхностный слой душевного аппарата. Называется сознанием. Соизмеряет деятельность «Оно» с принципом реальности. «Сверх-Я» направлено против «Оно», выражает систему требований «Я». Имеет «двойное лицо»: включает систему идеалов (идеальное «Я») и запреты. Это критическая инстанция, посредник между «Оно» и «Я». В целом совокупность моральных, этических тенденций Фрейд называет «Сверх-Я», идеалом и совестью. «Сверх-Я» является представителем морального ограничения и стремления к совершенству. Это надзиратель, критик, продолжает в личности ту функцию, которую выполнял родитель и воспитатель в первом периоде жизни индивида. Эта часть в структуре личности относится к бессознательному.

Точка зрения взаимных связей этих состояний стала ясна в процессе исследования источников невротических состояний. Корни их прослеживались до глубокого детства. В результате вырисовывалась общая линия *развития психики человека.* По Фрейду, ребенок рождается наполненным влечениями. Он — чисто органическое существо. При удовлетворении они доставляют ему наслаждение. Эти недифференцированные желания органического удовольствия, наслаждения Фрейд называл сексуальным влечением, в основе которого лежит энергия либидо. Развитие организма происходит под влиянием влечений и проходит ряд стадий — от аутоэротизма до ранней генитальной стадии, когда первоначальный эрос испытывает организацию в двух направлениях: во-первых, происходит подчинение господству генитальной зоны и возникновение собственно полового влечения; во-вторых, выбор объекта составляет другую сторону превращения ли-

364

бидо. Это второе направление имеет исключительное значение. Сначала лицо, на которое направлены влечения, ребенок находит среди близких. Маленький мальчик сосредоточивает свои сексуальные желания на матери, он враждебен к отцу. У девочки обратная установка — нежность к отцу и враждебность к матери. Фрейд развивает теорию обязательной конфликтной ситуации, связанной с двойственностью желаний ребенка к отцу и к матери как объектам любви. Конфликт заканчивается образованием *комплексов — Эдипа у мальчика и Электры у девочки* (до 4 — 5 лет; понятие комплекса Электры ввел К. Юнг для обозначения Эдипова комплекса у девочек. Фрейд говорил об Эдиповом комплексе, который присущ всем людям, независимо от половой принадлежности). В результате вытеснения этих комплексов образуются внутренние идеалы и запреты — «Сверх-Я», («Сверх-Я» имеет также теснейшую связь с филогенетическим достоянием: в нем — осадок развития человеческого рода, табу, сохранившиеся со времен первобытного общества и зафиксированные наследственно).

После подавления сексуального влечения наступает латентный период. Он продолжается до пубертатного возраста. С 13— 14 лет начинается фаза дальнейшего развития сексуального влечения. Это период окончательного выбора объекта. Ребенок берет за образец отца и мать и переносит влечение на другой объект. Это — благополучное развитие либидо. Для неблагополучного развития характерны фиксации (задержки) на определенной стадии, регрессии (возвращения на пройденную стадию). Эти извращения были названы *инфантилизмом.*

В результате развития в онтогенезе с накоплением жизненного опыта складывается «Я», формируются инстанции «Сверх-Я» и вытесненного «Оно». Развитая, правильно сформированная личность представляет собой систему первичных влечений, нашедшую пути их удовлетворения: частично прямые, но главным образом окольные, через сублимацию. Вся человеческая деятельность, культура и общество рассматриваются как средство удовлетворения и символического выражения некоего внутреннего желания, влечения. Соотношение между сферами в структуре личности рас-

365

сматривалось как динамическое их столкновение и борьба по типу конфликта между сознательным и бессознательным, а человек выступал их продуктом. Сознательное «Я», считавшееся раньше истинным средоточием индивида, становится лишь глашатаем бессознательного, причем довольно плохо информированным, поскольку он ничего не знает об истинном содержании бессознательного, донося сведения лишь о том, что пропускает цензура. Сознательное — не суть психики, а лишь такое ее качество, которое «может присоединяться или не присоединяться к другим ее качествам»[1]. В то же время задача заключается в том, чтобы перевести бессознательный материал человеческой психики в область сознания. «Там, где было «Оно», должно быть «Я». Механизмы взаимодействия между различными инстанциями в личности находят свой аналог в социальных и культурных процессах в обществе. «...События человеческой истории, взаимодействие между человеком и природой, культурным развитием и отказом от первобытного опыта...— не более чем отражение динамических конфликтов между Я, Оно и Сверх-Я, которые психоанализ изучает в индивиде, те же самые процессы, повторенные в более широком масштабе»[2]. Все социальные институты объяснялись как результат развития сугубо внутренних тенденций в самом человеке. Причем Фрейд прибегал к неоправданно широким аналогиям. Наблюдаемый им антагонизм между индивидом и обществом он считал неотъемлемой частью развития культуры на все времена, поскольку подходил к человеку и трактовке причин возникновения неврозов с натуралистических позиций.

Учение 3. Фрейда с момента его возникновения и до настоящего времени вызывает неослабевающий интерес, но получает при этом неоднозначную оценку. В «Автобиографии» Фрейд с уверенностью

утверждал: «Уже не может быть сомнений в том, что психоанализ будет продолжать существовать, он доказывает свою способность выступать и развиваться и как отрасль знания, и как терапевтическая методика»[3]. Интерес к

[1] История психологии. XX век... С. 316.

[2] An autobiographical... P. 134.

[3] An autobiographical... P. 135.

366

психоанализу объясняется реальностью его центральной проблемы — бессознательного, исследуемой к тому же не в лаборатории, а в конкретных жизненных ситуациях.

Неоднозначность оценок теории Фрейда проистекает из одностороннего решения, которое получает в ней проблема бессознательного. Как основной требовал ответа вопрос: насколько научно обоснована психологическая теория бессознательного, утверждения о детской сексуальности и широкое толкование понятия сексуальности, представления о важности сексуальной жизни и детских переживаний для этнологии неврозов. В качестве одного из критериев выдвигалась терапевтическая эффективность психоанализа. Однако сам по себе факт излечимости еще не подтверждает правильности теоретического толкования бессознательных процессов, поскольку наступает в зависимости от ряда причин. Так психоанализ лишается этого критерия истинности своих построений, а других нет. В системе психоанализа допускается большая произвольность в толковании символичного смысла проявлений бессознательного — снов и др., истинность которых невозможно проверить. Вместо строгой дедукции используются аналогии, метафоры. Все это противоречит объективности и научности, обязательным для научной теории.

В психоанализе происходит биологизация и натурализация психики человека. Сущность человека составляет темное Оно. Человек рассматривается как природное существо, наполненное влечениями. Влечения лежат в основе поведения человека, неврозы также объясняются из влечений. Духовный мир рассматривается как форма сублимированного либидо. Одновременно общественные явления психологизируются. Фрейд заменил реальные движущие силы исторического процесса и войн идеей природной склонности человека к агрессии и деструкции. Именно противоречия, научно не обоснованные утверждения, граничащие с вымыслом, встретили критику даже приверженцев Фрейда — Юнга, Адлера, Хорни, Фромма, выступивших с модификациями учения о бессознательном в психоанализе.

367

Индивидуальная психология А. Адлера

А. Адлер (1870-1937)

После окончания Венского университета **Альфред Адлер** (1870— 1937) начал свою практику вначале в качестве глазного врача, но скоро основным направлением его работы становится психиатрия. Встретившись с большими трудностями в лечении неврозов, Адлер обратил внимание на новый подход Фрейда, в частности, высоко оценил его «Толкование сновидений». Эту книгу он считал величайшим вкладом в понимание природы человека. Она подвергалась резким нападкам, особенно утверждения о сексуальной этиологии неврозов. Адлер выступил в печати в защиту Фрейда. Фрейд обратил внимание на это выступление и предложил Адлеру вступить в психоаналитический кружок (1902). Однако скоро между ними начались глубокие теоретические разногласия, главным из которых было отрицание Адлером сексуальной этиологии неврозов и других феноменов. Конфликт завершился разрывом, отходом от Фрейда (1911) и созданием собственной концепции. По Адлеру, не сексуальные влечения, а *чувство неполноценности* и необходимость компенсировать дефект занимают центральное место в личности и выступают факторами развития каждого человека. Чувство неполноценности вызывается как органическими — морфологическими и функциональными недостатками органов, аномалиями органов, их функций и др., так и субъективными факторами — ощущением природной слабости, трудностей в социальных отношениях и др. Чувство неполноценности — нормальное чувство, оно — не пассивное состояние, но является стимулом психического развития индивида. Он стремится преодолеть неполноценность: чем сильнее чувство неполноценности, тем сильнее стремление к его преодолению в форме стремления к превосходству, к власти над окружающей средой. Таким образом, чувство неполноценности уравновешивается стремлением к совершенству, даже к превосход-

368
ству. Вместе они приводят к образованию бессознательных *механизмов компенсации и сверхкомпенсации* дефекта.

С чувством неполноценности связана постановка жизненной цели, которая ведет весь поток душевной активности в определенном направлении. Цель вырабатывается индивидуально и задает ту целостную индивидуальную личностную структуру, которую Адлер называет *«стилем жизни».* Эти важнейшие образования складываются к 4 —5 годам. «Стиль жизни» — главная мелодия всех душевных проявлений Я как некой целостности, как личности. Стиль жизни — продукт творчества индивида и отражает его уникальность, неповторимость. В психологии Адлера понятие «стиль жизни» приравнивается к личности, к «Я». Формирование стиля жизни во многом зависит от семейной ситуации и в первую очередь от матери, которая прежде всего вводит ребенка в мир. Индивидуум не может рассматриваться вне общества. Человеческое бытие социально, человек не является изолированным существом, действующим независимо от социального окружения, в котором живет. Только посредством социального общения индивид становится частью общества, участником этого великого разделения труда. *Социальное чувство* или социальный интерес выражает связи между людьми в человеческом обществе. Оно развивается в трех основных жизненных сферах: в профессиональной деятельности, в социальных контактах с другими людьми, в любви и браке. Личность, не обладающая способностью к кооперации, не может решить этих трех важнейших для каждого человека проблем и получает в своем развитии отклоняющееся от нормы невротическое направление, а также может развиваться по пути преступного поведения или превращения в трудного ребенка. Нормальная личность с хорошо развитым социальным интересом хорошо компенсирована. Невротическая личность характеризуется увеличивающимся чувством неполноценности, неразвитым социальным интересом и преувеличенной активной целью к достижению превосходства.

Существуют три группы условий, способствующих появлению чувства неполноценности в раннем детстве. Во-первых, наличие физических недостатков, воспри-
368
нимаемых как жизненные препятствия. Однако преодоление этих недостатков возможно. Для этого необходимо изменить отношение к дефекту, а также овладеть определенными приемами, необходимыми для работы (здесь приводятся примеры из истории о музыкантах с плохим слухом, художниках с плохим зрением и т. п.). Во-вторых, неправильное воспитание, продуктом которого являются изнеженные дети, у которых не возникает чувство собственной ценности, и они встречаются с большими трудностями в установлении взаимопонимания с другими людьми. В-третьих, неправильное воспитание и как его результат бессердечные дети, у которых в силу враждебного отношения к другим людям также затрудняется процесс кооперации в обществе. Эти ошибки в воспитании порождают у ребенка сильное чувство неполноценности.

С точки зрения Адлера, воспитание в детях упорства и самостоятельности, терпения, отсутствие бессмысленного принуждения, унижения, насмешек, наказаний способствует укреплению у человека веры в свои силы. Согласно Адлеру, дефект сам по себе не предопределяет фатально дальнейшую судьбу ребенка и может быть компенсирован в процессе воспитания. Это утверждение сохраняет свою значимость и сегодня.

Подчеркивание Адлером роли общества в развитии личности явилось основанием для квалификации его в зарубежной психологии как родоначальника социального направления в развитии психоанализа. Он сохранил глубокую связь с психоанализом, в частности, принял положение о врожденных бессознательных причинах и движущих силах поведения (хотя и понимал их иначе); сохранил тезис о решающей роли раннего детства для всей последующей жизни человека, не проводил качественных различий между болезнью и нормой и др.

Аналитическая психология К. Юнга

Карл Густав Юнг (1875- 1961) после окончания медицинского факультета Базельского университета работал как психиатр в психиатрической клинике Цюрихского университета Burgholz (1900- 1909) под руководством Э. Блейлера. В этот период в зимнем семестре
370

К.Г. Юнг (1875-1961)

1902) —1903 гг. работает в Париже под руководством П. Жане. Экспериментировал со словесными ассоциациями. С помощью этого метода обнаружил бессознательные комплексы —

психические фрагменты, выделившиеся в результате психических травм, ядро которых составляют эмоционально окрашенные содержания. Заинтересовался исследованиями по психологии истерии и сновидений Фрейда. «Его концепции указали мне путь и помогли — как в моих последующих исследованиях, так и в понимании каждого конкретного случая»,— писал позже Юнг[1]. Он высоко оценил книгу Фрейда «Толкование сновидений» и начал применять принципы психоанализа в своей практике. Используемый Юнгом метод контролируемых ассоциаций является одной из модификаций ассоциативного эксперимента. С 1906 г. начал сотрудничать с Фрейдом. Их начавшиеся разногласия касались фрейдовских положений о сексуальной природе либидо. С 1909 г. покидает клинику Блейлера и занимается частной практикой. В 1912 г. в книге «Психология бессознательного» Юнг выступил с критикой Фрейда. По Юнгу, либидо — это психическая энергия, выражающая интенсивность жизни, имеет различные формы своего проявления в разные периоды человеческого развития, сексуальность есть только одна из таких форм. В 1914 г. после негативной реакции Фрейда на отступления Юнга от психоаналитической трактовки этого и других понятий (Эдипов комплекс) разрывает связи с психоанализом, признавая тем не менее работы Фрейда лучшими, хотя и верными лишь наполовину («Теория психоанализа»). Юнг совершил путешествия в Алжир, Тунис и большую часть Сахары, где с большим интересом изучал неевропейскую культуру. Впоследствии он познакомился также с людьми других примитивных культур — американскими индейцами. Анализ этих культур, матери-

[1] *Юнг К.Г.* Воспоминания. Сновидения. Размышления.— Киев, 1994. С.122.

371

алов фольклора, мифов, религий народов мира Юнг использовал в построении психологической концепции бессознательного.

Собственную психологическую концепцию Юнг назвал *аналитической психологией.* Ее центральное содержание составляет учение о бессознательном и о процессе развития личности. Сохраняя деление психики на сознательное и бессознательное, Юнг развивает учение *о двух системах бессознательного* — личном и *коллективном бессознательном.* Личное бессознательное — это поверхностный слой психики, включающий все содержания, связанные с индивидуальным опытом: забытые воспоминания, вытесненные импульсы и желания, забытые травматические впечатления. Зависит от личной истории индивида. Его содержание может пробуждаться в снах и фантазиях. Главную роль Юнг отводил *коллективному бессознательному.* Коллективное бессознательное — это сверхличная бессознательная психика, включающая инстинкты, влечения, которые представляют в человеке природное существо, и архетипы, в которых проявляется человеческий дух. Коллективное бессознательное — это древнейшая психика, некоторая сущность, независимая от развития индивида, от его сознания. Оно включает национальные, расовые, общечеловеческие верования, мифы, предрассудки, а также некоторое наследство, которое человек получил от животных. Инстинкт и архетипы выступают регуляторами душевной жизни: инстинкт определяет специфическое поведение человека, а архетип — обусловливает конкретное формирование сознательных психических содержаний. Архетипы — это некоторые прообразы. Они существуют в форме образов и символов и соответствуют самым глубоким слоям бессознательного. Основанием для введения коллективного бессознательного явился психопатологический опыт, когда Юнг отмечал некоторое общее содержание в фантазиях многих больных и одинаковую последовательность в смене их. Эти образы и фантазии рассматривались как аналогичные образам в мифах разных народов и интерпретировались как выражение работы некоторой бессознательной человеческой (и частично животной) психики по запечатлению бесконечно повторяющегося опыта. В такой фантастической фор-

372

ме Юнг выражал идею развития в психологии. Он описал несколько фигур архетипической природы, которые называл: Персона (или Маска), Тень, Анима (Анимус), Мудрый Старец, Самость. Эти фигуры трактовались как символы определенных сторон (тенденций) бессознательной психики. Фигуры коллективного бессознательного выступают и как уровни личности, в которой весь прошлый опыт человечества составляет наследственную данность, и проявляется в последовательности обнаружения архетипов в ходе индивидуального развития личности.

Процесс становления личности называется Юнгом *индивидуацией.* Ее цель — становление Самостью и психологически означает объединение, уравновешенность, связность сознательного и бессознательного. Этот процесс осуществляется естественно, но о том, как он протекает, можно узнать с помощью психотерапевта в ходе аналитической процедуры. Юнг трактует развитие как процесс, детерминированный изнутри и направленный на раскрытие уже имеющегося в личности изначально, в его бессознательном, на обнаружение «внутреннего ядра» личности, его Самости.

В труде «Психологические типы» (1921) Юнг различает *две базисные установки* — *экстравертированную,* направленную на внешний мир, и *интровертированную,* направленную на внутренний мир, и четыре функции психики — мышление, чувство, ощущение, интуиция. Доминирование той или иной установки в сочетании с определенной психической функцией дает 8 типов индивидуальности. Эти взгляды Юнга

породили большую литературу и получили дальнейшее развитие в психологии.

Неофрейдизм

Неофрейдизм — обширное направление в зарубежной психологии, возникшее в 30-х гг., истоком которого были идеи 3. Фрейда. Его крупными представителями являются К. Хорни, Э. Фромм, Г. Салливан. Его появлению способствовал, по-видимому, новый не невротический тип больных, которые жаловались скорее на неудачи, беспокойство, чувство одиночества, разочарования, неприспособленности, чем на специфичес-

373

ки невротические симптомы. Это были прежде всего представители деловых кругов, практиков, специалистов, профессионалов, служащих. Они в первую очередь испытали влияние депрессии 30-х годов, последовавшей за экономическим кризисом 1929 года. Эти трудности отразились в судьбе каждого человека. Поэтому для анализа причин заболевания было недостаточно погрузиться в личные семейные драмы, ограничиться миром «Я» и семьи. В результате учета действия этих новых факторов и возник неофрейдизм как социально ориентированная форма психоанализа.

Карен Хорни (1885- 1952) выступила с социологизированным вариантом фрейдизма, в котором поставила проблему социальной (в терминологии Хорни, культурной) обусловленности формирования характера человека и неврозов. Под влиянием опыта врачебной работы (Хорни занималась врачебной практикой в психоаналитических клиниках Берлина) и вследствие общения с Эрихом Фроммом пришла к выводу о роли культурных факторов в возникновении неврозов. Эти представления особенно подтвердились после переезда в США в 1932 г. «Тогда я увидела,— писала К.Хорни позже,— что отношения между людьми и неврозы в этой стране во многом отличаются от тех, которые я наблюдала в европейских странах, и что объяснить это может лишь различие в цивилизациях. Мои выводы в конечном счете нашли свое выражение в книге «Невротическая личность нашего времени». Главным утверждением в ней было то, что неврозы вызываются нарушениями человеческих взаимоотношений»[1]. Критическому осмыслению концепции 3. Фрейда способствовало также знакомство с этнографией Б. Малиновского, развивавшего принципы социологической школы в этнографической науке и призывавшего к изучению быта и культуры любого народа как единого целого.

В книге «Невротическая личность нашего времени» Хорни выступила с критикой ряда положений учения Фрейда как недостаточно отражающих значение культурных факторов, что не только приводит к

[1] *Хорни К.* Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза // Психоанализ и культура: Избр. труды Карен Хорни и Эриха Фромма.— М., 1995. С. 10.

374

неверным обобщениям, но и мешает пониманию реальных сил, определяющих наши взгляды и действия. Эта критика получила развитие и в других работах Хорни и касалась основных аспектов фрейдовской теории: пансексуализма, Эдипова комплекса, инстинкта смерти, структурного деления психики на Оно, Сверх-Я и Я, предопределяющей роли детства и его инфантильно-сексуальных фаз, сексуальной этиологии неврозов и др. Однако Хорни не отказывается от наследия Фрейда. «Колоссальная новаторская работа Фрейда», «гигантские достижения Фрейда», «фундаментальные открытия Фрейда» — эти и другие высказывания Хорни указывают на источник и исходные позиции ее исследований. Однако свою задачу она видит не в строгой приверженности всем теоретическим интерпретациям Фрейда — это была бы опасность стагнации — но «...в построении нового на заложенных им основах... именно таким путем мы можем помочь реализации тех возможностей, которые психоанализ имеет для будущего — как в качестве теории, так и в качестве терапии»[1]. Хорни заменяет преимущественно биологизаторскую ориентацию Фрейда на эволюционно-социологический подход. Хорни обратила внимание на некоторые типичные для современного общества аспекты, как, например, соревнование в смысле соперничества, конкуренции, которые являются не только движущей силой экономики, но пронизывают также личную жизнь. Все человеческие отношения в семье, между родными, в школе, в обществе, в любви имеют характер соперничества. Постоянная необходимость сравнения себя с другими, притязания, с одной стороны, и реальные возможности своего неуспеха и успеха других, вызывают тяжелые переживания — страх перед возможной неудачей, чувства неполноценности, зависти и постоянной тревожности. *Тревожность* является источником притязаний и желания любви и привязанности со стороны других. Она порождается обстоятельствами жизни индивида и уходит своими корнями в детство. Отсутствие теплоты и безопасности в детстве порождает усиленную потреб-

[1] *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени.— М., !993. С. 9.

375

ность в успокаивающей привязанности, за которой стоит *потребность в безопасности.* Человеком движут бессознательные побуждения, главным образом врожденные, биологически обусловленные, отчасти же приобретенные: стремление к безопасности и к удовлетворению. Принимая фрейдовский принцип, согласно которому поведение индивида определяется бессознательными мотивами, и предполагая, что эти бессознательные побуждения носят аффективный или эмоциональный характер, Хорни сохраняет этим всю суть психоанализа. Эти два вида бессознательных стремлений несовместимы друг с другом. Конфликт между ними приводит к необходимости подавления одного из них. Хорни отвергает Сверх-Я как

подавляющую силу, сам конфликт вызывает подавление одного из несовместимых стремлений. Подавление, по Хорни, это выталкивание из сознания импульса или аффекта. После подавления мы субъективно убеждены, что у нас его нет. Подавленный импульс встречает сопротивление сознания. Возникают защитные механизмы Я, которые служат окольными путями проникновения в сознание подавленных импульсов, потребностей, чувств, но в сильно замаскированном виде. Эти защитные механизмы формируются с детства и становятся той бессознательной основой, на которой строятся представления человека о самом себе. Сохраняя основные особенности психоанализа, Хорни подчеркивает *роль культуры,* противоречий, вызываемых ею: с одной стороны, культура стимулирует наши потребности, а с другой — налагает большие ограничения (экономические, юридические, этические), которые подавляют эти же потребности, следовательно, усиливает бессознательную внутрипсихическую драму. Основными элементами этой драмы у Хорни, как и у Фрейда, служат противоположные бессознательные побуждения, основанные на несовместимых стремлениях, причем конфликты разрешаются в результате подавления с помощью защитных механизмов Я. Сумма таких решений, их источник и развитие в течение жизни индивида определяют его характер и делают личность нормальной или невротической. Реформированное учение Хорни, как признает сам автор, остается психоанализом. «...Если считать, что суть психоанализа заключена в определенных базис-

376

ных подходах к осмыслению роли бессознательных процессов и тех путей, которые они находят для своего выражения, и в форме терапевтического лечения, которое приводит эти процессы к осознанию, тогда то, что я здесь представляю, является психоанализом»[1]. **Гарри Салливан** (1892— 1949) — психиатр-практик, преподаватель и редактор журнала «Психиатрия», автор *концепции межличностной психиатрии.* Эта концепция — другая форма социализированного психоанализа. Ее основу составляет тезис о *роли межличностных отношений в формировании личности и процесса ее развития.* При этом задача воспитания сводится к социальной адаптации человека. Стремясь к объективному, по типу точных наук, описанию психических фактов, Салливан разработал специальную терминологию. Личность определяется как «относительно устойчивая модель повторяющихся межличностных ситуаций, характеризующих человеческую жизнь»[2]. Личность нельзя изолировать от интерперсональных отношений, человек всегда член «социального поля» и может быть понят только в этом контексте. Ребенок вступает в межличностные отношения уже с момента рождения под влиянием потребностей — органических, потребности в нежности, стремления освободиться от беспокойства, возникающего от недоброжелательного отношения. В ходе этих отношений складывается персонификация, т. е. образ человека (себя и других). Персонификации, сложившиеся в раннем детстве, в последующем определяют все отношения человека к другим людям. Источником активности, по Салливану, является энергия, свойственная организму изначально. Все психические процессы, все приобретенные привычки и формы поведения являются способами трансформации энергии и называются «динамизма-ми». В сумме они составляют «Я-систему», которая образуется в раннем детстве. Социализации ребенка способствует овладение языком, с помощью которого происходит образование «синтаксического опыта»,

[1] *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени.— М., 1993. С. 8-9.

[2] *Флоренская Т.А.* Социологизация фрейдизма в теориях личности К. Хорни и Г.С. Салливана // Вопросы психологии.— 1974,— №3. С. 163.

377

открывающего возможности освоения общезначимого специального опыта (синтаксису предшествуют протаксис и паратаксис — формы доречевого опыта).

Салливан развивает важные идеи о значении и месте связей и отношений человека с другими людьми, оставаясь при этом в рамках психоаналитических учений о человеке. Он считал, что нарушения межличностных отношений лежат в основе душевных заболеваний. «Это утверждение относится и к психозу, и к неврозу, поскольку внутрипсихические конфликты изначально являются межличностными конфликтами, становящимися внутрипсихическими тогда, когда первоначальные противники — обычно родители — участвующие в этих конфликтах, интернализируются». Салливан имел огромный опыт применения динамических психотерапевтических методов к лечению шизофреников. Как пишут Ф. Александер и Ш. Селесник, «он обладал особым даром общения с этими отстраненными, отчужденными душевными страдальцами, и его психологические описания их поведения не имеют себе равных»[1].

Эрих Фромм (1900— 1980)

Эрих Фромм (1900— 1980) — самый видный представитель психологии неофрейдизма. Разработал концепцию *«гуманистического психоанализа».* К психоанализу Фромм пришел после завершения образования социолога. Существенно отметить также, что в 1929— 1932 гг. он был сотрудником Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне. Биограф Фромма Райнер Функ замечает, что Фромм был не только психоаналитиком: он объединил социологию с психоанализом в самостоятельную аналитическую социальную психологию[2]. На протяжении всей жизни его восхищали тексты Ветхого и Нового Завета. Углубленное изучение религии иудаизма, немецких мистиков, классического буддизма способствовали формированию гуманистических представлений о человеке и путях его развития (см., напр., его «Иметь или быть?», 1976).

[1] *Александер Ф,, Селесник Ш.* Человек и его душа: познание и врачевание от древности и до наших дней.— М., 1995. С. 520.
[2] *Функ Р.* Эрих Фромм. Страницы документальной биографии.— М., 1991.

378

Главное открытие Фромма связано с признанием социальной обусловленности теории и терапии психоанализа. «В противоположность точке зрения Фрейда анализ, предложенный в этой книге, основан на предположении, что ключевой проблемой психологии является особого рода связанность индивида с внешним миром, а не удовлетворение или фрустрация тех или иных человеческих инстинктивных потребностей. Более того, мы предполагаем, что связь между человеком и обществом не является статичной. ...Общество осуществляет не только функцию подавления, но и функцию созидания личности. Человеческая натура — страсти человека и тревоги его — это продукт культуры; по сути дела сам человек — это самое важное достижение тех беспрерывных человеческих усилий, запись которых мы называем историей»[1]. По Фромму, характер человека имеет не только либидозную, но и социальную обусловленность. Здесь главная роль принадлежит семье, но после окончания периода детства общество продолжает активно влиять. В связи с пониманием решающей роли общества и в соответствии с центральной установкой, по которой человек должен находиться в центре общества, и цели его развития должна быть подчинена вся экономическая и политическая деятельность, Фромм обращается к различным концепциям общества, и в том числе, к учению Маркса. Анализ этих концепций отличается глубокой содержательностью и профессиональной глубиной. Фромм познакомил американское общество с Марксом в специальной работе «Концепция человека у Маркса» (1961), хотя он обращается к трудам Маркса во многих своих произведениях, особенно в таких: «Иметь или быть?», «Из плена иллюзий» (1962) и др. Фромм раскрыл гуманистическую сущность учения Маркса и вместе с тем указал на его действительные ограничения; обратил внимание на фальсификации этой концепции. «Создается впечатление,— писал Фромм,— что ни политики, ни журналисты ни разу не прочли ни единой Марксовой строчки, а социологи и обществоведы привыкли довольствоваться минимальными знаниями текстов Маркса»[2].

[1] *Фромм Э.* Бегство от свободы.— М., 1990. С. 20-21.
[2] *Фромм Э.* Концепция человека у К. Маркса // Фромм Э. Душа человека.— М, 1992. С. 376.

378

Так же, как Хорни и Салливан, с которыми ученый был дружен (широкий круг его друзей включал также таких выдающихся исследователей человека, как А. Кардинер, М. Мид, Р. Бенедикт, Дж. Доллард и др.), Фромм отвергает биологизм Фрейда и пытается понять человека в зависимости от социальных условий его существования. В отличие от понимания ими культуры в традиционном антропологическом смысле, Фромм анализирует все сферы общества — его экономическую, социальную и политическую структуру и в связи с их влиянием на внутренние духовные изменения человека. Исходным выступает тезис об особенностях человеческого существования, качественно отличного от существования животных. «Человеческое существование начинается тогда, когда достигает определенного предела развитие деятельности, не обусловленной врожденными механизмами; приспособление к природе утрачивает принудительный характер, и способы действий уже не определяются наследственностью, инстинктами. Иными словами, человеческое существование и свобода с самого начала неразделимы. Здесь имеется в виду не позитивная «свобода чего-то», а негативная «свобода от чего-то» — в данном случае свобода от инстинктивной предопределенности действий»[1]. Это особенное существование человека заключает в себе так называемое *экзистенциальное противоречие,* проистекающее из того, что разрываются естественные — инстинктивные — связи человека с природой, первичная гармония между человеком и природой разрушена, перед ним встает задача приспособления к природе. Вместо предопределенного инстинктивного действия «человек должен выбирать между различными действиями; он начинает думать. Его роль по отношению к природе меняется: вместо того, чтобы действовать на основе инстинктивной предопределенности, человеку приходится оценить в уме различные способы действия; от пассивного приспособления он переходит к активному, т. е. начинает трудиться. Он изобретает орудия труда и тем самым, овладевая природой, отделяется от нее все больше и больше. Он начинает смутно осознавать, что он — или,

[1] *Фромм Э.* Бегство от свободы... С. 36 — 37.

380

точнее, группа, к которой он принадлежит,— это не то же самое, что природа вокруг. В нем пробуждается сознание трагичности своей судьбы: быть частью природы, но не вписываться в нее. Он сознает, что в конце концов его ожидает смерть, хотя и пытается отрицать это в различных фантазиях»!. Поскольку человек, свободный от первичных связей с природой, все же остается связанным с нею, «свобода от» приводит к возрастанию чувства одиночества. Вместе с биологическим отделением и началом индивидуального существования человек чувствует одиночество, озабоченность, безнадежность, опасность, возрастающее чувство бессилия и ничтожности. «...Процесс развития человеческой свободы имеет тот же диалектический характер, какой мы обнаружили в процессе индивидуального роста. С одной стороны, это процесс развития человека, овладения природой, возрастания роли разума, укрепления человеческой солидарности. Но с другой — усиление индивидуализации, а, следовательно, становится все более сомнительным место человека в мире и смысл его жизни. Вместе с этим растет и чувство бессилия и ничтожности отдельного

человека»[2].

Возникают импульсы-потребности, направленные на преодоление этих тяжелых переживаний. Для этого существует только один возможный *продуктивный путь:* добровольные связи с миром и природой, продуктивная деятельность человека, любовь к работе, которые снова соединят его с миром, но уже не первичными связями, а как свободного и независимого индивида. Человек может развиваться до «позитивной свободы», он может добровольно соединить себя с миром любовью и работой, истинным выражением своих эмоциональных, чувственных и интеллектуальных способностей; таким образом он может стать единым с людьми, природой и самим собой, не уничтожая независимость и единство своего индивидуального «Я». Но социальные условия не предлагают возможности для развития человека в этом направлении. Для него остается только один способ победить одиночество — убежать в покорность, подчиниться или вступить в

[1] *Фромм Э.* Бегство ... С. 37.

[2] Там же. С. 39.

381

такие отношения с людьми и миром, которые обещают спасение от неопределенности. Так возникают непродуктивные способы удовлетворения человеческих потребностей. Их Фромм называет *механизмами бегства* (от невыносимой ситуации). Механизмы бегства — это такие пути решения индивидом проблем своего существования, которые выливаются в определенные тенденции поведения. Их три: *авторитаризм, деструктивизм* и *конформизм.* Они являются иррациональными и бессознательными. Различные в своих проявлениях, они являются результатом одной базовой потребности — избежать собственной слабости и изолированности. Они не устраняют причин страдания и тревоги и не могут решить проблему человеческого существования, являясь лишь защитными механизмами, ибо за поступками и мыслями личности, например деструктивного типа, скрываются другие действительные мотивы. Проникнуть за эти защитные механизмы и раскрыть подлинные эмоциональные и интеллектуальные потребности личности может только психоаналитик с помощью применения психоаналитической техники — свободных ассоциаций, толкования сновидений и т. п.

Признавая качественные различия между обществами на разных этапах истории, Фромм подчеркивает необходимость строгого научного анализа его социальной структуры и утверждает, что радикальным изменениям экономических, социальных, политических сторон жизни сопутствуют столь же радикальные изменения в структуре личности. Поэтому экзистенциальные противоречия, вытекающие из особенностей человеческого существования как свойственного человеческой ситуации вообще, дополняются *историческими противоречиями,* свойственными определенному обществу. Главное внимание Фромм уделяет капиталистическому обществу и его противоречиям и личности при капитализме. Развиваемая Фроммом концепция человека капиталистического общества, когда не только труд, но и личность превращается в товар, когда достигло предела отчуждение человека: он превратился в автомат, которым манипулируют,— обличает капитализм как социальную систему. Фромм показал, что экономическая система капиталистического обще-

382

ства потребовала от человека таких качеств, как эгоизм, себялюбие, алчность, которые являются продуктом этих социальных условий. Зависимость характера человека от его образа жизни Фромм выразил в понятии *социального характера.* «Взаимосвязь индивидуальной психической сферы и социоэкономической структуры я называю социальным характером»[1]. Социальный характер меняется вместе с изменением общества, культуры. Фромм различал следующие его типы: накопительский, воспринимающий, рыночный, эксплуататорский, некрофилический. Все они разновидности непродуктивного характера. Только создание нового общества в будущем приведет к продуктивному характеру. С наибольшей подробностью Фромм описал *рыночный характер,* соответствующий современному капиталистическому обществу: «живое существо становится товаром на «рынке личностей». «Цель рыночного характера — полнейшая адаптация, чтобы быть нужным, сохранить спрос на себя при всех условиях, складывающихся на рынке личностей. Личности с рыночным характером ...не имеют даже своего собственного Я, на которое они могли бы опереться, ибо их Я постоянно меняется в соответствии с принципом — «я такой, какой я вам нужен»[2]. Преобладает рассудочное, манипулятивное мышление, эмоциональная жизнь атрофируется. Рыночный характер Фромм называет также отчужденным характером, потому что люди с таким характером отчуждены от своего труда, от самих себя, от других людей и от природы. Порожденный обществом, в котором господствует частная собственность, этот характер выражает такой способ существования человека, который Фромм назвал обладанием. Ориентация на обладание проявляется в собственнических чувствах и установках, которые пронизывают жизнь человека во всех ее проявлениях — в обучении, в формах отношений между людьми, в том числе родителей и детей, мужа и жены, пациента и врача и т. д. Характеристика Фроммом ориентации на собственность представляет собой острую критику современного капиталистического общества.

[1] *Фромм Э.* Иметь или быть...— М., 1986. С. 156.

[2] Там же. С. 170-171.

383

Неофрейдизм продолжает психоаналитическую теорию бессознательного, которому отводится главенствующая роль в психике человека. С позиций психологии он обличает современное капиталистическое общество, в котором, как показал Фромм, люди «стали винтиками бюрократической машины», их мыслями и чувствами, вкусами манипулируют «правительство, индустрия и находящиеся под их контролем средства массовой информации; экономический прогресс коснулся лишь ограниченного числа богатых наций, пропасть между богатыми и бедными нациями все больше и больше увеличивается; технический прогресс создал опасность для окружающей среды и угрозу ядерной войны, каждая из которых — или обе вместе — способны уничтожить всю цивилизацию и, возможно, жизнь на земле»!.

В русле психоаналитической концепции развивается *Эго-психология* — направление, в центре которого находится исследование проблемы «Эго». Выступает против догматического взгляда, согласно которому психоанализ должен ограничиваться только бессознательным. Дочь Фрейда, **Анна Фрейд** (1895— 1982), отталкиваясь от представлений Фрейда, развиваемых им в работах «По ту сторону принципа удовольствия», «Групповая психология и анализ человеческого Я», в которых 3. Фрейд указывал на собственные склонности и тенденции «Эго», выступила с собственной концепцией[2]. Эта концепция получила название «психологии Эго». Крупным теоретиком этого направления является X. Гартман (1894— 1970). К нему принадлежат также Э. Криз, Д. Рапапорт (1911 — 1961), Э. Эриксон (1902— 1994), а также Э. Глоувер, Р. Спитц. Это направление ставит задачей исследовать содержание и происхождение «Эго» как автономного независимого от «Оно» образования, его функции, главной из которых является адаптация к внешнему миру. Рассматривается проблема общения, его формы, функции и роль в развитии ребенка (Спитц).

Развивая психоанализ, **Эрик Эриксон** (1902— 1994) на разнообразном материале (собственных полевых эт-

[1] *Фромм Э.* Иметь или быть... С. 33.

[2] *Фрейд А.* Психология Я и защитные механизмы.— М, 1993.

384

нографических исследований, изучения опыта воспитания детей в индейских резервациях, клинического опыта обучения и воспитания детей с физическими и психическими недостатками, работы в Центре восстановления трудоспособности инвалидов Второй мировой войны и др.) разработал *эпигенетическую теорию* развития личности и эмоциональных кризисов у взрослых. Описал восемь стадий психического развития Я, которые проходит человек от рождения до смерти, утверждая таким образом, что развитие личности не заканчивается в подростковом возрасте, но происходит на протяжении всего жизненного цикла. Переход на каждую следующую стадию вызывается новыми задачами, которые выдвигает общество, и сопровождается кризисами *идентичности.* В известных трудах — «Детство и общество» (1950), «Идентичность: юность и кризис» (1968), «Молодой Лютер» (1958) и др. Эриксон, отталкиваясь от теории и практики психоанализа, разрабатывал проблему отношения Эго к обществу, связав ее с новейшими данными антропологии и социологии.

Среди направлений современного психоанализа заметное влияние получили психология самости (Self) **Гейнца Кохута,** теория **Дональда Виннекота** об «истинном Я» и «ложном Я». Под воздействием теорий Кохута и Виннекота **Алис Миллер** рассмотрела проблему детско-родительских отношений, показала их драматизм и влияние на дальнейшую судьбу человека[1].

Во французской науке большое распространение получил структурный психоанализ **Жака Лакана** (1901 — 1981). Лакан соединяет психоанализ с лингвистикой. Сердцевину его структуралистского подхода выражают формулы «бессознательное — это язык», «бессознательное структурировано как язык». Лакан фиксирует внимание на роли лингвистических методов описания бессознательных проявлений личности. Тезис Декарта «я мыслю, следовательно, существую», в основе которого лежит идея о полном совпадении субъекта мышления и субъекта существования, он преобразует в другой тезис «я мыслю там, где я не существую», т. е. субъект не есть высказывание, потому что

[1] *Миллер А.* Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я.— М: Академический Проект, 2001.

385

мотивировка речевого высказывания бессознательна. Бессознательное — это речь «Другого», выступающего в роли субъекта. Оно скрывается в межсубъектном языковом взаимодействии врача и пациента и раскрывается в ходе «речевой работы» в ситуации их диалога. В своей работе Лакан опирается на приемы исследования, разработанные Ф. Соссюром, Р. Якобсоном и др. Опора на строгие научные приемы преследует не только чисто практические терапевтические цели, но прежде всего отражает стремление к подлинной объективности и научности психоанализа, в отличие от свободных интерпретаций в духе интуиций, понимания и т. п., придающих психоанализу характер трудно проверяемых построений.

386

Глава 5. ФРАНЦУЗСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Э. Дюркгейм (1858-1817)

В психологической науке вопрос о социальной природе человеческого сознания был специально поставлен французской социологической школой. Основателем школы был **Эмиль Дюркгейм** (1858 —1917), юрист, который, изучая бытовое право у отсталых народов, создал концепцию первобытного мышления. Его идеи развил Л. Леви-Брюль. К этой школе примыкал некоторое время Ж. Пиаже. К ней принадлежали М. Гальбвакс, Ш. Блондель.

Изучая обычаи, моральные и юридические нормы, взгляды малокультурных народов, Э. Дюркгейм пришел к выводу о том, что они представляют общественную силу, господствующую над сознанием каждого отдельного человека. Человек — существо двойственное: индивидуальное, биологическое и социальное. Первое имеет свои корни в организме, ему соответствует биологически определяемая часть психики, оно руководит практическими отношениями индивида с окружающим миром. В сфере материального производства индивид, согласно Дюркгейму, выступает как изолированное существо. Его индивидуальное сознание находится под влиянием объектов. Во французской социологической школе индивидуальное отождествляется с биологическим, индивид рассматривает-

387

ся как организм; проблема общественного и индивидуального отождествляется с проблемой социального и биологического[1]. Социальное существо в человеке формируется обществом. Ему соответствует социально определяемая часть психики.

По Дюркгейму, «...общие идеи, которые религия или наука внедряют в наш ум, интеллектуальные операции, которые эти идеи предполагают, верования и чувства, которые составляют суть нашей моральной жизни — все эти высшие формы психической активности, которые в нас пробуждает и развивает общество, не находятся на поводу у тела, как наши ощущения и кинестетические состояния. Мир представлений, в котором разворачивается социальная жизнь, надстраивается над своим материальным субстратом, а никак не проистекает из него»[2].

В двойственности заключается отличие человека от животных: у них нет общественного опыта. Дуализм — характерная черта концепции Э. Дюркгейма.

Общество рассматривается Дюркгеймом как особая реальность. Оно — духовное образование: совокупность мнений, знаний, способов действий определенного рода и др., которые отражают различные стороны общественной жизни и называются коллективными представлениями. Закрепляются в языке. Коллективные представления обладают всеобщностью и необходимостью; являются продуктом длительного развития; создаются обществом, а не личностью; оказывают принудительное воздействие на человека; они аффективно окрашены и принимаются каждым человеком без рассуждения. Они не столько понимаются,

[1] Ср. К. Маркс: «Особенно следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество» как абстракцию индивиду. Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни — является проявлением и утверждением общественной жизни. Индивид и родовая жизнь человека не является чем-то различным» *(Маркс К., Энгельс* Ф. Из ранних произведений.— М., 1956. С. 590.).

[2] Цит. по изд.: *Рубинштейн С.Л.* Пути и принципы развития психологии. — М., 1957. С. 311-312.

388

сколько захватывают человека и заставляют. Признание влияния на человека коллективных представлений меняет понимание человека, источника наиболее высоких форм духа, объясняемых до этого или из индивидуального опыта, или путем допущения априорных прирожденных форм (эмпиризм или априоризм). Мысль Дюркгейма, что все собственно человеческое в человеке от общества — это действительно капитальная мысль. Однако общество Дюркгейм понимает односторонне, отождествляя его структуру с системой коллективных представлений, т. е. общественным сознанием. Охота, рыболовство и т. п. хотя и рассматриваются, но как контакты изолированных индивидов с природой, которые не предполагают с необходимостью настоящего мышления и не приводят к нему. Таким образом, в целом развитие мышления не связывается здесь с развитием человеческой деятельности. Самый процесс внедрения коллективных

представлений в сознание индивида трактуется как взаимодействие индивидуального и общественного сознаний.

Люсьен Леви-Брюль (1857— 1939)

Люсьен Леви-Брюль (1857— 1939) выступил с тезисом о двух формах, типах человеческого мышления и о специфических особенностях первобытного мышления. Согласно его теории, в процессе развития человеческого общества происходит не только накопление знаний о мире, но смена типов мышления. Современный тип — логический — пришел на смену первобытному мышлению, которое Л. Леви-Брюль называет *пралогическим.* Первобытное мышление имеет магический характер; для первобытного человека мир вещей наделен одновременно естественными и сверхъестественными, обыденными и мистическими свойствами, причем наиболее важными являются именно сверхъестественные свойства; первобытный человек всегда думает о магических силах, скрытых за событиями, за вещами, которые сами по себе никакой силы не имеют.

Мышление первобытного человека, направленное на магическое содержание, имеет особую логику. Оно подчиняется закону партиципации, т. е. сопричастия: считается, что все предметы, сходные между собой,

388

имеют общую магическую силу (отсюда вера в тень, портреты, имя — считается, что действия, примененные к ним, распространяются и на их оригиналы). Магическая сила передается также путем соприкосновения (сопричастие по подобию и сопричастие по выражению).

Мышление первобытного человека абсолютно причинно: оно не признает случайностей, не чувствительно к противоречиям и не требует доказательства фактами. Умение различать разновидности растений, отпечатки следов каждого человека своей группы, искусство в производстве посуды, корзин, пирог, украшений и т. п. проявления трудовой деятельности не являются, по Леви-Брюлю, плодом размышления и рассуждения. Они — продукты чутья, интуиции, слепого навыка. По Леви-Брюлю, влияние общества на сознание человека осуществляется только через систему коллективных представлений, причем главным образом религиозно-мистического характера (верования, магические обряды).

По Леви-Брюлю, пралогическое мышление не образует стадию, предшествующую логической мысли. Оно представляет особую структуру, функционирующую совместно с логической мыслью, и не перерастает в логическое: с развитием общества сектор логического мышления лишь увеличивается, оттесняя мистическое пралогическое мышление[1]. Дело в пропорции: в мышлении первобытных народов пралогические структуры преобладают. Но даже в современном обществе они не исчезли полностью (религия, понятие о душе и др.). Наша умственная деятельность одновременно рациональна и иррациональна, пралогические и мистические элементы в ней сосуществуют с логическими.

Морис Гальбвакс (1877 — 1945) на материале памяти, **Шарль Блондель** (1876— 1939) применительно каф-

[1] По отношению к онтогенезу подобный подход развивал Ж. Пиаже в ранний период своего творчества. По Пиаже, ребенок развивается как биологическое существо, непроницаемое для опыта, нечувствительное к противоречиям; лишь на определенном этапе к биологическим факторам присоединяются социальные и способствуют выработке логических норм его мышления.

390

фективно-волевой сфере утверждали социальный характер всей психики человека. М. Гальбвакс, социолог и психолог, учился в Париже у А. Бергсона и Э. Дюркгейма. Преподавал в Страсбурге и Сорбонне. Связывал психологию и социологию. В «общественной (коллективной) памяти» видел предпосылку культурных институтов и традиций.

По Ш. Блонделю, социальная обусловленность всей жизни индивида начинается задолго до того, как социальный опыт становится доступным человеку в форме идей. Эмоции и воля имеют социальную природу. «Наша первая пеленка есть первый саван нашей индивидуальности» — противопоставляет он свою позицию дюркгеймовской идее первоначально несоциализованной психики, а также учению о внутренней природе волевого процесса как присущей нашему духу особенности У. Джемса. Значение французской социологической школы заключается не столько в развиваемых ею представлениях о типах мышления,— как раз это и подвергается критике,— сколько в выдвижении нового — исторического — подхода к исследованию человеческой психики. Проблема преобразования человеческой психики в ходе исторического развития общества получила последующее развитие как во Франции (К. Леви-Строс, А. Валлон, историческая психология И. Мейерсона), так и в других странах.

391

Глава 6. ОПИСАТЕЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В. Дильтей (1833-1911)

В период открытого кризиса о новом подходе к изучению духовного мира человека заявил немецкий философ **Вильгельм Дильтей** (1833— 1911), основатель «философии жизни». Он выступил с критикой академических философских школ с притязаниями на новое мировоззрение, основанное на самой жизни, этой единственной реальности, постигаемой посредством творческих инстинктов и гениальной интуиции. Основной психологический труд «Описательная психология» (1894). Деятельность В. Дильтея протекала в ситуации острых дискуссий о методологии исторического и гуманитарного знания (наук о духе). Согласно Дильтею, все науки о духе должны базироваться на психологии.

Он исходил из положения о том, что все «системы культуры — хозяйство, право, религия, искусство и наука и внешняя организация общества в союзе семьи, общины, церкви, государства возникли из живой связи человеческой души... и не могут в конце концов быть поняты иначе, как из того же источника. Психические факты образуют их важнейшую составную часть, и потому они не могут быть рассматриваемы без психического анализа»[1].

[1] История психологии. XX век... / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. С. 420.

392

Вследствие психологизации трактовки общества и наук о духе оказалось, что «развитие отдельных наук о духе связано с разработкой психологии»[1]. Утверждалось, что «психология будет основанием наук о духе, подобно тому как математика — основа естествознания»[2].

Однако существующая психология была подвергнута Дильтеем сокрушительной критике, ибо до сих пор она развивалась из «неправомерного распространения естественно-научных понятий на область душевной жизни»[3], так как естествознание рассматривалось как единственно подлинная форма научного знания. Естественно-научная ориентация психологии, особенно в период ее становления как самостоятельной науки, получает у Дильтея отрицательную оценку. «...В кровеносной системе познающих субъектов, которых конструируют Локк, Юм и Кант, течет не настоящая кровь, но разбавленный сок разума в виде чисто мыслительной деятельности»[4]. Критике подвергались принципы психологии, которую Дильтей называет объяснительной, ее гипотезы, представления об элементах — атомах и их ассоциациях и др., которые не доказуемы. Ее предметом не являлась полнота человеческой природы — объяснительная психология не может объяснить подлинную жизнь души потому, что занимается незначительными феноменами и трактует их неправильно. Эти ошибки проистекают из непонимания специфики психологии как одной из наук о духе, по сравнению с естественными науками по предмету и по методу. Естественные науки имеют дело с фактами, которые даются извне, при посредстве чувств как единичные феномены. Связь между ними устанавливается путем дополняющих заключений. В психологии факты выступают изнутри как некоторая живая связь душевной жизни, как нечто первично данное. Связные комплексы первоначаль-

[1] История психологии... / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. С. 421.

[2] Там же. С. 441.

[3] Там же. С. 442.

[4] *Nohl H.* Wilhelm Dilttey (1833-1911) // Die Grossen Deutschen. Deutshe Biographien. Bd. 4.— Berlin, 1957.

393

ны и даны в переживании, они представляют неразложимую цельность.

По методу эти науки также отличны друг от друга. Естественные науки пользуются объяснением, привлечением гипотез, экспериментом. Природу мы объясняем. Психология имеет дело с сознанием, которое нужно описать. Необходимо отказаться от объяснения в этом естественно-научном смысле, в смысле поиска причин. Душевную жизнь мы постигаем, т. е. уясняем ее смысл. Эксперимент в психологии возможен, но только в пограничных областях душевной жизни, в центральных же — нет. Здесь позиция Дильтея сходна с вундтовской: вводя в психологию эксперимент, Вундт ограничивал его применение областью простейших психических процессов.

Противопоставление понимания (Verstehen) и объяснения (Erklährung) — центральный методологический

принцип описательной психологии. Это противопоставление явилось формой критики натурализации в психологическом исследовании, которая свойственна естественно-научно ориентированной психологии. Понимание как метод понимающей психологии принципиально отлично от интроспекции. Интроспекция ограничивает познающего содержанием его сознания, закрывая выход в сферу объективного. «Мы постигаем человеческую природу не с помощью интроспекции... Существуют новые категории, образы и формы жизни, к которым и следует обратиться и которые сами не обнаруживаются в индивидуальной жизни. Индивид — это лишь точка пересечения систем культуры и организаций, куда вплетено его бытие: как же можно их понять, исходя из индивида?»[1]. Понимание не тождественно и рациональному познанию в понятиях: описательная психология обязана выяснить невозможность того, чтобы переживания были возведены в понятия. «Что такое человек, можно узнать не путем размышления над самим собой и даже не посредством экспериментов, а только лишь из истории»[2]. Понять —

[1] *Дильтей В.* Категории жизни // Вопр. философии.— 1995.— № 10. С. 143.

[2] История психологии... С. 435.

394

это значит оценить субъективные переживания как осмысленные, включить субъективные переживания в более широкие смысловые связи, которые определяют их. Эти связи находятся вне субъекта, в духовной культуре, воплощенной в искусстве, религии, морали, праве. В противоположность абстрактной схематичной объяснительной психологии описательная психология (или расчленяющая) есть подлинная психология. Ее предметом являются развитой человек и полнота готовой душевной жизни. Она должна быть описана, понята и анализирована во всей ее целостности. Каждое состояние сознания одновременно включает в себя интеллектуальную часть (его содержание), побуждение и чувство (нравится — не нравится), волевой компонент как намерение, которым направляется всякий мыслительный процесс. Внутренняя сопряженность этих моментов составляет собственную структуру сознания. Побуждения и чувство занимают центральную часть в структуре душевной жизни. Они объединяют всю нашу душевную жизнь в единую связь таким образом, что именно они направляют духовную активность на некоторые предметы среды, которым придают чувство удовольствия и удовлетворения побуждений: таким образом, находящееся вне нашей душевной жизни, с чем соединяются чувства удовлетворения, переживается как ценность. Таким образом, жизненная ценность через соотношение с субъектом — это то, чем мы пользуемся для достижения чувства удовольствия и удовлетворения. Мы постигаем ценность жизненных отношений, взглядов и идей, деятельности, выбирая из этого то, что нам полезно, и создаем новые ценности в процессе жизни. *Постижение ценностей и созидание новых ценностей составляют сущность душевной жизни и психического развития.* «Душевная структурная связь... имеет тенденцию развивать, закреплять и возвышать жизненные ценности». Поразительно близкие мысли высказывал русский философ В.В. Розанов: «По мере того, как год за годом и пятилетие за пятилетием ложатся на усталые веки человека, глаза его опускаются долу и начинают видеть иное и иначе, чем некогда, чем ранее. Укорачиваются горизонтальные созерцания, удлиняются вертикальные»[1].

[1] *Розанов В.В.* Религия и культура.— М., 1990. С. 20.

395

Развитие душевной жизни происходит в условиях развития тела и зависит от связи с окружающим миром — физической и духовной средой. Движущей силой развития являются чувства и побуждения. Развитие складывается из отдельных жизненных состояний, из которых каждое стремится добыть и задержать свою жизненную ценность. Каждый возраст характеризуется направленностью на свои ценности. В детстве игра является необходимым проявлением жизни. В юношеском возрасте складываются идеалы жизни, границы которых не испытаны. В зрелости происходит сознание действительных ценностей. В старости человеку открываются особо значительные ценности. Произведения, созданные в старости, отличаются особой возвышенностью .

Та жизнь была бы совершеннейшей, в которой всякий ее момент был бы исполнен чувства своей самодовлеющей ценности. «Бедно то детство, что приносится в жертву зрелым годам. Неразумен счет с жизнью, неустанно подгоняющей вперед и делающий нынешнее средством для будущего. Ничто не может быть ошибочнее, нежели поставить целью развития, составляющего жизнь, зрелый период, для которого все прежние являются лишь средством... Наоборот, в самой природе жизни заключается тенденция насытить всякий момент полнотой ценности»[1]. Развитие состоит в переходе от элементарных к более высоким ценностям, ибо «с поступательным течением жизни развивается все более расчлененный склад душевной жизни, которому доступны все высшие соединения»[2]. Мысли В. Дильтея о том, что всякий период жизни обладает самостоятельной ценностью, созвучны современным представлениям о качественном своеобразии и непреходящей ценности отдельных периодов детства, уникальных возможностей, создаваемых ими для формирования соответствующих психических процессов и качеств[3]. По точной оценке С.Л. Рубинштейна,

[1] История психологии... С. 450 — 451.

[2] Там же, с. 451.

[3] См.: *Запорожец А.В.* Избранные психологические труды. Т. 1.— М., 1986.

396

«в противоположность *глубинной* психологии Фрейда, психология Дильтея может быть охарактеризована

как *вершинная* психология. Так же, как Фрейд, Дильтей хочет познавать психологию личности в ее глубинах. Но в отличие от Фрейда, и даже в противоположность ему, он исходит из того, что психологические *глубины* личности раскрываются не в самых низших ее влечениях, а в самых *высших* ее объективированных проявлениях»[1].

Позиции В. Дильтея получили развитие в духовно-научной психологии **Эдуарда Шпрангера** (1882— 1963). Ее задачей является исследование отношения индивидуальной духовной структуры субъекта к структуре объективного духа (предмет общей психологии как науки о духе) и выявление типов (форм) смысловой направленности, получивших название «форм жизни» (предмет дифференциальной психологии как науки о духе). Основное понятие психологии Шпрангера — *формы жизни*[2].

От общего утверждения В. Дильтея о соотношении структуры душевной жизни с культурой и о ценности как определяемой эмоциональным отношением субъекта Шпрангер переходит к классификации ценностей и производит ее по более объективному, чем эмоциональное отношение, как это было у В. Дильтея, основанию. Ценности — это объективные образования, независимые от субъекта, противостоящие ему и оказывающие на него воздействие. Это весь мир — природа, наука, искусство и т. п. Э. Шпрангер выделяет шесть типов объективных ценностей: теоретические (область науки, проблема истинности); экономические (материальные блага, полезность); эстетические (стремление к оформлению, выражению своих впечатлений, к самовыражению); социальные (общественная деятельность, обращенность к чужой жизни, чувство себя в другом); политические (власть как ценность); религиозные (смысл

[1] Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы.— М., 1989. С. 349.

[2] Оно дало название его главному труду «Формы жизни» (Lebensformen. Geistwissenschaftliche Psychologie. Halle; Saale, 1914).

397

жизни). В каждой индивидуальности представлены все шесть типов ценностей, но в особом направлении и с разной силой; руководящие, определяющие жизнь образуют психическую структуру личности. На основании преобладания той или иной ценности различаются шесть типичных основных форм индивидуальности, называемых Шпрангером формами жизни потому, что они до некоторой степени определяют форму, в которой протекает жизнь индивида. Теоретический человек (все его стремления направлены к познанию); эстетический (стремится постигнуть единичный случай, исчерпать его без остатка со всеми его индивидуальными особенностями); экономический (эффект полезности как смысл всей деятельности, всей жизни); социальный (смысл жизни в общении, в любви, в жизни для других); политический (стремление к власти и чести, господству и влиянию); религиозный (относит всякое единичное явление к общему смыслу жизни и мира). Поскольку в жизни нет чистых типов, каждый отдельный конкретный случай нужно уметь привести к одному из этих типов. Исходя из этих психологических представлений, Шпрангер делал педагогические выводы. Всеобщее образование не должно быть одинаковым для всех. Педагог должен интуитивно угадать еще не сформировавшуюся и не осознанную ребенком психическую структуру и готовить его к наиболее целесообразному и доступному для него пути жизни.

Понимающая психология открыто противопоставляет себя естественным наукам и носит умозрительный характер. Ее вывод о невозможности естественно-научного объяснения в психологии звучит возвращением к старой идеалистической психологии как науке о душе. Сделанная в этом направлении попытка соотнести структуру отдельной личности с духовными ценностями и формами культуры, созданными исторически, в силу идеалистического их понимания представляла развитие высших психических функций как чисто духовный процесс. «При таком понимании истории и культуры и при таком понимании психологии сказать, что психологию следует изучать исторически, это значит, в сущности, что духовное следует

398

сближать с духовным ...Понимающая психология далека от адекватной разработки проблем культурного развития»[1].

Контрольные вопросы

1. Каковы социальные и общенаучные причины открытого кризиса в психологии?
2. Каков исторический смысл кризиса? В чем состоят специфичесикие условия, особенности и пути выхода из кризиса в отечественной науке?
3. Каковы предпосылки бихевиоризма? Его предмет, основные проблемы и понятия?
4. Что такое необихевиоризм?
5. В каких областях практики используются идеи поведенческой психологии?
6. В каких направлениях немецкой психологии выразился протест против элементаризма В.Вундта? Чем они различаются?
7. Почему экспериментальные исследования восприятия движения, осуществленные М.Вертгеймером, считаются началом гештальтпсихологии?
8. Какими новыми феноменами и законами обогатила науку гештальтпсихология?
9. Как развиваются идеи гештальтпсихологии сегодня ?
10. Что такое психоанализ?
11. Как изменялась трактовка бессознательного на разных этапах развития учения 3. Фрейда?

12. Каковы методы исследования бессознательного в психоанализе?
13. Как развивались представления о бессознательном в аналитической психологи К.Юнга? в индивидуальной психологии А.Адлера? в неофрейдизме?
14. Как решалась проблема социальной обусловленности и исторического развития сознания во французской социологической школе?

[1] *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций.— М., 1960. С. 35.

398

15. За что Л.С.Выготский критиковал пути разработки вершинной психологии в трудах В. Дильтея и Э. Шпрангера?

Литература

1. *Кёлер В., Коффка К.* Гештальтпсихология.— М., 1998.
2. История психологии. XX век/Под ред Гальперина П.Я., Ждан А.Н. 5 изд.— М., Академический Проект. 2003.
3. *Шульц Д., Шульц С.* История современной психологии.— СПб., 1998. Гл.9- 14.

400

Раздел VII. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ

401

По словам современника, «совершившийся в России социальный переворот (имеется в виду Октябрьская революция 1917 г.— *А.Ж.)* должен был повлечь за собой соответствующий переворот в области научной мысли»[1]. В новых социально-экономических условиях и в ответ на трудности, с которыми отечественная психологическая наука вступила в XX век, складывается *советская психология.* Ее отличительной чертой является методологическая ориентация на марксизм. Была провозглашена задача создания «системы марксистской психологии»[2], т. е. науки, построенной на основе марксистской философии, применяющей диалектический метод к разрешению психологических проблем. Борьбу за марксистскую психологию возглавил московский Психологический институт, директором которого в конце 1923 г. был назначен К.Н. Корнилов, бывший до этого сотрудником основателя и первого директора Института Г.И. Челпанова. Его доклад «Психология и марксизм» на I Всероссийском съезде по психоневрологии (январь 1923 г., Москва) положил начало официально поддерживаемому процессу перестройки психологии на основе марксизма. Представление об этом процессе «марксизации и коммунизации» науки (терминология тех лет — *А.Ж.)* и об изменениях в психологии дают издания начала 20-х годов, особенно труды Института[3]. В условиях растущей идео-

[1] *Корнилов К.Н.* Современное состояние психологии в СССР // Под знаменем марксизма.— 1927.— № 10—11. С. 195.

[2] *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм // Психология и марксизм: Сборник / Под ред. проф. К.Н. Корнилова.— Л., 1925. С. 9.

[3] Названный сб. «Психология и марксизм»; сб. «Современная психология и марксизм», 1924 (1-е изд.), 1925 (2-е изд.), статьи в журналах и др.

403

логизации общественной жизни и науки с приходом к власти Сталина марксизм превратился в единственную официальную обязательную методологическую предпосылку психологии. В то же время необходимо отличать искренние устремления ученых, увлеченных учением Маркса и пытающихся творчески его использовать, от такого насаждаемого административными методами войны с инакомыслящими внедрения догматизированного учения Маркса в ткань научного исследования[1]. К тому же во многих случаях ссылки на произведения Маркса и Ленина часто были чисто внешними и лишь вуалировали результаты исследований, полученных объективным научным путем.

История развития психологии в советский период свидетельствует о том, что она не была однородной. Осуществлялись исследования, более непосредственно ориентированные на материализм естественнонаучного характера (напр., в области психофизиологии). Известны критические выступления Павлова И.П., направленные против монополизации марксизма в науке[2]. Сосредоточенность ученых на специальных вопросах и темах психологической науки позволяла преодолевать конъюнктурщину, политизацию и идеологизацию, добиваться крупных успехов в области теории и практических прикладных исследованиях[3]. Именно в послеоктябрьский период в отечественной психологии были разработаны крупнейшие концепции, обогатившие мировую психологическую мысль: культурно-историческая теория Л.С. Выготского, субъектно-деятельностная психология С.Л. Рубинштейна, психология деятельности А.Н. Леонтьева, установки Д.Н. Узнадзе. Психологи активно участвовали в социалистическом строительстве, и прежде всего — в области рационализации производства. В статье «Очередные задачи советской власти» В.И. Ленин призывал «использовать все научные

[1] См. об этом, напр., *Ярошевский М.Г.* Выготский Л.С. и марксизм в советской психологии // Психологич. журнал.— 1994.— №5. С. 84 — 99; Психология и марксизм (Круглый стол) // Психологич. журнал.— 1993.— № 1 и др.

[2] *Бухарин Н.* О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (Ответ профессору И. Павлову) // Красная новь. Кн. 1 и 2.— 1924.

[3] См. *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта.— М., 1994.

404

приемы работ, которые выдвигает система Тейлора», ибо «без нее повысить производительность труда нельзя, а без этого мы не введем социализма»[1]. При этом Ленин указывал, что тейлоризм за рубежом «представляет из себя последнее слово самой бесшабашной капиталистической эксплуатации»[2]. Введение системы Тейлора в России должно «соединить эту систему с сокращением рабочего времени, с использованием новых приемов производства и организации труда без всякого вреда для рабочей силы трудящегося населения»[3]. Здесь же Ленин отмечал, что «переход к такой системе потребует очень много новых навыков и новых организационных учреждений»[4]. Ответом на этот социальный заказ явилось широкое и интенсивное развитие в нашей стране в 20-х— начале 30-х годов *психотехники.* Ее крупными теоретиками и организаторами были **Исаак Нафтулович Шпильрейн** (1896 — 1937) и его ученик и последователь **Соломон Григорьевич Геллерштейн** (1896—1967), а также С.М. Василейский, А.М. Мандрыка и др. По прямому указанию Ленина в 1921 г. был создан Центральный институт труда (ЦИТ). Институты труда и многочисленные психотехнические и психофизиологические лаборатории открывались в различных ведомствах и на отдельных промышленных предприятиях, на транспорте и в армии. Психотехническая лаборатория была открыта в Институте экспериментальной психологии Московского университета. К 1923 г. в стране насчитывалось свыше 13 научных институтов, занятых изучением проблем труда и производства, в Петрограде, Москве, Казани, Харькове. В рамках психотехники (а также реактологии и рефлексологии) с целью рационального использования трудовых ресурсов по существу успешно развивалась отечественная психология труда. Исследовались проблемы: профотбор, профподбор, профконсультация, утомление и повышение работоспособности человека, борьба с промышленным травматизмом и аварийностью с точки зрения «личного фактора», психологическая рационализация профессионального образования.

[1] *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 36. С. 212

[2] Там же. С. 140.

[3] Там же. С. 141.

[4] Там же. С. 141.

405

Изучались закономерности процесса формирования навыков (С.Г. Геллерштейн), создавались тренажеры. Разрабатывалась воздейственная психотехника. Вставали новые задачи в области изучения профессий и процесса обучения им, учета психологических критериев при создании машин. Объектом исследования были рационализация рабочего места, трудовой деятельности и условий труда. Разрабатывалась проблема обеспечения полноты проявления способностей, ставилась задача обогащения профессии творчески поднимающими и захватывающими трудящегося гранями, исследовалось ударничество, соцсоревнование. Создавались новые методы изучения трудовых движений (А.К. Гастев, Н.А. Бернштейн, К.Х. Кекчеев и др.)
В 20-х гг. **Николай Александрович Бернштейн** (1896— 1966) выдвинул *биомеханическую* программу исследования движений в процессе труда. Полученные в результате факты о работе двигательного аппарата на периферии, в исполнительном движении поставили перед необходимостью объяснения проблемы управления движением со стороны мозга. Позже было сформулировано положение о кольцевой форме связи движения с командами из управляющего центра: изменения напряжения мышцы в процессе движения передают сигналы в центр, нервная система посылает импульсы на периферию и снова получает информацию о ситуации. Сенсорная информация с периферии является основанием для корректировки двигательного эффекта. Так биомеханические исследования стали фундаментом *концепции построения движений*[1] и *физиологии активности*[2], оказавших значительное влияние на развитие психологической науки.

В разработке задач и методов исследования советская психотехника развивалась в русле мировой прикладной психологии. И.Н. Шпильрейн был представителем СССР в президиуме Международной психотехнической ассоциации (МПА), а в 1930 — 31 гг.— президентом МПА. Советская наука была широко представлена на 4 Международном съезде по психотехнике (Париж, 1927).

[1] *Бернштейн Н.А.* О построении движений.— М, 1947.

[2] Он же. Очерки по физиологии движений и активности.— М., 1966.

406

С докладами на этом съезде выступили: А.М. Мандрыка («О математической обработке психотехнического материала»), И.Н. Шпильрейн («О современном состоянии профессиографии»), С.Г. Геллерштейн («Упражнение и прогноз в психотехнике»), Н.Д. Левитов («О профотборе»), М.Ю. Сыркин («О математических критериях оценки тестов»). Из работ съезда и обмена мнений выяснилось, что постановка работ и достижения советской психотехники вполне могут быть поставлены на один уровень с

западноевропейской наукой, а в вопросах профессиографирования — выше. В 1931 г. в Москве проходила VII Международная психотехническая конференция, организованная МПА.
В то же время уже в начале 20-х гг. появляется тенденция к отделению советской психотехники от зарубежных исследований. Высказываются мысли о классовом характере психотехники. В статьях И.Н. Шпильрейна «О повороте в психотехнике», «К вопросу о теории психотехники» (1931 г.) эта мысль превращается в тезис о противопоставлении буржуазной и советской психотехники и выдвигается требование проведения классового подхода в области теории и практики психотехнических исследований. Особенно ожесточенной критике был подвергнут метод тестов как основное средство психотехнических испытаний при решении проблемы кадров. Эти позиции советских психотехников были встречены зарубежными учеными с осуждением[1]. Конечно, психология труда не может замкнуться в рамках узко специальных вопросов: она имеет дело с изучением труда как социального явления, включенного в конкретную экономическую и политическую ситуацию и не может абстрагироваться от специфических условий, целей и задач общества. Поэтому в развитии психотехники в разных странах неизбежны различия. Но признание специфики научных исследований в каждой стране не имеет ничего общего с осуждением зарубежной психотехники как «враждебных буржуазных теорий, некритически перенесенных на советскую почву»[2].

[1] См. ж. Психотехника и психофизиология труда.— 1931.— №4-6. С. 411.

[2] *Колбановский В.* Так называемая психотехника (газета «Известия» от 23 октября 1936 г.) // Психологич. журнал.— 1992.— № 3. С. 165.

407

В обстановке дискуссий, критики и самокритики уже с начала 30-х гг. начинается свертывание работ по психотехнике. В январе 1935 г. был арестован И.Н. Шпильрейн. В декабре 1937 г. он погиб. В 1936 г. С.Г. Геллерштейн был отстранен от научной деятельности в области психотехники. В середине 30-х гг. вся система психотехнических учреждений была разгромлена[1]. В 1934 г. закрылся журнал «Советская психотехника». Последняя психотехническая лаборатория в Ленинграде была закрыта в 1940 г. Разгром психотехники привел к свертыванию работ по психологии труда, которое продолжалось до 1950-х гг. В 1957 г. в Москве по инициативе Института психологии Академии педагогических наук РСФСР состоялось специальное совещание по вопросам психологии труда. С этого времени начинается восстановление исследовательской работы в области отечественной психологии труда.
Другой областью социальной практики, также требовавшей участия психологов, было образование и воспитание. После революции 1917 г. в стране развернулось широкое движение по строительству новой школы. Задача состояла в том, чтобы преодолеть отрыв традиционной школы от жизни, от подготовки к общественно полезному труду. Вокруг работы по перестройке школы развернулись острые дискуссии, реализовались смелые проекты. В практике строительства новой школы были допущены левацкие извращения, возникла теория «отмирания школы», «снижения роли учителя». Учеба сводилась к выполнению конкретных дел (проектов), выбрасывая за борт школы программу, систематическое овладение знаниями; школьные классы заменялись текучими бригадами. В этой обстановке на первый план выдвинулись задачи изучения возрастных особенностей детей в целях наиболее правильной и рациональной организации педагогического процесса. Теоретическую основу их решения составила *педология* — новая наука о детском возрасте, охватывающая все стороны развития ребенка. Зародившаяся в самом конце XIX в. как естественный результат развития американской и европейской науки в области детской и педагогической психологии, она выража-

[1] Об истории отечественной психотехники см. *Котелова Ю.В.* Очерки по психологии труда.— М., 1986. С. 56 — 78.

408

ла ее новую тенденцию перерастания границ психологического исследования. Задача педологии — собрать, систематизировать и изучить все, что касается жизни детей в разных возрастах и во всех отношениях, охватывая все стороны развития ребенка, и телесную, и духовную. В России педология получила значительное развитие в 20-х — начале 30-х гг. Исследования касались широкого круга теоретических проблем (предмет, методы педологии). Развернулась практическая работа педологов в школе, которая уже в конце 20-х годов приобретает массовый характер. В 1928 г. выходит официальное положение «О проведении массовой практической работы по всестороннему изучению детства», разработанное совместно Наркомпросом и Наркомздравом РСФСР. В последующие годы выходит ряд правительственных приказов и постановлений, регламентирующих различные вопросы практической педологической службы.
Начало педологического движения в России связано с открытием в 1904 г. при основанной А.П. Нечаевым лаборатории экспериментальной педагогической психологии педологических курсов для учителей, родителей, т. е. для всех, кто хотел понять человека как предмет воспитания и обучения. Курсы возглавил Н.Е. Румянцев, научное руководство осуществлял А.П. Нечаев. На курсах читались лекции и проводились практические занятия по анатомии, физиологии, нервной и душевной патологии, гигиене, антропологии, истории педагогики, психологии, экспериментальной психологии, детской психологии, сравнительной психологии, учению о характере и мн. др. К работе привлекались известные специалисты, в том числе А.Ф. Лазурский, А.Л. Щеглов, А.А. Крогиус и др. Проблемам теории педологии как науки посвящены монографические исследования и учебники Л.С. Выготского, М.Я. Басова, П.П. Блонского, И.А. Арямова,

А.В. Залкинда и др. В 1928 — 32 гг. выходил журнал «Педология» (отв. ред. А.В. Залкинд). Для определения *предмета педологии,* объектом изучения которой является развивающийся ребенок, существенны два признака: « 1) *целостность,* т. е. специальная установка на вскрытие связей, изучение тех новых качеств, тех своеобразных особенностей, которые возникают из соединения ряда сторон развития в единый целостный про-

409

цесс, вскрытие внутренней структуры того процесса, который лежит в основе онтогенеза ...взятого в целом... 2) *...развитие* не в том смысле, в каком развитие является общей идеей целого ряда наук, развитие не в смысле генетической точки зрения, которая должна проникать саморазвитие, не в смысле объяснительного принципа, который должен проходить красной нитью через все теоретическое здание науки — развитие как прямой объект исследования. Предмет исследования есть развитие и его внутренняя закономерность»[1]. Развитие — «основное понятие педологии», по Блонскому. Оно рассматривалось в соотношении с понятием роста организма. В числе важнейших в педологии было понятие среды: оно занимало центральное место в теории и практике педологических исследований. Главным был вопрос о роли среды в процессе развития ребенка: является ли окружающая среда простым фоном, на котором проходит развитие ребенка, фактором, содействующим или препятствующим процессу развертывания заложенных в ребенке свойств; или ребенок вступает в активные отношения со средой, так что «к тем влияниям, которые оказывает на ребенка окружающее общество... он оказывает сопротивление одним из них, борется с другими, идет на встречу третьим и т.д. Ребенок — активное существо»,— писал П.П. Блонский[2]. В то же время влияние среды на развитие ребенка не отрицается.

Всесторонне разрабатывается проблема возраста и возрастной периодизации.

Как наука новая, не вполне установившая свои границы и точное свое содержание, педология не выработала какого-то единого определения своего предмета[3]. В области теории педологию отличала эклектичность, механическая связь данных отдельных научных дисциплин, изучающих ребенка. В конечном

[1] Доклад Л.С. Выготского 21/XI 1930 г. на совместном заседании секции психотехники Комакадемии и Психотехнического общества // Психотехника и психофизиология труда.— 1931.— №2-3. С. 174.

[2] *Блонский П.П.* Педология: Учебник для вузов. М, 1936. С. 46.

[3] См., напр., статью *Варшава Б.Е., Выготский А.С.* Педология // Психологический словарь.— М., 1931.

410

счете признавалось, что в педологии не было теории, адекватной предмету исследования — развивающемуся ребенку. Большую проблему в педологии представлял вопрос о методах. Признавалось разнообразие используемых методов. Как отмечал П.П. Блонский, изучение развития ребенка надо начинать с наблюдения конкретных фактов этого развития. М.Я. Басов[1] разработал метод научного наблюдения. Эта методика сохраняет свое значение в современном психологическом исследовании, которое обязательно включает данные специально организованного наблюдения. Рекомендовалось также использование анкет (Н.А. Рыбников, А.Болтунов), естественного эксперимента (А.Ф. Лазурский). В общем провозглашался принцип использования разных методов в зависимости от разных условий (напр., возраста ребенка). Особое внимание обращалось на использование статистики. В системе методов и методик широкое применение получил метод тестов.

С самого начала педологию отличала направленность на практическое решение задач, стоящих перед школой. Она ставила перед собой цель «представить синтез материалов о ребенке и о детском коллективе, которые были бы использованы для нужд социалистического воспитания в применении к основным целям коммунистической педагогики»[2]. По всей стране развернулась работа по созданию сети педологических учреждений. В существовавших институтах открывались педологические лаборатории и секции. Была создана сеть низовых педологических ячеек и провинциальных учреждений, на первом плане в работе которых стояли тестовые обследования учащихся по определению успешности, умственного возраста и профотбору. На педологов были возложены обязанности комплектования классов, организации школьного режима, изучение причин неуспеваемости и разработка мероприятий по борьбе с ними и др. В области применения педологии к педагогической практике были допущены

[1] *Басов М.Я.* Методика психологического наблюдения над детьми // Басов М.Я. Избр. психологич. произв.— М., 1975.

[2] *Турбина М.А.* К вопросу о развитии педологии // Педология.— 1932.— № 4. С. 7.

411

серьезные ошибки, выразившиеся в нередко необоснованных оценках педагогически запущенных детей как дефективных и отправленных на этом основании в специальные школы. Это явление стало массовым, так что появилось большое число специальных школ. Для них не было создано специальной программы обучения: существовавшие программы принципиально не отличались от таковых для общих школ, они были лишь менее интенсивными и более растянутыми во времени. Это вызывало недовольство родителей и педагогов и, что главное, вступало в противоречие с государственной идеологией равенства советских людей. В связи с этим в «Правде» и других средствах массовой информации появляются призывы защитить советских детей от «изуверов-педологов». Одновременно внутри педологии развернулась широкая кампания по критике и самокритике. В журналах появляются разгромные статьи, в которых научная критика уступила

место политической и идеологической травле[1]. Все завершилось Постановлением ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпроса» от 4 июля 1936 г. ЦК ВКП(б) осудило теорию и практику педологии. Постановление упразднило педологию, объявив ее лженаукой; потребовало ликвидировать педологическую практику, раскритиковать теорию педологии, полностью восстановить в правах педагогику и педагогов. Работы педологов и психологов, связанных с педологией (М.Я. Басова, Л.С. Выготского, П.П. Блонского и др.), были подвергнуты разгромной критике, изъяты из библиотек и тем самым из научного оборота. Их возвращение в фонд нашей науки началось с 1960-х гг.

Упразднение педологии получило широкое освещение в нашей литературе постсоветского периода и рассматривается по преимуществу в идеологическом аспекте губительного влияния, которое оказал на науку тоталитарный режим. В то же время собственно предметный научный и методологический анализ педологии как варианта комплексной науки оказался отодвинутым и проделан историками недостаточно. Хоро-

[1] См. об этом: *Шварцман П.Я., Кузнецова И.В.* Педология // Репрессированная наука. Вып.II / Под ред. М.Я. Ярошевского.— СПб., 1994. С. 121-139.

412

шую основу для такой работы представляет полная библиография, включающая всю литературу по педологии за период с 1917—1990 гг.[1]

Одновременно с прикладными исследованиями в послеоктябрьский период развернулась большая теоретическая работа. Ее главное содержание составила линия на обновление психологии в духе марксизма. Наряду с этим в первые послеоктябрьские годы сохранялась преемственная связь с предшествующим этапом развития отечественной науки. До 1922 г. действовало Московское Психологическое Общество. Продолжались исследования в школе Г.И. Челпанова в московском Психологическом институте[2]. Как в этом институте, так и в других научных учреждениях, проводились психофизиологические исследования в области зрительных ощущений (СВ. Кравков, Б.М. Теплов). Кравков опубликовал ряд работ по теоретическим проблемам психологии. В очерке «Самонаблюдение» (1924) дал детальный исторический обзор этого метода, описал его варианты, выявил трудности и возможности интроспекции, указал на ценность данных интроспекций в психологическом исследовании. В монографии «Внушение. Очерк психологии и педагогики» (1924) дал детальный анализ явления внушение, описал проявления внушений в нормальном и гипнотическом состояниях. В адресованной педагогам книге «Очерк психологии» (1925) представил современные данные об общих вопросах психологии (целостности человека, о тесной взаимной связи душевных и телесных свойств нашего существа, о ступенях и закономерностях развития и роста в процессе онтогенеза) и сведения по специальным разделам психологии от восприятия до воли.

В развитии взглядов В.М. Бехтерева произошел переход от объективной психологии к рефлексологии[3]. В 1925 — 29 гг. **Владимир Александрович Вагнер** (1849 — 1934) опубликовал «Этюды по сравнительной психоло-

[1] Возвращая забытое... Библиографические материалы по педологии (1917-1990 гг.).— М., 1990.

[2] Психологическое обозрение. Т. 1. Кн. 1—2.— М., 1917; Кн. 3-4.— М, 1918.

[3] *Бехтерев В.М.* Общие основы рефлексологии человека.— М.; Пг., 1917; его же. Коллективная рефлексология.— М; Пг., 1921.

413

гии» (в десяти выпусках), которые явились продолжением его капитального труда «Биологические основания сравнительной психологии» (1 том 1910 г., 2— 1913 г.). Своими исследованиями Вагнер заложил основания сравнительной психологии в России. Развивалась рефлекторная теория И.П. Павлова; в 1923 г. вышел его главный труд — книга «Двадцатилетний опыт», фундаментальная сводка проведенных исследований. Учение Павлова об условных рефлексах стало, как отмечал в обзорной статье 1928 г. Л.С.Выготский основным и определяющим фактом для развития естественно-научной психологии в России. Оно получило официальную идеологическую поддержку как материалистическое направление. Н.И. Бухарин признал его «орудием из железного инвентаря материалистической идеологии». В 1923 г. выдающийся продолжатель петербургской физиологической школы **Алексей Алексеевич Ухтомский** (1875— 1942) выступил с *учением о доминанте.* Он обнаружил, что «в нормальной деятельности центральной нервной системы текущие переменные задачи ее в непрестанно меняющейся среде вызывают в ней главенствующие очаги возбуждения, которые, отвлекая на себя вновь возникающие волны возбуждения и тормозя другие центральные приборы, могут существенно разнообразить работу центров. Господствующий очаг возбуждения, предопределяющий в значительной степени характер текущих реакций центров в данный момент, я стал обозначать термином *доминанта*»[1]. Доминанту Ухтомский называл *функциональным органом* — термином, по-новому определяющим понятие «органа». В отличие от обычного его понимания как морфологически постоянного, Ухтомский дает динамическое его определение, характеризуя его как пространственно-временной комплекс. «Доминанты составляют физиологическую основу актов внимания, предметного мышления и в общем держат в своей власти все поле нашей душевной жизни»[2]. Доминанты складываются прижизненно. Через «культивирование требуемых доминант» можно овладеть собственным поведением. Одной из самых трудных

[1] *Ухтомский А.А.* Собр. соч.: В 6т. Т.1.— Л., 1950. С.164.

[2] Там же. С. 170.

414

доминант, которую надо воспитать, является доминанта на лицо другого человека. Она заключается в том, чтобы по возможности уметь слышать каждого человека, видеть во встречном лице не своего двойника, но заслуженного собеседника. Так в творчестве Ухтомского естественно-научные исследования связываются с философско-мировоззренческими проблемами человека. Понятие Ухтомского о функциональных органах получило развитие в концепции А.Н. Леонтьева, в теории функциональных систем П.К. Анохина.

В области методологии науки заметным фактом явилось исследование **Владимира Николаевича Ивановского** «Методологическое введение в науку и философию» (1923). В книге дается очерк истории философии. Обсуждаются проблемы научно-исторического познания. Рассматривается специфика научной точки зрения как высшей ступени познавательной деятельности человека в отличие от обиходного, житейского знания, религии и философии, а также обсуждается их взаимное соотношение. Выявляются основные тенденции в развитии научной и философской мысли с IX — X вв. до настоящего времени. Ивановский предложил интересную классификацию наук. Он разделил все науки на теоретические и практические, прикладные. В свою очередь теоретические науки подразделил на математические, реально-математические и реальные (естественные в широком смысле). Последние имеют дело с вещами, реальными предметами и процессами, с тем, что действительно существует, что есть. В эту группу наук вместе с физической химией, биофизикой и др. он включил психологию, внутри которой наметил подразделения на науки об органической природе: биология и биологическая (физиологическая) психология, психофизика, психометрия, рефлексология, учение о сознании, учение о выражении) и науки об надорганической природе (социальная психология, коллективная психология). Об этой классификации сочувственно упоминает Л.С. Выготский в статье «Исторический смысл психологического кризиса» и присоединяется к характеристике психологии как естественной науки в этом широком смысле слова.

Для отечественной психологии первых лет ее развития после революции 1917 г. было характерно пристальное

415

внимание к достижениям мировой психологической науки. Советские ученые принимали участие в международных конгрессах и научных конференциях.

Настроения советских психологов тех лет хорошо выражает одно из выступлений Б.Г. Ананьева, в котором он, в частности, говорил: «Культурное наследие буржуазии и всей истории классового общества создает богатейший материал, который не только не может быть отброшен, но который всемерно должен быть использован, развит, конкретизирован»[1]. В 20-е гг. в нашей стране оперативно издавались труды зарубежных психологов: 3. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, В. Кёлера, К. Коффки, Э. Торндайка, Ж. Пиаже, Э. Кречмера и др. Переводы снабжались вступительными статьями, в которых давалась обстоятельная характеристика работ. В научных журналах давалась информация о новой зарубежной литературе. Устанавливались личные контакты советских психологов с зарубежными учеными. По заказу БСЭ Дж. Уотсон написал для ее 1-го издания статью «Бихевиоризм». С анализом зарубежных концепций выступал А.С. Выготский в ряде статей, в том числе, в большой работе «Исторический смысл психологического кризиса», С.Л. Рубинштейн в «Основах психологии» (1935) и в других трудах.

Из зарубежных концепций внимание отечественных психологов привлекали гештальтпсихология[2], персонализм В. Штерна[3], психотехника и тестология[4], психоанализ 3. Фрейда. Последний вызывал особый интерес. В 1922 г. было создано «Русское психоаналитическое общество» (председатель профессор И.Д. Ермаков). Аналитические кружки и группы существовали в разных городах — Казани, Киеве, Одессе, Ростове и др. Их костяк составляли врачи. Психоаналитические методы исследования осваивались в Институте по изу-

[1] *Ананьев Б.Г.* О некоторых вопросах марксистко-ленинской реконструкции психологии // Психология. Т. IV. Вып. 3 — 4.— 1931. С. 325.

[2] *Артемов В.А.* Современная немецкая психология // Психология. Т. 1 Вып. 1, 2.— 1928.

[3] *Шпильрейн И.Н.* Персонализм Штерна // Вестник Социалистич. академии. Кн. 3.— 1923.

[4] Тесты (теория и практика) / Под ред. М.С. Бернштейна, П. П. Блонского и др. Сб. I — IV.— 1928-1930.

416

чению мозга и психической деятельности в Петрограде под руководством В.М. Бехтерева (Т.К. Розенталь), в Московском психоневрологическом институте (директор А.Н. Бернштейн). В 1921 г. в Москве был открыт психоаналитический детский дом «Международная солидарность». Это было научно-практическое учреждение по научному изучению детского возраста. Еженедельно проводились семинары, читались лекции. И.Д. Ермаков читал общий курс психоанализа и психотерапии для врачей, педагогов и социологов, а также вел семинар по гипнологии и изучению творчества. М.В. Вульф читал курс лекций по введению в психоанализ и проводил семинар по медицинскому психоанализу. Тему «Психоанализ подсознательного мышления» курировала СН. Шпильрейн, также проводившая семинар по детскому психоанализу для педагогов. В 1925 г. детский дом «Международная солидарность» был ликвидирован.

10— 15 января 1923 г. в Москве проходил Первый Всероссийский съезд по психоневрологии. Съезд явился крупным событием в научной жизни: «после длительного перерыва русская психология вновь получила

возможность встретиться и обменяться результатами своих работ»[1]. Председателем оргкомитета был А.П. Нечаев (как и всех предыдущих психологических съездов — они назывались съездами по педагогической психологии и экспериментальной педагогике — в 1906, 1909, 1913, 1916 гг.). Почетным председателем был избран В.М. Бехтерев. Было заслушано 184 доклада по физиологии нервной системы, неврологии, психологии, психиатрии, педологии, психофизиологии труда. Съезд выявил основные направления и тенденции, новые течения и пути в области теоретической и прикладной психологии. Доклады Г.И. Челпанова и его сотрудников (Б.Н. Северного, Н.В. Петровского, Н.Ф. Добрынина, Н.Н. Ладыгиной-Котс, П.А. Шеварева, В.Е. Смирнова и др.) «носят общую печать прекрасной школы. Отчетливая постановка проблемы, полное знание тонкостей методики, соответствие уровню современной экспериментальной психологии, глубокое знакомство с литературой, стремление достигнуть при обработке ре-

[1] *Эфрусси П.О.* Успехи психологии в России.— Пг., 1923.

417

зультатов возможной в этой области меры точности — вот черты школы Челпанова»[1]. На съезде выступила и другая тенденция, направленная на отрицание правомерности психологии в том виде, в каком она развивалась до сих пор. В 4-х докладах поднимались вопросы метода: Г.И. Челпанова «О предпосылках современной экспериментальной психологии», В.М. Бехтерева «Субъективное и объективное изучение личности», К.Н. Корнилова «Психология и марксизм». Заявленный П.П. Блонским доклад «Психология как наука о поведении» не состоялся ввиду болезни докладчика. И.Г. Челпанов защищал положение о самостоятельности психологии как экспериментальной науки и о необходимости отграничить психологию от рассмотрения спорных философских вопросов. К.Н. Корнилов (на тех же позициях стоял в эти годы и П.П. Блонский) выступил с уничтожающей критикой традиционной психологии с тезисом о «грядущей марксистской системе психологии», считая свою точку зрения единственно научной. Именно на этом съезде он поставил вопрос о необходимости применить марксизм к области психологии, назвав попытку распространения марксистской точки зрения на эту область научного знания «первой рекогносцировкой». Уже на следующий день после закрытия съезда 16 января 1923 г. в правительственном органе •— газете «Известия ВЦИК Советов» был опубликован автореферат доклада К.Н. Корнилова[2], что свидетельствует о государственной поддержке выдвинутой Корниловым идеи. Реализации этого подхода в психологии он видел в своем учение о реакциях[3].

Так в 20-х гг. началась перестройка психологии на основах марксизма. Она проходила в острой идейной борьбе, прежде всего в Психологическом институте, которым руководил Г.И. Челпанов. Многими в этот период отмечалась формальность в использовании марксистской философии — преобладала «марксистская фразеология» вместо подлинного усвоения марксизма.

[1] *Эфрусси П.О.* Успехи психологии в России.— Пг., 1923.

[2] *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм // Корнилов К.Н. Естественно-научные предпосылки психологии.— М.— Воронеж, 1999. С. 187-188.

[3] Там же. С. 21-176.

418

Л.С. Выготский отмечал «особенную трудность приложения марксизма к новым областям: нынешнее конкретное состояние этой теории; огромная ответственность в употреблении этого термина; политическая и идеологическая спекуляция на нем — все это не позволяет хорошему вкусу сказать сейчас: *«марксистская психология»* (курсив — *А.В.*)[1]. Характерной особенностью ситуации в психологии была разобщенность школ. Особенно изолированное положение занимала грузинская школа. Эта разобщенность расценивалась как препятствие к консолидации марксистски ориентированных психологов против буржуазных влияний на психологию, против всех и всяческих попыток механоматериалистической и идеалистической ревизии марксистско-ленинской теории в психологии. Как на пример такой разобщенности Ананьев указал на тот факт, что в Ленинграде неизвестно о реактологической дискуссии, которая прошла в Москве и явилась важным моментом борьбы за марксистское перевооружение психологии.

Важнейшими вехами на начальном этапе методологической перестройки психологии явились программные выступления П.П. Блонского[2], К.Н. Корнилова[3], Л.С. Выготского[4], М.Я. Басова[5], С.Л. Рубинштейна[6], С.Г. Геллерштейна[7]. М.А. Рейснер выступил с рядом публикаций по вопросам социальной психологии с

[1] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 1.— М., 1982. С. 433.

[2] *Блонский П.П.* Реформа науки.— М., 1920; Очерк научной психологии.— М., 1921. Здесь выдвинуто общее требование соединить психологию с марксизмом.

[3] Современная психология и марксизм. Доклад на Первом Всероссийском съезде по психоневрологии; Диалектический метод в психологии. Доклад на II Всероссийском съезде по психоневрологии. Именно доклад 1923 г. считается началом строительства советской психологии на основах марксизма как преодоление идеализма и механицизма в психологии.

[4] Сознание как проблема психологии поведения. Психология и марксизм / Под ред. К.Н. Корнилова.— Л., 1925.

[5] Общие основы педологии.— М., 1931.

[6] Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Сов. психотехника. Т. VII.— 1934.— № 1.

[7] *Геллерштейн С.Г.* О психологии труда в работах К. Маркса // Сов. психотехника. Т. VI. — 1933.— № 1.

419

марксистской точки зрения[1]. В них он цитировал Маркса и Энгельса (характеристики буржуазии, пролетариата, крестьян; о пагубном влиянии разделения труда на личность человека и др.) в подтверждение своих идей о том, что в марксистской литературе содержатся положения, которые соприкасаются с социальной психологией, в частности с такими ее вопросами, как психология масс и толпы, классовая и национальная психология, подражание и внушение и др. В этих работах провозглашались принципы методологической перестройки психологии. Начиная с 1923 г. в журнале «Под знаменем марксизма», в других теоретических журналах («Спутник коммуниста», «Большевик», «Вестник коммунистической академии») печатаются статьи, посвященные марксистскому обоснованию основных проблем психологии. С 1928 г. стал выходить журнал «Психология, педология и психотехника» (в трех сериях: Серия А. Психология; Серия Б. Педология; Серия В. Психофизиология труда и психотехника), отв. ред. А.Б. Залкинд, К.Н. Корнилов, И.Н. Шпильрейн. В статье «От редакции», которой открывался первый номер журнала, подводились некоторые итоги борьбы за марксизм в психологии, а координация сил марксистской психологии всего Союза выдвигалась в качестве задачи журнала. В ходе освоения марксизма происходила перестройка методологических основ психологии, складывались категории, принципы психологии — принцип единства сознания и деятельности; общественно-исторической обусловленности человеческого сознания и др. Осуществление этой грандиозной работы происходило в условиях идеологического давления, оказываемого на науку сверху. Наметился и в дальнейшем усилился процесс противопоставления советских исследований мировым. Утверждалось положение о принципиальных отличиях советской науки от буржуазной в отношении предмета, методов, в ее проблемах и даже конкретных методиках. В 20-е годы получили распространение поведенческие концепции, которые в целом

[1] См., напр., его Проблемы психологии в теории исторического материализма // Вестник Социалистич. академии. Кн. 3.— 1923; его же Проблемы социальной психологии.— Ростов/Д., 1925 и др.

420

не выходили за рамки естественно-научного материализма. В категориях поведения определяли предмет психологии П.П. Блонский и М.Я. Басов. **Михаил Яковлевич Басов** (1892— 1931), ученик и последователь А.Ф. Лазурского, боролся за построение психологии на основах диалектического материализма, против идеализма, механистического материализма Бехтерева, против биологизации психики человека. Расценивая ситуацию в психологии как кризисную, Басов указал на субъективизм и идеализм в трактовке психики как источник кризиса. Путем выхода психологии из кризиса, по Басову, может быть объективное познание, в котором теория должна быть неразрывно связана с практикой: «...истинной лабораторией для изучения ребенка должна быть школа, детский сад или детский дом, а основным работником в этой области должен быть педагог. Через педагогическую практику и в непосредственном контакте с нею должны ставиться и разрешаться теоретические проблемы, касающиеся детства»!. Подвергнув критическому анализу существовавшие представления о предмете психологии и указав на их ограниченность в понимании объяснительных принципов в трактовке психического, М.Я. Басов делает вывод о том, что предметом психологии является поведение, а методом — наблюдение[2]. «Активность, выявляющаяся во взаимоотношениях человека со средой, процесс его поведения ...составляет истинный объект психологического изучения[3]. Единицей структуры поведения является акт, который представляет собой синтез стимула и реакции, как своих «необходимых элементов и составных частей»[4]. Поведение состоит из системы актов и развивается из изолированных действий, когда активность организма еще не имеет в себе внутренней целостности и связности, ко все более внутренней целостности и связности, ко все более внутренней связи

[1] *Басов М.Я.* Избранные психологические произведения.— М, 1975. С. 79.

[2] Там же. С. 53.

[3] Там же. С. 55.

[4] Там же. С. 56.

421

между отдельными звеньями цепи поведения. Ступени в развитии структуры поведения описываются в терминах старой психологии: низшие структуры поведения называются ассоциативно-детерминируемыми процессами, высшие — апперцептивно-детерминируемыми. Тщательно анализировалась проблема роли среды в развитии личности и поведения. По Басову, человек «в каждом своем проявлении отражает всю среду и всю многовековую культуру»[1]. При этом стимул больше, чем непосредственная стимуляция, и включает прошлый опыт; он не сводится к физическим явлениям: «атмосфера социальности почти всегда насквозь проникает в действия ребенка, определяемые непосредственно теми или другими вещами»[2]. Психологическое исследование должно понять изучаемый организм — животного или человека — «как деятеля в окружающей среде, т. е. как он живет, какую активность обнаруживает в борьбе за свое существование, как применяется эта активность при том или ином изменении условий среды и пр. ...Различного рода деятельность организма в окружающей среде, с помощью которой он устанавливает и выявляет свои взаимоотношения с нею, встает перед нами как предмет особого значения...»[3]. Эти положения из книги М.Я. Басова «Общие основы педологии» (1931) дали нашим историкам основание для утверждения о том, что именно к *М.Я. Басову восходят идеи деятельности в психологии и представления о*

ее структурности[4].
Басов подвергает специальному анализу вопрос о специфике человека и в связи с этим останавливается на проблеме сознания. Качество сознательности рассматривается как важнейшая особенность человеческой активности, без которой она лишена всякого смысла и значения. Без сознания невозможна цель. Сознание делает подотчетными все формы внутренней активности. Критерием осознанности является воз-
[1] *Басов М.Я.* Избранные... С. 60.
[2] Там же. С. 66.
[3] Там же. С. 236.
[4] *Ярошевский М.Г., Сироткина И.Е., Даниличева Н.А.* Пионер деятельностного подхода (к столетию со дня рождения М.Я. Басова) // Психологич. журнал.— 1993.— № 1.
422
можность выражения соответствующего содержания в языке. В целях анализа человека как деятеля Басов обращается к специфически человеческой деятельности — труду в разнообразии всех его профессиональных различий. Деятельность, по Басову, опосредуется «наукой», т. е. всем накопленным историческим знанием о деятельности.
Главным предметом исследования Басова было развитие личности ребенка, детская психология. Вообще проблема развития рассматривается Басовым как проблема первоочередной важности в психологии. «Проблема развития вместе с ...проблемами предмета и методологической составляет основание психологии»[1]. Красной нитью через все труды Басова проходит борьба с биологизацией в психологии. Так, применительно к проблеме возраста критикуется подход, в соответствии с которым возраст рассматривается как обусловленный биологическим развитием. Необходимо выявить специфические для психологического развития закономерности, и именно это составляет задачу психологического исследования. По отношению к этому предмету *Басов разработал метод наблюдения,* который считал наиболее адекватным приемом психологического исследования: «...внешнее наблюдение есть единственный метод, который может быть применен ко всем формам развития психических функций»[2]. Наблюдение в естественных условиях Басов понимал широко: оно не исключало в качестве своих компонентов эксперимента и самонаблюдения. В разработанной Басовым методике наблюдения придавалось большое значение культуре наблюдения. Его итогом является характеристика ребенка, основанная на материале, «охватывающем все формы активности ребенка во всех видах его деятельности, или, наоборот относящемся к отдельным ее сторонам»[3]. Характеристика нацелена на понимание личности ребенка и имеет важное значение для педагогической практики.
Попытка Басова ввести в психологию понятие деятельности в связи с задачей перестройки предмета
[1] *Басов М.Я.* Избранные... С. 246.
[2] Там же. С. 56.
[3] Там же. С. 163.
423
психологии получила дальнейшее развитие в советской психологии в последующем в трудах С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева и др.
С идеями поведенческой психологии выступил в 20-х гг. **Павел Петрович Блонский** (1884— 1941), психолог, видный деятель народного образования, впоследствии автор крупных работ по психологии памяти и мышления и их развитию в детском возрасте[1]. Труды Блонского отличает высокая философская культура. В ранний период творчества он выступил с рядом больших философских исследований[2].
В 1920 г. в работе «Реформа науки», целью которой было искоренить «атавизмы мышления» в науке, в частности в психологии, он писал, что научная психология есть наука о поведении[3]. В другой работе, написанной годом позже, он подчеркивал: «Мы должны создать психологию без души, мы должны создать ее без «явлений», или «способностей» души и без сознания»[4]. Критикуя интроспективную психологию за то, что она «начала свою работу с последних глав», т. е. с самого трудного, Блонский считает, что психология должна «систематически, добросовестно и внимательно следить за действиями наблюдаемого субъекта и теми особенностями окружающей обстановки и происходящих внутри субъекта процессов, которыми эти действия обусловливаются»[5]. Фиксируются движения (лица, конечностей, словесные реакции, движения внутренних органов, кровеносных сосудов, дыхания и т. п.), социальное положение субъекта. «Мышление не представляет собой чего-либо особенного. Оно — одна из разновидностей рефлексов... и состоит из особенно энергичных внутренних движений — мускульно-сочленовых и речевых»[6]. В трактовке мышления Блонский
[1] *Блонский П.П.* Развитие мышления ребенка.— М., 1935; Память и мышление.— М., 1935.
[2] *Блонский П.П.* Философия Плотина.— М., 1918; Современная философия. Ч. 1-2.—М., 1918-1922.
[3] *Блонский П.П.* Реформа науки.— М., 1920.
[4] *Блонский П.П.* Очерк научной психологии // Избранные психологические произведения.— М.. 1964. С. 41.
[5] Там же. С. 45.
[6] Там же. С. 117-118.
424

сочувственно приводит слова «американского психолога», не называя его имени, но в котором легко узнается Уотсон: «Мы думаем мускулами». В другом месте Блонский говорит об изучении рефлексов, полагая, что в будущем возможно установить однозначную связь между мозговой рефлекторной деятельностью и движениями. Идеи Блонского о поведении отличаются механицизмом и близки бихевиоризму Уотсона. В последующий период своей деятельности Блонский отошел от этих поведенческих идей.

В разработке поведенческого направления в советской психологии в 20-х гг. большое место принадлежит рефлексологии Бехтерева и реактологии Корнилова. Поскольку основные положения рефлексологии изложены ранее, остановимся на реактологии Корнилова.

Константин Николаевич Корнилов (1879— 1957) в борьбе против Челпанова и рефлексологии, опираясь на диалектический материализм, выступил в 1921 г. с программой новой науки — *реактологии.* Ее задачей было исследование поведения как совокупности реакций человека на биосоциальные раздражители. Реакция есть акт биологического порядка как выявление функций организма во всей их совокупности, где есть и физиологическая сторона, и ее интроспективное выражение. Это единица поведения человека. (Реакция понималась чрезвычайно широко как любое жизненное проявление, начиная от реакции простейших. Такое понимание реакции стирало различия между простейшими и более сложными формами поведения животных, и тем более человека.) В структуре реакции выделялись три компонента: сенсорный — раздражение органа, центральный — процесс в центральной нервной системе, моторный — двигательный импульс. Сенсорный и моторный компоненты могут быть в скрытой форме. Единством всех трех моментов объясняется то, что каждое восприятие и представление содержит в себе моторный момент и потому переходит в непроизвольное движение; также объясняется и вся психика. В реакции выделялись три момента: временной — как показатель быстроты реакции (время реакции); динамический — показатель интенсивности или силы реакции; моторный — формы движения, выра-

425

жается в величине пройденного пути, в скорости движения. Соответственно использовались три метода ее изучения: хронометрический (психометрический), динамометрический и моторно-графический. Динамометрический метод был разработан Корниловым. Им же был сконструирован специальный прибор — динамоскоп.

Все многообразие реакций составляло так называемую *гамму реакций* человека: натуральная, мускульная, сенсорная, реакция различения, выбора, узнавания, ассоциативные реакции. Жизнь рассматривалась как совокупность реакций, а каждая реакция — как взаимосвязь организма со средой. Реакция есть не что иное, как трансформация энергии и постоянное нарушение энергетического равновесия между индивидом и окружающей средой. Уже в неорганическом мире мы видим зарождение активности в форме движения: в органическом мире разряды энергии наряду с движением влекут за собой и то, что мы называем одушевленностью, психикой, жизнью. Рождение, питание, приспособление, размножение, смерть — то, что мы объединяем понятием жизни, все это в основе энергетические процессы, приобретающие под влиянием особой структуры протоплазмы нервной системы свойства, называемые психическими. То, что субъективно мы воспринимаем как психические процессы, объективно является не чем иным, как особым проявлением все той же физической энергии — нервной.

Был сформулирован *принцип однополюсной траты энергии.* Распространение траты энергии является «однополюсным»: чем больше энергии идет на умственную работу, тем меньше энергии остается для двигательной реакции. Теоретическое значение полученных результатов аккумулировалось в следующем положении: есть одна энергия — физическая. Ее трата может быть периферической или центральной. На этом основании был сделан вывод об антитезе между интеллектом и волей. Усложнение раздражителя до предела приводит к взрывным реакциям — это аффекты. Вводилось понятие коэффициента работы: это величина, являющаяся продуктом отношения интенсивностей мускульной и сенсорной реакций. Чем больше коэффициент, тем с большим трудом осуществляется переход от одного вида реакции к другому.

426

Трудовая деятельность рассматривалась как частный вид реакций. Есть гамма трудовых реакций и гамма трудовых профессий. Были сделаны выводы для психотехники — для отбора рабочих для той или иной профессии; утверждалось, что переход от умственного труда к физической работе легче, чем от физической работы к умственному труду: создать из интеллигента представителя физического труда легче, чем из рабочего — интеллигентного человека[1]. Подчеркивалось педагогическое значение реактологии.

Принцип однополюсной траты энергии справедливо расценивался как «сконцентрированное выражение механистической теории равновесия в психологии»[2]. В реактологии Корнилову не удалось осуществить задачу перестройки психологии на основах диалектического материализма. Это направление отличали крайний механицизм, натурализм и биологизаторский подход к пониманию поведения человека, его психики. В 1931 г. в Москве в Государственном институте педагогической психологии и педологии (так стал называться неоднократно реорганизованный в годы советской власти основанный Г.И. Челпановым Психологический институт при Московском государственном университете) состоялась дискуссия по реактологической психологии. В итоговом документе («Резолюции») давалась оценка ситуации в психологии, причем эта оценка получила характерную для науки тех лет политическую окраску. Так, отмечалось, что борьба на научном фронте является отражением классовой борьбы в стране. Ставилась

задача разгрома и уничтожения «остатков буржуазно-идеалистических теорий, являющихся прямым отражением сопротивления контрреволюционных элементов страны социалистическому строительству»[3]. Говорилось, что главной опасностью в психологии в данный период являются механистические теории, которые, «протаскивались как якобы подлинно диалектико-материалистические». Реактоло-

[1] При этом под интеллигентным понимался человек умственного труда.

[2] Итоги дискуссии по реактологической психологии // Психология. Т. IV. Вып. 1.— 1931. С. 5.

[3] Там же. С. 2.

427

гическая психология оценивалась здесь как антимарксистская эклектическая концепция, имеющая «свои корни в буржуазной философии и социологии», она «некритически и без переработки перенесла к нам чуждые стране строящегося социализма буржуазные учения, их методы и методики...»[1], была связана с «меньшевиствующим идеализмом деборинской группы» и т. д. В заслугу реактологии ставилась борьба, которую она вела с «реакционной идеалистической психологией Лопатина, Челпанова и т. п., с одной стороны, и с енчменианством[2] и рефлексологией, с другой». Реактология критиковалась за отрыв теории от практики, что выразилось в ряде «неверных и порой вредных для практики социалистического строительства положений»[3] (имелся в виду прежде всего закон однополюсной траты энергии). Этой дискуссией завершилась история реактологии.

В целом поведенческие направления в советской психологии 20-х гг. в их различных вариантах не справились с задачей, которую они ставили перед собой — созданием новой науки о поведении человека, основанной на марксизме. Как отмечал Л.С. Выготский, главным пороком поведенческих концепций — рефлексологии В.М. Бехтерева, реактологии К.Н. Корнилова, идей П.П. Блонского является «отрицание сознания и стремление построить психологическую систему без этого понятия»[4].

Требовались новые теоретические концепции. Общее основание психологии во всем многообразии ее направлений и школ, создающие методологические трудности для объяснения психологических фактов, впервые выявил **Дмитрий Николаевич Узнадзе** (1886— 1950), создатель в Грузии одного из центров советской психологической науки, основатель ***грузинской школы в психологии*** — психологии установки.

[1] Итоги дискуссии по реактологической психологии // Психология. Т. IV. Вып. 1.— 1931. С. 5.

[2] Созданная биологом Э.С. Енчменом (1891 —1965) крайне механическая «Теория новой биологии», к которой редуцировалась физиология и психология.

[3] Там же. С. 5.

[4] Выготский Л.С. Сознание как проблема психологии поведения // *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т. 1, 1982. С. 79.

428

Он был одним из основателей Тбилисского университета (1918) и создателем в нем кафедры и отделения психологии, лаборатории экспериментальной психологии. По его инициативе создано Общество психологов в Грузии (1927) — первое Психологическое Общество в Советском Союзе и основан Институт психологии в системе Грузинской академии наук (1943). Узнадзе — автор первых университетских учебников и систематических курсов[1]. Вместе с другими психологическими центрами, которые создавались в нашей стране с первых лет Советской власти в Москве, Ленинграде, на Украине и в других регионах, психологи Грузии под руководством Узнадзе, опираясь на достижения всей предшествующей мировой психологической и философской мысли, создали собственную оригинальную школу.

В разных концепциях психологии — интроспекционизме, Вюрцбургской школе, бихевиоризме, психоанализе, персонализме В. Штерна, гештальтпсихологии и др., Узнадзе увидел одно общее основание, которое обозначил термином *«постулат непосредственности»,* называя его «догматической предпосылкой традиционной психологии»[2]. Так, анализируя концепции ассоцианизма, В. Вундта, гештальттеории, Д.Н. Узнадзе раскрывает их общую особенность — объяснение психики как совокупности связанных между собой явлений — и отличающихся только точками зрения на понимание механизмов этих связей — соответственно ассоциации, психической причинности, определяющей роли сложных целостных переживаний. Во всех этих теориях сохраняется принцип непосредственности в объяснении психических явлений. Другое направление современной психологии, которое «допускает возможность взаимодействия между явлениями физическими и психическими», также остается на позициях точки зрения непосредственности, так как считает «будто объективная действительность непосредственно и сразу влияет

[1] Экспериментальная педагогика (1912); Основы экспериментальной психологии (1925); Общая психология (1940); Психология ребенка (1947) и др.

[2] *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования.— М., 1966. С. 158.

429

на сознательную психику и в этой непосредственной связи определяет ее деятельность»[1].

Истоки этой «догматической предпосылки» Д.Н. Узнадзе видит в ложной ориентации психологии на естествознание, которое базируется на признании факта непосредственной связи между физическими явлениями. Аналогию с этим принципом Д.Н. Узнадзе усматривает и в «принципе замкнутой каузальности» В. Вундта, которую критикует как ненаучную и непродуктивную попытку, и в объяснениях гештальтпсихологии, в бихевиоризме. Узнадзе раскрывает глубокие последствия, к которым приводит психологию опора на постулат непосредственности. Это идеализм и механицизм, выразившиеся в

игнорировании субъекта деятельности и личности как конкретной целостности, вследствие чего поведение представляется как «взаимодействие с действительностью отдельных психических и моторных процессов, первично определенных непосредственным взаимодействием... моторных или психических процессов и их стимулов или раздражителей, и, следовательно, для его понимания, помимо учета этих двух моментов, не требуется ничего другого»[2].

Анализ общих основ психологии, произведенный Д.Н. Узнадзе оказался созвучным ее анализам в трудах Л.С. Выготского (прежде всего в его работе «Исторический смысл психологического кризиса»), С.Л. Рубинштейна и разделялся советской психологией в целом. А.Н. Леонтьев неоднократно использовал термин «постулат непосредственности», введенный Узнадзе, и так же, как он, видел задачу психологии в преодолении этого постулата. Критика постулата непосредственности входит важной составной частью в работу по созданию методологических основ собственной психологической концепции Д.Н. Узнадзе. Из нее вытекает задача преодоления данного постулата. Ответом на эту задачу явилась созданная Д.Н. Узнадзе *теория установки.* Теория установки, по собственной оценке Узнадзе, является попыткой объяснить активность живого организма как целого, его взаимоотношения с действительностью с помощью введения особого внутреннего образования, обозначенного понятием «установка».

[1] *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования.— М, 1966. С. 158.

[2] Там же. С. 328-329.

430

Установочные образования были замечены и описаны психологами и раньше (Г.Т. Фехнер, 1860; Г.Э. Мюллер и Ф. Шуман, 1889; Л. Ланге, 1888 и др.). Их эффекты проявлялись в форме иллюзий, в различиях во времени протекания психических процессов и др. Попытки объяснения фактов установки хотя и различались у разных авторов, но в целом представлялись ими как частные явления психической жизни и трактовались как результат привычки, обманутого ожидания и т. п. В отличие от этих объяснений Д.Н. Узнадзе создал *общепсихологическое учение об установке* как новое направление в психологии.

Согласно Узнадзе, «мы должны исходить из мыс-сли о наличии двух основных условий, без которых акты поведения человека или какого-либо другого живого существа были бы невозможны. Это, прежде всего, наличие какой-либо *потребности* у субъекта поведения, а затем и *ситуации,* в которой эта потребность могла бы быть удовлетворена. Это — основные условия возникновения всякого поведения, и, прежде всего, установки к нему»[1]. Таким образом, в формировании установки учитываются внутренние и внешние факторы.

Таким образом, в формировании установки учитываются внутренние и внешние факторы. В настоящее время в исследованиях Грузинской школы отмечается наряду с потребностью и ситуацией влияние третьего фактора — психофизиологических условий[2].

Установка представляет собой первичное целостное недифференцированное состояние, которое предшествует сознательной психической деятельности и лежит в основе поведения. «Отдельные акты поведения, вся психическая деятельность представляют собой явления вторичного происхождения»[3].

Был разработан метод экспериментального исследования установки, изучены виды установок, процесс их формирования, описаны их свойства. С позиции установки даны характеристики психических процессов, произведена оригинальная классификация форм поведения и деятельности человека, выявлены иерархи-

[1] *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования... С. 164.

[2] Узнадзе Д.Н.— классик советской психологии / Под ред. В.Л. Какабадзе и др.— Тбилиси, 1986. С. 112-113.

[3] *Узнадзе Д.Н.* Психологические... С. 253.

431

ческие уровни психической активности — индивида, субъекта, личности. В отличие от установки в зарубежной психологии, в которой этот феномен выступает в качестве частного психологического образования, Узнадзе придает понятию установки статус общепсихологической категории, а теория этого феномена превращается в общепсихологическую теорию установки и распространяется на изучение патопсихологических явлений, находит применение в педагогике, на ее основе разрабатывается система методов психотерапии — сеттерапия. Установка описывалась как то опосредствующее образование между влиянием среды и психическими процессами, которое объясняет поведение человека, его эмоциональные и волевые процессы, т. е. выступает детерминантой любой активности организма. Так, мышление (а также творческая фантазия, труд и др.) возникает в ситуации затруднения актов поведения, вызванных определенной установкой, когда усложнение ситуации вызывает необходимость сделать специальным объектом исследования это затруднение. «Этот специфический акт, обращающий включенный в цепь деятельности человека предмет или явление в специальный самостоятельный объект его наблюдения, можно было бы назвать актом объективации»[1]. Выделение объективации приводит Узнадзе к выводу о существовании двух уровней психической жизни — уровня установки, свойственного для всякого живого существа (и лишь в частности для человека), и уровня объективации, который представляет собой «специальное достояние лишь человека как существа мыслящего, строящего основы культурной жизни, как творца культурных ценностей»[2]. Психология установки остро поставила проблему активного субъекта в психологии в противоположность механицизму и идеализму предшествующей психологии. Она назвала своей задачей анализ поведения и деятельности с позиции установки: «...не подлежит сомнению, что для

изучения подлинного предмета психологии — психической жизни — это понятие (поведения — *А.Ж.*) имеет совершенно исключительное значение»[3].

[1] *Узнадзе Д.Н.* Психологические... С. 255.

[2] Там же. С. 256.

[3] Там же. С. 328

432

Направленность на выявление внутренней детерминации активности составляет сущность и пафос подхода Д.Н. Узнадзе, нацеленного на преодоление постулата непосредственности в психологии. Однако поскольку установка (и потребность) находятся в «пространстве субъекта» и, следовательно, являются внутренними образованиями, роль поведения и деятельности в преодолении постулата непосредственности и в определении сущности психического отступает на задний план, является вторичной.

Другое направление исследований по преодолению ограниченности как традиционной концепции психики, так и поведенческих направлений с их механицизмом и даже утратой проблемы сознания связано с введением в психологию идеи о неразрывной связи психики и, прежде всего, человеческой, с поведением и деятельностью и трактовкой опосредствованной структурой психики человека. Начало работ в этом направлении хронологически и идейно восходит к **Льву Семеновичу Выготскому** (1896 — 1934).

Л.С. Выготский (1896-1934)

Один из основоположников советской психологии, Выготский внес огромный вклад в разработку ее методологических основ; он создал *культурно-историческую концепцию* общественно-исторического развития психики человека, которая получила дальнейшее развитие в общепсихологической теории деятельности, разработанной А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурия, П.Я. Гальпериным, Д.Б. Элькониным и др. «Трактовка Л.С. Выготским опосредствованной структуры человеческих психологических процессов и психического как человеческой деятельности послужила краеугольным камнем, основой для всей разрабатывавшейся им научно-психологической теории — теории общественно-исторического («культурного» — в противоположность «натурному», естественному) развития психики человека»,— писал А.Н. Леонтьев в некрологе Л.С. Выготского[1]. Здесь А.Н. Леонтьев назвал как основ-

[1] *Леонтьев А.Н.* О Льве Семеновиче Выготском // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. I.— М, 1983. С. 19.

433

ную идею творчества Л.С. Выготского положение об общественно-исторической природе человеческой психики, человеческого сознания в противоположность натурализму в его различных формах. Выготский ввел понятие о высших психических функциях (мышление в понятиях, разумная речь, логическая память, произвольное внимание и т. п.) как специфически человеческой форме психики и разработал учение о развитии высших психических функций. Первым изложением этого учения явилась статья «Проблема культурного развития ребенка»[1]. Все последующие годы вплоть до смерти (1934) связаны с систематической экспериментальной и теоретической разработкой основной идеи. Под руководством Л.С. Выготского из небольшой группы его учеников и соратников — А. Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, вскоре к ним присоединились А.В. Запорожец, Л.И. Божович, Н.Г. Морозова, Л.С. Славина, Р.Е. Левина, в *Институте психологии сложилась школа, превратившаяся в одну из самых больших и влиятельных школ в советской психологии.*

Чрезвычайно широк диапазон исследований Выготского: детская психология, общая психология, дефектология, психология искусства, методология и история психологии и др. Все они объединены общим теоретическим подходом и одной проблемой — проблемой генезиса, структуры и функций человеческой психики.

Рис. 3

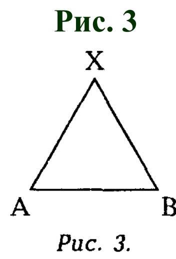

Рис. 3.

Связь между А и В при натуральном запоминании устанавливается прямо; при мнемотехническом — при помощи вспомогательного элемента X, так что вместо связи А — В устанавливается две: АХ и ВХ

Уже в статье 1928 г. содержится *идея опосредствования* как отличительная особенность высших пси-

[1] *Выготский Л.С.* Проблема культурного развития ребенка // Педология. 1928. № 1.

434

хических функций: в ней впервые схематично представлена структура высших психических функций (на примере операции памяти, рис. 3).

«Включение в какой-либо процесс поведения знака перестраивает весь строй психологических операций подобно включению орудия в трудовую операцию. Именно структура, объединяющая отдельные процессы в состав культурного приема поведения, превращает этот прием в психологическую функцию, выполняющую эту задачу по отношению к поведению в целом»[1],— писал Л.С. Выготский в этой статье.

Вопрос о *генезисе высших психических функций* был главным в теории Выготского. Выготский сформулировал *законы развития высших психических функций.* «Первый из этих законов заключается в том, что само возникновение опосредствованной структуры психических процессов человека есть продукт его деятельности как общественного человека. Первоначально социальная и внешне опосредствованная она лишь в дальнейшем превращается в индивидуально-психологическую и внутреннюю, сохраняя в принципе единую структуру»[2],— писал А.Н. Леонтьев в некрологе. Опираясь на марксистское учение об общественно-исторической природе человеческого сознания и в противоположность механистическим представлениям о высших психических процессах человека как тождественных элементарным чисто ассоциативным процессам (например, Э. Торндайк) и идеалистическим концепциям о врастании в культуру, видевшим в высших психических функциях лишь изменение содержания (Э. Шпрангер, В.Дильтей), Выготский показал, что в процессе культурного развития складываются новые высшие исторически возникающие формы и способы деятельности — высшие психические функции. Это положение о социальном генезисе психических функций человека получило название закона развития высших психических функций. «Каждая высшая психическая функция появляется в процессе развития поведения дважды: сначала как функция коллективного

[1] *Выготский Л.С.* Проблема... С. 61.

[2] *Леонтьев А.Н.* О Льве Семеновиче... С. 19.

435

поведения, как форма сотрудничества или взаимодействия, как средство социального приспособления, т. е. как категория интерпсихическая, а затем вторично как способ личного приспособления, как внутренний процесс поведения, т. е. как категория интрапсихологическая»[1]. Например, логическое размышление возникает не раньше, чем в детском коллективе возникает спор; волевые процессы также развиваются из подчинения правилам поведения коллектива, например, в игре; речь из внешней как средства сообщения превращается во внутреннюю как средство мышления. Исторически возникновение высших психических функций как новых форм человеческого мышления и поведения связано с развитием трудовой деятельности. Высшие психические функции — продукт не биологической эволюции. Они имеют социальную историю. «Только в процессе коллективной общественной жизни выработались и развились все характерные для человека высшие формы интеллектуальной деятельности»[2]. Положение о родстве труда и высших интеллектуальных функций привело к выводу о «психологических орудиях», в качестве которых выступают язык, число, письмо и т. п., созданные человеком, в этом смысле искусственные, социальные, а не индивидуальные по своей природе. Психологические орудия отличаются от орудий труда: если последние направлены на овладение процессами природы, то психологические орудия выступают средством воздействия на самого себя и в силу этого делают психические процессы произвольными и сознательными. По содержанию психологические орудия суть знаки, имеющие значение. Основным знаком является речь, слово. Так наметилась линия исследований, связанная с изучением роли языка в психическом развитии ребенка. Исследование значений показало, что у ребенка на разных стадиях развития за словом стоят разные значения. Отсюда начались исследования развития значения слова в детском возрасте. Значение слова понималось как обобщение, это клеточка развития сознания. В исследованиях научных и житейских понятий, образования понятий установ-

[1] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 5.— М., 1984. С. 197.

[2] Там же. С. 197.

436

лены стадии развития обобщений: от синкретического образа к комплексам (в их различных вариантах) и от них к понятиям и соответственно к мышлению в понятиях, которые Л.С. Выготский отождествлял со значениями. Исследование факта развития значения слова привело Выготского к проблеме системного и смыслового строения сознания. Было показано, что «в зависимости от того, какой степени достиг ребенок в развитии значения слов, находятся все основные системы его психических функций»[1]. В отличие от психологии, которая изучала возрастные изменения функций, взятых изолированно и отдельно друг от друга, Выготский развил теорию системного и смыслового строения сознания («Лекции по психологии. Мышление и речь»). Согласно этой теории «изменение функционального строения сознания составляет главное и центральное содержание всего процесса психического развития»[2]. В общем картина возрастного развития сознания рисовалась как изменение структуры сознания с последовательным доминированием разных сфер. «История развития умственного ребенка учит нас, что за первой стадией развития сознания в младенческом возрасте, характеризующейся недифференцированностью отдельных функций, следуют две другие — раннее детство и дошкольный возраст, из которых в первой дифференцируется и проделывает основной путь развития восприятие, доминирующее в системе межфункциональных отношений в данном возрасте и определяющее как центральную доминирующую функцию деятельность и развитие всего остального сознания, а во второй стадии такой доминирующей функцией является выдвигающаяся на передний план развития память»[3]. Начиная с подросткового возраста доминирующей функцией становится мышление. Основным механизмом развития высших психических функций в онтогенезе является *интериоризация.* Л.С. Выготский указывает на П. Жане, который ранее развивал сходные идеи. Высшие психические функции происходят извне, они «строятся первоначально как внешние формы поведения и опира-

[1] *Выготский Л.С. ...* Т. 2. С. 415.

[2] Там же. С. 415.

[3] Там же. С. 217.

427

поведения, как форма сотрудничества или взаимодействия, как средство социального приспособления, т. е. как категория интерпсихическая, а затем вторично как способ личного приспособления, как внутренний процесс поведения, т. е. как категория интрапсихологическая»[1]. Например, логическое размышление возникает не раньше, чем в детском коллективе возникает спор; волевые процессы также развиваются из подчинения правилам поведения коллектива, например, в игре; речь из внешней как средства сообщения превращается во внутреннюю как средство мышления. Исторически возникновение высших психических функций как новых форм человеческого мышления и поведения связано с развитием трудовой деятельности. Высшие психические функции — продукт не биологической эволюции. Они имеют социальную историю. «Только в процессе коллективной общественной жизни выработались и развились все характерные для человека высшие формы интеллектуальной деятельности»[2]. Положение о родстве труда и высших интеллектуальных функций привело к выводу о «психологических орудиях», в качестве которых выступают язык, число, письмо и т. п., созданные человеком, в этом смысле искусственные, социальные, а не индивидуальные по своей природе. Психологические орудия отличаются от орудий труда: если последние направлены на овладение процессами природы, то психологические орудия выступают средством воздействия на самого себя и в силу этого делают психические процессы произвольными и сознательными. По содержанию психологические орудия суть знаки, имеющие значение. Основным знаком является речь, слово. Так наметилась линия исследований, связанная с изучением роли языка в психическом развитии ребенка. Исследование значений показало, что у ребенка на разных стадиях развития за словом стоят разные значения. Отсюда начались исследования развития значения слова в детском возрасте. Значение слова понималось как обобщение, это клеточка развития сознания. В исследованиях научных и житейских понятий, образования понятий установ-

[1] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 5.— М., 1984. С. 197. [2] Там же. С. 197.

436

лены стадии развития обобщений: от синкретического образа к комплексам (в их различных вариантах) и от них к понятиям и соответственно к мышлению в понятиях, которые Л.С. Выготский отождествлял со значениями. Исследование факта развития значения слова привело Выготского к проблеме системного и смыслового строения сознания. Было показано, что «в зависимости от того, какой степени достиг ребенок в развитии значения слов, находятся все основные системы его психических функций»[1]. В отличие от психологии, которая изучала возрастные изменения функций, взятых изолированно и отдельно друг от друга, Выготский развил теорию системного и смыслового строения сознания («Лекции по психологии. Мышление и речь»). Согласно этой теории «изменение функционального строения сознания составляет главное и центральное содержание всего процесса психического развития»[2]. В общем картина возрастного развития сознания рисовалась как изменение структуры сознания с последовательным доминированием разных сфер. «История развития умственного ребенка учит нас, что за первой стадией развития сознания в младенческом возрасте, характеризующейся недифференцированностью отдельных функций, следуют две другие — раннее детство и дошкольный возраст, из которых в первой дифференцируется и проделывает основной путь развития восприятие, доминирующее в системе межфункциональных отношений в данном

возрасте и определяющее как центральную доминирующую функцию деятельность и развитие всего остального сознания, а во второй стадии такой доминирующей функцией является выдвигающаяся на передний план развития память»3. Начиная с подросткового возраста доминирующей функцией становится мышление. Основным механизмом развития высших психических функций в онтогенезе является *интериоризация.* Л.С. Выготский указывает на П. Жане, который ранее развивал сходные идеи. Высшие психические функции происходят извне, они «строятся первоначально как внешние формы поведения и опира-

[1] *Выготский Л.С. ...* Т. 2. С. 415.

[2] Там же. С. 415.

[3] Там же. С. 217.

427

ются на внешний знак» [1]. Выготский различает элементарные — низшие — процессы, он называет их естественными психологическими функциями[2], иногда психофизиологическими функциями[3] и высшие психические функции. Развитие низших психических функций в детском возрасте составляет генетически первую форму становления человеческой психики и поведения, его основу, на которой происходит овладение культурно-психологическими орудиями, созданными в процессе исторического развития общества. Для правильного понимания проблемы развития психики важное значение получает понятие детской примитивности, которое выводит Л.С. Выготский. Примитивность сводится к неумению пользоваться орудиями, к естественным формам проявления психологических функций. В статье 1928 г. на примере запоминания Л.С. Выготский описал четыре стадии развития отдельной психической функции: 1) стадия примитивного поведения: запоминание происходит естественным способом; 2) стадия наивной психологии: дается средство, которое используется несовершенно; 3) стадия внешне опосредствованных актов: ребенок правильно пользуется внешним средством для выполнения той или иной операции; 4) внешняя деятельность при помощи знака переходит во внутреннюю, внешний знак вращивается и становится внутренним, акт становится внутренне опосредствованным. Переход от интерпсихической к интрапсихической функции происходит в сотрудничестве с другими детьми и в общении ребенка со взрослым. Выготский подчеркивал важную роль отношений между личностью ребенка и окружающей его социальной средой на каждой возрастной ступени. Эти отношения меняются от возраста к возрасту и составляют «совершенно своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительное, единственное и неповторимое отношение между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего социальной. Это отношение мы назовем социальной ситуацией развития в данном возрасте»[4]. Из исследований

[1] *Выготский Л.С. ...* Т. 2. С. 71.

[2] Там же. Т. 5. С. 26.

[3] Там же. Т. 4. С. 47.

[4] Там же. Т. 2. С. 258.

438

психического развития ребенка возник новый подход к пониманию и изучению отношения между развитием и обучением.

Поскольку высшие психические функции имеют своим источником сотрудничество и обучение, постольку был сделан вывод о ведущей роли обучения в психическом развитии. Это означало, что обучение идет впереди развития. Область доступного ребенку в сотрудничестве получила название *зоны ближайшего развития,* область выполняемого самостоятельно — область актуального развития. «Зона ближайшего развития имеет более непосредственное значение для динамики интеллектуального развития и успешности обучения, чем актуальный уровень их развития»[1].

По мысли Выготского, эти исследования должны быть положены в основу педагогической практики: «*педагогика должна ориентироваться не на вчерашний, а на завтрашний день детского развития*»[2],— писал Л.С. Выготский (курсив Выготского — *А.Ж.*).

Некоторое развитие получило исследование проблемы исторического формирования психических процессов[3].

Исследование нового предмета — развития высших психических функций — потребовало разработки нового метода, так как, согласно Л.С. Выготскому, «методика должна соответствовать природе изучаемого объекта»[4]. Выготский называл свой метод или *экспериментально-генетическим*[5], или *каузально-генетическим*[6]. Конкретным выражением этого метода была методика двойной стимуляции, с помощью которой проводились экспериментальные исследования памяти, внимания и др. Клинически-психологический анализ аномалий психического развития Выготский рас-

[1] *Выготский Л.С. ...* Т. 2. С. 247.

[2] Там же. С. 251.

[3] См.: *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов.— М, 1974.

[4] *Выготский Л.С.* Проблема высших интеллектуальных функций в системе психотехнического исследования // Психотехника и психофизиология труда. Т. 3.— 1930. № 5. С. 383.

[5] *Выготский...* Т. 6. С. 76; Т. 3. С. 95.
[6] Там же. Т. 2. С. 19.

439

сматривал в их значении для понимания генезиса психики человека, роли обучения в процессе психического развития. Он называл изучение развития и воспитания умственно отсталого, глухонемого, психопатического ребенка «экспериментами, поставленными самой природой»[1]. Поэтому труды Л.С. Выготского по дефектологии (Собр. соч. Т. 5.) составляют неотъемлемую часть его общепсихологической теории.

Принципиальный смысл метода Л.С. Выготского заключается в том, что он показал, что единственно адекватным исследованию проблемы развития, т. е. исследованию того нового, что возникает в психике человека, может быть только способ искусственного восстановления генезиса и развития исследуемого процесса. Этот метод положил начало принципиально новой методологии психологического исследования, получившей в последующем значительное развитие в советской психологии (П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов и др.).

Во всех исследованиях Л.С. Выготского общение ребенка со взрослым выступает в качестве важнейшего условия психического развития. Поскольку общение происходит при помощи слова, постольку в объяснении развития высших психических функций и личности в целом роль центрального условия этого процесса получает речь. Здесь наметились трудности, связанные с ограниченным пониманием источников и детерминант психического развития. Эти трудности задали новые перспективы разрешения введенной Выготским проблемы развития специфически человеческих высших психических функций. С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев выступили с идеей предметной осмысленной деятельности как движущей силы психического развития ребенка. При этом роль общения не отрицалась, общение органично соединялось с собственной деятельностью.

Так, исходя от Выготского, в отечественной психологии начало разрабатываться учение о деятельности.

Развитие психологической системы Л.С. Выготского стало делом жизни выдающегося психолога Александра Романовича Лурия (1902—1977), как он сам

[1] *Выготский...* Т. 6. С. 76; Т. 5. С. 189.

440

А.Р. Лурия (1902-1977)

писал в автобиографической книге «Этапы пройденного пути»[1]. Работая в различных областях психологии — общей, детской, психофизиологии, а также дефектологии, нейропсихологии, психолингвистике, Лурия развил дальше теоретические положения Выготского. Его исследования входят составной частью в школу, которая сейчас называется *школой Выготского, Лурия, Леонтьева*[2]. В то же время А.Р. Лурия является создателем отечественной *школы нейропсихологии.*

В начале 30-х гг. Лурией было проведено экспериментальное исследование роли культурных факторов в развитии высших психических функций. Исследование проводилось на материале познавательных процессов[3], в Узбекистане. Испытуемыми были люди, принадлежащие к слоям населения, не охваченным образованием, неграмотные, жившие в условиях натурального хозяйства. Было обнаружено, что изменения практических форм деятельности, в особенности перестройка деятельности, основанная на формальном образовании и социальном опыте, вызывали качественные изменения в процессах мышления. Это исследование показало реальную возможность исторической психологии, одной из наиболее трудно поддающихся экспериментальному изучению областей психологической науки.

С целью показать взаимоотношение биологических и культурных факторов в развитии высших психических функций было предпринято изучение монозиготных и дизиготных близнецов[4]. Были найдены мето-

[1] *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути.— М, 1982.
[2] А.Р. Лурия и современная психология / Под ред. Е.Д. Хомской.— М., 1982 С. 29.
[3] *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов— М., 1974.
[4] *Лурия А.Р., Юдович Ф.И.* Речь и развитие психических процессов у ребенка— М, 1956.

441

дические приемы для выявления степени участия естественных и культурных факторов в решении экспериментальных задач.

Проблема регулирующей роли речи и речевого опосредствования в развитии произвольных психических процессов была, по признанию А.Р. Лурия, центральной в его работе. Началом ее разработки явились исследования с использованием «сопряженной моторной методики». Клинические исследования близнецов также дали большой материал о роли речи в формировании высших психических процессов у детей. Изучалось влияние речи на организацию поведения у нормальных детей раннего возраста и детей, страдающих разными формами умственной отсталости.

Еще Выготский считал, что одним из направлений исследований высших психических функций должно стать изучение их мозговой организации. Выготский пришел к следующим выводам: 1) «функция целого организована и построена как интегративная деятельность, в основе которой лежат сложно дифференцированные иерархически объединенные динамические межцентральные отношения»[1]; 2) при расстройствах развития, вызванных каким-либо церебральным дефектом, при прочих равных условиях больше страдает в функциональном отношении ближайший высший по отношению к пораженному центр и относительно меньше страдает ближайший низший по отношению к нему центр; при распаде наблюдается обратная зависимость: при поражении какого-либо центра при прочих равных условиях больше страдает ближайший к пораженному участку низший, зависящий от него центр, и относительно меньше страдает ближайший высший по отношению к нему центр, от которого он сам находится в функциональной зависимости»[2]; 3) сравнительное изучение развития и распада является «одним из плодотворнейших методов в исследовании проблемы локализации»[3]. Начатые Л.С. Выготским исследования были продолжены А.Р. Лурией. Особенно важный материал для такого изучения открывает

[1] *Выготский А.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 1.— М., 1982. С. 171.

[2] Там же. С. 172-173.

[3] Там же. С. 173.

442

область исследований локальных поражений мозга. Разработка этой области составила главное содержание научной деятельности Лурия, начиная с 30-х гг., но особенно интенсивно — с Великой Отечественной войны. Эти исследования вылились в *теорию системной динамической локализации высших психических функций*[1] и составили содержание новой области психологической науки — нейропсихологии, основоположником которой в СССР был А.Р. Лурия[2]. Нейропсихологические исследования А.Р. Лурия включали изучение роли лобных долей, подкорковых и других мозговых структур в организации психических процессов, изучение нарушений отдельных психических функций — памяти, речи, интеллектуальных процессов, произвольных движений и действий при локальных поражениях мозга и их восстановлении. Большое место в творчестве Лурия занимали вопросы нейролингвистики, разрабатываемые им в неразрывной связи с проблемами афазиологии[3]. В этих исследованиях широко представлены междисциплинарные связи психологии с другими науками — лингвистикой, физиологией и анатомией мозга, а также с клинической практикой.

Замечательный педагог А.Р. Лурия явился одним из организаторов психологической науки в Московском университете. Многие его работы выросли из курсов лекций, читаемых для студентов. Он также является автором популярных книг по психологии[4].

Одним из выдающихся теоретиков советской психологии был **Сергей Леонидович Рубинштейн** (1889 — 1960). Он разрабатывал философские проблемы психологии, сформулировал важнейшие методологические принципы психологии. Один из них — *принцип единства сознания и деятельности* — составил основу деятельностного подхода в психологии. Философская на-

[1] *Лурия А.Р.* Травматическая афазия.— М., 1947; Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга.— М, 1962; Мозг человека и психические процессы. Т. 1.— М., 1963; Т. 2.— М., 1970.

[2] *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии.— М., 1973.

[3] *Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики.— М., 1975; Язык и сознание.— М, 1979.

[4] *Лурия А.Р.* Маленькая книжка о большой памяти.— М., 1968; Этапы пройденного пути.— М., 1982.

443

С.А. Рубинштейн (1889-1960)

правленность творчества С.Л. Рубинштейна, его пристальный интерес к зарубежной психологии

объясняются, по-видимому, не в последнюю очередь обстоятельствами личной биографии ученого: он получил философское образование в Германии, учился в Марбургском университете, защитил там в 1913 г. диссертацию, посвященную критическому анализу гегелевской философии. В дальнейшем критический анализ немецкой классической философии был продолжен в статье «Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики)» (1922). Здесь же С.Л. Рубинштейн указывает на роль деятельности, в которой субъект не только обнаруживается и проявляется, но в ней созидается и определяется. Этапной как в творчестве Рубинштейна, так и для советской психологии в целом стала его статья «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» (1934). Это выступление вместе с книгой «Основы психологии» (1935) и «Основами общей психологии» (1940)[1], его расширенным вариантом, явились практической реализацией замысла построения психологии на новых научных основах. В статье 1934 г. Рубинштейн подверг глубокому анализу кризис, переживаемый зарубежной психологией, выступил с требованием радикальной перестройки понимания сознания и деятельности, сознания и личности и сформулировал принцип единства сознания и деятельности. «Психика не субъективно, не только для познания представляется опосредствованной; она может быть познана опосредствованно через деятельность человека и продукты этой деятельности, потому что она в бытии своем объективно опосредствована ими... Психика, сознание могут стать предметом психологии — содержательной и реальной. Объективность в психологии дости-

[1] Этот фундаментальный труд, удостоенный Государственной (тогда Сталинской) премии, второе издание — 1946, третье — 1989) до настоящего времени остается непревзойденным по своему научному уровню учебным пособием.

444

гается не выключением психики, а принципиальным преобразованием концепции человеческого сознания и концепции человеческой деятельности»[1]. При этом Рубинштейн обращается к Марксу, подходя к нему как «к современнейшему из наших современников», чтобы уяснить, «какие ответы на самые узловые вопросы психологии заключаются в высказываниях Маркса»[2]. В статье излагается трактовка Марксом понятий *человеческой деятельности* и его представлений о формировании человеческой психики в процессе деятельности, анализ основных формул Маркса о *сознании* в его взаимосвязи с *бытием,* об *исторической природе сознания,* трактовка проблемы *личности,* человеческих *потребностей и способностей.* Статья завершается выводом о богатстве идей, которые психология может извлечь из работ Маркса. Они «намечают тот путь, идя по которому психология может стать действительно содержательной и *реальной* наукой[3]. Эта и другая статья «О философских основах психологии. (Ранние рукописи К. Маркса и проблемы психологии)»[4] являются хорошим введением к изучению трудов Маркса, значение которых для психологии является не только фактом истории мировой и в особенности отечественной науки, но признается и сегодня.
В «Основах психологии» (1935) Рубинштейн продолжил анализ и окончательно сформулировал принцип единства сознания и деятельности. «Психология изучает психику через посредство деятельности и тем самым психологические особенности деятельности»[5]. Включив деятельность в сферу психологического изучения, Рубинштейн в то же время указывал, что это «не значит, что поведение, деятельность человека в целом является предметом психологии. Деятельность человека — сложное явление. Различные стороны ее изучаются разными науками... психология изучает психическую сторону деятельности»[6]. По

[1] *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии.— М., 1973. С. 28.
[2] Там же. С. 19. [3] Там же. С. 46-47.
[4] Написана в 1958-59 гг.
[5] *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии.— М., 1935.
[6] *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии.— М., 1946. С. 535.

445

Рубинштейну, «специфически психологическая проблематика самой деятельности как таковой и действия как «единицы» деятельности связана прежде всего с вопросом о целях и мотивах человеческой деятельности, о ее внутреннем смысловом содержании и его строении»[1]. Рубинштейн наметил общую структуру деятельности, в дальнейшем детально разработанную А.Н. Леонтьевым.
По Рубинштейну, в зависимости от характера мотивации различаются деятельность и поведение: преобладание в деятельности отношения человека к другим людям превращает ее в поведение. «Самым существенным в нем является общественное, идеологическое моральное содержание. Единицей поведения является поступок, как единицей деятельности — действие. Поступком в подлинном смысле слова является не всякое действие, а лишь такое, в котором ведущее значение имеет сознательное отношение человека к другим людям, к общему, к нормам общественной морали...»[2]. Рубинштейн выделял в качестве основных следующие виды деятельности: труд, игра, учение. Он дал их психологический анализ: описал специфическую для каждого из этих видов мотивацию, раскрыл их природу и связь с развитием личности.
Так в сферу психологического изучения была включена деятельность. Этим был сделан реальный

шаг на пути преодоления постулата непосредственности, намечены основы объективного познания психики. *«Психологическое познание — это опосредованное познание психического через раскрытие его существенных объективных связей и опосредований»*[3]. Ограничив задачу психологии изучением *психологической* стороны деятельности, Рубинштейн выделил внутри деятельности ее компоненты: движение — действие — операция — поступок в их взаимосвязях с целями, мотивами и условиями деятельности. «Клеточкой», «единицей» психологии он считал «действие», поскольку психологический анализ позволяет выявить в действии пси-

[1] *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии.— М., 1946. С. 536.

[2] Там же. С. 537.

[3] Там же. С. 22.

446

хологическую проблематику в целом. В дальнейшем вопросы строения деятельности стали предметом изучения у А.Н. Леонтьева. В 50-х годах Рубинштейн сформулировал принцип детерминизма и раскрыл его на материале экспериментальных исследований мышления[1]. Согласно этому принципу *внешние причины, влияния действуют только через внутренние условия.* В качестве внутренних условий выступали аналитико-синтетические акты по соотнесению каждого элемента условий и требований задачи. В них отражается внутренняя работа по анализу задачи, показателем степени проанализированности является возможность использования вспомогательной задачи или прямой подсказки для решения и т. п. факты. В связи с исследованиями мышления было сформулировано положение о психическом как процессе: «...Мышление выступает как процесс... этот процесс членится на отдельные звенья или акты... (анализа и т.д.)...»[2]. Процессуальность психического — его характерная особенность, ибо взаимосвязь любого субъекта с объектом непрерывна. Отсюда «задача психологической науки и состоит прежде всего в том, чтобы раскрыть закономерности такого психического процесса»[3]. Последователи С.Л. Рубинштейна выявили и описали свойства психического процесса: динамичность, непрерывность, не-дизъюнктивность, способность к развитию и др.

При изучении не только мышления, но любых других психических процессов в качестве совокупности всех внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия, выступает личность. К личностным свойствам, обусловливающим поведение человека, относятся мотивы, способности.

Творчество С.Л. Рубинштейна, культура разработки им теоретических основ психологии, фундаментальность его трудов, обусловленная опорой на достижения всей мировой и отечественной философской и

[1] Рубинштейн *С.Л.* О мышлении и путях его исследования.— М., 1958.

[2] Рубинштейн *С.Л.* Принцип детерминизма и психологическая теория мышления // Психологическая наука в СССР. Т. 1.— М., 1959. С. 319.

[3] Мышление: процесс, деятельность, общение / Под ред. А.В. Брушлинского.— М., 1982. С. 17.

447

научной мысли, получили высокое общественное признание. В 1942 г. он возглавил впервые созданную в Московском государственном университете кафедру психологии и одновременно был назначен директором Психологического института. В 1943 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. По его инициативе и под его руководством в 1945 г. в Институте философии АН СССР создается сектор психологии — первая психологическая лаборатория в АН СССР. В том же 1945 г. он избирается академиком Академии педагогических наук РСФСР.

В годы сталинских репрессий С.Л. Рубинштейн был снят со всех постов, публикация его трудов была запрещена. В 1956 г. ему удалось восстановить сектор психологии и в течение последних трех лет жизни он публикует три монографии: «Бытие и сознание» (1957), «О мышлении и путях его исследования» (1958), «Принципы и пути развития психологии» (1959). Написанная в последние годы жизни монография «Человек и мир» опубликована в сборнике избранных работ «Проблемы общей психологии» (1973).

Труды С.Л. Рубинштейна продолжают и сегодня служить важным источником развития отечественной психологии. Общие принципы, сформулированные Рубинштейном, находят свою конкретизацию в исследованиях прежде всего его учеников. На них опираются и другие исследователи, формально не принадлежащие к школе С.Л. Рубинштейна. *Книга «Основы общей психологии»* на общероссийском психологическом конкурсе, который проводился «Психологической газетой» в 1999 — 2000 гг., была названа *самой читаемой в XX в. книгой по психологии.*

Алексей Николаевич Леонтьев (1903 — 1979) сделал деятельность предметом и методом психологического исследования. Он назвал категории деятельности, сознания и личности как *«наиболее важные для построения непротиворечивой системы психологии как конкретной науки о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредствует жизнь*

индивидов»[1]. Разработанная

[1] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность.— М., 1975. С. 12. Эта книга получила Ломоносовскую премию (1976).

448

А.Н. Леонтьев (1903-1979) и А.В. Запорожец (1905-1981)

Леонтьевым общепсихологическая теория деятельности является важнейшим достижением советской психологической науки, а сам Леонтьев — крупным теоретиком, одним из создателей советской психологии[1]. На материале теоретических и экспериментальных исследований он показал объяснительную силу деятельности для понимания центральных психологических проблем: сущности и развития психики сознания, функционирования различных форм психического отражения личности. В разработке проблемы деятельности Леонтьев исходил из культурно-исторической концепции психики *А.С.* Выготского. Он считал, что марксистско-ленинская методология позволяет проникнуть в действительную природу психики, сознания человека, а в теории деятельности видел конкретизацию марксистско-ленинской методологии в области психологии.

Истоки его исследований восходят к началу 30-х гг., когда Леонтьев возглавил группу психологов в Харькове. В ее состав входили А.В. Запорожец, Л.И. Божович, П.Я. Гальперин, П.И. Зинченко, Г.Д. Луков, В.И. Ленин. Для них центральной стала проблема практической деятельности и сознания, которая рассматривалась Леонтьевым «необходимой линией движения психологического исследования». Производилось изучение структуры детской деятельности, ее средств, цели, мотива и изменения в процессе развития ребенка.

В конце 30-х гг. А.Н. Леонтьев обращается к проблемам развития психики: исследует генезис чувствительности, развитие психики животных. Итогом этих работ явилась докторская диссертация «Развитие психики» (1946). Здесь была разработана концепция ста-

[1] Книга А.Н. Леонтьева «Проблемы развития психики» выдержала 4 издания (1-е— в 1959 г.) и была удостоена Ленинской премии (1963).

449

диального развития психики в процессе эволюции животного мира, исходя из изменения в этом процессе характера связей животных с окружающими условиями[1]. Каждая новая ступень рассматривалась как переход к новым условиям существования и шаг в усложнении физической организации животных. Выделенные Леонтьевым стадии в развитии психики — элементарной сенсорной психики, перцептивной и стадии интеллекта — в последующих исследованиях получили дальнейшую разработку и конкретизацию[2].

Во время Великой Отечественной войны А.Н. Леонтьев, будучи научным руководителем эвакуационного госпиталя на Урале, возглавил работу по восстановлению утраченной гностической чувствительности и движений после ранений путем специальной организации осмысленной предметной деятельности раненых[3]. Хотя этот цикл исследований преследовал практические цели, одновременно он подводил к систематическому изучению теоретической проблемы о решающей роли деятельности и действия в психическом развитии.

В статьях 1944— 1947 гг., посвященных развитию психики в онтогенезе, проблема деятельности получает специальную разработку. Было сформулировано понятие ведущей деятельности, положенное в основу при изучении периодизации психического развития ребенка (Д.Б. Эльконин), исследована игра как ведущая деятельность в дошкольном возрасте[4]. Было произведено различение деятельности (и мотива) и действия (и цели), операций или способов выполнения действия, описывались динамика их взаимоотношений в процессе реальной жизнедеятельности ребенка; был раскрыт механизм сдвига мотива на цель как механизм процесса рождения новых деятельностей; вводилось различение «только понимаемых мотивов» и мотивов, «ре-

[1] *Леонтьев А.Н.* Очерк развития психики.— М, 1947.

[2] *Фабри К.Э.* Основы зоопсихологии.— М., 1976.

[3] См.: *Леонтьев А.Н., Запорожец А.В.* Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения.— М., 1945.

[4] *Леонтьев А.Н.* К теории развития психики ребенка; Психологические основы дошкольной игры // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т. 1.— М., 1983.

450

ально действующих». Описывалось превращение действия в операцию. На примере учебной деятельности была раскрыта психологическая характеристика сознания, в частности, показана несводимость сознания к знанию, смысла — к значению[1].

Эти исследования составили основу психологического учения А.Н. Леонтьева о деятельности, ее структуре, ее динамике, ее различных формах и видах, окончательный вариант которого дан в работе «Деятельность. Сознание. Личность». Согласно этой концепции, деятельность субъекта является тем содержательным процессом, в котором осуществляются реальные связи субъекта с предметным миром и который опосредствует связи между воздействующим объектом и субъектом. Деятельность включена в систему общественных условий. Основной характеристикой деятельности является ее предметность — деятельность определяется предметом, подчиняется, уподобляется ему: предметный мир «втягивается» в деятельность и отражается в его образе, в том числе в эмоционально-потребностной сфере. Образ порождается предметной деятельностью. Таким образом, психика рассматривается как процессы субъективного отражения объективного мира, порождаемые материальной практической деятельностью[2]. Формой существования образа в индивидуальном сознании являются значения языка. В сознании обнаруживается также чувственная ткань, т. е. чувственные образы и личностные смыслы, которые придают сознанию пристрастный характер. Исследование всех этих составляющих сознания отражены в ряде публикаций[3].

Деятельность имеет сложную структуру. Различаются деятельность и соответствующий ей мотив, дей-

[1] Леонтьев *А.Н.* Психологические вопросы сознательности учения. Т. 1.

[2] *Леонтьев А.Н.* Понятие отражения и его значение для психологии // Вопросы философии.— 1966.— № 12.

[3] См.: Восприятие и деятельность / Под ред. А.Н. Леонтьева.— М., 1976; Опыт экспериментального исследования мышления // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 2.— М, 1983; Анализ системного строения восприятия // Докл. АПК РСФСР.— 1958,— № 3; 1959.— № 2; Психология образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. IV. Психология.— 1979.— № 2.

451

ствие и соответствующая ему цель, операции и соответствующие им способы осуществления действия, физиологические механизмы, реализаторы деятельности. Между компонентами деятельности существуют переходы и трансформации. Анализ образующих деятельность единиц привел к выводу о единстве строения внешней и внутренней деятельности, в форме которой существует психическое. Показаны переходы от внешней деятельности к внутренней (интериоризация) и от внутренней — к внешней (экстериоризация). Так преодолевалась мистификация психики, сознания. Деятельность предполагает субъекта деятельности, личность. В контексте теории деятельности различаются образования «индивид» и «личность». Личность является продуктом всех отношений человека к миру, реализуемых совокупностью всех разнообразных деятельностей. Основными параметрами личности являются широта связей человека с миром, степень их иерархизированности и общая их структура. Подход к изучению личности с позиции теории деятельности успешно развивается в советской психологии.

Через все творчество Леонтьева проходит борьба с натуралистическими концепциями в психологии человека, идея исторического развития человеческого сознания. Она явилась предметом специального анализа в статьях 1959— 1960 гг.[1] Здесь в контексте проблемы биологического и социального сформулированы понятия о трех видах опыта — индивидуальном, видовом и социальном.

На основе теории деятельности А.Н. Леонтьева в Московском университете на факультете психологии, основателем и первым деканом которого он был, а также и в других учреждениях проводятся исследования в общей и в других отраслях психологической науки — социальной, детской, педагогической, инженерной, патопсихологии, зоопсихологии[2] и др. В начале 60-х гг. А.Н. Леонтьев выступил с рядом работ по инженерной психологии и эргономике и этим способство-

[1] Леонтьев *А.Н.* Избранные... Т. I. Раздел I. Исторический пол-ход к изучению психических явлений.

[2] См.: А.Н. Леонтьев и современная психология.— М., 1983. Раздел 1. Основные отрасли психологической науки.

452

П.Я. Гальперин (1902-1988)

вал возникновению и формированию этих отраслей психологической науки и СССР. Ему принадлежат исследования по педагогической психологии.

Петр Яковлевич Гальперин (1902—1988) отметил неразработанность в теории деятельности процессуального, операционального содержания деятельности и сделал его предметом своих исследований, составивших одну из общепсихологических концепций советской психологии — учение *о поэтапном формировании умственных действий и понятий.* В соответствии с пониманием П.Я. Гальперина, психика во всем диапазоне ее форм — познавательных процессов, от восприятия до мышления включительно, потребностей, чувств, воли, по своей жизненной функции — есть ориентировочная деятельность субъекта в проблемных ситуациях на основе образа[1]. Предметом психологии является ориентировочная деятельность субъекта. «Предмет психологии должен быть решительно ограничен. Психология не может и не должна изучать всю психическую деятельность и все стороны каждой из ее форм. Другие науки не меньше психологии имеют право на их изучение. Претензии психологии оправданы лишь в том смысле, что процесс ориентировки составляет главную сторону каждой формы психической деятельности и всей психической жизни в целом; что именно эта функция оправдывает все другие ее стороны, которые поэтому практически подчинены этой функции»[2]. На основе такого понимания предмета психологии было разработано учение об эволюции психики. Согласно этому учению, психика возникает в ситуации подвижной жизни Для ориентировки в предметном поле на основе образа и осуществляется с помощью действий в плане этого образа. «Эта ориентировка на новое значение объек-

[1] *Гальперин П.Я.* Введение в психологию.— М., 1976. [2] Там же. С. 96.

453

тов, их свойств или отношений, значение, которого они не имели в прошлом опыте данного животного... и которое они впервые приобретают благодаря ориентировке в наличной ситуации,— вот это и составляет объективные показатели ориентировочной деятельности, объективные признаки психики»!. Гальперин выделил и описал основные эволюционные уровни действия, которые «намечают... основную линию развития материи»[2]. Уровень физического действия — неорганические формы материи; уровень физиологического действия — организмы, действия которых регулируются физиологическими механизмами; уровень действия субъекта — животные, действия которых регулируются в плане образа; уровень действия личности — действия человека, регулируются не только индивидуальным, но и социальным опытом.

Адекватным методом исследования психики как ориентировочной деятельности становится *формирующий эксперимент.* Он является развитием экспериментально-генетического метода Выготского: «... магистральный путь исследования психических явлений — это их *построение с заданными свойствами»*[3]. В связи с тем, что в своих сложившихся и автоматизированных формах — целостном восприятии, творческом мышлении, внимании — содержание того реального процесса, каким является ориентировочная деятельность, уже недоступно психологическому анализу, поэтому если ограничиться только наблюдением за тем, на что и как ориентируется субъект деятельности, нельзя установить все содержание процесса ориентировочной деятельности, и, следовательно, объективное изучение психики таким путем будет крайне несовершенным. Основным методом исследования психики как ориентировочной деятельности становится изучение ее формирования.

Для того чтобы процесс *формирования* ориентировочной деятельности стал процессом ее *познания,* т. е. общепсихологическим методом исследования, а не средством для решения педагогических задач, он дол-

[1] *Гальперин П.Я.* Введение в психологию.— М., 1976. С. 127.

[2] Там же. С. 147.

[3] Гальперин *П.Я.* Метод «срезов» и метод поэтапного формирования в детском мышлении // Вопр. психологии.— 1966.— № 4. С. 134.

454

жен быть управляемым. Поэтому в эксперименте подлежит организации вся система условий, которые обеспечивали бы формирование новых знаний и умений с заданными показателями. Она включает следующие моменты. Во-первых, составление схемы полной ориентировочной основы действия, т. е. достаточно полный набор условий, обеспечивающих правильное выполнение нового действия. Во-вторых, организация поэтапного выполнения действия сначала на материальных или материализованных предметах с постепенным переводом его во внутренний план через промежуточные этапы «громкой социализированной речи» и «внешней речи про себя». В-третьих, систематическая отработка на всех этапах желаемых свойств действия — его разумности, обобщенности, сознательности, меры овладения и др. Именно путь «извне внутрь» сначала как процесса во внешней среде, доступного контролю со стороны исследователя, а затем воспроизведение этого внешнего процесса через ряд определенных промежуточных форм — в

идеальном плане — в уме или в речи, в восприятии — позволяет установить структуру ориентировочной деятельности. Получаемый вместе с этим практический результат — сформированные знания, навыки, сложившиеся акты внимания, восприятия и др.— выступает в качестве способа проверки правильности исходных представлений о составе условий, необходимых для их формирования с желаемыми характеристиками, и средством анализа уже сложившихся форм психической деятельности.

Таким образом, технология планомерного формирования действия открывает путь к решению «проблемы собственно психологического механизма» психических явлений и проблемы строго причинного психологического их объяснения»[1] и как следствие — к их формированию. Последнее приобретает самостоятельную ценность в тех случаях, когда перед психологами стоят задачи прикладного характера в различных сферах социальной практики. Связь концепции П.Я. Гальперина с практикой заложена в самих основах его теории и соответствует методологическому принципу, о

[1] *Гальперин П.Я.* Методы обучения и умственное развитие ребенка. — М., 1985. С. 8.

455

котором писал С.Л. Рубинштейн: «Правильное решение вопроса о детерминации психических явлений — главная теоретическая предпосылка построения и развития психологической науки, связанной с практикой, с жизнью и способной служить ее активному изменению, ее совершенствованию»[1]. На основе теории планомерного формирования решаются задачи школьного обучения, а также обучения в системе высшего, профессионального, специального образования, в системе спортивной, военной подготовки и др. Метод формирующего эксперимента применительно к задачам обучения и воспитания углубленно разрабатывается также ВВ. Давыдовым[2] и другими психологами.

Б.Г. Ананьев (1907-1972)

В отличие от подхода, в центре которого стоит проблема деятельности, **Борис Герасимович Ананьев** (1907— 1972) защищал комплексный характер исследования в психологии, предусматривающий широкие междисциплинарные связи. Деятельность рассматривалась Б.Г. Ананьевым как одна из детерминант развития психики. Проблема интеграции знания была одной из ключевых в научной концепции Ананьева. При такой ориентации психологическое исследование связывается с рядом смежных наук — биологических, педагогических, медицинских, технических. Их взаимодействие необходимо как при решении теоретических, так и особенно практических задач. Так, инженерная психология рассматривается Ананьевым как пример создания новых психологических дисциплин на границах наук, развивающихся во встречных направлениях.

По оценке исследователей, Ананьев «развил лучшие традиции Бехтерева, руководствуясь марксистской методологией. За фактом преемственности научных школ Бехтерева и Ананьева просматриваются еще более отдаленные исторические связи с рефлек-

[1] *Рубинштейн С.А.* Принципы и пути развития психологии.— М., 1959. С. 184.

[2] *Давыдов В.В.* Проблемы развивающего обучения.— М, 1986.

456

торной теорией И.М. Сеченова, педагогической антропологией К.Д. Ушинского, антропологическим принципом Н.Г. Чернышевского, с материалистической традицией русского естествознания, просвещения и философии. Марксистское учение о сущности человека и ленинская теория отражения послужили фундаментом для построения концептуальной системы Б.Г.Ананьева»[1].

У истоков концепции Б.Г. Ананьева стоят его исследования по истории отечественной психологии[2]. Внимание к вопросам истории определялось пониманием той роли, которую имеют эти исследования для современной психологии. Чрезвычайно широк круг исследований Б.Г. Ананьева. Кроме истории психологии, он разрабатывал методологические и теоретические проблемы психологии; значительное место в его творчестве занимают труды по общей, педагогической, возрастной, индивидуальной психологии, психологии труда, искусства и др. Их общей методологической основой являются принцип отражения и принцип развития. Ананьеву принадлежат фундаментальные исследования по проблемам ощущений и восприятия[3]. Он рассматривал их как источник познания и психического развития в целом. Принцип развития в сочетании с антропологическим подходом реализовывался в генетических исследованиях.

Ананьев рассматривал онтогенетическое природное развитие человека как «последовательную смену стадий или фаз индивидуального развития... зачатие, рождение, созревание, зрелость, старение, старость составляют основные моменты целостности человеческого организма»[4]. История формирования и развития личности составляет жизненный путь человека. «Начало личности наступа-

[1] *Логинова Н.А.* Характерные черты концептуальной системы Б.Г. Ананьева // Психол. журнал. 1988.— № 1. С. 157.

[2] *Ананьев Б.Г.* Очерки истории русской психологии XVIII —XIX веков.— М., 1947.

[3] *Ананьев Б.Г.* Осязание в процессах познания и труда.— М., 1959; Его же: Вклад советской психологической науки в теорию ощущений // Психологическая наука в СССР. Т. 1.— М, 1959. С. 45 — 57 и др.

[4]Ананьев *Б.Г.* Человек как предмет познания // Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 1 — М., 1980. С. 65.

457

ет намного позже, чем начало индивида»[1] и «связано с образованием постоянного комплекса социальных связей, регулируемых нормами и правилами, освоением средств общения.., предметной деятельности... Подобно тому, как *начало индивида — долгий и многофазный процесс эмбриогенеза, так и начало личности — долгий многофазный процесс ранней социализации индивида,* наиболее интенсивно протекающий на втором-третьем годах жизни человека»[2]. Индивидуальное развитие рассматривалось как внутренне противоречивый процесс, зависящий от наследственности, среды, воспитания и собственной деятельности человека. «...Полифакторное обусловливание — общее правило для всех сложных психических явлений»[3]. Методами изучения онтогенетической эволюции человека были возрастные (поперечные) срезы и лонгитюдинальный метод. Изучение индивидуального развития человека составляет предмет онтопсихологии как синтетической дисциплины, объединяющей возрастную и дифференциальную психологию.

По оценке исследователей творчества Б. Г. Ананьева, несмотря на многообразие проблем, разрабатываемых им на протяжении всей жизни, проблему индивидуального развития человека с уверенностью можно назвать главной. Вообще проблема человека занимает основное место в творчестве Ананьева. Из этой комплексной проблемы применительно к психологии выделялись понятия индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности[4]. В каждом из этих образований выделялась совокупность свойств и их детерминанты. Однако включение в структуру личности не только собственно личностных свойств, но также индивидных и субъектных привело практически к беспредельному расширению рамок психологическо-

[1] *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания // Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 1.— М., 1980. С. 65.

[2] Там же. С. 69-70.

[3] Там же. С. 78.

[4] Проблема индивидуальности как объект интегрального междисциплинарного исследования разрабатывалась также в уральской школе В.С. Мерлина (1898— 1982). См. его Очерк интегрального исследования индивидуальности.— М., 1986.

458

го исследования личности, начиная от биохимических и кончая социальными аспектами. При таком подходе специфика собственно психологического аспекта отступает перед комплексностью, вопреки утверждению Ананьева, что «при современной дифференциации наук важное значение имеет определение предмета каждой из этих наук»[1].

В работе «Психология педагогической оценки» (1935) Б.Г. Ананьев впервые указал на важность общения как одной из детерминант, определяющих развитие психики человека, и в последующем разрабатывал различные аспекты психологии общения. Общение рассматривалось как один из видов человеческой деятельности вместе с предметной деятельностью и познанием[2] и как обязательный компонент всех других видов деятельности[3], прослеживалось влияние общения на поведение и личность человека, обсуждались проблемы качественного и количественного оптимума общения и последствия дефицита в общении для развития личности и др.

Разработка проблемы индивидуальных различий была также главной темой творчества **Бориса Михайловича Теплова** (1896— 1965), выдающегося ученого, основоположника советской дифференциальной психофизиологии. Он внес также большой вклад в исследование фундаментальных проблем общей психологии; методов исследования в психологии, в изучение восприятия, способностей, мышления, а также в историю психологии. В области психологии индивидуальных различий Теплов разрабатывал теоретические вопросы, касающиеся способностей и одаренности, а также отдельные ее виды: он исследовал музыкальные способности, умственные способности[4]. Предметом специальной разработки Б.М. Теплов сделал изучение психофизиологических основ индивидуальных различий, рассматривая такой подход в качестве объективного пути исследования проблемы психологической характеристики индивидуальных различий. Опираясь на

[1] *Ананьев Б.Г.* Избранные... Т. 1. С. 51.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Теплов Б.М.* Проблемы индивидуальных различий.— М., 1961.

459

учение И.П. Павлова о свойствах типов нервной системы, Теплов (с сотрудниками), среди которых выдающаяся роль принадлежит талантливому, рано ушедшему из жизни ученому **Владимиру Дмитриевичу Небылицыну** (1930— 1972), разработал методики экспериментального исследования нервной системы человека. Ему принадлежит заслуга в тщательном изучении основных свойств нервной системы в целях отыскания характеристик, по которым люди отличаются друг от друга. Существенно отметить, что при этом психофизиологические различия в отношении таких свойств, как сила — слабость, подвижность — инертность, рассматривались вне оценочного подхода типа «хороший — плохой», но как своеобразные возможности нервной системы, которые необходимо учитывать в процессе деятельности и которые проявляются в *индивидуальном стиле деятельности*[1].

Рассмотренные важнейшие направления в области развития общепсихологической теории в отечественной науке советского периода, несмотря на единство методологических основ, имеют достаточно существенные различия. Они касаются в том числе принципиальных проблем предмета и методов психологического исследования, бессознательного и др. Эти проблемы были темами специальных дискуссий, развернувшихся в советской психологии на Всесоюзном совещании по вопросам психологии в 1952 году[2], в журнале «Вопросы психологии»[3], а также на состоявшихся в 1959, 1963, 1968, 1971, 1977, 1983, 1989 гг. съездах Общества психологов СССР (создано в 1957 г.). Эти дискуссии и обсуждения явились важной формой развития теории психологии.

Становление психологической теории происходило вместе с развитием конкретных исследований, которые осуществлялись в русле различных теоретических концепций и в связи с практическими задачами, выдвигаемыми перед психологией обществом[4]. Так, в годы Великой Отечественной войны работа психологов была подчинена

[1] *Климов Е.А.* Индивидуальный стиль деятельности.— Казань, 1969.

[2] Изв. АПН РСФСР. Вып. 45.— М., 1953.

[3] Вопр. психологии.— 1971.— № 4, 5.

[4] *Смирнов А.А.* Развитие и состояние психологической науки в СССР.— М„ 1975.

460

оборонной тематике[1]. В связи с прогрессом техники, и в частности с созданием сложных автоматизированных систем управления, которые качественно меняли функции, выполняемые человеком в производственных процессах, развивается инженерная психология[2]. После перерыва в разработке проблем социальной психологии, начавшейся в 20-х гг., в 50 — 60 гг. возникли предпосылки для развития социальной психологии, активно развивающейся сегодня в СССР отрасли психологического знания[3]. Развитием и практической реализацией деятельностного подхода в психологии явились исследования в области специальной педагогики и психологии, начатые **Иваном Афанасьевичем Соколянским** (1889 — 1960)[4] и продолженные **Александром Ивановичем Мещеряковым** (1923 — 1974)[5].

Большие успехи в области детской и педагогической психологии связаны как с применением деятельностного подхода и конкретно с развитием идей Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца, Д.Б. Эльконина[6], так и вне этого подхода[7].

После распада СССР в конце 1991 г. начался драматический процесс переоценки и пересмотра принципиальных позиций советской психологии, и прежде всего ее методологических оснований, восходящих к

[1] *Зейгарник Б.В., Рубинштейн С.Я.* Психология в годы войны // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 14. Психология.— 1985.— № 2. Статья содержит большую библиографию.

[2] *Ломов Б.Ф.* Человек и техника.— М., 1963; Инженерная психология / Под ред. А.Н. Леонтьева и др.— М., 1964.

[3] В 1980 г. вышел первый учебник по социальной психологии *(Андреева Г.М.* Социальная психология.— М, 1980).

[4] Обучение и воспитание слепоглухонемых детей / Под ред. И.А. Соколянского, А.И. Мещерякова.— М., 1962.

[5] *Мещеряков А.И.* Слепоглухонемые дети.— М., 1974.

[6] *Божович ЛИ.* Личность и ее формирование в детском возрасте.— М., 1968; *Венгер Л.А.* Восприятие и обучение (дошкольный возраст).— М., 1969; Развитие познавательных способностей в процессе дошкольного воспитания / Под ред. Л.А. Венгера.— М., 1986; *Гальперин П.Я., Запорожец А.В., Карпова СН.* Актуальные проблемы возрастной психологии.— М., 1978; *Запорожец А.В.* Психическое развитие ребенка // Запорожец А.В. Избр. психологич. труды: В 2 т.— М., 1986; *Эльконин Д.Б.* Детская психология.— М., 1960; его же Психология игры.— М., 1978. и др.

[7] Возрастная и педагогическая психология / Под ред. А.В. Петровского.— М., 1979; *Мухина В.С.* Проблемы генезиса личности.— М., 1985. и др.

461

марксизму. Открыто встал вопрос о действительной роли учения Маркса в развитии психологической науки. Критике подвергся главный тезис советской психологии — положение о том, что марксизм является

единственной теоретической основой психологии. Следуя ему, психология советского периода оказалась изолированной от других философско-психологических течений, была неспособной воспринимать исходящую от них и часто справедливую критику. На смену догматическому курсу, который в условиях тоталитарного режима возводил все, что было сказано Марксом, а также В.И. Лениным, в ранг незыблемой истины, пришло новое представление о *плюрализме методологических ориентаций.* Становилось все более очевидным, что, по-видимому, нет одной единственной теории, на основе которой можно построить психологическую науку, что в решении принципиальных вопросов необходимо опираться на разнообразные философские воззрения. Наметилось преодоление схематизмов научного сознания и связанное с этим его расширение и развитие путем открытых свободных дискуссий с различными философско-социологическими направлениями. При этом продолжает сохранять свое значение для психологии ряд положений Маркса, прежде всего о деятельности как специфическом способе человеческой жизни. Признается, что не может быть отброшена теория отражения В.И. Ленина, хотя конкретно научное содержание отражения в психологии имеет своим источником изучение отражательной природы психического в работах отечественных и зарубежных психологов (И.М. Сеченов, В.М. Бехтерев, Н.Н. Ланге, Б.Г. Ананьев, П.К. Анохин, С.В. Кравков, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Б.Ф. Ломов, С.Д. Смирнов, Дж. Брунер, Ж. Пиаже и др.). Указанные сдвиги в области методологии психологического познания нашли отражение в периодической печати[1]. Большое место заняли материалы о процессах в науке и о судьбах отдельных ученых[2] в период с 1917 до 1990 гг.

[1] См., напр., Психология и марксизм (Круглый стол) // Психологич. журнал.— 1993.— № 1.

[2] Репрессированная наука / Под ред. М.Г. Ярошевского.— Л., 1991; то же, Вып. 11.— СПб., 1994; публикации в психологических журналах за 1990-2003 гг.

462

В новой исторической ситуации, сложившейся в России, со всей остротой встал вопрос об отношении к марксистски ориентированным теоретическим концепциям советского периода. На волне энтузиазма и в условиях идеологической свободы, в период, когда творцы научных теорий уже не могли вступить в диалог со своими критиками, началось наступление на советскую психологию. От тезиса о безусловном приоритете всего, что было создано в советский период, произошел крутой поворот, по существу, к отрицанию его значения. Особенно энергичным нападкам была подвергнута теория деятельности. Упреки относились к ее основополагающим положениям: о неразрывности связи сознания, психики с деятельностью, об общности их строения и в целом в о вторичности сознания, о его несвободе. Утверждалось пренебрежение в этой теории биологическими основами человеческой психики — в пользу представлений о ее обусловленности только социальными факторами. Высказывались мнения о необходимости отказаться от понятия отражения применительно к природе психики. Хотя скепсис и отчасти нигилизм по поводу отечественной психологии советского периода явились вполне оправданной реакцией, они все же не превратились в ее отрицание. И в обновленной России, и за рубежом достижения отечественной психологии советского периода продолжают пользоваться большим авторитетом. Труды А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, С.Л. Рубинштейна, А.А. Смирнова, М.М. Бахтина распространяются в США, в странах Европы, а также в Японии и др. Они вдохновляют многих психологов к исследованиям, развивающим их идеи[1]. По инициативе группы западных специалистов в связи прежде всего с работами А.Н. Леонтьева и его школы в 1986 г. в Западном Берлине был проведен I Международный конгресс по теории деятельности, в котором участвовали более 200 ученых из 22 стран Европы, Азии и Америки, работающие в области философии, социологии, культуроло-

[1] *Тутунджян О.М.* Труды Л.С. Выготского в Сев. Америке // Вопросы психологии.— 1983.— № 2; *Ван дер Веер Р.* Культурно-исторические исследования в западной психологии // Вопросы психологии.— 1986.— № 6. и др.

463

гии, педагогики, физиологии и др. На этом конгрессе было принято решение о создании особой организации, объединяющей ученых разных стран и различных дисциплин и изучающих проблемы человеческой деятельности. Эта организация была названа Международной постоянной конференцией по исследованию теории деятельности (ISCRAT — International Standing Conference for the Research on Activity Theory), которая начала издавать специальный журнал по теории деятельности. В 1990 г. в Финляндии (г. Лахти) состоялся II Международный конгресс по теории деятельности, посвященный проблемам социальных и индивидуальных преобразований. В этом конгрессе действовало около 500 ученых из 24 стран. В 1995 г. в Москве прошел III Международный конгресс по теории деятельности по теме «Теория деятельности и социальная практика». В его работе участвовало свыше 100 ученых — философов, психологов, социологов и других специалистов из 26 стран. В 1998 г. в Дании (Орхус) проходил IV конгресс Международного общества ISCRAT. В работе 107 его секций участвовали более 500 ученых из 37 стран. Основная тема определялась так: «Теория деятельности и культурно-исторический подход к социальной практике». Конгрессы свидетельствуют о жизненности современной теории деятельности, в разработке которой ученым нашей страны принадлежит ведущая роль. В настоящее время в России психологическая теория деятельности продолжает плодотворно развиваться!. В то же время признается, что деятельность «не может быть единственной парадигмой научного психологического знания, как не может претендовать на эту роль и любая другая категория или объяснительный принцип»[2]. Наметились тенденции изменения трактовок деятельности в связи с распространением деятельностного подхода на анализ источников и

механизмов творчества, проблем личности и др.

[1] См., напр., колл. монографию: Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е.Войскунского, А.Н.Ждан, О.К.Тихомирова.— М., 1999.

[2] *Смирнов С.Д.* Методологические уроки концепции А.Н. Леонтьева // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология.— 1993.— № 2.

464

Российскими психологами обсуждается вопрос о соотношении деятельностной концепции с культурно-исторической теорией *А.С.* Выготского. Многие специалисты склоняются к выводу о том, что «перспективы полидисциплинарной теории деятельности в значительной степени связаны с объединением ...собственно теории деятельности и культурно-исторической теории развития человека»!. Работа в этом направлении началась и должна быть продолжена в интересах развития обоих направлений.

В связи со 100-летними юбилеями Л.С. Выготского и Н.А. Бернштейна (1996), П.Я. Гальперина (2002), А.Р. Лурия (2002), А.Н. Леонтьева (2003), Д.Б. Эльконина (2004) в нашей стране проводились международные научные конференции. Этим датам посвящались специальные выпуски научных журналов (см., напр., ж. «Вопросы психологии», «Вестник МГУ. Серия 14. Психология», «Психологический журнал» и др.) В ходе всестороннего обсуждения было показано, что созданные ими теории представляют отнюдь не только исторический интерес. Они остаются живыми, развивающимися системами, научный и практический потенциал которых далеко не исчерпан. Конструктивные идеи, содержащиеся в их классических трудах, составляют *единую культурно-историческую психологию,* которая продолжает определять научные искания сегодня и имеет перспективное будущее.

Заметной особенностью современной отечественной психологии является тенденция выправить искажения, которые приобрело развитие психологической науки после революции 1917 г., выразившееся в нарушении преемственности в развитии отечественной науки и в ее изоляции от мировой. Переиздаются труды ученых, искусственно исключенных из научного общения. В сериях «Философско-психологическая библиотека», «Памятники психологической мысли», «Психологи отечества», а также отдельными изданиями выходят сочинения Г.И. Челпанова, Г.Г. Шпета, Л.М. Лопатина,

[1] *Давыдов В. В.* О перспективах теории деятельности // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология.— 1993.— № 2. С. 31. См. также *Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся. Гл. 2. 8.— М., 1994.

465

В.М. Бехтерева, А.Ф. Лазурского, В.В. Несмелова, В.В. Зеньковского, С.Л. Франка и др. Анализу их вклада в психологическую науку посвящаются диссертации, проводятся научные конференции. Устанавливаются широкие контакты с мировой наукой. С 1993 г. выходит журнал «Иностранная психология», в котором публикуются материалы зарубежных исследований. Выходят переводы классических и современных трудов зарубежных авторов. Уже издана большая часть произведений 3. Фрейда, К. Юнга, Э.Фромма, К. Хорни, А. Адлера, К.Леви-Строса, В.Франкла, Э.Кречмера и других классиков мировой психологии. Выходит серия «Библиотека зарубежной психологии». В сериях «Мыслители XX века», «Лики культуры» и др. представлены труды виднейших психологов. В серии «Психология. Классические труды» вышли книги Ж. Пиаже, Л. Леви-Брюля и др.

В области теории за последние годы не появилось больших новых направлений. Но работа продолжается. Исследования охватывают широкий круг психологических проблем: история и теория психологии[1], традиционные темы общей психологии — познавательные процессы, личность и др., психология развития[2], детская психология, социальная психология[3], психология труда, инженерная психология, эргономика, психология управления и др. Опубликован коллективный труд (ред. Б.С. Братусь) под названием «Начала христианской психологии» (1995). В книге производится попытка обоснования христиански ориентированной психологии, ее предмета, методов, основных понятий. Ее особенностью является направленность на поиски сближения науки и религии в целях одухотворения вопросов психологии человека, создания целостного знания о человеке. Развитие этих идей происходит в обстановке острых дискуссий, в основе которых лежит столкновение со сложившимися установками о несовместимости науки и религии.

[1] *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Вопросы теории и истории психологии.— М., 1984.

[2] *Обухова А.Ф.* Возрастная психология.— М., 1999.

[3] Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой и А.И. Дунцова.— М., 2002.

466

Другой особенностью психологии постсоветского периода является ее сближение с практикой. Новым является не сам этот акт — вся история отечественной науки свидетельствует о такой связи — а та широта, которую приобрело это движение и иная постановка вопроса о практической психологии. Из традиционной формы связи психологии с практикой, когда «отношения между ними определялись принципом внедрения»[1], т. е. практика была чем-то внешним по отношению к науке, по словам Л.С. Выготского, «выводом, приложением, вообще выходом за пределы науки, операцией занаучной, посленаучной, начинавшейся там, где научная операция считалась законченной»[2], психология должна перейти к собственной психологической практике. Такой переход реально происходит. Появилась самостоятельная психологическая служба от инженерно-психологической деятельности до психологического

консультирования. Поскольку существует разрыв академической психологии и новых психологических практик, встает вопрос о новой психотехнической теории[3].

Таковы новые направления исследований. В целом же методологи оценивают современное состояние психологии в России (а во многом — и в зарубежной науке) как кризисное, явившееся результатом ее построения по образцу (или идеалу) естественной науки. Признается, что психология нуждается в новых методах и новом типе мышления, который многие исследователи связывают с гуманитарным подходом. Однако наиболее перспективной признается тенденция, в основе которой находится не противопоставление естественно-научной и гуманитарной парадигм, а их взаимосвязь в едином научном психологическом познании[4].

[1] *Василюк Ф.Е.* От психологической практики к психотехнической теории // Моск. психотерапевтич. журнал.— 1992.— № 1. С. 18.

[2] *Выготский А.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 1.— М., 1982. С. 387.

[3] См. ссылку Василюк Ф.Е.

[4] Психология и новые идеалы научности: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии.— 1993.— № 5.

467

Большим событием в жизни психологов России явилось создание в 1995 г. Российского Психологического Общества при президиуме РАН (РПО). Одновременно стал выходить журнал «Психологическое обозрение» — орган РПО. Как записано в Уставе Общества, его основными целями являются «содействие развитию психологической науки, практике и образованию; привлечение ученых и специалистов в области психологии к решению актуальных научных и практических задач в интересах всего общества; консолидация сил и создание условий наиболее полной реализации творческого потенциала профессиональных психологов России; обеспечение профессиональной и социальной защиты психологов; содействие всестороннему культурному развитию России»[1]. 31 января — 2 февраля 1996 г. в Москве состоялась Первая Всероссийская конференция по психологии «Психология сегодня», организованная РПО.

В настоящее время российская психология стала востребованной наукой. Она представляет реальный интерес для различных видов современной социальной практики — для политики, экономики и права, медицины, военного дела, образования. Значительных масштабов достигла деятельность психологов-консультантов, групповой тренинг общения, психологическая служба в школе, имеющие дело с индивидуальными трудностями конкретного человека.

Контрольные вопросы

1. Как отразились изменения основ общественного устройства вследствие победы Октябрьской революции 1917 года на развитии психологической науки в России?
2. Как возникла и развивалась психотехника в СССР?
3. Каковы предмет, основные понятия, области практической деятельности и история развития педологии в СССР?

[1] Устав Российского Психологического Общества (РПО) // Психологич. журнал.— 1995.— № 3. С. 12.

468

4. Какие направления получила работа советских психологов в области теории и конкретных исследований в 20-х годах XX в.?
5. Как возникла и в каких формах развивалась идея применения марксизма в психологии?
6. Какие направления поведенческих направлений возникли в отечественной науке в 20-е годы XX в.?
7. Какова роль М.Я.Басова в разработке понятия деятельности?
8. Что такое постулат непосредственности? Кто ввел это понятие ?
9. В чем заключается общепсихологический статус исследований установки Д.Н.Узнадзе?
10. В чем состоит принципиальная новизна культурно-исторической концепции Л.С.Выготского?
11. В чем состоит преемственная связь между культурно-исторической концепцией Л.С.Выготского и теорией деятельности А.Н.Леонтьева?
12. Чем отличаются варианты теории деятельности С.Л.Рубинштейна и А.Н.Леонтьева?
13. Как связаны теория и практика в исследованиях П.Я.Гальперина по формированию умственных действий и понятий?
14. В чем заключается подход к проблеме индивидуальности в трудах Б.Г.Ананьева?
15. Какие положения теории И.П.Павлова получили развитие в дифференциальной психофизиологии Б.М.Теплова и В.Д.Небылицына?
16. В каких направлениях развивается современная отечественная психология?

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Избр. психологические труды. М., 1980.
2. *Бехтерев В.М.* Избр. труды по психологии личности: В 2 т. СПб., 1999.
3. *Выготский А.С.* Собр. соч.: В 6 т. 1982-1984.
4. *Гальперин П.Я.* Психология как объективная наука. М.—Воронеж, 1998.

469

5. *Зейгарник Б.В.* Патопсихология. М., 2000.
6. *Корнилов К.Н.* Естественно-научные предпосылки психологии. М.— Воронеж, 1999.

7. *Леонтьев А.Н.* Избр. соч.: В 2 т. М., 1983.
8. *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М., 1982.
9. Психологическая наука в России XX столетия. Проблемы теории и истории. М., 1997.
10. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1946.
470

Раздел VIII. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВАЖНЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

471

В конце 50-х — начале 60-х гг. большие направления, возникшие в период открытого кризиса и претерпевшие в последующем существенные преобразования — необихевиоризм, неофрейдизм, гештальтпсихология — начинают терять популярность. Однако их влияние сохраняется, что было показано в соответствующих главах, посвященных бихевиоризму, психоанализу и др. В то же время их внутренняя противоречивость, трудности, с которыми встретились эти подходы в объяснении поведения и личности потребовали пересмотра самих исходных позиций, прежде всего бихевиористического подхода как возможности объективной психологии. Отношение к бихевиоризму встало в центр потому, что затрагивало самый существенный вопрос — судьбу психологии как науки о психических внутренних процессах. В ответ на эти объективные тенденции в развитии психологической науки во второй половине XX в. возникают новые продуктивные направления в области экспериментальных исследований и теории. Это исследования познавательной деятельности средствами ее моделирования, когнитивная психология, гуманистическая психология, логотерапия В. Франкла, исследования человеческого сознания в рамках наук о мозге — нейрофизиологии, нейроморфологии, нейропсихологии. Широкое распространение получила психогенетика человека. Развиваются межкультурные исследования.

Наиболее широким, выражающим дух современной психологии течением является ***когнитивная психология.*** Она возникла в середине 60-х гг. в США и была направлена против бихевиористического исключения психического компонента из анализа поведения, игнорирования познавательных процессов и познавательного развития, против упрощенного подхода бихевио-
473

У. Найссер (р. 1928 г.) Один из основателей когнитивной психологии

ристов к обучению человека, который не мог служить основой для совершенствования учебного процесса.

Когнитивная психология выросла из исследований необихевиористов, прежде всего Э. Толмена, и субъективного бихевиоризма Д. Миллера, Ю. Галантера и К. Прибрама, указавших на необходимость включения когнитивных (а также мотивационных) компонентов в структуру поведения. Она развивала подход, основанный на представлении о человеческом организме как системе, занятой активными поисками сведений и переработкой информации, т. е. на представлении о том, что люди оказывают на информацию разного рода воздействия: перекодируют в другую форму, отбирают определенную информацию для дальнейшей переработки или исключают некоторую информацию из системы. У истоков когнитивной психологии стоят Дж. Брунер, Г. Саймон, П. Линдсей, Д. Норман, Дж.Р. Андерсон, Л. Фестингер, Ф. Хайдер; ведущими представителями являются У. Найссер, Д. Бродбент, А. Пайвио и многие другие. Это направление представлено рядом вариантов. Наибольшее распространение получил вычислительный вариант (Дж. Фодор, Д. Деннит и др.), в котором познавательные процессы трактуются крайне механистически, психика выступает в виде устройства с фиксированной способностью к преобразованию сигналов. У. Найссер отстаивает другой, более умеренный вариант, подчеркивает роль внутренних когнитивных схем и активности познающего организма в процессе познания.

Эта психология возникла под определяющим влиянием информационного подхода. Описываемые в теории переработки информации операции, выполняемые электронно-вычислительной машиной,— получение информации, манипуляции символами, сохранение в «памяти» элементов информации, извлечение их из «памяти» и т. д. побуждали предположить по аналогии с компьютером, что познавательные процессы реальны, «что их можно исследовать и даже, может быть,
474

понять»[1]. Это признание не означало возвращения к традиционной интроспективной психологии сознания. Была сформулирована «компьютерная метафора»: познавательные процессы стали трактоваться по аналогии с процессами переработки информации в сложном вычислительном устройстве. Введение в основы психологии компьютерной аналогии получило название «первой когнитивной революции»[2].

Новые методы исключали необходимость интроспекции. Большинство из них основываются на точной регистрации времени ответа на сигналы для определения уровневой организации психических процессов в задачах различного рода. Хронометрические методики восходят к методике измерения времени реакций обнаружения, различения и выбора, впервые разработанной голландским физиологом Ф.К. Дондерсом[3]. Наряду с лабораторными исследованиями, обладающими вследствие игнорирования в них конкретных аспектов обычных ситуаций, недостаточной экологической валидностью, прилагаются усилия для исследования познавательной активности в реальных жизненных обстоятельствах, в частности, изучается обыденное мышление и его развитие, восприятие в повседневной жизни и др.

На формирование когнитивной психологии непосредственно оказали влияние также гештальтпсихология, работы Ф. Бартлетта по памяти и мышлению, теория порождающих грамматик Н. Хомского, генетическая психология Ж. Пиаже, работы по восприятию Джеймса Гибсона и Элеоноры Гибсон.

Основную область исследований в когнитивной психологии составляют познавательные процессы — память, психологические аспекты языка и речи, восприятие, решение задач, мышление, внимание, воображение и когнитивное развитие. Когнитивный подход распространился также на исследование эмоциональной и мотивационной сфер личности, а также социальную психологию.

В когнитивной психологии все формы человеческого познания рассматриваются по аналогии с опера-

[1] *Найссер* У. Познание и реальность.— М, 1981. С. 27.

[2] *Харре Р.* Вторая когнитивная революция // Психологич. журнал.— 1996. — № 2.

[3] См. настоящее издание, р. IV, с. 226.

475

циями ЭВМ как последовательные блоки сбора и переработки информации, фазы или аспекты процесса информационного взаимодействия со средой. Был сделан вывод об уровневой организации познавательной активности по переработке, хранению и использованию информации, включающей ряд блоков. Память, перцептивные процессы, внимание, мышление и его вербальные и невербальные компоненты представлены множеством структурных моделей. Выявлены свойства, присущие познавательной активности: избирательность (определяется опытом познающего субъекта), определяемость средой (предметами физического мира и социальным опытом, культурой); неполнота познавательных схем, их постоянная корректировка в процессе столкновения с действительностью. Однако в целом в когнитивной психологии не создано единой теории для объяснения познавательных процессов, основные постулаты, лежащие в основе большинства современных работ, по оценке Найссера, «удивительно мало отличаются от постулатов интроспективной психологии XIX в., несмотря на отказ от интроспекции как таковой» [1]. Найссер отмечает недостаточную экологическую валидность когнитивной психологии, безразличие к вопросам культуры, отсутствие среди изучаемых феноменов главных характеристик восприятия и памяти как они проявляются в повседневной жизни. Критике подвергается редукционизм когнитивной психологии. Игнорируя проблему субъекта, когнитивная психология вынуждена наряду с когнитивными процессами допустить особое начало, гипотетического участника, носителя когнитивных процессов. Стратегии, допускающие такие подсистемы, известны под названием гомункулюса[2]. Методологические трудности и противоречия когнитивной психологии, и прежде всего неудовлетворенность трактовкой познания как формального пассивного процесса, явились причиной появления новой исследовательской программы. Ее основу составляет направленность на изучение использования активными субъектами в решении различных задач

[1] *Найссер У.* Познание... С. 29.

[2] *Марголис Дж.* Трудности теорий гомункулюса // Философ. науки.— 1983.— № 6.

476

символических систем, среди которых центральное место отводится языку. Такой поворот в развитии исследований получил название второй когнитивной революции[1]. В настоящее время когнитивная психология представляет собой перспективное развивающееся направление, число приверженцев которой растет.

В 60-е гг. в связи с исследованиями мозга оживляется интерес к проблеме сознания и его роли в поведении. В нейрофизиологии лауреат Нобелевской премии Р. Спэрри рассматривает сознание как активную силу. «Типам контроля, осуществляющимся в мозге на физико-химическом и физиологическом уровнях, предшествуют новые формы причинной детерминации, возникающей на уровне осознаваемых психических процессов, где детерминирующие свойства включают содержание субъективного опыта. Таким образом, каузальный контроль как бы поднимается с уровней физической и физиологической детерминации на уровни детерминации психической, когнитивной, сознательной или субъективной[2]. После первых операций по расщеплению мозга возрастает интерес к проблеме функциональной асимметрии полушарий головного мозга человека (отметим, что еще в XIX веке обратили внимание на различные функциональные последствия в случаях повреждений левой и правой половин мозга). При этом была осознана недостаточность чисто морфологических данных и необходимость их дополнения, в том числе

психологическим анализом. В книге С. Спрингер и Г. Дейча «Левый мозг, правый мозг. Асимметрия мозга» (1983) дается сводка результатов исследований, посвященных проблеме межполушарной асимметрии[3].

Данные свидетельствуют о том, что оба полушария вносят важный вклад в организацию поведения, однако каждое полушарие выполняет определенные специализированные функции. Левому полушарию приписываются логический анализ, словесные способы познания, причем входные сигналы обрабатываются

[1] *Харре Р.* Цит. соч.

[2] Цит. по: *Грининг Т.* История и задачи гуманистической психологии // Вопр. психологии. — 1988. — № 4. С. 164.

[3] См. также: *Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л.* Мозг, разум, поведение.— М., 1988. С. 173-196.

477

последовательным образом, правому — образная синтетическая манера. Правое полушарие отвечает за определенные навыки в обращении с пространственными сигналами, за музыкальные способности и обрабатывает информацию одномоментно и целостным способом. Некоторые исследователи пришли к выводу о том, что, по-видимому, бессознательное Фрейда является функцией правого полушария. Исследуются профессиональные различия в использовании полушарий и особенности психических процессов у представителей различных культур. Эти исследования, однако, пока не дали каких-либо однозначных результатов. Изучается проблема развития асимметрии в процессе онтогенеза. Некоторые авторы утверждают, что в условиях западной цивилизации с упором в образовании, главным образом, на приобретение вербальных навыков и развитие аналитической мысли обеспечивается развитие способностей, главным образом, левого полушария, в результате другая половина мозга практически игнорируется, что приводит к обеднению картины мира в сознании современных людей западной цивилизации. На основании полученных данных строятся гипотезы, направленные на объяснение причин, обусловивших асимметрию, и понимание значения для поведения объединения результатов действий асимметричных компонентов двух полушарий. Необходимо отметить, что зарубежные авторы используют результаты исследований советских психологов, прежде всего А.Р. Лурия.

Наряду со строго научными фактами и исследованиями в этой области много ничем не доказанных утверждений, подобных выводу о якобы разных типах мышления людей западных цивилизаций и стран Востока. Спрингер и Дейч называют подобное «дихотоманией».

Другим крупным направлением, которое так же, как и когнитивная психология, возникло как антитеза бихевиоризму и психоанализу, является ***гуманистическая психология.*** Ее основание как самостоятельного направления относится к началу 60-х гг. В 1961 г. был основан «Журнал гуманистической психологии» и создана Ассоциация за гуманистическую психологию. В 1964 г. состоялась конференция, положившая начало гуманистической психологии. Лидирующими фигурами выступают Г. Оллпорт, Г.А. Мюррей, Г. Мэрфи,

478

Ш. Бюлер, К. Роджерс, А. Маслоу, Р. Мэй. Непосредственными предпосылками явились исследования по психологии личности конца 30-х гг. (Г. Оллпорт, Г. Мюррей), а также исследования, развернувшиеся после Второй мировой войны, Г. Мэрфи и психология личностных конструкторов Г. Келли, получившая, однако, наибольшее влияние в контексте когнитивной революции в психологии. Возникновение гуманистической психологии как третьей силы совпало с появлением контркультуры и хиппи как общественного явления 60-х гг. Контркультура резонирует с гуманистической психологией в акценте на осуществление индивида как центральной ценности, в утверждении ценности самораскрытия в соответствии с лозунгом «давайте жить неформально», в ударении на «здесь и теперь», в утверждении бесполезности прошлого и будущего. Провозглашалась иррациональность как пренебрежение к науке и рациональному решению проблем в пользу интуиции, эмпатии и др. Из философских влияний, которые испытала гуманистическая психология, следует указать прежде всего на экзистенциализм[1]. Особая роль в усвоении европейской философии экзистенциализма принадлежит **Ролло Мэю,** который познакомил американских психологов с идеями Кьеркегора, Хайдеггера. Мэй в 30-е гг. в Европе изучал индивидуальную психологию Адлера. Его книга «Смысл тревоги» (The Meaning of Anxiety) представляет психологическую интерпретацию экзистенциалистического учения о тревоге/Тревога представляет угрозу сущностной для личности ценности, порождается социальными противоречиями.

Основатели гуманистической психологии имели целью исправить перекосы бихевиоризма и психоанализа[2] в трактовке человека и выбрать более верную — жизненную — психологию, т. е. более полезную для жизни. Утверждалось в качестве предмета исследования понимание здоровой творческой личности — зада-

[1] Грининг Т., главный редактор «Журнала гуманистической психологии», называет экзистенциализм составной частью гуманистической психологии (Вопросы психологии.— 1988.— № 4. С. 163).

[2] Анализ этих направлений с позиций гуманистической психологии дает Т. Грининг в указанном журнале.

479

К. Роджерс (1902-1987). Разработал модель недирективной клиент-центрированной психотерапии

ча, которую не ставила никакая другая школа. Целью такой личности является не потребность в гомеостазе, как считают сторонники психанализа, а *самоосуществление, самоисполнение* (Ш. Бюлер), *самоактуализация* (К. Гольдштейн, А. Маслоу). Как *третья ветвь психологии,* гуманистическая психология обращается в первую очередь к тем способностям, которые отсутствовали или не присутствовали систематически как в бихевиористской, так и в классической психоаналитической теории: любовь, творчество, самость, рост, удовлетворение базисных потребностей, самоактуализация, высшие ценности, бытие, становление, спонтанность, игра, юмор, аффективность, смысл, честность, психологическое здоровье и близкие им понятия. В дальнейшем в центре становятся вопросы не теоретического характера, а больше практического применения, прежде всего, в рамках психотерапии, а также проблем образования. Именно благодаря такой практической направленности эта психология приобретает влияние и получает широкое распространение. Большая заслуга в таком направлении развития гуманистической психологии принадлежит **Карлу Роджерсу** (1902-1987). К.Роджерс разработал теорию *полноценно функционирующей творческой личности* и соответствующую ей *личностно-ориентированную психотерапию,* известную под названием «клиент-центрированной терапии».

Развернувшееся в дальнейшем широкое движение групповой терапии как интенсивного группового общения в рамках психотерапии и психологической службы для здоровых людей основывалось уже не столько на теории гуманистической психологии, сколько использовало различные теоретические подходы[1].

[1] *Рудестам К.* Групповая психотерапия.— М., 1990.

480

Гуманистическая психология, особенно в вариантах лучших своих представителей, привлекает своей направленностью на конкретную целостную личность с ее реальными проблемами, руссоистской верой в доброту и собственные силы человека, учетом реальности чувств, ценностей, интенций личности, подчеркиванием уникальности личности. Положительное значение имеет сложившийся в гуманистической психологии опыт единства теории и практики, при котором психотерапия выполняет огромную роль в обеспечении базиса для теоретических построений. Важно также, что эта психология оказывает реальную помощь человеку, страдающему от отчуждения, свойственного жизни людей в условиях буржуазной культуры. Вместе с тем, используемые ею методы часто контрастируют с принятыми в науке формами исследования и объяснения; тщательное клиническое обследование (А. Маслоу, Г. Оллпорт), наблюдение и искусство интерпретации внутреннего мира другого человека, биографический метод (Ш. Бюлер) противопоставляются экспериментальному методу, статистическим процедурам, принятым в научной психологии.

«Гуманистическая мысль оказала значительное воздействие на развитие психотерапии и теории личности, повлияла на организацию управления и образования, систему консультирования. Гуманистические психологи расширили предметную сферу психологии, включив в нее отношения личности и понимание контекста ее поступка; следовательно, гуманистическая психология может быть определена как научное исследование поведения, переживания и интенциональности»[1]. Ее дальнейшие перспективы в значительной степени будут определяться тем, насколько ей «удастся решить проблему метода»[2].

Сложившаяся к настоящему времени ситуация напоминает выдвинутое в конце XIX в. В. Дильтеем положение о двух психологиях и проводимое им различие между объяснением и пониманием. По мнению К. Роджерса, наличие разных путей познания (а он различает три способа познания — субъективный, объективный бихевиористского

[1] *Крипнер К., Нарвало Р.* Проблема метода в гуманистической психологии // Психологич. журнал.— 1993.— № 2. С. 124-125.

[2] Там же. С. 125.

481

типа и межличностный, или феноменологический) отражает специфику психологии, а их сочетание способствует возникновению действительно научного подхода к поведению.

В 60-е г. получает известность *трансактный анализ (ТА)* как психотерапевтический метод и направление в

психологии. Ее автором является американский психотерапевт **Эрик Берн** (1910— 1970). В книгах «Трансактный анализ в психотерапии» (1961), «Структура и динамика организаций и групп» (1963), «Игры, в которые играют люди» (1964), «Групповая психотерапия» (1966), «Что ты говоришь после того, как поздоровался? » (1972), изложил принципы ТА и основанный на них клинический опыт. Согласно Берну, в каждом человеке выделяются три типа эго-состояний: родительское (Р), взрослое (В), детское (Д). Каждому состоянию соответствуют определенные чувства, установки и поведение. Эти структуры складываются в процессе жизни и в совокупности составляют планы поведения — *скрипты* (сценарии) . Межличностные отношения (трансакции) осуществляются гармонично в том случае, когда трансактная реакция соответствует трансактному стимулу.

Одним из влиятельных направлений современной зарубежной психологии является *логотерапия* австрийского психолога **Виктора Франкла** (1905 — 1997). В. Франкл является основателем *«Третьей Венской школы психотерапии»* (первая — психоанализ 3. Фрейда, вторая — индивидуальная психология А. Адлера). Логотерапия отличается от психоанализа и индивидуальной психологии в трактовке базисных мотивов человеческого поведения. «Согласно логотерапии, борьба за смысл жизни является основной движущей силой человека. Поэтому я говорю о «стремлении к смыслу» в противовес принципу удовольствия (иначе «стремлению к удовольствию»), на котором сконцентрирован фрейдовский психоанализ, а также в противовес «стремлению к власти, выделяемому адлеровской психологией»[1].

[1] *Франкл В.* Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности. Тексты.— М, 1982. Здесь Франкл дает меткую критику слабых сторон психоанализа, гуманистической психологии и других психологических концепций личности.

482

В. Франкл — представитель того поколения, которое дало науке много ярких имен. Он учился у Фрейда и Адлера, беседовал с М. Хайдеггером, был лично знаком с К. Лоренцом. Его личная судьба переплелась с наиболее трагичными событиями, связанными с разгулом фашизма, а то, как он пережил все, что выпало на его долю, вызывает глубокое уважение. Три года, проведенные в гитлеровских лагерях смерти Освенциме, Дахау и Терезиенштадте, не сломили его духа. Именно здесь он укрепился в мысли о том, что не от условий, а прежде всего от самого человека зависит, как он будет себя вести.

По Франклу, для человека необходимо обнаружить смысл — *логос* — своего существования, ибо именно поиск смысла является признаком подлинно человеческого бытия. Отсутствие или потеря смысла создает *экзистенциальный вакуум:* человек теряет содержание своего существования, он испытывает скуку, предается пороку или испытывает тяжелые переживания, подобные кризису пожилых людей. Источником экзистенциального вакуума, согласно Франклу, является современный социальный мир, критика которого во многом созвучна размышлениям Э. Фромма.

Смысл имеет конкретное содержание, он индивидуален и составляет сущность существования применительно к каждому человеку. «Постановку вопроса о смысле жизни, когда он задан вообще, можно сравнить с вопросом, поставленным перед чемпионом по шахматам: «Скажите, учитель, какой самый хороший ход в мире?» Просто не существует такой вещи, как наилучший или просто хороший ход в отрыве от конкретной игровой ситуации, в отрыве от конкретной личности противника. То же самое справедливо и в отношении человеческого существования. Мы не должны искать абстрактного смысла жизни»[1]. Обретение смысла делает человека ответственным за свою жизнь.

В то же время смысл нельзя найти внутри себя — в своем теле или в душе, но только обращаясь к окружающему миру. Человеческое существование поэтому не есть самоактуализация, как считает Маслоу, но есть *самотрансценденция,* т. е. выход в другое, в отличие от

[1] *Франкл В.* Поиск... С. 123.

483

соматических и психических детерминант существования, духовное его измерение, которое и есть смысл. Смысл достигается, во-первых, путем совершения деятельности: жизнь человека — это творчество в широком смысле этого слова, как выполнение каких-то задач, работа, какое-то дело, может быть, подвиг. Во-вторых, человек находит смысл в заботе о других людях, в любви к людям. Чем больше человек забывает себя, тем больше он становится человеком, самим собой. В-третьих, человек обретает смысл путем выработки четких позиций в отношении к различным жизненным ситуациям. Например, В. Франкл вспоминает: «...когда меня забрали в концентрационный лагерь Освенцима, моя рукопись, уже готовая к публикации, была конфискована. Конечно же, только глубокое стремление написать эту рукопись заново помогла мне выдержать зверства лагерной жизни. Например, когда я заболел тифом, то, лежа на нарах, я записывал на маленьких листочках много разных заметок, важных при переделке рукописи, как будто я уже дожил до освобождения. Я уверен, что эта переработка потерянной рукописи в темных бараках концентрационного лагеря Баварии помогла мне преодолеть опасный коллапс»[1].

В соответствии с этими представлениями Франкл разработал психотерапию — *логотерапию,* отличающуюся от других форм психотерапии. «Логотерапия считает своей задачей помочь пациенту в поиске смысла своей жизни. В той мере, в которой логотерапия позволяет ему обрести скрытый смысл своего существования, она является аналитическим процессом. В этом отношении логотерапия сходна с психоанализом. Однако в своей попытке сделать нечто осознанным логотерапия не ограничивается задачей сделать явным для сознания бессознательные явления. Логотерапия расходится с психоанализом в том, что

она рассматривает человека как такое существо, чья основная миссия состоит в реализации смысла и в актуализации ценностей, а не в простом удовлетворении влечений и инстинктов»[2].

[1] *Франкл В*- Поиск... С. 121.

[2] Там же. С. 121.

484

Логотерапия применяется не только к больным людям, но и за пределами клиники к здоровым людям как профилактическое средство. Она адресуется к любому человеку, чтобы убедить его в том, что в любой ситуации жизнь имеет смысл, и помочь ему мобилизовать свои ресурсы, уберечь его от отчаяния, помочь найти в себе силы, чтобы сопротивляться опасным импульсам к самоубийству, алкоголизму, наркомании и др., которые не могут быть решением жизненных проблем. Логотерапия имеет свои процедуры — логотерапевтические техники, а также методики, направленные на диагностику экзистенциального вакуума.

Значительность проблем, составляющих теорию и практику логотерапии В. Франкла, его обращение к сознанию человека в целях обретения смысла жизни, борьба за который является основной движущей силой человека, подчеркивание духовной природы смысла человеческой жизни, гуманизм в понимании человека, в отношении к каждому человеку как уникальному в своей неповторимости в противоположность многочисленным распространенным в зарубежной психологии механистическим и биологизаторским взглядам на человеческую душу и соответствующим психотерапевтическим техникам определяет особое место этого направления в современной зарубежной психологической науке. Включение этих проблем в психологию важно и пока редко. В отечественной психологии, пожалуй, только С.Л. Рубинштейн в своей работе «Человек и мир» обращается к вопросам специфики человеческого способа существования.

В 60-е гг. в зарубежной психологии широко развернулись исследования по *психогенетике* человека. В центре находится вопрос о соотношении генетических факторов и условий внешней среды в формировании психики человека. Психогенетика опирается на достижения генетики, а также другие смежные области знания, обобщая результаты исследований по этологии, биологии, наук о культуре. Психогенетика обнаруживает тесную связь с социобиологией, направлением в западной науке, возникшем в 70-х гг., в котором разрабатываются вопросы филогенетических предпосылок психики и поведения человека (Ч. Ламсден, Э.Уилсон).

485

Наиболее разработанной областью психогенетики является интеллект, хотя исследуются также восприятие, психомоторика, способности (генеалогическим методом, путем установления корреляций между родителями и детьми), темперамент и личность с целью выявления генетической обусловленности их составляющих. С целью исследования наследственного фактора оценивается интеллектуальный уровень у родственников. Наиболее популярны тестовые исследования близнецов, обогащенные новым методическим приемом: методом сравнения однояйцовых и двуяйцовых близнецов и др. На основе полученных результатов делаются выводы, к которым в общем виде пришел еще в 1869 г. Ф. Гальтон, первый исследователь вопроса о роли наследственности и среды в формировании таланта. Это выводы о преимущественной детерминации интеллекта генетическими факторами, хотя, как указывает X. фон Браккен, при этом обнаружено и значительное влияние внешней среды — обучения в школе, условий в семье, физического здоровья и др. Так, по мнению американского психолога А. Дженсена, интеллект обусловлен генетически и на 80% является врожденным. При этом под интеллектом понимается некоторая единая характеристика, не изменяющаяся в течение всей жизни и лишь в малой степени (на 20%) подвергающаяся влиянию внешней среды. Дженсен утверждает о существовании «генов интеллекта», о «врожденных нервных структурах мозга», специфизических для интеллекта, которые передаются по наследству. Этот вывод приобретает реакционный политический смысл и становится научной базой расизма. Приведенные выше используемые Дженсеном понятия не имеют никаких оснований в генетике. В генетике, как утверждает Н.П. Дубинин, «не удалось выявить специфический компонент в виде «генов интеллектуальности», которые прямо детерминировали бы умственные способности, передаваемые по наследству»[1]. Они являются результатом крайне биологизаторской позиции в трактовке психических функций человека, препятствующей их действительно научному пониманию.

[1] *Дубинин Н.П.* Что такое человек?— М., 1983. С. 220.

486

Основой безосновательных в научном отношении и реакционных в политическом смысле выводов, подобных тем, к которым пришел Дженсен, является недостаточное развитие как генетики, на которую опирается психогенетика, так и разделов психологии, связанных с проблемой интеллекта и методами его изучения. В этих условиях необходима особенная осторожность в интерпретации и использовании соответствующих понятий и фактов. Фактический материал, накопленный как советской, так и зарубежной наукой — биологией, генетикой, психологией, позволяет постепенно раскрывать биологические предпосылки сознательной деятельности человека в виде генетической программы — генофонда, который обеспечивает универсальную готовность новорожденного к вхождению в общественно-практическую деятельность. Дальнейшее развитие психогенетики будет способствовать как углублению естественно-научных основ учения о природе индивидуальных психологических особенностей человека, разрешению фундаментальной проблемы соотношения биологического и социального в человеке, так и научно

обоснованной постановке самих исследовательских задач. Так, руководствуясь фактами генетики, по-видимому, неправомерно искать генетических задатков, например, гениальности и доказывать наследуемость интеллекта, искать гены альтруизма или гуманизма, так же, как исследовать генетические различия рас по уровню интеллекта, просто потому, что таковые не существуют.

Проблема психического развития — в онтогенезе и качественном изменении сознания в ходе исторического развития — традиционная тема в психологии с момента ее выделения в самостоятельную науку. Выдающийся вклад в исследование проблемы психического развития внес **Жан Пиаже** (1896— 1980). Его учение о развитии познавательной деятельности ребенка — восприятия и мышления — справедливо оценивается как «одно из самых значительных, если не самое значительное явление современной зарубежной психологии»[1]. Это учение вылилось в создание *Же-*

[1] Послесловие к кн.: *Флейвелл Дж.* Генетическая психология Жана Пиаже.— М., 1967. С. 596.

487

Ж. Пиаже (1896-1980). Основатель швейцарской школы генетической психологии

невской школы генетической психологии, которая разработала проблему происхождения интеллекта и умственного развития ребенка.

С целью изучения этого процесса Пиаже разработал новый метод психологического исследования — *метод клинической беседы.* Он создал особый тип задач, которые вызывают характерные ответы детей, а эти ответы обнаруживают явление, раскрывающее центральные отличительные особенности мышления дошкольника. Все это так закономерно и значительно, что в признание заслуг Ж. Пиаже мы предлагаем называть эти задачи «задачами Пиаже», получаемые характерные ответы — «ответами по Пиаже», а выступающие в них явления — «феноменами Пиаже». Полученные экспериментальные результаты и факты наблюдений представили общую картину развития детского мышления. Пиаже рассматривает развитие познавательной деятельности ребенка в контексте общих законов развития органической жизни. Познание рассматривается как важнейшее проявление жизни, взаимодействие организма со средой, направленное на приспособление — адаптацию — к среде. Адаптация состоит из равновесия процессов ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция — это процесс включения нового объекта, новой проблемной ситуации в уже существующие у него схемы действия. Аккомодация — это изменение таких схем в соответствии с требованиями, предъявляемыми новыми задачами. Единство этих процессов приводит к установлению равновесия между ними и в отношениях организма со средой, нарушение которого каждый раз в силу биологического закона стремления системы к равновесию — вызывает тенденцию к восстановлению равновесия. Критикуя теории мышления, в частности необихевиористс-

488

кую, за то, что они «пренебрегают внутренними регуляциями в пользу только приобретенных ассоциаций», Пиаже подчеркивает, что объект воздействует не сам по себе: у субъекта существуют умственные структуры, которые вместе с действиями субъекта и последующей интериоризацией действий в интеллектуальные операции являются важным условием интеллектуального развития. Интеллектуальное развитие рассматривалось как ряд качественных стадий, понимание которых менялось в ходе развития концепции. В 20-х гг. Ж. Пиаже рассматривал развитие как переход от аутистического — к эгоцентрическому — и от него к социализированному мышлению. Центральным моментом в этот период явилось описание эгоцентризма детской мысли. Выделение феномена эгоцентризма как особой умственной позиции ребенка, его теоретический и экспериментальный анализ явились крупным достижением Пиаже, которое получило мировое признание. По оценке Л.С. Выготского, «исследования Ж. Пиаже составили целую главу в развитии учения о речи и мышлении ребенка, о его логике и мировоззрении. Они отмечены историческим значением».[1] По проблеме эгоцентризма в целом, и в частности по вопросу об эгоцентризме речи с Ж. Пиаже полемизировал Л.С. Выготский. Материалы этой полемики стали известны Пиаже после смерти Выготского. В 1962 г. он дал на них ретроспективный ответ[2]. В последующем интеллектуальное развитие рассматривалось как смена господствующих умственных структур. Пиаже выделял три фундаментальные структуры интеллекта: сенсомоторные координации, конкретные и формальные операции. В обобщенном виде классификация стадий развития интеллекта Ж. Пиаже выглядит следующим образом (см. табл. 2)[3].

[1] Жан Пиаже. Теория. Эксперименты. Дискуссии. М., 2001. С. 23.
[2] Там же. С. 89, 94.
[3] Классификация приводится по книге: *Обухова Л.Ф.* Возрастная психология: Учебное пособие.— М.: Педагогическое общество России, 1999. С. 207-208.
489

Таблица 2 **Классификация стадий развития интеллекта**

Период	Полупериод	Стадии	Возраст
Г. Сенсомоторный интеллект	А. Центрация на собственном теле	1. Упражнение рефлексов. 2. Первые навыки и первые круговые реакции. 3. Координация зрения и хватания. Вторичные круговые реакции.	0-1 мес. 1-4.5 мес. 4,5-8-9 мес.
	В. Объективация практического интеллекта	4. Дифференциация средства и цели. Начало практического интеллекта. 5. Дифференциация схем действия благодаря третичным круговым реакциям. Появление новых средств. 6. Начало интериоризации схем и решение некоторых проблем путем дедукции	8-9-11-12 мес. 11-12-18 мес. 18-24 мес.
II. Репрезентативный интеллект и конкретные операции	А. Пред-операторный интеллект	1. Появление символической функции. Начало интериоризации схем действия. 2. Интуитивное мышление, опирающееся на восприятие. 3. Интуитивное мышление, опирающееся на более расчлененные представления.	2-4 года 4-6 лет 6-8 лет
	В. Конкретные операции	4. Простые операции (классификация, сериация, взаимно-однозначное соответствие). 5. Система операций (система координат, проективные понятия)	8-10 лет 9-12 лет
III. Репрезентативный интеллект и формальные операции	А. Становление формальных операций	1. Гипотетико-дедуктивная логика и комбинаторика.	12-14 лет
	В. Достижение формальных операций	2. Структура «решетки» и группа четырех трансформаций (INRC)	от 13-14 лет

I — прямая операция
N — обратная операция
R — операция реципрокности
C — коррелятивная операция или отрицание реципрокности
490

К. Леви-Строс (р. 1908). Основатель структурной антропологии

Порядок стадий соответствует определенным возрастам. Он неизменен, но возраст может варьировать в зависимости от условий жизни ребенка. В соответствии с представлением об обязательности стадий решается проблема обучения и умственного развития. Обучение оказывается следующим за развитием. Развитие имеет свою собственную логику, внутренние законы и ведет за собой обучение.

Фундаментальная концепция Ж. Пиаже на протяжении всех лет ее развития была предметом изучения и критического анализа советских психологов, которые «выступали как «за», так и «против» Пиаже: «за» факты и «против» их интерпретации. Однако с какой бы позиции Пиаже ни критиковали, его идеи продолжают сохранять фундаментальное значение для психологии вообще и для детской психологии в особенности. «Глубина и цельность его учения всегда будут помогать нам совершенствовать свои исследования для понимания законов психического развития ребенка»[1].

Проблема развития психики человека, его сознания в процессе человеческой истории после французской социологической школы получила фундаментальную разработку в концепции современного французского антрополога, основателя структурной антропологии, социолога и философа **Клода Леви-Строса** (р. 1908). Он изучает структуру общественного сознания традиционных обществ (индейские племена), их мифы, структуры родства и др., рассматривая мифы самым характерным продуктом примитивной духовной культуры: мифологическое коллективное фантазирование адекватно отражает «анатомию ума». Мифологии посвящен ряд фундаментальных работ К. Леви-Строса. Он является творцом структурной типологии мифов.

[1] *Обухова Л.Ф.* Концепция Жана Пиаже: за и против.— М., 1981. С. 189.

491

Анализируя тексты мифов, опираясь на метод структурной лингвистики, в частности используя работы Р. Якобсона, он пришел к выводу, что по своим интеллектуальным операциям архаическое мышление не отличается от современного: логика мифического мышления является столь же взыскательной, как логика современного мышления. Ядро мифа составляют образные компоненты. Миф наполнен образами богов, героев, людей, явлений природы. В качестве основной единицы анализа ментальных структур он выдвигает двоичную (бинарную) оппозицию. Центральной оппозицией является различение природы и культуры, которое в различных мифологических представлениях получает широкое содержательное наполнение (рациональное и чувственное, человеческое и животное, мужское и женское, сырое и вареное).

Несмотря на подчеркивание своеобразия первобытного мышления, которое заключается в его конкретности, утверждение универсальности ментальных структур стирает качественные различия между конкретно-историческими формами сознательных образований. Вопрос об этих различиях стал предметом острой полемики между К. Леви-Стросом и сторонниками исторического метода в анализе сознания (в частности, лидером французского экзистенциализма Ж.-П. Сартром).

Анри Валлон (1879— 1962) развивает взгляд, согласно которому между современным и другими типами мысли нет противоречия. Он защищает положение о постоянном прогрессе развития человеческого знания, так, что «на каждой стадии мысли категории представляют собой то, чем они могут быть в зависимости от тех средств, которыми располагает человек по отношению ко всей Вселенной»[1]. Ф. Кликс («Пробуждающееся мышление», 1983) раскрывает в архаическом мышлении предпосылки рационального определения реальности. В ходе исследований первобытного мышления возникло требование производить их на задачах, имеющих для исследуемых лиц практический смысл. Эту идею защищал М. Вертгеймер в своей ранней работе о числовых образах и числах у примитивных народов. Он показал, что особенности практики дают основу для познавательной деятельности.

[1] *Валлон А.* От действия к мысли.— М., 1956. С. 124.

492

Реконструкции хода исторического развития человеческого мышления в прошлом способствуют межкультурные исследования — область, получившая развитие в зарубежной психологии, начиная с 50-х гг. Ее предметом являются не споры о первобытном мышлении, а исследование особенностей познавательной деятельности разных культур и народов Африки, Дальнего Севера (Аляски), индейских племен Южной Америки, находящихся на низкой ступени социально-экономического развития. Целью была проверка универсальности гипотезы о восприятии, мышлении, памяти. В этих исследованиях к представителям различных культур применялись тесты, составленные из задач, обычно решаемых американцами-горожанами в условиях их социальной и культурной жизни. При этом не учитывались особенности общественно-производственной практики, которая через систему предъявляемых ею требований к

познавательной деятельности человека определяет формы его сознательной деятельности. На результат влияли также такие факторы, как ситуация тестирования, интерес к задаче, страх перед иностранным взрослым и т. п. Так, в силу причин методологического характера межкультурные исследования привели к расистским выводам. Как отмечают Г. Триандис и др., большинство исследований, сравнивающих способности отдельных расовых групп, методологически настолько несовершенны, что их не следовало бы публиковать. Однако они не только публиковались, но и были некритически использованы в качестве основы для политических акций. Примечателен вывод, который делают авторы: «Это недостаточное состояние дел должно быть выправлено в психологии, прежде чем какие-нибудь внешние силы прекратят межкультурные исследования»[1].

В рамках межкультурных исследований развиваются и другие подходы к изучению познавательных процессов в условиях разных культур. Они направлены на выявление разнообразных социокультурных условий, детерминирующих мышление людей в различных обществах и позволяющих понять его особенности (Дж. Брунер, Г. Яхода, Д. Кэмпбелл, М. Коул, О. Клайнеберг и др.). Экспериментальные исследования по формированию

[1] *Триандис Г., Малпас Р., Дэвидсон А.* Психология и культура // История зарубежной психологии. Тексты.— М, 1986.

493

понятий среди племени уолоф в Африке[1] показали, что результаты, полученные у уолофских школьников, ближе к результатам школьников Бостона, чем одноплеменников, не получивших школьного образования. Эти и другие данные привели Брунера к выводу, что именно отсутствие интеллектуальной подготовки типа той, которую дети получают в школе, приводит к формированию интеллектуальной деятельности, адекватной для решения конкретных задач и неадекватной — для задач, требующих абстрактного мышления. Эти выводы чрезвычайно близки к идеям, развиваемым в отечественной психологии (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, П. Тульвисте и др.), об определяющей роли деятельности в развитии познавательных процессов. Изучение психологических процессов в условиях разных культур является важным средством для решения проблем, связанных с пониманием изменений мышления — и психики в целом — в ходе исторического развития человеческого общества.

В зарубежной психологии проявляется интерес к марксистской теории, которая осознается некоторыми психологами как открывающая продуктивный подход к объяснению психологических проблем. Подход к человеку как продукту развития в исторических условиях, понимание процесса происхождения и развития человеческого сознания в ходе трудовой деятельности, сам диалектический метод марксистской философии оценивается в их значении для конкретного исследования в психологии. «Именно марксистская диалектика... избавила психологию от выбора между элементарным материализмом и бессодержательным идеализмом, между топорным субстанционизмом и безграничным иррационализмом»,— так оценивает значение марксизма для психологии виднейший французский психолог-марксист Анри Валлон[2].

Впервые в зарубежной психологии попытку построить психологию на основе принципов философии марксизма предпринял **Жорж Политцер** (1903— 1942). С марксистских позиций Ж. Политцер критиковал буржуазные психологические и философские концепции — класси-

[1] *Брунер* Дж. Исследование развития познавательной деятельности.— М., 1971.

[2] *Валлон А.* От действия к мысли.— М., 1956. С. 237.

494

ческую буржуазную субъективную психологию, новые направления, особенно психоанализ, а также бихевиоризм, гештальтпсихологию, персонализм В. Штерна и др., интуитивизм А. Бергсона, теоретические основы таких новых областей психологии, как психология индивидуальных различий, психотехника. Политцер показывает, что ни одно из этих направлений, выступивших с критикой классической психологии, не разрешает кризиса психологии. Попытка разрешения кризиса, предложенная К. Бюлером, который призывал объединить все лучшее в субъективной, духовно-научной психологии и бихевиоризме, расценивается Политцером как возвращение психологии на стадию, предшествующую той, которую подвергли критике Уотсон и Шпрангер. Политцер убедительно показывает, что все новые направления в психологии остаются «связанными» признанием «реализма внутренней жизни», а критика старой психологии в каждом из них является частичной, фрагментарной, не затрагивающей основ ее идеалистической трактовки человека. Политцер защищал тезис о том, что задача создания подлинно научной — конкретной — психологии может быть решена только на основе марксизма, который представляет собой единственно адекватную основу психологии как подлинной науки.

Методологические идеи Ж. Политцера получили продолжение и развитие в трудах прежде всего французских психологов: в генетической психологии А. Валлона, в трудах Р.Заззо, в исторической психологии И. Мейрсона и Ж.-П. Вернана, Ф. Мальрие, в работах об общественно-историческом характере личности философа Л. Сэва и др. Установка Ж. Политцера на преодоление «абстрактного плана духовных процессов», его направленность на превращение психологии из науки о процессах в «науку о человеческих событиях» получила воплощение в понятии «драмы». «Драма была для нас тем мостом, который позволял перейти от мифологических процессов к реальным событиям человеческой жизни»,— писал Ж. Политцер[1]. Эти идеи оказались близки Л.С. Выготскому и повлияли на сформулированную им задачу гуманизации

психологии человека как генеральной линии ее развития.

[1] *Политцер Ж.* Избранные философские и психологические труды.— М, 1980. С. 303.

495

* * *

Заключая общий обзор состояния зарубежной психологии, необходимо отметить следующее. Зарубежная наука сегодня концептуально разрознена. Специалистами признаются различия, существующие в национальных подходах к проблемам гуманистической психологии, психоанализу, когнитивной психологии. Отмечается специфика в исследованиях в Северной Америке, с одной стороны, и в европейских странах, с другой. Преодолевается изоляция восточноевропейских психологов от Запада: в августе 1995 г. в Словакии состоялась I-я Международная конференция Группы Британской и Восточноевропейской психологии «Психология в изменяющемся мире»; осуществляются совместные исследовательские проекты психологов разных стран. В то же время в пестрой картине современной психологии, состоящей из многочисленных теоретических направлений и эмпирических исследований, просматриваются некоторые характерные черты. Во-первых, выступает тенденция к интеграции различных психологических теорий и подходов в исследованиях конкретных проблем, в анализе фактического материала, стремление использовать все многообразие методических средств. Во-вторых, наблюдается практическая ориентация психологии: прикладные разработки доминируют над фундаментальными исследованиями, причем возникают все новые ветви прикладной психологии. Например, одной из них является психология безопасности, изучающая поведение людей в травматогенных ситуациях в системе «человек — (техника) — окружающая среда»[1]. Бурно развивается психотерапия[2].

В-третьих, непрерывно расширяются сферы практического применения психологических разработок в решении важных социальных задач. Так, во Франции психологи в основном работают в трех областях — педагогике, здравоохранении, сфере труда и занятости, но также встречаются во всех сферах общественной жизни[3]. Такое положение, по-видимому, характерно и для других стран. Психологическая наука заняла прочное место во всех областях жизнедеятельности человека.

[1] Иностранная психология.— 1995.— № 5.

[2] *Ромек Е.А.* Психотерапия: теоретическое основание и социальное становление. Ростов-на-Дону. 2002.

[3] Там же.— 1993.— № 2.

496

Контрольные вопросы

1. Каковы проблемы и методы в гуманистической психологии?
2. С какими научными школами преемственно связана когнитивная психология?
3. Каковы проблемы и методы, направления развития когнитивной психологии?
4. Как разрабатывается проблема сознания в современной психологии?
5. Какие проблемы психического развития разрабатывал Ж.Пиаже?
6. Какие стадии в умственном развитии ребенка выделял Ж.Пиаже?
7. В каких направлениях разрабатывается проблема исторической природы человеческой психики в межкультурных исследованиях?

Литература

1. *Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М., 1982.
2. *Найссер У.* Познание и реальность. М., 1981.
3. Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии. Сб. статей /Сост. и общ. ред. Л.Ф. Обуховой, Г.В. Бурменской. М., 2001.
4. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
5. *Шульц Д., Шульц С.* История современной психологии. СПб., 1998. Гл.15.

497

Заключение

Историческое рассмотрение конкретных фактов, важнейших событий и тенденций в процессе развития психологической науки позволяет констатировать, что до настоящего времени не сложилось единого подхода, общего понимания того, что же изучает психология. Различия точек зрения на самые центральные вопросы психологии, начиная с главного — вопроса о предмете психологии, а также различные подходы к пониманию личности, сущности психического развития, интеллекта и др. настолько значительны, что, как писал Г. Олпорт, «иногда кажется, что кроме преданности своей профессии, психологов мало что роднит... относительно предмета исследования их мнения расходятся. В разных психологических подходах в качестве такового фигурируют: *переживание, поведение, психофизические связи, сознательные мыслительные процессы, бессознательное, человеческая природа и даже «тотальность психического существования человека»*[1] . Не является ли история (а может быть и современное состояние нашей науки) серией заблуждений и ошибок? П.Я.Гальперин, рассматривая историко-психологический процесс в контексте актуальных задач, среди которых «вопрос о предмете изучения — это не только первый и сегодня, может быть, самый трудный из больших теоретических вопросов психологии, но вместе с тем вопрос неотложной

практической важности»[2] , дал такой ответ на этот вопрос. Анализируя исторические факты, он выделил заключающееся в них (явно или в скрытом виде), понимание предмета психологии. Согласно Гальперину, за всю историю психологии было выдвинуто три определения ее предмета: душа, сознание, поведение. Все они оценивались им как

[1] *Олпорт Г.* Становление личности: Избранные труды. — М.: 2002. С. 168

[2] *Гальперин П.Я.* Введение в психологию.— М., 1976. С. 7.

498

«недостаточные», «несостоятельные», «ошибочные». Можно ли, основываясь на такой оценке результатов работы предшественников, отбросить материал их исследований и начать все сначала? По-видимому такая позиция противоречит одному из важнейших принципов научного познания — принципу историзма.

В связи с исключительной сложностью изучаемой в психологии реальности, как бы ее ни называть — психика, сознание и др. — она не получила полностью адекватного определения ни в одном из подходов, сложившихся в истории науки: в каждом из них содержится лишь момент истины о ней. Но такой момент есть, и он должен быть выявлен! Психика человека и сознательна — и бессознательна, она социальна — и имеет биологически предпосылки, она опосредствует нашу жизнь — и сама является продуктом этой жизни, она определяется воздействиями извне — и свободна от них, в ней есть знание — и есть переживание, она целостна, но и состоит из многих компонентов, она одновременно и явление — и процесс. Неправильно считать абсолютной истиной какое-нибудь одно из этих положений или абсолютно ложным — другое. Взгляды предшественников появлялись с исторической необходимостью, они были детерминированы условиями своего времени и вместе образуют *логику развития научной психологической мысли как процесс последовательных трансформаций предметной области психологии в контексте его объективных причин и условий.*

Психология началась с идеи души, и, как проницательно заметил Л.С.Выготский, «психология как наука должна была начаться с идеи души»[1] . Далее он поясняет это положение, оценивая эту идею как «первую научную гипотезу древнего человека, огромное завоевание мысли» (там же). На протяжении более чем 20 столетий с ее помощью объяснялись все процессы жизнедеятельности организма. Понятие души по своему содержанию было не только психологическим, но более широким, скорее биологическим, объясняющим все жизненные процессы с помощью сходного толкования. «Мы так же мало видим в этом просто невежество и ошибку, как не считаем рабство результатом плохого

[1] *Выготский А.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч: В 6 т. Т.1. — М., 1982. С.429.

499

характера»,— писал Л.С.Выготский (там же). Причиной такого воззрения на природу души было недостаточное знание о строении и работе тела (еще в XVII веке мудрый Спиноза отмечал: «к чему способно тело, до сих пор еще никто не определил, т. е. опыт никого еще до сих пор не научил, к каким действиям тело является способным в силу одних только законов природы, рассматриваемой исключительно в качестве телесной, и к чему оно неспособно, если только не будет определяться душою»[1]). Именно в силу недостаточности знаний о функционировании живого тела, понятие души стало тем объяснительным принципом, который выступал в качестве источника и детерминации всех проявлений живого организма, заменял конкретные знания о механизмах его телесных функций (дыхания, кровообращения, питания и др.). Великие открытия XVI — XVII вв. в различных науках и особенно в области анатомии и физиологии человека, оказали поистине революционное воздействие на представления о душе, способствовали коренному изменению взглядов на ее функции. В 1623 г. Ф. Бэкон подвел итог этим исследованиям. «Наблюдая за чувствующим телом и пытаясь выяснить, почему такое большое действие ...переваривается и выбрасывается пища, мокроты и соки движутся вверх и вниз по всему телу, сердце и сосуды пульсируют, внутренние органы, подобно мастерским, исполняют каждый свою работу»[2], он пришел к выводу о том, что функции души следует ограничить психическими способностями. Он назвал причиной широкого понимания функций души, включающего в их число и чисто телесные процессы, неосведомленность древних философов.

На смену идее души с исторической необходимостью пришло понятие о психике как предмете психологии. Критерий психического процесса в отличие от телесных ввел в XVII в. Р. Декарт. Этим критерием он назвал сознание. Тем самым психология стала развиваться в рамках философских учений о сознании. В этом контексте возникли фундаментальные проблемы. Первой из них стала проблема места сознания в

[1] *Спиноза Б.* Этика. М.-Л., 1932. С.84-85.

[2] *Бэкон Ф.* Великое восстановление наук // Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. Т.1. М., 1971. С.288.

500

бытии, его соотношения с миром материальных тел — *психофизическая проблема.* От Декарта идет их резкое противопоставление, которое в его системе приобрело форму учения о двух противоположных субстанциях: одной духовной, мыслящей, нематериальной — для ее обозначения Декарт сохраняет понятие души, и другой телесной, протяженной — ее Декарт называет телом. Их абсолютная разнородность составляет сущность декартовского дуализма, который на века определил направление разработки психологических проблем. Важнейшими из них стали проблема *метода исследования сознания* — им была

провозглашена интроспекция. Дж. Локк сформулировал задачу изучения *происхождения сознания* и задал эмпирическое направление ее решения: в сознании нет врожденных содержаний, оно складывается в опыте. Самый опыт он раскалывает на две формы: внешний — его источником являются ощущения, и внутренний — его источником являются «внутренние действия нашего ума, которые мы сами воспринимаем и о которых мы сами размышляем... называя первый источник *ощущением,* я называю второй *рефлексией,* потому что он доставляет только такие *идеи,* которые приобретаются умом при помощи размышления о своей собственной деятельности внутри себя»[1]. В противоположность *сенсуалистическим эмпирическим* идеям Локка Г. Лейбниц развивает *рационалистический* взгляд на природу сознания, приписывая ему некоторые врожденные истины, а также склонности, предрасположения и т. п. Он также указывает на активную природу сознания, которую он обозначает понятием *апперцепция.* Для объяснения важнейшего факта душевной жизни и сознания — ее связности — Локк вводит понятие *ассоциации идей.* На его основе возникает *ассоциативная психология,* варианты которой составили основное содержание развития психологии в XIX в. Возникнув на основе механистического естествознания XYII в., она обнаружила свою несостоятельность под влиянием успехов биологии, и прежде всего эволюционной теории Ч. Дарвина и эволюционных идей Г. Спенсера. Введение идеи адаптивной роли психики в поведении по-новому поставили задачи ее изучения и привели сначала к появлению функциона-

[1] *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч.: В 3 т. Т.1.— М.,1985. С154-155.

501

лизма с его требованием изучать психику в ее полезной функции, а затем к отказу от изучения психики — в бихевиоризме. Возникает бихевиоризм и поведение как предмет исследования, который пришел на смену сознания. Менее радикальными, но очень значительными были такие повороты в развитии учения о сознании как отказ от отождествления психики с сознанием и указание на глубинное строение психики с ее бессознательной областью — эта идея получила развитие у разных авторов, начиная от Лейбница, но свою фундаментальную разработку получило в психоанализе 3. Фрейда и близких к нему направлениях. Также продуктивной явилась попытка не ограничиваться в изучении сознания контекстом его отношений по преимуществу только с миром природы, и понять его как продукт социально-исторического развития. Возникла проблема *социальной обусловленности психики человека,* которая получила мощное развитие в психологии XX в.

Бегло очерченные некоторые важнейшие повороты на пути развития научной психологической мысли были объективно обусловлены историческими причинами. С каждым из них связаны важные открытия, они сохраняют свое значение — имеют *исторический смысл,* являются, по словам Л.С. Выготского, *шагом к истине.* Ни одна из попыток прошлого не может быть отброшена в том числе и потому, что пока еще психология не приблизилась к единому пониманию своей науки, и если это является ее целью, то, как проницательно замечал Г. Олпорт, «до ее достижения еще далеко». Признаем вместе с этим автором: «Хорошо, что существуют последователи Локка и Лейбница, позитивисты и персоналисты, фрейдисты и неофрейдисты, объективисты и феноменологи. Ни те, кто предпочитает модели (математические, животные, механические, психиатрические), ни те, кто их отвергает, не могут быть правы во всех деталях, но важно, что каждый может свободно выбрать собственный способ работы.

Осуждения заслуживает только тот, кто хотел бы запереть все двери, кроме одной»[1].

История повествует, как психология овладевает предметом своего изучения.

[1] *Олпорт Г.* Становление: основные положения психологии личности // Олпорт Г. Становление личности: Избр. тр. — М., 2002. С. 174.

502

ПРИЛОЖЕНИЯ[1]. Преподавание психологии в Московском университете

(К 80-летию Психологического института и 50-летию кафедры психологии о Московском университете)[2]

С Психологическим институтом им. Л.Г. Щукиной, который был учрежден при историко-филологическом факультете Московского университета, связано создание системы подготовки психологических кадров в России.

До открытия Института психология была представлена в Московском университете только как учебный предмет сначала на философском, а после его упразднения в 1863 г.— при кафедре философии на историко-филологическом факультете. Психологию преподавали философы — П.Д. Юркевич, М.М. Троицкий, Н.Я. Грот, Л.М. Лопатин. Психология составляла неотъемлемую часть их философских воззрений, а преподавание психологии было лишь частью их педагогической деятельности, основное место в которой занимали философия, логика, этика. Преподавание психологии велось в форме лекций и семинарских занятий; оно имело образовательное значение и не готовило к проведению самостоятельных исследований.

К анализу постановки психологического образования в Московском университете неоднократно обращался Г.И. Челпанов, которому принадлежит выдающаяся роль в реорганизации преподавания и научных исследований в Московском университете.

[1] Представлены две статьи автора из журнала «Вопросы психологии».

[2] Вопросы психологии.— 1993.— № 4. С. 80-93.

503

В 1907 г. Челпанов, до этого профессор кафедры философии Киевского университета им. Св. Владимира (1897-1906), был избран профессором на кафедре философии в Московском университете. С приходом Челпанова положение психологии в Московском университете меняется коренным образом. В основу научно-исследовательской работы и организации процесса преподавания им были положены некоторые общие принципы и представления о психологии как науке. Во вступительной лекции в Московском университете 19 сентября 1907 г. «Об отношении психологии к философии» он рассмотрел этот вопрос, «правильное решение которого имеет существенное значение для судьбы психологии» [42; 71].- Не умаляя важности чисто эмпирических исследований в психологии, он утверждал необходимость для психологии философских предпосылок и в этом смысле — неотделимость ее от философии. «Если собиратели психологических фактов склонны относиться с презрением к философским обобщениям, то они находятся приблизительно в таком же положении, в каком находятся каменотесы, плотники и т. п., которые думают, что первенствующая роль в построении здания принадлежит им, а что невидимая рука архитектора, творца плана их работы, имеет второстепенное значение. Собиратели психологических фактов не знали бы, на что обратить внимание, если бы философия не поставляла проблем, на разрешение которых они в конце концов направляют свои усилия» [42; 82]. Высокая философская культура была положена Челпановым в основу психологического образования и научных исследований. Анализируя положение психологии, он сделал вывод о том, что к началу XX века она начинает приобретать огромное научное и практическое значение. «Если XIX век принято называть «веком естествознания», то несомненно, что текущее столетие будет называться «веком психологии». Огромные практические задачи, которые должна будет разрешить психология и которые по своей жизненной важности значительно превосходят технические задачи, разрешаемые естествознанием, несомненно сделают психологию центром научной работы» [43; 211]. Однако для Челпанова несомненно отставание психологии от этих задач. Оно проявляется в слабой

504

подготовке психологов, в том, что мало специалистов по психологии, почти нет учреждений, которые могли бы явиться местом разработки научной психологии, мало психологических лабораторий, их совсем нет при университетах. Источником всех этих недостатков Челпанов считал неудовлетворительную организацию университетов, которая ведет начало от Устава университетов 1863 г. В этом Уставе было заложено неудачное соотношение «ученых и учебных задач»: преобладали учебные задачи. Отсюда и психология занимала место лишь как учебный предмет. Однако «в современном университете профессор не только должен преподавать предмет, но равным образом и руководить исследованиями» [43; 222].

По мнению Челпанова, является также ошибкой прикрепление психологии после расчленения философского факультета по Уставу 1863 г. на два факультета — физико-математический и историко-филологический — только к историко-филологическому факультету, поскольку психология имеет и естественно-научные предпосылки. Ввиду такого сложного положения психологии в системе наук, необходима самостоятельная кафедра психологии, на каком бы факультете она ни находилась, которая была бы независима от какой-либо науки [43; 222].

Совершенствование преподавания психологии в Московском университете стало на многие годы содержанием научной и педагогической деятельности Г.И. Челпанова. В Киевском (1897), а затем в Московском университете (1907) Челпанов учредил «Психологический семинарий», который называл «маленьким институтом» [11]. На базе семинария стало вестись преподавание психологии. Семинарий имел свое помещение, библиотеку, был оснащен приборами и приспособлениями для исследований по экспериментальной психологии и для демонстраций во время лекций. В 1909 г. вышло руководство Челпанова по экспериментальной психологии для студентов [41]. В связи с ростом числа участников семинария возникла потребность в организации для преподавания и проведения исследований специального института [11]. Создание института явилось завершением начатого в семинарии преобразования психологической подготов-

505

ки в университете. Регулярные научные и учебные занятия здесь начались с 1 сентября 1912 г.

С созданием Психологического института психология становится предметом не только преподавания, но и научного исследования. Единение науки и преподавания становится с этого времени одной из самых характерных особенностей университетской психологии. Кроме лекций, велись научные исследования, теоретические разборы в психологическом семинарии, практические занятия по экспериментальной психологии. В последующие годы преподавание психологии расширялось, развивалась структура института, росло число сотрудников. В 1919 г. было создано отделение прикладной психологии (зав. В.М. Экземплярский). В 1920 г. при филологическом факультете (после отделения исторического отделения от историко-филологического факультета в 1919 г.) был учрежден Кабинет этнической и социальной психологии (зав. Г.Г. Шпет). К 1921 г. в Институте были следующие отделы:

1. Отделение общей психологии.
2. Практикум по экспериментальной психологии.
3. Отделение прикладной психологии с подотделами:

а) практикум по индивидуальной психологии;
б) практикум по психологии труда;
в) практикум по экспериментальной педагогике.
4. Лаборатория для самостоятельных исследований по экспериментальной психологии.
5. Кабинет этнической и социальной психологии. Институт ставит своей целью энциклопедическое
изучение психологии: при нем создается «Общество экспериментально-психологических исследований», состоящее из специалистов всех факультетов [13].
После Октябрьской революции началась реорганизация высшего образования в стране, особенно в области общественных наук. В Московском университете прошли многочисленные реформы. Начался процесс идеологизации образования и науки. Ухудшились условия работы в Институте и обучения в университете. В годы революции и гражданской войны не пополнялось оборудование лабораторий, не приобретала книг библиотека, были частые перерывы в подаче электрического тока. Помещения не отапливались. На заседании историко-филологического факультета 3 февраля 1920 г. было принято постановление:
506
«1. Просить гг. профессоров и преподавателей перенести возможно большее количество часов занятий на частные квартиры и другие отапливаемые помещения, помимо Университета.
2. Возобновить, хотя бы отчасти, занятия с понедельника, 9 февраля, воспользовавшись двумя отапливаемыми комнатами Психологического института.
3. Поручить Президиуму ускорить назначение служителя в Психологический институт, взамен умершего, а также ускорить приведение в порядок железных печей в Институте» [7].
В 1921 г. после упразднения филологического факультета Психологический институт вошел в Ассоциацию словесно-гуманитарных научных институтов при Московском государственном университете, а Челпанов был утвержден его директором. Изменилась структура Института — он стал разделяться на 8 секций (отделений): общей психологии, экспериментальной психологии, физиологической психологии, генетической психологии (психологии детского возраста, зоопсихологии), дифференциальной психологии, этнической и социальной психологии, прикладной психологии (педагогической психологии, психологии труда, криминальной психологии), истории психологии. В период существования Института при факультете общественных наук (с 1921 по 1924 гг.) положение психологии в Московском университете ухудшается. Еще в конце 1920 г. в одном из писем Челпанов отмечал: «В университете кое-какие занятия идут, но собственно не налаживаются. Уровень студенчества понижается все больше и больше. Научных занятий нельзя наладить потому, что все студенты служат (некогда читать), и кроме того, совсем нет книг» [10; 88]. Хотя уровень занятий по психологии и снизился, все же преподавание психологии продолжает занимать важное место в университетской подготовке. В 1925 г., по заключению Правления Московского университета, Психологический институт признавался учебно-вспомогательным учреждением, обслуживающим три факультета: общественных наук (ФОН), физмат и медфак. Челпанов вел общефакультетский курс психологии на факультете общественных наук. Сотрудниками Института проводились семинарские занятия, занятия в практикуме по
507
экспериментальной психологии. На разных отделениях ФОНа преподавались также педология (К.Н. Корнилов), социальная психология (Г.Г. Шпет), психология и педагогика мышления (А.Г. Цирес).
Челпанов старался «по-прежнему удержать прежний тип занятий» [10; 89]. Однако делать это становилось все труднее. Так, на заседании Правления университета в 1922 г. не было утверждено представление Челпанова о проведении практических занятий по экспериментальной психологии как якобы не предусмотренных планом преподавания на ФОНе. Затрудняется решение вопросов об оплате ассистентов Челпанова, о количестве оплачиваемых часов практических занятий, о числе участников практикума. Главная причина такого отношения к Челпанову — его теоретическая позиция. А она оставалась неизменной на протяжении всей его деятельности и состояла в приверженности эмпирической психологии, основанной на данных самонаблюдения и дополненных экспериментом. В обстановке развернувшейся в 20-х годах перестройки психологии на основах марксизма и вызванной ею дискуссии по проблеме «психология и марксизм» позиция Челпанова расценивалась как метафизика и идеализм, т. е. как не соответствующая марксизму. За такой оценкой скоро последовали и оргвыводы, завершившиеся отставкой Челпанова.
Важная роль в критике Челпанова принадлежала К.Н. Корнилову. В прошлом ученик Челпанова, Корнилов был оставлен после окончания историко-филологического факультета (1910 г.) научным сотрудником Психологического института. С 1916 г. Корнилов — приват-доцент Московского университета. В 1921 г. по поручению Наркомпроса он организует педагогический факультет во 2-ом МГУ, назначается его деканом и профессором кафедры психологии. Одновременно он продолжает работать в 1-м МГУ. После образования Ассоциации институтов при ФОНе был выдвинут председателем психологической секции Института научной философии. В июне 1923 г. Корнилов написал заявление в Президиум ФОНа. В этом заявлении он указал на несоответствие психологии Челпанова марксизму. В другом заявлении в июле 1923 г. Корнилов дает отрицательную оценку психологическим курсам Челпа-
508
нова. «...Большинство предлагаемых курсов,— говорится в этом документе,— а также и лекторов, как и ходатайствующих об открытии этих курсов студентов составляют ядро тех научно-исследовательских

курсов, которые были организованы при бывшем Психологическом институте проф. Челпановым, и существование которых было признано совершенно нецелесообразным новой коллегией Института Научной философии. По-видимому ту деятельность, которая была признана нецелесообразной в пределах Института, проф. Челпанов предполагает перенести казалось бы еще в менее подходящее место — на ФОН» [3]. 2 ноября 1923 г. деканат ФОНа сообщил Корнилову о его назначении «Заведующим Психологическим Институтом» [30]. 10 ноября 1923 г. ректор МГУ В.П. Волгин уведомил Челпанова об отчислении его из университета, выразив ему «глубокую благодарность за долголетнюю службу и энергичные труды по созданию и организации Психологического института». 15 ноября Челпанову было предложено сдать Психологический институт «лицу, указанному Деканом ФОН. О сроке и порядке сдачи Вам надлежит договориться с проф. К.Н. Корниловым». Материалы Архива МГУ и архива Челпанова, хранящегося в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (1-й МГУ, Уведомление Челпанову Г.И. / ОРРГБ. Ф. 326. Папка 37. Ед. хр. 43, 44), однозначно указывают на идеологический характер причин увольнения Челпанова. Челпанов так и понимал происходящее и в одном из своих писем подчеркивал: «Когда правительство объявило, что психология должна, подобно всем наукам, разрабатываться в духе марксизма, нас обвинили в том, что мы как метафизики и идеалисты для дальнейшей работы не годимся. Мы пытались доказать, что мы как психологи совершенно нейтральны, стоим на строго эмпирической точке зрения и в качестве таковых не можем быть ни идеалистами, ни материалистами. Но никого убедить не в состоянии. Главные наши изгнатели — это Корнилов и Блонский» [10; 90]. Отставка вызвала у Челпанова, по его собственным словам, состояние депрессии. Можно только догадываться о глубине его переживаний от вынужденного бездействия, от происходившего на его глазах разрушения того, чему была отдана жизнь. «Грустно
509
подумать,— делился он своими переживаниями в письме,— что они разрушат все то, что созидалось с таким огромным трудом» [10; 90]. После увольнения Челпанова «бывшие сотрудники Института разбрелись в разные стороны» [10; 90]. Состав Института обновился. Его новый директор привлекает к работе в Институте молодых ученых — Л.С. Выготского, А.Р. Лурию, А.Н. Леонтьева. Подвергнув сокрушительной критике философскую и психологическую концепцию Челпанова, Корнилов провозгласил задачей коллектива Института перестройку методологической базы психологии на основе марксизма [31]. Деятельность Института в этом направлении проходила уже в период его отдельного от университета существования. После отделения от университета (1925 г.) Институт существует в качестве самостоятельного учреждения и получает новое название: Государственный институт экспериментальной психологии.

Начиная с 1925 г. преподавание психологии в университете осуществляется на этнологическом факультете, созданном в результате реорганизации ФОНа. Здесь Корнилов проводил занятия по психологии и по экспериментальной психологии в свете разработанной им реактологии [17]. Читался курс по социальной и этнической психологии (В.А. Артемов), изложенной с марксистских позиций [1]. Дипломные работы по психологии оценивались с точки зрения их идеологической выдержанности и соответствия основным положениям марксизма [27].

В структуре созданного на базе этнологического факультета историко-философского факультета (1930), в рамках его философского отделения была представлена и психология. Психологический цикл включал следующие дисциплины: психология, физиология нервной системы, сравнительная психология, психотехника, социальная психология [38]. Психологический цикл готовил специалистов по психологии и психотехнике для проведения профотбора в органах Наркомтруда; при этом занятия по экспериментальной психологии проводились в лабораториях Государственного института экспериментальной психологии.

После выделения из состава университета гуманитарных факультетов (1931 г.) преподавание психоло-
510
гии прекращается (до 1942 г.). На 10 лет в области психологии в университете образовался вакуум. Сложившаяся система подготовки психологических кадров перестала функционировать. Прекратились исследования по психологии.

Сложным было положение психологии и в стране. Бурное развитие научного движения, воодушевленного задачей коренного изменения психологии, привело к появлению в 20-х гг. реактологии, рефлексологии и других попыток замещения психологии. В прикладных областях — педологии и психотехнике — вставали теоретической важности вопросы о соотношении разных дисциплин в этих синтетических науках. В этих условиях Л.С. Выготский отстаивал идею о необходимости сохранения психологии как науки. В своей культурно-исторической теории о развитии высших психических функций он наметил новое понимание предмета психологии и ее задач. Однако в связи с его вовлеченностью в педологическое движение развернулась идеологическая критика работ Выготского и в соответствии с нормами тех лет его труды надолго были изъяты из обращения. С середины 30-х гг. начинает разрабатываться проблема деятельности, провозглашается переход от изучения абстрактно взятых психических функций к изучению участия психики и сознания в реальной жизни человека. Выдвигается положение о формировании человека в процессе деятельности [32]. Вышедшая в 1935 г. книга С.Л. Рубинштейна «Основы психологии» представляла собой «попытку дать целостную систему психологии, охватывающую основной экспериментальный материал и проникнутую единством методологической концепции» [33]. Проблема деятельности получила дальнейшую

разработку в книге С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии». Эти труды Рубинштейна имели принципиальное значение для восстановления статуса психологии как науки. Принцип деятельности открывал большие возможности для решения практических задач, скоро выдвинутых перед психологией начавшейся в 1941 г. войной.

В 1941 г. в структуре Московского университета был восстановлен философский факультет. Встал вопрос об учреждении кафедры психологии. Признавалось, что «образование в настоящий момент в Универ-

511

ситете кафедры психологии является необходимым не только в целях обеспечения нормального преподавания этой дисциплины на факультетах, но и в целях создания нормальных условий для вновь введенного в состав университета Института психологии[1], который, становясь по образцу других научно-исследовательских институтов Университета научно-вспомогательным учреждением кафедры, приобретает необходимую связь своей исследовательской работы с работой учебной» [5].

Приказом Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР в Московском университете с 1 октября 1942 г. на философском факультете создалась кафедра психологии. Заведующим кафедрой был назначен С.Л. Рубинштейн, отозванный из ЛГПИ им. Герцена, где он заведовал кафедрой психологии. Одновременно он назначается также директором Института психологии при МГУ.

Знаменательно, что кафедра была учреждена в чрезвычайно трудное для страны время — годы Великой Отечественной войны. Этот факт свидетельствует об общественном признании психологии, о ее возросшей значимости в жизни общества. Переориентация психологии из дисциплины, замкнутой в мире субъективных переживаний, оторванных от реальной жизни и деятельности человека, и превращение ее в науку, которая включена в изучение самых животрепещущих вопросов практической деятельности человека, произошла на основе принципа деятельности. С введением Института психологии в состав университета восстановилась научная работа в области психологии.

С самого начала войны психологи активно включились в непосредственную помощь армии. Ряд сотрудников Института ушли на фронт (Л.М. Шварц, Ф.Н. Шемякин, Т.А. Репина и др.). АР. Лурия, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, А.Н. Леонтьев вступили в ряды народного ополчения, но были отозваны для работ оборонного характера в Институте. Здесь в 1942 г. была создана психофизиологическая лаборатория (зав. К.Х. Кекчеев) по разработке проблем ночного зрения применительно к условиям

[1] Институт психологии вновь введен в состав университета в декабре 1941 г.

512

военных действий. Были разработаны методы борьбы с ослеплением светом прожекторов, со снеговой ослеп-ленностью (СВ. Кравков), ускорения *темновой адаптации,* сенсибилизации слуха и зрения, уточнения глазомерной оценки расстояния и др. Исследование порогов чувствительности показало сдвиги в зависимости от отношения к задаче и таким образом привело к выводу о том, что ощущение — не результат реакции органа на стимул, а продукт деятельности человека с предметом. Этот вывод имеет большое теоретическое значение. После эвакуации части сотрудников института вместе с университетом в Свердловск развернулись работы в эвакуационном госпитале. Их возглавил А.Н. Леонтьев. Начальником медицинской части был П.Я. Гальперин, зав. психологическими лабораториями — А.В. Запорожец. Эти работы ставили задачей «способствовать наиболее полному и быстрому возвращению бойцам утраченной боеспособности и трудоспособности. Теоретическое значение этой проблемы в том, что ее разработка дает возможность на основе использования материала военных травм психологически подойти к проблеме восстановления и переключения навыков путем их включения в различным образом целенаправленные сознательные процессы» [25].

Кроме работ, непосредственно связанных с военной тематикой, Институтом в 1942 г. разрабатывалась также проблема развития психики (А.Н. Леонтьев). Изучались процессы развития мотивов, чувств и эмоций у детей (Л.В. Благонадежина), вопросы психологии мышления (Б.М. Теплов), психологический анализ процессов понимания (А.Н. Соколов), процессы воображения при чтении художественной литературы (О.И. Никифорова), психология запоминания (А.А. Смирнов). Результатом разработки узловых теоретических проблем явилось второе издание книги С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии», удостоенной в 1942 г. Сталинской премии. В 1943 г. Рубинштейн был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В 1943 — 1944 гг. продолжалась разработка тематики, имеющей оборонное значение [26]. Она шла по трем направлениям: исследовалась разработка путей повышения зрительной и слуховой чувствительности бойца

513

в боевых условиях (Кекчеев, Кравков); рассматривались психологические основы военного обучения (Е.В. Гурьянов); выявлялись психологические пути восстановления бое- и трудоспособности раненых бойцов (Леонтьев). Разрабатывались общие вопросы военной психологии (Б.М. Теплов). Производилась дальнейшая разработка теоретических проблем по направлениям: психофизиологический комплекс (лаборатория Кекчеева, труды по психофизиологии движений Н.А. Бернштейна, исследования высших корковых функций А.Р. Лурия); психология мышления и речи (А.Н. Соколов); психология деятельности — изучение общих закономерностей ее строения и отдельных видов — деятельность актера, режиссера, музыкального и изобразительного искусства (Б.М. Теплов, П.М. Якобсон, А.А. Смирнов, Е.В. Гурьянов); проблема мотивов деятельности (А.Н. Леонтьев); история психологии (Н.А. Рыбников). Результаты работ были отражены в публикациях; важнейшими из них являются [15],

[16], [39].
В 1944 г. с 30.06 по 02.07 на кафедре психологии была организована научная конференция по итогам научной работы по линии изучения восстановления психических функций после военной травмы, на которой был обобщен опыт работы разных групп психологов в годы Великой Отечественной войны. Труды конференции опубликованы в университетском издании [40]. Преследуя практические цели, этот цикл исследований вместе с тем был направлен на решение фундаментальных теоретических проблем функционального развития — формирование координации движений конечностей, анатомически переделанных хирургическим вмешательством, восстановление утраченной гностической чувствительности, а также различные типы компенсаторных приспособлений [20]. Так началась экспериментальная разработка вопроса о возможности активного реконструирования у человека высших психических функций. Впервые начатая в этом цикле исследований, она была продолжена в последующие годы в лабораториях кафедры психологии.
С созданием кафедры психологии в университете восстанавливается преподавание психологии. Деятельность Рубинштейна как заведующего была направлена на решение задач коренного масштаба, связанных в
514
первое время с восстановлением и развертыванием психологического образования в университете. В качестве первоочередной встала задача комплектования кадров. Штатный список профессорско-преподавательского состава кафедры психологии на 1942 — 43 учебный год включал 7 человек: проф. С.Л. Рубинштейн, проф. А.Н. Леонтьев, проф. В.А. Артемов, проф. Б.М. Теплов, проф. А.А. Смирнов, доц. А.В. Запорожец, доц. П.М. Якобсон; из них только Леонтьев был штатным сотрудником, остальные — совместители (все — сотрудники Института психологии).
Кафедра провела большую работу по организации двух отделений — отделения психологии на философском факультете и отделения языка, логики и психологии на филологическом факультете. Для обоих отделений были разработаны учебные планы, программы и т. п. Хотя кафедра входила в состав философского факультета, значительную долю своей работы она проводила на других факультетах — историческом, биологическом, юридическом, географическом, экономическом. Читались факультативные курсы по психологии на механико-математическом факультете и на факультете международных отношений. Кроме того, учебно-педагогическую работу на заочных отделениях МГУ (лекции и консультации) проводила кандидат педагогических наук А.Г. Комм. По существу кафедра психологии превратилась в общеуниверситетскую кафедру. Интересно в связи с этим отметить, что отчеты Рубинштейна о работе кафедры включены в отчеты о работе общеуниверситетских кафедр [26]. Как писал Рубинштейн в отчете о работе кафедры за 1943 — 44 уч. г., хотя всюду читался общий курс, материал изменялся в соответствии с профилем факультета. На филологическом факультете было усилено внимание к вопросам психологии языка и психологии творчества, на историческом — к вопросам характера, на юридическом — к психологии свидетельских показаний, мотивам поведения, формированию личности. На биологическом факультете большое место занимали вопросы фило- и онтогенеза психики.
В период работы кафедры под руководством Рубинштейна происходило становление — и частью восстановление — традиций университетской психологии.
515
Это, во-первых, связь учебно-педагогической и научно-исследовательской работы. Университетская психология всегда была важной частью отечественной психологической науки. Как видно из штатного расписания кафедры, преподавателями университета были широко известные ученые. Органичное единство научной и учебной работы создавалось также посредством включения в научную работу студентов и аспирантов, поскольку курсовые и дипломные работы студентов, а также диссертационные исследования аспирантов составляли часть научной проблематики кафедры. Позже, в начале 50-х гг., при кафедре было создано научное студенческое общество. Его основателем был А.Р. Лурия. Затем большую работу по его организации проделала проф. Л.С. Цветкова, ученица и ближайшая сотрудница Лурия. Именно с того времени стали традиционными ежегодные научные студенческие конференции, научные связи с другими университетами — Ленинградским, Тартуским и др., встречи студентов с видными отечественными и зарубежными психологами.
Во-вторых, стало традицией привлечение к преподаванию наиболее крупных ученых. Подытоживая работу кафедры в этом направлении, Рубинштейн говорил в 1949 г.: «На кафедре психологии МГУ сосредоточено все, что есть лучшего в Москве, и даже почти все, что есть в Советском Союзе. Крупнейшие силы и цвет советской психологии объединены на кафедре психологии МГУ... В составе кафедры есть 2 члена-корреспондента Академии наук, 4 действительных члена Академии педагогических наук и т. д. Но дело не только в том, что есть заслуженные деятели, которые имеют всякие чины и звания. По моему мнению, доцентский состав кафедры как доцентский ничем не уступает профессорскому составу» [36]. В разные годы в университете преподавали Н.А. Бернштейн, М.К. Мамардашвили, П.К. Анохин, Я.Я. Рогинский, Н.Н. Ладыгина-Котс и другие известные ученые. В то же время большинство из сотрудников кафедры были совместителями, что создавало трудности в работе. Такое положение объяснялось недостатком квалифицированных психологических кадров, так как в течение многих лет не было организованной системы их подготовки.

516

В связи с этим Рубинштейн видел реальный путь решения кадровой проблемы в привлечении к преподаванию молодежи, подготовленной в университете. Такой подход к комплектованию кадров сохранился в университете и в последующем: в основном преподавателями становились выпускники факультета.

В-третьих, создавалась структура психологического образования. Учебные планы, программы курсов, все обучение в целом было нацелено на широкую, обеспечивающую глубокие теоретические знания подготовку и вместе с этим овладение методами экспериментальной и эмпирической работы.

Уже в 40-е гг. усиливается жесткая идеологическая цензура в сфере образования, науки и культуры. В послевоенные годы начался период «холодной войны». Это явилось важным условием идеологической напряженности. В 1947— 1951 гг. состоялись дискуссии, которые «наводили идеологический порядок» в различных сферах — в философии (1947), биологии (1948), языкознании (1950), политэкономии (1951), в области литературы и искусства. Дискуссии проводились по инициативе ЦК партии. Они носили характер обличительной критики, были далеки от этических норм свободного обсуждения научных проблем. В ходе дискуссий устанавливалась единственно «правильная» линия в той или иной области науки и культуры. Разрабатывались мероприятия, направленные на осуществление всех указаний, полученных от идеологического руководства, и ликвидацию недостатков. По итогам критики производились увольнения ученых. Все это пережил и университет. Достаточно красноречиво об этом говорят повестки дня и стенограммы заседаний ученых советов тех лет.

Казалось бы, далекие от психологии, эти дискуссии не были только фоном, на котором проходила деятельность кафедры психологии. Они касались ее непосредственно. По указанию сверху, кафедра проводила заседания, на которых обсуждалось значение для психологии итогов сессии ВАСХНИЛ, гениальных трудов тов. Сталина, решений партийных съездов. Сложился характерный стиль научных публикаций, диссертационных исследований: изучаемые специальные вопросы обязательно должны были рассматриваться «в

517

свете» или с позиции материалов идеологического плана и основываться на марксистско-ленинской теории.

В течение нескольких лет (1947 — 1949) проходило обсуждение книги Рубинштейна «Основы общей психологии». Все завершилось освобождением Сергея Леонидовича от обязанностей заведующего кафедрой в апреле 1949 г. [14]. Короткое время (до 1951 г.) кафедрой заведовал Б.М. Теплов. С 1951 г. заведующим кафедрой и отделения назначается А.Н. Леонтьев. Рубинштейн оставался профессором кафедры до марта 1958 г. и был отчислен в связи с длительной болезнью. В записке Алексею Николаевичу Леонтьеву он писал: «...Характер нагрузки на кафедре (отсутствие аспирантов и дипломников, состояние моего здоровья и т. д.) сделали мою работу на кафедре нецелесообразной» (полный текст записки находится на факультете психологии).

В результате деятельности Леонтьева в положении психологии в Московском университете происходят большие организационные изменения в направлении приобретения ею все большей самостоятельности, завершившиеся созданием факультета психологии. Начало этой деятельности приходится на период развернувшейся в психологии кампании по перестройке науки на основе павловского учения о высшей нервной деятельности. Задача такой перестройки была выдвинута на объединенной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук, посвященной проблемам физиологического учения Павлова, созванной по инициативе Сталина. Как писал об этой сессии один из основных докладчиков К.М. Быков, «сессия разгромила чуждые и глубоко враждебные учению Павлова концепции ряда физиологов (Орбели, Анохина, Бериташвили), пытавшихся занести в нашу науку зарубежные идеологические теории» [24; 6]. По словам докладчика, они принижали значение учения Павлова, занимались его ревизией и даже вели борьбу против его идейных основ. По уже отлаженной схеме в университете развернулась бурная деятельность по обсуждению материалов сессии. На ученом совете философского факультета в феврале 1951 г. говорилось о необходимости перестройки психологии, ее тесной увязки с достижениями в области павловской биологии, о раз-

518

вертывании лабораторий физиологии высшей нервной деятельности человека. Делались ссылки на «Правду», которая писала об отсталости психологии и педагогики, и особенно психологии. На этом заседании вносились предложения о разделении кафедры психологии на три: физиологии высшей нервной деятельности, анализаторов человека и физиологии органов чувств. В отчете на ученом совете философского факультета в марте 1951 г. Леонтьев отмечал, что из готовящихся к защите 41 дипломной работы 20 связаны с разработкой учения Павлова [28]. В повестке дня ученого совета философского факультета стоял вопрос о плане научно-исследовательской работы кафедры психологии на 1953 г. и о перспективном плане в свете основных положений трудов тов. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР», а также решений XIX съезда; в качестве основной была сформулирована проблема радикальной перестройки психологии в свете новых трудов тов.Сталина и на основе физиологического учения Павлова. Второй большой проблемой было названо исследование процессов всестороннего развития психики человека в условиях коммунистического воспитания [29]. С середины 50-х — начала 60-х годов началась критика сталинизма. В решениях XX съезда КПСС (февраль

1956 г.) и постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г. была подвергнута критике идеология и практика культа личности, субъективизма, волюнтаризма, взят курс на восстановление ленинских норм партийной жизни. Усиливается роль партии в жизни университета. Проводится линия на идеологизацию содержания обучения. В начале 50-х гг. кафедра марксизма-ленинизма была преобразована в кафедру истории КПСС. На всех факультетах вводится преподавание исторического и диалектического материализма, с 1963 г.— научного коммунизма. Расширяется преподавание научного атеизма. В учебной работе систематически перерабатываются учебные планы, предусматривающие подготовку специалистов широкого профиля, увеличивается объем практических и лабораторных занятий, устраняется излишняя дробность специализаций.

519

В 1953 г. был образован Совет кафедр логики, психологии и педагогики (председатель А.Н.Леонтьев). Создание совета явилось свидетельством возрастающей самостоятельности психологии.

На кафедре психологии, руководимой Леонтьевым, развернулась интенсивная научно-исследовательская работа. Одной из ее важнейших особенностей была концентрация исследований на немногих направлениях. В 50-е гг., когда на кафедре еще работал Рубинштейн, под его руководством разрабатывались проблемы мышления [34]. Развернулись исследования по психофизиологии сенсорных процессов (Е.Н. Соколов, [35]). Широкое развитие получили нейропсихологические исследования, проводимые на базе Нейрохирургического института им. Н.Н. Бурденко под руководством А.Р. Лурия. Они посвящены двум взаимосвязанным проблемам: локализации психических функций и их восстановлению после перенесенных очаговых поражений мозга [22], [23]. Развернулись патопсихологические исследования под руководством Б.В. Зейгарник [8]. С начала 50-х гг. начались исследования по управлению формированием умственных действий П.Я. Гальперина [6]. Сюда же относятся исследования: Н.Ф. Талызиной (по усвоению геометрического материала), О.И.Никифоровой (по изучению формирования типического образа на материале архитектуры и художественной литературы), аспирантки Н.И. Непомнящей (посвященное формированию умственных действий у умственно отсталых детей), ЗА. Решеговой (по изучению ориентировочной основы действия применительно к двигательным навыкам), а также работы, выполненные под руководством А.В. Запорожца. А.Н. Леонтьев руководил исследованиями по проблеме функционального психического развития человека.

В 1961 г. была создана лаборатория инженерной психологии и началась исследовательская работа в этой области. Основной задачей лаборатории была разработка теоретических проблем: работа зрительной системы человека, переработка информации в ситуации выбора, психофизиологические механизмы оценки скорости и расстояний при управлении движущимися системами, эвристические приемы решения задач [12]. Кафедра выполняла большой объем работ по хозяйственным договорам с предприятиями.

520

В 1963 г. книга А.Н. Леонтьева «Проблемы развития психики» была удостоена Ленинской премии [21].

Развитие научной и учебной работы в университете уже в начале 60-х годов переросло организационные формы отделения[1]. Психологическая наука, сложившаяся в самостоятельную широко разветвленную область научного знания, оказалась связанной не только с философией, но и с нейрофизиологией, с естественными науками в целом, с математикой. Необходимость изменения статуса психологии в университете назрела. Однако потребовалась огромная работа всего коллектива и особенно заведующего отделением А.Н. Леонтьева по превращению этой объективной необходимости в реальность. Всю свою энергию и душу Алексей Николаевич вложил в дело создания факультета. Среди людей, которые создавали факультет, были известные ученые: А.Р. Лурия, Е.Н. Соколов, А.В. Запорожец, П.Я. Гальперин, Б.В. Зейгарник, Н.Ф. Талызина, Г.М. Андреева, В.П. Зинченко, O.K. Тихомиров, Л.С. Цветкова, Е.Д. Хомская, СН. Карпова, Н.Н. Данилова, С.Д. Смирнов, Ю.Б. Гиппенрейтер, О.В. Овчинникова, З.А. Решетова, М.Б. Михалевская. Много сил и энергии для организации и развития факультета отдала Ю.В. Котелова, заместитель декана в 1966— 1973 гг., создатель и первый руководитель практикума по экспериментальной психологии, организатор группы по психологии труда и научно-практических исследований по психологии в области промышленности. Ученые следующего поколения — В.Я. Романов, Б.М. Величковский, А.И. Подольский, А.И. Донцов, Ч.А. Измайлов, В.А. Иванников, И.И. Ильясов, А.Д. Логвиненко, А.Г. Шмелев, Б.С. Братусь продолжают сегодня работу по развитию факультета.

В декабре 1965 г. был издан приказ о преобразовании отделения психологии Московского и Ленинградского университетов в факультеты психологии и утверждена их структура. Деканом факультета психологии был назначен А.Н. Леонтьев.

В момент создания в 1966 г. факультет имел в своей структуре 3 кафедры — общей и прикладной пси-

[1] Предложения о превращении отделения психологии в самостоятельный факультет высказывались на заседаниях ученого совета философского факультета, начиная с 1950 г.

521

хологии, психофизиологии и нейропсихологии, педагогики и возрастной психологии; 5 лабораторий — психофизиологии ощущений, инженерной психологии, программированного (управляемого) обучения; кабинет педагогики, электромеханическую мастерскую. К 1970 г. на факультете было 6 кафедр — общей психологии; психологии труда и инженерной психологии; психофизиологии; нейропсихологии и патопсихологии; детской психологии; педагогической психологии и педагогики. В 1972 г. была учреждена

кафедра социальной психологии. В 1989 г. была создана кафедра психологии и инженерии знаний. В 1991 г. в структуру факультета была включена кафедра психологии, педагогики и методики преподавания в высшей школе.

Особенностью развития психологии на факультете в период, когда им руководил А.Н. Леонтьев, было утверждение в преподавании и научных исследованиях единых творческих установок, восходивших к теории деятельности. Их развитие нашло отражение в фундаментальных трудах сотрудников. Некоторые из них отмечены высшей наградой университета — премией им. М.В. Ломоносова. Ломоносовской премии были удостоены: в 1967 г.— А.Р. Лурия за труды по нейропсихологии, опубликованные в 1956— 1966 гг., в 1976 г.— А.Н. Леонтьев за книгу «Деятельность. Создание. Личность» (опубликована в 1975 г.), в 1978 г.— Б.В. Зейгарник за цикл работ, посвященных проблеме нарушения и реабилитации психических функций при различных психических заболеваниях, опубликованных в 1962-1976 гг.

Большое место в работе факультета занимает создание новых учебных пособий. Отмечается непрерывный рост контингента учащихся и повышение качества подготовки специалистов. В обстановке усиления связи научной работы с практикой университетская психология получает все большую практическую направленность, хотя упреки в отрыве университетской психологии от практики продолжаются и в настоящее время[1].

[1] Впрочем, они характерны для всей истории университета. В.М. Бехтерев, обращаясь к участникам II Всероссийского съезда по педагогической психологии в 1909 г., призывал «дать науке ход, не загонять ее в привилегированные палаты одних университетов, ибо в таком случае она будет далека от практической жизни» [2; 379].

522

На счету факультета много крупномасштабных дел. На его базе в августе 1966 г. проходил XVIII Международный психологический конгресс. Его организация явилась результатом широкой международной деятельности факультета. Начиная с 1953 г., психологи факультета принимали активное участие во всех международных психологических конгрессах, симпозиумах, выезжали с научными докладами и лекциями в другие страны и принимали у себя зарубежных ученых. Ученые-психологи МГУ состоят во многих международных и зарубежных научных организациях. Поистине неоценимый вклад в развитие международных связей факультета внес А.Р. Лурия. Он развернул кипучую деятельность по связи с иностранными издательствами и изданию трудов сотрудников факультета за рубежом.

В октябре 1968 г. вышло постановление Совета Министров СССР «О включении психологии в перечень отраслей науки, по которым присуждаются ученые степени».

В 1970-е годы на факультете был осуществлен грандиозный эксперимент по обучению четверых слепо-глухих студентов.

С 1977 г. факультет имеет свой журнал «Вестник МГУ. Серия 14. Психология».

21 января 1979 г. умер Алексей Николаевич Леонтьев. С его смертью закончилась целая эпоха в жизни факультета и в развитии университетской психологии в целом. Деканом факультета был назначен профессор А.А. Бодалев. С 1986 г. факультет возглавляет профессор Е.А. Климов.

В последние годы в соответствии с новыми социально-политическими условиями, в которых развивается наше общество, работа по совершенствованию подготовки психологических кадров получает новое направление. Главной задачей становится установление большей, чем это было до последнего времени, координации с подготовкой психологов в университетах других стран. С возрождением атмосферы духовной свободы на факультете наблюдается большая открытость, готовность к диалогу с различными школами и направлениями, многообразие которых продолжает оставаться реальностью психологической науки, все еще находящейся в поисках определения своего

523

предмета. При этом открываются широкие возможности для свободного выбора системы теоретических предпосылок. Деятельностный подход, долгое время считавшийся в университете единственно научным, в русле которого велось преподавание и осуществлялись научные исследования, утрачивает сегодня свое монопольное положение. Ранее не признаваемые учеными факультета проблемы христианской антропологии, восточной психологической мысли, мистических исканий начинают теперь входить в поле их интересов. Сняты многочисленные идеологические табу с зарубежных психологических концептуальных схем и практических методов работы. В то же время общепсихологическая концепция Рубинштейна, теория деятельности Леонтьева, теория формирования умственных действий Гальперина, общепсихологические и нейропсихологические труды Лурия, патопсихология Зейгарник занимают важное место в учебных психологических курсах. Они продолжают выступать основой научных исследований, выполняемых сотрудниками факультета, в ходе которых развиваются. Сегодня деятельностный подход занял свое нормальное место в современной психологической науке как ее неотъемлемая часть.

Исторически оценивая путь, пройденный психологией в Московском университете, и признавая важность каждого этапа этого пути, мы с особым чувством обращаемся к началу реорганизации психологического образования. Установление союза университетской психологии с Психологическим институтом им. Л.Г. Щукиной сделало университет школой подготовки специалистов самого высокого класса. Имя Георгия Ивановича Челпанова, организатора и первого директора Института, навечно вписано в летопись Московского университета. Деятельность Сергея Леонидовича Рубинштейна способствовала

восстановлению лучших традиций университетской науки. В результате многолетней деятельности Алексея Николаевича Леонтьева в университете утвердился дух глубокого уважения к теории, к фундаментальным проблемам науки. Сегодняшний день факультета психологии стал возможным благодаря деятельности этих подвижников.
524

Литература

1. *Артемов А.А.* Социальная и этническая психология // Этнологический факультет 1-го МГУ. Учебный план, программы и пособия. 1928 — 29.
2. *Бехтерев В.М.* Речь перед закрытием съезда // Труды Второго Всероссийского съезда по педагогической психологии. — СПб., 1910. С. 379.
3. В Президиум факультета общественных наук // Архив МГУ.Ф.18.0п.1.Д.34.Л.14.
4. В Президиум ФОНа 1-го МГУ от Корнилова К.Н. // Архив МГУ.Ф.18.0п.1.Д.119.Л.4.
5. Во Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНКСССР //Архив МГУ. Ф.1. (Ректорат). Россыпь. Л.13.
6. *Гальперин П.Я.* Опыт изучения формирования умственных действий // Доклады на совещании по психологии 3-8 июня 1953 г.— М., 1954. С. 118-220.
7. Заседание Историко-филологического факультета Московского университета. 1920 года, месяца февраля, 3 дня, в 12 часов //Архив МГУ. Ф.18. Оп.1. Д.16. Л.1.
8. *Зейгарник Б.В.* Патология мышления.— М., 1962.
9. Из истории русской психологии // Вопр. психол.— 1992.—№3-4. С. 43-50; №5-6. С. 41-44.
10. Из переписки Г.И. Челпанова и А.М. Щербины // Психол. журн. 1991.
11. Из трудов Психологического института им. Л. Г. Щукиной при Императорском Московском университете. Т.I. Вып. 1 — 2. С. 273 — 279. Психологический институт при Московском университете. История // Вопр. психол.— 1992.—№3-4. С. 45.
12. Инженерная психология / Под ред. А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, Д.И. Панова.— М., 1964.
13. К проекту положения об Ассоциации Словесно-гуманитарных научных институтов при Московском Государственном университете. 1921 г. Записка о Психологическом институте // Архив МГУ. Ф. 18. Оп. 1. Д.20. Л.74.
14. К столетию со дня рождения С.Л. Рубинштейна // Вопр. психол.— 1989.—№ 4. С. 66- 101; № 5. С. 56-64.
15. *Кекчеев К.Х.* Ночное зрение. М., 1942. 2-е доп. изд. 1946.
16. *Кекчеев К.Х.* Психофизиология маскировки и разведки.— М., 1942.
17. *Корнилов К.Н.* Изучение поведения человека (психология) // Этнологический факультет 1-го МГУ. Общественно-педагогическое отделение. Учебный план на 1925 — 26 учебн. год.
525
18. *Корнилов К.Н.* Психология. Просеминарий // Этнологический факультет 1-го МГУ. Учебный план, программы и пособия. 1928 — 29 уч. гг.
19. *Корнилов К.Н.* Экспериментальная психология. Просеминарий // Этнологический факультет 1-го МГУ. Учебный план, программы и пособия. 1928 — 29 уч. г.
20. *Леонтьев А.Н., Запорожец А.В.* Восстановление движения: психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения.— М., 1945.
21. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. — М., 1959.
22. Лобные доли и регуляция психических процессов / Под ред. А.Р. Лурия и Е.Д. Хомской.— М., 1966.
23. *Лурия А.Р.* Высшие корковые функции при локальных поражениях мозга.— М., 1966.
24. Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова (28 июня — 4 июля 1950 г.). Вступительное слово. Доклады. Постановление.— М., 1950.
25. Отчет о научно-исследовательской работе МГУ за 1942 г. // Архив МГУ. Ф.1.Оп.10.Д.1014.Л.38.
26. Отчеты о работе общеуниверситетских кафедр. Отчет о работе кафедры психологии Московского университета за 1943-44уч. г. // Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д.840. Л.29 - 32.
27. Протокол № 2 заседания Государственной квалификационной Комиссии по защите дипломных работ Этнологического факультета 1-го МГУ от 29 января 1929 г. // Архив МГУ.Ф.18.0п.1.Д.77.Л.4.
28. Протоколы и стенограммы заседаний ученого совета философского факультета МГУ за 1951 г. // Архив МГУ. Ф.13.0п.2.Д.18.
29. Протоколы и стенограммы заседаний ученого совета философского факультета МГУ за 1952 г. // Архив МГУ. Ф.13.0п.2.Д. 28.
30. Проф.К.Н.Корнилову//Архив МГУ.Ф.18.0п.1.Д.119.Л.5.
31. Психология и марксизм: Сб. статей сотр. Моск. Государств. института эксперимент. психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова.— Л., 1925.
32. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Вопр. психол.— 1983. № 2. С. 8 - 24.
33. Рубинштейн *С.Л.* Основы психологии.— М., 1935.
34. *Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. — М., 1958.
35. *Соколов Е.Н.* Восприятие и условный рефлекс.— М., 1958.
36. Протокол № 2 заседания Президиума совета университета от 17.01.1949 // Вопр. психол.— 1989.— № 4. С. 80.
526
37. Сергей Леонидович Рубинштейн (личное дело профессора МГУ) // Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34 — Л.д.7730.
38. Учебный план философского отделения факультета истории и философии 1-го МГУ//Архив МГУ. Ф. 18.

Оп. 1. Д.83. Л.74-75.
39. Уч. зап. МГУ. Вып. 90. Психология. Движение и деятельность. Сб.исследований кафедры психологии / Под ред. С.Л.Рубинштейна.— М., 1945.
40. Уч. зап. МГУ. Вып. 111. Психология. Вопросы восстановления психофизиологических функций / Под ред. С.Л. Рубинштейна.— М., 1947.
41. *Челпанов Г.И.* Лекции по экспериментальной психологии. Курс 1909— 10 уч. г. Литографированное издание. Издано в виде книги под назв.: Введение в экспериментальную психологию.— М., 1915.
42. *Челпанов Г.И.* Об отношении психологии к философии // Челпанов Г. Сб. статей (Психология и школа).— М., 1912. С. 71-83.
43. *Челпанов Г.И.* О положении психологии в русских университетах // Вопр. философ. и психол. Кн. 114 (IV).— 1912. С. 211-223.
44. Штатный список профессорско-преподавательского состава Московского ордена Ленина Государственного университета им. Ломоносова на 1942 — 43 уч. г. // Архив МГУ. Ф. 1. Оп.34. Д.375 «а». Л.2.

МОСКОВСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО (1885-1922)[1]

Московское Психологическое Общество было основано при Московском университете 24 января 1885 г.[2] Именно с этого дня, когда Общество провело свое первое заседание, начинается его история, хотя устав Психологического Общества был утвержден министром народного просвещения 15 июля 1884 г. Созданное в период становления психологии в России, Общество своей деятельностью способствовало процессу оформления русской психологии как самостоятельной научной дисциплины.

[1] Вопросы психологии.— 1995.— № 4. С. 82-92.

[2] Все даты приводятся по старому стилю.

527

Инициатива создания Психологического Общества принадлежала профессору Московского университета Матвею Михайловичу Троицкому (1835— 1899).

М.М. Троицкий окончил Киевскую духовную академию. В начале 60-х гг. был послан за границу для приготовления к профессорскому званию по философии. По возвращении был недолгое время профессором философии в Казани, после этого в Варшаве. С 1875 г.— профессор Московского университета, где занял кафедру философии после смерти П.Д. Юркевича, заведовавшего этой кафедрой с 1863 г. до своей смерти (1874).

В.Н. Ивановский называет его «восстановителем» [5] преподавания светской философии в русских университетах после разгрома философии в 1850 г., когда в университетах были закрыты кафедры философии. 2 декабря 1899 г. на заседании Санкт-Петербургского философского общества Вл. Соловьев выступил с речью «Характеристика М.М. Троицкого, Н.Я. Грота и П.Д. Юркевича», произнесенной в память людей, которые отдают свои силы важному делу философского образования» [9; 319]. По В.С. Соловьеву, М.М. Троицкий «открыл для русской науки английскую эмпирическую психологию и, уверовав в нее как в абсолютную истину, совершенно и навсегда удовлетворился, опочил от всякого умственного движения» [9; 321]. Одним из первых в русской психологии он отметил огромное значение успехов экспериментального метода; с симпатией относился к естествознанию. Докторская диссертация М.М. Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии» (опубликована в 1867 г., 2-е издание в 1883 г. в 2 т.) была направлена против метафизики немецких философов XVIII —XIX вв.— Хр. Вольфа, И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля. Он критиковал также направления немецкой антропологии и психологии Я. Фриза, И. Гербарта, Ф. Бенеке, которые, по мнению М.М. Троицкого, хотя и развивались под влиянием английского эмпиризма, но в силу того, что почва в Германии была неблагоприятной для эмпирического мировоззрения, представляли «простой и поздний отзвук школы Локка». М.М. Троицкий подробно изложил взгляды Фр. Бэкона, Дж. Локка, Д. Юма, Д. Гартли, а также крупнейших представителей эмпирической ассо-

528

цианистической психологии XIX в. Т.Брауна, Дж. Милля, Дж.Ст. Милля, А.Бэна, И.Тэна, Г. Спенсера. Эту систему он считал единственно научной теорией психологии. В духе эмпиризма выполнена главная работа Троицкого «Наука о духе: общие свойства и законы человеческого духа»: В 2 т., 1882 г. Этот труд содержит изложение системы собственных взглядов и основные понятия психологии. Здесь он дает оригинальную трактовку «общих свойств и законов человеческого духа». В «Учебнике логики» (1886— 1888) представлены взгляды М.М. Троицкого по вопросам методологии и логики научного познания, в том числе психологического исследования. Как сторонник позитивизма он отстаивает положение о научных, или положительных, методах психологии. Особое внимание он обращает на отличие психологии от других наук по методу, поскольку по своему предмету — им является дух как сумма всех психических фактов сознания, «страдательного и деятельного или явления чувства, ума и воли, обладающие на высшей ступени органической природы той особенной связью или тем особенным единством, которое называется личностью» [13; 76],— психология очевидно отличается как от наук физических, так и от метафизики духа. Признавая исключительную важность психологии, данные которой «служат отправной точкой для остальных исследований духа» [13], М.М. Троицкий обращал внимание на ее заметное отставание от других наук. Сочувственно относясь к мнениям о причинах этого отставания как коренящихся в сложности самого предмета психологии — духа,— кроме этого объяснения он указал еще на одно неблагоприятное

обстоятельство: оно заключается в самой «форме психологического труда». Разработка психологических проблем, поясняет далее свою мысль М.М. Троицкий, требует включения данных многих наук — истории, психиатрии, зоологии, антропологии, физиологии и др. Поскольку в Московском университете все эти науки представлены, полезно их соединение в целях психологического познания. Формой такого объединения он предложил создание Психологического Общества. Идея получила поддержку у профессоров университета, и пятнадцать из них, вместе с профессором М.М. Троицким, стали учредителями Психологического Общества.
529
Это были: антрополог и географ Д.Н. Анучин, зоолог А.П. Богданов, математик Н.В. Бугаев, профессор истории права Н.А. Зверев, социолог М.М. Ковалевский, психиатр А.Я. Кожевников, профессор Г.Е. Колоколов, доктор медицины В.А. Легонин, филолог В.Ф. Миллер, юрист С.А. Муромцев, филолог Н.И. Стороженко, биолог С.А. Усов, филолог Ф.Ф. Фортунатов, экономист А.И. Чупров, физиолог Ф.П. Шереметьевский. 28 января 1884 г. они обратились в Совет Московского университета с прошением о ходатайстве его перед министерством народного просвещения об учреждении при Московском университете научного общества под названием Психологического. «Психология,— писали они в этом прошении,— справедливо признается основой всех философских наук и многих дисциплин, выходящих из сферы философии в тесном смысле; она в последнее время подверглась такой многосторонней обработке, которая естественно сблизила между собой многие науки, преподаваемые на различных факультетах, как то: психологию человека, историю литературы, сравнительное языкознание, энциклопедию права, государственное право, уголовное право, зоологию, антропологию, физиологию мозга и нервной системы, психиатрию, судебную медицину и др. Ввиду этого сближения указанных наук на почве психологических вопросов представители их в различных факультетах Императорского Московского Университета предложили учредить при означенном университете «Психологическое Общество», которое позволило бы им соединить разрозненные труды психологического характера в целях более широкой и плодотворной разработки психологии в ее составе, приложениях и истории, равно как и для распространения психологических знаний в России» [1; 252]. Первое заседание Психологического Общества состоялось 24 января 1885 г. Оно имело организационный характер. Председатель собрания М.М. Троицкий зачитал устав, утвержденный министерством народного просвещения. Было избрано бюро Общества в составе председателя М.М. Троицкого, товарища председателя В.А. Легонина, секретаря Н.А. Зверева, тов. секретаря Д.Н. Анучина. Определено место заседаний, решены другие организационные вопросы. Членами-учредителями было предложено 59 человек к избранию
530
их в действительные члены Общества. В их числе: Н.Н. Баженов, М.И. Владиславлев, Н.Я. Грот, А.Н. Гиляров, Е.В. Де-Роберти, К.Д. Кавелин, В.А. Дриль, Ф.А. Зеленогорский, А.П. Казанский, С.С. Корсаков, Л.М. Лопатин, В.О. Ключевский, Н.Н. Страхов, И.В. Цветаев, другие выдающиеся деятели русской науки.

Цели, задачи, организационная структура Общества определялись его уставом. Согласно уставу, «Психологическое Общество, состоящее при Императорском Московском университете имеет целью разработку психологии в ее составе, приложениях и истории и распространении психологических знаний в России» [14; §1]. Общество состояло из членов: почетных (лица, отличившиеся в науке или «принесшие существенную пользу успехам Общества»), действительных (составляли большую часть Общества), соревнователей (ими могли быть лица, «желающие споспешествовать цели Общества своими материальными средствами»), корреспондентов (всех, кто заявил «желание сообщать различные сведения психологического интереса») [14; §3]. В разные годы почетными членами были: М.М. Троицкий, Вл. Соловьев, И.М. Сеченов, Б.Н. Чичерин, Л.Н. Толстой и др., а также иностранные ученые: А. Бэн, В. Вундт, Э. фон Гартман, Э. Дюбуа-Реймон, Т. Рибо, Г. Гельмгольц. В соответствии с уставом почетные и действительные члены имели право на получение бесплатно всех изданий Общества (§11).

Уставом определялся характер заседаний. Различались годичные обыкновенные и чрезвычайные, закрытые и публичные заседания. Определялась их периодичность — «по мере надобности, но не реже одного в месяц, исключая время с 1 мая по 1 сентября» (§12). Общество было единым, не имело отделений, хотя неоднократно возникал и обсуждался вопрос о создании психофизиологической секции (это выделение не осуществилось) .

Заседания проходили обычно в вечернее время (кроме публичных, которые назначались на дневные часы). Они были продолжительными, нередко заканчивались около полуночи, а некоторые — даже еще позже. Как правило, в месяц было два заседания. Нередко один вопрос обсуждался на нескольких заседаниях (например, вопросы о свободе воли, о гипнотиз-
531
ме, об экспериментальных исследованиях вундтовской лаборатории и др.). Обсуждения происходили при высокой активности членов Общества. Из присутствующих (в среднем это было 16 — 20 человек) 5 — 6 человек выступали в прениях. Обычные заседания имели характер рабочих обсуждений, близких по своему характеру к заседаниям университетской кафедры.

Общество действовало с 1885 до 1922 г., в его истории выделяются три периода.

I. Период становления (1885—1887). Председателем был М.М. Троицкий. В этот период определялась программа деятельности Общества, складывался состав его членов, создавались рабочие органы и т. п.

Формой работы Общества в эти годы были научные заседания по разнообразным вопросам философии и психологии. По оценке Н.Д. Виноградова, бывшего его секретарем, «обсуждение затрагиваемых здесь вопросов вскоре приняло более широкий характер, чем предполагалось названием Общества, ибо предметами обсуждения стали проблемы не только психологические, но и философские в широком смысле слова» [3; 251]. И. Основной период (1888—1918), председателями были Н.Я. Грот (реально с октября 1887, официально — с января 1888 до 1899 г.) и Л.М. Лопатин (1899-1918). Время деятельности Общества под председательством Н.Я. Грота оценивалось как «самый блестящий период в жизни Общества» [3; 251] и даже «героический» [3; 253]. В связи с общественно-историческими условиями, особенно 1905— 1906 гг., а также крупными утратами, понесенными в 1899—1901 гг. (умерли Н.Я. Грот, В.П. Преображенский, СС. Корсаков, B.C. Соловьев, А.А. Токарский), тонус деятельности Психологического Общества несколько понижается. Но уже с 1907 г. начинается новое оживление его деятельности, «увеличивается число его заседаний, растет интерес к этим собраниям и со стороны общества в широком смысле...» [3; 256]. В этот период кроме проведения заседаний развернулась широкая издательская деятельность Общества. Она заключалась в публикации «Трудов» (выходили в 1888— 1914 гг., издано 8 выпусков) и некоторых других изданий: переводов философских и психологических трудов (Г. Геффдинга, К. Фишера, В. Вундта, И. Канта, Б. Спинозы и др.), сообще-
532
ний, сделанных членами Общества на его заседаниях. С 1889 г. Общество издавало журнал «Вопросы философии и психологии». Журнал был основан Н.Я. Гротом при финансовой поддержке московского купца А.А. Абрикосова. Периодичность издания — 5 книг в год. Последние — 141 и 142-я — книги вышли в 1918 г. В 1889— 1893 гг. его редактором был Н.Я. Грот; в 1894 — 1895 гг. ему помогал Л.М.Лопатин. В 1896—1897 гг. журнал редактировали Л.М. Лопатин и В.П. Преображенский, в 1900- 1905 гг.— Л.М. Лопатин и СН. Трубецкой. В 1906— 1918 гг. единственным редактором был Л.М. Лопатин. С 1898 г. журнал выходил при содействии созданного в 1897 г. Санкт-Петербургского Философского общества. Содержание журнала в значительной степени отражало научную жизнь Московского Психологического Общества. Здесь в специальной рубрике «Московское Психологическое Общество» публиковались краткие отчеты о его заседаниях в виде извлечений из протоколов. В них содержалась информация о времени и месте заседаний, поименно назывались председатель и присутствующие члены, повестка дня заседания. Иногда специальным пунктом записывалась благодарность председателя, которую он выражал докладчику. Отдельным номером обозначались предложения к избранию в новые члены Общества, при этом назывались имена рекомендующих. Также отдельным пунктом публиковались результаты голосования по избранию новых членов, предложенных на предыдущем заседании. Давались извещения о смерти действительных членов, как правило, в первом пункте протокола. Общее представление о заседаниях Психологического Общества дает «Список заседаний Московского Психологического Общества за 25 лет» — 1885-1910 гг. [11].
III. Период кризиса (1918 — июнь 1922). Председателями были Л.М. Лопатин (до 1920 г.) и И.А. Ильин (1920— 1922). Последние четыре года своей деятельности Общество, как и все другие научные общества, переживало тяжелый кризис. Работало неравномерно, с перебоями, но не прекращало своей деятельности в форме заседаний с чтением научных докладов, часто привлекавших большое количество публики. После выхода 141 — 142-й книг журнала «Вопросы философии
533
и психологии» издательская деятельность полностью прекратилась На распорядительном заседании 20 марта 1921 г. на очередное трехлетие было избрано правление в составе: председатель — И.А. Ильин, товарищи председателя А.И. Огнев и П.П. Соколов, секретарь — П.Н. Каптерев, казначей — М.К. Морозова, библиотекарь А.А. Грушка. Однако в связи с обострением идеологической ситуации, в частности с высылкой философов, в числе которых был председатель И.А. Ильин, Общество прекратило свое существование досрочно: последнее заседание состоялось 15 июня 1922 г. На нем с докладом «Теория абстракции у Платона» выступил А.Ф. Лосев.
На этом завершается история Психологического Общества, учрежденного при Московском университете в 1885 г.
Приведем один типичный протокол заседания, который позволяет составить представление о разных направлениях его деятельности.
«CCL. Протокол годичного распорядительного заседания 23 января 1910 года.
Заседание было открыто в 9 ч. вечера в зале Правления университета под председательством Л.М. Лопатина, при секретаре Н.Д. Виноградове, в присутствии гг. действительных членов: Н.А. Абрикосова, П.П. Блонского, Н.П. Корелиной, М.К. Морозовой, кн. Е.Н. Трубецкого, Г.И. Челпанова, А.М. Щербины. В заседании происходило следующее:
1. Л.М. Лопатин сообщил о кончине действительного члена Общества П.П. Стрельцова. По предложению председателя Собрание почтило память почившего вставанием.
2. Был прочитан и утвержден протокол предыдущего заседания.
3. Секретарь Общества Н.Д. Виноградов прочел отчет о состоянии Общества за время от 31 января 1909 года по 22 января 1910 года.
4. Казначей Общества Н.А. Абрикосов доложил Обществу отчет о движении денежных сумм Общества за это же время.

5. Секретарь редакции журнала «Вопросы философии и психологии» Н.П. Корелина доложила отчет по изданию журнала за истекший срок.
534
6. Обсуждался вопрос об организации торжественного заседания по случаю двадцатипятилетия существования Общества. После обмена мнениями решено было устроить торжественное заседание 14 марта, в воскресенье днем, в богословской аудитории. Вход на это заседание должен быть по билетам, распределение которых поручается бюро Общества. Во время заседания на эстраде должны быть поставлены портреты наиболее выдающихся скончавшихся деятелей Общества. Состав заседания определяется следующим образом: отчет секретаря Общества, речь Л.М. Лопатина (Важнейшие течения в современной философской мысли), речь Г.И. Челпанова (Современное положение индивидуальной психологии), речь П.И. Новгородцева (Современные искания в области общественной морали). Кроме того, Л.М. Лопатину поручено выяснить вопрос о предполагавшемся участии на этом заседании одного из натуралистов.
7. Г.И. Челпанов сообщил Обществу о большом количестве ценного материала, полученного Обществом в ответ на анкету, разосланную преподавателям философской пропедевтики. Вместе с этим Г.И. Челпанов сделал предложение пригласить для разработки этого материала члена Общества П.П. Блонского (ввиду невозможности для членов комиссии принять активное участие в разработке этого материала в ближайшее время), который должен выполнить эту работу под руководством его, Г.И. Челпанова, и результаты ее напечатать в журнале «Вопросы философии и психологии». После обмена мнений Собрание сделало следующее постановление по поводу этого предложения: уполномочить комиссию обсудить предложение Г.И. Челпанова, предоставив окончательное решение этого вопроса самой комиссии.
8. Обсуждался вопрос о плане занятий Общества в наступившем году. Намечены следующие заседания: кроме юбилейного — заседание в память В.С. Соловьева (осенью по случаю десятилетия со дня кончины В.С. Соловьева), на котором предположены речи следующих лиц: Л.М. Лопатина, кн. Е.Н. Трубецкого, СН. Булгакова, П.И. Новгородцева и пр.; очередные заседания — по поводу анкетного материала, с предполагаемыми референтами А.П. Болтуновым, Г.И. Челпановым и пр.
9. Была произведена баллотировка предложенных к избранию в действительные члены Общества: И.М. Громогласова и И.А. Ильина. Оба оказались избранными единогласно.
535
Заседание было закрыто в 11 ч. вечера» [7].
По содержанию обсуждаемых сообщений все заседания (они были главной, а на первом этапе — единственной формой работы) можно разделить на два вида. Первую группу составляют заседания с научными докладами — это основная часть всех заседаний Общества. Их тематика разнообразна. По характеру ее это, во-первых, торжественные заседания, посвященные памяти некоторых философов прошлого, а также выдающихся деятелей Общества. Так, состоялись торжественные публичные заседания в память Джордано Бруно, в связи с установлением ему памятника в Риме (1885), А. Шопенгауэра в связи со столетием со дня рождения (1888), Р.Декарта в связи с трехсотлетием со дня рождения (1896) и др., а также в память Н.Я. Грота, В.П. Преображенского, С.С. Корсакова (совместно с Обществом психиатров и невропатологов), В.С. Соловьева и др. Во-вторых, проходили заседания, на которых обсуждались научные сообщения по разным вопросам современной психологии, философии и других наук. При этом преобладающее место занимали философские проблемы в широком смысле, включая историю философии, этику, эстетику, логику, теорию познания и др. В ряде случаев обсуждение психологических проблем соединялось с философским. Из числа психологических выделяется, например, заседание с обсуждением доклада Г.И. Челпанова «Общие результаты психометрических исследований в лейпцигской лаборатории и их значение для психологии», состоявшееся 10 марта 1888 г. и продолженное 17 марта. Обсуждение, в котором участвовали Н.Я. Грот, П.Е. Астафьев, Н.В. Бугаев, Н.А. Иванцов, С.С. Корсаков, продолжалось до глубокого вечера. Также заинтересованно обсуждались вопросы: свобода воли (сообщение Н.Я. Грота), пространство и время (сообщения на разных заседаниях Г.И. Челпанова, Н.Я. Грота, Б.Н.Чичерина), рассудок и вера (П.А. Каленов), психофизическая проблема (Л.М. Лопатин), проблема нравственности и нравственных чувств (Н.Я. Грот, А.А. Токарский, П.А. Каленов), метод эксперимента (А.А. Токарский, Н.Я. Грот, Г.И. Челпанов), гипноз и др.
536
Другую группу составляют заседания, которые имели общекультурную направленность. Именно они привлекали широкую публику и получали большой общественный резонанс. Особенно показательны в этом отношении заседания, на которых с докладами выступили Л.Н. Толстой и В.С. Соловьев. Доклад Л.Н. Толстого «О понятии жизни» состоялся на закрытом заседании 14 марта 1887 г. Л.Н.Толстой был членом Психологического Общества с октября 1885 г., с января 1894 г.— его почетный член. Он познакомился с Н.Я. Гротом в 1885 г.; Н.Я. Грот и ввел Льва Николаевича в состав Общества. Он участвовал в заседаниях, в частности 25 февраля 1887 г., на котором Н.Я. Грот читал реферат «О свободе воли». Свое выступление Л.Н. Толстой начал с критики научного метода познания жизни. Наука рассматривает, как из неорганической материи зарождается органическая, как затем осуществляется переход к чувству, воле, мысли. Все эти знания, по Л.Н. Толстому, только сопутствуют пониманию жизни. Они не приближают человека к пониманию главного и неотделимого от понятия жизни вопроса, которым является не вопрос, как появилась

жизнь, а вопрос о смысле жизни. Что такое истинная действительная жизнь и жизнь, которая даже и не жизнь, а животное существование,— вот вопросы, которые ставит Л.Н. Толстой. Первая — это духовная разумная жизнь как стремление к благу не для себя, но во имя любви к другим людям. Вторая — плотская жизнь, эгоистическая, направленная на удовлетворение своих потребностей. Ее нужно подчинять духовной для достижения блага. Столкновение этих двух начал — «пределов» — и есть жизнь как «стремление к благу, и то, к чему он стремится, то и дано ему. Свет, зажженный в душе человека, есть благо и жизнь, и свет этот не может быть тьмою» [12; 884]. Мысли Л.Н. Толстого отвечали коренным исканиям русской интеллигенции. Выступление вызвало огромный интерес. Зал был переполнен. Обсуждение затянулось за полночь. Самого Л.Н. Толстого оно побудило к работе над книгой «О жизни». В подготовке рукописи к печати участвовал Н.Я. Грот. По этому поводу они временами встречались ежедневно. «Иног-
537
да вместе гуляем до типографии,— сообщал Н.Я. Грот в одном из писем брату, Константину Яковлевичу.— Я веду усердно лекции и занятия со студентами. А тут еще работа подвернулась. Лев Николаевич попросил читать корректуру его сочинения «О жизни» (15 п.л.) — дав самые широкие полномочия — подписывать к печати, вычеркивать и поправлять стиль и проч. Эта работа доставляет мне большое удовольствие по интересу моему к статье, которую я вызвал (к жизни), но тяжеленько возиться с его иной раз невозможным слогом» [4]. Книга Л.Н.Толстого вышла в 1888 г. в журнале «Вопросы философии и психологии» (1891 г., §§4 — 8) философ А.А. Козлов и другие члены Психологического Общества выступили с обстоятельным анализом идей Л.Н. Толстого.
Еще большую сенсацию вызвало выступление В.С. Соловьева на заседании 19 октября 1891 г., на котором он прочитал реферат «О причинах упадка средневекового миросозерцания». Рассматривая как будто бы исторические вопросы — «тот двойственный полуязыческий и полухристианский строй понятий и жизни, который сложился и господствовал в Средние века как на римско-германском Западе, так и на византийском Востоке», В.С. Соловьев излагал свой взгляд на задачи и сущность религии, определял реальную роль церкви и религии в общественном прогрессе. Острая постановка этих вопросов в контексте исторических фактов, особенно тезис В.С. Соловьева о существовании в России гонений на религиозной почве и даже инквизиции, проводимое им различие между христианским идеалом и истинным христианством и христианством мнимым разрушали сложившиеся догмы. Утверждение о том, что самому духу христианства более соответствует социальный прогресс развития Запада за последние три столетия, чем деятельность христианской церкви, В.С. Соловьев дополнил напоминанием об истории двух апостолов — Иуды Искариота и Фомы. «Иуда словом и лобзанием приветствовал Христа. Фома в лицо ему заявил свое неверие. Но Иуда предал Христа и «шед удавися», а Фома остался апостолом и умер за Христа» [10; 354]. Выступление В.С. Соловьева было воспринято в
538
официальных кругах как нападки на устои православия и русской государственности. По распоряжению Главного управления по делам печати текст с рефератом был изъят из 10-й книги журнала «Вопросы философии и психологии» (был напечатан лишь в 1901 г., кн. 56). Газета «Московские ведомости» поместила сообщение, в котором дала извращенное представление о содержании выступления В.С. Соловьева, обвинила Психологическое Общество в глумлении над православной церковью и христианством вообще, в антиправительственной агитации и даже в принадлежности к какой-то политической партии и т. п. За газетными публикациями последовало требование попечителя Московского учебного округа запретить председателю Психологического Общества принимать рефераты от В.С. Соловьева и Л.Н. Толстого (в этом же номере журнала предполагалось опубликовать статью Л.Н. Толстого «О голоде»). В ответ на эти события 16 января 1892 г. состоялось экстренное заседание Психологического Общества. Было зачитано письмо Н.Я. Грота, в котором он уведомлял о сложении с себя обязанностей председателя Общества. Однако в связи с обращением членов Общества к Н.Я. Гроту с просьбой взять свой отказ обратно Н.Я. Грот согласился продолжать выполнять обязанности председателя, подчеркнув, при этом, что будет действовать в том же духе, в котором вел свою деятельность до тех пор.
Приведенные примеры говорят об остроте и общественной значимости тем, обсуждавшихся на заседаниях Психологического Общества.
Подводя итоги деятельности Психологического Общества, можно ли сказать, что были решены задачи, которые ставили перед ним его основатели? Произошло ли предполагавшееся объединение на почве разработки психологических вопросов тех разнообразных отраслей знания, которые ставились в тесную связь с психологией? По-видимому, на этот вопрос нельзя ответить утвердительно. Однако идеи о синтезе знаний как объективном требовании самого предмета психологического исследования, попытки Психологического Общества привлечь разных специалистов к обсуждению психологических проблем
539
способствовали углублению и правильной постановке важнейших вопросов психологии, помогали в их разработке.
Анализируя итоги деятельности Психологического Общества за первые 6 лет, Н.Я. Грот отмечал, что благодаря издательской деятельности Психологическое Общество содействовало философскому образованию. Деятельность Психологического Общества — яркая иллюстрация плодотворности связи психологии с другими науками, но прежде всего — с философией. По мысли Н.Я. Грота, русская философия

способствовала «развитию в образованных слоях критического духа, самостоятельности мысли, смелости и однако терпимости и благородства в проведении и отстаивании своих убеждений отдельной личностью» [3; 259]. Психологическое Общество способствовало росту теоретической культуры в области психологического исследования и формированию образа строгой научности в психологии. Когда в конце XIX — начале XX в. в психологии началось широкое движение в различные области социальной практики с использованием тестов, анкет, Г.И. Челпанов в своих выступлениях на заседаниях Психологического Общества предупреждал об опасности отрыва в этой работе от основ теоретической психологии. Он говорил о том, что даже собирание психологических материалов нельзя поручать неспециалистам. Это могут делать только профессионалы. Он утверждал, что «и из положений теоретической психологии можно сделать практическое применение» [15; 328]. Забота о научности психологии, в том числе и применительно к области решения практических задач, отражает самый дух Психологического Общества.

Психологическое Общество является образцовой школой научной этики и высокой культуры научного общения. Вот только отдельные факты в подтверждение этого вывода. Прежде чем подписать протокол, Н.Я. Грот как председатель нередко вносил в текст свою правку. Например, в протокол заседания от 24 сентября 1894 г., в повестке дня которого было обсуждение реферата А.Я. Ефименко «О малороссийском философе Г. Сковороде», в пункт 10 о предложении к

540

избранию г-жи Ефименко в действительные члены Психологического Общества Н.Я. Грот своей рукой вписывает полностью ее имя и отчество и слова: «председатель предложил благодарить г-жу Ефименко за интересный реферат» [8]. Еще один пример. Журнал «Вопросы философии и психологии» предоставлял возможность свободно высказываться на своих страницах представителям самых разнообразных течений. Терпимость к разным взглядам отличала Н.Я. Грота как редактора, благодаря чему в журнале сложился общий тон уважения к разным мнениям в науке. Он был открыт творческому обсуждению проблем. Характерно в этом отношении примечание к напечатанной в книге 10 (1891 г.) статье биолога М.А. Мензбира «Исторический очерк воззрений на природу». В нем говорится: «С удовольствием помещаем статью почтенного натуралиста... так как она дает читателю образчик миросозерцания, совершенно противоположного тому, которое отстаивает большинство сотрудников журнала — философов-метафизиков» [6; 15].

Общую нравственную атмосферу, сложившуюся в Психологическом Обществе, воссоздают некрологи, публиковавшиеся в журнале. Они написаны очень личностно, с указанием деталей в характере и поведении деятелей Общества, так что за строками текста выступает вполне конкретный реальный образ человека и ученого. Например, в некрологе на А.А. Токарского А.Н. Бернштейн писал о нем: «Изнемогая от удушья, он не пропускал ни одного заседания; задыхаясь от тяжелого кашля, спорил и препирался так же горячо и страстно, как и всегда» [2; XI]. Действительно, А.А. Токарский был одним из самых активных деятелей Общества. Он часто выступал с рефератами, почти всегда участвовал в прениях. Необыкновенно теплую характеристику личности С.С. Корсакова дал в некрологе Л.М. Лопатин, подчеркнув исключительный моральный авторитет его «чрезвычайно своеобразной и мощной нравственной личности». Если сравнить эти некрологи с современными, между ними выступает очень большое отличие: в последних, как правило, не просматривается человек, оцениваются только результаты его научной деятельности.

541

Московское Психологическое Общество играло важную роль в культурной и духовной жизни Москвы конца XIX — начала XX в. Благодаря участию в его работе писателей Л.Н. Толстого, А.А. Фета, П.Д, Боборыкина, литературного критика Ю.И. Айхенвальда, профессора Московской консерватории композитора А.Н. Скрябина его деятельность выходила за рамки философии и психологии. Одно из научных обществ, созданных при Московском университете, Психологическое Общество занимает почетное место в истории русской науки и культуры.

Литература

1. Белкин *А.С.* Обзор деятельности Московского Психологического Общества за первое десятилетие (1885—1895) // Вопросы философии и психологии. Кн.27.— 1895. С. 251-258.

2. *Бернштейн А.Н.* Ардалион Ардалионович Токарский (некролог) // Вопросы философии и психологии. Кн. 59.— 1901.C.V-XI.

3. *Виноградов Н.Д.* Краткий исторический очерк деятельности Московского Психологического Общества за 25 лет // Вопросы философии и психологии. Кн. 103.— 1910. С. 249-262.

4. *Грот Н.Я.* Письмо брату К.Я. Гроту // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.26.— М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1936.

5. *Ивановский В.Н.* М.М. Троицкий (некролог) // Вопросы философии и психологии. Кн. 47.— 1899. С. VI — XVI.

6. *Мензбир М.А.* Исторический очерк воззрений на природу // Вопросы философии и психологии. Кн. 10.— 1891. С. 151-174.

7. CCL протокол годичного распорядительного заседания 23 января 1910 года // Вопросы философии и психологии. Кн.102. — 1910. С. 192-193.

8. Протоколы заседаний Психологического Общества // ОРКи РНБМГУ. Рук. Т.Н. № 588.

9. *Соловьев В.С.* Три характеристики // Вестник Европы.— 1900.—№1.С.319-335.

10. *Соловьев В.С.* О причинах упадка средневекового миросозерцания. Соч. Т.2.— М.: Правда, 1989. С. 344 - 362.

11. Список заседаний Московского Психологического Общества за 25 лет // Вопросы философии и психологии. Кн. 103,—1910. С. 207-223.

542

12. *Толстой Л.Н.* Реферат в Московском Психологическом Обществе, напечатанный в газете «Новое время», 1887, № 3973 от 22 марта // Толстой Л.Н. Поли. собр. соч. Т. 26. — М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1936. С. 881-884.
13. *Троицкий М.М.* Учебник логики. Кн.3.— М., 1888.
14. Устав Психологического Общества, состоящего при Императорском Московском Университете.— М., 1885.
15. *Челпанов Г.И.* Современная индивидуальная психология и ее практическое значение // Вопросы философии и психологии. Кн. 103.— 1910. С. 306 - 330.

543

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

V в. до н. э. — философы Гераклит, Эмпедокл, Демокрит создали первые учения о душе; врач Гиппократ выдвинул представление о темпераментах;

399 г. до н. э. — суд над древнегреческим философом Сократом;

IV в. до н. э. — учение Платона о душе; трактат Аристотеля «О душе» — первое в истории сочинение по психологии;

III в. до н. э. — учение Эпикура о человеческой свободе; учение стоиков о душе и аффектах;

397-401 — Аврелий Августин пишет «Исповедь» — первое в истории психологии сочинение, в котором самопознание выступает источником знаний о душе как о внутренней жизни;

XIII в. — психологическая концепция Фомы Аквинского;

1436 — изобретение в Европе книгопечатания (И. Гутенберг);

1590 — Р. Гоклениус и его ученик О. Кассман (1594) впервые употребили термин «психология»;

1620 — трактат Ф. Бэкона «Новый органон», в котором Бэкон сформулировал принципы индуктивного метода в науках, основанного на эксперименте и опыте, и указал на роль умственных орудий в познании;

544

1628 — английский врач В. Гарвей изложил учение о кровообращении;

1649 — в трактате «Страсти души» французский философ и ученый Р. Декарт представил свое учение о душе и о рефлекторном принципе работы тела в рамках дуалистической концепции;

1690 — английский философ Дж. Локк, основатель эмпирической линии в психологии, разработал учение об опытном происхождении содержания сознания, ввел понятие об ассоциации идей;

1732 — 1734 — немецкий философ Хр. Вольф опубликовал «Эмпирическую психологию»; Вольф опубликовал «Рациональную психологию»;

1736 — Аструх Монпелье ввел понятие «рефлекс»;

1749 — труд английского врача Д. Гартли «О человеке, его строении, его обязанностях и его упованиях», в которой дал первое изложение ассоциативной психологии;

1755 — основан Московский университет (25 января по новому стилю);

1774 — австрийский врач Ф. Месмер выступил с теорией «животного магнетизма»;

1787 — Д. Тидеман опубликовал первый труд по детской психологии «Наблюдения о развитии душевных способностей у детей»;

1798 — опубликован последний труд И. Канта «Антропология с прагматической точки зрения». Размышления Канта о человеке являются по существу эмпирической психологией: включают психологические данные опыта о явлениях познания, способностей чувства и желания, а также о темпераменте и характере в связи с заме-

545

чаниями практического использования этих данных;

1808 — австрийский физиолог, анатом, врач Ф.Й. Галль выступил с учением о локализации психических способностей и ее отражении в форме черепа. Его ученик И.Ф. Шпурцхейм дал термин «френология» в своей книге «Физиологическая система д-ра Галля и Шпурцхейма» (1815). В Англии идеи френологии развивал Дж. Комб (1822);

1811 — английский анатом и физиолог Ч. Белл показал различие между чувствующими и двигательными корешками спинного мозга;

1859 — Ч. Дарвин опубликовал «Происхождение видов»;
немецкие ученые М. Лацарус и Г. Штейнталь основали «Журнал психологии народов и языкознания», от которого начинается отсчет истории

1860 — этнической психологии;
Г.Т. Фехнер опубликовал «Элементы психофизики»;

1863 — в еженедельной газете «Медицинский вестник» опубликована статья И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга»;

1869 — голландский физиолог и врач Ф. Дондерс опубликовал статью «О скорости психических процессов»;

1874 — опубликованы «Основы физиологической психологии» В. Вундта (первая часть труда была опубликована в 1873);
опубликована книга Ф. Брентано «Психология с эмпирической точки зрения», в которой Брентано развивает идеи о психологии как науке об интенциональных актах;

546

1879 — В. Вундт организовал первую лабораторию по экспериментальной психологии;

1883 — первая психологическая лаборатория в университете Гопкинса (Америка);

1885 — книга Г. Эббингауза «О памяти»;

1885 — первая в России лаборатория экспериментальной психологии в Казани, создана В.М. Бехтеревым; в Московском университете учреждено Московское Психологическое Общество;

1887 — Л.Н. Толстой выступил на заседании МПО с докладом на тему: «О понятии жизни»;

1888 — Дж. Мак Кин Кеттел стал профессором и первым в мире заведующим кафедрой психологии (Пенсильванский университет, США);

1889 — 6-10 **августа** I Международный психологический конгресс в Париже;

1889 — Т. Рибо создал первую психологическую лабораторию во Франции в Сорбонне;

1889 октябрь — вышел первый номер журнала «Вопросы философии и психологии» (ред. Н.Я. Грот), первого в России журнала по психологии и философии; последняя (№141 - 142) книга вышла в 1918 г.;

1890 — У. Джемс «Принципы психологии»; Дж. Мак Кин Кеттел «Ментальные тесты и измерения»; австрийский психолог Хр. Фон Эренфельс ввел понятие гештальт-качества;

1892 — основана Американская психологическая ассоциация; А.И. Введенский опубликовал психофизиологический закон;

1895 — опубликована книга Й. Брейера и 3. Фрейда «Исследования по истерии», в которой дается первое изло-

547

жение психоаналитической теории и метода свободных ассоциаций; опубликована статья Н.Я. Грота «Основания экспериментальной психологии»;

в Московском университете С.С. Корсаковым создана психологическая лаборатория при Психиатрической клинике медицинского факультета;

1896 — статья Дж. Дьюи «Понятие рефлекторной дуги в психологии», ее выход ознаменовал начало нового направления в американской психологии — функционализма;

О. Хризман (сотрудник Г.С. Холла) опубликовал работу «Педология»;

1900 — 3. Фрейд «Толкование сновидений»;

1903 апрель — на Международном медицинском конгрессе в Мадриде И.П. Павлов произнес речь «Экспериментальная психология и психопатология на животных», в которой заявил о рождении новой науки — физиологии высшей нервной деятельности;

1904 — И.П. Павлову присуждена Нобелевская премия в области физиологии и медицины;

1907 — вступление Г.И. Челпанова в должность профессора Московского университета;

В.М. Бехтерев создал в Петербурге Психоневрологический институт как ученое учреждение и высшее учебное заведение;

1910-1914 — в России выходит журнал «Психотерапия» (под ред. Н.А. Вырубова);

1911 — опубликованы лекции 3. Фрейда «О психоанализе. Пять лекций»;

1912 — М. Вертгеймер опубликовал статью «Экспериментальные исследования восприятия движения» — первое изложение принципов гештальтпсихологии;

548

1913 — в программной статье «Психология с точки зрения бихевиориста» Дж. Уотсон сформулировал принципы бихевиоризма;

1914 23 марта— открытие Психологического института им. Л.Г. Щукиной при Императорском московском университете;

1916 январь — на съезде по экспериментальной педагогике И.П. Павлов выступил с докладом «Рефлекс цели»;

1918 — в Петрограде открыт Институт по изучению мозга и психической деятельности;

1919 — в Петроградском университете создана первая в России кафедра экспериментальной зоологии и генетики (рук. Ю.А. Филипченко);

1920 — в Москве создано Русское евгеническое общество при Государственном Научном Институте народного здравоохранения;

1921 — в Петрограде создано Бюро по евгенике (зав. Ю.А. Филипченко); в Москве такое бюро было создано в 1924 г. в Медико-биологическом институте;

Совет Народных Комиссаров принял постановление за подписью В.И. Ленина «в кратчайший срок создать наиболее благоприятные условия для обеспечения научной работы академика Павлова и его сотрудников»; Создан Центральный институт труда ВЦСПС (ЦИТ);

1922 — вышел первый номер «Известий Бюро по евгенике»;

статья С.Л. Рубинштейна «Принцип творческой самодеятельности»;

А.Н. Северцов в работе «Эволюция и психика» описал два типа приспособления у животных;

549

1922-1925 — выпуск «Психологической и психоаналитической библиотеки» под ред. И.Д. Ермакова;

1923 — 10-15 января I Всероссийский съезд по психоневрологии (Москва) — поставил задачу создания марксистской психологии; вышел в свет знаменитый труд И.П. Павлова «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных»;
опубликованы первые работы Н.А. Бернштейна по биомеханике движений;
А.А. Ухтомский опубликовал статью «Доминанта как рабочий принцип нервных центров»; Ж. Пиаже опубликовал книгу «Речь и мышление ребенка» — первый цикл экспериментальных исследований основателя Женевской школы генетической психологии;

1924 — опубликован перевод книги К. Юнга «Психологические типы»;

3-10 января — Второй Всероссийский съезд по психоневрологии (Петроград);

1925 — в Ленинграде создан Институт физиологии на базе Физиологической лаборатории АН СССР (с 1936 г. — им. И.П. Павлова);

1927 — создано Психологическое Общество в Грузии;

27 декабря — Всероссийский педологический Съезд (учредительный);

1928 — начал издаваться «Журнал психологии, педологии и психотехники», на основе которого в 1929 г. создано 3 самостоятельных журнала «Психология» (1929-1932), Педология (1929- 1932), Психотехника и психофизиология труда (1929-1934), в 1932- 1934 под названием «Советская психотехника»;

550

1929 — рефлексологическая дискуссия, Ленинград;

1930 — I-й Всесоюзный съезд по изучению поведения человека; в БСЭ (т.6) опубликована статья Дж. Уотсона «Бихевиоризм»; опубликован перевод книги В. Кёлера «Исследование интеллекта человекоподобных обезьян» с предисловием Л.С. Выготского;

1931 — реактологическая дискуссия в Московском Государственном институте психологии, педологии и психотехники; VI Международная психотехническая конференция в Москве — первый международный форум психологической науки в нашей стране;

1934 — перевод книги К. Коффки «Проблема развития в структурной психологии» с предисловием Л.С. Выготского;

1936 — постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля «О педологических извращениях в системе наркомпросов»; статья В.Н. Колбановского в газете «Известия» от 23 октября «Так называемая психотехника»;

1940 — опубликована книга С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» (государственная Сталинская — премия 1942 г.);

1942 — 1 октября создана кафедра психологии на философском факультете Московского университета — первая в истории университета кафедра психологии;

1943 — создана Академия педагогических наук РСФСР, преобразована в АПН СССР (1966). С 1991 — Российская академия образования (РАО);

1944 — 11 марта произошло выделение из МГУ Института психологии и передача его в ведение Академии педагогических наук РСФСР;

551

1945 — в Институте философии АН СССР создан Сектор психологии — первая

психологическая лаборатория в системе Академии наук;

1946 — выходит «Психодрама» Дж. Морено — основная работа по психодраматической терапии;

1952 — в выступлении на Совещании по психологии П.Я. Гальперин дал первое изложение своей концепции психики как ориентировочной деятельности предмета психологии, метода формирования психических функций как нового метода психологического исследования;

1955 — начал издаваться журнал «Вопросы психологии». Первый редактор А.А. Смирнов;

1957 — учреждено Общество психологов при АПН РСФСР;

1959 — I съезд Общества психологов (Москва) ; организована первая отечественная лаборатория инженерной психологии, возглавляемая Б.Ф. Ломовым;

1961 — Американская Ассоциация за гуманистическую психологию; журнал «Гуманистическая психология»;

1963 — присуждение Ленинской премии А.Н. Леонтьеву за книгу «Проблемы развития психики»;

1966 — организация факультетов психологии в Московском и Ленинградском университетах;
XVIII Международный психологический конгресс в Москве;

1967 — американский психолог У. Найссер опубликовал книгу «Когнитивная психология», определившую основные проблемы когнитивной психологии, одного из современных течений психологии XX в.;

552

1971 декабрь — решение об организации Института психологии АН СССР, первого в системе Академии Наук психологического научно-исследовательского учреждения (первый директор Б.Ф. Ломов);

1977 — начал выходить журнал «Вестник МГУ. Серия 14. Психология». Первый редактор А.Н. Леонтьев;

1980 — начал издаваться «Психологический журнал». Первый редактор Б.Ф. Ломов;

1986 — первый международный конгресс по теории деятельности (Берлин);

1995 январь — образовано Российское Психологическое Общество. Первый президент Е.А. Климов.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

АбаевН.В.91
Абеляр П. 81, 82, 86
Абрикосов А.А. 533, 534
Августин «Блаженный», Аврелий 76-78, 83, 84, 544
Аверроэс (Ибн Рушд) (Aver roës) 81, 85
Авиценна (Ибн Сина) (Avicenna) 81, 85
Аврелий Марк 47
Адлер А. (Adler A.) 355, 358, 367, 368-370, 399, 416, 466, 479, 482, 483
Айзенк Г. (Eysenk H.) 293
Айхенвальд Ю.И. 542
Аквинский Фома 80, 81, 86 — 90, 544
Аксаковы К.С. и И.С. 198
Александр Афродизийский 73
Александр Македонский 35
Александер Ф. (Alexander F.) 378
Алкмеон Кротонский 70, 71
Альберт Великий 86
Альгазен (Ибн аль-Хайсам) 85
Амсель А. (Amsel A.) 332
Анаксагор 48
Анаксимандр 34
Анаксимен 34, 48
Ананьев Б.Г. 5, 9, 158, 278, 416, 419, 456-459, 462, 469
Андерсон Дж.Р. (Anderson J.) 474
Андреева Г.М. 466, 521
Аничков Д.С. 159
Анненков П.В. 197
Анохин П.К. 280, 415, 462, 516, 518
Анри В. 293
Антонович М.А. 202
Анучин Д.Н. 530
Анцыферова Л.И. 9, 303
Аристотель 5, 58 - 70, 73, 76, 82, 84, 85, 87, 95, 97, 99, 101, 102, 107, 133, 544
Арнхейм Р. (Arnheim R.) 344
Артемов В.А. 416, 510, 515, 525
Артемьева Е.Ю. 263
Архимед 72
Арямов И А. 409
Аснин В.И. 449
Астафьев П.Е. 536
Ах Н. (Ach N.) 286, 287, 288
Аэций 73
554

Б

Баженов Н.Н. 531
Бандура А. (Bandura A.) 337
Барт С. (Burt C.) 293
Барт С. 293
Бартлетт Ф. (Bartlett F.) 343, 475
Басов М.Я. 409, 411, 412, 419, 421-424
Батурин П. С. 159
Бахтин М.М. 463
Беер Т. (Beer T.) 231
Белинский В.Г. 198
Белкин А.С. 542
Белл Ч. (Bell C.) 213-214, 546
Бёме Я. (Böhme J.) 90
Бенедикт Р. (Benedict R.) 380
Бенеке Ф. (Beneke F.) 528
Бергсон А. (Bergson H.) 317, 391, 495 Бердяев Н.А. 80, 81, 198
Беркли Дж. (Berkeley Y.) 137-138, 148
Берн Э. (Berne E) 482
Бернал Дж. (Bernal J.) 317
Бернар К. (Bernar C.) 212
Бернгейм И. (Bernheim H.) 223, 304, 356

Бернштейн АН. 417, 541, 542
Бернштейн М.С. 416
Бернштейн Н.А. 280, 406, 465, 514, 516, 550
Берталанфи Л. (Bertalanfy L.) 352
Бессель Ф.В. (Bessel F.) 226
Бете А. (Bethe A.) 231
Бехтерев В.М. 20, 240, 249, 272, 274-277, 278, 307, 309, 324, 413, 417, 418, 428, 456, 462, 466, 469, 522, 525, 547, 548
Бец В.А. 222
Бине А. (Binet A.) 287, 290, 293-295, 304
Биран де М. (Main de Biran M.) 157
Благонадежина Л.В. 513
Блейлер Э. (Bleuler E.) 299, 310, 370
Блондель Ш. (Blondel Ch.) 387, 390, 391
Блонский П.П. 203, 409, 410, 411, 412, 416, 417, 418, 419, 421, 424 - 425, 428, 509, 534, 535
Блум Ф. (Bloom F.) 477
Боборыкин П.Д. 542
Бобров Е.А. 9
Богданов А.П. 530
Бодалев А.А. 523
Божович Л.И. 434, 449, 461
Бойль Р. 7
Боккаччо Дж. 81, 92
Болдуин Дж. (Baldwin J.) 233, 301
Болтунов А.П. 411, 535
Бонне] Ш. (Bonnet C.) 156, 164
Боринг Э. (Boring E.) 7, 14, 26, 214, 253, 275, 327
Боткин В.П. 197
Боэций Аниций Манлий Северин 81
Брайан У. (Breyen W.) 302
Браккен X. (Bracken H.) 486
Братусь Б.С. 466, 521
Браун Т. (Brown T.) 182- 185, 528
Брейер Й. (Breuer I.) 356, 547
Брентано Ф. (Brentano F.) 253 - 256, 260, 270, 282, 311, 546
555
Бродбент Д. (Brodbent D.) 474
Брока П. (Broca P.)221
Брунер Дж. (Bruner J.) 463, 474, 493, 494
Бруни Л. 92
Бруно Дж. 81, 94, 95, 536
Брушлинский А.В. 404, 447
Брэд Дж. (Braid J.) 223
Брюкке Э. (Brücke) 211
Бугаев Н.В. 265, 530, 536
Будилова Е.А. 9, 14, 27, 204
Буйо Ж.Б. (Bouilland J.) 221
Бук У. (Book W.F.) 302
Булгаков СН. 535
Бургаве Г. (Boerhaave H.) 145, 148
Буркхардт Я. (Burckhardt J.) 92
Бурменская Г.В. 234
Бухарин Н.И. 404, 414
Быков К.М. 518
Бычков В.В. 77
Бэкон Р. 81, 91
Бэкон Ф. 95, 96, 97-100, 101, 102, 122, 123, 500, 528, 544
Бэн А. (Bain A.) 138, 182, 189-190, 206, 245, 528, 531
Бэр К.М. 198, 204, 211
Бюлер К. (Bühler K.) 233, 286, 342, 495
Бюлер Ш. (Bühler Ch.) 479, 480, 481
Бюффон Ж. (Buffon J.) 145, 149, 161
Бюхер К. (Bücher K.) 299

В

Вагнер В, А. 272, 413-414
Вайтц Т. (Waitz Th.) 180, 206
Валла Лоренцо (Valla Lorenzo) 5
Валлон А. (Wallon H.) 307, 391, 492-494, 495
Ван дер Веер Р. (Van der Veer R.) 463
Варшава Б.Е. 410

Василейский С.М. 404
Василюк Ф.Е. 467
Введенский А.И. 198, 264, 265, 267, 547
Введенский Н.Е. 275
Вебер Э.Х. (Weber E.) 217, 218, 219, 260
Везалий А. (Vesalius A.) 96
Велланский Д. 199
Величковский Б.М. 497, 521
Венгер Л.А. 461
Вернадский В.И. 317, 318
Вернан Ж.-П. (Vernant J.-P.) 495
Вернике К. (Wernieke C.) 221
Вертгеймер Макс (Wertheimer M.) 256, 320, 339-340, 348, 349, 399, 492, 548
Вертгеймер Михаэль (Wert-heimer M.) 344
Вессель Н.Х. 203
Вивес Х.Л. (Vives) 96
Виннекот Д. (Winnicott D.W.) 385
Виноградов Н.Д. 266, 532, 534, 542
Винокур Г. 270
Владиславлев М.И. 9, 264, 531
Войскунский А.Е. 464
556
Войтонис Н.Ф. 232
Волгин В.П. 271, 509
Вольтер Ф.М. 145
Вудвортс Р. (Woodworth R.) 8, 25, 287, 299, 301, 330
Вольф Х. (Wolf Ch.) 164, 165, 528, 545
Вульф М.В. 417
Вундт В. (Wundt W.) 20, 135, 177, 181, 183, 210, 239-245, 260, 263, 270, 273, 275, 282, 286, 288, 300, 306, 311, 323, 339, 394, 399, 429, 531, 532, 546 - 547
Выготский Л.С. 4, 5, 9, 15, 22-23, 32, 93, 100, 101, 119, 120, 121, 204, 257, 270, 303, 315, 320, 321, 328, 339, 341, 351, 352, 399, 400, 404, 409, 410, 412, 414, 415, 416, 419, 428, 430, 433-440, 442, 449, 461, 465, 467, 469, 495, 499, 500, 510, 511, 551
Вырубов Н.А. 548

Г

Галантер Ю. (Galanter E.) 332, 333, 474
Гален К. 72-73, 82, 96
Галилей Г. 5, 8, 81, 95, 119
Галич А.И. 199
Галль Ф.Й. (Gall F.I.) 17, 220, 546
Гальбвакс М. (Halbwachs M.) 387, 390, 391
Гальперин П.Я. 5, 9, 10, 11, 152, 289, 306, 315, 323, 332, 344, 392, 393, 400, 433, 440, 449, 453 - 456, 461, 463, 465, 469, 494, 498, 512, 520, 521, 524, 525, 552
Гальтон Ф. (Galton F.) 287, 290-293, 300, 301, 312, 486
Ганслик Э. 179
Гарвей В. 96, 545
Гартли Д. (Hartley D.) 20, 137, 140- 144, 164, 183, 190, 195, 304, 528, 545
Гартман Х. (Hartmann H.) 384
Гартман Э. (Hartman .) 317, 531
Гассенди П. 128
Гастев А.К. 406
Гегель Г.В.Ф. 58, 116, 170-171, 191, 228, 528
Гейлинкс А. (Geulincx A.) 114
Геккель Э. (Haeckel E.) 212, 213, 233
Гексли Т. (Huxley Th.) 211
Геллерштейн С.Г. 302, 404, 406, 407, 408, 419
Гельвеций К. 145, 153-155, 163, 164
Гельмгольц Г. (Helmgolz H.) 7, 181, 211, 218-220, 236, 531
Гераклит 34, 102, 544
Гербарт И.Ф. (Herbart I.) 135, 175-179, 206, 528
Геринг Э. (Hering E.) 217
Герофил 72
Герцен А.И. 198-200
Гибсон Дж. (Gibson J.) 475
Гибсон Э. (Gibson E.) 475
Гизель И. 158
Гилфорд Дж. (Gulford J.) 293
Геффдинг Г. (Hoffding H.) 532
Гиляров А.Н. 531
Гиппенрейтер Ю.Б. 347, 521

557
Гиппократ 21, 67, 70-72, 73, 82, 543
Гитциг Ф. (Hitzig F.) 222
Глоувер Э. (Glover E.) 384
Гоббс Т. 108, 123-127, 128, 161
Гоголь Н.В. 198
Гоклениус Р. (Goclenius R.) 96, 544
Гольбах П. 145
Гольдштейн К. (Goldstein К.) 480
Гольц Ф. (Goltz F.) 222
Гопхоуз Л. (Hobhouse L.) 230
Грановский Т.Н. 197
Грининг Т. (Greening T.) 477, 479
Громогласов И.М. 535
Грос К. (Groos К.) 228, 233
Грот Н.Я. 209, 227, 264, 265, 266 - 267, 308 - 309, 503, 528, 531, 532, 533, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 547, 548
Грушка А.А. 534
Гулыга А.В. 24
Гумбольдт В. (Humboldt W.) 20, 205
Гуревич А.Я. 81, 82
Гурьянов Е.В. 514
Гус Ян 81
Гусс К. (Guss К.) 344
Гуссерль Э. (Husserl E.) 255, 256, 317, 344
Гуттенберг И. 92, 544

Д

Давыдов В.В. 131, 204, 440, 456, 494
Даль В. 204
Дамиани П. 89
Даниличева Н.А. 26, 422
Данилова Н.Н. 494
Данте Алигьери 80, 81, 91, 92, 93
Дарвин Ч. 190, 198, 211, 213, 228 - 230, 232, 233, 234, 236, 289, 501, 546
Дебольский Н. 198
Дейч Г. (Deutsch G.) 477
Декарт Р. 12, 20, 21, 77, 96, 105-116, 117, 118, 127, 145, 161, 164, 172, 319, 385, 500, 501, 536, 545
Демокрит 35-42, 45-46, 70, 75, 87, 101, 102, 544
Денисова М.П. 269, 276
Деннит Д. (Dennett D.) 474
Державин Г.Р. 74
Десницкий С.Е. 159
Дессуар М. (Dessoir M.) 78, 84, 85
Джексон X. (Jackson H.) 222
Джемс У. (James W.) 7, 193, 257 - 260, 299, 312, 391, 547
Дженнингс Г. (Jennings H.) 231
Дженсен А. (Jensen A.) 486, 487
Джонес Э. (Jones E.) 26
Джотто 81
Дидро Д. 145, 155
Дильтей В. (Dilthey W.) 282, 319, 392 - 397, 400, 435, 481
Диоген Лаэртский 41
Добролюбов Н.А. 198, 200-201
558
Добрынин Н.Ф. 269, 417
Доллард Дж. (Dollard J.) 380
Дондерс Ф.К. (Donders F.C.) 226, 236, 475, 546
Донцов А.И. 521
Достоевский Ф.М. 198
Дриль В.А. 531
Дробиш М.В. (Drobisch M.) 179
Дубинин Н.П. 486
Дунс Скот И. 81, 90
Дункер К. (Duncker К.) 348, 349
Дунцов А.И. 466
Дуров В.Л. 335
Дынник М.А. 35, 102
Дьюи Дж. (Dewey J.) 260-262, 299, 548
Дэвидсон А. (Davidson A.) 493
Дюбуа-Реймон Э. (Du Bois Rey-mond) 211, 212, 214, 218, 531

Дюгем П. (Duhem P.) 95
Дюрер А. 81
Дюркгейм Э. (Durkheim E.) 387-389, 391

Е

Евклид 72
Евстахий Б. 96
Елизавета Петровна 159
Енчмен Э.С. 428
Ермаков И.Д. 416, 417, 550
Ефименко А.Я. 540, 541

Ж

Жане П. (Janet P.) 223, 304, 305-307, 310, 371, 437
Ждан А.Н. 11, 158, 323, 332, 344, 392, 393, 400, 464
Жинкин Н.И.269
Жуковский В.А. 198

З

Заззо Р. (Zazzo R.) 495
Залкинд А.Б. 409, 420
Зандер Ф. (Sander F.) 339
Запорожец А.В. 396, 434, 449, 461, 512, 515, 520, 521
Зверев Н.А. 530
Зейгарник Б.В. 351, 461, 470, 520, 521, 522, 525
Зеленогорский Ф.А. 9, 531
Зельц О. (Selz O.) 288 - 289
Зенон 35, 39
Зеньковский В.В. 74, 89, 466
Зинченко В.П. 465, 521, 525
Зинченко П.И. 449
Зоммер Р. (Sommer R.) 196, 298
Зощенко М. 168

559

И

Иванников В.А. 521
Ивановский В.Н. 9, 139, 415, 528, 542
Иванцов Н.А. 536
Ивенс Р. (Evans R.) 26
Измайлов Ч.А. 521
Икскюль И. (Uexkull I.) 231
Ильин И.А. 533, 534, 535
Ильясов И.И.521
Инфельд Л. (Infeld L.) 4
Иоанн Скотт Эриугена 80, 82, 86
Йеркс Р. (YerkesR.)301
Йост А. (Yost A.) 284

К

Кабанис П. (Cabanis P.) 150- 151
Кавелин К.Д. 197, 204, 206, 246, 247, 248, 312, 531
Казанский А.П. 9, 61, 62, 531
Какабадзе В.Л. 431
Каленов П.А. 536
Калкинс М. (Calkins M.) 285
Кампанелла Т. 80
Кандинский В.Х. 310
Кант И. 135, 139, 156, 164-168, 171, 172, 178, 194, 217, 289, 344, 393, 528, 532, 545
Кантемир А. Д. 159
Каптерев П.Ф. 203, 534
Кардинер А. (Kardiner A.) 380
Карлейль Т. (Corlyle Th.) 8
Карпова С.Н. 461, 521
Карстен А. (Karsten A.) 351
Касаткин Н.И. 276
Кассман О. 96, 544
Катц Д. (Katz D.)341
Кекчеев К.Х. 406, 512, 514, 525
Келли Г. (Keley H.)479
Кеплер И. 95
Кеттел Джеймс Мак-Кин (Cattel J. McK) 290, 299-300, 302, 547

Кёлер В. (Köhler W.) 232, 320, 338, 341-343, 346, 348, 352, 400, 416, 551
Киреевские И.В. и П.В. 197
Киршман А. (Kirschman A.) 240
Кистяковская М.Ю. 276
Клайнеберг О. (Klineberg O.) 493
Клапаред Э. (Claparede E.) 262
Кликс Ф. (Klix F.) 492
Климов Е.А. 460, 523, 553
Ключевский В.О. 531
Ковалевский М.М. 275, 530
Ковалевский П.И. 307
Кожевников А.Я. 265, 530
Козельский Я.П. 159, 161
Козлов А.А. 538
Колбановский В.Н. 407, 551
Колоколов Г.Е. 530
Колумб X. 95
Кольцова В.А. 9, 27, 160, 172
Комаров В.Я. 275
Комб Дж. (Combe) 546
Комм А.Г. 515
Кондильяк Э. (Condillac) 145— 148, 152, 153, 164, 199
560
Конисский 158
Конрад Н.И. 81, 92
Конт О. (Comte A.) 182, 188
Коперник Н. 81, 95
Корнилов К.Н. 403, 418, 419, 420, 425 - 428, 470, 508, 509, 510, 525, 526
Корелина Н.П. 534
Корсаков С.С. 265, 307, 308, 532, 536, 541, 548
Корш Е.Ф. 197
Костюк П.Г. 249
Котелова Ю.В. 408, 521
Коул М. (Cole M.) 493
Кохут X. (Kohut H.) 385
Коффка К. (Koffka K.) 256, 289, 320, 340, 342, 343, 345, 347, 400, 416, 551
Кравков СВ. 269, 413, 462, 512, 514
Крепелин Э. (Kraepelin E.) 196, 240, 290, 298, 307
Кречмер Э. (Kretschmer E.) 416, 466
Криз Э. (Kris E.) 384
Крипнер С. (Krippner S.) 481
Крогиус А.А. 409
Крюгерф. (Krueger F.) 240, 339
Ксенофонт 50
Кузнецова И.В. 412
Кун Т. (Kuhn T.) 7, 19, 28
Кьеркегор С. (Kierkegaard S.) 479
Кэмпбелл Д. (Campbell D.) 493
Кэрр Г. (Carr H.) 260
Кюльпе О. (Kulpe O.) 240, 286, 287, 288

Л

Лабрюйер Ж. (La Bruyère J.) 69
Ладыгина-Котс Н.Н. 232, 417, 516
Лазурский А.Ф. 262, 290, 297, 409, 411, 421, 466
Лай В.А. (Lay W.A.)299
Лакан Ж. (Lacan J.) 385, 386
Лакатос И. (Lacatos I.) 19
Лаланд А. (Lalande A.) 151
Ламетри Ж. (La Mettrie J.) 145, 149-153
Ламсден Ч. (Lumsden Ch.) 485
Ланге К.Г. (Lange) 7, 212
Ланге Л. (Lange L.) 226, 431
Ланге Н.Н. 75, 223, 240, 249, 262, 263, 264, 272-274, 283, 307-309, 312, 462
Лапшин И.И. 198
Ларошфуко Ф. (La Rochefoucauld F.) 69
Лацарус М. (Lazarus M.) 180, 204, 206, 546
Лачинс А. (Lachins A.) 344
Ле Гофф Ж. (Le Goff J.) 84
Леббок Дж. (Lubbock J.) 213, 230

Леви-Брюль Л. (Levy-Bruhl L.) 387, 389-390, 466
Леви-Строе К. (Levy-Strauss С.) 391, 466, 491-492
Левин К. (Levin К.) 4, 5, 28, 256, 320, 331, 340, 343, 350-352
Левина Р.Е. 434
Левитов Н.Д. 407
561
Левкипп 35
Легонин В.А. 530
Лейбниц Г. 7, 133-136, 164, 172, 178, 212, 287, 501, 502
Лейзерсон А. (Lazercon А.) 477
Ленин В.И. 317, 404, 405, 462, 549
Леонардо Бруни 92
Леонардо да Винчи 81, 93, 95, 358
Леонтьев А.Н. 5, 26, 146, 195, 257, 269, 306, 310, 404, 415, 424, 430, 433, 434, 435, 440 - 441, 446, 447, 448-451, 461, 462, 463, 464, 465, 469, 470, 494, 510, 512-513, 514, 515, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 552, 553
Лесгафт П.Ф. 275
Лехтман-Абрамович Р.Я. 276
Леб Ж. (Loeb J.)231
Линдсей П. (Lindsay Р.) 474
Линней К. 144, 161
Липпс Т. (Lipps Th.) 240, 257, 271, 339
Лисснер К. (Lissner К.) 351
Логан Ф. (Logan F.) 332
Логвиненко А.Д. 521
Логинова Н.А. 457
Локк Дж. (Locke J.) 39, 123, 127-132, 133, 134, 135, 137, 139, 145, 146, 153, 160, 161, 172, 176, 194, 199, 215, 319, 393, 501, 502, 528, 545
Ломов Б.Ф. 461, 462, 552, 553
Ломоносов М.В. 158—161
Лопатин Л.М. 198, 267, 269, 270, 308, 428, 465, 503, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 541
Лоренц К. 232, 483
Лоренцер А. 306
Лосев А.Ф. 21, 534
Лосский Н.О. 198, 271-272
Лотце Р.Г. (Lotze R.H.) 180-181
Луков Г.Д. 449
Лукреций Кар 35, 38, 41, 43, 46
Лункевич В.В. 73
Лурия А.Р. 26, 222, 236, 433, 434, 439, 440 - 443, 462, 465, 470, 478, 510, 512, 514, 516, 520, 521, 522, 523, 524, 526
Лурье С.Я. 45, 75
Льебо А. (Liebeault А.А.) 223, 304
Лэдд Г. (Ladd G.)301
Любимов Н.А. 77, 108
Любовский П. 199
Людвиг К. (Ludwig К.) 211, 214
Лютер М. (Luter М.) 81, 385
ЛяминаГ.М.276

М

Магеллан Ф. 95
Мажанди Ф. (Magendie F.) 212
Майер А. (Mayer А.) 286, 348
Мак-Дугал У. (Mc Dougall W.) 262
Макиавелли Н. (Machiavelli N.) 93
Максвелл 341
Малер В. (Mahler W.) 351
Малиновский Б. 374
Малпас Р. (Malpas R.) 493
Мальбранш Н. 114
Мальпиги М. 96
Мальрие Ф. (Malrieu Ph.) 495
562
Мальтус Т.Р. 201
Мамардашвили М.К. 516
Мандрыка А.М. 404, 406
Марбе К. (Marbe К.) 211, 240, 286
Марголис Дж. (Margolis J.) 476
Мариотт Э. 7
Маритен Ж. 82
Маркс К. 15, 20, 33, 36, 46, 48, 86, 98, 122, 127, 146, 379, 388, 404, 419, 420, 444, 445, 462, 526

Маркусова В.А. 27
Марцинковская Т.Д. 9
Маслоу А. (Maslow A.) 479, 480, 481
Маурер О.Х. (Mowrer O.H.) 322
Мах Э. (Mach E.) 212, 241, 317, 338, 344
Мееровский Б.В. 141
Мейерсон И. (Meyerson I.) 391, 495
Мейман Э. (Meumann E.) 299
Мейнонг А. (Meinong A.) 255
Мелахтон Ф. (Melanchton F.) 96
Мендель Г. 212
Мензбир М.А. 541, 542
Мерлин В.С. 458
Месмер Ф. (Mesmer F.-A.) 223, 545
Мессер А. (Messer A.) 286, 287
Мечников И.И. 199, 212
Мещеряков А.И. 461
Мид М. (Mead M.) 380
Микеланджело 81
Миллер В.Ф. 530
Миллер Дж. (Miller J.) 332, 333, 474
Миллер А. (Miller A.) 385
Миллер Н.Е. (Miller H.E.) 332
Милль Дж. (Mill J.) 20, 182, 185-186, 528
Милль Дж.Ст. (Mill J.S.) 182, 186-189, 206, 528
Митькин А.А. 353, 354
Михайлов И. 160
Михалевская М.Б. 347, 521
Монпелье А. 545
Монтень М. 69, 94, 102
Монтескье Ш. 145
Мор Т. (More Th.) 80
Морган Л. (Morgan C.L.) 213, 230
Моргунов Е.Б. 465
Морено Дж. 552
Морозова М.К. 534
Морозова Н.Г. 434
Мунк Г. (Munk H.) 222
Мур А.У. (Moor A.) 260
Муромцев С.А. 530
Мухина В.С. 461
Мэй Р. (May R) 479
Мэрфи Г. (Murphy G.) 478, 479
Мэрчисон К. (Murchison C.) 26
Мюллер Г.Э. (Muller G.E.) 181, 183, 282, 284, 285, 288, 431
Мюллер И. (Muller I.) 213, 214-217
Мюнстерберг Г. (Munsterberg H.) 210-211, 240, 299, 302-303
Мюнцер Т. 81
Мюррей Г.А. (Murray H.A.) 478, 479
Мясищев В.Н. 277
563

Н

Надеждин Н.И. 204
Найссер У. (Neisser U.) 474 — 476, 497, 552
Наполеон 8, 151
Небылицын В.Д. 293, 460, 469
Несмелов В.В. 466
Нечаев А.П. 309, 409, 417
Непомнящая Н.И. 520
Низами 81
Никифорова О.И. 513, 520
Никольская А.А. 9
Нири К. (Nyiri K.) 19
Ницше Ф. 317
Новгородцев П.И. 198, 535
Новиков Н.И. 159, 160
Норман Д. 474
Носкова О.Г. 27
Ньютон И. 7, 8, 95, 144, 195

О

Обухова Л.Ф. 168, 234, 466, 489, 491
Овсянкина М. 351
Овчинникова О.В. 531
Огнев А.И. 534
Оккам В.86, 90
Олпорт Г. (Allport G.) 478, 479, 481, 498, 502
Омар Хайям 81
Орбели Л.О. 280, 518
Оствальд В. (Ostwald W.) 212

П

Павлов И.П. 21, 71, 112, 231, 247, 249, 278-281, 324, 329, 335, 404, 414, 460, 469, 518, 519, 526, 548, 549, 550
Пайвио А. (Paivio A.) 474
Парацельс А. 96
Парсонс Ф. (Parsons F.) 303
Пелагий 77, 78
Пере Б. (Perez B.) 233
Перлз Ф. (Perls F.) 354
Петр I 159
Петрарка Ф. 81, 91, 92
Петровский А.В. 9, 461, 466
Петровский И.Г. 310
Петровский Н.В. 417
Пиаже Ж. (Piaget J.) 20, 100, 157, 300, 306, 307, 354, 387, 390, 416, 462, 466, 475, 487-491, 497, 550
Пирогов Н.И. 203
Писарев Д. И. 198, 199
Планк М. 344
Платон 48 - 58, 60, 75, 76, 78, 101, 102, 287, 534, 544
Плотин 76, 77, 424
Погодин М.П. 197
Подольский А.И. 234, 354, 521
Полани М. (Polanyi M.) 19, 24
Политцер Ж. (Politzer G.) 494 - 495
Помпонацци П. 94
Пономарев Я. А. 154
Поповский Н.И. 159
Портеле Г. 344
564
Потебня А.А. 20, 204, 205, 206
Прангишвили А.С. 68
Прейер В. (Preyer W.) 233
Преображенский В.П. 532, 533, 536
Приам 263
Прибрам К. (Pribram K.) 332, 333, 474
Пристли Дж. 144, 161
Прокопович Ф. 158
Птолемей Клавдий 72
Птолемей II 72
Протагор 49
Пуркинье Я. (Purkyne J.) 216
Пушкин А.С. 198, 199
Пьерон А. (Pieron H.) 307

Р

Рабле Ф. 81
Равич-Щербо И.В. 291
Радищев А.Н. 159, 161 - 163
Радлов Э.Л. 249, 264, 271
Рамус П. (Ramus P.) 95
Рапапорт Д. (Rapaport D.) 384
Рафаэль Санцио 81
Рейснер М.А. 419
Рембрандт Х. 81
Реомюр Р. 145
Репина Т. А. 512
Решетова З.А. 520, 521
Рибо Т. (Ribot Th.) 146, 157, 176, 209, 225, 304 - 305, 531, 547
Роберти Е.В. 275, 331
Рогинский Г.З. 232

Рогинский Я.Я. 516
Роговин М.С. 9
Роджерс К. (Rogers С.) 479-480
Розанов В.В. 395
Розенталь Т.К. 417
Романее Дж. (Romanes G.) 230
Романов В.Я. 521
Роменец В.А. 9
Россолимо Г.И. 297
Росцелин И. (Roscelinus I.) 86
Роттер Дж. (Rotter J) 337
Рубенс П.П. 81
Рубин Э. (Rubin E.) 341
Рубинштейн С.Л. 5, 9, 122, 131, 196, 210, 228, 241, 257, 315, 322, 328, 388, 396, 397, 404, 416, 419, 424, 430, 440, 443 - 448, 456, 462, 463, 469, 470, 485, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 518, 524, 525, 526, 549, 551
Рублев А. 81
Рудестам К. (Rudestam К.) 480
Рулье К.Ф. 198
Румянцев Н.Е. 309, 409
Руссо Ж.-Ж. 57 - 58, 145, 156, 157
Рыбников Н.А. 269, 411, 514

С

Саймон Г. (Simon Н.А.) 474
Салютати К. 92
Салливан Г. (Sullivan H.S.) 373, 377-378
Самарин Ю.Ф. 198, 248
Сартр Ж.-П. 492
Северный Б.Н. 417
Северцов А. Н. 549
565
Селесник Ш. (Selesnick Sh.) 378
Селли Дж. (Sully J.) 233
Сенека 46-47, 102
Сервантес М. 81
Сервет М. (Servet М.) 96
Сеченов И.М. 199, 201, 206, 210, 245-249, 272, 312, 457, 531, 546
Сикорский И.А. 307
Симон Т. (Simon Т.) 294
Сироткина И.Е. 422
Сирс Р. (Sears R.R.) 332
Сишор К. (Seashore С.) 301
Скиннер Б. (Skinner B.F.) 334 — 336
Сковорода Г. С. 159, 540
Скрипчур Э. (Scripture Е.) 240, 301
Скрябин А.Н. 542
Славина Л.С. 434
Смирнов А.А. 9, 269, 460, 463, 512, 513, 514, 515, 531, 552
Смирнов В.Е. 417
Смирнов С.Д. 462, 463, 521
Смолл В. (Small W.) 232, 301
Соколов А.Н. 513, 514
Соколов В.В. 39
Соколов Е.Н. 281, 520, 521, 526
Соколов М.В. 9, 158
Соколов П.П. 534
Соколянский И.А. 461
Сократ 48-50, 101, 291, 544
Соловьев Вл. 21, 51, 198, 202, 528, 531, 532, 535, 536, 537, 538, 539, 542
Сорель Ж. (Sorel J.)317
Соссюр Р. (Saussure R. de) 223
Соссюр Ф. (Saussure F. de) 386
Спенс К. (Spence К.) 332
Спенсер Г. (Spencer Н.) 182, 190-195, 213, 501, 528
Спиноза Б. 116-122, 161, 168, 172, 500, 532
Спирмен Ч. (Spearman С.) 293
Спитц Р. (Spitz R.) 384
Спрингер С. (Springer S.) 477
Спэрри Р. (Sperry R.) 477
Сталин И.В. 280, 404, 517, 518, 519

Стаут Г.Ф. (Stout G.) 255, 262
Стороженко Н.И. 530
Стратон из Лампсака 72
Страхов Н.Н. 531
Стрельцов П.П. 534
Струве Г. 206
Сумароков А.П. 159
Сыркин М.Ю.407
Сэв Л. (Seve L.) 151, 495

Т

Тайлер У. (Tyler W.) 81
Талызина Н.Ф. 520, 521
Тарле Е.В. 275
Татищев В.Н. 159, 160
Тахо-Годи А.А. 102
Тейлор Ф. (Taylor F.) 302
Тэйлор Э. (Tylor E.) 213, 234-235
Телезио Б. 94
Теофраст 69
Теплов Б.М. 4, 5, 9, 28, 65, 269, 281, 293, 298, 413, 459-460, 469, 512, 513, 514, 515, 518
Термен Л. (Terman L.) 295
Терстоун Л. (Thurstone L.) 293
566
Тетенс И. (Tetens I.) 166
Тидебан Д. 545
Тимирязев К.А. 199
Тинберген Н. (Tinbergen N.) 232
Титченер Э. (Titchener E.) 240, 250 - 253, 261, 262, 288, 301, 323
Тих Н.А. 232
Тихомиров О.К. 464, 521
Токарский А.А. 307, 308, 532, 536, 541, 542
Толмен Э. (Tolman E.) 327, 328-329, 343, 474
Толстой Л.Н. 198, 266, 531, 537 - 539, 541, 542, 543, 547
Торндайк Э. (Thomdike E.) 231 -232, 299, 301, 329, 330, 416, 435
Траутшольдт М. (Trautscholdt M.) 183
Тредиаковский В.К. 159
Троицкий М.М. 9, 184, 265- 266, 503, 528 - 529, 530, 531, 532, 543
Триандис Г. (Trandis H.) 493
Трубецкой СН. 270, 533, 534
Тулмин С. (Tulmin S.) 19
Тульвисте П. 494
Турбина М.А. 411
Тутунджян О.М. 9, 463
Тэн И. (Taine H.) 157, 233, 294, 528
Тютчев Ф.И. 198

У

Уатт Г. (Watt H.) 286, 287
Уваров С.С. 197
Узнадзе Д.Н. 5, 9, 205, 404, 428 -433
Уилсон Э. (Wilson E.) 485
Улисс (Одиссей) 93
Умрихин В.В. 25, 26
Уорд Дж. (Ward J.) 255
Уотсон Дж. (Watson J.B.) 323-328, 329, 334, 416, 425, 495, 551
Уотсон Р. (Watson R.) 8, 275, 278
Усов С.А. 530
Ухтомский А.А. 247, 249, 272, 414-415, 550
Ушинский К.Д. 203, 457

Ф

Фабр Ж. (Fabre J.)231
Фабри К. Э. 450
Фабриций 96
Фалес 34, 48
Фаллопий Г. 96
Фарадей М. 289, 341
Фейдимен Дж. (Feidiman J.) 336
Фейербах Л. 171, 201, 217
Ферьер А. (Ferrier A.) 222

Фестингер Л. (Festinger L.) 474
Фет А.А. 198, 542
Фехнер Г. (Fechner G.) 178, 224 - 225, 236, 260, 431, 546
Фигурин Н.Л. 276
Фидий 291
567
Филипченко Ю.А. 549
Фидлер К. 179
Филолай 48
Филон 78
Фихте ИГ. (Fichte I.G.) 168, 169, 528
Фишер К. 532
Флейвелл Дж. (Flavell J.) 487
Флоренская Т.А. 377
Флуранс П. (Flourens P.) 221
Флюгель О. (Flügel O.) 275
Фодор Дж. (Fodor J.) 154, 474
Фолькельт Г. (Volkelt H.) 339
Фолькман В.Ф. (Volkmanii W.) 180
Фонвизин Д.И. 159
Фортунатов Ф.Ф.530
Франк С .Л. 270 - 271, 272, 466 Франкл В. (Frankl V.) 466, 473, 482-485, 497
Франклин Б. 289
Фрейгер Р. (Freiger R.) 336
Фрейд А. (Freud A.) 384
Фрейд 3. (Freud S.) 14, 19, 34, 35, 196, 223, 255, 260, 300, 304, 306, 319, 355-367, 368, 371, 373, 374, 375, 376, 380, 384, 397, 399, 416, 466, 478, 482, 483, 502, 547, 548
Фресс П. (Fraisse P.) 157, 300
Фриз Я. 528
Фритч Г. (Fritsch G.) 221
Фриш К. (Frisch К.) 232
Фромм Э. (Fromm E.) 26, 33, 90, 91, 102, 122, 367, 373, 374, 378-384, 466, 483
Фрэзер Дж. (Frazer J.) 31, 234
Функ Р. (Funk R.) 378

Х

Хайдеггер М. (Heidegger M.) 479, 483
Хайдер Ф. (Heider F.) 474
Халл К. (Hull C.L.) 329 - 332
Хантер У. (Hunter W.) 328
Харре Р. (Harre R.) 475, 477
Хартер Н. (Harter N.) 302
Хилгард Э. (Hilgard E.R.) 332
Холл М. (Hall M.) 214
Холл Г.С. (Hall G.S.) 233, 240, 290, 299, 300, 358, 548
Хомская Е.Д. 441, 521, 526
Хомский Н. (Chomsky N.) 475
Хомяков А.С. 197
Хоппе Ф. (Hoppe F.) 351
Хорни К. (Homey К.) 367, 373, 374-377, 380, 466
Хофстедтер Л. (Hofstädter L.) 477
Хризипп 35, 41, 44
Хризман 548

Ц

Цвейг С. 316
Цветаев И.В. 531
Цветкова Л.С. 516, 521
Цезарь 8
Циген Т. (Ziehen T.) 183
Циглер Э. (Zigler E.) 231
Цирес А.Г. 508
Циммерман Р. 179
568

Ч

Челпанов Г.И. 209, 267-269, 278, 298, 309, 310, 312, 403, 413, 417, 418, 425, 427, 428, 465, 503 -505, 507, 508, 509, 510, 524, 525, 526, 534, 535, 536, 540, 543, 548
Чернышевский Н.Г. 198, 199, 200-202, 457
Чиж В.Ф. 240, 307
Чичерин Б.Н. 198, 531, 536

Чупров А.И. 530

Ш

Шабельников В.К. 354
Шарко Ж. (Charcot J.) 223, 294, 303-304, 356
Шванн Т. (Schwann Th.) 211
Шварц А.М. 512
Шварцман П.Я. 412
Шеварев П.А.269, 417
Шевырев С.В. 197
Шекспир У. 81, 195
Шеллинг Ф.В. (Schelling F.) 168, 169, 228, 528
Шемякин Ф.Н. 512
Шереметьевский Ф.П. 530
Шерток Л. (Chertok L.) 223
Шестов Л. 198
Шингаров Г.Х. 69
Шлейден М. (Schieiden M.) 211
Шмелев А.Г. 263, 521
Шопенгауэр А. (Schopenhauer) 242, 317, 536
ШороховаЕ.В.289
Шпет Г.Г. 205, 268-270, 465, 507, 508
Шпильрейн И.Н. 404, 406, 407, 408, 416, 417, 420
Шпильрейн СН. 417
Шпрангер Э. (Spranger E.) 319, 397-398, 400, 435, 495
Шпурцгейм И. (Spwrzheim) 220, 546
Штадлер М. (Stadler M.) 332, 344
Штейнталь Г. (Steinthal H.) 180, 204, 206, 546
Штерн В. (Stern W.) 233, 234, 290, 294, 295, 296, 297, 299, 303, 416, 429, 495
Штумпф К. (Stumpf K.) 181, 217, 255, 256
Шуберт А.М. 295
Шувалов И.И. 159
Шуман Ф. (Schumann F.) 431

Щ

Щеглов А.А. 409
Щелованов Н.М. 276
Щербатской Ф.И. 33
Щербина А.М. 525, 534
Щукина А.Г. 268, 307, 525, 549
569

Э

Эббингауз Г. (Ebbinghaus H.) 14, 183, 206, 282, 283-285, 547
Эйнштейн А. 344
Экземплярский В.М. 269, 506
Экснер 3. (Exner S.) 226
Экхарт И.Майстер (Meister Eckhart I.) 80, 90, 102
Эльконин Д.Б. 433, 440, 450, 461, 465, 484
Эмпедокл 34, 544
Энгельс Ф. 15, 20, 33, 46, 48, 86, 146, 388, 420
Энджелл Дж. (Angell J.) 240, 260, 299, 301
Энджелл Ф. (Angell F.) 240
Эпиктет 47
Эпикур 35, 36, 38 - 42, 102, 544
Эразистрат 72
Эразм Роттердамский (Erasmus Rotterodamus D.) 78, 92, 96
Эратосфен 72
Эренфельс X. фон (Ehrenfels Ch.) 255 - 256, 338, 339, 547
Эриксон Э. (Erikson E.) 384, 385
Эртель З. (Erteil S.) 344
Эфрусси П.О.210, 417, 418

Ю

Юдович Ф.И. 441
Юм Д. (Hume D.) 137, 138-149, 164, 196, 393, 528
Юнг К. (Jung K.G.) 26, 33, 196, 299, 316, 355, 358, 367, 370-373, 399, 416, 466, 550
Юнг Т. (Jung Th.) 217
Юркевич П.Д. 202, 203, 270, 503, 528

Я

Яворский С. 158

Якобсон П.М. 514, 515
Якобсон Р. (Jakobson R.) 270, 386, 492
Якунин В.А. 9, 236
Ярмоленко А.В. 277
Ярошевский М.Г. 5, 10, 23, 27, 28, 78, 249, 281, 315, 404, 412, 422, 462, 466
Ясперс К. 77
Яхода Г. (Jahoda G.) 493

СОДЕРЖАНИЕ

Введение..4

Раздел I

Развитие психологических знаний в рамках учения о душе..............29

Глава 1. Античная психология..31
Глава 2. Проблемы психологии в Средние века и эпоху Возрождения...79
Глава 3. Психология Ф.Бэкона и завершение этапа развития психологии в рамках учения о душе.........97

Раздел II

Развитие психологии в рамках философских учений о сознании.................113

Глава 1. Выделение сознания как критерия психики.......... 105
Глава 2. Оформление эмпирической психологии в философских учениях XVII в.............................. 123
Глава 3. Становление ассоциативной психологии.............. 137
Глава 4. Становление эмпирического направления во французской психологии XVIII в....................... 145
Глава 5. Психологическая мысль в России в XVIII в........... 158
Глава 6. Психологические идеи в немецкой классической философии конца XVIII — первой половины XIX в.................. 164

Раздел III

Развитие психологии как науки о сознании в период до формирования экспериментальной психологии.........173

Глава 1. Становление немецкой эмпирической психологии в первой половине XIX в..................... 175

571

Глава2. Развитие ассоциативной психологии в XIX в......... 182
Глава 3. Развитие психологии в России в XIX в................... 197

Раздел IV

Развитие естествознания и формирование естественно-научных предпосылок выделения психологии в самостоятельную науку...........203

Глава 1. Развитие физиологии нервной системы и органов чувств в XIX в..209
Глава2. Возникновение психофизики и психометрии.......224
Глава 3. Развитие эволюционных идей в биологии и их значение для психологии.................................228

Раздел V

Выделение психологии в самостоятельную науку и ее развитие до периода открытого кризиса (60-е гг. XIX в.- 10-е гг. XX в.]......237

Глава 1. Первые программы психологии как самостоятельной науки....................................239
Глава 2. Теоретическая борьба периода становления психологии как самостоятельной науки................250
Глава 3. Развитие экспериментальной и прикладных областей психологии..282

Раздел VI

Зарубежная психология периода открытого кризиса (10-е - середина 30-х гг. XX в.]..................................313

Глава 1. Кризис в психологии..315
Глава 2. Бихевиоризм...323
Глава 3. Гештальтпсихология 338
Глава 4. Глубинная психология...355
Глава 5. Французская социологическая школа...................387
Глава 6. Описательная психология.......................................392

Раздел VII

Возникновение и развитие советской психологии. Современное состояние психологии в России..............401

572

Раздел VIII

Современное состояние и важнейшие тенденции развития зарубежной психологии................................471

Заключение...498
ПРИЛОЖЕНИЯ
Преподавание психологии в Московском университете 503
Московское Психологическое Общество (1885— 1922)...... 527
Хронологический указатель...544
Именной указатель...554

Учебник для вузов
Ждан Антонина Николаевна
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ от Античности до наших дней
Компьютерная верстка
И.В. Белюсенко **Корректоры**
Н.А. Кондратович, А.В. Майкова
Художественное оформление серии выполнено
Издательством Московского университета и издательством
«Проспект» по заказу Московского университета
Художники: *В.А. Чернецов, Н.С. Шувалова*
ООО «Академический Проект»
Изд. лиц. № 04050 от 20.02.01.
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3
Санитарно-эпидемиологическое заключение Департамента
государственного эпидемиологического надзора
№77.99.02.953.Д.0086.63.11.03 от 28.11.2003г.
По вопросам приобретения книги просим обращаться
в ООО «Трикста»:
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3
Тел.: (095) 305 3702; 305 6092; факс: 305 6088
E-mail: aproject@ropnet.ru
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-093, том 2; 953000 — книги, брошюры.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.04.04
Формат 84x108/32. Гарнитура Балтика. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 30,24. Тираж 5000 экз.
Заказ № 2053.
Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
ISBN 5-8291-0439-3

МЛАДШИЙ ШКОЛЬНИК. КАК ПОМОЧЬ ЕМУ **УЧИТЬСЯ**

Учебное пособие для вузов. — 144 с, обл.

В учебном пособии рассматриваются вопросы начала пребывания ребенка в школе, как проходит процесс его адаптации к условиям школьного обучения, какие трудности при этом возникают и как взрослые могут ему помочь учиться в школе.

Лосева А.А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ОДАРЕННОСТИ

Учебное пособие для вузов. — 176 с, обл.

В пособии на основе исторического обзора представлена эволюция исследований проблем психологии одаренности. Проведен теоретический анализ современных концепций одаренности ведущих отечественных и зарубежных специалистов, представлена психологическая диагностика одаренных детей, дан обзор методов, используемых для их выявления.

Пособие предназначено для студентов педагогических вузов, преподавателей, учителей школ, воспитателей детских дошкольных учреждений и родителей.

Международные психологические конгрессы

I — 1889, Париж, Франция
II — 1892, Лондон, Англия
III — 1896, Мюнхен, Германия
IV — 1900, Париж, Франция
V — 1905, Рим, Италия
VI — 1909, Женева, Швейцария
VII — 1923, Оксфорд, Англия
VIII — 1926, Гронинген, Нидерланды
IX — 1929, Нью-Хейвен, США
X — 1932, Копенгаген, Дания
XI — 1937, Париж, Франция
XII — 1948, Эдинбург, Великобритания
XIII — 1951, Стокгольм, Швеция
XIV — 1954, Монреаль, Канада
XV — 1957, Брюссель, Бельгия
XVI — 1960, Бонн, ФРГ
XVII — 1963, Вашингтон, США
XVIII — 1966, Москва, СССР
XIX — 1969, Лондон, Англия
XX — 1972, Токио, Япония
XXI — 1976, Париж, Франция
XXII — 1980, Лейпциг, ГДР
XXIII — 1984, Акапулько, Мексика
XXIV — 1988, Сидней, Австралия
XXV — 1992, Брюссель, Бельгия
XXVI — 1996, Монреаль, Канада
XXVII — 2000, Стокгольм, Швеция
XXVIII — 2004, Пекин, КНР

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ
Председатель— *А.Р. ЛУРИЯ*
Московский университет, Отделение психологии от Международной Ассоциации научной психологии
П. ФРЕСС
Институт психологии Парижского университета, Франция

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНГРЕССА
Председатель — *А.А. СМИРНОВ*
Институт психологии Академии педагогических
наук РСФСР. Москва
СЕКРЕТАРИАТ КОНГРЕССА
Генеральный секретарь — *О.К. ТИХОМИРОВ* Московский университет. Отделение психологии
ПРЕЗИДЕНТ КОНГРЕССА
АН. ЛЕОНТЬЕВ Московский университет. Отделение психологии

Наука соединяет людей через границы школ, через границы предубеждений и симпатий, через границы наций и государств. Международное единение ученых должно напрячь все силы, дабы оградить народы от бедствий и стать залогом международного мира.
А.А. Ухтомский

Психологические съезды России
1906 — Первый Всероссийский съезд по педагогической психологии
1909 — Второй Всероссийский съезд по педагогической психологии
1910 — Первый Всероссийский съезд по экспериментальной педагогике
1913 — Второй Всероссийский съезд по экспериментальной педагогике
1916 — Третий съезд по экспериментальной педагогике
1923 — Первый Всероссийский съезд по психоневрологии
1924 — Второй Всероссийский съезд по психоневрологии
1927 — Всероссийский педологический съезд
1930 — Всесоюзный съезд по изучению поведения человека
1931 — Всесоюзный съезд по психотехнике
1931 — VII Международная психотехническая конференция в Москве
1952 — Первое Всесоюзное совещание по психологии
1953 — Второе Всесоюзное совещание по психологии
1955 — Третье Всесоюзное совещание по психологии

ТРУДЫ

Съезды Общества психологов СССР
I — 1959, Москва
II — 1963, Ленинград
III — 1968, Киев
IV — 1971, Тбилиси
V — 1977, Москва
VI — 1983, Москва
VII — 1989, Москва

Съезды РПО
1994 — Учредительный съезд РПО
1998 — Второй съезд РПО
2003 — Третий съезд РПО

Исследование процесса порождения и трансформаций личности человека в его деятельности, протекающей в конкретных социальных условиях, и является ключом к ее подлинно научному психологическому пониманию.
А.Н.Леонтьев